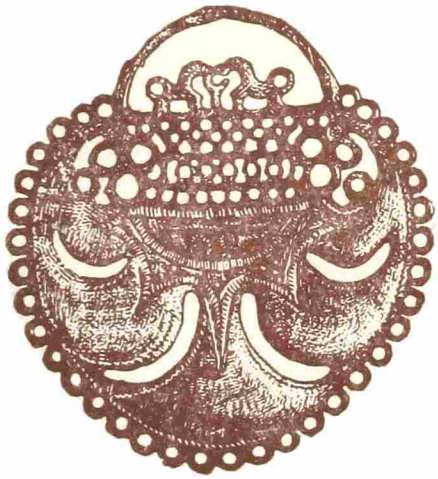
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1980

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков **(главный редактор)**

И. И. Артеменко, В. Д. Блаватский, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов **(отв. секретарь),** ***В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева*** **(зам. главного редактора),** ***А. А. Формозов***

СОДЕРЖАНИЕ

Амирханов Х. А., Аникович М. В., Борзияк И. А. (Москва, Ленинград, Кишинев). К проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа 5
Переводчикова Е. В. (Москва). Типология и эволюция скифских наверший 23
Гей О. А. (Москва). Черняховские памятники Северного Причерноморья (к постановке проблемы) 45
Плейнерова И. (Прага). О характере раннеславянских поселений пражского и корчакского типов 51
Домбровска Э. (Варшава). Проблема так называемых «великих городов» у западных славян в раннем средневековье 56
Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. (Москва, Ленинград). Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса) 67
Кызласов И. Л. (Москва). Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. 80
Чернецов А. В. (Москва). Три резных посоха XV века 94
Юшко А. А., Чернов С. З. (Москва). Из исторической географии Московской земли 116

Публикации

Сидоров В. В., Трусов А. В. (Москва). Луково озеро I — стоянка льяловской культуры 126
Сокольский Н. И. Таманский клад бронзовых орудий 144
Черных Е. Н. (Москва). О химическом составе металла Таманского клада 150
Кошылов В. П., Марченко К. К. (Ростов-на-Дону, Ленинград). Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону 155
Бадальянц Ю. С. (Рязань). Новые хронологические соответствия личных имен на родосских амфорах 161
Сарианиди В. И. (Москва). Культовый сосуд из Маргианы 167
Могильников В. А., Суразаков А. С. (Москва, Горно-Алтайск). Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил 180

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1980 г.

Швецов М. Л. (Донецк). Котлы из погребений средневековых кочевников 192
Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю. (Киев). О ремесленном производстве на киевском Подоле 203

Заметки

Бодунов Е. В., Жилин М. Г., Воробьев В. М. (Калинин, Москва). Позднемезолитическая стоянка Староконстантиновская III близ Калинина . . . 220
Петрин В. Т., Шорин А. Ф. (Свердловск). Антропоморфная скульптура эпохи бронзы с Южного Урала 226
Сагдуллаев А. С. (Ташкент). Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6 228
Федоров-Давыдов Г. А. (Москва). Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника 235
Шитова Т. Б. (Ленинград). Ближневосточная керамика IX в. из Старой Ладоги 238
Симонова Е. Н. (Будапешт). Средневековое поселение в Залавар-Резеш . . 240
Мясникова Н. В. (Калинин). К дендрохронологии Смоленска (по материалам раскопа XI по улице Соболева) 246
Белоцерковская И. В., Сапожников Н. В. (Москва). О вятичских древностях из Смоленска 251

Критика и библиография

Титов В. С. (Москва). Kalicz N., Makkay J. Die Linienbandkeramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene. Budapest, 1977 254
Семенов Г. Л., Шкода В. Г. (Ленинград). Исаков А. И. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, 1977 264
Алексеев Л. В. (Москва). Новые книги по археологии белорусских городов 269

Хроника

Козенкова В. И. (Москва). VII Крупновские чтения (Черкесск, 1977 г.) . . 275
Батчаев В. М., Керефов Б. М. (Нальчик). VIII Крупновские чтения (Нальчик, 1978 г.) 279
Памяти Отто Николаевича Бадера 286

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 2
1980

Editor-in-chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Amirkhanov Kh. A., Anikovich M. V., Borziyak I. A. (Moscow, Leningrad). On the problem of the transition from the Moustierian epoch to the Upper Palaeolithic in the Russian plain and Caucasus 5
Perevodchikova E. V. (Moscow). The typology and evolution of the Scythian pole-tops 23
Gey O. A. (Moscow). The Cherniakhovo culture sites of the North Pontic area 45
Pleinerova I. (Prague). On the character of the early Slavic settlements of the Prague and the Korchak types 51
Dąbrowska E. (Warsaw). The problem of the so-called «great towns» of the Western Slavs in the early medieval period 56
Leontyev A. E., Ryabinin E. A. (Moscow, Leningrad). The stages and forms of assimilation of the tribe Merya, mentioned in chronicles 67
Kyzlasov I. L. (Moscow). The Kypchaks and the uprising of the Yenisei tribes in the XIIIth century 80
Chernetsov A. V. (Moscow). Three carved staves of the XVth century . . . 94
Yushko A. A., Chernov S. Z. (Moscow). A contribution to the historical geography of the Moscow region 116

Publications

Sidorov V. V., Trusov A. V. (Moscow). Lukovo ozero I — a site of the Lyalovo culture 126
Kolski N. I. The Tamanian hoard of bronze artifacts 144
Chernykh E. N. (Moscow). About chemical composition of the metal of the Tamanian hoard 150
Kopylov V. P., Marchenko K. K. (Rostov-at-Don, Leningrad). Hand-made pottery of the Elizavetovskoye cemetery at Don 155
Badalyants Yu. S. (Ryazan). On the chronological position of some personal names at the Rhodes amphoras 161
Sarianidi V. I. (Moscow). A ritual vessel from Margiana 167
Mogilnikov V. A., Surazakov A. S. (Moscow, Gornoaltaysk). Archaeological investigations in valleys Borotal and Alagil 180
Shvetsov M. L. (Donetsk). Coppers from burials of the medieval nomads . . 192
Gupalo K. N., Ivakin G. Yu. (Kiev). On the handicraft production of the Podol in ancient Kiev 203

Notes

Bodunov E. V., Zhilin M. G., Vorobyev V. M. (Kalinin, Moscow). The late mesolithic site Starokonstantinovskaya III near Kalinin 220
Petrin V.T., Shorin A. F. (Sverdlovsk). The Bronze Age antropomorphous sculpture from the Southern Urals 226
Sagdullaev A. S. (Tashkent). The excavations of the ancient Bactrian site Kyzylcha 6 228
Fedorov-Davydov G. A. (Moscow). The late Sarmathian bimetallic dagger from the Baranovski cemetery 235
Shitova T. B. (Leningrad). The IXth century Near Eastern pottery from Staraya Ladoga 238
Simonova E. N. (Budapest). The medieval settlement Zalavar-Rezes . . . 240
Myasnikova N. V. (Kalinin). On the dendrochronology of Smolensk (on the materials of section XI at the Sobolev street) 246
Belotserkovskaya I. V., Sapozhnikov N. V. (Moscow). On the antiquities of Vyatichi from Smolensk 251

Reviews and bibliography

Titov V. S. (Moscow). Kalicz N., Makkay J. Die Linienbandkeramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene. Budapest, 1977 254
Semenov G. L., Shkoda V. G. (Leningrad). Isakov A. I. The citadel of the ancient Pendzhikent. Dushanbe, 1977 264
Alekseev L. V. (Moscow). The new books on the archaelogy of the Byelorussian cities 269

Chronicle

Kozenkova V. I. (Moscow). The VII Krupnov memorial conference (Cherkessk, 1977) 275
Batchaev V. M., Kerefov B. M. (Nalchik). The VIII Krupnov memorial conference (Nalchik, 1978) 279
To the memory of O. N. Bader 286

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.01.80 Подписано к печати 21.03.80 Т-05249 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. 25,2+1 вкл. Уч.-изд. л. 29,1 Бум. л. 9,0 Тираж 3577 экз. Зак. 2706

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Х. А. АМИРХАНОВ, М. В. АНИКОВИЧ, И. А. БОРЗИЯК

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА ОТ МУСТЬЕ К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОЙ РАВНИНЫ И КАВКАЗА

Проблема перехода от мустье к верхнему палеолиту представляет собой одну из важнейших проблем современной исторической (в широком смысле слова) науки, поскольку в ней как в фокусе сосредоточиваются наиболее спорные и острые вопросы, уводящие в философию истории: когда и как происходило становление человеческого общества, где лежит начало человеческой истории и что под этим началом следует понимать и т. д.?

Мы считаем, что успешное решение этих вопросов невозможно без всестороннего и углубленного анализа археологических данных — единственных непосредственных свидетельств, оставшихся от эпохи становления Homo sapiens. Не случайно поэтому крупные обобщающие работы, посвященные происхождению человечества, в которых археологические источники привлекаются для подтверждения отдельных постулатов (зачастую — бессистемно и недостаточно квалифицированно), несмотря на свою внутреннюю логичность, не встречают поддержки среди палеолитоведов.

Ответственность за это не следует целиком возлагать на Б. Ф. Поршнева, Ю. И. Семенова и других исследователей, выдвинувших целостные гипотезы становления человеческого общества с привлечением данных самых различных дисциплин. Беда в том, что первобытная археология как наука сама еще находится в стадии становления и зачастую оказывается бессильной не только соотнести свои данные с данными других наук, дать надежно обоснованные исторические или социологические выводы, но даже убедительно увязать между собой результаты, достигнутые двумя различными археологическими методами: типологическим и трасологическим. Поэтому, обращаясь к проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту по данным археологии, следует учитывать как глубину и сложность стоящей задачи, так и узость, недостаточность современных методов для ее конечного решения.

Цели настоящей работы ограничены. Мы пытаемся выделить среди восточноевропейских верхнепалеолитических стоянок наиболее надежные и показательные для подхода к поставленной проблеме, отметить их некоторые положительные и отрицательные стороны как источников, указать на отдельные пути их исследования. При этом мы основываемся на материалах наиболее богатых и наиболее изученных районов сосредоточения верхнепалеолитических стоянок. Таковыми являются: Костенковско-Боршевский район (среднее течение Дона), Днестровско-Карпатский регион и Кавказ.

Сравнительно недавно при господстве стадиальной концепции развития техники и форм каменных орудий казалось, что мустьерские индустрии по своему археологическому облику однообразны и всегда хорошо отличимы от верхнепалеолитических и что по крайней мере на террито-

рии Европы верхнепалеолитическое население проходило через ряд последовательно сменявших друг друга стадий или ступеней социального развития, отразившегося в наборе каменного и костяного инвентаря.

Вследствие неравномерности исторического развития одни группы племен могли проходить через соответствующую стадию раньше, другие позднее [1], т. е. при строгом подходе и в рамках стадиальной концепции не следовало смешивать понятия «памятники одной стадии» и «памятники одного возраста», но на практике это почти не учитывалось, датировка памятников по их археологическому облику применялась повсеместно. Для того чтобы выделить древнейшие верхнепалеолитические индустрии, достаточно было указать на их «ориньякский», реже «солютрейский» облик (в зависимости от того, как понималась ранняя стадия развития верхнепалеолитической техники), в особенности если «ориньякские» формы орудий сопровождались «мустьерскими» (скреблами, остроконечниками и пр.). Утвердившаяся в советской археологии концепция археологических культур исходит из того, что специфические технические приемы и формы орудий отражают не только стадии социального развития, но в первую очередь культурные, этнографические особенности. Археологический облик одновременных, но разнокультурных памятников может быть резко различным. Поэтому при установлении их возраста на первый план выступают данные стратиграфии, дополняющиеся другими данными: палеонтологии, палеогеографии, методов абсолютного датирования и собственно археологическими. Когда палеолитический памятник по той или иной причине геологически слабо изучен и не связывается в культурном отношении со стоянками, датированными стратиграфически, предположения о его возрасте на основании только технико-морфологического анализа кремневого инвентаря требуют большой осторожности.

Нуждается в уточнениях понятие «архаизм каменной индустрии» в применении к европейским верхнепалеолитическим памятникам. Мы считаем, что среди верхнепалеолитических технических приемов и форм орудий невозможно выделить безошибочно более или менее архаичные, так как в различных и разновременных археологических культурах они могут давать самые разнообразные сочетания. Архаичными элементами в данном случае могут считаться лишь технические приемы и формы орудий, в массе характерные для нижнепалеолитических памятников, но сочетающиеся в одном комплексе с верхнепалеолитическими элементами.

В настоящее время, однако, совершенно не достаточно простого указания на такое сочетание, необходимо установить роль и значение этих элементов в конкретных индустриях. В качестве простейшего приближения к решению этого вопроса мы выделяем три основных варианта или степени архаизма. 1. Архаичные элементы в комплексе играют ведущую роль, они в большом количестве прослеживаются как в технике первичной и вторичной обработки, так и в наборе орудий; типологически устойчивее чем верхнепалеолитические (однако последние не должны при этом быть единичными, случайными). Индустрии подобного рода характеризуются как переходные; при отсутствии геологических данных их зачастую невозможно разграничить на мустьерские и верхнепалеолитические. 2. Архаичные элементы составляют устойчивую, выразительную часть комплекса, сочетаясь с количественно богатыми и типологически выразительными техническими приемами и формами орудий верхнего палеолита. Датировка подобных комплексов без должного геологического обоснования непременно начальной порой верхнего палеолита может быть и ошибочной: в отдельных археологических культурах архаичные элементы даже в виде устойчивого комплекса могли существовать в течение длительного периода, выражая не хронологический этап, но опре-

[1] *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту бассейна Дона.– МИА, № 121, 1963. с. 122, 123.

деленные традиции. Примеры такого рода будут приведены нами ниже. 3. Архаичные элементы представлены разнородными и маловыразительными единичными формами, составляющими ничтожную часть верхнепалеолитического инвентаря. Подобного рода находки, как отмечалось в литературе [2], могут появляться в самых различных по возрасту верхнепалеолитических стоянках и не являются показателем тех или иных связей с мустье, хотя и могут выступать в отдельных случаях в качестве одного из культуроопределяющих элементов. Индустрии, обладающие первой и второй степенью архаизма, независимо от их возраста одинаково важны для решения проблемы перехода от мустье к верхнему палеолиту.

Не менее важны индустрии, датирующиеся начальной порой верхнего палеолита, независимо от их археологического облика. Сложность состоит в том, что эти индустрии не всегда имеют «переходный» характер, мы согласны с Г. П. Григорьевым, что становление верхнего палеолита в Европе проходило по-разному: в одних археологических культурах путем постепенного, иногда очень длительного изживания мустьерских технических приемов и форм орудий, в других — смена мустьерских традиций верхнепалеолитическими происходила настолько быстро, что проследить этот переход чрезвычайно трудно [3]. Ярким примером такого рода является ориньякская культура, одна из древнейших культур Западной Европы, характеризующаяся тем не менее с самого начала своего существования вполне развитыми верхнепалеолитическими техническими приемами и орудиями.

Таким образом, мы не отождествляем между собой индустрии, относящиеся к начальной поре верхнего палеолита (их археологический облик не обязательно должен быть архаичным в нашем понимании) и верхнепалеолитические индустрии архаичного облика (они не обязательно должны датироваться начальной порой верхнего палеолита), но считаем и те и другие важными источниками для установления связей с мустьерской эпохой.

Обратимся к рассмотрению конкретных верхнепалеолитических стоянок Восточной Европы. На Среднем Дону, в Костенковско-Боршевском районе находится хорошо известная группа многослойных верхнепалеолитических стоянок. Их относительный возраст определяется на основании стратиграфии верхнеплейстоценовых отложений данного района; древнейшие костенковские памятники (по А. Н. Рогачеву — первая хронологическая группа [4]) залегают в так называемой нижней гумусированной толще, под линзами вулканического пепла. А. Н. Рогачев относит эти памятники к началу верхнего палеолита, ряд других исследователей (П. И. Борисковский, А. А. Величко, Г. П. Григорьев, П. П. Ефименко) датируют их более поздним временем.

Проблема состоит в установлении геологического возраста нижней гумусированной толщи. Несмотря на явную переотложенность гумусированных прослоек, в их строении на всей территории Костенковско-Боршевского района наблюдаются общие закономерности [5], указывающие на существование каких-то циклов в накоплении гумусированных толщ. Судя по спорово-пыльцевым данным, полученным для разных разрезов,

---

[2] *Борисковский П. И.* Ук. соч., с. 119.

[3] *Григорьев Г. П.* Селет и костенковско-стрелецкая культура.– СА, 1963, № 1, с. 9.

[4] *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине.– МИА, № 59, 1957.

[5] *Величко А. А.* Стоянка Спицына (Костенки XVII) и ее значение для решения основных вопросов геологии Костенковско-Боршевского района.– МИА, № 121, 1963; *Аникович М. В.* Строение верхней гумусированной толщи в с. Костенки и относительный возраст залегающих в ней стоянок.– В сб.: Палеэкология древнего человека. М., 1977.

за время накопления гумусированных суглинков происходили значительные изменения растительности и климата [6], позволяющие соотносить это время не со сравнительно кратким отрезком времени (29—25 тыс. лет), обычно принимаемым для брянского интерстадиала, выделенного А. А. Величко, а с более длительным периодом, характеризующимся неустойчивым климатом, неоднократными сменами периодов потепления и похолодания. Этими чертами обладает выделяемое некоторыми авторами средневалдайское межледниковье [7] («молого-шекснинское», «гражданский проспект»).

Наиболее надежная абсолютная дата, полученная по образцу древесного угля из культурного слоя Ia Костенок XII, приуроченного к основанию верхнего гумуса (II хронологическая группа): 32 700±700 (GRN — 7758), также говорит о более древнем возрасте костенковских стоянок, залегающих в гумусированных суглинках. Исходя из этой даты, стратиграфически еще более древние стоянки, залегающие в нижней гумусированной толще (I хронологическая группа), датируются древнее 32 тыс. лет, т. е. относятся к начальной поре верхнего палеолита. Оговоримся, что окончательное установление возраста древнейших костенковских стоянок еще впереди; в частности, полученная дата требует неоднократной проверки.

С археологической точки зрения, стоянки I хронологической группы относятся к двум археологическим культурам: костенковско-стрелецкой (Костенки XII, III культурный слой и Стрелецкая II) и спицынской (Костенки XVII, слой II; возможно, Костенки XII, слой II) [8].

Ранний этап стрелецкой культуры лучше всего характеризуется материалами III слоя Костенок XII, так как инвентарь Стрелецкой II намного беднее и, возможно, смешан. Нижний культурный слой Костенок XII — памятник с индустрией, обладающей ярко выраженными мустьерскими чертами со следующими особенностями: полное отсутствие призматической техники раскалывания; преобладание в числе заготовок осколков плиток и отщепов. В технике вторичной обработки — наличие односторонней занозистой и двусторонней плоско-выпуклой ретуши, практически полное отсутствие «вертикальной» ретуши, резцового скола и чешуйчатой подтески. В наборе орудий (рис. 1, *11—20*) — количественное преобладание и большая типологическая выразительность «мустьерских» форм (скребла, остроконечники, «кэнсоны», заготовки с прямоусеченными концами, ряд двусторонних листовидных орудий, например асимметричные изделия с суженными концами, обработанные плосковыпуклой ретушью, листовидные острия с массивным основанием — всего 30 экз., или 29% от общего количества орудий) по сравнению с «верхнепалеолитическими» (скребки, резец, «pièces écaillées», треугольные наконечники с вогнутым основанием и наконечник типа «лист тополя» — всего 27 экз., или 26% [9]). При этом один резец и два «pièces écailées» — случайные, атипичные изделия. Скребки разнородны, грубы; подобные орудия обычны и в мустьерских комплексах. В мустье появляются впер-

---

[6] *Федорова Р. В.* Природные условия в период обитания верхнепалеолитического человека в районе с. Костенок Воронежской области.— МИА, № 121, 1963.

[7] *Заррина Е. П.* Стратиграфия и геохронология позднего плейстоцена Северо-Запада Европейской части СССР. Автореф. канд. дис. Таллин, 1971, с. 22—24.

[8] К I хронологической группе относятся также Костенки VIII, слой IV и Костенки XIV слой IV, но собранные материалы слишком бедны. Стратиграфическое положение V слоя Костенок I в настоящее время остается неясным — есть основания сомневаться в его принадлежности к нижней гумусированной толще. См.: *Борисковский П. И.* Очерки по палеолиту..., с. 115; *Аникович М. В.* Ук. соч.

[9] Остальные 48 изделий со вторичной обработкой (ретушированные отщепы, плитки с приостренным краем, некоторые единичные формы) могут одинаково часто встречаться как в мустьерских, так и в верхнепалеолитических комплексах. Подробнее см.: *Аникович М. В.* Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки.— В сб.: Проблемы палеолита Центральной и Восточной Европы. Л., 1977.

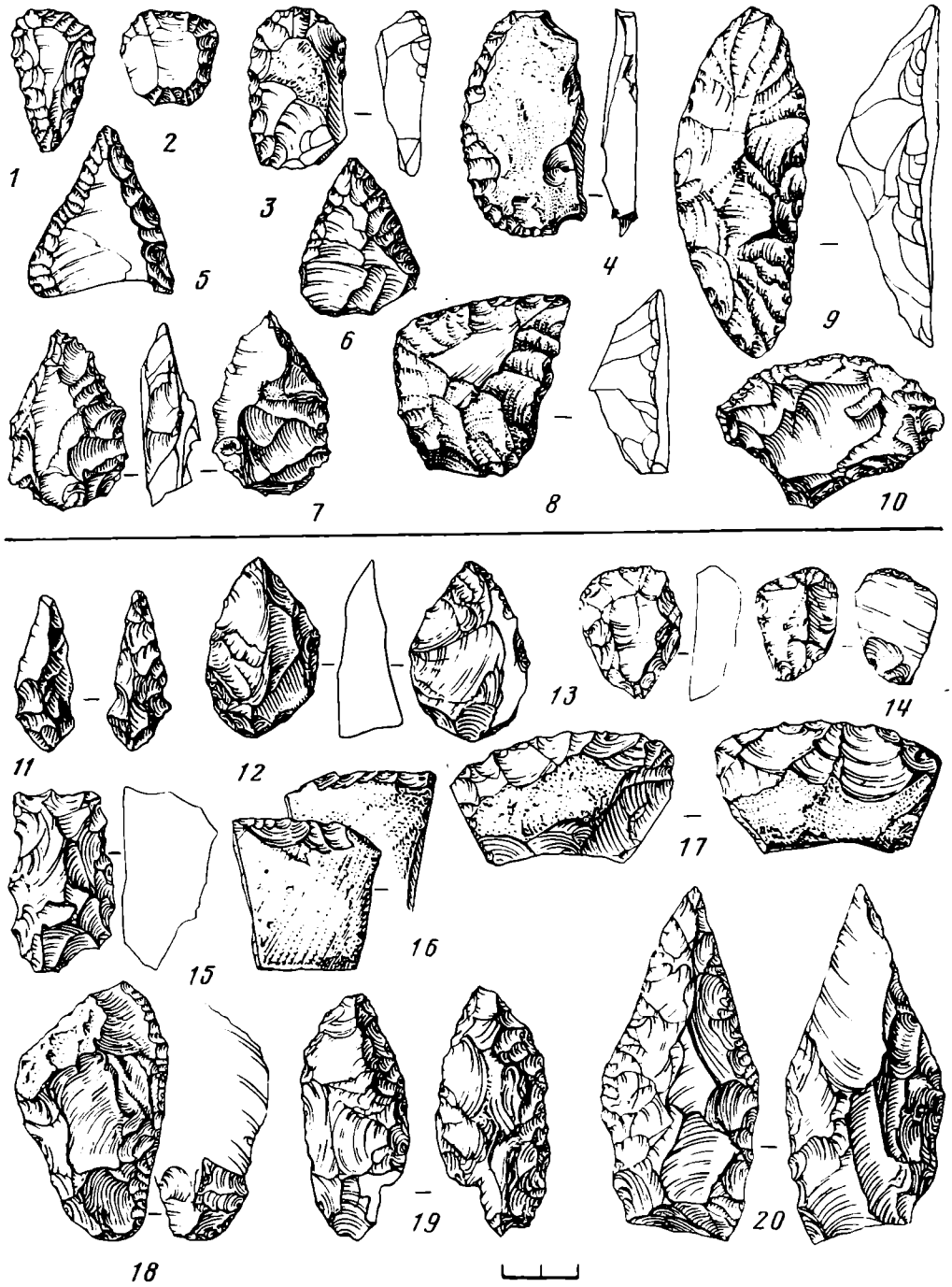


Рис. 1. Костенки XIV, слой II (*1—10*); Костенки XII, слой III (*11—20*). *1—3*, *13*, *14* — скребки; *4*, *8*, *10*, *17*, *18* — скребла; *5*, *6*, *20* — остроконечники; *7*, *12*, *19* — двусторонне обработанные орудия архаического облика; *9* — лимас; *11* — «кэнсон»; *15* — «тронке»; *16* — плитка с прямым режущим краем

вые и наконечники с вогнутым основанием, в том числе имеющие линзовидное сечение [10]. Таким образом, как справедливо полагал А. Н. Рогачев [11], архаизм инвентаря III слоя Костенок XII не сводится к отдельным «случайным» элементам, но является важнейшей характеристикой индустрии этого слоя во всех ее основных аспектах. По своему археоло-

[10] *Кетрару Н. А., Борзияк И. А.* Палеолитическая стоянка в гроте Тринка III.— АИМ в 1973 г. Кишинев, 1974, с. 3–12.

[11] *Рогачев А. Н.* Ук. соч., с. 71.

гическому облику это едва ли не самый архаичный памятник из всех верхнепалеолитических стоянок Русской равнины.

Стоянки спицынской культуры, стратиграфически одновременные III слою Костенок XII, не обнаруживают в инвентаре мустьерских элементов. Их индустрии характеризуются призматической техникой раскалывания, ограниченным набором технико-морфологических групп орудий (резцы, скребки, «pièces écaillées», острия), среди которых преобладают резцы (160 экз. или около 53% от общего количества орудий). Из них абсолютное большинство составляют боковые (Костенки XVII, II слой). Последнее обстоятельство наряду с полным отсутствием архаичных элементов, развитой техникой сверления уже использовалось в литературе для доказательства относительно позднего возраста стоянок I хронологической группы [12].

Выше мы уже отмечали, что относительная «развитость» каменной индустрии верхнепалеолитического памятника, в частности отсутствие в ней мустьерских элементов, сама по себе еще не является убедительным хронологическим показателем. Для определения возраста нижнего культурного слоя Костенок XVII (основного памятника спицынской культуры) решающее значение имеет его залегание в нижней гумусированной толще, которую, как указывалось, есть основания датировать древнее 32 тыс. лет.

Таким образом, в Костенковско-Боршевском районе памятники I хронологической группы относятся к начальной поре верхнего палеолита. Среди них спицынская культура представляет собой случай раннего и быстрого изживания в инвентаре мустьерских традиций, в то время как хорошо выраженный архаичный комплекс технических приемов и форм орудий в индустрии III слоя Костенок XII позволяет искать конкретные связи между раннестрелецкими и мустьерскими индустриями.

Другой источник для установления генетических связей с мустье — памятники более поздней городцовской археологической культуры (верхняя гумусированная толща, II хронологическая группа), содержащие в инвентаре наряду с развитыми верхнепалеолитическими формами комплекс архаичных орудий [13]. Особенно показателен II культурный слой Костенок XIV (рис. 1, *1—10*). В его инвентаре около 30% орудий составляют скребла, остроконечники, лимасы и диски, зубчато-выемчатые формы, хорошо выраженные, дифференцирующиеся на типы. Но они сопровождаются значительным количеством скребков и «pièces écaillées» (вместе около 50%), отдельными резцами, проколками, а также богатым костяным инвентарем, включающим прекрасно орнаментированные изделия. Таким образом, индустрия этого памятника в целом значительно менее архаична по сравнению с III культурным слоем Костенок XII. Архаичный комплекс II слоя Костенок XIV по ряду показателей отличен от архаичного комплекса стоянок стрелецкой культуры. Так, в нем отсутствуют двусторонние листовидные орудия, изделия с прямоусеченными концами, кэнсоны, но имеются лимасы, диски, остроконечники со скребковой ретушью основания, которых нет ни в III слое Костенок XII, ни в других памятниках стрелецкой культуры. Городцовские скребла отличаются от стрелецких наличием различных вариантов двулезвийных, двойных конвергентных скребел, сочетающихся со скребковой ретушью конца заготовки. Отличаются и формы остроконечников. Все это, возможно, свидетельствует о происхождении городцовской и стрелецкой верхнепалеолитических культур из различных вариантов мустье. Сложность конкретного решения данного вопроса состоит в том, что в бассейне Среднего Дона или в ближайших окрестностях нет совокупности мустьер-

[12] *Борисковский П. И.* Ук. соч., с. 118—120.

[13] По Г. П. Григорьеву, к ним относятся Костенки XII, I культурный слой; Костенки XIV, II культурный слой, Костенки XV. См.: *Григорьев Г. П.* Верхний палеолит.— МИА, № 166, 1970, с. 48.

ских памятников, среди которых можно было бы искать связующие звенья с костенковским палеолитом. Для стрелецкой культуры наиболее вероятный район поисков мустьерских предшественников очерчивается отдельными находками треугольных наконечников с вогнутым основанием или близких по форме орудий в мустьерских стоянках Крыма (Староселье), Кубани (Ильская), Молдавии (III культурный слой грота Тринка III). Для городцовской культуры поиски генетических связей с мустье — дело будущего.

Для юго-запада Русской равнины, т. е. для Днестровско-Карпатского региона до сих пор нет единой стратиграфической схемы позднеплейстоценовых отложений с привязкой памятников палеолита, хотя работы в этом направлении начаты [14]. Разработанные для молодовских стоянок стратиграфические колонки И. К. Ивановой [15] имеют огромное значение, однако соотнесение с ними других памятников палеолита региона затрудняется сложной стратиграфией позднечетвертичных отложений, которые для остальной территории региона остаются практически нерасчлененными и недостаточно изученными. Поэтому говорить об относительном и абсолютном возрасте описываемых ниже стоянок намного сложнее по сравнению с костенковскими памятниками.

Однако в отличие от Костенковско-Боршевского района здесь имеются не только верхнепалеолитические памятники с комплексом архаичных орудий, но и большое количество мустьерских стоянок, подразделяющихся по характеру инвентаря на различные варианты. Это дает большие возможности для поисков конкретных путей перерастания мустье в верхний палеолит. Советские и зарубежные исследователи неоднократно касались этой проблемы в той или иной связи, хотя специально ее не рассматривали. Так, П. И. Борисковский и А. П. Черныш выделяли на данной территории группу ранних верхнепалеолитических памятников. Но П. И. Борисковский, полагая, что для территории бассейнов Днестра и Прута в позднепалеолитических комплексах мустьерские формы орудий нехарактерны, тем самым как бы отрицал генетическую связь мустьерских и позднепалеолитических памятников региона, а предположение А. П. Черныша о генетической связи древнейших верхнепалеолитических памятников Поднестровья с мустье типа нижних слоев Молодово I и V недостаточно обосновано фактическим материалом [16].

Из советских исследователей палеолита наиболее близко подошел к решению отдельных сторон этой проблемы Н. А. Кетрару, а из зарубежных — М. Битири. По Н. А. Кетрару, инвентарь нижнего слоя грота Брынзены I содержит элементы, восходящие к мустье типичному и к мустье в леваллуазской фации типа индустрии грота Бутешты. Наличие листовидных орудий как в индустрии грота Бутешты, так и в памятниках зубчатого мустье объясняет сходство индустрий Бубулешты VI и Брынзены I между собой, а также с памятниками селета Центральной Европы [17].

Румынский исследователь М. Битири выделила пласт ранних позднепалеолитических памятников в Румынской Молдове, в бассейнах Прута и Бистрицы. Обычно эти памятники определяются как ориньякские, а не-

[14] *Грищенко М. Н.* Материалы по геологической характеристике некоторых археологических памятников в пещерах и гротах Северо-Западной Молдавии.– «Охрана природы Молдавии», 1969, № 7, с. 135–145.

[15] *Иванова И. К.* Геологические условия нахождений палеолитических стоянок Среднего Приднестровья.– Тр. КИЧП, 1959, т. XV.

[16] *Борисковский П. И.* Палеолит Украины.– МИА, № 40, 1953, с. 412; *Черныш А. П.* Поздний палеолит Среднего Поднестровья.– Тр. КИЧП, 1959, XV; *его же.* Палеолит и мезолит Приднестровья. М., 1973, с. 26.

[17] *Кетрару Н. А.* Палеолитические и мезолитические местонахождения бассейна р. Реут.– В сб.: Антропоген Молдавии. Кишинев, 1969, с. 24–88; *его же.* Палеолитическая стоянка в гроте Бутешты.– «Охрана природы Молдавии», 1970, № 8, с. 113–132; *его же.* Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта МССР, вып. 1. Кишинев, 1973, с. 71–73.

которые из них — Миток-Валя Изворулуй, нижний слой стоянки Четэцика I — считаются переходными от мустье типа нижних слоев Рипичени-Извор [18].

Итак, большинство исследователей указывают на связи позднего палеолита региона с местным мустье, однако при выделении самых ранних верхнепалеолитических памятников пока нет единства взглядов на конкретные пути такого перехода.

При подходе к данной проблеме остановимся вначале на характеристике различных вариантов мустье, выделяемых в Днестровско-Карпатском регионе. В разные годы исследователи выделили здесь следующие варианты мустье: 1) мустье обыкновенное в леваллуазской фации; 2) микромустье зубчатое двустороннее в примитивной фации; 3) дуруиторско-мерсынский вариант мустье; 4) мустье двустороннее в леваллуазской фации [19]. Почти в каждом из перечисленных вариантов выделяются позднемустьерские памятники, которые мы будем учитывать в первую очередь при сравнении с верхнепалеолитическими индустриями.

Мустьерские слои среднеднестровских стоянок Молодово I и V, относящихся к мустье обыкновенному в леваллуазской фации, А. П. Черныш связывает с наиболее ранними стоянками молодовской культуры. Однако данную культуру, не обнаруживающую мустьерских черт, даже в самых ранних, по А. П. Чернышу, комплексах (Бабин I, нижний слой) трудно увязать с каким бы то ни было вариантом мустье. Убедительных археологических аргументов в пользу гипотезы А. П. Черныша привести невозможно, а одного факта существования на одной территории позднемустьерских и ранних верхнепалеолитических стоянок для утверждения их генетической связи, по нашему мнению, совершенно недостаточно. Не находят продолжения характерные черты мустье обыкновенного в леваллуазской фации и в других верхнепалеолитических стоянках рассматриваемого региона.

Микромустье зубчатое двустороннее в примитивной фации характеризуется инвентарем стинковских стоянок на Среднем Днестре; I—VII слоев грота Буздужаны I в Попрутье; стоянками Пенинсула, Салинь в Добрудже [20]. По нашему мнению, этот вариант мустье генетически связан с позднепалеолитическими памятниками типа Климауцы I, Брынзены III, Буздужаны II.

Согласно Н. К. Анисюткину, индустрия нижнего слоя Стинки I характеризуется протопризматической техникой расщепления, сочетающейся с незначительной долей леваллуазских заготовок (индекс леваллуа 3, 7). В наборе орудий преобладают зубчато-выемчатые формы (вместе составляют около 35% от всего набора орудий), имеются типично мустьерские скребла и остроконечники, леваллуазские острия, «верхнепалеолитические» изделия (преимущественно скребки). В целом характерно наличие довольно значительного числа специфических форм орудий [21]. Н. К. Анисюткин исчерпывающе доказал генетическую связь нижнего слоя Стинки I с верхним, относящимся, очевидно, уже к финальному мустье. В этом слое при той же технике расщепления по-прежнему велика доля зубчато-выемчатых орудий, сопровождающихся зубчатой сопряженной группой (стамескообразные, клювовидные резаки и др.). Скребки (высо-

---

[18] *Bitiri M.* Cu privire la începuturile paleoliticului superior în România.— SCIV, 1965, 1, № 16, p. 9.

[19] В целом при перечислении вариантов мустье мы следуем В. Н. Гладилину. См.: *Гладилин В. Н.* Антоновская мустьерская культура и ее место в раннем палеолите Восточной Европы. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 21, 22.

[20] *Анисюткин Н. К.* Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре.– АСб. ГЭ, 1969, вып. II, с. 5—17; *Circiumaru M., Mogoşanu Fl., Păunescu Al.* Unele consideraţii privind paloeliticul mijlociu din Dobrogea.— «Pontica», 1972, V.

[21] *Анисюткин Н. К.* Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите.– СА, 1973, № 1, с. 228–234.

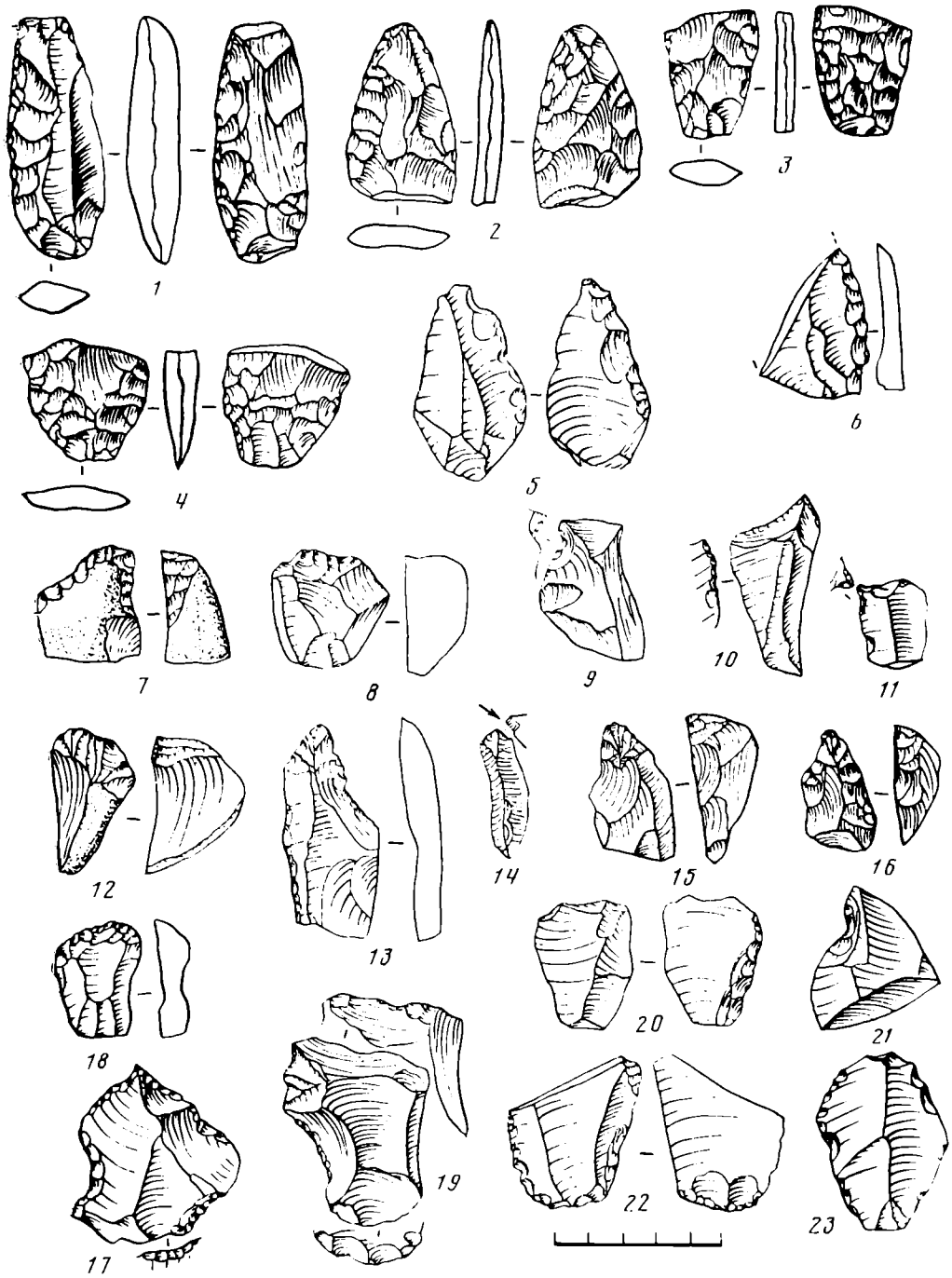


Рис. 2. Каменные орудия верхнего слоя Стинки I (по Н. К. Анисюткину). *1—4* — бифасы; *5*, *6*, *20* — скребла; *7*, *8*, *12*, *15*, *16*, *18* — скребки; *9*, *11* — клювовидные резаки; *10*, *13* — острия; *14* — резец; *17*, *21*, *23* — зубчато-выемчатые орудия; *19*, *22* — стамескообразные орудия

кие, узкие, ладьевидные) уже численно преобладают над скреблами. Появляются микропластины с ретушью. Специфичны двусторонние орудия — как правило, узкие, с округлым основанием (рис. 2).

Из сопоставляемых с данным вариантом мустье, сходных по технико-типологическим показателям верхнепалеолитических памятников, охарактеризуем инвентарь стоянки Климауцы I как наиболее богатый и выразительный. Для индустрии этой стоянки характерна та же техника первичного раскалывания, но с уменьшением в числе заготовок доли левал-

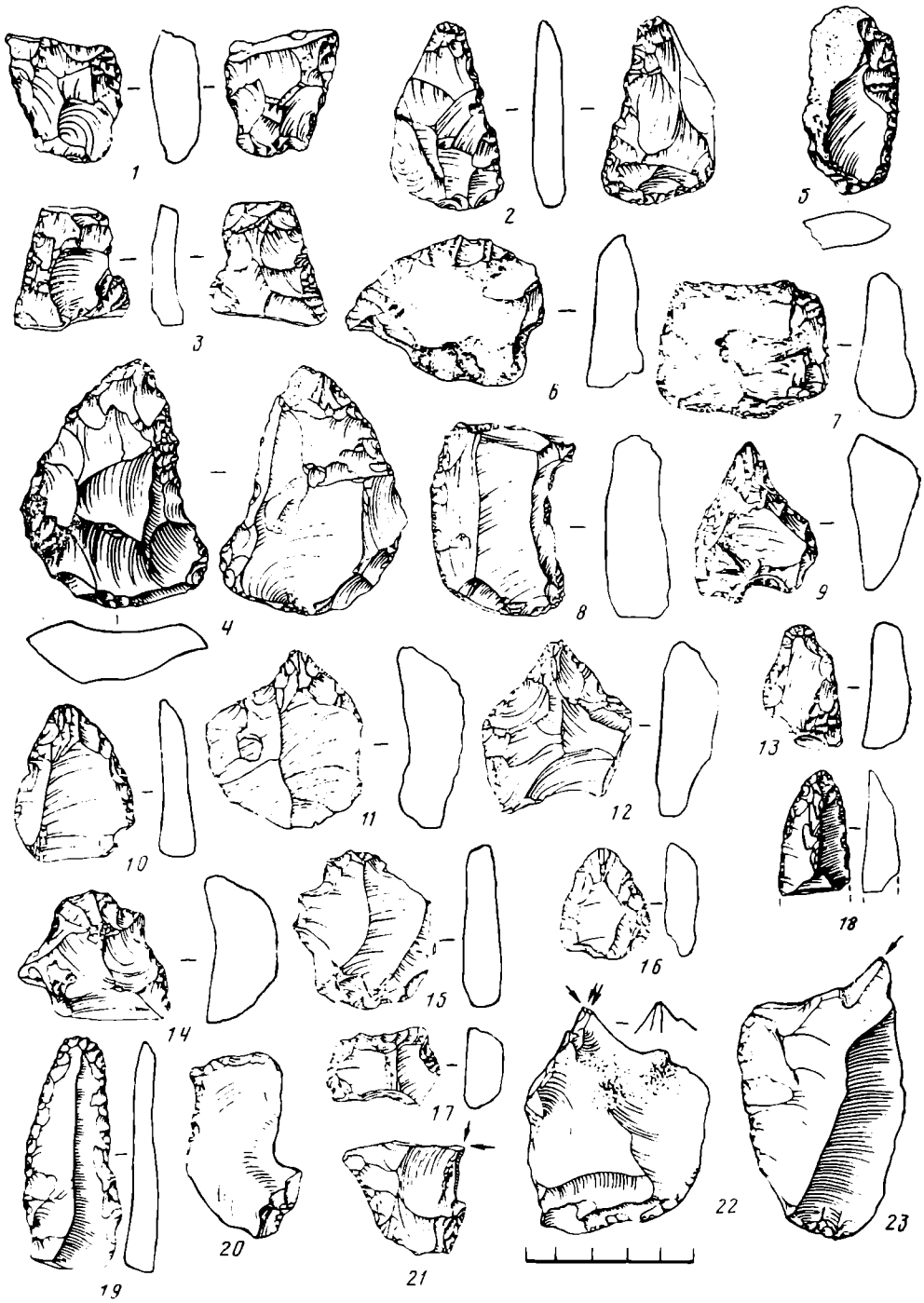


Рис. 3. Каменные орудия стоянки Климауцы I. *1—4* — бифасы; *5—8* — скребла; *9—19* — скребки; *20* — клювовидный резак; *21—23* — резцы

луазских отщепов и увеличением количества пластин, причем в отличие от Стинки I здесь налицо удлиненные с правильной огранкой спинки экземпляры. По-прежнему большинство орудий (252 экз., или 48% от общего числа) составляют зубчато-выемчатые формы, среди которых имеются почти все типы и разновидности, встреченные как в комплексах Стинки I, так и в других памятниках, включенных в этот же вариант мустье. Среди других изделий отметим наличие бифасов «стинковского» типа, близкие формы скребков (нуклевидные, каренэ, ладьевидные, клювовидные, à museau), орудия единичных форм, включая пять пластин с

притупленным краем. По-прежнему присутствуют скребки, но доля их опять-таки уменьшается (17 экз., или 3,24%). Впервые появляются резцы (рис. 3). Таким образом, несмотря на отличия, сводящиеся в основном к ослаблению архаичных и усилению верхнепалеолитических элементов комплексов, можно говорить о генетическом родстве рассмотренных индустрий, несмотря на то, что Стинковские стоянки — мустьерские, а Климауцы I — верхнепалеолитическая. Сходство между ними дополняется однородностью используемого сырья, близкими техническими показателями (индексы пластинчатости, леваллуа, фасетажа ударных площадок и пр.), а также некоторыми более частными элементами оформления отдельных орудий.

Двустороннее мустье в леваллуазской фации (нижние слои стоянки Рипичени-Извор, грот Бутешты [22]) характеризуется леваллуазской техникой расщепления с небольшой примесью протопризматических ядрищ, обилием скребел (полукина, поперечные, продольные, двусторонние), остроконечников — как леваллуазских, так и мустьерских, наличием разнообразных двусторонних форм, низким процентом зубчато-выемчатых орудий [23]. В технике вторичной обработки показателен специфический прием утоньшения заготовок (рис. 4). Мы вслед за М. Битири полагаем, что к памятникам этого типа восходят комплексы таких позднепалеолитических стоянок, как Миток-Валя Изворулуй, Четэцика I, нижний слой (рис. 6). Для индустрии стоянки Миток-Валя Изворулуй характерен архаизм в технике первичного раскалывания: дисковидные, протопризматические, аморфные нуклеусы, отдельные сколы леваллуа. Среди скребел наблюдается элемент утоньшения с брюшка, листовидные наконечники крупнее стинковских и более тщательно обработаны.

Процент зубчатых орудий несколько выше, чем в указанных мустьерских комплексах, однако они оформлены не на массивных заготовках (как в Стинке I), а на пластинчатых; отдельные из них напоминают зубчатые орудия из грота Бутешты. Указанное сходство индустрии данной стоянки с описанными мустьерскими памятниками позволяет нам считать их генетически связанными. Подобное же сходство, с небольшими исключениями, обнаруживают и другие позднепалеолитические памятники региона: Четэцика I, нижний слой и др.

Третий путь сложения верхнепалеолитической индустрии — на основе двух вариантов мустье: мустье зубчатого двустороннего и мустье двустороннего в леваллуазской фации — прослеживается в комплексах стоянок Бубулешты VI и Брынзены I (рис. 5). В индустриях обеих этих стоянок наблюдается сочетание обычных верхнепалеолитических орудий: скребков, резцов, острий на пластинах, с выразительным набором архаичных форм: скребел, ножей с естественным обушком, остроконечников, бифасов, ничем не отличающихся от орудий эпохи мустье. Группа архаичных орудий составляет в комплексах Бубулешты VI и Брынзены I соответственно 38 и 46% от всего набора инвентаря. С памятниками мустье зубчатого двустороннего их связывает высокий (свыше 27%) процент зубчато-выемчатых орудий, с тем же набором специфических форм, что и в памятниках типа Стинка I. С памятниками мустье двустороннего в леваллуазской фации их связывает наличие леваллуазских пластин и отщепов (7%), специфический прием утоньшения заготовки с брюшка, некоторые формы бифасов (рубильца), и листовидные наконечники подтреугольной формы и др.

Итак, в Днестровско-Карпатском регионе намечается по крайней мере три различных пути постепенного перехода от мустьерских индустрий к верхнепалеолитическим. Разумеется, это только предварительные, спор-

---

[22] *Кетрару Н. А.* Палеолитическая стоянка в гроте Бутешты...

[23] *Păunescu Al.* Sur la succesion des habitats paléolithiques et postpaléolithiques de Ripiceni-Izvor.— «Dacia», 1965, № 9.

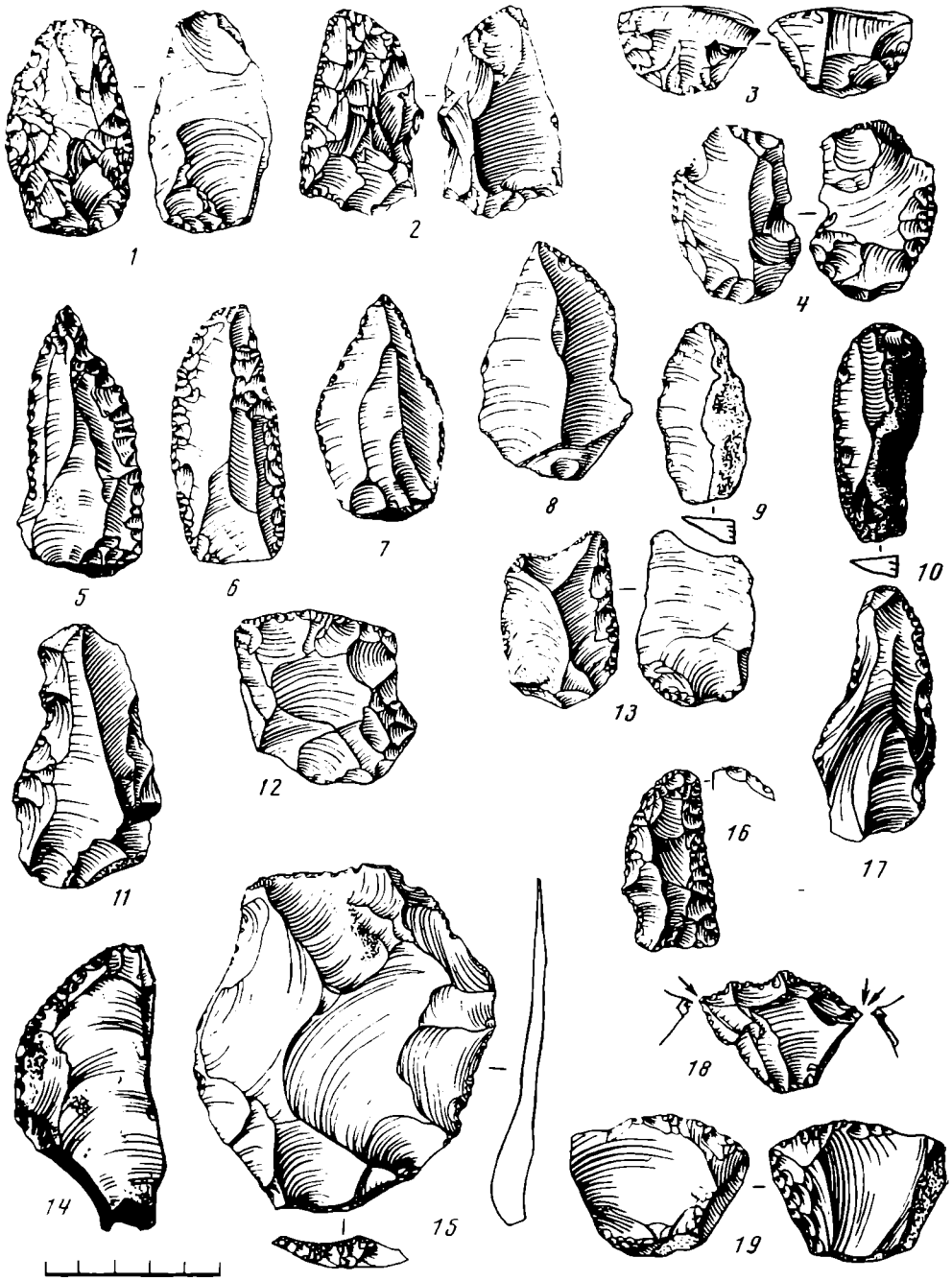


Рис. 4. Каменные орудия мустьерской стоянки в гроте Бутешты (по Н. А. Кетрару). *1—4* — бифасы; *5*, *7*, *8* — острия; *9*, *10* — ножи с естественной спинкой; *6*, *11—14*, *16*, *17*, *19* — скребла; *15* — отщеп леваллуа с ретушью; *18* — зубчатое орудие

ные предположения и их проверка и уточнение — дело будущих исследований.

Перейдем теперь к территории Кавказа. Отметим сразу, что работы по геологической датировке пещерного палеолита только начаты и результаты их или очень общи [24] для геохронологического подразделения

[24] *Муратов В. М., Фриденберг Э. О.* Палеогеографические интерпретации рыхлых отложений пещер Западного Кавказа.— В сб.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974.

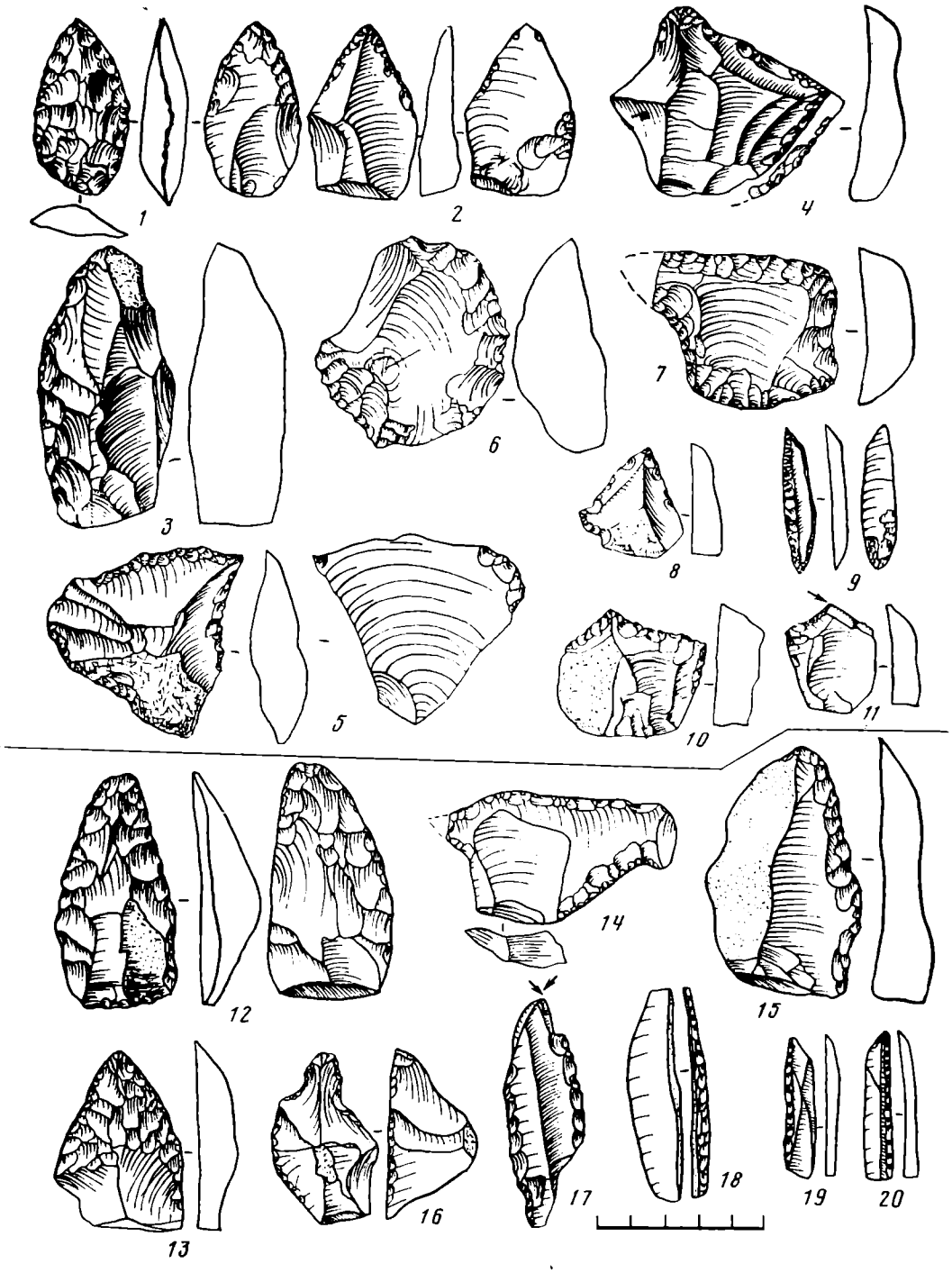


Рис. 5. Каменные орудия верхнепалеолитических стоянок Бобулешты IV (*1—11*) и слоя III грота Брынзены I (*12—20*) (по Н. А. Кетрару). *1*, *12* — бифасы; *2*, *13* — остроконечники; *3—5*, *6*, *7*, *14*, *15* — скребла; *8* — острие; *9*, *18—20* — пластины с притупленным краем; *10*, *16* — скребки; *11*, *17* — резцы

верхнего палеолита, или недостаточно фундированы [25]. С другой стороны, в отличие от территории Днестровско-Карпатского региона на Кавказе меньше типологически стыкующихся между собой мустьерских и верхнепалеолитических памятников. Таким образом, ранние верхнепалеолитические памятники Кавказа трудно выделить с той точностью, какую допу-

[25] *Kozłowski J. K.* Górny paleolit w kraiach zakaukaskich i na bliskim wschodzie.— In: Prace Komisji archeologicznej oddzialu PAN w Krakowie, 1970, № 9.

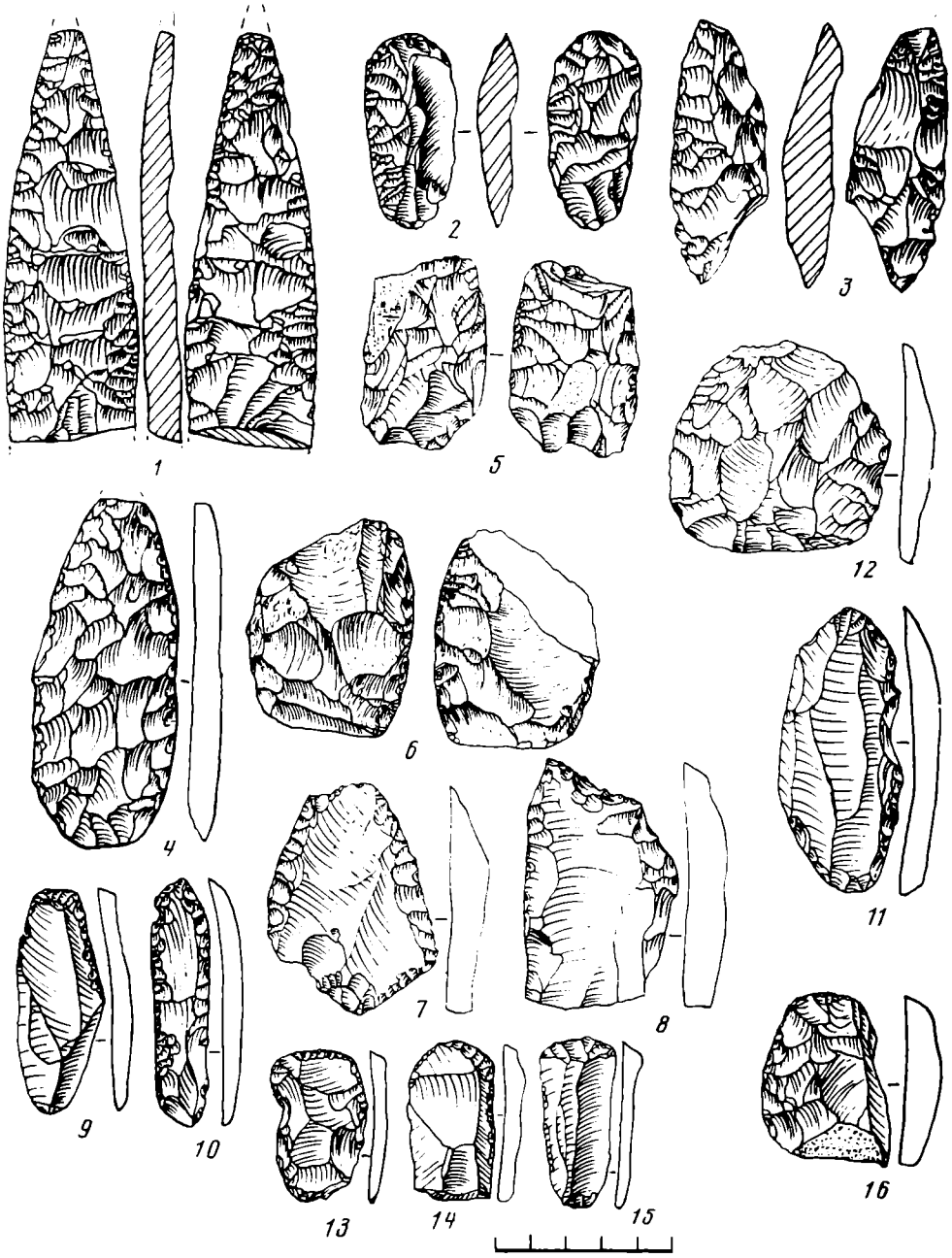


Рис. 6. Каменные орудия верхнепалеолитических стоянок Миток Валя Изворулуй (*1—3, 6*), Ын Поноаре (*4*), Истецика I (*5, 7—16*) (по М. Битири, Н. Морошану и К. С. Николаеску-Плошпору). *1—6* — бифасы; *7, 8, 11, 12* — скребла; *9, 13—16* — скребки; *10* — пластина с ретушью по всему контуру

скает стратиграфический метод датировки, и пока практически невозможно проследить конкретные пути перерастания определенных мустьерских культур или отдельных памятников в определенные верхнепалеолитические культуры. Поэтому, разрешая поставленные здесь задачи, мы исходим из того, что дальнейшие исследования имеющихся памятников и новые открытия значительно дополнят наши представления.

Вопрос о членении верхнего палеолита Кавказа и выделении здесь ранневерхнепалеолитических памятников раньше всего и обстоятельнее всего был решен С. Н. Замятниным [26]. Однако в 60-х годах наметилась

[26] *Замятнин С. Н.* Палеолит Западного Закавказья– Сб. МАЭ, XVIII, 1957.

тенденция к пересмотру его представлений в плане критики положения об однолинейности эволюции верхнего палеолита и в направлении уточнения хронологических этапов этой эволюции. Эти новые поиски выразились сначала в выделении на территории Грузии наиболее поздних мустьерских памятников, которые можно было бы отнести к древнейшей фазе верхнего палеолита. Именно так были квалифицированы Н. З. Бердзенишвили в 1964 г. материалы слоя I — А Сагварджиле, слоя II Чахатской пещеры и Морго. С этими памятниками было синхронизировано также и Хергулис-клде [27]. Указанные стоянки предлагалось тогда считать первой («постмустьерской», «зачаточной») фазой верхнего палеолита Грузии. Ко второй фазе, датируемой, как и первая, ранней порой позднего палеолита, тогда же были отнесены слой I—В Сагварджиле, Тарокlде и др. В 1972 г. Н. З. Бердзенишвили несколько пересмотрела эти представления. Из числа памятников древнейшей фазы верхнего палеолита Грузии был справедливо исключен явно мустьерский памятник Морго, а Хергулис-клде было отнесено уже ко второй фазе наряду с другими, главным образом вновь открытыми памятниками: Амткельская пещера, Самерцхле-клде, Дзудзуана и, предположительно, нижний слой Окумской пещеры [28]. Дальнейшее изучение конкретных материалов показало отсутствие каких-либо оснований для увязки с начальной порой верхнего палеолита и инвентаря слоя II Чахатской пещеры. Видимо, к подобному выводу приходит и сама З. Н. Бердзенишвили, говоря о рассматриваемом инвентаре в одной из своих последних работ как о мустьерском [29]. В древнейшей фазе верхнего палеолита Грузии, стало быть, остается только нижний слой Сагварджиле, но опубликованных по этому памятнику данных [30] недостаточно, чтобы сделать определенный вывод о его возрасте. Во всяком случае присутствие в нижнем слое Сагварджиле отдельных субстратовых верхнепалеолитических форм (скребки на мустьерских отщепах, резцы, некоторые острия) не является достаточным основанием для датировки этого инвентаря началом верхнего палеолита, так как подобные изделия нередко встречаются и в раннепалеолитических комплексах. Таким образом, комплексы «древнейшей» фазы верхнего палеолита Грузии оказываются или явно мустьерскими, или спорными.

Не все бесспорно и в отношении памятников второй (по Н. З. Бердзенишвили) фазы, которые вследствие вышесказанного должны были бы считаться наиболее ранними среди других закавказских верхнепалеолитических стоянок. Я. Козловский считает, что материалы Хергулис-клде и Таро-клде являются механической смесью мустьерских и верхнепалеолитических комплексов. Но совсем недавно новые раскопки Хергулис-клде подтвердили единовременность происходящего оттуда материала [31]. У нас нет, следовательно, убедительных данных считать, что иначе обстояло дело и с материалами Таро-клде. Таким образом, мы не видим пока достаточных оснований для пересмотра положений С. Н. Замятнина об относительной датировке этих двух памятников ранней порой верхнего палеолита.

Иначе обстоит дело с памятниками Дзудзуана и Самерцхле-клде. Обнаруживая тесную типологическую близость между собой, эти памятники

---

[27] *Бердзенишвили Н. З.* Новый памятник каменного века в ущелье Цхалицителa (на груз. яз.). Тбилиси, 1964.

[28] *Бердзенишвили Н. З.* К вопросу о начальной стадии верхнего палеолита Грузии.— В сб.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972, с. 42.

[29] *Бердзенишвили Н. З.* Нижнепалеолитические остатки в окрестностях г. Кутаиси.– МАГК, VI, 1974, с. 23, 24.

[30] *Киладзе Н. З.* Результаты полевых работ Дзеврской археологической экспедиции 1952 г.– В сб.: Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1952 г. Тбилиси, 1953, с. 21, 22.

[31] *Дочанашвили Г. П.* Палеолитический материал из Хергулис-клде (1967–1968 гг.),– МАГК, VI, 1974, с. 51.

по некоторым признакам отличаются от стоянок имеретинской культуры. Наиболее существенным из этих различий является мизерное содержание в инвентаре двух названных памятников пластинок с притупленным краем. Расценивая указанное обстоятельство как показатель архаичности инвентаря, Н. З. Бердзенишвили отнесла оба памятника к ранней поре (вторая фаза) верхнего палеолита. Другие авторы склонились к объяснению особенностей этих памятников их культурным своеобразием и вывели на основе Дзудзуаны и Самерцхле-клде отдельную локальную группу [32]. Поэтому ранневерхнепалеолитический возраст Дзудзуаны и Самерцхле-клде, по-видимому, нужно считать проблематичным.

Таким образом, с той степенью вероятности, какую это позволяет датировка на основе типологического метода, к ранней поре верхнего палеолита из закавказских памятников могут быть отнесены нижний слой Сагварджиле, Хергулис-клде, Таро-клде, Амткельская пещера и, может быть, нижний слой Окумской пещеры. Из северокавказских памятников, с теми же основаниями, что и названные выше стоянки, ранней порой верхнего палеолита датируется Каменномостская пещера [33]. Датировавшийся ранним этапом верхнего палеолита инвентарь VI слоя Чохской стоянки в свете новых работ представляется более молодым [34].

Относительно путей перехода мустьерских индустрий в верхнепалеолитические в литературе по палеолиту Кавказа имеются лишь общие указания и, пожалуй, одно конкретное допущение о вызревании индустрий Дзудзуаны и Самерцхле-клде на основе мустье типа Джручулы [35]. Наиболее результативный шаг в вопросе о взаимоотношении мустье и верхнего палеолита Кавказа сделал А. А. Формозов. Им обосновано положение о концентрации в эпоху мустье на Кавказе памятников без двусторонне обработанных орудий и отражении этой картины в верхнем палеолите данного региона [36]. Однако для рассматриваемого здесь вопроса это положение довольно общо. Из него с несомненностью следует лишь автохтонность верхнего палеолита Кавказа в целом.

Недавно было убедительно доказано наличие в кавказском мустье археологических культур, и на основе их изучения В. П. Любиным был сделан важнейший для первобытной истории Кавказа вывод о том, что «поверхность Кавказа в эпоху мустье была уже не только картой физической или зоогеографической, но и этнографической» [37].

Мы допускаем возможность более тонких увязок мустьерских культур с верхнепалеолитическими, в частности — постепенное перерастание конкретной мустьерской культуры в верхнепалеолитическую, с сохранением на ранних этапах позднего палеолита ее опознавательных черт. Это, разумеется, не отрицает существования отмеченного выше общего влияния кавказского мустье на все производные от нее верхнепалеолитические культуры в целом. На территории Европейской части СССР в настоящее время для подобных увязок наиболее надежен, как мы отмечали, Днестровско-Карпатский регион.

---

[32] *Тушабрамишвили Д. М.* Итоги работ в Квирильском ущелье.– АО – 1967. М., 1968, с. 229; *Ниорадзе М. Г.* Пещера Самерцхле-клде и верхний палеолит Западной Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1968.

[33] *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965; *его же.* Каменномостская пещера – многослойная стоянка в Прикубанье.– МИА, № 173, 1971; *его же.* Палеолитические стоянки в пещерах Прикубанья.– КСИА АН СССР, № 98, 1964.

[34] *Амирханов Х. А.* Новые исследования Чохской стоянки.– АО – 1974. М., 1975.

[35] *Тушабрамишвили Д. М.* Итоги работ археологических экспедиций в Квирильском ущелье в 1969 г.– В сб.: Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси, 1971, с. 138; *Бердзенишвили Н. З.* К вопросу о начальной стадии..., с. 42.

[36] *Формозов А. А.* Проблема локальных различий в древнем палеолите СССР.– СА, 1958, № 1, с. 42, 43.

[37] *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Автореф. док. дис. М., 1975, с. 45.

Проблемы перехода от мустье к верхнему палеолиту труднее всего решать на основе отдельных стоянок, изолированных территориально и в культурном отношении. Приведем наиболее показательный, с нашей точки зрения, пример. Находящаяся в Украинском Полесье Радомышльская стоянка ныне единодушно определяется как один из древнейших восточноевропейских памятников верхнего палеолита, несмотря на полное отсутствие геологических данных по этому вопросу. Единственным основанием такой датировки остается каменный инвентарь, характеризующийся хорошо выраженными ориньякскими чертами (высокие формы скребков и острий на пластинах, пластины с ретушью по обводу, преобладание многофасеточных резцов) в сочетании с отдельными архаичными в нашем понимании элементами: отдельными дисковидными нуклеусами, скребками, остроконечниками [38]. Однако в рамках позднего палеолита Восточной Европы хорошо известны стоянки с «ориньякоидными» чертами, датирующиеся средней и даже поздней порой верхнего палеолита (Костенки I, слой II, Рашков VII—XIII [39]). Что касается архаичных изделий — их процент по отношению ко всему набору инвентаря очень незначителен; судя по рисункам, эти орудия достаточно разнородны, не дают устойчивых серий [40]. Учитывая сказанное, мы не считаем убедительной датировку Радомышля непременно началом верхнего палеолита. С таким же успехом этот памятник может быть более молодым, например синхронным тому же второму слою Костенок XIV. Это не умаляет значения Радомышля как одного из своеобразнейших и богатейших верхнепалеолитических памятников Восточной Европы и не исключает возможность привлечения его материала к решению проблемы сложения верхнего палеолита данного региона. Однако до определения его культурной принадлежности, уточнения возраста, специального анализа архаичного комплекса инвентаря и сравнения его с архаичными комплексами других верхнепалеолитических стоянок для последующих поисков возможных связей с определенными мустьерскими индустриями можно говорить лишь в самом общем виде о своеобразии радомышльской каменной индустрии, о переживании в ней архаичных (мустьерских) традиций.

Итак, на территории Русской равнины и Кавказа есть достаточное количество стоянок, на основе которых может и должен решаться вопрос о происхождении и становлении верхнепалеолитических археологических культур. Решающее значение при этом имеют памятники (мустьерские и верхнепалеолитические), сосредоточенные компактной группой на ограниченной территории. Пути к решению этой проблемы — как определение и уточнение возраста соответствующих стоянок, так и многосторонний анализ их кремневого инвентаря. Такого рода подготовительная работа в настоящее время не завершена даже в наиболее изученном Костенковско-Боршевском районе и, пожалуй, наиболее далека от завершения на территории Кавказа. Выполнение этой работы, по нашему мнению, является одной из важнейших задач советских археологов-палеолитоведов.

---

[38] *Шовкопляс И. Г.* Палеолітична стоянка Радомішль.— Археологія, 1964, № 16.
[39] *Григорьева Г. В.* Позднепалеолитическая стоянка Рашков VIII.— СА, 1974, № 3.
[40] *Шовкопляс И. Г.* Ук. соч.

Kh. A. Amirkhanov, M. V. Anikovich, I. A. Borziyak

ON THE PROBLEM OF THE TRANSITION FROM THE MOUSTIERIAN EPOCH TO THE UPPER PALAEOLITHIC IN THE RUSSIAN PLAIN AND CAUCASUS

Summary

The article deals with the archaeologic aspects of the transition from the Moustierian epoch to the Upper Palaeolithic at the Russian Plain and Caucasus. The authors make an attempt to trace genetic links between some upper palaeolithic industries and the moustierian, where it is possible. More accurate definition of the early upper palaeolithic sites, the comparative analysis of the archaic features in the technology and morphology of the sites of different cultures and chronology let the authors say, that one way of this transition (evolutionary) was based on the overcoming of archaic traditions and the replacement of them by new ones. This shows, that some moustierian culture could gradually develop into the new upper palaeolithic culture. This seems to be reflected in some industries of the Dnestr-Carpathian region. Besides this some general (mainly technological) peculiarities of the local moustierian culture influence upon the upper palaeolithic cultures of some regions. This is seen more clearly, and relates also to the cases, when this transition was not gradual, but spasmodic. The authors give special attention to the source studies and methodological questions. It lets the authors critisize the datings of some sites, traditionally related to the early upper palaeolithic.

Е. В. ПЕРЕВОДЧИКОВА

ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ СКИФСКИХ НАВЕРШИЙ

Скифскими навершиями принято называть предметы неизвестного назначения [1], встречающиеся в курганах скифского времени. Навершия юга Восточной и Центральной Европы, являющиеся предметом рассмотрения в данной статье, отличаются следующими признаками: прорезной бубенец (или подвешенные колокольчики), втулка или стержень для крепления на древке и изображение, увенчивающее вершину предмета. Типология скифских наверший до сих пор не была предметом специального исследования, хотя в литературе отмечаются особенности отдельных их групп.

Еще А. А. Бобринский разделил навершия по принципу наличия или отсутствия «полой груши» [2] (бубенца), не пытаясь связать это разделение с какими-либо факторами. Следующий шаг сделан М. И. Ростовцевым, отметившим некоторые хронологические и локальные черты наверший: для кубанской группы (VI—V вв. до н. э.) [3] характерен полый бубенец (исключение составляют ульские навершия) [4], для днепровской (IV—III вв. до н. э.) [5] — плоские ажурные навершия [6]. С этой же стороны подходит к навершиям В. А. Ильинская, разбирающая материал по определенным территориальным и хронологическим группам (ранняя — VI — начало V в.— Прикубанье и Посулье, и поздняя — V—IV вв., разделенная на кубанский, посульский и степной варианты) [7]. Характерная черта всех ранних наверший — прорезной бубенец. Поздние прикубанские вещи без бубенца, с головой оленя на втулке; посульские — с биконическими бубенцами и изображением оленя наверху; степные составляют три группы: с вытянутыми бубенцами с фигурами птиц, плоские ажурные без бубенца и с изображением женской фигуры [8].

В предлагаемой статье предпринимается попытка классификации и на ее основе построения типологической эволюции наверший.

В основание классификации положен ряд признаков, характеризующих в основном конструкцию наверший и отчасти изображения на них. Все эти признаки, будучи различными по природе (как и любые признаки вообще) [9], проявляются по-разному и в разной степени существенны при классификации.

---

[1] По этому вопросу существует ряд точек зрения, однако в данной статье они разбираться не будут, поскольку здесь эта проблема не затрагивается.

[2] *Бобринский А. А.* Курганы и случайные находки близ м. Смелы. СПб. 1901, с. 67 (далее везде – Смела, III).

[3] *Rostowzew M.* Skythien und der Bosporus, Bd 1, Berlin, 1931, S. 291.

[4] *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 335, 336.

[5] *Rostowzew M.* Op. cit., S. 364.

[6] *Ростовцев М. И.* Ук. соч., с 436.

[7] *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники.– Археологія, XV. Київ, 1963, с. 42–47.

[8] Там же, с. 47, 48.

[9] *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975, с. 30–34.

Таблица 1

Корреляционная таблица типообразующих признаков

Бубенец	1	2	3	4	5	Прорези 6	Прорези 7	8	9	10	11	12
1		Роменский у. 1 Межиречка 1 Кр. Знамя 2 Четук 1 Somhid 1	Ульский 3	Ульский 1					Gerny-eszeg 1	Бухарестский музей 3		
2		Старшая М. 2 Александропольский 2 Гайманова Могила 2 Szurdokpüspöki 1	Волковцы 2 Чернигов 1 Роменский у. 1 Mihalyfa 4		Краснокут-Gyöngyös ский 2 » 4 6 М. Лепатиха 4 Чертомлык 2 Одесский музей 2			Nagytarca 3				
3							Аксютинцы 4	Волковцы 4				Келермес 2 Махошевская 1 Межиречка 1 Поповка 2
4	Келермес 1 все железные	Волковцы 1										
5	Келермес 4 » 2		Волковцы 2 » 2 Будки 2							Роменский у. 1	Роменский у. 1	
6	Келермес 7 Махошевская 2 Губская 4											

Условные обозначения к корреляционной таблице

Форма бубенца:

1 — колоколовидная; 2 — биконическая (максимальный диаметр в нижней трети высоты); 3 — биконическая (максимальный диаметр приблизительно на середине высоты); 4 — овальная; 5 — грушевидная; 6 — шаровидная.

Форма, величина и расположение прорезей:

1 — линзовидные; 2 — высокие треугольные; 3 — треугольные вершинами вверх в шахматном порядке: верхний ряд — высокие, нижний — низкие; 4 — каплевидные в таком же порядке; 5 — высокие в форме «ласточкина хвоста»; 6 — друг под другом: верхний ряд — высокие в форме «ласточкина хвоста», нижний — низкие треугольные вершинами вниз; 7 — низкие в форме «ласточкина хвоста»; 8 — низкие треугольные в два ряда в шахматном порядке вершинами вверх; 9 — низкие в шахматном порядке: верхний ряд — треугольные вершинами вверх; нижний — треугольные вершинами вверх и каплевидные вершинами вниз: 10 — низкие каплевидные в два ряда в шахматном порядке вершинами вверх; 11 — низкие друг под другом вершинами вверх: верхний ряд — треугольные, нижний — каплевидные; 12 — низкие треугольные в два ряда друг под другом основаниями друг к другу.

Наиболее важным является наличие или отсутствие бубенца, так как в этом случае речь идет о наличии одной из основных функциональных частей навершия. По этому принципу материал разделен на две большие группы, которые в свою очередь делятся на типы. В группе наверший без бубенца они определяются на основе сочетания сюжета изображения, формы сечения втулки и ее профиля.

Для группы наверший с бубенцами важны прежде всего форма бубенца и комбинация признаков прорезей (т. е. их формы, величины и расположения). Корреляция этих признаков (табл. 1) дает ряд устойчивых сочетаний. Этот факт, а также характер изменения их в ходе эволюции наверший позволяют считать эти сложные признаки выразителями как собственно традиции, так и ее развития во времени. При этом традиция как таковая лучше всего прослеживается по признакам прорезей и нефункциональным элементам формы бубенцов, что, впрочем, естественно для любых признаков подобного рода [10].

Материал изготовления и способ крепления вряд ли стоит считать типообразующими признаками, если принимать за тип не любую классификационную группу, а лишь реально существовавшую, которая при этом осознавалась как таковая самими древними [11]. В этом случае следует признать, что, создавая образ звенящего животного с прорезным туловом, думали прежде всего о том, как это животное выглядит, а уже затем — из чего оно сделано и посредством чего насажено на древко. Это подтверждается в большинстве случаев недиагностическим характером этих признаков; лишь внутри одного типа выделяются варианты по материалу изготовления.

Форма втулки довольно однообразна при общем многообразии форм наверший, что находит объяснение в утилитарном характере этой детали. Но в некоторых случаях этот признак сочетается с определенной формой бубенца и комбинацией прорезей, тем самым являясь одним из признаков типа, в одном случае составляет основу для деления типа на два варианта.

Остальные признаки, не являясь существенными, тем не менее заслуживают упоминания. Так, петли для подвешивания колокольчиков —

---

[10] *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971, с. 18; *его же.* К методике атрибуции среднеазиатской торевтики.— СА, 1976, № 1, с. 209.

[11] *Грязнов М. П.* Классификация, тип, культура.— В сб.: Теоретические основы советской археологии (тезисы докладов на теоретическом семинаре ЛОИА АН СССР I—IV 1970 г.). Л., 1969, с. 19; *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Ук. соч., с. 45.

логически поздний признак (функция бубенца дублируется, а затем переносится на колокольчики). Массивные петли на втулке, назначение которых не выяснено, встречаются в основном на поздних навершиях.

Что касается стилистических признаков изображений на навершиях, то они так же разнородны, как и конструктивные, и также подчиняются определенным закономерностям.

Далее излагаются собственно результаты классификации: типы и их признаки. Не имея возможности перечислить все навершия, входящие в каждый тип, помещаем ниже сводную таблицу, в которой они будут сгруппированы согласно классификации.

Навершия без бубенцов распадаются на три типа (по форме сечения втулки и сюжету изображения): I (рис. 1, *1—9*) — навершия с изображением головы животного на цилиндрической втулке круглого или овального сечения (19 экз); II (рис. 2) — навершия с изображением фигур в рост на втулке прямоугольного или подпрямоугольного сечения, расширяющейся книзу (32 экз); и III (рис. 1, *10, 11*) — навершия с несколькими ветвями (3 экз.).

При выделении типов среди наверший с бубенцами приходится прибегать к более сложному сочетанию признаков: прежде всего формы бубенца и комбинации признаков прорезей (связь их нашла отражение в 12 вариантах сложного признака «комбинация прорезей» — см. табл. 1). В результате проведенной корреляции получено восемь (IV—XI) типов.

IV тип (рис. 3, *1—8*) — навершия с шаровидными бубенцами с высокими линзовидными прорезями (13 экз.) — делится на два варианта [12] по оформлению верха: с прочерченным геометрическим знаком (рис. 3, *1—6*) или со скульптурой оленя в рост (рис. 3, *7—8*). Втулка во всех случаях круглого сечения.

V тип (рис. 4) — навершия с бубенцами вытянутых округлых форм (овальные, грушевидные) с высокими прорезями — насчитывает 27 экз. и делится на два варианта по материалу изготовления. Бубенцы железных наверший (рис. 4, *1—5*) с высокими линзовидными прорезями выкованы из четырех полос и укреплены на кованом же стержне. Бронзовые навершия (рис. 4, *6—9*) — с овальными или грушевидными бубенцами с высокими линзовидными или треугольными прорезями [13], снабжены втулкой круглого сечения (в некоторых случаях со вставленным железным стержнем), увенчаны головами грифонов или хищных птиц, выполненными в круглой скульптуре.

VI тип (рис. 3, *9—12*) — навершия с бубенцами «равносторонних» форм (овальной, биконической) с двумя рядами треугольных прорезей, расположенных основаниями друг к другу (строго друг под другом или слегка смещенно). У всех наверший (7 экз.) [14] втулка круглого сечения.

VII тип (рис. 5) — навершия с колоколовидными бубенцами на втулке круглого сечения (15 экз.) — делится на два варианта по комбинации прорезей. У 11 наверший (рис. 5, *1—7*) на стенках колокольчика

---

[12] Следует предупредить, что при выделении вариантов за основу берутся разные признаки ввиду большого разнообразия материала.

[13] Видимо, в данном случае форма прорезей не имела большого значения, важно, что они высокие (об этом же говорит: 1 – связь формы прорезей с формой бубенца – на овальных бубенцах нет треугольных прорезей; 2 – некоторая небрежность их исполнения).

[14] В это число не включено так называемое «навершие» с такой же комбинацией прорезей из Венгерского Национального музея, по традиции помещенное в существующие своды наверший (*Іллінська В. А.* Ук. соч., с. 48, рис. 7, *2*; *Bākāy K.* Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. Budapest, 1971, p. 23, fig. 4, *2*). Эта вещь, как уже отмечено К. Бакаи, является подвеской (Ibid., p. 29). Для нее можно указать значительную серию четких аналогий в соответствующей категории вещей (*Bouzek J.* Openwork «bird-cage» bronzes.— In: The European Community in Later Prehistory. Studies in honour of C. F. C. Hawkes. Lnd., 1971, p. 79–104).

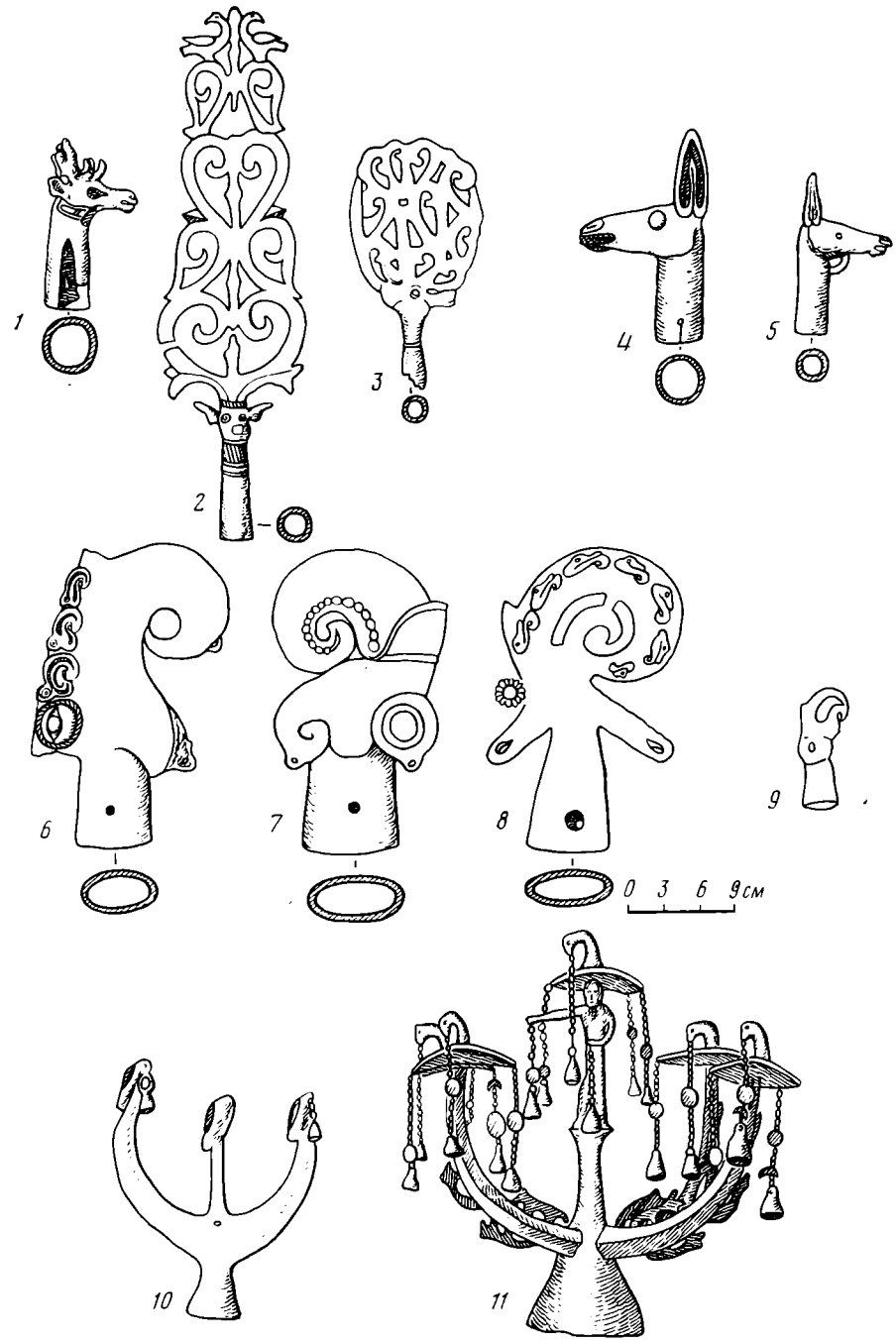


Рис. 1. Навершия I (*1—9*) и III (*10, 11*) типов. *1* — Майкопский музей (*Ильинская В. А.* Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев.— СА, 1967, № 4, с. 296, рис. 2); *2* — Новочеркасский музей (там же, с. 297, рис. 4); *3* — Анап-курган (ОАК за 1900 г. СПб., 1901, с. 37, рис. 96, 97); *4* — Келермес, кург. 1 (ОАК за 1904 г. СПб., 1907, с. 88, рис. 139); *5* — окрестности Майкопа (*Іллінська В. А.* Про скіфські навершники.— Археологія, XV, 1963, с. 36, рис. 2, *4*); *6* — Ульский курган № 2 (ОАК за 1909—1910 г. СПб., 1913, с. 151, рис. 216); *7* — с. Защита, кург. 1 (*Бокий Н. М.* Нові пам'ятки скіфського звіриного стилю в Кіровоградщини.— Археологія, XXIII, 1970, с. 183, рис. 1); *8* — с. Раскойцы (*Нудельман Г. А., Рикман Э. А.* Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии.— ИМФАН, № 4 (31), 1956, рис. 2); *9* — окрестности Майкопа (*Іллінська В. А.* Ук. соч., с. 36, рис. 2, *5*); *10* — Александропольский курган (ДГС, Атлас, табл. II, *1*); *11* — Днепропетровщина (ДП, II, рис. на с. 14)

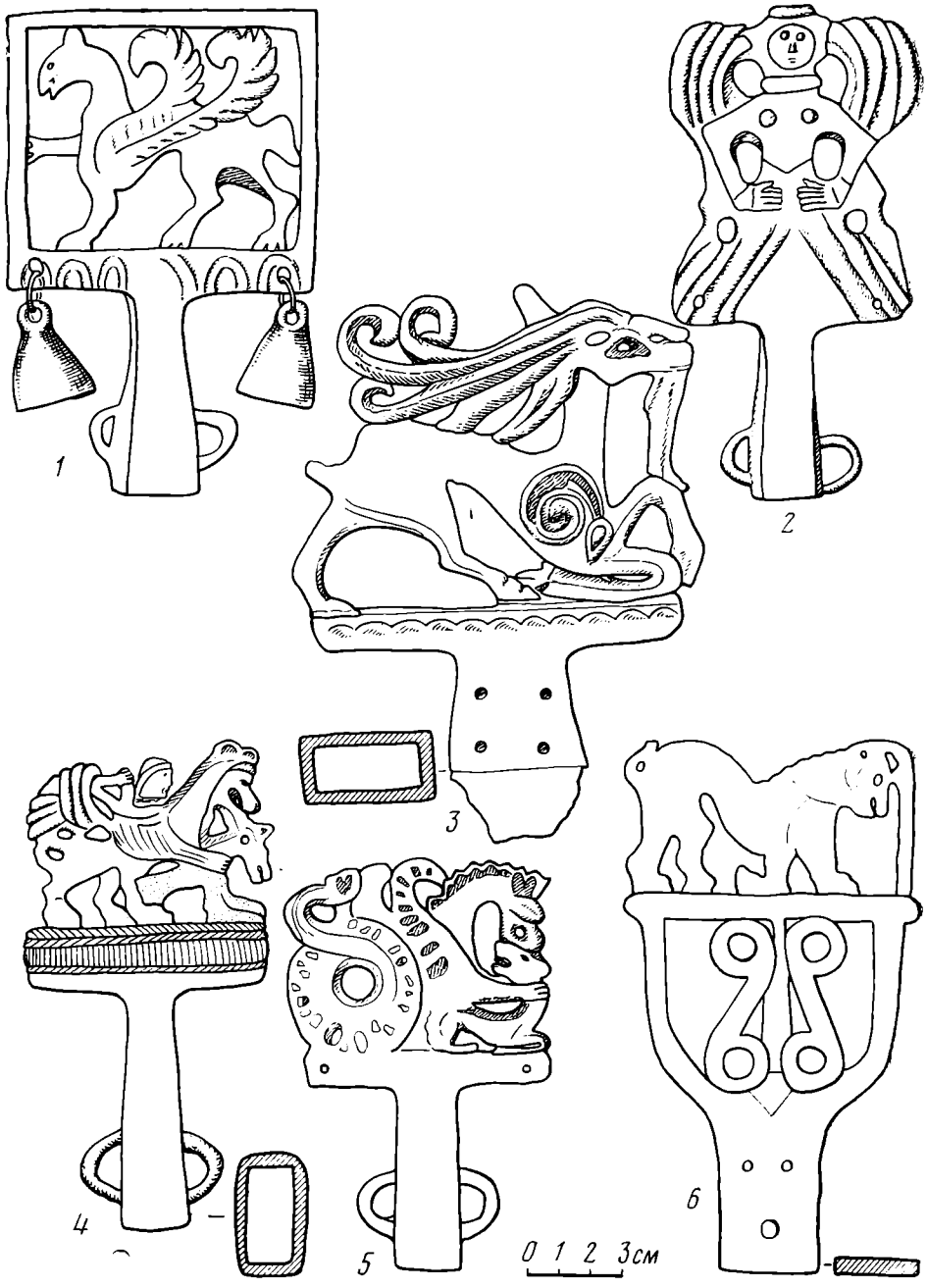


Рис. 2. Навершия II типа. *1*, *2* — Александропольский курган (РД, 2, с. 94, рис. 78, с. 91); *3* — Чмырева могила (ИАК, 49, СПб., 1913, с. 110, рис. 70, 72); *4* — Слоновская Близница (ДГС, 2. Атлас, табл. XXVI, *1*); *5* — Краснокутский курган (там же, табл. XXV, *3*; XXIV, *1*, *2*); *6* — Чертомлык (там же, табл. XXVIII, *3*, *4*)

помещены высокие треугольные или каплевидные прорези, дно или сплошное, или с маленькими прорезями такой же формы, что и на стенках. Эти навершия увенчаны головами быков, птиц или грифонов в круглой скульптуре. На четырех навершиях (рис. 5, *8—10*) низкие прорези расположены в три ряда: два по стенкам бубенца (треугольные или каплевидные, в шахматном порядке вершинами вверх или основаниями друг к другу) и один — на донце. На вершине их помещена фигурка «молодого оленя» с подогнутыми ногами.

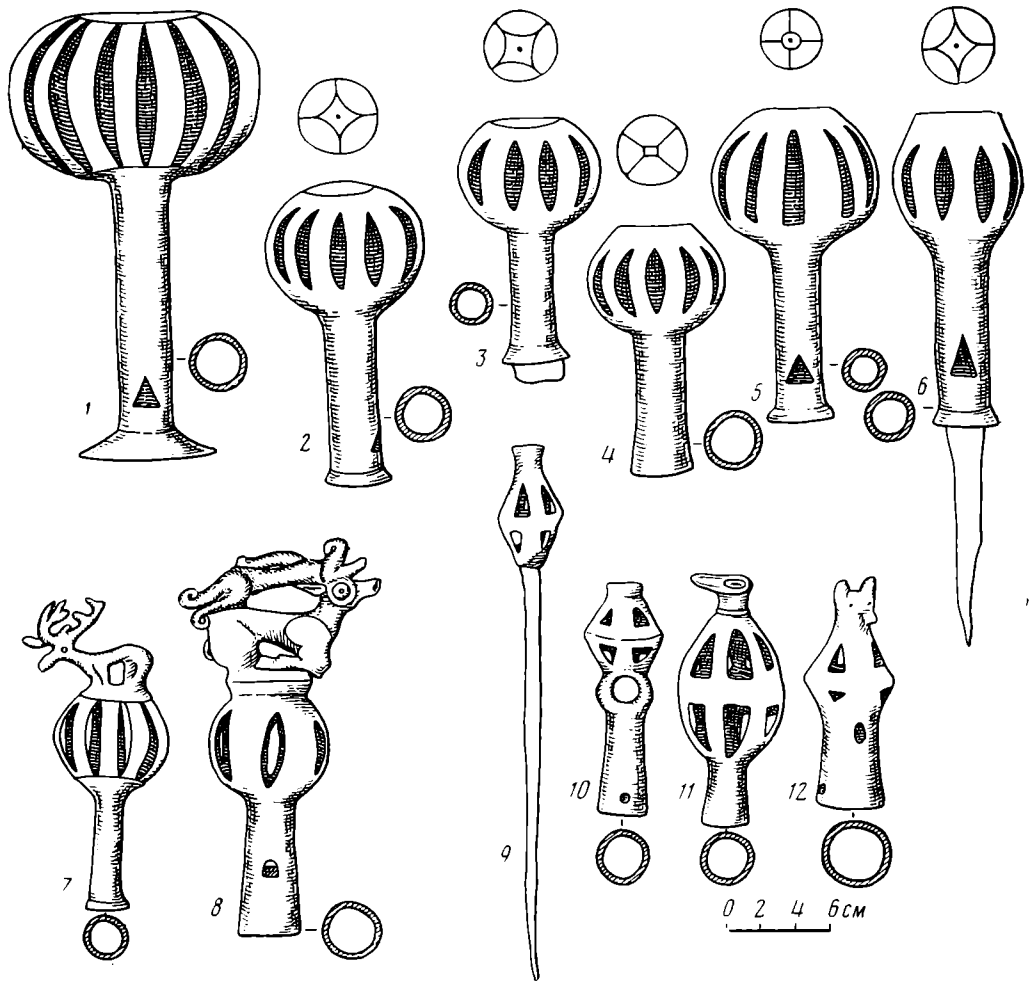


Рис. 3. Навершия IV (*1—8*) и VI (*9—12*) типов. *1* — Келермес, кург. 1 (ОАК за 1904 г., с. 89, рис. 140); *2* — там же (*Іллінська В. А.* Ук. соч., с. 34, рис. 1, *3*); *3*, *4* — там же, кург. 2 (там же, с. 34, рис. 1, *13*, *12*); *5*, *6* — там же, кург. *3* (там же, рис. 1, *11*, *10*); *7* — ст. Губская (*Марковин В. И.* Бронзовое навершие из Прикубанья.— СА, 1971, № 4, рис. на с. 214); *8* — ст. Махошевская (Смела, III, с. 66, фиг. 20а); *9* — Келермес, кург. 1 (*Іллінська В. А.* Ук. соч., с. 34, рис. 1, 7); *10* — ст. Махошевская (Смела, III, с. 66, фиг. 20*б*); *11* — Поповка, кург. 5 (там же, табл. IX, *5*); *12* — Межиречка (ДП, VI, табл. XIII, *347*)

VIII тип (рис. 6, *1—4*) — навершия с грушевидными бубенцами с двумя рядами прорезей на втулке круглого сечения (8 экз.) также делится на два варианта: 1 — с высокими треугольными прорезями в верхнем ряду и низкими той же формы — в нижнем (рис. 6, *1—3*); 2 — с прорезями одинакового размера в обоих рядах (рис. 6, *4*). И в том и в другом случае прорези расположены в шахматном порядке вершинами вверх.

На навершиях первого варианта этого типа помещены изображения голов грифонов (рис. 6, *1, 3*) или грифо-баранов (рис. 6, *2*), выполненные в круглой скульптуре. По мнению В. А. Ильинской, «торчащие вверх остроконечные уши», «сужение средней части морды и расширение ее у конца» позволяют считать, что на навершиях из Волковцев (рис. 6, *1*) изображены лошадиные головы, а на навершиях из Будков (рис. 6, *3*) — головы фантастических существ, сочетающих в себе черты грифонов из Келермесского кург. 3 (рис. 4, 7) и коней [15]. Что касается первого признака, то он характерен для изображений как коней, так и грифонов,

[15] *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля.— СА, 1965, № 1, с. 95; *ее же.* Про скіфські навершники, с. 44, 45.

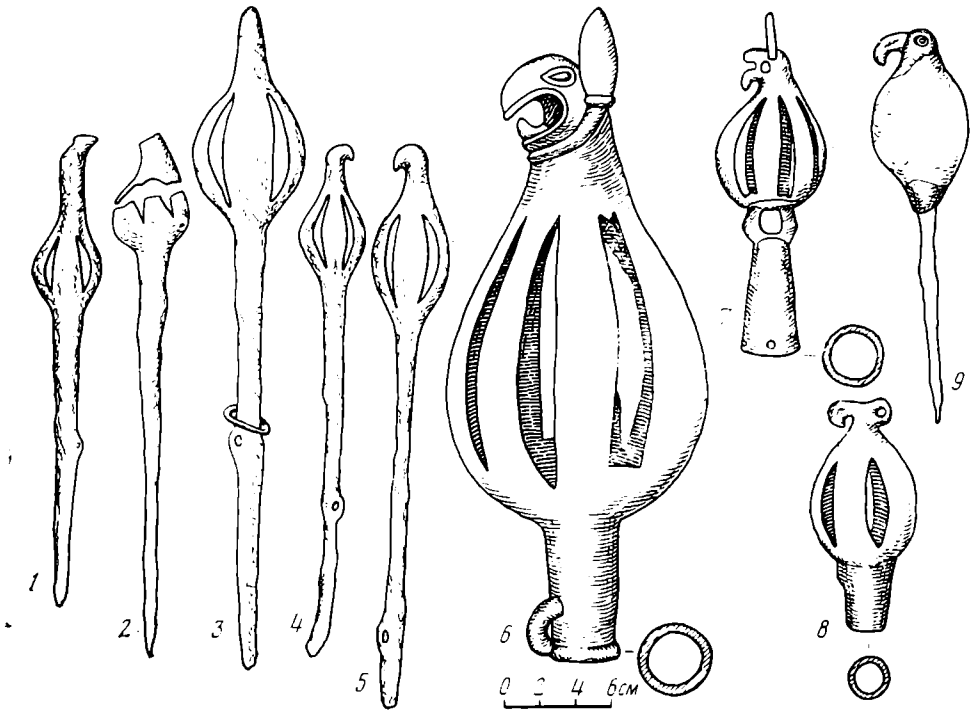


Рис. 4. Навершия V типа. *1, 2* — Келермес, кург. 1 (*Іллінська В. А.* Ук. соч., с. 34, рис. 1, *4, 5*); *3* — Поповка, кург. 3 (Смела, III, табл. IX, *4*); *4* — Журовка, кург. 407 (*Бобринский А. А.* Отчет о раскопках в Чигиринском уезде.— ИАК, № 14, 1905, с. 34, рис. 78); *5* — Репяховатая Могила (*Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Скифские курганы у с. Матусов близ Шполы. В сб.: Скифия и Кавказ, Киев, 1979); *6* — Келермес, кург. 3. (*Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, pl. XB); *7* — там же (*Іллінська В. А.* Ук. соч., с. 34, рис. 1, *9*); *8* — там же, кург. 1 (ОАК за 1904 г., с. 91, рис. 150); *9* — Волковцы, кург. 7 (Смела, III, табл. XVII, *5*)

а расширяющаяся у конца морда — отличительная черта упомянутых изображений из Келермеса. Поэтому, принимая предложение В. А. Ильинской о преемственности лесостепных вещей по отношению к келермесским по таким признакам, как торчащие вверх остроконечные уши, раскрытая пасть со свисающим языком и отсутствие четко акцентированных глаз, заметим, что нет необходимости говорить о влиянии образа коня на изображения грифонов из Посулья.

Навершия второго варианта увенчаны фигурками «молодых оленей» с подогнутыми ногами, выполненными в круглой скульптуре.

IX тип (рис. 7) — навершия с бубенцами биконической формы (положение наибольшего диаметра — не выше $^1/_3$ высоты) с двумя рядами прорезей, расположенных в шахматном порядке (нижнего ряда может не быть, но тогда за ним сохраняется место, куда прорези верхнего ряда не продолжаются; при этом в верхнем ряду прорези могут быть высокие или низкие, треугольные или в форме «ласточкина хвоста» [16], в нижнем — низкие треугольные) — включает 41 навершие и делится на два варианта по форме втулки (круглого или подпрямоугольного сечения). У наверший первого варианта (рис. 7, *1—10*) она довольно тонкая вверху, что позволяет бубенцу резко расширяться (при этом ребро на месте наибольшего диаметра достаточно четкое). У вещей второго варианта (рис. 7, *11—14*) втулка широкая и короткая, переход от бубенца к втулке менее резок, ребро бубенцов несколько сглажено. Что касается изображений, то на навершиях первого варианта они самые разные: быки (в рост или головы), «молодые олени» с подогнутыми ногами, птицы

[16] Термин предложен К. Бакаи: *Bākāy K.* Op. cit., p. 16.

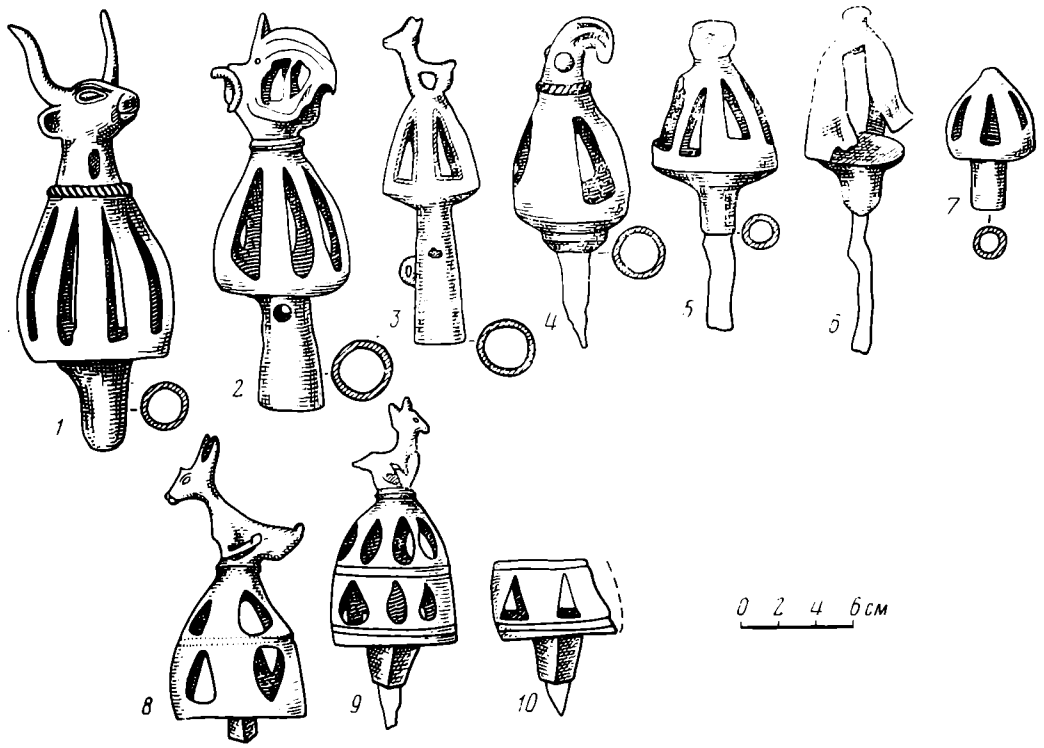


Рис. 5. Навершия VII типа. *1* — Ульский курган № 2 (ОАК за 1909—1910 г., с. 150, рис. 215); *2* — там же, кург. 1 (ОАК за 1907 г., СПб., 1912, с. 118, рис. 169); *3* — Somhíd (*Hampel M.* Skythiai emlékék Magyarorszagban.— AÉ, № 3, 1893, és, 400, 401, kép. 21); *4* — Роменский у. (Смела, III, табл. IX, *1*); *5* — с. Межиречка (там же, с. 67, фиг. 16); *6* — ст. Тульская (*Іллінська В. А.* Ук. соч., с. 34, рис. 1, *14*); *7* — х. Красное Знамя (раскопки В. Г. Петренко 1975 г.); *8* — Gernyeszeg (*Hampel M.* Op. cit., és. 405—406, kép. 23, 24); *9*, *10* — Бухарестский музей (Pârvan V. Getica. Bucuresti, 1926, p. 21, 24, fig. 10—12)

(головы или в рост), а на вещах второго варианта только фигуры в рост: птицы с распростертыми крыльями в круглой скульптуре или грифоны в рельефе.

X тип (рис. 6, *5*, *6*) — навершия с биконическими бубенцами, наибольший диаметр которых расположен на середине высоты, с прорезями такими же, как и в предыдущем случае,— насчитывает 8 экз. Все они увенчаны фигурками стоящих оленей, выполненными в невысоком рельефе. Втулка подпрямоугольного сечения оканчивается железным стержнем.

XI тип (рис. 8) — навершия с грушевидными бубенцами (они у́же и профилированы слабее, чем у вещей V и VIII типов) с фигурными прорезями, на низкой втулке подпрямоугольного сечения (12 экз.), увенчаны фигурами оленей или грифонов в рост, выполненными в невысоком рельефе.

Далее предлагается табл. 2 [17], где навершия сгруппированы согласно выделенным типам с указанием датировок, принятых в литературе.

Исходя из данных табл. 2, можно предварительно датировать и локализовать типы наверший.

I тип существует с рубежа VII—VI вв. по IV в. до н. э. Распространен в основном на Кубани (оттуда же происходят наиболее ранние эк-

[17] В этот перечень не вошли навершия из Краснодарского музея, представленные в докладе И. Г. Волкова, прочитанном 20 февраля 1979 г. на симпозиуме «Вопросы происхождения и хронологии Скифской культуры» в Ленинграде. Не останавливаясь подробно на этих вещах, отметим, что они не противоречат нашей типологии и эволюции.

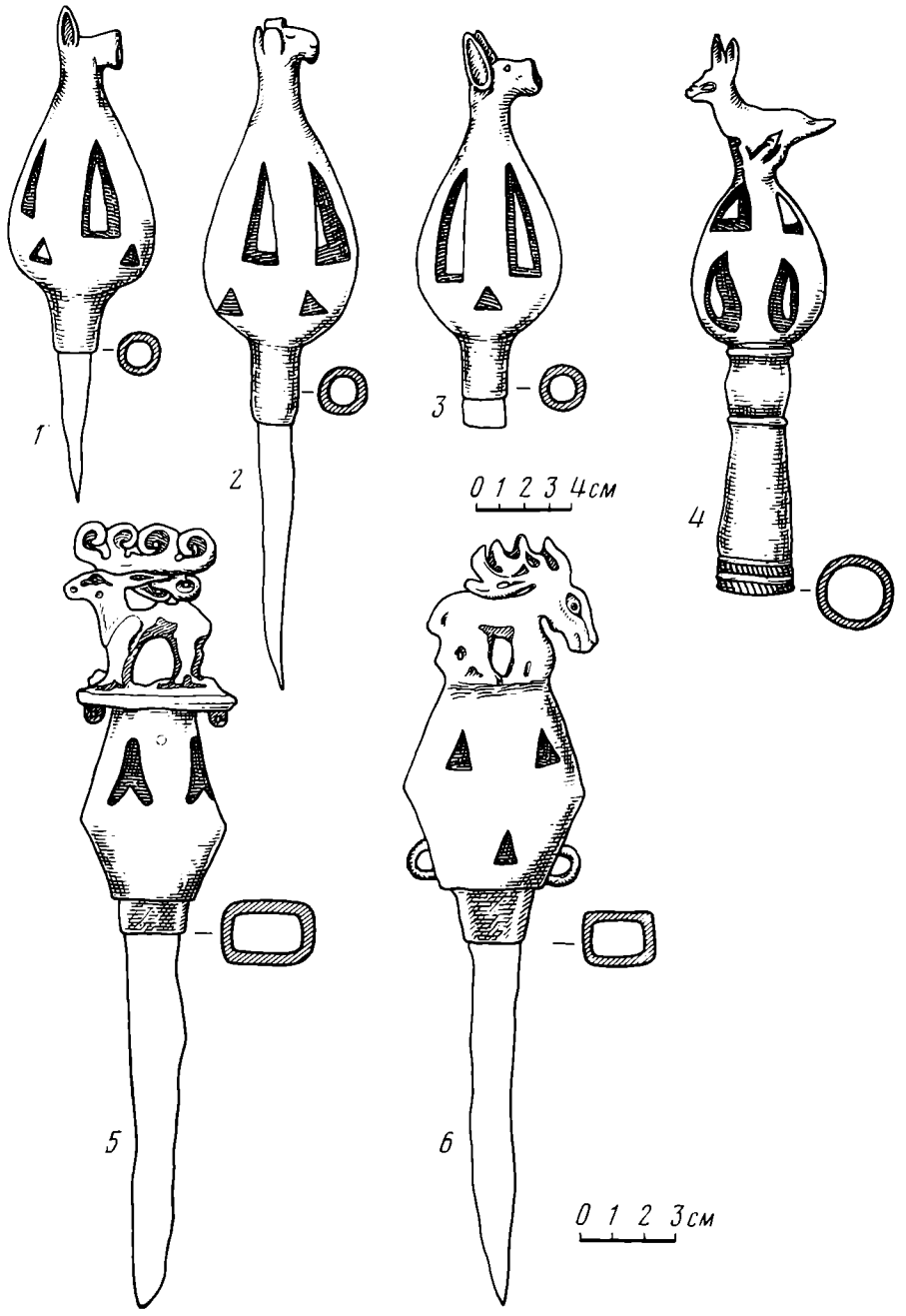


Рис. 6. Навершия VIII (*1—4*) и X (*5, 6*) типов. *1, 2* — Волковцы, кург. 476 (*Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968, табл. XXXVI, *11, 12*); *3* — Будки (ДП, VI, табл. I, *434*); *4* — Роменский у. (Смела, III, табл. IX, *3*); *5* — Аксютинцы (ДП, VI, табл. VI, *436*); *6* — Волковцы, кург. 1 (ДП, II, табл. XI, *224*)

земпляры), отдельные вещи встречаются в Правобережной Лесостепи и в Молдавии.

II, III и XI типы исключительно поздние — IV — начало III в. до н. э. Встречаются только в степном Приднепровье (два навершия происходят с прилегающей территории — из Северного Крыма).

IX тип относится к VI—IV вв. до н. э. Деление его на варианты прежде всего хронологическое: навершия на втулке круглого сечения датируются концом VI — первой третью V в. до н. э.; навершия на прямоугольной втулке — IV в. до н. э. При этом ранний вариант распространен в Посулье и Подунавье, а поздний — в степном Приднепровье.

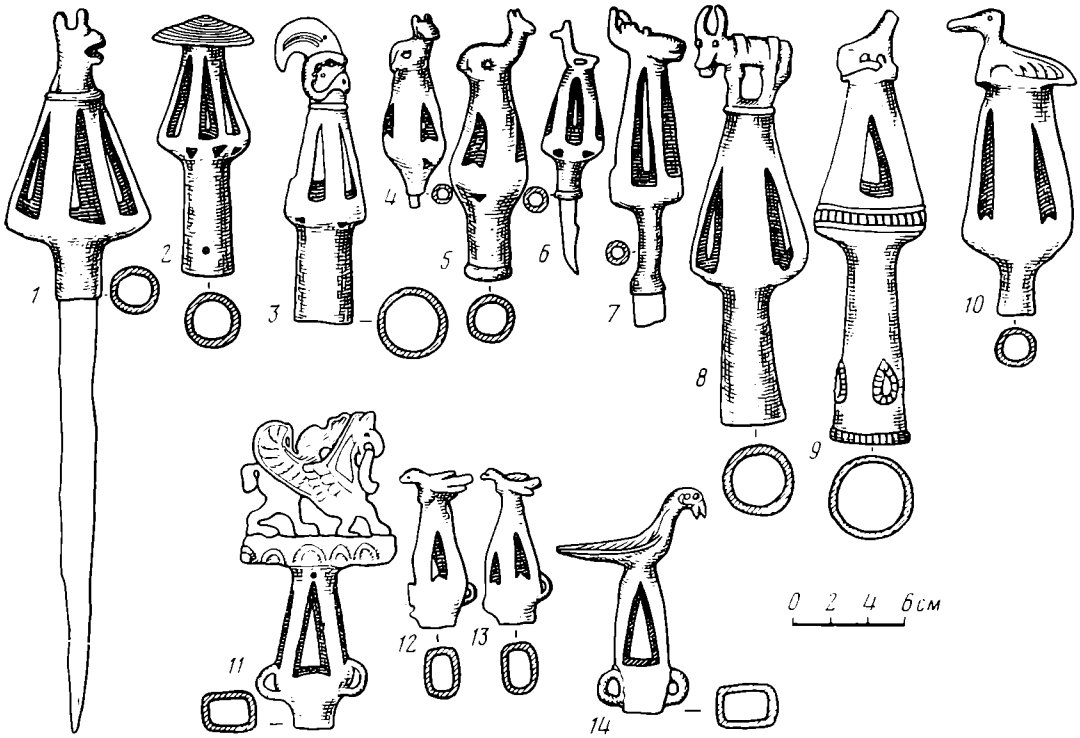


Рис. 7. Навершия IX типа. *1* — Роменский у. (Смела, III, табл. IX, *2*); *2* — Татарская Горка (*Ильинская В. А.* Скифское навершие из окрестностей Чернигова.— КСИА АН УССР, № 12, 1962, с. 83, рис. 2); *3* — Волковцы, кург. 476 (ДП, VI, табл. I, *433*); *4*, *5* — Gyöngyös (*Márton L.* Skytha sírletek Gyöngyösről.— AÉ, № 18, 1908, tábla 1, kép. 11—13); *6* — Mihályfa (*Bākāy K.* Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. Budapest, 1971, pl. XII); *7* — Старшая могила (МРЗ, X, № 1446, 1447); *8* — Nagytarca (*Bākāy K.* Op. cit., pl. IV); *9* — Szurdokpüspöki (Ibid., pl. VIII); *10* — Малая Лепетиха, кург. 2 (ОАК за 1913—1915. СПб., 1918, с. 222, рис. 275); *11* — Краснокутский Курган (ДГС, 2. Атлас табл. XXV, *1*, *2*); *12* — Чертомлык (*Іллінська В. А.* Ук. соч., с. 41, рис. 5, *13*); *13* — Краснокутский курган (ДГС, 2. Атлас, табл. XXIV, *3—5*); *14* — Александропольский курган (ДГС, 2. Атлас, табл. II, рис. *6—8*)

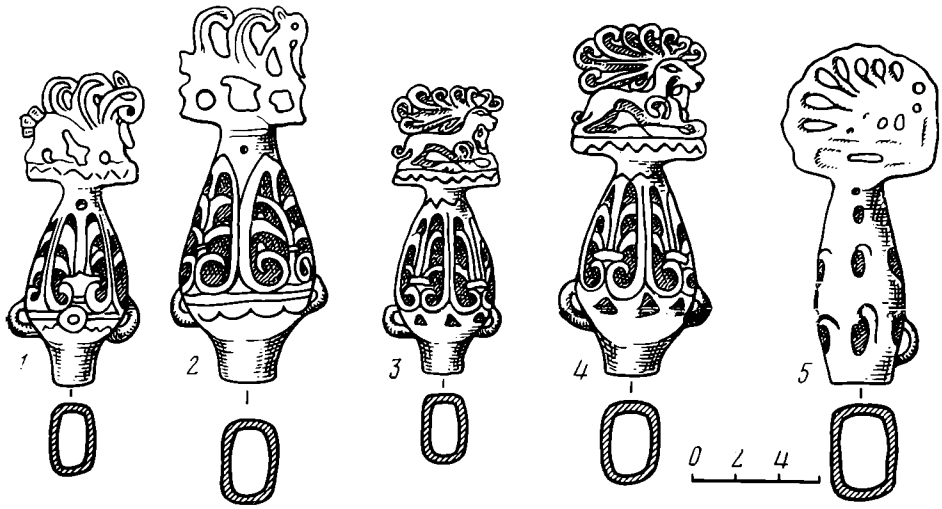


Рис. 8. Навершия XI типа. *1—4* — Толстая Могила (*Мозолевский Б. Н.* Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине.— СА, 1972, № 3, с. 293, рис. 28); *5* — Чертомлык (ДГС, 2. Атлас, табл. XXVIII. *1*, *2*)

Таблица 2

Сводная таблица наверший

Тип	Навершие	Количество	Наличие комплекса	Район	Дата (до н. э.)	Основания для датировки	Литература
1	2	3	4	5	6	7	8
I	С головой оленя из Майкопского музея	2	–	Кубань	Раньше Новочеркасского V в.	Стиль	Ильинская, 1967, с. 298
	С головой оленя из Новочеркасского музея	2	–	»	»	»	Ильинская, 1967, с. 297
	С головой оленя из Анап-кургана	4		»	IV в.	»	Боровка, 1928, с. 62
	С головой лошади из Келермеса	2	+	»	Конец VII – начало VI в.	Материал кургана	Граков, 1948, с. 71
	С головой лошади из окрестн. Майкопа	3	–	»	»	Сходство с Келерм.	Ильинская, 1963, с. 35
	С головой птицы из Ульского кург. 2	2	+	»	Вторая пол. VI – начало V в.	Материал кургана	Артамонов, 1966, с. 28
	С головой птицы из окрестн. Майкопа	1	–	»			
	С головой птицы из кург. 1 у с. Защита	2	+	Правобережная лесостепь Молдавия	Начало V в.	Стиль	Бокий, 1970, с. 186
	С головой птицы из с. Раскойцы	1	–		Конец VI – начало V в.	Аналогия Ульскому	Нудельман, Рикман, 1956, с. 129
					IV в.	Стиль (см. ниже)	Ильинская, 1963, с. 10
II	С грифоном из Александропольского кургана	4	+	Степь	Первая пол. III в.	По материалу кургана	Ростовцев, 1925, с. 432
	С женской фигурой из Александропольского кургана	2	+	»	Первая пол. III в.	»	»
	С оленем из Чмыревой Могилы	4	+	»	IV в.	»	Ростовцев, 1925, с. 457
	С оленем из Гайманової Могилы	4	+	»	Середина IV в.	»	Бидзиля, 1971, с. 55
	С терзанием из Краснокутского кургана	4	+	»	Рубеж IV–III вв.	»	Граков, 1962, с. 95
	С терзанием с Тилигульского лимана	4	–	»	Рубеж IV–III вв.	Аналогия Краснокутскому	Фонды Одесского музея * (не издано)

Таблица 2 (продолжение)

Тип	Навершие	Количество	Наличие комплекса	Район	Дата (до н. э.)	Основания для датировки	Литература
1	2	3	4	5	6	7	8
	С терзанием из Водославовки	1	–	Северный Крым	IV в.	Стиль	Черепанова, Щепинский, 1966, с. 75
	С композицией из трех фигур из Слоновской Близницы	4	+	Степь	IV в.	Материал кургана	Ростовцев, 1925, с. 457
	С композицией из трех фигур из Водославовки	1	–	Северный Крым	IV в.	Стиль	Черепанова, Щепинский, 1966, с. 75
	С фантастическим существом из Чертомлыка	4	+	Степь	Вторая пол. IV – начало III в.	Материал кургана	Граков, 1962, с. 95
III	Трезубец с птицами из Александропольского кургана	1	+	»	Первая пол. III в.	»	Ростовцев, 1925, с. 432
	С 4 ветвями с изображением мужской фигуры **	1 (2)	–	»	IV–III вв.		Ильинская, 1963, с. 41, 42
IV	Без изображения из Келермеса	7	+	Кубань	Конец VII – начало VI в.	»	Граков, 1948, с. 41
	С оленем из ст. Махошевская	2		»	VII в.	Форма	Ильинская, 1963, с. 43
	С оленем из ст. Губская	4	–	»	Начало VI в.	Стиль	Марковин, 1971, с. 214
V	Железные из Келермеса	4	+	Кубань	Конец VII – начало VI в.	Материал кургана	Граков, 1948, с. 41
	Железные из Великих Будков	4		Басс. Сулы	Середина VI в.	»	Ильинская, 1968, с. 70
	Железные из кург. 3 у с. Поповка	4	+	»	Конец VI – начало V в.	»	Ильинская, 1968, с. 74
	Железные из кург. 407 у с. Журовка	2	+	Басс. Тясмина	Середина VI в.	»	Ильинская, 1975, с. 59

Таблица 2 (продолжение)

Тип	Навершие	Количество	Наличие комплекса	Район	Дата (до н. э.)	Основания для датировки	Литература
1	2	3	4	5	6	7	8
	Железные из Репяховатой Могилы	2	+	»	VI в.	»	Ильинская, 1979
	Железные из хут. Красное Знамя	4	+	Ставропольский край	Конец VII в.	»	Не изданы
	С головами грифонов из Келермеса	6	+	Кубань	Конец VII – начало VI в.	»	Граков, 1948, с. 41
	С головой птицы из Келермеса	1	+	»	Конец VII – начало VI в.	»	»
	С головой птицы из кург. 7 у с. Волковцы	1	4	Басс. Сулы	Конец VI – начало V в.	»	Ильинская, 1968, с. 72
VI	Без изображения из Келермеса	2	+	Кубань	Конец VII – начало VI в.	»	Граков, 1948, с. 41
	Без изображения из ст. Махошевская	1		»	VII в.	Форма	Ильинская, 1968, с. 43
	С головой птицы из кург. 5 у хут. Поповка	2		Басс. Сулы	VI в.	Материал кургана	Ильинская, 1968, с. 70
	С головой животного из Межиречки	1	+		VI в.	»	Ильинская, 1963, с. 40
VII	С головой грифона из Ульского кург. 1	1	+	Кубань	Первая пол. VI в.	»	Артамонов, 1966, с. 28
	С головой быка из кургана на водохранилище Четук	1	–	»	Первая пол. VI в.	Форма бубенца	Краснодарский музей *
	С головой быка из Ульского кург. 2	3	+	Кубань	Вторая пол. VI – начало V в.	Материал кургана	Артамонов, 1966, с. 28
	Без изображения из кург. 3 у хут. Красное Знамя	2	+	Ставропольский край	Конец VII в.	»	Не изданы *
	С «молодым оленем» из Somhid	1	–	Румыния	Конец VI – первая треть V в.	Форма	Бакаи, 1971, с. 93
	С головой птицы из Роменского уезда	1	–	Басс. Сулы			
	С обломанным верхом из ст. Тульская	1	–	Кубань			

Таблица 2 (продолжение)

Тип	Навершие	Количество	Наличие комплекса	Район	Дата (до н. э.)	Основания для датировки	Литература
1	2	3	4	5	6	7	8
	С обломанным верхом из Межиречки	1	+		VI в.	Материал кургана	Ильинская, 1963, с. 40
	С «молодым оленем» из Gernyeszeg	1	–	Румыния	Конец V в.	Позже роменских вещей	Бакаи, 1971, с. 92
	С «молодым оленем» из Бухарестского музея	1	–	»	Конец V в.	»	»
	Фрагментированные из Бухарестского музея	2	–	»	Конец V в.	»	»
VIII	С головой «грифона» из кург. 476 у с. Волковцы	4	+	Басс. Сулы	Конец VI – начало V в.	Материал кургана	Ильинская, 1968, с. 72
	С головой «грифона» из с. Будки	2	–	»	Конец VI – начало V в.	»	Ильинская, 1968, с. 74
	С «молодым оленем» из Роменского уезда	2	–	»	V в.		Бакаи, 1971, с. 91
IX	С головой грифона из Роменского уезда	1	–	»			
	С головой барано-птицы из кург. 476 у с. Волковцы	2	+	»	Конец VI – начало V в.	Материал кургана	Ильинская, 1968, с. 72
	С диском из окрест. Чернигова	1	–	Басс. Сулы	Конец VI – начало V в.	По форме бубенца синхронно кург. 476 у с. Волковцы	Ильинская, 1962, с. 84
	С «молодым оленем» из Minályfa	4		Венгрия	Конец VI – первая треть V в.	По форме бубенца – сходство со Старшой Могилой	Бакаи, 1971, с. 93
	С «молодым оленем» из Gyöngyös	6	+	»	Вторая пол. VI в.	По удилам и фалярам	Бакаи, 1971, с. 92
	С головами быков из Старшой Могилы	2	+	Басс. Сулы	Первая пол.– середина VI в.	Материал кургана	Ильинская, 1951, с. 210
	С водоплавающей птицей из Малой Лепетихи	4	+	Степь	IV в.	»	Ростовцев, 1925, с. 457

Таблица 2 (окончание)

Тип	Навершие	Количество	Наличие комплекса	Район	Дата (до н. э.)	Основания для датировки	Литература
1	2	3	4	5	6	7	8
	Со стоящим быком из Nagytarca	3	+	Венгрия	Конец VI – первая треть V в.	По удилам	Бакаи, 1971, с. 92
	С сидящими животными из Szurdokpüspöki	4		Венгрия	Конец VI – начало V в.		Бакаи, 1971, с. 91
	С грифоном из Краснокутского кургана	4	+	Степь	Рубеж IV–III в.	Материал кургана	Граков, 1962, с. 95
	С птицей из Краснокутского кургана	2	+	»	Рубеж IV–III в.	»	»
	С птицей из Чертомлыка	2	+	»	Вторая пол. IV – начало III в.	»	»
	С птицей из Одесского музея *	2	–	»	Середина IV в.	По стилю анал. Гайлановой Могилы	
	С птицей из Гайлановой Могилы	2	+	»	Середина IV в.	»	Бидзиля, 1971, с. 55
	С птицей из Александропольского кургана	2	+	»	Первая пол. III в.	»	Ростовцев, 1925, с. 432
X	С оленем из Аксютинцев	4		Басс. Сулы	V в.	Стиль	Ильинская, 1963, с. 47
	С оленем из кург. 1 у с. Волковцы	4	+	»	Первая пол. IV в.	Материал кургана	»
XI	С оленем из Толстой Могилы	3	+	Степь	Первая пол. IV в.	»	Мозолевский, 1972, с. 308
	С грифоном из Толстой Могилы	3	+	»	Первая пол. IV в.	»	»
	С оленем из Чертомлыка	4	+	»	IV в.	»	Ростовцев, 1925, с. 455
	С обломанным верхом из Гайлановой Могилы	1	+	»	Середина IV в.	»	Бидзиля, 1971, с. 55
	С обломанным верхом из Одесского музея *	1	–	»	Первая половина – середина IV в.	Форма бубенца	

* Автор приносит глубокую благодарность В. Г. Петренко, предоставившей неопубликованные навершия из своих раскопок в Ставрополье в 1975 г.; А. М. Ждановскому (Кубанский гос. университет), а также Э. И. Диаманту и дирекции Одесского Археологического музея за предоставление неопубликованных наверший из фондов Краснодарского и Одесского музеев.

** Фрагменты аналогичного навершия были найдены в кургане у с. Марьинское на Украине в 1963 г. (*Ильинская В. А.* Навершия..., с. 299).

Литература к таблице 2

Ильинская, 1967 — *Ильинская В. А.* Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев.— СА, 1967, № 4; Бровка, 1928 — *Borovka G.* Scythian art. London, 1928; Граков, 1948 — *Граков Б. Н.* Литейное и кузнечное ремесло у скифов.— КСИИМК, XXII, 1948; Ильинская, 1963 — *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники.— Археологія, XV, 1963; Артамонов, 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага — Л., 1966; Бокий, 1970 — *Бокій Н. М.* Нові пам'ятки скіфського звіриного стилю з Кіровоградщини.— Археологія, XXIII, 1970; Нудельман, Рикман, 1956 — *Нудельман Г. А., Рикман Э. А.* Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии.— ИМФАН, № 4(31). Кишинев, 1956; Ростовцев, 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925; Бидзиля, 1971 — *Бідзіля В. І.* Дослідження Гайманової Могили.— Археологія, I, 1971; Черепанова, Щепинский, 1966 — *Черепанова Е. Н., Щепинский А. А.* Там, где пройдет Северо-Крымский. Симферополь, 1966; Марковин, 1971 — *Марковин В. И.* Бронзовое навершие из прикубанья.— СА, 1971, № 4; Ильинская, 1968 — *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968; Ильинская, 1975 — *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). Киев, 1975; Ильинская, 1979 — *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Скифские курганы у с. Матусов близ Шполы.— В сб.: Скифия и Кавказ. Киев, 1979; Бакаи, 1971 — *Bākāy K.* Scythian Rattles in the Carpathian Basin and their Eastern Connections. Budapest, 1971; Ильинская, 1962 — *Ильинская В. А.* Скифское навершие из окрестностей Чернигова.— КСИА АН УССР, № 12, 1962; Ильинская, 1951 — *Іллінська В. А.* Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії.— Археологія, V, 1951; Мозолевский, 1972 — *Мозолевский Б. Н.* Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине.— СА, 1972, № 3.

X тип датируется V и IV вв. до н. э.

Остальные типы наверший ранние. IV тип относится к рубежу VII—VI вв. до н. э. и четко локализуется на Кубани. Деление его на варианты не отражается ни на хронологии, ни на географии. Такая же ситуация и с двумя вариантами V типа, относящегося к концу VII — началу VI в. до н. э. и распространенного как на Кубани, так и в лесостепи (Правобережье и Левобережье).

Варианты VII типа (VI и начало V в. до н. э.) оказываются локальными: бубенцы с высокими прорезями характерны для Прикубанья и Посулья, а с низкими прорезями в два ряда — для Подунавья.

VIII тип относится к концу VI—V в. до н. э. и распространен в Посулье.

VI тип наверший существует в VII—VI вв. до н. э. Вещи этого типа встречаются на Кубани и в Левобережной лесостепи. Таковы вкратце основные итоги классификации.

Для построения типологической эволюции (рис. 9) прежде всего необходимо проследить связи между выделенными типами наверший. Связи намечаются по признакам, о которых говорилось выше. При этом постараемся выявить те элементы сложных признаков (формы бубенца и комбинации прорезей), которые говорят о родстве форм наверший. Прежде всего это касается наверший с бубенцами.

Навершия с шаровидными бубенцами с высокими прорезями (IV тип) связаны с навершиями V типа по таким признакам, как округлая форма (для бронзовых), высокие прорези, круглая втулка с ободком треугольного сечения по краю со вставленным в нее железным стержнем (для бронзовых) [18]. Крючок, венчающий некоторые железные навершия, по мнению К. Бакаи, обозначает птичью голову [19], что дает основания включать эти вещи в один тип с бронзовыми.

Различие форм бубенцов наверший IV и V типов (шаровидные с одной стороны и овальные и грушевидные — с другой) можно объяснить

---

[18] У железных наверший биконические бубенцы и прямоугольное сечение стержня – признаки, зависящие от материала изготовления.

[19] *Bākāy K.* Op. cit., p. 46.

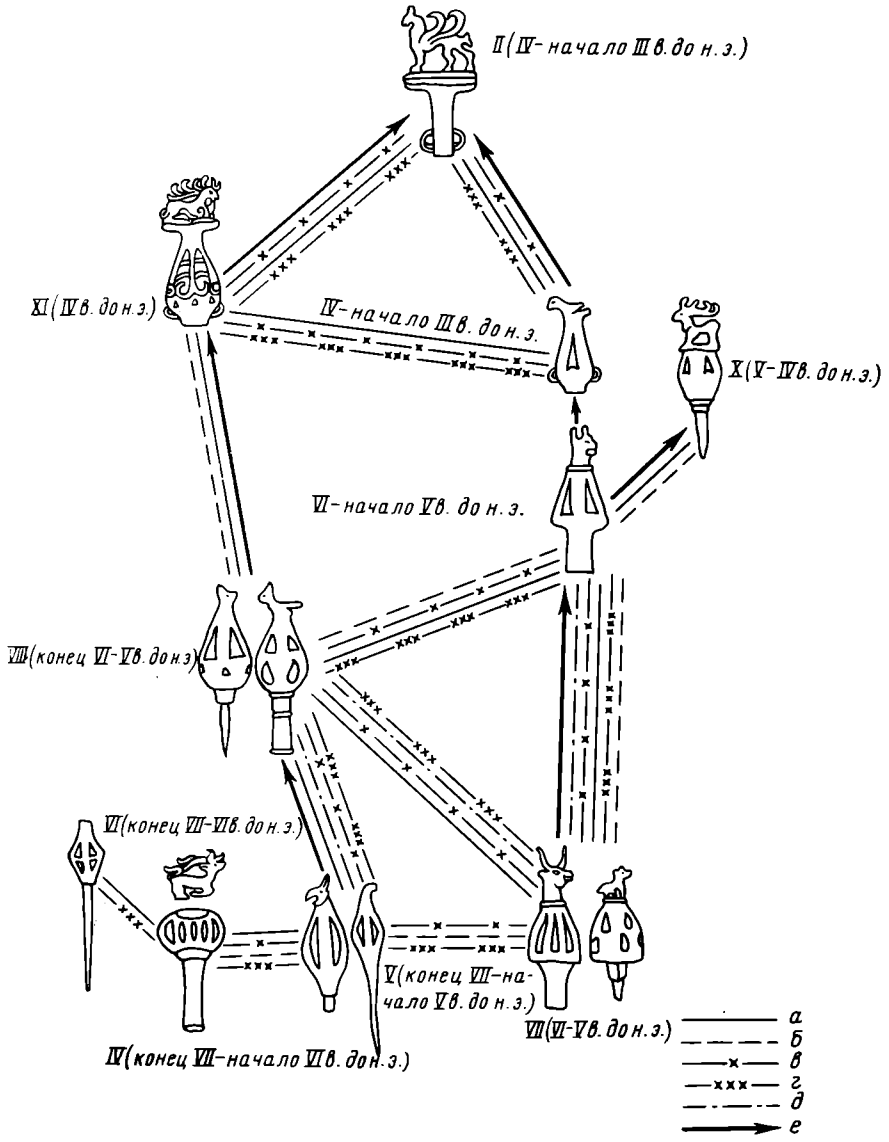


Рис. 9. Типологическая эволюция наверший. *а* — форма бубенца, *б* — комбинация прорезей, *в* — манера изображения, *г* — форма сечения втулки, *д* — мотивы изображения, *е* — общая линия развития

сюжетом изображения. Навершия, увенчанные головами животных, видимо, воспринимались как изображения полых звенящих птиц или грифонов, для которых сферическое тулово было бы неестественным, поэтому его вытягивали до грушевидного или овального. Форма прорезей, видимо, не имела особого значения (на бубенцах келермесских наверший рядом расположены линзовидные, треугольные и узкие прямоугольные прорези, выполненные крайне небрежно) — важно было сделать их высокими. При этом на шаровидных бубенцах встречаются прорези только линзовидные, что говорит о связи формы прорезей с формой бубенца (различались «равносторонние» и расширяющиеся книзу формы).

Высота прорезей и небрежность их исполнения связывает V тип наверший с седьмым. Однако здесь последняя черта проявляется ярко только на навершиях из Ульского кургана с головками быков. На остальных экземплярах прорези аккуратные, треугольной или каплевидной форм. Они могут быть как высокими, так и низкими (последние расположены в два ряда и характерны для дунайских наверший). Низкие прорези та-

кой же формы, как и на стенках, расположены и на дне колокольчика — это уже предпосылка появления второго ряда прорезей.

Прорези в два ряда: верхний — высокие, нижний — низкие — характерны и для IX типа наверший. Если учесть, что эти два типа связаны такими признаками, как круглое сечение втулки, манера изображения (круглая скульптура) и сюжет изображения (головы быков, птиц и грифонов), можно предположить их родство между собой. При этом IX тип выглядит производным от седьмого: дно колокольчика выгнулось, так что стали видны прорези нижнего ряда (или сплошная полоса без прорезей, на которую никогда не заходят прорези верхнего ряда). По сюжету, а в некоторых случаях и по манере изображения наблюдается преемственность именно между этими типами. «Воротничок» между бубенцом и головой животного, вообще весьма редкий признак, встречается именно на вещах VII и IX типов.

VIII тип, сохранивший форму бубенца пятого (грушевидную) и по сюжету и манере изображения явно производный от него, испытал на себе несомненное влияние VII типа — это прослеживается по форме прорезей: такое же перенесение прорезей дна колокольчика на нижнюю зону стенок бубенца, как и в случае с VII и IX типами. Об этом же свидетельствует и сохранение локальных различий в расположении прорезей и сюжета изображения.

Что касается IX типа, то, как уже было сказано, он делится на два варианта по форме сечения втулки. У наверший на втулке подпрямоугольного сечения, короткой, прямой и широкой, бубенец вытягивается, ребро его сглаживается, и он превращается в простое продолжение втулки. Не имея дна, такой бубенец уже не может звенеть, поэтому появляются петли для подвешивания колокольчиков. Все это признаки логически поздние — атрофируется бубенец, первоначально основная функциональная часть навершия.

Другая, боковая линия развития ранних биконических бубенцов приводит к X типу: ребро поднимается до середины бубенца. Сохраняется два ряда прорезей (при этом в верхнем ряду теперь, естественно, такие же прорези, как и в нижнем). Прорези тех же форм (треугольные и в форме «ласточкина хвоста»), что и на бубенцах VIII типа. Оттого что прорези верхнего ряда уменьшились, а нижнего — не увеличились, бубенец стал более глухим и, возможно, хуже звенел — на навершиях этого типа прикреплены петли для колокольчиков [20]. Такой путь изменения форм наверший вряд ли был основным (об этом говорит как немногочисленность таких вещей — их всего восемь, так и отсутствие производных форм).

Вернемся к основной линии развития наверший. XI тип (навершия с грушевидными бубенцами с фигурными прорезями) явно сродни V и VIII типам (тоже навершия с грушевидными бубенцами), но его отличают поздние признаки: низкая втулка подпрямоугольного сечения, вытянутая форма бубенца и плоское изображение (т. е. те же, что отличают поздний вариант IX типа, за исключением характера изображения). Прорези в два ряда (нижний — низкие треугольные) говорят о преемственности по отношению к VIII типу. Верхний же ряд прорезей (в форме пальметок) трудно вывести из существовавших ранее, так как орнамент этот появился извне под влиянием греческого искусства. Можно предположить, что этот тип дал производные формы. Если взглянуть под этим углом на плоские навершия с непонятным существом из Чертомлыка, то можно счесть ажурную конструкцию между втулкой и изображением, с одной стороны, проекцией ажурных бубенцов с пальметочными прорезями (при силуэтном восприятии эти вещи очень похожи, так как двой-

[20] *К. Бакаи*, исследовавший звучание наверший, к сожалению, ничего не сообщает о такой зависимости, так что наше предположение остается недоказанным.

ные волюты напоминают пальметки), с другой стороны — зародышем трезубца (три стержня конструкции — основные, более толстые, по бокам и центральный поменьше размером — сближает ее с трезубцем из Александропольского кургана). Но это, разумеется, не более чем предположение.

Что касается основной линии развития наверший, то ее продолжение выглядит следующим образом. Подпрямоугольное сечение втулки связывает IX и XI типы со вторым. Расширяющаяся книзу высокая втулка наверший II типа говорит о том, что перед нами окончательно атрофированный бубенец, за счет которого втулка и стала такой высокой. Для окончательного превращения бубенца в продолжение втулки требовалось совсем немного: сгладить легкий выступ на месте прежнего ребра и убрать один ряд прорезей (на поздних биконических навершиях нижний ряд прорезей исчез окончательно). Близость в сюжетах и манере изображения (особенно между II и XI типами) также говорит о тесной связи между этими типами.

I и VI типы наверший существуют изолированно. При этом если VI тип представлен незначительной серией в основном ранних вещей, то I тип существует достаточно долго и претерпевает свою внутреннюю эволюцию, а именно стилистическую. На этих навершиях представлены головы оленей, коней и хищных птиц. Изменение манеры изображения голов оленей прослежено В. А. Ильинской [21]. Голов коней всего пять, и все они относятся к раннему времени. Что же касается наверший с птичьими головами, то есть основания считать, что они, как и навершия с головами оленей, существуют достаточно долго: голова птицы из Раскойцев по стилистическим признакам (ажурность вещи, конфигурация спирали клюва, форма головок, окаймляющих ее, рудиментарный характер восковицы), а также по форме втулки, расширяющейся книзу, видимо, относится к IV в. до н. э.

Построенная выше эволюция вполне подтверждается хронологией (все типы датированы), что дает возможность датировать некоторые признаки наверший. Ранние (IV—VIII и первый вариант IX) типы (конец VII—V в. до н. э.) отличает круглое сечение втулки или круглая втулка с железным стержнем. Втулка высокая, в месте присоединения к бубенцу узкая, ниже слегка расширена. Поэтому бубенец, имея «дно», может довольно резко расширяться в средней части. Все ранние навершия увенчаны фигурками, изображенными в круглой скульптуре или высоком рельефе.

Поздние (II, III, XI и второй вариант IX) типы наверший (IV—III вв. до н. э.) отличаются широкой втулкой прямоугольного сечения. При наличии бубенца она низкая прямая, поэтому бубенец не может резко расширяться. Если бубенца нет, то втулка высокая, расширяющаяся книзу за счет слившегося с ней бубенца. Изображения на таких навершиях плоские или в низком рельефе. Навершия без бубенца В. А. Ильинская рассматривает отдельно и считает их предшественниками навершия с изображениями птичьих голов на втулках (тоже плоские и без бубенца) [22]. Но, как следует из всего сказанного, последние представляют собой замкнутую группу, не дающую производных форм. Поздние же навершия без бубенца достаточно хорошо связаны с предыдущими типами, что также вытекает из всего сказанного выше.

Переходя к мотивам изображений на навершиях, отметим прежде всего два типа композиции наверший: это либо животное с ажурным туловом, роль которого выполнял прорезной бубенец, либо животное, стоящее на бубенце. Первый из названных типов относительно недолговечен: все подобные навершия относятся к ранней хронологической группе.

---

[21] *Ильинская В. А.* Навершия..., 295 сл.

[22] *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники, с. 46.

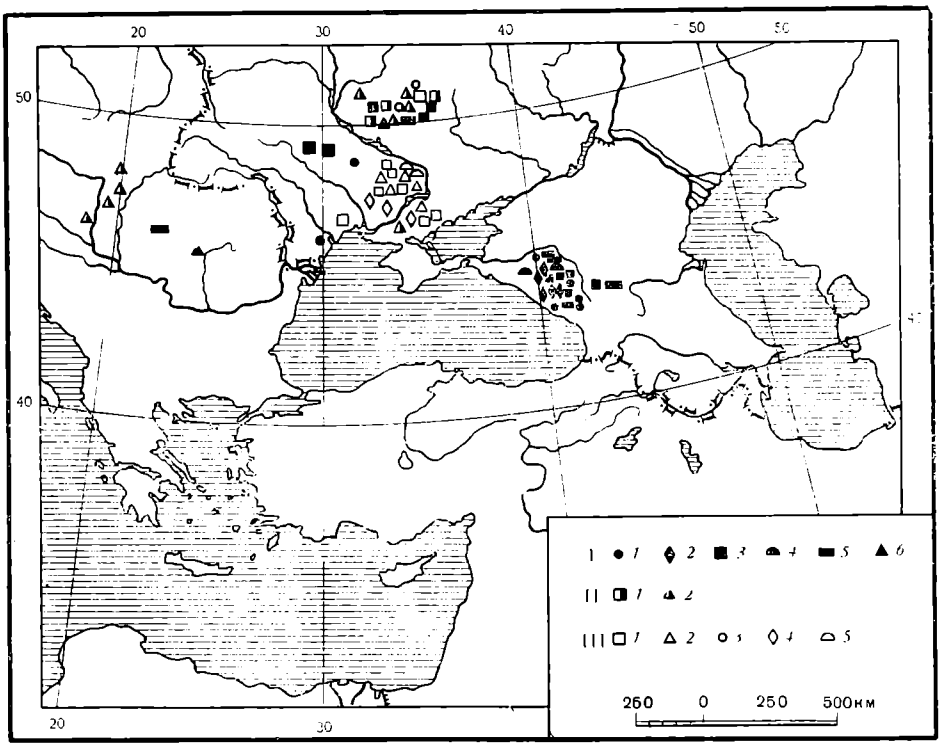


Рис. 10. Распространение скифских наверший. I — исходные типы; *1* — I тип; *2* — IV тип; *3* — V тип; *4* — VI тип; *5* — VII тип; 1ый вариант; *6* — VII тип, 2ой вариант; II — ранние производные типы: *1* — VIII тип; *2* — IX тип, 1-й вариант; III — поздние типы: *1* — II тип; *2* — IX тип, 2-й вариант; *3* — X тип; *4* — XI тип; *5* — III тип

При этом преемственность в изображении голов животных между V и VIII, VII и IX типами вещей связывает их наряду с другими признаками. Затем идея ажурного звенящего животного теряется (этот момент соответствует намеченной границе между хронологическими группами вещей). В поздней группе, где существует лишь второй вид композиции, эта связь возобновляется: она отмечена между XI, вторым вариантом IX и II типами — и тем самым подтверждает построенную эволюцию.

Выделенные типы и хронологические группы локализуются (рис. 10). Вещи ранней группы встречаются на Кубани и в Лесостепи, а поздней — в степной Скифии (вывод, совпадающий с положением В. А. Ильинской) [23]. При этом IV, V и VII типы наверший — специфически кубанские (они же самые ранние). VIII и IX типы, производные от пятого и седьмого, характерны для Лесостепи (что касается V типа, то он содержит как кубанские, так и лесостепные экземпляры).

Из этого следует, что отмечавшееся ранее сходство лесостепных наверший с кубанскими [24] говорит о преемственности их по отношению к последним (об этом свидетельствуют и стилистические параллели). При этом в качестве локального лесостепного признака можно выделить двухрядные прорези при биконической или грушевидной форме бубенца.

В целом соглашаясь с В. А. Ильинской по вопросу о локализации хронологических групп наверший, отметим, что граница между этими группами, согласно представленной схеме, проходит несколько позже, поэтому деление поздней группы на варианты не подтвердилось (в позднюю группу вошли лишь вещи «степного варианта» [25]). Что же касается

[23] *Іллінська В. А.* Про скіфські навершники, с. 42.
[24] Там же, с. 46.
[25] Там же, с. 47.

«кубанского варианта», то В. А. Ильинская включает туда только навершия из Новочеркасского музея и Анап-кургана [26]. Первое относится к рубежу VI—V вв. до н. э.[27], т. е. никак не может входить в нее по времени. Второе, как показала сама исследовательница, тесно с ним связано [28]. И вообще такой отрыв этих вещей от остальных экземпляров данного типа вряд ли целесообразен. По всей видимости, навершия с изображением голов животных на втулке без бубенца развивались постепенно с рубежа VII—VI вв. до IV в. до н. э. включительно, причем на разных территориях.

Следует заметить, что ареал наверший вообще не ограничивается рассмотренными территориями: вещи этой категории встречаются в более восточных областях. Среди бронз Ордоса, Тувы, Минусинской котловины тоже есть навершия, но, как правило, других форм: это или фигурки животных на колокольчиках [29], или на слегка изогнутых втулках овального [30] или прямоугольного [31] сечения. Встречаются, впрочем, и вещи, близкие по форме причерноморским,— олени, стоящие на бубенцах шаровидной формы с высокими прорезями (IV тип предлагаемой классификации) [32]. Заслуживает внимания то, что это один из исходных типов эволюции. Но этот факт, интересный для исследования вопросов распространения и происхождения наверший, не имеет прямого отношения к узкой теме данной статьи. По этой же причине к работе не были привлечены указанные навершия.

E. V. Perevodchikova

THE TYPOLOGY AND EVOLUTION OF THE SCYTHIAN POLE-TOPS

Summary

The article deals with the specific category of the objects, belonging to the Scythian culture — the Scythian pole-tops. The classification, made by the author includes 11 types of the pole-tops (fig. 1—8). Some types are subdivided into variants. The author traces links between well-dated types by separate signs and offeres the evolution of the pole-tops (fig. 9), which leads to a conclusion about the existence of two chronological groups of these artifacts. The early (late VIIth-early VIth — Vth centuries B. C.) types (the IVth — VIIIth and the first variant of the IXth) are localized at the Kuban and the forest-steppe zone of the Ukraine. The Kuban types (the IVth — VIIth, fig. 3—5) are initial the forest-steppe types (the VIIIth — the first variant of the IXth, fig. 8. 1, 4; 7, 1—10) are derived from them. The late (the IVth — IIId centuries B. C.) types (the IInd, X—XIth and the second variant of the IXth; fig. 2; 6, 5, b; 7, 11—14; 8) are spread in the steppine Scythia. The character of the variants is established: some of them are chronological, some local. On the basis of this evolution scheme separate signs of the pole-tops can be dated and, partly, localized. The Ist type existed during the whole period under review not influencing on the other types of the pole-tops. This type is characterized only by the internal stylistic evolution and the absence of new forms.

---

[26] *Ильинская В. А.* Скифы днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968, с. 158.

[27] *Salmony A.* An unknown Scythian find in Novocherkassk.— ESA, X, 1936, p. 60.

[28] *Ильинская В. А.* Навершия..., с. 297, 198.

[29] *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967; *Вадецкая Э. Б.* Тагарские погребальные ложа.— В сб.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, с. 172.

[30] *Егоров В. Л.* Древний штандарт из Хакасско-Минусинской котловины.— СА, 1967, № 1, с. 251, рис. 1, *1*.

[31] *Rostovtzeff M.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929, pl. XXI, *3*; XXXI, *1—3*; *Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х.* Третий год раскопок кургана Аржан.— АО — 1973. М., 1974, рис. на с. 193.

[32] *Грязнов М. П.* Древнее искусство Алтая. Л., 1958, табл. 20; *Уманский А. П.* Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье.— СА, 1970, № 2, с. 172, рис. 3, *1*; *Rostovtzeff M.* The Animal Style, pl. XXI, *4*.

О. А. ГЕЙ

ЧЕРНЯХОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(к постановке проблемы)

Культурная принадлежность поселений позднеримского времени, расположенных в низовьях Днепра, Южного Буга, Ингульца, Днестра, по берегам лиманов, долгое время была предметом споров. Большинство исследователей склонялись к мысли, что они, как и городища Нижнего Днепра, оставлены позднескифским населением. Об этом говорила общность таких элементов культуры, как керамика и каменное домостроительство. Однако на многих поселениях были обнаружены черняховские материалы. Так, например, в Бериславе керамика черняховского типа, по подсчетам Е. В. Махно, составила 10%[1]. В Викторовке были открыты полуземляночные жилища, по конструкции сходные с черняховскими постройками из Среднего Поднепровья[2]. Полуземлянки были открыты затем также в Тилигуло-Березанке и Бургунке[3].

Все эти факты заставляли поставить вопрос о южной границе черняховской культуры. В 1957 г. А. Т. Брайчевская (Смиленко) рассмотрела этот вопрос и пришла к выводу о том, что основной территорией черняховской культуры является украинская лесостепь, граница ее на Нижнем Днепре проходит в районе Никополя, а памятники, расположенные южнее, принадлежат к другой археологической культуре. Последняя имеет лишь отдельные черты сходства с черняховской культурой[4].

Однако, как справедливо отметил Э. А. Сымонович, решать вопрос о культурной принадлежности позднеримских поселений Северного Причерноморья можно лишь после обнаружения соответствующих им могильников[5]. Такие могильники были открыты в 1962 г. (Висторовка, Коблево, Ранжевое). Раскопки, проводившиеся в течение нескольких последующих сезонов, показали их черняховскую принадлежность, что позволило Э. А. Сымоновичу считать черняховскими и соответствующие этим могильникам поселения, а также хронологически и типологически близкие им памятники Северного Причерноморья.

Согласно наиболее распространенной концепции черняховские памятники появляются на территории Северного Причерноморья в результате продвижения населения из более северных районов. Впервые эта точка

---

[1] *Махно Е. В., Мізін В. А.* Бериславське поселення та могильник перших століть нашої ери.— АП, X, 1961.

[2] *Сымонович Э. А., Яровой А. З.* Поселение Викторовка II в устье Сосицко-Березанского лимана.— СА, 1968, № 2.

[3] *Сымонович Э. А.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, 1967, № 139, с. 230, 231; *его же.* Черняховская экспедиция.— АО — 1975. М., 1976, с. 397, 398.

[4] *Брайчевська А. Т.* Південна межа черняхівської культури на Дніпрі.— Археологія, XI, 1957, с. 12, 13.

[5] *Сымонович Э. А.* О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье.— КСИИМК, № 65, 1956, с. 131—135; *его же.* Итоги исследований..., с. 209.

зрения была сформулирована Э. А. Сымоновичем [6]. В принципе на тех же позициях стоит и А. Т. Смиленко. Она также связывает возникновение черняховской культуры юго-восточных областей с миграцией племен из Среднего Поднепровья [7]. Однако в концепциях этих двух исследователей есть и весьма существенные различия. Э. А. Сымонович не считает возможным противопоставлять южную группу черняховской культуры более северным областям. Некоторые нехарактерные для черняховской культуры в целом элементы, отмеченные на южных памятниках, он объясняет взаимосвязями с местным скифо-сарматским населением, видимо, частично ассимилированным пришельцами с севера [8].

По мнению А. Т. Смиленко, своеобразие северопричерноморских памятников настолько велико, что их нельзя включать в основной ареал черняховской культуры. Население Северо-Западного Причерноморья было смешанным, что обусловило и синкретический характер культуры. Памятники позднеримского периода на этой территории имеют много позднескифских черт (каменное домостроительство, незначительный процент трупосожжений, наличие катакомбных и подбойных могил на могильниках, большее количество импортной керамики), поэтому их нельзя назвать типично черняховскими [9].

Таким образом, А. Т. Смиленко и Э. А. Сымонович, придерживаясь в целом единой точки зрения на происхождение и этническую принадлежность черняховской культуры, весьма значительно расходятся в интерпретации северопричерноморских памятников. Расхождения эти связаны в основном с оценкой тех элементов, которые отличают южные области черняховского ареала от более северных.

Причины этих разногласий кроются, видимо, в необычайной сложности исторической ситуации в Северном Причерноморье на рубеже нашей эры. Этот период ознаменован заметными переменами в этническом составе населения, в экономической, политической и культурной жизни. Этническая картина менялась в основном за счет притока кочевых сарматских племен, которые вступали во взаимодействие с местным населением. Письменные источники фиксируют также продвижение фракийцев и германцев с запада и северо-запада. Некоторые материалы свидетельствуют и о связях с зарубинецкой культурой [10]. Таким образом, еще в раннеримский период в Северном Причерноморье сложился своеобразный культурный комплекс, имевший синкретический характер. Во II в. н. э. здесь появляются памятники черняховского типа. Однако наряду с ними, видимо, продолжают существовать и некоторые позднескифские городища и могильники. Такие поселения, как Афанасьево, Снигиревка, возникнув в I в. н. э., доживают до IV в. На них появляется серолощеная гончарная керамика. Выразительные черняховские материалы есть в инвентаре позднескифских могильников (Николаевка) [11]. Все эти факты говорят о значительном своеобразии черняховской культуры в Северном Причерноморье и ставят перед исследователями вопросы о формировании ее в этом районе и о соотношении с культурами предшествующего времени.

---

[6] *Сымонович Э. А.* Итоги исследований..., с. 237.

[7] *Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.). Київ, 1975, с. 48.

[8] *Сымонович Э. А.* Итоги исследований..., с. 237; *его же.* Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье.— В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1971, с. 73.

[9] *Сміленко А. Т.* Ук. соч., с. 47, 48.

[10] *Сміленко А. Т.* Ук. соч., с. 49.

[11] *Ebert M.* Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson.— PZ., Bd 5, № 1—2, 1913, S. 84—90.

Обе рассмотренные выше точки зрения на этот предмет основаны на концепции о соответствии культуры одному этносу [12]. Поэтому, несмотря на довольно значительные расхождения в интерпретации южных памятников черняховской культуры, возникновение последней на территории Северного Причерноморья и для Э. А. Сымоновича, и для А. Т. Смиленко означает проникновение сюда населения из более северных областей.

Изменение территории культуры неизбежно влечет за собой потребность пересмотра и уточнения (либо подтверждения новыми фактами) ее исторической интерпретации. Такая потребность вполне закономерно возникла и при распространении черняховской культуры на области Нижнего Поднепровья и северопричерноморского побережья. Еще в 1957 г. А. Т. Брайчевская (Смиленко) отмечала, что определение южной границы распространения черняховских памятников имеет важное значение для выяснения их этнической принадлежности [13]. Поэтому, видимо, не стоит автоматически переносить общее впечатление о черняховской культуре северных областей на причерноморский район ее распространения. Не исключено, что формирование ее здесь происходило не в результате миграций с севера, а на основе культур предшествующего времени — позднескифской и сарматской. Для решения этого вопроса необходимо определить значение и удельный вес тех элементов, которые отличают южные памятники от более северных.

Обратимся сначала к погребальному обряду. Результаты сравнения северопричерноморских и среднеднепровских могильников дают следующую картину. Для Среднего Поднепровья характерен биритуализм (соотношение обряда кремации и ингумации колеблется от 1 : 3 до 1 : 1). Погребения по обряду трупоположения совершались чаще всего в простых ямах. Могилы с заплечиками составляют значительную часть от всех трупоположений лишь в Журавке (44%). Подбойные могилы единичны (две в Переяславе-Хмельницком). Совсем не встречаются каменные конструкции в погребальных сооружениях. Подмазка дна могилы зеленоватой глиной отмечена только в Журавке [14].

В Северном Причерноморье выделяется группа могильников с значительным преобладанием обряда ингумации (в Ранжевом и Каменке-Анчекрак — 100% трупоположений, в Викторовке и Коблеве — 92%). Весьма распространен обряд погребения в могилах с уступами. В Викторовке и Ранжевом такие захоронения составляют 50% от всех трупоположений, в Коблеве — 44%, а в Каменке-Анчекрак приблизительно 85%. Часто встречаются также подбойные захоронения (Викторовка — 25%, Каборга — 22%, Коблево — 18%, Ранжевое — 20% от всех трупоположений). В большинстве могильников в погребальных сооружениях отмечены каменные конструкции — заклады, перекрытия, облицовка стен камеры. В Гавриловке они обнаружены в 15 могилах, в Коблеве — в 37, в Ранжевом — в 18 (соответственно — 30, 74, 90% от всех захоронений с трупоположениями). Каменные конструкции зафиксированы также почти во всех могилах в Каменке-Анчекрак. Часто встречается и подмазка дна могилы зеленоватой глиной. Этот элемент погребального ритуала отмечен в Коблеве в 11 случаях, в Викторовке — в 4, в Ранжевом — в 10 (соответственно — 22, 33, 50% от всех могил, содержавших трупоположения) [15].

---

[12] *Симонович Е. О.* Черняхівські племена Подніпров'я (культура та етнос).— Археологія, № 10, 1973, с. 10.

[13] *Брайчевська А. Т.* Південна межа черняхівськоі культури на Дніпрі.— Археологія, XI, 1957, с. 4.

[14] *Симонович Е. О.* Черняхівські племена Подніпров'я (культура і етнос).— Археологія, № 10, 1973, с. 18, 19, рис. 4; *Гончаров В. К., Махно Е. В.* Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького.— Археологія, XI, 1957.

[15] *Сымонович Э. А.* Ранжевский и Коблевский могильники.— В сб.: Черняховские могильники. М., 1979; *его же.* Итоги исследований черняховских памятников в Север-

Известно, что такие элементы, как захоронения в подбоях, катакомбах, могилах с заплечиками, каменные конструкции, подмазка дна зеленоватой глиной, характерны для скифо-сарматского погребального ритуала, они широко представлены в памятниках рубежа нашей эры Северного Причерноморья и Крыма [16]. Как мы видим, удельный вес их в черняховских могильниках Северного Причерноморья по сравнению со среднеднепровскими довольно велик. В пяти некрополях (Викторовка, Гавриловка, Каборга, Коблево, Ранжевое) они отмечены для большинства захоронений (всего 85 случаев). Таким образом, можно говорить об определенном вкладе скифо-сарматской культуры в формирование черняховского погребального ритуала Северного Причерноморья.

Остановимся теперь на материале поселений. В литературе широко распространено мнение о том, что наиболее яркой отличительной чертой памятников римского времени, расположенных на побережье Черного моря, является каменное домостроительство. Однако факт существования здесь каменных построек сам по себе ни о чем не говорит. Различия в строительном материале носят чисто географический характер и связаны с различиями в природных условиях. Камень применялся, по всей вероятности, в тех районах, где его было много, и там, где это было целесообразно. Но тип жилища зависит не только от природных условий. Определяющими факторами являются также культурно-исторические традиции, экономическая структура общества и, в конечном счете, уровень его социальной организации. В этом плане, видимо, и следует рассматривать различия построек на поселениях. В Среднем Поднепровье распространены наземные и углубленные постройки, состоящие из одной или двух камер. В Северном Причерноморье подобный тип жилища зафиксирован только в Викторовке, Тилигуло-Березанке и Бургунке. На большинстве поселений (Дарьевка, Дудчаны, Каиры, Каменка-Анчекрак, Коблево, Ранжевое, Киселово, Капустино и др.) представлены совсем иные постройки: многокамерные каменные дома, в которых жилые и хозяйственные помещения соединены каменной стеной и часто расположены вокруг внутреннего двора. Подобные сооружения аналогичны строительным комплексам, распространенным на территории Северного Причерноморья в предшествующее время на позднескифских и античных памятниках, и являются прямым продолжением позднескифских и античных традиций домостроительства.

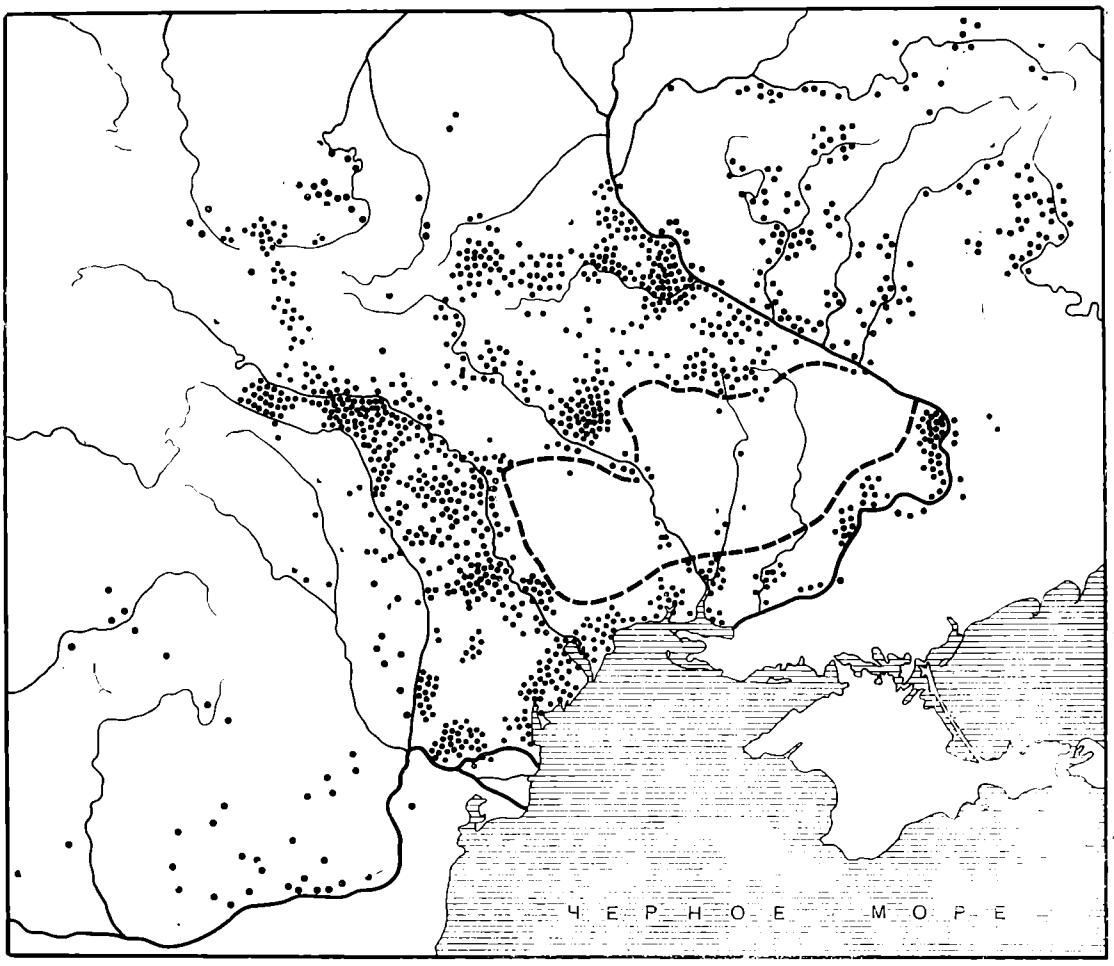
Все эти факты говорят о том, что при решении вопроса о формировании черняховской культуры в Северном Причерноморье нельзя не учитывать роль предшествующих культур, в основном позднескифской и сарматской.

Интересными материалами по рассматриваемой нами проблеме располагает в настоящее время также антропология. Как полагает большинство исследователей, черняховское население представлено единым антропологическим типом, обнаруживающим наибольшее сходство со скифами VII—III вв. до н. э. и с поздними скифами; сарматские черты прослеживаются, но в незначительной степени. Поэтому в свете антропологических данных наиболее вероятно предположение о том, что процесс генезиса черняховской культуры происходил в среде праиоязычных пле-

---

ном Причерноморье.— МИА, № 139, 1967, с. 211—231; *его же.* Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре.— МИА, № 82, 1960, с. 112, 208—220; *его же.* Памятники черняховской культуры степного Поднепровья.— СА, XXIV, 1955, с. 301—306; *Магомедов Б. В.* Могильник Каменка-Анчекрак в Николаевской обл.— Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. Ужгород, 1978.

[16] *Симонович Э. А.* Культура поздних скифов..., с. 69; *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев, 1972, с. 101; *Богданова Н. О.* Могильник I ст. до н. е.— III ст. н. е. біля с. Завітне Бахчисарайского району.— Археологія, № 15, 1960, с. 96.



Карта памятников черняховской культуры (по И. Ионице 1966, Е. В. Махно, 1960, Э. А. Рикману, 1975, Э. А. Сымоновичу, 1964, Г. Е. Храбану, 1964). Пунктиром обозначена почти не заселенная полоса степи, разделяющая Среднее Поднепровье и Северное Причерноморье

мен, в основном поздних скифов [17]. А это значит, что Северное Причерноморье (один из районов распространения позднескифских племен) нельзя исключать из зоны формирования черняховской культуры.

Если обратиться к карте черняховской культуры, можно заметить, что степень насыщенности памятниками не везде одинакова. Так, например, в лесостепном районе Правобережья, в междуречье Прута и Днестра, сконцентрировано большое количество поселений и могильников, тогда как Среднее Поднепровье и Северное Причерноморье разделяет почти пустая полоса степи. Такое положение вещей может, конечно, объясняться разной степенью изученности отдельных районов черняховской культуры. Однако Е. В. Махно в результате работы по картографированию черняховских памятников пришла к выводу о том, что даже если количество известных пунктов станет во много раз больше, «то соотношение густо населенных областей и областей, в которых они встречаются лишь спорадически, останется стабильным» [18].

---

[17] *Кондукторова Т. С.* Антропология древнего населения Украины. М., 1972, с. 110, 111; *Алексеева Т. И.* Славяне и германцы в свете антропологических данных.— ВИ, 1974, № 3, с. 65.

[18] *Махно Е. В.* Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты).— МИА, № 82, 1960, с. 10.

Дальнейшие исследования подтвердили это предположение. Несмотря на все увеличивающееся число новых памятников, степной район, разделяющий Северное Причерноморье и Среднее Поднепровье, остается наименее насыщенным. Это обстоятельство имеет большое значение. Как известно, процесс этногенеза может протекать только при регулярном и непосредственном общении людей. А возможность такого общения возникает лишь при условии общности территории [19]. Имеющиеся сейчас в нашем распоряжении данные о территориальной разобщенности населения черняховской культуры Среднего Поднепровья и Северного Причерноморья могут служить косвенным подтверждением того, что этногенический процесс протекал в каждой из этих областей самостоятельно. Это, конечно, не исключает проникновения в Северное Причерноморье отдельных групп населения из более северных областей, о чем говорит появление здесь некоторых новых традиций домостроительства, а может быть, и возникновение обряда трупосожжения [20].

O. A. Gey

THE CHERNIAKHOVO CULTURE SITES OF THE NORHT PONTIC AREA

Summary

The problem of the origin of the Cherni akhovo culture in the Northern Pontic region is still disputable. The most part of the investigators suppose that the sites of this culture appeared there as a result of the migration from the north. But some features, such as high percentage of inhumations, catacomb and niche graves, stone buildings with a lot of chambers may indicate the local origin of the Cherniakhovo culture. This is confirmed indirectly by the fact, that the northern part of the territory, occupied by this culture is detached from the southern. The author supposes, that the ethnic process in each part of this area was separate and independent.

---

[19] *Козлов В. И.* Этнос и территория.— СЭ, 1971, № 6, с. 89.

[20] Земляночные постройки, зафиксированные на отдельных поселениях (Викторовка, Бургунка) аналогичны подобным сооружениям из Среднего Поднепровья. На некоторых могильниках не прослеживаются отмеченные выше статистические закономерности. В Каменке-Днепровской преобладают трупосожжения, захоронение по обряду ингумации — лишь одно. Могильник Гавриловка строго биритуален.

И. ПЛЕЙНЕРОВА

О ХАРАКТЕРЕ РАННЕСЛАВЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПРАЖСКОГО И КОРЧАКСКОГО ТИПОВ

В исследованиях последних лет большое внимание уделяется раннеславянскому периоду. Это прежде всего относится к Советскому Союзу и Польше, затем к Чехословакии и Германской Демократической Республике. В попытках общей характеристики структуры раннеславянского заселения больших успехов пока достигли польские археологи и историки, что подтверждается работами З. Хильчерувны [1] и З. Подвинской [2]. Работы советских ученых, среди которых прежде всего следует выделить раскопки И. П. Русановой [3] и В. Д. Барана [4], принесли удивительное множество новых памятников VI—VII вв. Следовательно, могло бы показаться, что для рассмотрения характера раннеславянских поселений сложились весьма благоприятные условия. В действительности же до сих пор в большинстве случаев исследования (раскопки и сборы с поверхности) носили скорее характер спасательных мероприятий, так что при ближайшем рассмотрении среди множества памятников найдется лишь несколько систематических или в большом объеме исследованных памятников, которые могли бы представить данные для решения интересующего нас вопроса.

Преимущественное расположение раннеславянских поселений, состоящих в большинстве своем из небольших углубленных жилищ, на краях террас или на песчаных возвышенностях в тесной связи с сетью водных путей было доказано и уже упоминалось в ряде работ. К примеру, топографией раннеславянских поселений на чешской территории подробно занимался Й. Земан [5]. Более сложными и неясными пока являются вопросы о размерах поселений и особенно их внутренней планировке, продолжительности существования и других факторах, связанных с характером хозяйства раннеславянского населения.

Надежные данные о размерах поселения может дать только полностью исследованный памятник, а не подъемный материал, дающий ограниченную информацию. В областях пражского и корчакского типов в раннем периоде существовали небольшие поселения; однако заметны определенные различия, которые необходимо проследить детальнее. Число жилищ чаще всего колеблется от четырех до десяти. Величина застроенной площади — от 0,5 до 2 *га*. Сравнение крайних величин указывает, следовательно, на довольно существенную дифференциацию.

[1] *Hilczerówna Z.* Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początków XI wieku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967.

[2] *Podwińska Z.* Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wczesniejszym średniowieczu. Wrocław — Warszawa — Gdańsk, 1971.

[3] *Русанова И. П.* Поселения у с. Корчак на р. Тетереве.— МИА, № 108, 1963, с. 39—50.

[4] *Баран В. Д.* Ранні слов'яні між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972.

[5] *Zeman J.* Nejstarší slovanské osidleni Čech.— Památky archeologické, t. LXVII. Praha, 1976.

Планировкой раннеславянских поселений в рамках широкого отрезка времени занимались прежде всего З. Подвинска[6] и А. Питтерова[7]. Из их работ вытекает вывод об относительной одновременности двух основных типов поселений. Помимо поселений с неопределенной и редкой планировкой уже в раннеславянском периоде наблюдается тип с частой застройкой, а также с площадью в центре. Поселения с рядовой планировкой жилищ, которая вначале зависела от топографических условий, в рамках раннеславянского периода являются несколько более поздними.

Каждое поселение следует считать определенной единицей, складывающейся как из застроенной территории, так и из хозяйственной площади — полей, лугов, пастбищ, вод, иногда лесов. С этой точки зрения следовало бы размещение застроенной площади поселения сопоставить с его расположением на местности. Предположим, что вблизи отдельных жилищ всегда были небольшие обрабатываемые участки. Тогда вероятно, что у поселений с меньшей площадью, но более частой застройкой преобладающая часть обрабатываемой почвы была сосредоточена вне селения. При редкой и разбросанной застройке большая часть этих участков могла быть включена прямо в поселение. На это влияли как естественные условия, так и общественно-экономические факторы, что мы постараемся проследить на различных примерах.

Й. Херрманн[8] попытался по густоте расположения славянских памятников на территории ГДР установить величину хозяйственной территории поселений в отдельные периоды. По его подсчетам, в старославянский период она составляла пространство радиусом 0,75 *км*, т. е. площадью приблизительно 180 *га*. Условия природной среды раннеславянского поселения в Бржезно у Лоун[9] в северо-западной Чехии позволяют составить приблизительное представление о размерах всего ареала поселения, так как оно размещалось на четко выделяющейся площади, образующей довольно выразительное целое. Масштаб ареала соответствует предположениям Й. Херманна. Для обработки земли здесь благоприятна равнинная поверхность в 50—60 *га* южнее поселения. Некоторые памятники на Украине также могли бы подтвердить или уточнить эти данные, поскольку в ряде мест густота расположения поселений там весьма значительна. Интервалы между поселениями обычно не превышают 2—3 *км*. Для подобных рассуждений, однако, необходимо более точное определение относительной хронологии. Для этого столь же полезным было бы рассмотрение поселений, основанных на четко ограниченных, небольших песчаных возвышенностях.

Сложной проблемой является продолжительность существования сельских поселков. Кроме некоторых однофазовых, т. е. явно кратковременных поселений, на всей территории пражского и корчакского типов очень часто встречается заселение одних и тех же мест в позднейшие периоды, в VIII и IX вв. Это можно продемонстрировать на памятниках Чехии. Помимо одного систематически исследованного поселения (Бржезно) существуют еще три поселения (Беховице, Бржежанки, Кадань), где были проведены большие спасательные работы. Только поселение в Центральной Чехии — Беховицы у Праги[10] представляет собой однофазовое поселение. На остальных трех были обнаружены и слои VIII—IX вв. (местами и X в.). Возникает вопрос, является ли это под-

---

[6] *Podwińska Z.* Op. cit., s. 50—63.

[7] *Pitterová A.* Typy nejstaršich slovanskych sidlist vesnickehó charakteru a jejich vyvoj ve svetle archeologickych pramenů.— Česky lid, № 55, 1968, s. 169—179.

[8] *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und geselschaftliche Verhältnisse der Stämme zwischen Oder / Neisse und Elba. Berlin, 1968, S. 11.

[9] *Pleinerová I.* Vyzkum osady z doby stechovani narodů a doby slovanske v Březne u Loun.— AR, t. XVII, 1965, s. 495—496; *idem.* Březno. Vesnice prvnich Slovanů v severozapadnich Čechach. Praha, 1975, s. 18—20.

[10] *Vencl S.* Časne slovanské osidleni v Bechovicich o. Praha — východ.— PA, t. LXIV, 1973, s. 340—391.

линной преемственностью, т. е. непрерывным заселением того же места, или преемственностью только в смысле археологической схемы, т. е. в действительности с временными пробелами.

В Бржезно мы обнаружили интересные факты, имеющие значение для рассмотрения этого вопроса [11]. Это прежде всего стратиграфия близких по времени и расстоянию объектов, свидетельствующая об определенных временных пробелах в заселении. Зернохранилище № 126, относящееся к позднейшей фазе раннеславянского заселения, нарушало полуземлянку № 11, относящуюся к раннему этапу раннеславянского периода. Три землянки ранней славянской деревни (№ 22, 24, 34) были по большей части перекрыты славянскими постройками (№ 25, 23, 33) IX в. Другой примечательный факт — ориентация жилищ VIII в. по сравнению с более ранними славянскими представляется иной. Важны также наблюдения, касающиеся количества находок. Если считать славянское заселение с середины VI до конца IX в. непрерывным, то получается, что люди, поселившись на одном месте, провели там 300—350 лет. Но для такого предположения находок VI, VII, а также VIII в. обнаружено недостаточно. Напрашивается объяснение, что поселение было оставлено, а через некоторое время вновь заселено, причем новая деревня была основана приблизительно на том же месте.

На поселении северо-западной Чехии в Кадани [12] воссозданная картина, особенно в отношении размещения объектов, довольно фрагментарна. Поселение было значительно бо́льшим, чем исследованная площадь. Другой пункт северо-западной Чехии — Бржежанки [13], хотя и значительно нарушенный, предоставил больше данных. Автор сообщения указывает на возможность разрастания и частичной перегруппировки поселения приблизительно на том же пространстве, по существу почти без перерыва во времени. В связи с этим он указывает на единственный пример перекрытия объектов [14]. Далее автор указывает на тот факт, что более поздние, относящиеся к среднегородищенскому периоду объекты концентрируются в западной части памятника. Они занимают большую площадь и в значительной степени перекрывают древнейшее селение. Следовательно, в горизонтальной стратиграфии нет прямого доказательства постепенного разрастания поселения. Очевидно, следует допустить, что нет доказательств и противоположного предположения о последующих заселениях территории после определенных перерывов.

Предположение о перемещении поселений, происходивших, как я полагаю, прежде всего в VI и VII вв., а местами, наверное, и позднее, помимо сведений с бржезненского памятника может опираться на ценные наблюдения И. П. Русановой [15] о 14 близко расположенных поселениях в окрестностях с. Корчак на Украине. Хотя все они в общих чертах относятся к раннеславянскому периоду, между ними можно было проследить небольшие хронологические различия. Из исследованных поселений Корчак VII и IX представляются несколько более ранними, чем Корчак I. Поселения располагались в аналогичных условиях как в отношении близости к водным источникам, так и высоты их размеще-

---

[11] *Pleinerová I.* Březno..., s. 96—99.

[12] *Bubenik J.* Staroslovanské sídliště v Kadani.— AR, t. XXIV, 1972, s. 373—386.

[13] *Bubenik J.* Slovanské sídliště u Bžezanek, okr. Teplice.— AR, t. XXVII, 1975, s. 642—650.

[14] Перекрытие построек на поселениях — явление скорее исключительное, случайное, поскольку и по прошествии времени место, где находилось жилище, выделялось по крайней мере видом растительности. Благодаря достаточному пространству это место можно было миновать при постройке других жилищ. Поэтому важны и немногочисленные случаи нарушений. Все, однако, осложняет тот факт, что и в рамках одной фазы нельзя исключить длительных перестроек и ремонтов, которые при исследовании могут показаться нарушениями.

[15] *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, вып. Е1—36. М.— Л., 1973, с. 23, 24.

ния. Прежде всего это относится к поселениям I и IX. Этим фактам хорошо отвечает предположение о перемещении поселений.

Подобные выводы были бы возможны и на некоторых памятниках Волыни и Поднестровья, опубликованных В. Д. Бараном. Правда, здесь не во всех случаях выяснены хронологические соотношения, поскольку чаще всего проводились небольшие спасательные раскопки. Определенные данные могли бы, наверное, предоставить: Городок I (вторая половина VII в.); Городок II (VI—VII вв.); Бовшев I (VI — середина VII в.); Демьянов I (VII в.), а также Рипнев I (VII в.) и Рипнев II (VI — середина VII в.).

Другим доказательством перемещения поселений и не совсем устойчивого заселения в раннеславянском периоде является существование кратковременных поселений с одной фазой заселения. Не найдено обычных следов неожиданного, насильственного прекращения жизни на поселении, все признаки скорее свидетельствуют о преднамеренном оставлении поселка.

Если принять во внимание в общем небольшое количество находок, как построек, так и инвентаря, в раннеславянских поселениях и сравнить его с количеством памятников, местами как бы гнездящихся в определенных областях, это опять приведет нас к мысли о кратковременных и перемещавшихся поселениях. Не хотелось бы этим создать впечатление, что в густо заселенных местностях в действительности не существовало никаких синхронных поселений. Несомненно, синхронные поселения были, однако следует иметь в виду возможность перемещения и в этом плане корректировать представление о заселении данного пространства.

Кратковременными можно считать и некоторые памятники со следами нескольких фаз заселения, которые можно рассматривать как места, заселенные вновь после определенного перерыва, не всегда заметного в материальной культуре. Если перерыв был большим, то археологически его легче установить и новое заселение того же места очевидно. Например, З. Хильчерувна [16] установила на некоторых памятниках польской территории новые следы заселения после длительного перерыва (200 лет). Представляется, что большие, постоянно разрастающиеся поселения с непрерывным заселением в течение длительного отрезка времени для раннего периода необычны, хотя существование их в специфических местных условиях не исключено [17].

Представлению о непрерывном заселении помимо преемственности в археологическом материале сопутствует факт длительного заселения примерно одного и того же места. Однако сам по себе этот факт не показателен. Возможно, что новое заселение того же места было случайным. Условия для выгодного расположения поселения в различных фазах славянского периода были одни и те же. Поэтому возможно, что такие места специально искали. Ранее заселенное место должно было быть заметно и после большого перерыва, хотя бы по специфическим видам растений на месте прежнего поселения.

В некоторых случаях, особенно для поселений на краю террас, можно предполагать перемещение их вдоль течения, а иногда возвращение спустя некоторое время на старые места. Хотя я полагаю, что эти перемещения в большинстве своем были обусловлены общим характером жизни и хозяйства в тогдашней деревне, следует допустить и влияние других факторов, например поднятие уровня почвенных вод и пр. На это в некоторых случаях указывают польские исследователи. На примерах

[16] *Hilcszerówna Z.* Op. cit., tabl. XI—XIV.

[17] Неясно, можно ли довольно частые перекрытия объектов на раннеславянском поселении в Дессау-Мозигкау объяснять перерывами в заселении; возможно, дело здесь в размещении поселения на довольно небольшой возвышенности, ограничивавшей размеры удобной для заселения площади.

различных поселений у Торнова это убедительно доказал Й. Херрманн [18]. Изменения водного режима играли определенную роль в перемещении поселков, расположенных низко у водных потоков, а иногда и поселков на больших возвышенностях в пойме рек. Однако для большинства поселения пражского и корчакского типов, в особенности расположенных на краях террас и высоких берегах рек, с этой причиной считаться нельзя, поскольку другие, относительно поздние поселения находятся примерно в таких же высотных условиях. Следовательно, объяснять перемещения поселений надо прежде всего экономическими причинами. В таком случае перемещения можно было бы расценивать как какой-то долговременный перелог, соединенный с перенесением поселка. Здесь было, наверное, много случайного и беспорядочного — иногда более длительные задержки на месте, в отдельных случаях повторное заселение могло и не происходить. Это явление не свидетельствует также о примитивном уровне земледелия у древних славян, поскольку уже (хотя бы) на основе ботанических анализов известно, что это было не так. Возможность перемещений объясняется тем, что в VI и VII вв. еще, наверное, не существовало такой прочной сети селений с установившимися связями, как позднее, например у городищ и окружающих деревень. Возникшая со временем плотность заселенности делала такие перемещения невозможными.

В заключение напомним, что существующее состояние исследований для решения подобных проблем пока не удовлетворительно. Необходимы исследования, сосредоточенные на одном полностью вскрытом памятнике. Важным явилось бы и широкое исследование определенной области, поскольку только так можно будет получить прочную основу для решения вопросов о структуре и развитии древнего заселения.

I. Pleinerova

ON THE CHARACTER OF THE EARLY SLAVIC SETTLEMENTS OF THE PRAGUE AND THE KORCHAK TYPES

Summary

The data on the early Slavic settlements of the VI—VIIth centuries A. D. let the author make the following observations: 1) the settlements as a rule are located in the similar topographic situation near the water; 2) there are from 4 to 10 synchronous dwellings, situated near each other or comparatively far from each other, which can be possibly connected with different disposition of the household units; 3) the occupation period of the settlements was rather short and the population oftenly moved to other places. These features are reflected in rather small cultural deposits, the disposition of asynchronous buildings at the same place, the existence of settlements occupied for a short period. The transference of the settlements was, possibly, connected with peculiarities of economic activities of the population. The full investigation of separate regions and the exploration of the entire territory of the settlements are needed for further conclusions.

---

[18] *Herrmann J.* Die germanische und slawische Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow, K. Calau.— In: Schriften zur Ur- und Frühgeschichte, № 26. Berlin, 1973.

Э. ДОМБРОВСКА

ПРОБЛЕМА ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ВЕЛИКИХ ГОРОДОВ» У ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Развитие укрепленных поселений и их место в территориальной организации, определяемой в литературе как городская организация, на территории расселения западных славян не имело единого характера. Хронологические рамки отдельных этапов их развития и механизм происходивших изменений пока еще мало изучены.

В исторической литературе под термином «городская организация» понимались прежде всего территориальные организации раннефеодальных государств (т. е. провинции, кастелянии). Однако не исключена возможность связи этих организаций с прежним местным территориальным устройством, которое не везде было одинаковым [1]. Как показали исследования последних 20 лет, неверно отрицать саму возможность существования в предгосударственный период территориальных организаций во главе с укрепленным центром. Эти организации не были одинаковыми из-за отсутствия центральной власти, которая объединяла бы их. Термин «город» в качестве обозначения территориальной округи известен в X в. на всей территории расселения славян [2].

Укрепленные поселения на землях западных славян исследованы неравномерно. Относительно хорошо исследованы районы северного и центрального Полабья [3], некоторые районы Поморья [4], Великой Польши и Любуской земли [5], центральной Польши [6] и Малой Польши [7], а также

[1] *Wojciechowski Z.* Ze studiów nad organizacją państwa polskiego za Piastów. Lwów, 1924, s. 5; *idem.* Momenty terytorialne organizacji grodowej w Polsce Piastowskiej.— In: Studia nad historią prawa polskiego, t. 8. Lwów, 1928, s. 54.

[2,3] *Łowmiański H.* Początki Polski, t. 4. Warszawa, 1970, s. 54, 55.

[3] *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder / Neise und Elbe. Berlin, 1968; *Grebe K.* Zur frühslawischen Besiedlung des Havelgebiete.— In: Veröffentlichungen des Museum für Ur- und Frühgeschichte Potsdam, t. 10, 1976, S. 167—204.

[4] *Olozak J., Siuchniński K.* Źród'a archeologiczne do studiów nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem grodowym na terenie województwa koszalińskiego, t. 1, 2 i 3. Poznań 1966, 1968, 1970; *Łosiński W., Olczak J., Siuchniński K.* Źródła archeologiczne do studiów nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem grodowym na terenie województwa koszalińskiego, t. 4. Poznań, 1971; *Łosiński W.* Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII—X/XI w.). Wroc'aw — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972; *Olczak J., Siuchniński K.* Typologia wczesnośredniowiecznych grodzisk Pomorza Środkowego.— Slavia Antiqua, t. 23, 1976, s. 111—152; *Lachowicz F., Olczak J., Siuchniński K.* Osadnictwo wczesnośredniowieczne na Pomorzu i Pojezierzu Wschodniopomorskim.— In: Wybrane obszary próbne. Katalog. Poznań, 1977.

[5] *Hilczerówna Z.* Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początków XI wieku. Wroc'aw — Warszawa — Kraków, 1967; *Hilczerówna Z., Urbańska-Losińska A.* Rozwój terytoriów osadniczych u schyłku starożytności i we wczesnym średniowieczu w południowej części województwa zielonogórskiego.— In: Studia and początkami i rozplanowaniem miast nad środkową Odrą i dolną Wartą, t. 2. Zielona Góra, 1971, s. 49—114.

[6] *Kamińska J.* Grody wczesnośredniowieczne ziem Polski Środkowej na tle osadnictwa. Łódź, 1954; *idem.* Grody Polski Środkowej w organizacji wczesnopaństwowej.— In: Prace i Materia'y Muzeum Archeologicznego w Łodzi. Ser. Archeologiczna, № 18, Łódź, 1971, s. 41—75.

[7] *Dąbrowska E.* Wielkie grody dorzecza górnej Wisły — ze studiów nad rozwojem organizacji terytorialno — plemiennej w VII—X wieku. Wroc'aw — Warszawa — Kra-

частично Чехии [8] и Моравии [9]. Детальной монографической разработки ждут еще укрепленные поселения восточного Поморья, территория верхних Лужиц [10], Силезии [11], Мазовии [12] и Словакии.

Появление первых славянских укрепленных поселений в бассейне верхней Вислы следует отнести к VII в. Датировку укрепленного поселения в Ходлике VI в., вплоть до публикации всех материалов о нем, следует считать открытой [13]. Самые первые укрепленные поселения в Страдове и в Щавориже могут датироваться временем не ранее VI—VII вв. Это были крупные, расположенные на возвышенности поселения площадью от 0,5 до 3 *га*, защищенные земляным валом, с внутренней круговой застройкой. Обычно они возникали на месте древнейших открытых поселений. Вокруг укрепленных поселений сохранились открытые, создававшие вместе с ними единый населенный комплекс.

Небольшое число самых древних раннесредневековых комплексов поселений в бассейне Вислы и большие расстояния, их разделяющие, скорее всего свидетельствуют о том, что они не были основой для создания в этом районе малого территориального объединения. Появление таких комплексов следовало бы, скорее, связать с формированием уже в VIII в. крупных территориальных общин.

В конце VIII или в начале IX в. происходит важный перелом в характере заселения бассейна верхней Вислы. Мы наблюдаем здесь как значительные количественные изменения — уплотнение населения на ранее обжитых речных террасах и постепенное проникновение в междуречье, так и качественные, важнейшее из которых — появление так называемых «великих городов».

Названные нами «великими городами» комплексы поселений представляют собой расположенные на возвышенности (часто на месте существовавших ранее больших укрепленных поселений), обычно защищенные несколькими валами деревянно-земляной конструкции («прокладочной» или «колосниковой», реже «ящичной») большие поселения. Они представляют собой крупные, состоящие из нескольких частей городища площадью от 6 до 20 *га*, а многие из них и свыше 20 *га*, например Страдув, фаза III (рис. 1), или Нашацовице (рис. 1, *5*). Им сопутствуют открытые поселения, образующие вместе с «великими городами» крупные комплексы поселений (Ходлик, фаза III (рис. 1, *8*), Демблин, Страдув, фаза II) [14].

---

ków — Gdańsk, 1973; *Żaki A.* Archeologia Małopolski wczesnośredniowiecznej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1974.

[8] *Stěpánek M.* Opevněná sidliště 8—12 století ve střední Europě. Praha, 1965, s. 99 n.; *Solle M.* O základních vývojových stadiich západnoslovanského hradiska podle českeho výzkumu.— In: I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej, t. 4. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 176—195; *idem.* K otázce řádu českých hradišť velkomoravského obdobi.— In: Casopis Moravského Musea, t. 57, 1972, s. 195—202.

[9] *Dąbrowska E.* Organizacje grodowe w dorzeczu górnej Wisły i na Morawach w początkach wczesnego średniowiecza.— In: Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1972, s. 31—46; *Беранова М., Сметанка З., Станя Ч.* Археологические исследования славянской эпохи в Чехии и в Моравии в 1966—1974 гг. Památky Archeologické, t. 66, 1975, s. 153—247.

[10] *Grimm P.* Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwalle der Bezirke Halle und Magdeburg. Berlin, 1958.

[11] *Kaletynowie M. i T.* Grodziska wczesnośredniowieczne województka wrocławskiego. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968; *Lodowski J.* Z badań nad wczesnośredniowiecznym budownictwem obronnym na Śląsku Środkowym.— Acta Universitatis Wratislaviensis, № 142. Studia Archeologiczne, t. 4, 1971, s. 235—262.

[12] *Szymański W.* Mazowsze w początkach wczesnego średniowiecza.— In: Badania archeologiczne na Mazowszu i Podlasiu. Warszawa, 1975, s. 113—121; *Górska I., Paderewska L., Pyrgała J., Szymański W.* Grodziska Mazowsza i Podlasia (w granicach dawnego województwa warszawskiego). Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1976.

[13] *Gardawski A.* Chodlik, cz. I, Wczesnośredniowieczny zespół osadniczy. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970; *Dąbrowska E.* Wielkie grody..., s. 64; *Żaki A.* Archeologia..., s. 78, 79, 374, 375.

[14] *Dąbrowska E.* Wielkie grody..., s. 55, 56.

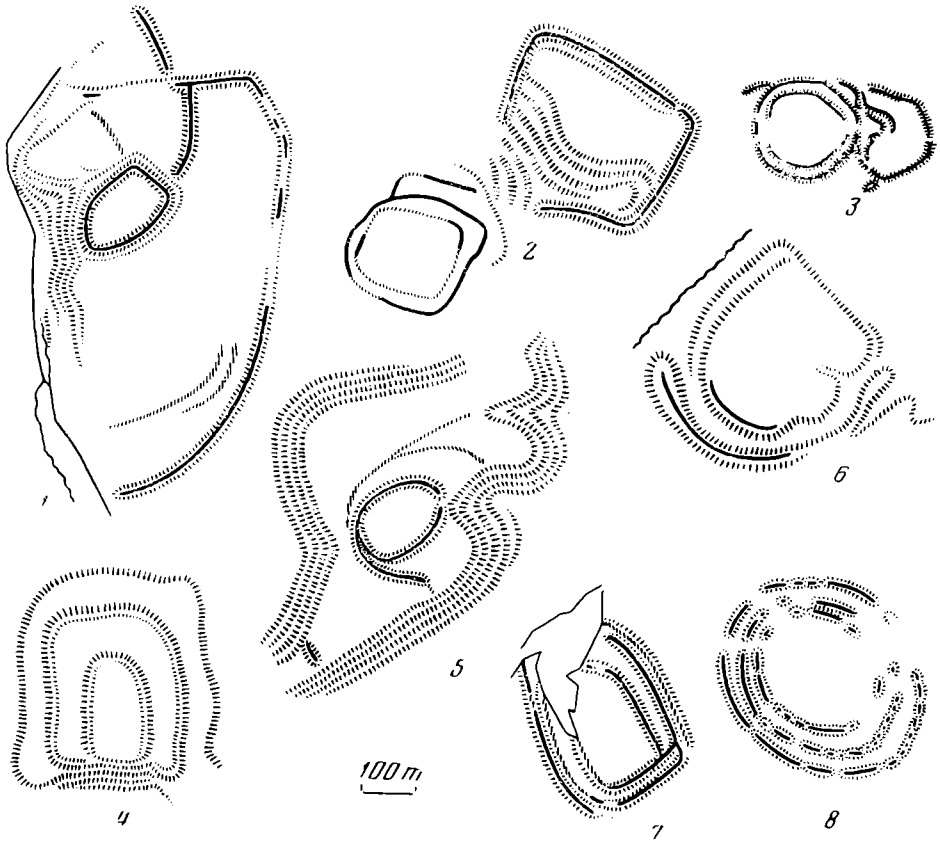


Рис. 1. «Великие города» Малой Польши: *1* — Страдув, воев. Кельце; *2* — Завада Лянцкоронска, воев. Тарнов; *3* — Любомия, воев. Катовице; *4* — Хелм, воев. Тарнов; *5* — Нашацовице, воев. Новы Сонч; *6* — Дамице, воев. Кельце; *7* — Щавориж, воев. Кельце; *8* — Ходлик, воев. Люблин

Кроме того, вдоль долин рек, текущих с Карпат, верхней и средней Вислоки, ее притока Яселки и в верховьях Сана встречаются укрепленные поселения со специфической серповидной формой валов типа Ветшно (рис. 2, *4*). Эти укрепленные поселения, имеющие форму вытянутого овала, состоящие из отделенных валами трех или четырех частей, были очень слабо заселены. Они находились на вершинах высоких холмов, причем ниже, на склоне, располагался центр укрепленного поселения, а выше — его последняя внешняя часть, например поселения в Пшечице (рис. 2, *2*) или Тшцинице (рис. 2, *3*). Средний размер поселений типа Ветшно от 264×90 *м*, или 2,4 *га*, до 450×120 *м*, или 5,4 *га* [15].

Появление «великих городов» в бассейне верхней Вислы связано, вероятно, с окончанием первого этапа консолидации малых племен и созданием более крупных организаций и даже межплеменных союзов. «Великие города», по-видимому, выполняли в их рамках роль центров с определенными оборонительными и административными функциями, аналогичными, возможно, «civitas» из Географа Баварского середины IX в. В бассейне верхней Вислы лучше всего изучен комплекс «великих городов», приписываемый племенному союзу вислян. В него входит 10—12 укрепленных поселений площадью около 10 тыс. *км*^{2}, находящихся на расстоянии 20—25 *км* друг от друга. Укрепленные поселения типа Ветшно, видимо, выполняли только функции оборонительных крепостей, контролирующих проходы через Карпаты в северо-восточном направлении [16].

[15] Ibid., s. 55, 56, 107.
[16] Ibid., s. 110—133.

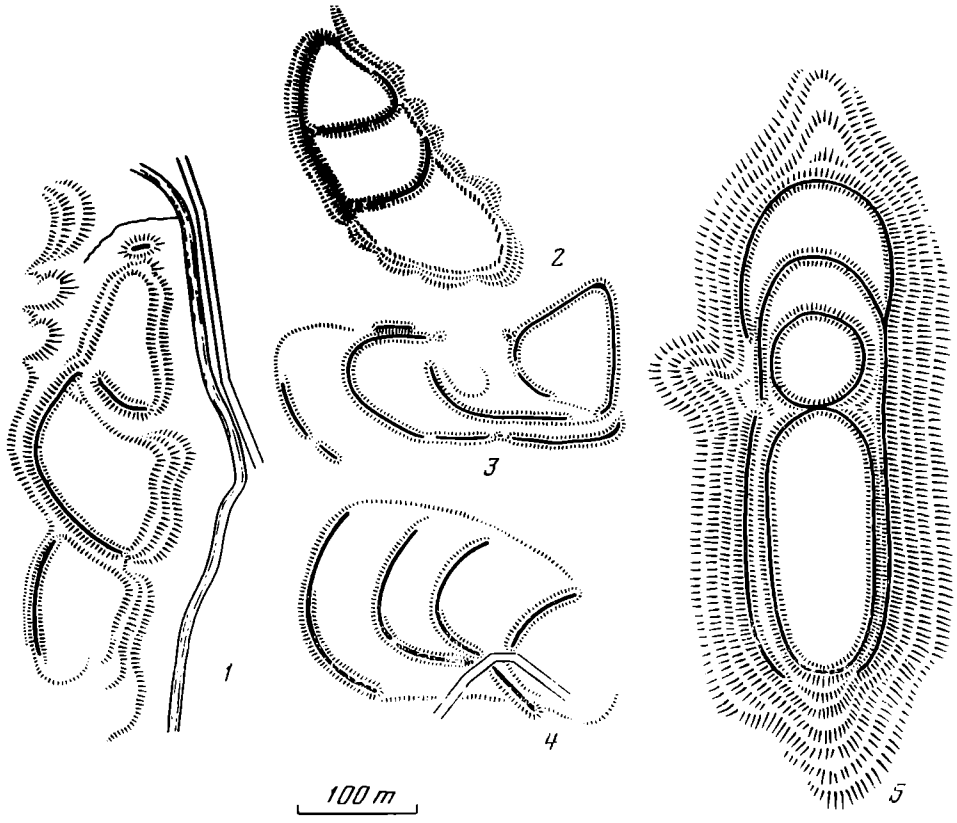


Рис. 2. Городища типа Ветшно: *1* — «Подобора» около Тешина, округ Чески Тешин; *2* — Пшечица, воев. Кросно; *3* — Тщиница, воев. Кросно; *4* — Ветшно-Бобрка, воев. Кросно; *5* — Трепча, воев. Пшемысль

Однако развитие укрепленных поселений в бассейне верхней Вислы отличается от развития остальных польских земель.

В Великой Польше и в Любуской земле с северной частью Нижней Силезии, в центральной Польше и в западном Поморье в отличие от Малой Польши развитие раннесредневековых укрепленных поселений шло от больших поселений к малым. Но на всех названных территориях процесс этот проходил не одновременно.

Раньше всего, уже в VI в., появляются укрепленные поселения в северной части Нижней Силезии и в Любуской земле (например, Полупин [17]), а во второй половине и в конце VI в.— в бассейне верхней и средней Обры (например, Бониково, рис. 3, *5*). Это большие поселения диаметром от 100 до 150 *м*, защищенные одним земляным валом, имеющие круговую застройку. На значительной части указанных территорий эти городища были единственной формой поселений, без одновременных им открытых поселений. В VII в. или самое позднее в первой половине VIII в. на смену этим укрепленным поселениям приходят значительно меньшие поселения диаметром от 45 до 80 *м*, защищенные деревянно-земляными валами и состоящие из двух или более частей. Малые укрепленные поселения находятся обычно в центре скоплений открытых поселений, существовавших непрерывно до конца IX или первой половины X в. [18] (рис. 3).

[17] *Dąbrowski E.* Sprawozdanie z badań archeologicznych na grodzisku wczesnośredniowiecznym w Polupinie, pow. Krosno Odrzańskie.— In: Materiały Komisji Archeologicznej. № 1. Zielona Góra, 1965.

[18] *Herrmann J.* Siedlung..., s. 164—178; *Hilczerówna Z., Urbańska-Łosinska A.* Op. cit., s. 70 n.

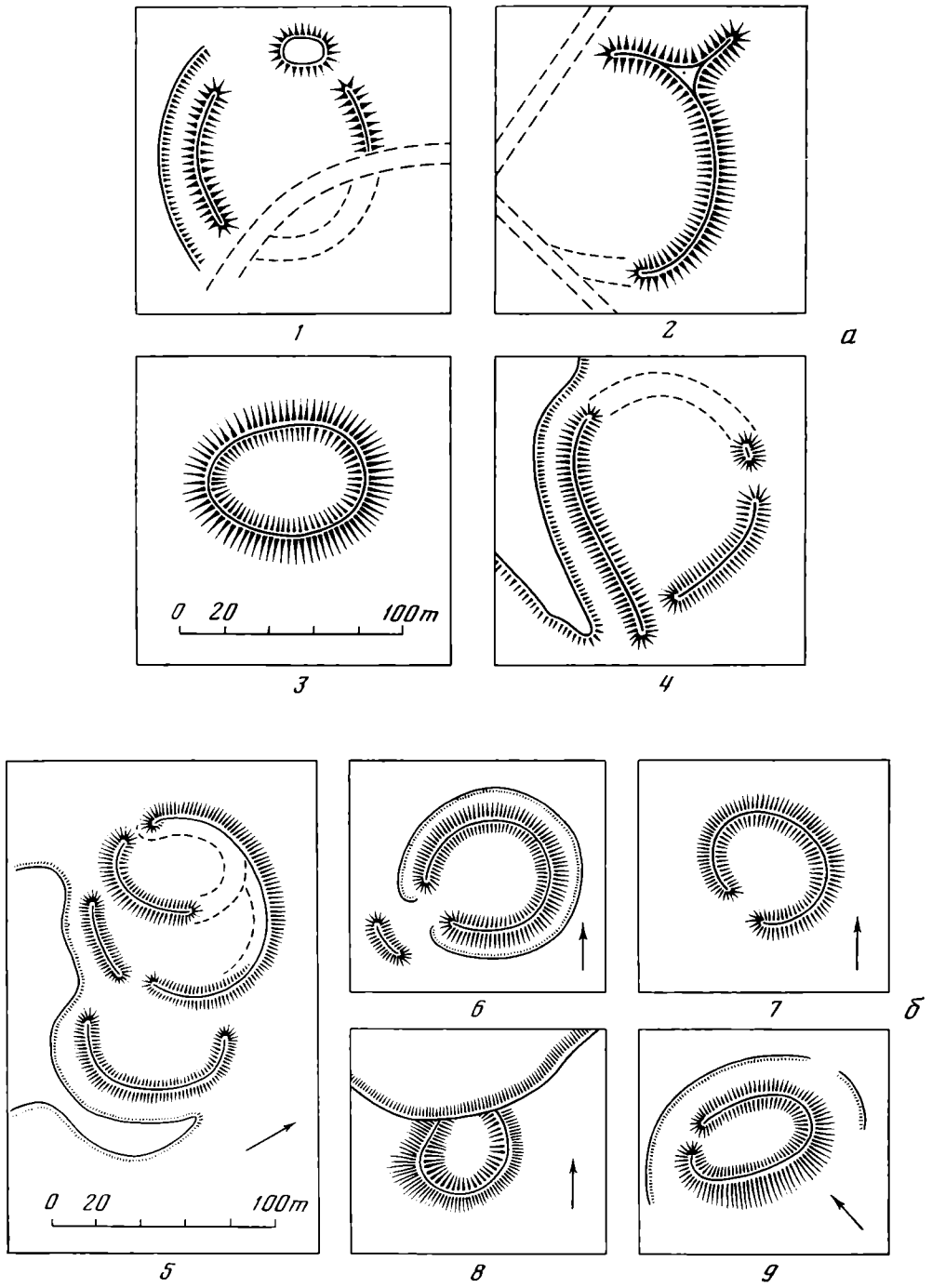


Рис. 3. Городища северной области (по С. Хильчерувне): *1* — Каменец, *2* — Турев, *3* — Уликув, *4* — Сёмово, *5* — Бонпково, *6* — Брущево, *7* — Далешин, *8* — Кашово, *9* — Попенщице
а — большие городища, *б* — малые городища

В Центральной Польше известны лишь два укрепленных поселения конца VI—VII и VIII вв.— в Ленчице (фазы I и II) и в Мникове. В первой половине IX в. появляются многочисленные малые укрепленные поселения, окруженные открытыми поселениями: Черхув, Шидлув, Витув, Розпша, фаза I, и Хелм, фаза I. Во второй половине X в. они уступают место новым укрепленным поселениям, основанным на месте старых (Хелм, фаза II, Розпша, фаза II) или вблизи них (Серадз около Витова, Ленчица, фаза III, вместо Черхува) [19].

[19] *Kamińska J.* Grody..., s. 41—75.

Пока нет монографии, посвященной городищам Мазовии. По мнению В. Шиманского, самые древние укрепленные поселения VI—VIII вв. концентрируются в районе Плоцкой Мазовии. Это городища, занимающие от 0,13 до 80 *га*, расположенные преимущественно на возвышенности и защищенные одинарным земляным валом (укрепленное поселение в Шелигах имеет даже вал с каменным ядром) или деревянным частоколом [20].

Иная хронология развития укрепленных поселений в западном Поморье и северном Полабье. В Поморье расположенные у подножий холмов малые и большие городища (с внутренней территорией до 1,5 *га*) появляются в VII в., сосредоточив в пределах своих валов все население (в бассейне Парсенты вначале вокруг них не было открытых поселений). Эти укрепленные поселения функционируют до середины или даже до конца IX в., когда они уступают место значительно более укрепленным, но менее многочисленным малым поселениям (с внутренней площадью от 0,1 до 0,5 *га*), характерным для всего X в. Около 1000 г. в бассейне верхней Парсенты исчезают все укрепленные поселения, за исключением основанного в середине IX в. Колобжега [21]. У полабян возникновение на рубеже X и XI вв. центра поселений в Рачиборе также ведет к упадку соседних укрепленных поселений [22]. В то же время на о. Волин развитие ранних укрепленных поселений привело к созданию города [23].

Близкий к малопольскому цикл развития поселений наблюдается на южных границах расселения западных славян, т. е. в Моравии и западной Словакии, а также в Чехии и в верхней Лужице (в треугольнике между средней Лабой и Солавой).

Начало развития славянских укрепленных поселений в Моравии до сих пор точно не определено. В VI и VII вв., кроме Микульчиц, других укрепленных поселений там не известно [24]. Поселение в Микульчицах занимало территорию около 4 *га* и имело регулярную, обнесенную частоколом застройку. Следы древних поселений обнаружены также на некоторых других великоморавских укрепленных поселениях: Старо Место, округ Угерске Градиште или «Поганско» под Бржецлавом. Лишь для городищ, расположенных на возвышенных местах, на полуостровах (Старый Замок около Лишни, округ Брно, Зеленая Гора, округ Вышков), удалось выделить слои, относящиеся к самой ранней фазе чешских укрепленных поселений, занимавших окруженную частоколом территорию площадью около 1 *га*. Ч. Станя датирует их VIII в.[25]

Начиная с рубежа VIII и IX вв. и особенно с середины IX в. настало время строительства (обычно на месте бывших укрепленных или открытых поселений) главным образом равнинных укреплений, защищенных валом ящичной деревянно-земляной конструкции (рис. 4). Исключение составляет поселение «Поганско», около Нейдяка, защищенное тройными валами деревянно-каменной конструкции (рис. 4, *3*). Для этих поселений характерна регулярная рядная, реже круговая застройка пря-

---

[20] *Szymański W.* Mazowsze..., s. 113—121.

[21] *Herrmann J.* Siedlung..., s. 164—178; *Łosiński W.* Początki..., s. 197—206, 299.

[22] *Leciejewicz L.* Miasta Słowian Połabskich. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 59, 60; *Idem.* Procesy integracyjne w kulturze Słowian zachodnich w drugiej połowie I tysiąclecia n. e., Z polskich badań slawistycznych. Warszawa, 1972, s. 10.

[23] *Filipowiak W.* Wolinianie.— Studium osadnicze, t. 1. Szczecin, 1962; *Leciejewicz L.* Procesy..., s. 10.

[24] *Klanica Z.* Předvelkomoravský horizont v Mikulčicach i jeho vztahy v Podunaji.— AR, t. 19, 1967, s. 686—692; *Poulík J.* Postaveni Milkulčic ve vývoji západnoslovanských hradišt.— AR, t. 19, 1967, s. 692—695; *Klanica Z.* Vorgrossmährische Siedlung in Mikulčice und ihre Beziehungen zum Karpatenbecken (Thesen der Kandidatendissertation). Přehled výzkumů 1972 (Archeologický Ústav ČSAV v Brne). Brno, 1974, s. 12—14; *Poulík J.* Mikulčice, sídlo a pevnost knižat velkomoravských. Praha, 1975.

[25] *Staňa Č.* K poznani vyvoje velkomoravských vyšinnych hradišt.— AR, t. 19, 1967, s. 699—704; *idem.* Velkomoravské hradiště Staré Zámky u Lišně.— In: Monumentorum tutela, t. 8, 1972, s. 109—171.

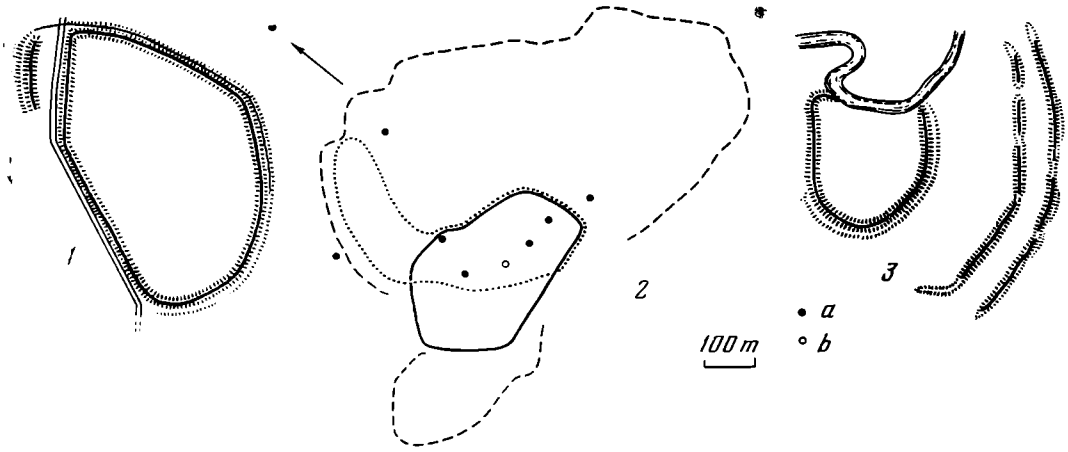


Рис. 4. «Великие города» Моравии: *1* — Страхотин, городище «Петрова лоука», округ Бржецлав; *2* — Микульчице; *3* — «Поганско» около Бржецлава
а — каменные церкви, *б* — другие каменные постройки

моугольными домами. Средняя величина укрепленного поселения составляет от 12 до 28 *га*, причем для многих поселений, таких, как Микульчице (рис. 4, *2*) или Старо Место, характерна необычная протяженность заселенной площади, доходящая до 100—250 *га*. В ее пределы входят как резиденции знати с каменными дворцами и святынями, так и обособленные кварталы, заселенные различными категориями населения, особенно ремесленниками. Большинство этих поселений пережило упадок Великоморавской державы и существовало еще в первой половине X, возможно и весь X в. до начала XI в. (Старые Замки около Лишни, Страхотин округ Бржецлав (рис. 4, *1*), Райград округ Брно) [26].

Особую группу представляли расположенные на возвышенных местах, состоящие из нескольких частей и защищенные двойной цепью валов полуостровные укрепленные поселения западной и северной периферии Моравских полей, такие, как Старе Замки около Лишни, Зелена Гора или слабоизученный Штайн на Дунае [27].

Близкие моравским, хотя еще и малоизученные укрепленные поселения, мы находим у лужицких сербов. Вместо известных там не позднее рубежа VIII и IX вв. больших, расположенных на возвышенных местах городищ во второй половине IX и в начале X в. были построены многочисленные «великие города», существовавшие вплоть до второй половины X и даже до начала XI в.[28]

Совершенно иначе выглядит процесс развития укрепленных поселений в чешских землях. Возникновение самых ранних укрепленных поселений приходится там на VIII в. (известны как большие, так и «великие города», но функционируют они значительно дольше, вплоть до IX в., например Ключев и Тисмице (рис. 5, *5*) около Чешского Брода. В середине IX в. там появляются новые «великие города», и не только в Восточной Чехии (Стара Коуржим (рис. 5, *1*), Либице (рис. 5, *4*), Калы около Горжиц), но и, как это показал М. Шолле, по всей стране (Левоусы, Градец около Кадане, Либушин, Пражский Град). Большие укрепленные поселения не так многочисленны, например в Градец на Изере. Знаменательно, что «великие города» собственно чешской территории, как Пражский Град или Либушин, входят затем в состав государства

[26] *Dąbrowska E.* Organizacje grodowe..., s. 41.
[27] *Staňa Č.* Slovenské hradiště v Dolních Rakoušich.— In: Sbornik II AÚ ČSAV, pob. Brno, s. 90—94.
[28] *Grimm P.* Op. cit., s. 176—195.

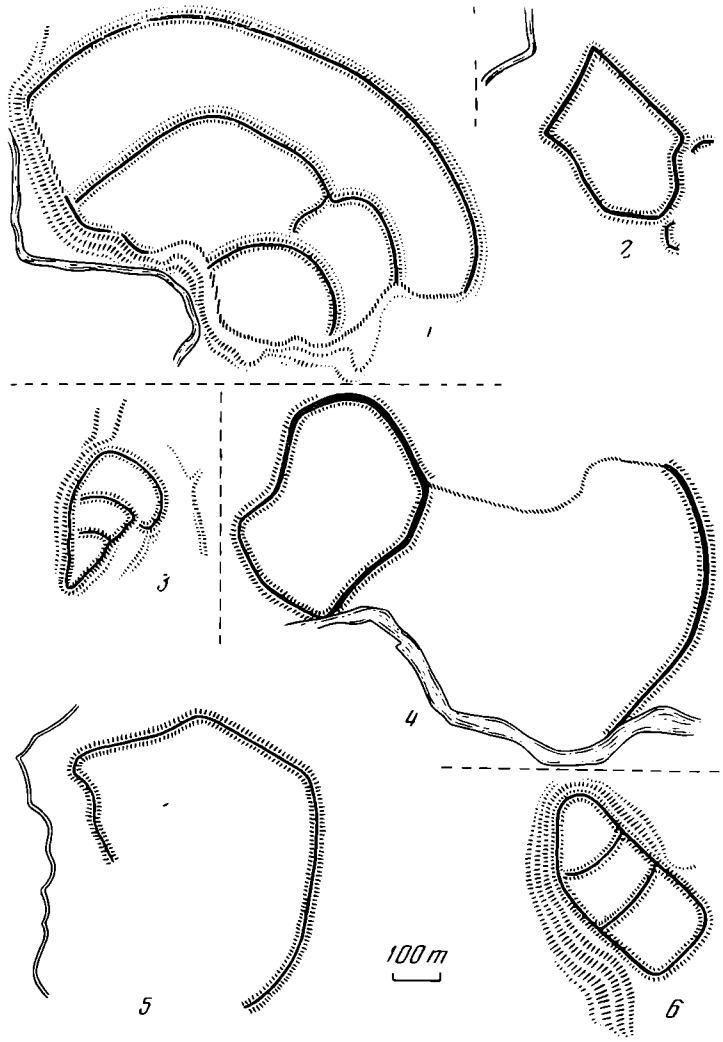


Рис. 5. «Великие города» Чехии: *1* — Старый Коуржим; *2* — Пжистоупин, округ Чески Брод; *3* — Властислав; *4* — Либице; *5* — Тисмице, округ Чески Брод; *6* — Заброушаны

Пшемыслидов и функционируют вплоть до XII в., а на других территориях они исчезают уже в начале или в середине X в. (Стара Коуржим) [29].

Предварительно мы можем попробовать выделить на территории, заселенной западными славянами, две, а может быть, даже три области укрепленных поселений: 1) Южную, охватывающую бассейн верхней Вислы, Моравию вместе с Западной Словакией, Верхнюю Лужицу и Чехию (?), характеризующуюся переходом от крупных городищ к «великим городам»; 2) Северную, в состав которой входят Нижняя Лужица, Великая Польша с северной частью Нижней Силезии и Любуской землей и центральная Польша. Укрепленные поселения появляются там раньше всего, уже в VI в., и развитие их протекает от крупных поселений к малым; 3) Приморскую, объединяющую северное Полабье и Поморье и характеризующуюся появлением в VII в. малых и больших укрепленных поселений, переходящих затем в малые поселения.

---

[29] *Šolle M.* Stara Kouřim a projevy velkomoravské hmotne kultury v Čechách. Praha, 1966, s. 84—89; *Šolle M.* К otázce..., s. 195—202; *Беранова М., Сметанка З., Станя Ч.* Ук. соч., с. 153—247.

Предложенные области отвечали бы при этом в самом общем виде трем крупным группам западных славян начала раннего средневековья: пражской, тронов-кленицкий и фельдбергской [30]. Особенности археологической культуры (преимущественно во второстепенных ее чертах) выступают также и позднее, т. е. в VIII, IX и X вв. Северную и южную области отличает характер застройки и форм поселений, размеры основной территориальной единицы, а также разный денежный оборот [31]. Выделение приморской области требует еще основательной разработки.

В южной области, особенно в ее юго-западной части, наблюдается объясняемое в литературе значительными успехами в экономическом развитии быстрое возникновение классовой структуры общества, причины которого до сих пор удовлетворительно не объяснены. В VII в. там появляются первые эфемерные протофеодальные государственные образования — княжество Само и княжество Дервана у лужицких сербов, а в IX в. раннефеодальная Великоморавская держава.

Но независимо от специфики и темпов развития каждой из названных областей можно попытаться выделить для западных славян три основных этапа формирования укрепленных поселений.

I — крупные племенные укрепленные поселения (площадью от 0,5 до 5 *га*). Они прослеживаются в северной области с VI до рубежа VII—VIII или даже до середины VIII в.; в западном Поморье и в северном Полабье с VII до середины IX в., а в южной области в VII и VIII вв. Появление крупных укрепленных поселений в VI и VII вв. на некоторых из названных территорий (в качестве единственной формы поселений) дало основание выдвинуть предположение, что самые ранние славянские городища были по существу лишь укрепленными деревнями [32]. Но после изучения всех материалов более правильным следует считать крупные укрепленные поселения начала раннего средневековья центрами территориальной единицы. Укрепленные центры, особенно на юге, были тесно связаны с окружающими их открытыми поселениями и создавали с ними основную территориальную единицу. Наряду с военными и в какой-то степени административными функциями эти поселения служили убежищем для населения всей общины, например городище Торнов (ГДР) в начале его развития [33]. Некоторые укрепленные поселения этого периода, несомненно, были и культовыми центрами.

Трудно определить характер территориальной единицы того времени. Попытка связать ее с известной из позднейших письменных источников «общиной», площадь которой примерно 100—150 км² [34], встречает значительные трудности, особенно в южной зоне с малым числом городских поселений. Дополнительную трудность представляет наложение в южной Польше общинной организации на более древнюю ее форму, что было связано с включением этих земель в пределы монархии Пястов [35].

II — укрепленные поселения, являющиеся центрами крупных племенных административных округов, так называемые «civitates», с опре-

---

[30] *Hilczerówna-Kurnatowska Z.* Ze studiów nad zróżnicowaniem terytorialnym kultury prapolskiej.— Archeologia Polski, t. 19, 1971, s. 419—429; *Leciejewicz L.* Słowiańszczyzna Zachodnia. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1976, s. 113, ryc. 49; *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 137, рис. 49.

[31] *Leciejewicz L.* Procesy..., s. 13; *Leciejewicz L.* Słowiańszczyzna..., s. 53—57.

[32] *Štěpánek M.* Opevněná sídliště... (passim).

[33] *Szymański W.* Przyczynki do badań nad osadnictwem słowiańskim w początkach wczesnego średniowiecza (na marginesie książki Z. Hilczerównej «Dorzecze górnej i środkowej Obry od VI do początków XI wieku» — AP, t. 14, 1969, s. 215—231.

[34] *Buczek K.* Organizacja opolna w Polsce średniowiecznej.— In: Studia Historyczne, t. 131, 1970, s. 205—250.

[35] *Buczek K.* Op. cit., s. 205—250; *Podwińska Z.* Zmiany form osadnictwa wiejskiego na ziemiach polskich we wcześniejszym średniowieczu, Źreb. wies, opole. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971; *Labuda G.* O formach osadnictwa wczesnośredniowiecznej wsi polskiej (w swiązku z książką Zofii Podwińskiej).— In: Kwartalnik Historii Kultury Materialnej, r. 23, s. 99—114.

деленными функциями, возникновение которых связано с переходным периодом к созданию первых протофеодальных государств. В северной зоне — это многочисленные малые укрепленные поселения (площадью до 0,5 *га*), датируемые от VII—VIII до рубежа IX и X вв., а в приморской зоне IX и первой половиной X в. В южной зоне выступают так называемые «великие города» (площадью от 5 до 20 *га*), функционирующие в IX, X и начале XI вв. Различие укрепленных поселений обеих областей подтверждает свидетельства Географа Баварского о числе «городских» поселений у отдельных племен [36].

III — укрепленные поселения — центры территориальной организации раннефеодальных государств, возникновение которых связано с окончательным образованием государств на данной территории или с включением ее в состав другого государства, например Моравии в чешскую монархию Пшемыслидов. Эти укрепленные поселения строятся с введением новой административной системы и прежде всего из-за необходимости создания единой территориально-городской организации во всем государстве.

Территориальные организации сформировавшегося государства отличаются от предшествующих такими чертами, как равномерное распространение по всей территории данного государства сети городских округов и концентрация в руках правителя этих округов военной, административной и судебной власти. При этом ясно прослеживается связь крупных государственных округов с прежними территориями крупных племен, хотя сама локализация их центров отличается.

Не следует отвергать возможность существования центров территориальной организации в догосударственный период, хотя они и не имели однородного характера из-за отсутствия центральной власти. Отдельные центры территориальных округов крупных племен, видимо, выполняли близкие позднейшим государственным городам военные и административные, а также, возможно, финансовые, судебные и культовые функции [37].

Некоторые из многочисленных «великих городов» южной зоны, видимо, уже в IX в. имели некоторые черты ранних городов, так называемых «резиденций князей и знати» [38]. Величину этих центров объясняет специфика их функций как общей резиденции князя и аристократии, вокруг местопребывания которых скоплялся трудовой люд, работавший на них, и дружинники для его защиты (Старо Место или Микульчице). Формирование первых раннегородских центров наблюдается также в IX в. в приморской зоне вместе с возникновением крупных торговых пунктов, таких, как Рериц или Волин [39].

E. Dąbrowska

THE PROBLEM OF THE SO-CALLED «GREAT TOWNS» OF THE WESTERN SLAVS IN EARLY MEDIEVAL PERIOD

Summary

The development of fortified settlements had different character at different parts of Western Slavic lands. The author singles out three main regions: 1. Southern (the basin of Upper Visla, Moravia, Western Slovakia, Czechia, Upper Luzhitza) which is

---

[36] *Łowmiański H.* O identyfikacji nazw Geografa Bawarskiego.— Studia Zródłoznawcze, t. 3, s. 1—22; *idem.* Początki..., s 54—56; *Dąbrowska E.* Wielkie grody..., s. 117.

[37] *Łowmiański H.* Początki..., s. 108—137.

[38] *Gieysztor A.* Aux origines de ville slave: ville de grands, et ville d'état aux IX—XI siècles.— In: I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej, t. 4. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1968, s. 120—135.

[39] *Leciejewicz L.* Miasta... (passim); *Herrmann J.* Siedlung.... (passim); *idem.* Słowiańszczyzna..., S. 137.

characterised by the transformation from large fortified settlements to «great towns». A «great town» is a large fortified settlement, consisting of several parts and surrounded by banks and unfortified settlements, connected with it. 2. Northern (Lower Luzhitza, Great Poland, the northern part of Lower Silesia, Lubus Land and central Poland) where development from large fortified settlements to small is observed. 3. Seaside (northern Laba region and Pomorye) where large and small fortified settlements are changed by small settlements with very strong fortification.

The author marks three stages in development of fortified settlements: 1. The VI and the VII—VIII centuries: the origin of fortified settlements, which served as centres of territorial units, and fulfilled military and administrative functions. 2. The VIII and IX centuries: spreading of fortified settlements — cetres of tribal circuits. 3. The IX—X centuries: at that time fortified settlements, which were centres of early fewdal states are known. Some of «great towns» had features, characteristic for early towns and served as a residention of a prince already in the IX century.

А. Е. ЛЕОНТЬЕВ, Е. А. РЯБИНИН

ЭТАПЫ И ФОРМЫ АССИМИЛЯЦИИ ЛЕТОПИСНОЙ МЕРИ

(постановка вопроса)

Проблема этнической истории северных районов древней Руси, заселенных издревле финно-угорскими племенами,— одна из наиболее изученных в советской археологии. В исследованиях последних десятилетий сформулирована и получила широкое освещение идея о сложном механизме славяно-финских взаимоотношений в эпоху русского средневековья. Был сделан важный вывод об активном участии финноязычного населения в формировании древнерусской народности и ее культуры, определены основные тенденции процесса ассимиляции дославянских этнических объединений [1].

Однако конкретные формы проявления процесса ассимиляции применительно к определенным историческим эпохам и различным этнокультурным регионам остаются пока недостаточно изученными. Закономерен вопрос: каковы же возможности археологических источников для реконструкции реального механизма славяно-чудского взаимодействия и изучения его особенностей?

В данной работе предпринята попытка рассмотреть с этой точки зрения археологические материалы Залесской земли и, в меньшей степени, Муромского края. Обитавшие на этой территории летописные племена мери и муромы были полностью ассимилированы в ходе славянской колонизации восточной части Волго-Окского междуречья.

В обобщающих исследованиях П. Н. Третьякова и Е. И. Горюновой, основанных на изучении почти всего известного в настоящее время археологического материала, получила освещение общая картина историко-культурных перемен на северо-востоке Руси в IX—XII вв.[2] Привлечение некоторых новых источников, учет современных положений теории этнических процессов, успешно разрабатываемой советской этнографией, позволяют конкретизировать представление о ходе ассимиляции мери.

Следует оговорить, что источниковедческое состояние археологического материала, добытого в основном в дореволюционное время, содержит скудную информацию для реконструкции исторических реалий [3]. Поэтому

---

[1] *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.).— СА, XVIII, 1953, с. 190—232; *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961; *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, № 94, 1961; *Пименов В. В.* Вепсы. М.— Л., 1965; *Третьяков П. Н.* Этногенический процесс и археология.— СА, 1962, № 4, с. 15; У истоков древнерусской народности.— МИА, № 179, 1970; *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973.

[2] *Горюнова Е. И.* Этническая история...; *Третьяков П. Н.* У истоков...

[3] По поводу грандиозных раскопок 1851—1854 гг. А. А. Спицын, в частности, писал: «Из 7000 ни одно погребение не может быть восстановлено в своем содержании и стать предметом обсуждения с этнической стороны».— *Спицын А. А.* Владимирские курганы.— ИАК, № 15, 1905, с. 166. Это замечание несколько категорично, но в целом достаточно ярко характеризует состояние большей части источников.

мы вынужены использовать далеко не весь круг источников, акцентируя особое внимание на достаточно полно документированных археологических комплексах, в основном из раскопок последних десятилетий. Это сужает возможности реконструирования этнокультурных процессов во всем их многообразии, но не исключает создания новых более конкретных разработок данной проблемы. Итоги таких поисков, имеющие в силу названных причин предварительный характер, изложены в настоящей статье.

Начать, по нашему мнению, следует с решения одного конкретного вопроса: в какой форме проходило освоение края славянами на начальном этапе (IX—X вв.). Было ли это продвижение целых племен или, может быть, в Залесскую землю переселялись отдельные люди или семьи [4].

Интересны данные археологии по этому вопросу. В 1851—1854 гг. А. С. Уваровым и его помощниками П. С. Савельевым и К. Н. Тихонравовым были исследованы многочисленные курганные кладбища, оставленные древнерусскими колонистами Суздальского Ополья. Полученные материалы позволяют конкретизировать наши знания о характере первоначального освоения края. В качестве примера рассмотрим один из таких памятников, расположенный в окрестностях Плещеева озера,— могильник у с. Большая Брембола, о топографии которого сохранились достаточно подробные сведения. Здесь в 1853 г. было исследовано 385 курганных насыпей [5].

Средневековое кладбище состоит из четырех обособленных групп, занимающих в общей сложности пространство свыше 1,5 *км*^{2}. По археологическим данным восстанавливается процесс формирования могильника в его хронологической и топографической последовательности [6].

В X в. в рассматриваемый район проникают первые поселенцы. Им принадлежит группа насыпей в урочище «Круглицы» (97 курганов, см. рис. 1, *в*). На относительно раннюю дату этой группы указывает, в частности, то обстоятельство, что 60% всех определимых захоронений были совершены по обряду кремации.

На рубеже I—II тысячелетий н. э., в эпоху распространения обряда ингумации, по соседству с этой группой возникают два новых скопления курганных насыпей — в урочище «Княжи» и группа курганов «Паны» (47 насыпей, см. рис. 1, *с*, *d*). Их появление не может быть объяснено простым расширением первоначального могильника: в XI в. продолжают независимо функционировать все три кладбища. Очевидно, каждая из курганных групп принадлежала определенной группе людей, живших по соседству, но сохранявших свою собственную социальную структуру. Вполне реальной представляется связь этих изолированных скоплений курганов с отдельными, внутренне едиными группами, переселявшимися в указанный район в разное время — с X по XI в.

Совместная жизнь нескольких коллективов на одной и той же территории неминуемо должна была привести к постепенному их сближению, ликвидации первоначальной замкнутости. И это положение иллюстрируется на материалах рассматриваемого памятника.

---

[4] В этой статье мы намеренно не касаемся сложного вопроса об участии в освоении края представителей иных этносов (см. *Третьяков П. Н.* Ук. соч., с. 125—130). Эта тема требует специального рассмотрения и прямого отношения к нашим задачам не имеет.

[5] *Савельев П. С.* Дневник археологических разысканий во Владимирской губернии в 1853 г. Архив ЛОИА, ф. 8, дело № 2/1853, л. 40—45; Иллюстрированный материал к раскопкам Савельева во Владимирской губернии в 1853 и 1854 гг. (уезды Переяславский и Юрьевский). Архив ЛОИА, ф. 8, дело № 6, л. 8.

[6] Подробный разбор археологического материала и погребального обряда этого могильника проведен в работе одного из авторов: *Рябинин Е. А.* Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г.).— СА, 1979, № 1, с. 228—243.

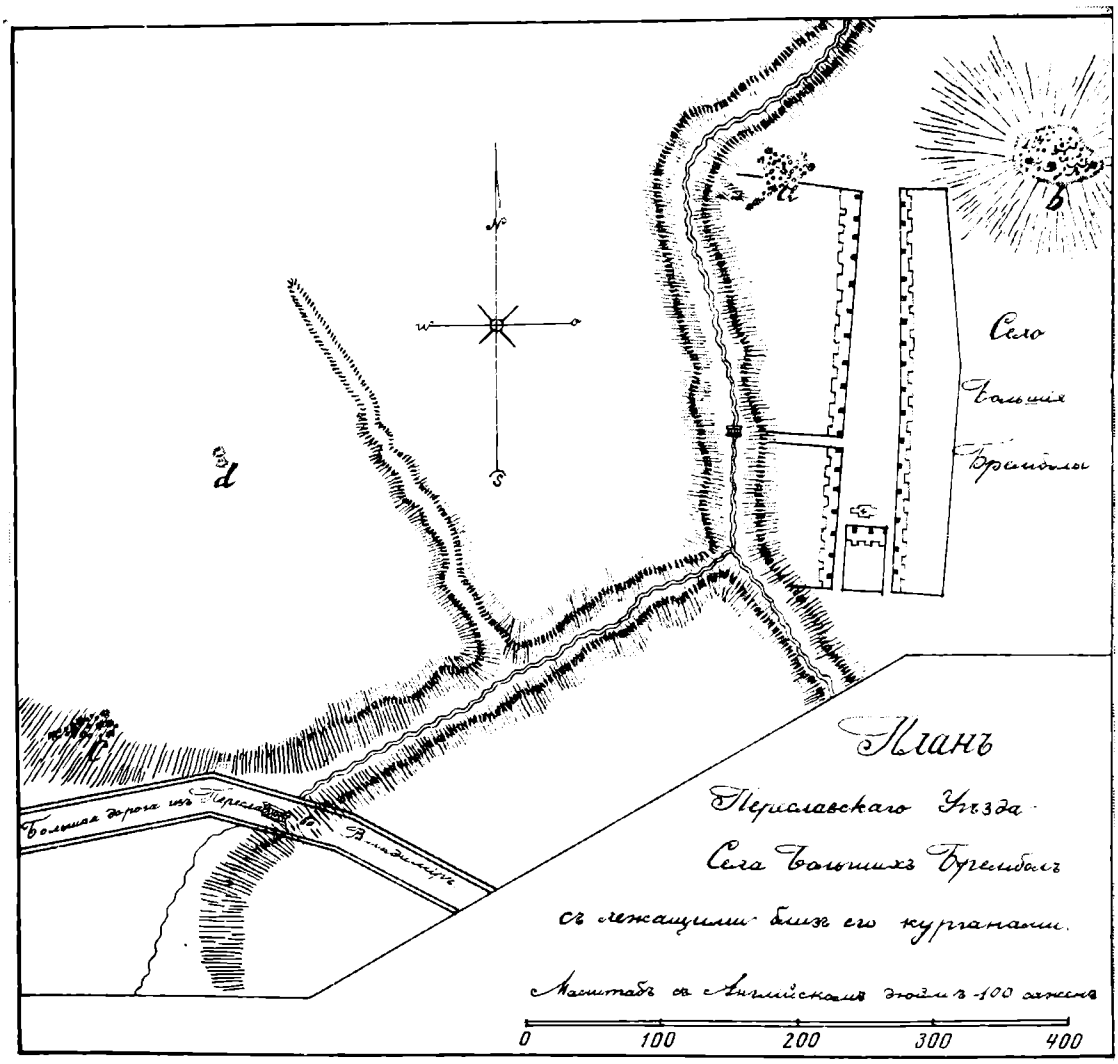


Рис. 1. План курганных групп у с. Большая Брембола (иллюстрированный материал к раскопкам П. С. Савельева во Владимирской губернии в 1853 и 1854 гг. Архив ЛОИА, ф. 8, д. 6, л. 8). Условные обозначения: *a* — курганы у оврага в самом селе (216 насыпей), *b* — урочище «Круглицы» (97 насыпей X—XI вв.), *c* — урочище «Княжи» (45 насыпей конца X—XI вв.), *d* — курганы «Паны» (две насыпи XI в.)

В XII в. здесь формируется новая группа насыпей, не связанная топографически со скоплениями курганов X—XI вв. (рис. 1, *a*). В то же время прекращаются захоронения на ранних кладбищах отдельных общин. Этот факт, а также резкое увеличение числа погребений в четвертой группе (216 курганов) свидетельствуют о появлении в XII в. единого сельского кладбища, общего для всех потомков первых древнерусских колонистов. Таким образом, топография и хронология отдельных курганных групп свидетельствуют о первоначальном заселении местности сравнительно небольшими группами поселенцев.

Этот вывод подтверждается некоторыми косвенными данными. Так, в результате исследования земледельческой лексики в районе Углича удалось выделить несколько локальных диалектных зон, включающих в себя небольшие территории бассейнов одной-двух некрупных речек. По мнению исследователя Н. Д. Русинова, подобное разделение отражает процесс освоения края отдельными небольшими группами славян[7]. К тако-

[7] *Русинов Н. Д.* Вопрос об освоении славянами Угличского Верхневолжья.— Краеведческие записки, вып. 1. Ярославль, 1956, с. 87—110.

му же мнению склоняется и Г. Г. Мельниченко в результате изучения говоров Северо-Восточной Руси [8]. О том, что собой представляли эти малые группы, достоверных сведений нет.

Позволительно, однако, будет привести здесь следующий отрывок: «Старейшие люди, обходя окрестные страны озера, видеща, яко место то зело красно и мнози бяху туловы в дебрях лесных и во озере, обильные пажити, многочисленные борти и бобровые гоны, вельми удобно селиться им ту и начаша жити ту себе и нарече место то по старине Угожь, яко угодно бе има зело, и имяху ту собе скоти мнози стада и не терпяще иной власти, живяще кийждо собе по родовом своим и суды для в родех своих отню своима, и рекоша вси не терпети рядити собе иннем».

Это текст предания, повествующий о заселении окрестностей оз. Неро из так называемого Хлебниковского летописца, ныне утерянного. Выдержки из этой утерянной рукописи опубликованы ростовским краеведом А. А. Титовым [9].

Перед нами, несомненно, запись устного предания (рекоша, вси роды не терпети), но предания достаточно древнего. По своему содержанию рассказ перекликается со сказаниями Повести временных лет: описание живущих «кийждо по родовом своим» напоминает характеристику быта язычников-полян, данную в недатированной части ПВЛ [10].

Древность сообщаемых событий заставляет с вниманием отнестись к содержанию легенды, хотя невозможность детального анализа источника не позволяет делать какие-либо окончательные выводы о степени ее правдивости. Но в любом случае можно констатировать, что местная историческая традиция, основанная прежде всего на народной памяти, связывала освоение края с переселением отдельных групп населения, обозначенных в приведенном тексте термином «род». Упомянутый «род» из-за емкого характера этого слова в древнерусских источниках не может быть соотнесен с термином «род» в его современном научном понимании. И. И. Срезневский насчитывал 16 различных значений этого слова, в интересующем нас аспекте обозначающих общности людей от народа до семьи и близких родственников [11].

Исходя из контекста приведенного отрывка, мы полагаем, что в данном случае речь идет об отдельных общинах или их группах, управляющихся старейшинами (по терминологии источника) и сохранивших определенные нормы обычного права. Текст ясно говорит о первопоселенцах: переселившимся общинам принадлежали первые поселения на берегах оз. Неро. Не следует, однако, преувеличивать объективное значение приведенной легенды: источник, из которого она взята,— сомнительного происхождения [12].

---

[8] *Мельниченко Г. Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в. Ярославль, 1974, с. 18, 19.

[9] *Титов А. А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-статистическое описание. М., 1885, с. 81.

[10] «Полем же жившем особе и володеющем роды своими, иже и до сее братье бяху поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ местех, владеюще кождо родомъ своимъ».— ПВЛ. М.— Л., т. I, 1950, с. 12.

[11] *Срезневский И. И.* Материал для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, с. 135—137.

[12] Н. Н. Воронин не исключал возможность подделки. *Воронин Н. Н.* «Сказание о Русп и вечем Олзе» в рукописях А. Я. Артынова.— Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975, с. 179. На наш взгляд, есть основание полагать, что «летописец» в своей основе мог быть оригинальным произведением XVI в. Судя по сохранившимся описаниям и опубликованным выдержкам (*Титов А. А.* Ук. соч.), сборник содержал разрозненные сведения по истории Ростова и его ближайшей округи, а также записи местных легенд. Повествование доведено до царствования Ивана Грозного, т. е., видимо, до 30—40-х годов XVI в. Между тем к 1534 г. относится написание так называемой Тверской летописи, автор которой, родом «от веси Ростовских областей», обнаруживает знание местных ростовских легенд (ПСРЛ, т. XV, стлб. 108, 142, 323

Но между тем, с точки зрения современных исторических знаний, переселение общин — наиболее вероятная форма освоения новых земель в IX—X вв. Именно к этому периоду возможно отнести события, о которых повествует легенда, учитывая известные исторические и археологические данные о Ростове и его ближайших окрестностях. Это не движение целых племен — пространственное перемещение всей этносоциальной структуры, что свойственно, например, эпохе переселения народов, и не переселение отдельных лиц, семей и их групп, характерное для развитых классовых обществ. Первый путь не подтверждается археологическими данными (нет признаков, которые позволили бы выделить территории новых племен в Залесской земле). Второй — исторически маловероятен, так как требует полного разрушения традиционных внутриобщинных связей с их многочисленными родо-племенными пережитками, что в IX—X вв. еще не произошло. Изначальность общин в Ростово-Суздальской земле предполагал Н. Н. Воронин [13].

Представляется, что конкретные формы взаимоотношений славян и мери следует рассматривать на уровне контактов отдельных коллективов (общин). Современное состояние источников не позволяет решить проблему полностью, однако можно предложить решение некоторых вопросов.

Итак, появление нового населения на территории мери отразилось в появлении нового типа погребальных памятников — курганов. Первый этап сосуществования разноэтничного населения относится ко второй половине IX — середине X в.[14] и характеризуется полным отсутствием мерянских элементов в курганных древностях. Но именно к этому периоду приурочены летописные известия о мери [15]. Противоречия между археологическими и письменными источниками нет: летопись сообщает о политических взаимоотношениях, подчеркивая даннические положение мери. В то же время упоминание в тексте этнонима «меря» свидетельствует о том, что под этим термином понималось некое этническое целое — определенная этносоциальная общность. Очевидно, во второй половине IX — середине X в. политические контакты, пусть даже очень тесные (по летописным данным, уже существовал Ростов — княжеский город в центре мерянской земли), не подкреплялись сколько-нибуль прочными этническими связями.

Второй этап взаимоотношений славян и мери охватывает вторую половину X — начало XI в. и характеризуется сближением контактирующих этносов. Именно в это время, по археологическим данным, начинается постепенная ассимиляция мери. На материалах мерянских памятников явственно прослеживается начавшаяся аккультурация местного населения — избирательное усвоение новых элементов материальной и духовной культуры [16]. Происходящие при этом изменения касаются в первую очередь материальной культуры и в археологических источниках отражаются прежде всего в широком распространении форм вещей, генетически не связанных с традиционными типами. Особенно показательны

и др.), топонимики и географии окрестностей (там же, стлб. 319, 337—338). Такой человек вполне мог быть автором и «Книги сказания о святом и великом граде Ростове и о весе его...».

[13] *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси.— ИГАИМК, вып. 138, 1935, с. 24—26.

[14] *Третьяков П. Н.* У истоков..., с. 125.

[15] ПВЛ, с. 18, 20, 23. Статьи 862, 882, 907 гг.

[16] В советской этнографической литературе термин «аккультурация» малоупотребим, хотя объективная ценность этого понятия сомнению не подвергается (*Толстов С. П.* К проблеме аккультурации.— «Этнография», 1930, № 1—2, с. 68—72; *Бахта В. М.* Проблемы аккультурации в современной этнографической литературе США.— В сб.: Современная американская этнография. М., 1963, с. 184—223; *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 267—270). На наш взгляд, следует согласиться с мнением В. И. Козлова (*Козлов В. И.* Ук. соч., с. 269—270) о пользе введения этого уточняющего понятия в научный оборот. Применительно к археологии это необходимо, как нам кажется, при изучении процессов этногенеза в древности.

изменения в повседневном, бытовом инвентаре, характеризующие смену общего, «этнографического» облика культуры. Как показывают материалы Сарского городища и Сунгирского могильника, к концу X — началу XI в. обычными в обиходе мерян становятся проушные топоры, ножи с трехслойным клинком, ланцетовидные наконечники стрел, костяные наборные гребни, ножницы. В поздних слоях Сарского городища (вторая половина X — начало XI в.) традиционные мерянские формы орудий труда и оружия сосуществуют с новыми примерно в равной пропорции [17] (рис. 2). Погребения Сунгирского могильника — обычные для мери захоронения в могилах — содержат инвентарь в целом древнерусского облика, сохраняя лишь характерную керамику и ведущие формы украшений [18].

Изменение облика материальной культуры мери шло не только за счет усвоения новых элементов. Совершенствовались традиционные, этноопределяющие категории и типы мерянских вещей. По нашим наблюдениям, именно во второй половине X — начале XI в. получают распространение коньковые и треугольные шумящие привески, втульчатые височные кольца. Совершенствуются топоры-кельты и мерянские ножи с прямой спинкой. Данные металлографического анализа показывают, что мерянские кузнецы пытались перенять технику трехслойного пакетирования, характерную для «курганных» ножей [19]. Сохраняются и мерянские формы керамики. Отмеченная преемственность и прогресс в развитии собственной культуры возможен только при сохранении мерянской этносоциальной общности, что подразумевает сохранение племенной структуры, определенной территории, поселений, собственных верований, в конечном итоге — этнического самосознания. Подтверждением этому может служить сохранение традиционной погребальной обрядности в могильниках типа Сарского и Сунгирского, которые являются кладбищами расположенных рядом поселений (напомним, что курганы близ этих поселений отсутствуют). Наличие в погребальном инвентаре этих памятников этнически чуждых по происхождению вещей, в силу отмеченного процесса аккультурации, не обязательно должно свидетельствовать о разноэтничности или метисации погребенных при условии сохранения традиционной обрядности захоронений. Так, начиная с X в. новые формы вещей входят не только в обиход племен, вошедших в состав древнерусской народности (меря, мурома), но и соседних с древней Русью мордвы и мари [20].

Мерянские элементы известны и в курганных древностях второй половины X—XI в. Принято считать, что курганы с определенными особенностями в инвентаре и обряде принадлежат «обрусевшей мере» [21]. Необходимо, однако, уточнить, каково было положение «обрусевшей мери» в общей массе древнерусского населения края во второй половине X—XI в. Анализ материалов А. С. Уварова и П. С. Савельева, раскопавших более 7 тыс. курганов, показал, что мерянские элементы в инвентаре и погребальном обряде (если считать таким элементом и северную ориентировку погребенного) определяют своеобразие свыше 500 владимирских курганов. Однако они не составляют обособленных групп и растворены в массе остальных захоронений. Так, из 3000 погребений (75 курганных групп), перечисленных в дневниках А. С. Уварова [22], финно-угорские

[17] Раскопки А. Е. Леонтьева в 1972—1973 гг.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4949.

[18] *Мошенина Н. Н.* Отчет о раскопках могильника «Сунгирь».— Архив ИА АН СССР, р-1, № 5193, 5193-а.

[19] *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей Сарского городища.— СА, 1976, № 2, с. 37, 39.

[20] Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Под ред. А. П. Смирнова. Мордовск, 1952, с. 9; *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973, с. 55—57.

[21] *Горюнова Е. И.* Ук. соч., с. 194; *Третьяков П. Н.* У истоков..., с. 133.

[22] Журнал археологических разысканий, произведенных во Владимирской губернии в 1851 г. Дневник археологических раскопок А. С. Уварова и К. Н. Тихонравова

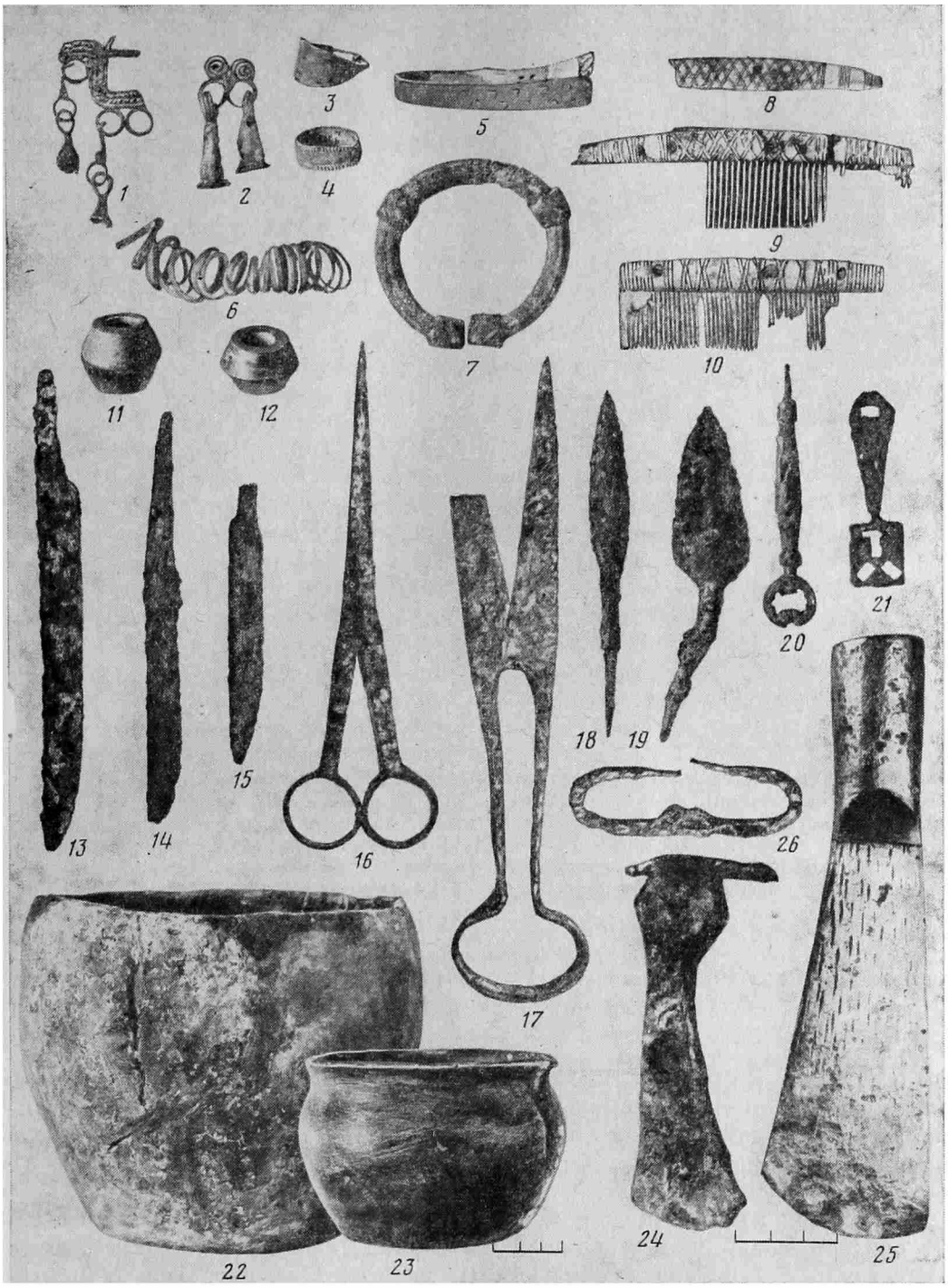


Рис. 2. Инвентарь Сарского городища X — начала XI в. *1* — подвеска-конек, *2* — шумящая привеска, *3—4* — перстни, *5* — браслет, *6* — бронзовая спираль накосника, *7* — подковообразная фибула, *8—10* — гребни, *11*, *12* — шиферные пряслица, *13—15* — ножи, *16—17* — ножницы, *18—19* — наконечники стрел, *20*, *21* — ключи, *22*, *23* — керамика, *24*, *25* — топоры, *26* — калачевидное кресало. *1—3*, *6*, *11*, *13—15*, *18*, *19*, *22*, *23* — раскопки 1972—1973 гг., остальные — раскопки 1929—1930 гг.

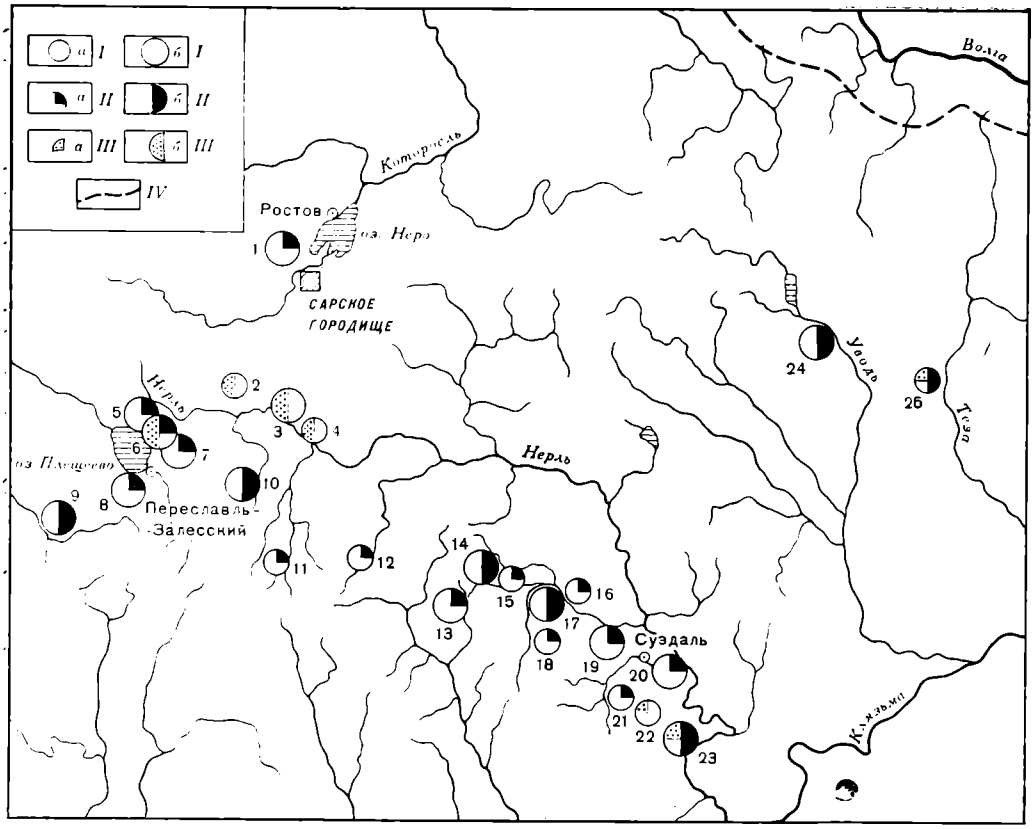


Рис. 3. Мерянские элементы в курганных могильниках Ростово-Суздальской земли. Условные обозначения: I — курганные группы (*а* — менее 100 курганов, *б* — свыше 100); II — погребения с этноопределяющими элементами мерянской материальной культуры (*а* — до 10 погребений, *б* — свыше 10); III — погребения с меридиональной ориентировкой (*а* — до 10 погребений, *б* — свыше 10); IV — северо-восточная граница костромских курганов. Цифрами на карте обозначены: *1* — Кустерь, *2* — Вепрева пустынь, *3* — Старово, *4* — Буково, *5* — Криушкино, *6* — Городище, *7* — Большая Брембола, *8* — Весково, *9* — Осипова Пустынь, *10* — Кобанское, *11* — Кпучер, *12* — Теньки, *13* — Кубаево, *14* — Шелебово, *15* — Осановец, *16* — Давыдково, *17* — Шокшово, *18* — Кестра, *19* — Весь, *20* — Новоселка, *21* — Гнездилово, *22* — Семенково, *23* — Васильки, *24* — Вознесенский посад (г. Иваново), *25* — Семухино

традиции представлены лишь в девяти группах (92 погребения). Отнюдь не случайно, что процесс смешения разноэтнического населения прослеживается в основном лишь в крупных (свыше 100 насыпей) могильниках: славяно-финские контакты осуществлялись в районах наиболее плотного славянского заселения (рис. 3).

Таким образом, нет ни одной курганной группы, которую можно было бы считать кладбищем мерянского поселка (общины). Вкрапленные в общую массу курганов отдельные захоронения с мерянскими элементами в инвентаре и обряде отражают картину постепенного растворения выходцев из мерянских общин в среде древнерусского населения. Речь идет даже не об «отдельных островках» чудского населения, а об отдельных лицах мерянского «рода племени», теряющих в значительной степени такой уловимый археологией элемент этнического самосознания, как собственные верования — там, где есть курганы, неизвестны традиционные грунтовые захоронения.

Примечательно, что фактически не выявляется связь между элементами мерянской культуры в инвентаре захоронений и меридиональной

в Суздальском уезде в 1852 г., Дневник раскопок курганов в Суздальском, Юрьевском и Переславском уездах А. С. Уварова в 1852 г.— ГИМ, отдел письменных источников, ф. 17, д. 193—195.

ориентировкой умерших (последняя для подавляющего большинства владимирских курганов является единственным индикатором чудских традиций в погребальной обрядности). Так, могильники у селений Вепрева Пустынь, Старово, Буково, Семенково включают захоронения головой на север, но чудские древности в этих памятниках полностью отсутствуют. В огромном средневековом некрополе у с. Городище, где исследовано в общей сложности свыше 1000 курганов, встречены как погребения с меридиональной ориентировкой, так и комплексы с мерянскими украшениями; однако между ними никакой корреляции также не выявляется.

Приведенные примеры свидетельствуют о неоднозначности процесса ассимиляции, выявляемого на археологических данных, о неравномерности его проявления в сфере материальной и духовной культуры местного населения.

Что представляют собой мерянские элементы отдельных комплексов, показывают данные современных исследований киучерских и семухинских курганов. В трех киучерских группах конца X — первой половины XI в., расположенных на р. Шахе, правом притоке р. Нерли Клязьменской, раскопана 41 насыпь [23]. Все захоронения отличаются единством обряда: костяки лежат на подсыпке или на материке головой на запад с допустимыми отклонениями к северу и югу. В ногах — сосуды. Керамика как гончарная, так и лепная. В пяти женских погребениях есть мерянские вещи. Часто встречается лепная керамика мерянского облика как в женских, так и в мужских погребениях, нередко в сочетании с гончарной. Характерная особенность: ни один женский комплекс не содержит полного набора мерянских украшений. Вместе с шумящими привесками встречаются трехбусинные и перстнеобразные височные кольца, плетеные браслеты, широкосерединные перстни с завязанными концами (кург. 34). Единственное исключение — погребение в кург. 10 первой группы. Это парное захоронение — мать и ребенок. В уборе матери мерянских вещей нет, зато у ребенка есть шумящая привеска и пластинчатый браслет — типичный для древностей мери и муромы; два сопутствующих лепных сосуда сделаны в мерянских традициях. Такое распределение этноопределяющих элементов в парном захоронении — подтверждение возможности сохранения этнографических черт в костюме во втором поколении.

Мужские погребения киучерских курганов содержат вещи только древнерусского облика при встречающейся порой мерянской керамике. Бытование такой керамики вполне объяснимо: пока гончарное дело оставалось в рамках домашнего промысла (пускай частично, как показывают киучерские материалы), сохранение традиции в изготовлении сосудов определенных форм при существовании смешанных браков весьма вероятно. Этот факт отмечен Е. И. Горюновой и подтверждается этнографическими наблюдениями [24]. Лишь узколезвийный топор из кург. 9 по происхождению, возможно, мерянский, но он встречен в комплексе с древнерусским гончарным сосудом.

Еще более ярко мерянские элементы представлены в полностью раскопанной семухинской курганной группе, насчитывавшей 43 насыпи [25]. Памятник расположен на р. Тезе (Шуйский р-н Ивановской области) — в окраинном районе расселения центральной группы мери. Удаленность от основных исторических центров Залесской земли определила некото-

---

[23] *Горюнова Е. И.* Отчет о работе Верхневолжского отряда Волжской экспедиции в 1961 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2101. Материалы раскопок не опубликованы.

[24] *Горюнова Е. И.* Этническая история..., с. 247: «...женщина, являясь носительницей бытовых традиций, обычно сохраняет их в новой, чуждой ей этнографической среде. Она продолжает носить свой костюм и собственноручно лепить глиняную посуду, даже если имеется возможность приобрести гончарную посуду». Эти наблюдения сделаны лично Е. И. Горюновой в мокшанских районах Мордовской АССР.

[25] *Ерофеева Е. Н.* Курганный могильник у дер. Семухино на р. Тезе.— В сб.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 216—225.

рое запаздывание происходившего здесь этнического процесса: курганы датируются XI—XII вв., а по инвентарю и деталям погребального обряда занимают промежуточное положение между владимирскими и более поздними костромскими курганами конца XI—XIII в.

Общая картина та же, что и в Киучере: вещи мерянского происхождения имеются только в составе женских украшений в сочетании с древнерусскими вещами. Мужские погребения бедны, их инвентарь представлен в основном только ножами «курганного» типа. Керамика только гончарная. Но мерянские традиции сказались и здесь в обряде: костяки имеют устойчивую северо-западную ориентировку, а несколько погребений — меридиональную.

Приведенные данные, а также материалы раскопок 1852—1854 гг. свидетельствуют, что мерянские черты в инвентаре курганов представлены прежде всего украшениями в погребениях женщин: втульчатыми височными кольцами, шумящими привесками, браслетами, перстнями. Финно-угорский мужской инвентарь отсутствует почти полностью. Ножи с прямой спинкой и узколезвийные проушные топоры крайне редки [26]. В коллекции А. С. Уварова известны по одному экземпляру топора-кельта и пластинчатого кресала, но нет никакой уверенности, что эти находки из курганов [27]. Между тем все перечисленные категории и типы вещей в X — начале XI в. из употребления еще не вышли.

Отсутствие определимых по вещам мужских мерянских захоронений в курганах, возможно, связано с тем, что местное население, как указано выше, во второй половине X — начале XI в. в значительной степени усвоило общедревнерусский инвентарь. С другой стороны, преобладание женских захоронений вполне правомерно и объяснимо общими закономерностями процесса ассимиляции. Как известно, процесс поглощения одного этноса другим идет в значительной степени путем заключения смешанных браков. Инициативной стороной в установлении кровнородственных связей выступили славяне, нарушившие свойственную мере племенную эндогамность [28].

Смешанные браки меняют традиционный быт одного из супругов, попавшего в иноплеменную обстановку. При патрилокальных браках в такую ситуацию попадают женщины. В нашем случае это означает появление мерянских женщин в славянских общинах. Женщины — основной носитель этнических традиций. Они сохраняли в чуждой среде не только этническое самосознание, которое у потомства изменяется иногда лишь во втором-третьем поколении [29], но и некоторые элементы материальной культуры, в первую очередь чисто женские (украшения, одежду) — т. е. те, что улавливаются археологией.

При образовании разноэтничных по составу семей население поселков приобретало своеобразный облик, в котором сочетались черты как славянские, так и финно-угорские, причем такой синтез мог затрагивать область не только материальной, но и духовной культуры (последнее находит свое отражение в появлении меридиональной ориентировки захоронений). Однако этнос основной части населения, определяющий в конечном итоге принадлежность всей общины, остается славянским, что в археологическом материале подтверждается соответствующим удельным весом элементов материальной культуры при сохранении определяющего элемента погребальной обрядности — сооружении курганов.

---

[26] Ножей известно всего 13 экз. из 199 учтенных орудий этой категории, сохранившихся в коллекции раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева. ГИМ, хр. 10/18, 10/19, 10/35а, 10/45а, 10/46а — б. Узколезвийные топоры представлены 10 экз. из 163 учтенных. ГИМ, хр. Р9/36а, Р10/2а, 3а, 44б, Р11/1, 24/1, оп. 57, № 121.

[27] Кельт — ГИМ, хр. Р10/3а, оп. 2294, № 42. Кресало — см. *Спицын А. А.* Владимирские курганы.— ИАК, № 15, 1905, рис. 61, с. 96.

[28] Об эндогамности племен см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия.— СЭ, 1969, № 6, с. 84—90; *его же.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 114, 115.

[29] *Козлов В. И.* Современные этнические процессы в СССР.— СЭ, 1969, № 2, с. 68.

Возможна и обратная картина: появление славян в финской среде. Это явление документировано материалами муромского Максимовского могильника, раскопанного А. А. Спицыным в 1895 г.[30] Могильник относится к X—XI вв. и отражает процесс интеграции этносов, происходивший в то время на территории муромы. Из 43 открытых погребений — десять А. А. Спицын отнес к числу русских: четыре мужских, пять женских и одно детское (девочка). На наш взгляд, к инородным захоронениям можно отнести лишь восемь: два мужских, пять женских и одно детское[31]. Они отличаются ориентировкой костяков (запад или северо-запад вместо обычного для могильника севера) и инвентарем, который представлен древнерусскими вещами. Еще два погребения, мужское и женское, имеют «смешанный», по выражению А. А. Спицына, характер: обряд в них муромский, без изменения, но в инвентаре есть древнерусские вещи. Древнерусские вещи и западная ориентировка отмечены и среди поздних погребений муромского Подболотьевского могильника[32].

В сущности наблюдаемая картина сходна с выявленной при анализе курганного материала; разница в полярно противоположном соотношении элементов: в могильниках количественно и качественно преобладают местные элементы инвентаря и обрядности.

Однако инфильтрация славян в мерянскую или муромскую среду не могла иметь широкого распространения, так как в этом случае происходила ассимиляция славян, что не соответствовало общей направленности процесса сложения древнерусской народности на этой территории.

Итак, на основе анализа археологического материала выявляются две стороны единого процесса ассимиляции мери: аккультурация самостоятельного мерянского населения и постепенное физическое растворение мери в славянской среде. Не совсем определенными остаются хронологические рамки этого процесса, соотношение его сторон в разное время, т. е. динамика происходивших изменений, что объясняется причинами источниковедческого характера: неполнотой и слабой хронологической расчлененностью археологических материалов X—XI вв. и скудостью письменных источников. Поэтому вероятные вехи в истории мери, предлагаемые нами, остаются пока предположительными.

Очевидно, окончательное исчезновение мерянской этносоциальной общности происходит в начале XI в. Под этим подразумевается разрушение традиционной племенной структуры, потеря социально-экономической самостоятельности, что явилось закономерным следствием процесса классообразования и укрепления древнерусского государства. Юридическое оформление нового положения, сложившегося к началу XI в. в Ростово-Суздальской земле, происходит в княжение Ярослава Мудрого. Подавив в 1024 г. волнения в Суздале, Ярослав, по сообщению Новгородской IV летописи «устави ту землю»[33]. Прежний устав, по данным летописи, принадлежал Олегу (882 г.) и относился к мере, о которой при Ярославе уже не упоминалось. Археологические исследования подтверждают, что времена Ярослава были переломными в истории мери. Мерянские укрепленные поселения, которые могут считаться местными центрами округ, перестают существовать в первой половине XI в. Таковы Сарское, Малодавыдовское, Сунгирское, возможно, Теньковское и Яки-

---

[30] *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы.— МАР, № 25, 1901, с. 50, 51, 105—113.

[31] Два погребения сохраняют традиционную для муромы северную ориентировку. Несмотря на присутствие в погребальном инвентаре этих захоронений древнерусских вещей, они, скорее всего, муромские.

[32] *Городцов В. А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г.— Древности, т. XXIV. М., 1914, с. 71, 73.

[33] Новгородская IV летопись, 1915, с. 112.

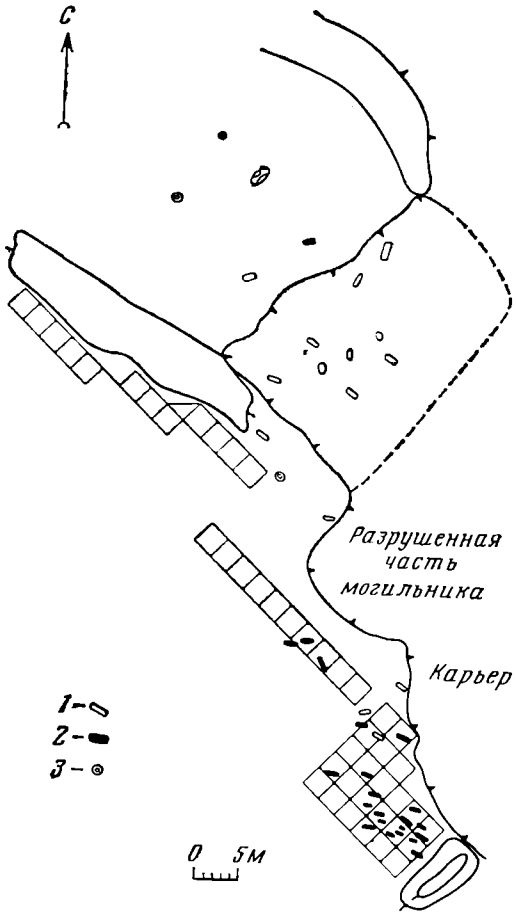


Рис. 4. План могильника Сунгирь. *1* — мерянские погребения с инвентарем, *2* — христианские безынвентарные погребения в гробах, *3* — ритуальные кострища

манское городища [34]. К этому же времени перестает функционировать подавляющее большинство грунтовых могильников Волго-Окского междуречья, как мерянских, так и муромских [35].

В XI в. меняется демографическая ситуация в Ростово-Суздальской земле. Резко увеличивается население, в основном за счет новых поселенцев, о чем косвенно свидетельствует распространение курганов [36]. Если первые группы тянулись цепочкой вдоль водных путей по основным рекам и озерам [37], то теперь курганные могильники распространяются от районов Ростова, Переславля, Суздаля все дальше в глубь земель. В результате, как писал П. Н. Третьяков, мелкие островки мерянского населения оказались в полном окружении славян [38]. Ассимиляцпя мери в создавшейся обстановке проходит с нарастающей силой.

На протяжении XI в. меря теряет такой важный признак этнического самосознания, как собственные верования. Выше уже отмечалось, что на традиционных грунтовых могильников в основном перестают хоронить уже к началу XI в. Проходившая христианизация местного населения хорошо прослеживается по данным Сунгирского могильника. На смену мерянским погребениям с традиционной обрядностью, сосредоточенным в северной части кладбища и огражденным тремя ритуальными кострищами, приходят безынвентарные погребения с западной ориентировкой в гробах, локализующиеся в южной части (рис. 4) [39]. Аналогичная ситуация наблюдается в параллельных материалах муромского (мещерского?) Пустошенского могильника [40]. Последние сведения о сохранении древних верований относятся к концу XI в. Как показал Д. А. Корсаков, восстание 1071 г. носило не только антифеодальный, но и антихристианский характер, причем в ритуальных действиях волхвов прослеживаются отголоски культа, характерные для

---

[34] *Дубынин А. Ф.* Раскопки в Ивановской обл.— Архив ЛОИА. ф. 2, 1939, д. 60, с. 55—56; *Глазов В. П.* Археологические исследования во Владимирской обл. Рукопись.— Архив Владимирской реставрационной мастерской, 0/2, № 15 087.

[35] *Третьяков П. Н.* У истоков...,с. 132.

[36] *Горюнова Е. И.* Ук. соч., с. 205; *Третьяков П. Н.* У истоков..., с. 131.

[37] *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам.— Тр. I АС. М., 1871. Атлас, табл. XXIV; *Горюнова Е. И.* Ук. соч., карта 4.

[38] *Третьяков П. Н.* У истоков..., с. 133.

[39] Авторы признательны Н. Н. Мошениной за любезное разрешение использовать неопубликованный материал.

[40] *Иванов А.* Пустошенский могильник.— Труды Владимирского музея, вып. I. Владимир, 1925, с. 18—22.

финно-угорских народов[41]. Самобытное мерянское население, сохранившее собственные верования, жило в Ростове в Чудском конце по крайней мере до начала XII в., о чем свидетельствуют жития ростовских крестителей Леонтия, Исайи, Авраамия[42].

В XI в., скорее всего в первой его половине, в центральных областях расселения мери в основном прекращается производство характерных мерянских орудий труда и украшений. В археологических памятниках XII и последующих веков они уже не встречаются.

Как особый этнос меря центральной группы (по Е. И. Горюновой), населявшая территории близ озер Нере и Плещеево (по письменным и археологическим источникам), в бассейне р. Нерли Клязьминской у Суздаля и Владимира (по археологическим данным) перестает существовать в XII в. Иного рубежа источники всех видов не дают. В погребальных памятниках XII в. господствует единообразие. Курганы под Ростовом, Переславлем, Юрьевом-Польским, Суздалем содержат захоронения по обряду трупоположения с западной ориентировкой в подкурганных ямах или на материке. К этому времени общедревнерусская культура возобладала настолько, что археологические материалы уже не в состоянии отразить проходившие в XII в. последние изменения в этнической истории края: окончательную ассимиляцию остатков мерянского населения. Указание на существование таких островков самобытного населения можно видеть, как неоднократно отмечалось многими авторами, в названии Мерского стана в бассейне р. Нерли Волжской под Переславлем[43].

A. E. Leontyev, E. A. Ryabinin

THE STAGES AND FORMS OF ASSIMILATION OF THE TRIBE MERYA, MENTIONED IN CHRONICLES

Summary

The article is devoted to the ethnic contacts of the Slavs and the tribe Merya, mentioned in chronicles. The authors prove, that the settling of the Slavs in the North-Eastern Russia took place mainly in the form of migration of separate communities, which is confirmed by some archaeological and linguistic materials. The process of assimilation, which took place in the Xth — XIth centuries, was two-sided. First, the acculturation of the independent Meryan population was a fast process. By the early XIth century the material culture of this tribe is generally ancient Russian with the preservation of some traditional elements. As an independent ethnosocial community Merya disappears in the early XIth century, when its settlements and cemeteries stop their functioning. Second, in parallels with the acculturation the process of physical dissolution of the local population in the Slavic environment went on. It sharply increased in the XIth century. The final assimilation of Merya, according to the authors' point of view, took place in the XIIth century. The existence of separate «islands» of the Meryan population in the later time is not excluded.

---

[41] *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество. Казань, 1871, с. 24—28; *Третьяков П. Н.* У истоков..., с. 120, 140—141.

[42] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; *Толстой М. В.* Жизнеописания угодников божиих, живших в пределах нынешней Ярославской епархии. Ярославль, 1905, с. 1—6, 22—24.

[43] *Третьяков П. Н.* У истоков..., с. 135. Связь остальных приводимых автором названий станов с основой на «мер» с этнонимом «меря», на наш взгляд, сомнительна.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

КЫПЧАКИ И ВОССТАНИЯ ЕНИСЕЙСКИХ ПЛЕМЕН В XIII в.

В XII зале Государственного Исторического музея в витрине, посвященной материальной культуре половцев, выставлен инвентарь одного особенно интересного погребения. Об условиях находки и доставки в музей коллекции № 42502 сообщают лишь немногие документы. В главной инвентарной книге музея № 4 сказано: «1904 г. Ноябрь. Число 24. 42502. Колл. древностей, состоящая из золотой серьги, костяной резной поделки, железных стрел, гвоздей, стремени и пр., найденных в Обл. Войска Донского, Таганрогского окр., близ с. Мануйловки. Дар Дав. Ив. Иловайского». Некоторые дополнительные сведения содержит надпись на обороте планшета, к которому прикреплены предметы этой коллекции, в хранении III археологического отдела ГИМ [1]: «1. Р. Дон. 2. Область Войска Донского, Таганрогский округ, поселок Петровский, близ. с. Мануйловки. 3. Доставлены Д. И. Иловайским. Вещи из кургана, в котором был найден расстроенный, вероятно грабителями, костяк взрослого человека. Вещи, основываясь на форме золотой серьги,— XIII—XIV в. по Р. Х.». В описи 1192 зарегистрировано 64 предмета этой коллекции. Нет сомнения, что все они происходят из одного погребального комплекса (рис. 1—3). В то же время этот довольно многочисленный инвентарь отчетливо подразделяется на две группы предметов, представляющие разные археологические культуры. Появление следов одной из них в средневековых памятниках бассейна Дона вызывает по крайней мере удивление. Дело в том, что значительная часть предметов, происходящих из могилы у пос. Петровского, относится к далекой от Дона аскизской археологической культуре Южной Сибири и была изготовлена древнехакасскими ремесленниками XIII—XIV вв.

В этом прежде всего убеждает характерное оформление ряда железных предметов. Украшение их серебряной инкрустацией способом поверхностной таушировки, несмотря на плохую сохранность корродированных поверхностей, хорошо прослеживается, например, на застежке (инв. № 19, рис. 1, *6*). Можно различить здесь и мелкие детали оформления, типичные для аскизского инвентаря XIII—XIV вв., например, насечку широкой поверхности фона точечными заусенцами каплевидной формы. Обращают на себя внимание и окаймляющие предмет валики — черта, хорошо знакомая по древнехакасским изделиям. Сходство усугубляют попарно располагающиеся заклепки с декоративно крупными головками, часто сочетающиеся с одиночными заклепками на вытянутом конце предметов (инв. № 15, 18; рис. 1, *2*, *7*). Все эти детали оформления, а также характерное изготовление предметов из пластин не оставляют сомнения в том, что рассматриваемые изделия вышли из мастерских енисейских

[1] Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность сотрудникам отдела за постоянную доброжелательность и помощь.

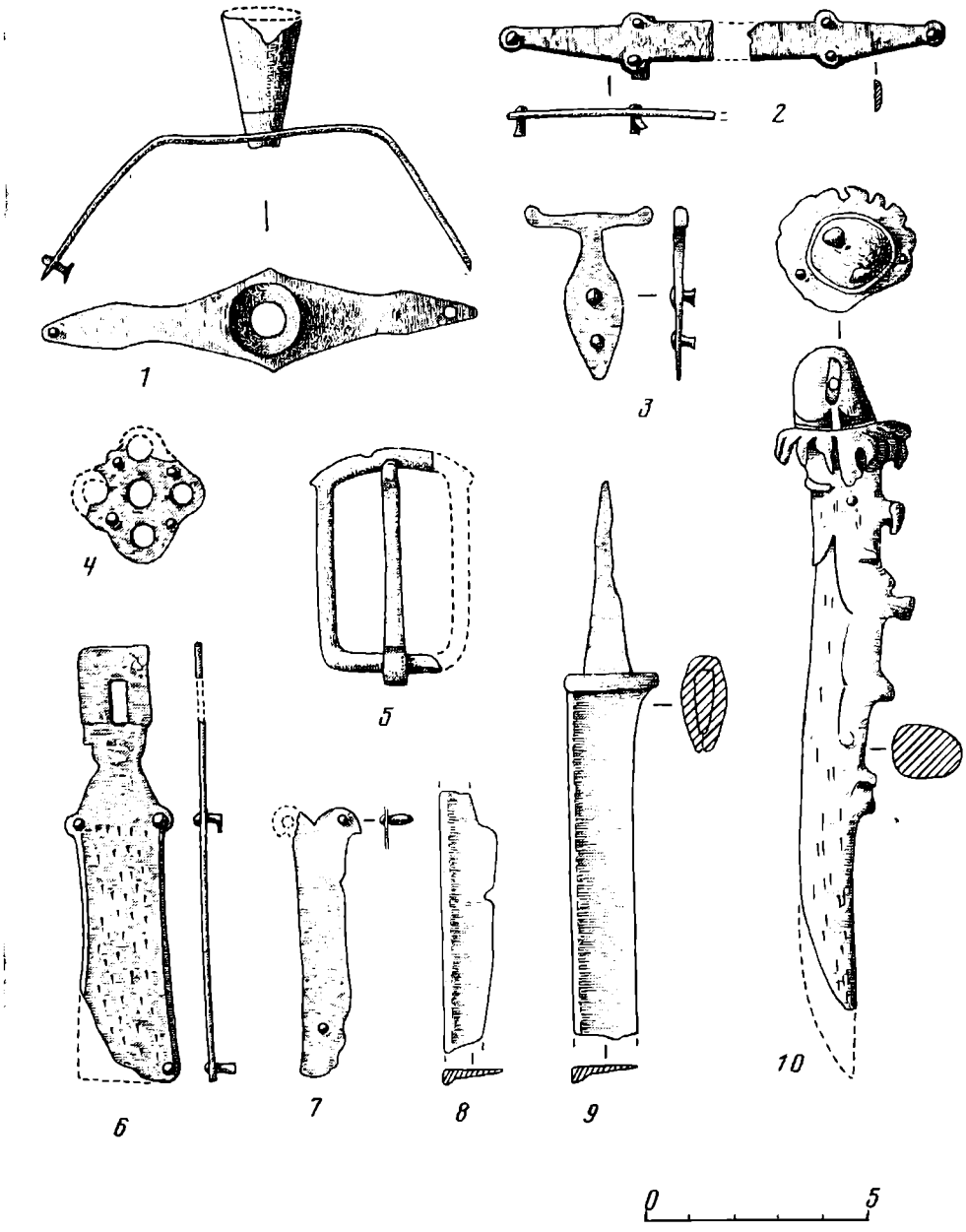


Рис. 1. Погребение у пос. Петровского. Предметы, изготовленные на Енисее. *1—5*, *7—9* — железо; *6* — железо с остатками серебряной инкрустации; *10* — рог

ремесленников [2]. В этом убеждает и форма предметов. Указанные особенности совершенно нетипичны для материальной культуры племен и народов степной зоны Восточной Европы.

Самобытной чертой украшения сбруи верхового коня у воинов древнехакасского государства являлся наносный султан узды. Такой султан найден и у пос. Петровского (№ 21, рис. 1, *1*). Форма его пластины и конической трубочки характерна для аскизских наносников XIII—XIV вв.

[2] См. *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время).— СА, 1978, № 1.

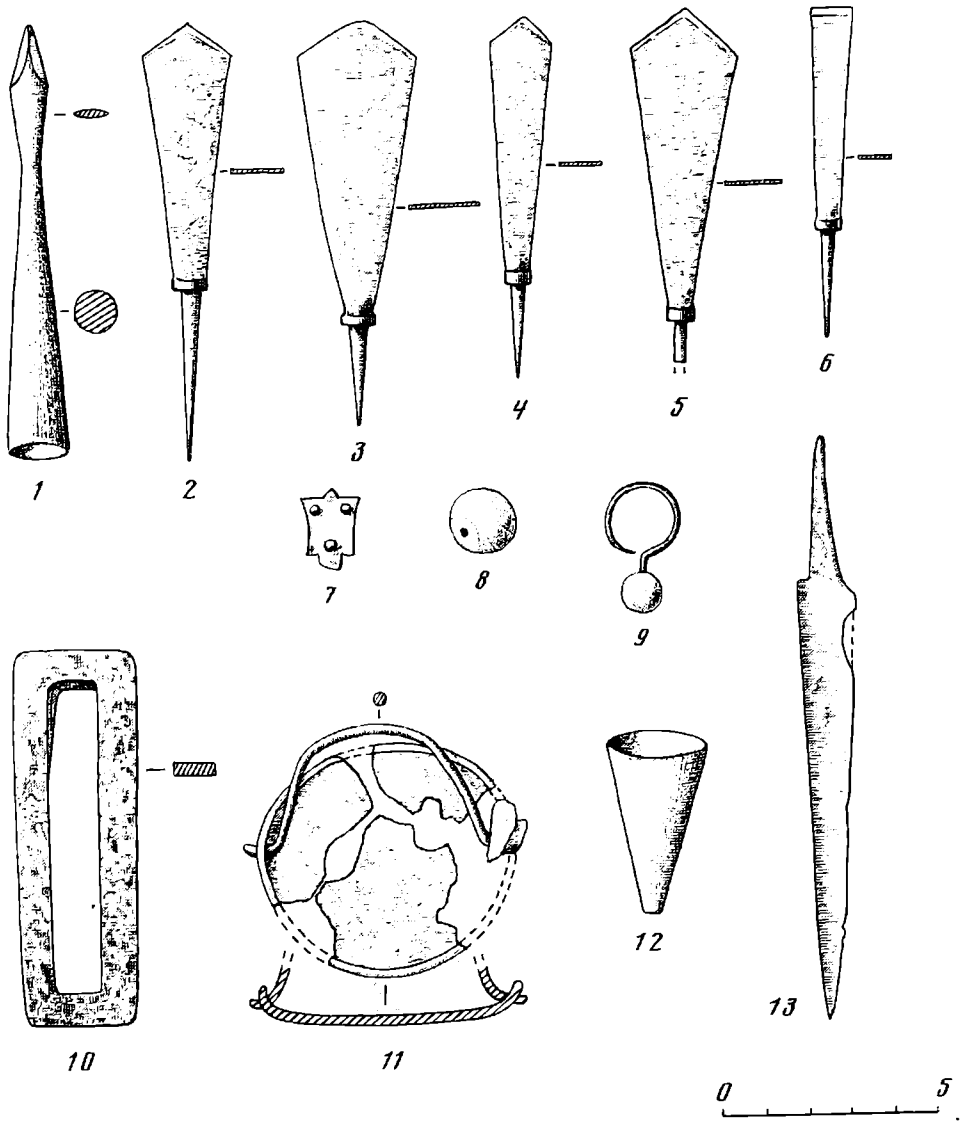


Рис. 2. Погребение у пос. Петровского. Кыпчакские предметы. *1—6*, *10—13* — железо; *7* — белый сплав; *8* — стеклянная паста; *9* — серебро позолоченное и стеклянная паста

(рис. 4) [3]. Эта деталь уздечного украшения имеет в бассейне Енисея относительно глубокие местные корни, восходящие к материалам XI—XII вв., а через них и к IX—X вв.[4] За пределами древнехакасского государства, насколько известно, украшение наносных ремней уздечек султанами в предмонгольское и монгольское время не было распространено. Этот обычай не имеет аналогии и в восточноевропейских древностях.

То же самое можно сказать и о застежке из изучаемого погребения (рис. 1, *6*). Она не только типологически входит в известную серию ана-

[3] Там же, рис. 10, *1—3*; рис. I, II, *23*, *53*. ГИМ — 49439/455, 511; ММ — 7691, 8121, 8122, 8125.

[4] Там же, рис. 1, *73*; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, табл. III, 109; *его же*. Курганы средневековых хакасов (аскизская культура).— В сб.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, рис. 3, *8*; 15, *5*.

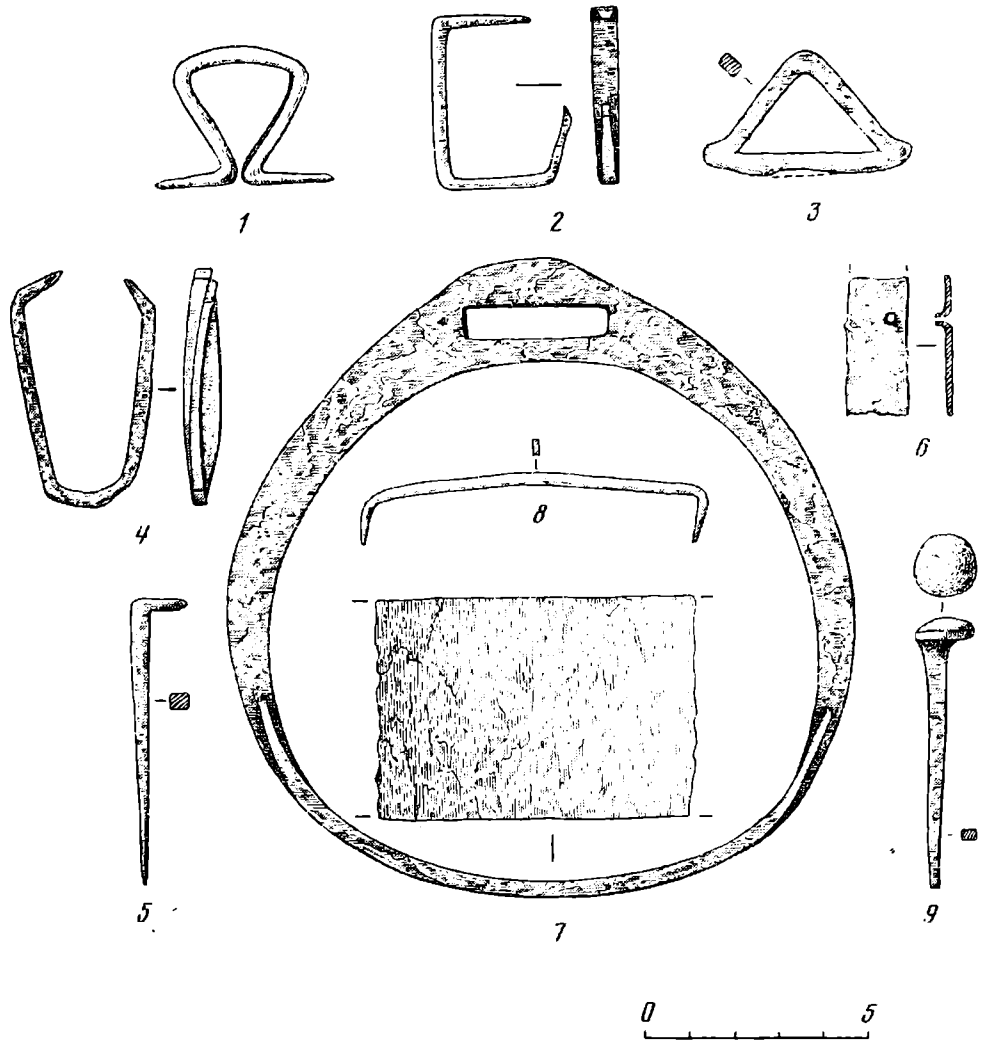


Рис. 3. Погребение у пос. Петровского. Железные гвозди, скобы и предметы конского снаряжения

логичных предметов XIII—XIV вв. из Южной Сибири (рис. 5, *3*) [5], но и связана генетически с более ранними древнехакасскими изделиями XI—XII вв. [6] Подобные накладки с рамками на концах употреблялись в парах с пластинчатыми крюками (рис. 5, *1*, *3*). Хотя крюковые застежки были известны в средние века народам Восточной Европы, но парных им пластин-рамок не было [7].

В погребении у пос. Петровского представлена и другая форма типично аскизских застежек. Это небольшой предмет Т-образной формы с

[5] *Кызласов И. Л.* Ук. соч., табл., Л., рис. 9, *3*.

[6] Хакасия: Оглахты II, к. 4 (*Кызласов Л. Р.* Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1968 г. Архив ИА АН СССР, р-1, д. 4265), ГЭ ОИПК — 3975/321; Тува: Эйлиг-Хэм III (*Грач А. Д.* Отчет о полевых исследованиях 1-го отряда Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР в 1965 г. Архив ИА АН СССР, р-1, д. 3160); Алды-Бель I, к. 1 (*Грач А. Д.* Отчет о полевых исследованиях 1-го отряда Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР в 1966 г. Архив ИА АН СССР, р-1, д. 3375); Демир-Суг, к. 1 (*Самбу И. У.* Отчет о полевых исследованиях 4-го отряда Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР в 1970 г. Архив ИА АН СССР, р-1, д. 4132).

[7] Ср. *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния.— САИ, вып. Е4-2. М., 1974, рис. 10, *55*.

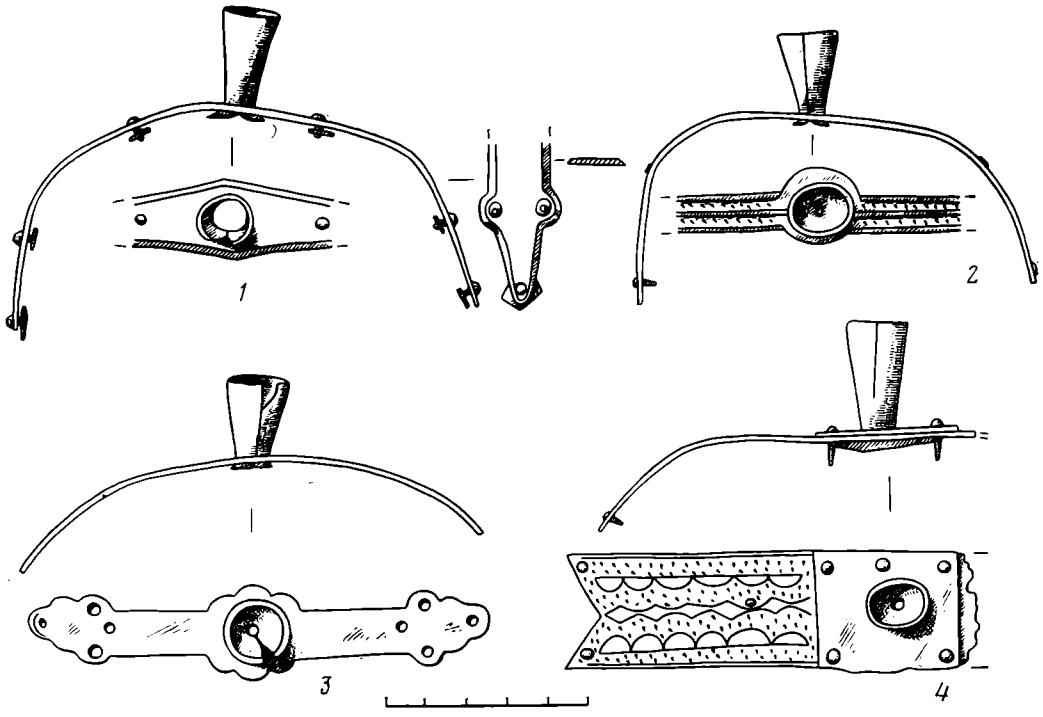


Рис. 4. Образцы уздечных султанов аскизской культуры XIII—XIV вв. из Хакасско-Минусинской котловины. *1* — ГИМ — 49439/455; *2, 3, 4* — ММ — 8125, 8121, 7691. *1, 3* — железо; *2, 4* — железо с серебряной инкрустацией

ромбической пластиной плавных очертаний (№ 17, рис. 1, *3*). Восходящие к местным формам XI—XII вв. Т-образные застежки средневековых хакасов в монгольское время имеют именно такой облик (рис. 6, *7*) [8].

Встреченные в донском погребении железные накладки (№ 15, 18; рис. 1, *2, 7*) также принадлежат к изделиям, широко распространенным в памятниках аскизской культуры (рис. 5, *2, 4*; 6, *4*) [9]. Среди южносибирских накладок часто встречаются и неорнаментированные, типа петровских [10]. Под № 15 в описи отмечена железная накладка, которая сейчас представлена в коллекции двумя обломками. Линия облома не сходится. Подобная двусторонняя накладка с симметричным оформлением концов встречена и в древнехакасском погребении XIII—XIV вв. в Туве.

Четырехлепестковые бляхи с круглыми сквозными отверстиями (№ 14, рис. 1, *4*) — характерная деталь инвентаря аскизских курганов монгольского времени [11]. Сбруйные пряжки с двумя выступами по краям передней части рамки (№ 23, рис. 1, *5*), сменяя близкие формы XI—XII вв., также бытуют в аскизской культуре в XIII—XIV вв. [12] В средневековых

[8] *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов..., рис. 1, *41*, *11*; рис. 5, *4*; ММ — 492, 494, 496; ГЭ ОИПК — 350/33; МАЭ — 252/161.

[9] Там же, рис. 1, *34*; рис. 8, *2*, *3*; 9, *1*, *2*; *Tallgren A. M.* Collection Tovostine des antiquités préhistoriqués de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. Helsingfors, 1917, pl. XI, fig. 24; Быстрая, кург. 1 (*Левашева В. П.* Раскопки курганов близ с. Быстрая Минусинского района, 1938 (рукопись). Личный архив автора раскопок); ГИМ — 49439/63, 123, 136, 450, 464—467, 471, 514, 515, 525, 526; МАЭС ТГУ — 6272/636; ММ — 3391—3393, 7130, 7131, 7134, 7136, 7140, 7142, 7236, 7247—7249, 7275, 7676—7680, 7758; МАЭ — 252/157, 158, 415.

[10] *Кызласов И. Л.* Ук. соч., рис. I, II, *35*; *Левашева В. П.* Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. XVII, *6*; *Липский А. Н.* Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году.— КСИИМК, XXV, 1949, рис. 3; ГИМ — 49439/24, 25, 48—50; ММ — 7138, 7139; МАЭ — 252/167.

[11] *Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов..., рис. 1, II, *4*; 4, *10*; ММ — 3390, 7282, 9717.

[12] Там же, рис. 1, *50*. Таких пряжек много среди случайных находок в коллекциях разных музеев.

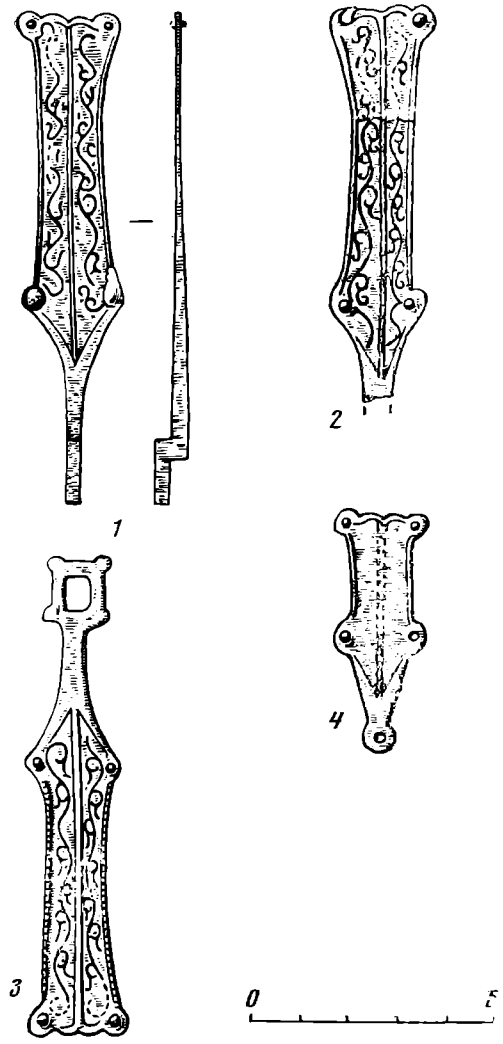


Рис. 5

Рис. 5. Комплекс аскизских предметов. Местность Борки, правый берег р. Абакан. МАЭ — 252/421. *1* — № 120; *2* — № 130; *3* — № 119; *4* — № 127. Медь с инкрустацией золотом

Рис. 6. Инвентарь древнехакасского погребения у дер. Быстрая близ Минусинска (раскопки В. П. Левашевой, 1938, кург. 1). *1—3*, *5—7* — железо; *4* — железо с серебряной инкрустацией; *8* — бронза (Минусинский музей)

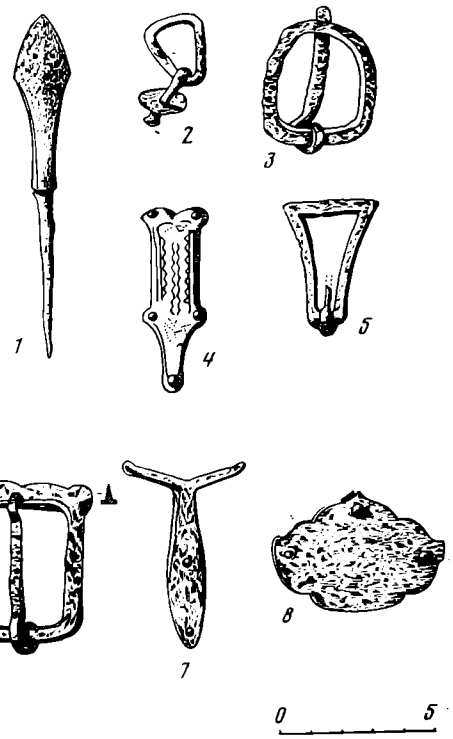


Рис. 6

памятниках Восточной Европы подобные типы вещей не известны. Нет там и ножей с нависающим выступом вдоль спинки, подобных двум экземплярам из погребения близ пос. Петровского (№ 3, 4, рис. 1, *8, 9*). Но такие ножи являются массовой находкой в Южной Сибири [13]. Они встречаются как в древнехакасских курганах XI—XII вв., так и в одновременных могилах каштымов [14]. Ножи с таким сечением лезвия восходят к местным формам IX—X или даже VII—VIII вв.[15] Ножи сходного сечения, но другой формы найдены в погребениях чжурчжэней XI в.[16] В Восточной Европе, насколько известно, ножи не имели железных напускных перекрестий такого типа, как у экземпляра 42502/3. Для аскизских же древностей подобные перекрестия обычны [17].

[13] МАЭ — 252/134; ГИМ — 49439/75, 440, 444, 445; ГЭ ОИПК — 1123/128, 175; 1133/123; 1296/208; 1670; 3975/835, 842.

[14] Оглахты III, к. 2 (*Кызласов Л. Р.* Ук. отчет за 1968 г.); погребение у ул. Доможакова (ХОКМ). Кыштымы — обозначение подвластных древнехакасскому государству племен (памятники их не относятся к аскизской культуре).

[15] ГЭ ОИПК — 3975/834, 838.

[16] *Медведев В. Е.* Материалы раскопок могильника у с. Надеждинского.— В сб.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975, 142, рис. 2, *9*, *10*.

[17] ГЭ ОИПК — 1123/173; ГИМ — 49439/75, 438.

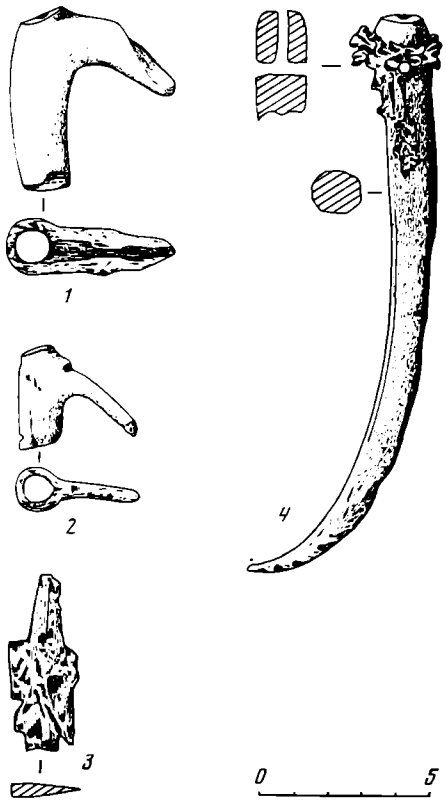


Рис. 7. Предметы из погребения у с. Лугавского близ Минусинска (раскопки 1913 г.). ККМ — 74. *1, 2, 4* — рог; *3* — железо

Не удалось найти аналогий в европейских степях и роговому предмету (№ 12, рис. 1, *10*). В Южной Сибири таким орудием, вероятно, распутывали узлы сбруйных ремней и арканов (рис. 7, *4*)[18].

Таким образом, мы приходим к заключению, что часть предметов, происходящих из погребения у пос. Петровского на Дону, изготовлена на Енисее. Эти вещи находят себе место среди инвентаря каменского этапа аскизской культуры и позволяют датировать изучаемое погребение XIII—XIV вв.[19]

Каким же образом попали эти вещи в степи Восточной Европы, преодолев расстояние в несколько тысяч километров? Ответ на этот вопрос связан с результатом определения этнической принадлежности погребенного у пос. Петровского. Умерший не был ни воином древнехакасского государства, ни монгольским воином, как можно было ожидать при учете политических событий XIII—XIV вв.[20]

Погребальный обряд изучаемого комплекса нельзя выяснить в деталях, но в целом (курган и могила с трупоположением в деревянном гробу) он соответствует обычаям народов степной части Восточной Европы[21]. Остальной, неаскизский инвентарь погребения также местный. Найденное здесь кресало (№ 1, рис. 2, *10*) относится к типу, широко бытовавшему в Восточной Европе в XIII—XV вв.[22] Еще шире в XIII—XIV вв. были распространены серьги в виде знака вопроса с бусинкой на конце[23]. Ряд исследователей

---

[18] *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении).— МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, табл. II, *33*; *Левашева В. П.* Два могильника кыргыз-хакасов.— МИА, № 24, 1952, рис. 5, *27*; Лугавское (раскопки 1913 г., ККМ — 74/65).

[19] *Кызласов И. Л.* Ук. соч., табл.

[20] Древнехакасский обряд — трупосожжение с погребением на горизонте под невысоким каменным курганом. Кыштымы имели и другой обряд, и неаскизский погребальный инвентарь, отличный и от второй группы вещей из кургана у пос. Петровского. Для монголов, по имеющимся данным, в XIII—XIV вв. характерны грунтовые могилы с подбоем (*Зяблин Л. П.* О «татарских» курганах.— СА, XXII, 1955; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 156—157; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969, с. 160, рис. 64). До сих пор «тайные погребения» монголов практически неизвестны (*Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч.; *Яблонский Л. Т.* Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды.— Вестн. МГУ, история, 1975, № 2). Слабо изучена и материальная культура монголов XIII в.

[21] *Зяблин Л. П.* Ук. соч.; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62, 1958; *ее же.* Древности черных клобуков. М., 1973, с. 12—14; *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., гл. III.

[22] *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., рис. 12, тип А I, с. 84, 116; *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, № 65, 1959, с. 101, рис. 84, *9—11*.

[23] *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., рис. 6, тип VI, с. 39—41, 116; *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков, табл. 40, *6*; *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола.— В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, рис. 2, 7; *Арсланова Ф. Х.* Средневе-

считает их этнографическим признаком кыпчаков [24]. Серьгу из погребения у пос. Петровского отличает от наиболее известных форм короткий стерженек с довольно крупной бусиной (№ 64, рис. 2, *9*) [25]. Очень интересны остатки миниатюрной железной «чашечки» с дужкой (№ 27, рис. 2, *11*). Такой же целый предмет найден у дер. Каменки [26]. Плоские наконечники стрел (рис. 2, *2—5*) не только подтверждают ту же дату XIII—XIV вв [27], но и, пожалуй, помогают определить этническую принадлежность погребенного. Некоторые исследователи связывают подобные типы стрел с монголами [28]. Но дело в том, что аналогичные наконечники стрел встречаются на всей огромной территории обитания кыпчаков или в районах их боевых действий и, что особенно важно, прямо связаны с их погребениями [29]. Не являются ли они кыпчакскими? В кыпчакских могилах Казахстана находим аналогии и некоторым деталям конского снаряжения из комплекса у пос. Петровского (№16, рис. 3, *1*) [30].

Остальной инвентарь: стремя (№ 26, рис. 3, *7*), вток копья (? № 20 — в коллекции не сохранился, рис. 2, *12*), третий нож (№ 2, рис. 2, *13*), фигурная бляшка (№ 13, рис. 2, *7*), долотцевидный наконечник стрелы (№ 9, рис. 2, *6*), маленький втульчатый наконечник дротика (№ 11, рис. 2, *1*) [31], железные детали снаряжения (№ 22, 5, рис. 3, *3*, *6*), черная пастовая бусина (№ 63, рис. 2, *8*), железные узкие оковки (№ 22, 24, 25; рис. 3, *2*, *4*) и костыльки (№ 33—36, рис. 3, *5*), скобы (№ 28—32, рис. 3, *8*) и гвозди от гроба (№ 37—62, рис. 3, *9*) [32] — ничего не может добавить к этническому определению погребенного. Но эти предметы не противоречат ему, подтверждая в то же время указанную датировку [33].

ковый могильник из Приртышья.— Министерство высшего и среднего специального образования КазССР, общественные науки, вып. III. Алма-Ата, 1963, с. 285, табл. VI, *5—7*; *Евтюхова Л. А.* Изделия различных ремесел из Каракорума.— В кн.: Древнемонгольские города. М., 1965, с. 286, рис. 147, *3*.

[24] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, с. 176; *Вактурская Н. Н.* О серьгах со средневекового городища Шерхлик.— Сборник к 60-летию С. П. Толстого. М., 1968, с. 249, 252; *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Ук. соч., с. 53.

[25] Ближайшая известная нам аналогия — *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970, табл. IX, *5*.

[26] *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков, табл. 39, *15*. Курган 434, трупоположение без коня и без гроба.

[27] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII—XIV вв.— САИ, вып. Е1 — 36. М., 1966, табл. 24, *2*, *6*, *7*; 26, *30*, *32*; 29, *2*, *3*; 30 В, *64*; 30 Г, *67*.

[28] *Киселев С. В., Мерперт Н. Я.* Железные и чугунные изделия Каракорума.— В кн.: Древнемонгольские города, с. 192, 193, рис. 108, *1*; *Медведев А. Ф.* Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе.— СА, 1966, № 2, рис. 1, *2*, *3*; 2, *1*, *2*, *5*, *7*; 3, *1*, *3*.

[29] *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., рис. 3, тип BXI, с. 28, 116; *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков, табл. 41, *3*; *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Ук. соч., рис. 2, *1—3*; Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, табл. III, *82*, *83*; *Акишев К. А.* Памятники старины Северного Казахстана.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, табл. VII, с. 12; *Арсланова Ф. Х.* Средневековый могильник из Приртышья, табл. III, *6*, *7*; *ее же.* Памятники Павлодарского Приртышья (VII—XII вв.).— В сб.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, рис. 5; *Максимова А. Г.* Погребение воина XIV века.— Вестн. АН КазССР, 1965, № 6, табл. III, *5—7*.

[30] *Арсланова Ф. Х.* Средневековый могильник..., табл. III, *20*; *ее же.* Памятники..., рис. 57.

[31] В южнорусских степях употреблялись дротики с довольно мелкими наконечниками. Но они все ромбического сечения и вдвое крупнее экземпляра 42502/11 (*Плетнева С. А.* Древности черных клобуков, табл. 23, *11*; 27, *17*; 31, *13*; 43, *9*). Уплощенные наконечники дротиков есть в Южной Сибири (ГЭ ОИПК — 325/42), датировка их не установлена.

[32] Распространены очень широко. См. *Сорокин С. С.* Железные изделия Саркела — Белой Вежи.— МИА, № 75, 1959, рис. 26, *25—43*, с. 182; *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков, рис. 3, *1*, *2*; табл. 27, *20*; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века, табл. IV, *34*; *Кызласов Л. Р.* Городище Дён-Терек.— В кн.: Древнемонгольские города, рис. 31.

[33] Подтверждение того, что у пос. Петровского расположен половецкий могильник, можно видеть в том, что в ГИМ хранится и другой, уже явно половецкий комп-

Объяснение тому, как енисейские вещи попали в капчакское погребение XIII—XIV вв., следует искать в событиях не восточно-европейской, а сибирской истории. Или, точнее, в тех исторических переменах, которые одинаково затронули население евразийских степей.

В 1207 г. монгольские феодалы завоевали племена и народы Саяно-Алтайского нагорья, подчинив себе древнехакасское государство. Но уже в 1218 г. в бассейне Енисея вспыхнуло крупное восстание, и армии Джучи пришлось вновь завоевывать эти земли. 55 лет в северных тылах великоханского улуса было относительно спокойно. В 1273 г. вспыхнуло новое восстание, которое было настолько мощным, что после его победы целых 20 лет население Южной Сибири было свободным. Лишь в 1293 г. силы древнехакасского государства были окончательно подорваны в этой неравной борьбе [34]. Немаловажную роль в этих событиях сыграла армия под командованием Тутухи — одного из полководцев Хубилая.

«...В 1292 г. Тутуха разграбил район Алтайских гор... На обратном пути он посетил Хэлинь (Каракорум). Здесь он получил приказ овладеть киргизами (цзилицзисы) [35]. В 1293 г. весной войска встали лагерем у реки Цяньхэ (р. Кэм-Енисей), по льду шли несколько дней и только тогда дошли до границ их владений. (Армия Тутуха) полностью овладела всем народом пяти их племен, и (монголы) разместили (в их владениях) войска, чтобы охранять их (т. е. оккупировали область). Тутуха доложил о заслугах и был повышен в чине...» [36]. Кто же такой Тутуха и что представляла собой его армия? «Предки Тутуха происходили из племени, (проживающего) у гор Аньдагань при реке Чжеляньчуань, к северу от Упин. С того времени, как (некий) Цюйчу переселился на северо-запад к горам Юйлиболи, представители этого племени составили самостоятельное поколение (ши). Они назвали свое владение цинь-ча (кыпчак)... У Цюйчу родился (сын) Сомона. У Сомона — Инасы. Из поколения в поколение они были государями кыпчаков...» [37]. Далее родословная такова: Инасы — Хулусуманъ — Баньдуча — Тутуха [38]. Полководец Хубилая представлял собой шестое поколение правящего рода одной из восточных ветвей кыпчаков (отводя на одно поколение 25—30 лет, нетрудно вычислить, что Цюйчу жил в первой половине XII в.). Его отец Баньдуча покорился монголам и был ими обласкан. Для нас важно, что «во главе сотни кыпчакских воинов он сопровождал Ши-Цзу (Хубилая) в походе против Дали и участвовал в войнах с Сун. Баньдуча отличился в боях и получил прозвище «сильный и отважный». Он часто находился в свите Хубилая и ведал породистыми лошадьми...» [39]. Верным вассалом юаньских императоров остался и его сын: «Когда Баньдуча умер, Тутуха наследовал должность своего отца и служил в карауле». С самого начала борьбы Хубилая с Хайду Тутуха активно участвует в военных действиях, возглавляя крупные армии. Характерен этнический состав подвластных

лекс (*Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, с. 153, прим. 3), происходящий из этой местности (дар Е. П. Яновой, ГИМ — 91642), а также случайно найденная там сабля (ГИМ — 91644).

[34] Подборку письменных источников, повествующих об этих событиях, см. *Кызласов Л. Р.* Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв.— УЗ ХНИИЯЛИ, вып. XI. Абакан, 1965; *его же.* История Тувы в средние века, с. 130—136.

[35] Политическое название средневековых хакасов и их государства по правящему династийному роду Хыргыс. Употреблялось окружавшими племенами и народами, официальной иноэтнической историографией и дипломатией (прим. автора).

[36] Юань-ши, биография Тутуха. (См. *Кычанов Е. И.* Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке. (публикация источников).— Изв. АН КиргССР, серия обществ. наук, т. V, вып. 1. Фрунзе, 1963, с. 64). Уточнение дат событий см. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века, с. 201, прим. 55.

[37] Юань-ши, биография Тутуха (*Кычанов Е. И.* Ук. соч., с. 62).

[38] Его имя, несомненно, восходит к тюркскому титулу «тутук» («наместник»), бывшему распространенным компонентом имен собственных и самостоятельным именем представителей правящих слоев (Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 593).

[39] Юань-ши (*Кычанов Е. И.* Ук. соч., с. 62).

ему войск. Уже в 1277 г., когда Тутуха возглавил крупный поход на север, «был отдан приказ набрать тысячу отборных кыпчакских всадников для участия в этом походе». Умело руководя военными операциями, родовитый кыпчак получал повышение за повышением. «В 1285 г. был учрежден отряд личной охранной гвардии императора из кыпчаков, при этом Тутуха получил чин дучжихуши с правом требовать подчинения от чиновников, должностных лиц и военачальников из числа членов императорского дома». Росла и его армия, но племенной состав ее в целом не изменялся. Так, после восстания Найяна «все мятежники из кыпчаков и канглы, сдавшиеся добровольно, были отданы Тутуха. Был учрежден департамент Халалу из 10 тыс. дворов. Все разбросанные в разных местах кыпчакские кочевья, все племена и все ваны Аньси попали под управление Тутуха». «В 1297 г. Тутуха получил титул шан чжу го (опора государства). Одновременно он получил чин верховного главнокомандующего кыпчакской армии. В этом году он и умер в возрасте 61 года. Его третий сын Чункур (Чжуанур) наследовал должность отца (умер в 1322 г. 63 лет от роду). У него в свою очередь было шесть сыновей...» [40].

Таким образом, последнее крупное выступление средневековых хакасов в конце XIII в., известное по письменным источникам, было подавлено монгольскими феодалами руками кыпчакского хана Тутухи, основной ударной силой армии которого были кыпчаки. Эта армия побывала не только на верхнем (современная Тува), но и на среднем Енисее (Хакасско-Минусинская котловина) [41].

Вполне вероятно, что все эти события и находят отражение в археологическом материале погребального комплекса у пос. Петровского на Дону. Аскизские вещи из этого кургана являются (кроме ножей) деталями конской сбруи. Погребенного здесь кыпчакского воина сопровождали захваченные им на Енисее трофеи — узда и седло.

Рассмотрим подробно эти вещи. Характерной особенностью аскизской культуры, непосредственно предшествующей этнографической культуре современных хакасов, является широкое использование серебряной инкрустации по железу [42]. Особенно украшалось конское снаряжение. Судить о том, сколь большое значение придавалось на Енисее украшению сбруи коня, можно не только по археологическим находкам, но и по тому живому свидетельству, которым являются бытовые песни современных хакасов. В них часто даже ясная звезда в небе сравнивается с лошадью в богатой узде. Вот пример того, как величает избранника хакасская девушка:

Под луною одна звезда,
Словно конь в золотом недоуздке.
Сын народа — этот парень,
Словно хан с поясом белого шелка.
Под солнцем одна звезда,
Словно конь в серебряном недоуздке.
Сын народа — этот парень,
Словно бег с поясом синего шелка [43].

Блистающая серебром конская сбруя, пояса и другие части снаряжения средневековых хакасов постоянно привлекали к себе внимание. В XVII в. (последний этап аскизской археологической культуры) русские воеводы и служилые люди скупали изготовляемое хакасскими ма-

[40] Там же, с. 63—65 (даты даны по Е. И. Кычанову).

[41] Кыпчакские воины могли вступить в непосредственный контакт с носителями аскизской культуры и во время многочисленных походов этой армии на Алтай.

[42] *Кызласов Л. Р.* Курганы средневековых хакасов; *его же.* История Тувы в средние века, гл. IV; *Кызласов И. Л.* Ук. соч.

[43] *Шептаев Л. С.* Хакасский тахпах.— В кн.: Фольклористика Российской федерации. М., 1976, с. 109 (перевод наш.— *И. К.*).

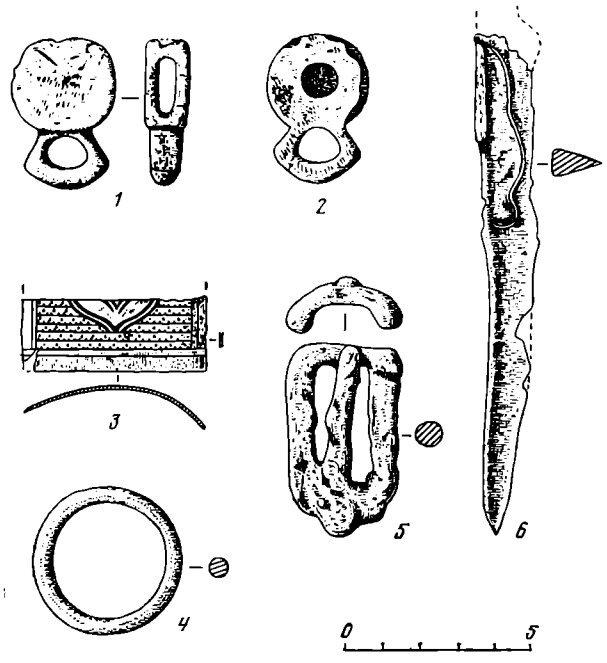


Рис. 8. Предметы из могилы 11 у дер. Черновой. Раскопки Г. П. Сосновского, 1929 г. *1—3* — кость; *4* — бронза; *5—6* — железо

стерами «посеребрянное гвоздьё» и даже, закончив царскую службу, вывозили его с собой в Москву [44].

По достоинству оценили убранство коней своих врагов и воины Тутухи в конце XIII в. Они донесли с собой отдельные изделия аскизских мастеров до Восточной Европы [45], продемонстрировав лишний раз, что степные пространства никогда не являлись препятствием для всадников, к тому же передвигавшихся в родственной этнической среде (вероятно, отсюда в погребении у пос. Петровского часть вещей, характерных для азиатских кыпчаков). Учет исторических событий позволяет сузить датировку изучаемого погребения если не до XIV в., то до конца XIII—XIV в.

О пребывании кыпчаков в Каракоруме кроме прямых указаний письменных источников, может быть, свидетельствуют наконечники стрел того же типа, что и в описываемом погребении [46], и находка характерной восточноевропейской серьги в виде знака вопроса с длинным перевитым стержнем [47].

Остается отметить, что и сибирская земля хранит в себе следы пребывания на ней кыпчакских воинов XIII в. Среди случайных находок в Хакасии можно встретить и нехарактерные для Южной Сибири рамчатые кресала [48], и вытянутые плоские стрелы с тупоугольной боевой частью [49]. Найдены и «перевитые» серьги в виде знака вопроса [50]. Есть на территории Хакасии и погребения, близкие к кыпчакским. Два из них раскопаны Г. П. Сосновским у дер. Черновой в 1929 г. Это могилы под плоскими насыпями из мелкого плитняка. У могилы 11 насыпь была овальной (5,7× 5 *м*, высота 5—10 *см*), вытянутой с северо-запада на юго-восток. Так же была вытянута и насыпь аналогичной могилы 22 (5,5×5 *м*, высота 5—8 *см*). Оставшиеся документы раскопок кратки.

---

[44] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в.— *Бахрушин С. В.* Научные труды, т. IV. М., 1959, с. 34, 132.

[45] С ними, вероятно, следует связывать единичные аналогии аскизскому инвентарю, найденные и в Европейской части нашей страны, и в Казахстане (*Кызласов И. Л.* Ук. соч., с. 138—139). Аскизские ножи в изучаемое погребение, видимо, попали также благодаря своим особо высоким рабочим качествам (*Хоанг Ван Кхоан.* Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири.— СА, 1974, № 4, с. 112—117).

[46] Древнемонгольские города, рис. 108, *1*. Эти каракорумские экземпляры и были основой для определения монголо-татарских наконечников стрел в Восточной Европе. Описываемый тип не следует смешивать с, вероятно, действительно, монгольскими стрелами близкой формы, но совершенно иных пропорций (там же, рис. 39, *1—3*).

[47] Там же, рис. 147, *3*. Судя по забайкальским аналогиям, серьга из пос. Петровского может быть центральноазиатского происхождения.

[48] МАЭС ТГУ — 2691, ММ — 7828.

[49] ГЭ ОИПК — 3975/772, 791, 799; 5544/32; МАЭ — 1705/112; ГИМ — 49439/254; ММ — 2858—2860, 2866, 2910, 2911, 2916, 4806, 4863.

[50] ММ — 8867, с. Лугавское.

В насыпи могилы 11 под камнями было найдено бронзовое кольцо (рис. 8, *4*), на глубине около 0,5 *м* — кусок бересты. Трупоположение располагалось в яме глубиной около 70 *см*. Скелет не имел черепа и правой лучевой кости. Над ним находились куски узких костяных пластин (рис. 8, *3*). У ног лежали костяные бляхи пояса (рис. 8, *1, 2*) и «ножичек» (рис. 8, *6*). Под насыпью могилы 22 кроме пяточной кости животного также встречен кусок бересты (длиною до 30 см), свернутый в трубку. В могильной яме, вытянутой с запада на восток (глубина 0,75 *м*), находился неполный гроб из пяти сланцевых плит (2,28×0,5—0,6 *м*, высота 0,42 *м*, толщина поперечной плиты 4 *см*, боковых — по 2 *см*). На уровне верхнего края плит поперек северной стенки гроба лежали, опираясь на ребро плиты, два железных наконечника стрел. Третий наконечник находился в самом гробу чуть глубже (острием к западу). На дне каменного ящика на подстилке из коры (которая была в головах обуглена) лежал скелет взрослого мужчины, головой на запад (290°). У левого плеча скелета найден четвертый наконечник стрелы (рис. 9) [51].

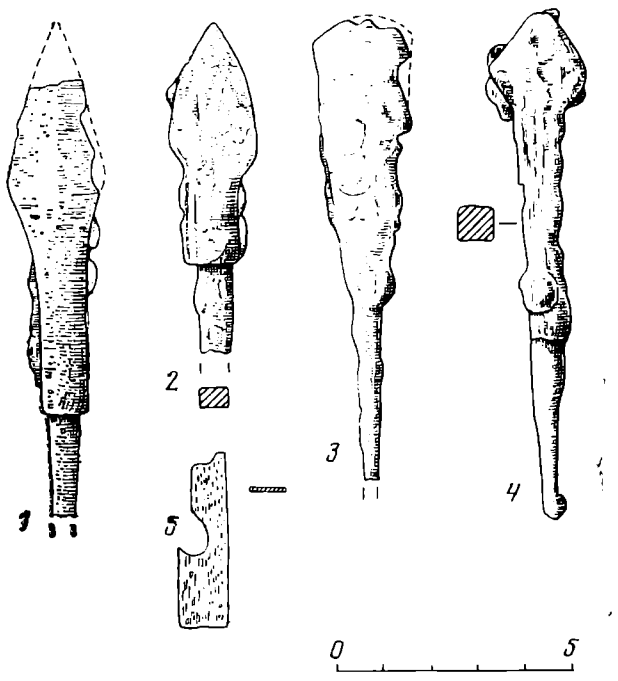


Рис. 9. Предметы из могилы 22 у дер. Черновой. Раскопки Г. П. Сосновского, 1929 г. *1—4* — железо; *5* — кость

Погребения в ямах под невысокими каменными или земляными курганами с ориентировкой умерших головой на запад (с отклонением к северу, редко на север [52]) — характерный обряд азиатских кыпчаков. Умершие часто лежат в так называемых ящиках без дна, т. е. в деревянных рамах [53]. В условиях Хакасии рама могла быть заменена ящиком из каменных плит, которые служили подручным материалом для сооружения могил на Енисее во все времена. От обряда родственных европейских племен погребения азиатских кыпчаков из Казахстана отличаются не только ориентировкой захороненных, но и отсутствием лошади (таблица) [54]. Это же наблюдается и в кургане у пос. Петровского — возможно, еще одно свидетельство в пользу восточного происхождения похороненного там человека.

---

[51] Все данные извлечены из фонда Г. П. Сосновского (*Сосновский Г. П.* Могилы железного периода у дер. Черной и Кокорево. Материалы. Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 42, № 125, листы 7—10, 18, 20—22). Материал хранится в ГЭ ОИПК — 1548.

[52] Головой на север был погребен мужчина в могиле 23 у дер. Черной. Инвентаря при нем не оказалось (*Сосновский Г. П.* Ук. соч., л. 18, 32, 33).

[53] См. указанные работы К. А. Акишева, М. К. Кадырбаева и Р. З. Бурнашевой, Ф. Х. Арслановой, А. Г. Максимовой, а также *Маргулан А. Х.* Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры.— ТИИАЭ, т. 7. Алма-Ата, 1959; ср. *Кабанов С. К.* Погребение воина в долине р. Кашка-Дарья.— СА, 1963, № 3; *Массон М. Е.* Ахангеран. Ташкент, 1953, с. 25; *Пугаченкова Г. А.* Погребение монгольского времени в Халчаяне.— СА, 1967, № 2; *Заднепровский Ю. А.* Кочевническое погребение XIII—XIV вв. в Фергане.— СА, 1975, № 4.

[54] В Восточной Европе известны погребения и со схожим обрядом.— *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., отдел А, с. 124; *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков, группа I, с. 12, рис. 4.

Местонахождение	Характеристика насыпи	Форма кургана	Ориентировка скелета						Прямоугольная яма	Тип гроба
			З	ЗСЗ	СЗ	С	Ю	В		
с. Беловодское, Сев. Казахстан	Каменная выкладка	Вытянута с ЮЗ на СВ	–	–	1	–	–	–	+	Нет данных
совхоз 25 лет Октября, Сев.-Вост. Казахстан	Нет данных	Нет данных	–	–	–	1	–	–	Нет данных	Нет данных
Ждановский мог., Приртышье	Земляные	Круглые	20	–	–	2	4	–	+	Рама – 2, колода – 3, доски поперек – 3
Тасмола VI, к. 2, Центр. Казахстан	То же	Круглая с ровиком	–	–	–	1	–	–	+	Рама
Нура,к. 2, 4, Центр. Казахстан	» »	Круглые	1	—	1	–	–	2	+	Береста
с. Королевка, Юго-Вост. Казахстан	» »	Круглая с ровиком	–	1	–	–	–	–	+	Дощатый гроб

Один наконечник стрелы из могилы 22 у дер. Черновой на Енисее — срезень обычного для кыпчаков типа (рис. 9, *3*). Найденные в могиле 11 роговые накладки колчана украшены характерным для тех же племен орнаментом из мелких врезных треугольников (рис. 8, *3*) [55]. Аналогичные накладки поясов, типичные для монгольского времени в целом, известны и в собственно кыпчакских погребениях [56]. Обнаружение их в могиле 11 у дер. Черновой свидетельствует, что поясные наборы подобного облика изготовлялись не только из камня и металла, но и из кости и рога. Все эти наблюдения позволяют датировать могилы у дер. Черновой на Енисее XIII—XIV вв. Конечно, отнесение их к памятникам кыпчакского круга еще предположительно. До тех пор, пока не будет изучена средневековая культура многочисленных групп кыштымов Южной Сибири, это лишь одно из направлений поиска.

Так выявляются некоторые новые взаимосвязи памятников Южной Сибири и Восточной Европы.

[55] *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Ук. соч., рис. 2, *1*; *Максимова А. Г.* Погребение воина XIV века, табл. III, 12; *Малиновская Н. В.* Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей.— В сб.: Города Поволжья в средние века. М., 1974.

[56] *Максимова А. Г.* Ук. соч., табл. I, 1; *Пугаченкова Г. А.* Ук. соч., рис. 3, *1*, *2*. Накладки поясов многочисленны среди случайных находок в Хакасско-Минусинской котловине (*Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII—XIV вв.).

I. L. Kyzlasov

THE KYPCHAKS AND THE UPRISING OF THE YENISEI TRIBES IN THE XIII CENTURY

Summary

In the burial of a polovets near village Petrovski at Don one part of the furniture was familiar for the steppine antiquites of the Eastern Europe (fig. 2 and 3) but the other (fig. 1) finds analogies only in materials of the Askiz culture (fig. 4—7) which existed in the late Xth — XVIIth centuries at the Sayano-Altai mountains in the Southern Siberia. The burial is dated to the XIIIth — XIVth centuries. The written sources help to understand how the artifacts, made in the ancient Khakasian state appeared in the Eastern Europe. It is written in «Yuan-shi» («The history of the dynasty Yuan») that an army, where warriors-kypchaks were the main force played an important role in putting down the evolt of the Yenisei tribes, submitted to the mongolian feudal lords. The struggle lasted for the whole XIIIth century. The last serious attempt of the Yenisei tribes to regain independence, mentioned in written sources, was in 1273. The uprising was put down only in 1293 by the kypchak army under the command of Tutuha. The artifacts from the burial near village Petrovski are obviously, military trophy. The buried might have been a warrior of Tutuha. The finds from Karakorum also indicate, that the kypchaks were executing military service for the mongolian feudal lords. Their participation in combat actions at the Yenisei is also affirmed by the finds of some artifacts, characteristic for the kypchaks in Khakasia.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

ТРИ РЕЗНЫХ ПОСОХА XV ВЕКА

Среди произведений прикладного искусства из старинных русских собраний значительный интерес представляют посохи, украшенные резьбой по кости. По самому количеству имеющихся на них изобразительных мотивов, включающих композиции и отдельные изображения реальных и фантастических существ и людей, а также богатый и разнообразный орнамент, эти предметы заслуживают пристального внимания исследователей. Разнообразие и характер изображений заставляют видеть в этих произведениях прикладного искусства отражение той же светской струи средневековой культуры, с которой могут быть связаны многие рельефы на стенах соборов Владимиро-Суздальской земли, сюжетные изображения на русских монетах так называемого «удельного» периода.

Изделия, о которых пойдет речь, представлены тремя экземплярами. Все они упоминаются в литературе, однако детальному изучению до сих пор не подвергались. Один из этих посохов — это епископский жезл Геронтия из ризницы новгородского Софийского собора [1]. Этот посох, как о том свидетельствует имеющаяся на нем надпись, в начале XVIII в. (1703 г.) подвергся ремонту, причем его верхняя часть была заменена новой. Древнейшая его часть представлена пятью костяными коленами — полыми цилиндрами, покрытыми сквозной резьбой, а также пятью разделяющими их серебряными золочеными «яблоками», украшенными сканью и прорезными изображениями. По-видимому, и некоторые другие металлические детали посоха относятся к числу его первоначальных частей.

Имя владыки Геронтия указано в надписи на позднейшей части вместе с датой — 1401 (6909). Среди новгородских владык Геронтия не было. Это имя носил московский митрополит, бывший на митрополии в 1473—1489 гг. Таким образом, имя и дата противоречат друг другу. Г. Н. Бочаров, полагающий, что посох Софийской ризницы имеет новгородское происхождение, считает, что дата могла быть документальна («возможно, посох имел более раннюю надпись»), а имя легендарно [2]. Такая версия представляется искусственной. Если первоначально посох имел надпись с датой, то, очевидно, и имя взято из того же источника. В XV в. существовала традиция помещать на епископских посохах дату изготовления и имя владыки. Об этом свидетельствует надпись на хранившемся в ризнице Троицкого собора во Пскове посохе новгородского архиепископа Евфимия 1436 г. [3]. Вряд ли правомерно предполагать позднейшее

[1] *Макарий*, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч, II. М., 1860, с. 259—261; *Покровский Н. В.* Древняя ризница новгородского Софийского собора.— Тр. XV АС в Новгороде, 1911, т. I. М., 1914, с. 123—129, табл. XXII, *3*; *Бочаров Г. Н.* Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, с. 105—107, илл. 95—98. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность сотруднику Новгородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Н. П. Гориной за содействие.

[2] *Бочаров Г. Н.* Ук. соч., с. 107.

[3] *Покровский Н.* Заметки о памятниках псковской церковной старины.— «Светильник», 1912, № 5-6, с. 19, табл. V, *1*.

возникновение легенды о принадлежности посоха Геронтию. Имя этого московского митрополита не пользовалось популярностью после его смерти.

Сочетание имени и даты свидетельствует в пользу того, что эти данные заимствованы с более ранней надписи или записи. Возникшее между ними расхождение, очевидно, связано с ошибкой. Среди цифр, обозначающих в надписи год, отсутствует знак десятков. Если предположить, что посох был изготовлен в то время, когда Геронтий был митрополитом, то цифра десятков может быть только 80, и тогда с этой поправкой дата изготовления посоха оказывается 1481.

Предположение Г. Н. Бочарова о том, что посох мог иметь более раннюю надпись, подтверждается благодаря приведенной Макарием цитате из описи ризницы Софийского собора 1690 г. В настоящее время эта опись утрачена. Однако ее существование вполне убедительно подтверждается ссылками на нее Макария, П. Соловьева и М. Ф. Толстого, приводящих из нее ряд цитат. В этой описи имеется ценное описание посоха Геронтия, сделанное до его ремонта.

Ввиду важности этой цитаты привожу ее полностью: «Посох костяной, резан на рыбьи кости с яблоком хрустальным, а на нем резан на главе на обе стороны деисус на подзоре медном золоченом; сверху образ Пречистые воплощение, а по сторонам — пророки; под деисусом на кости резаны святители. Под главою на кости резаны слова: в лето 970 (1462) года создан сий посох повелением преосвященного Геронтия; во главе по концем резаны две главы львовые, на том же посохе ниже хрусталя пять яблок серебряных сканных золоченых на подзорах, а под теми яблоками выше осна оков серебряной чешуйчатый золочен, осно медное (л. 48 об.)»[4]. Таким образом, в описи упомянута первоначальная надпись на посохе с указанием имени и даты. Отметим, что текст по описи приводит иную дату, чем надпись на посохе — 1462, а не 1401. Поскольку текст описи 1690 г. известен только по цитате у Макария, возникает вопрос, не связана ли эта новая дата с ошибкой издателя или опечаткой. Однако это предположение следует отвергнуть, так как сам Макарий обратил внимание на расхождение между датами на посохе и в тексте описи. При этом Макарий считает предпочтительной дату описи, так как она соответствует времени, когда Геронтий еще не был митрополитом и являлся Коломенским епископом[5]. Замечательно, что Макарий в отличие от ряда позднейших исследователей разобрался, с каким Геронтием следует связывать создание посоха и не пытался приписать последний новгородским владыкам.

Несмотря на то, что соображения Макария, какую дату следует предпочесть, вполне логичны, есть основания не доверять дате описи и предполагать несколько более позднее время изготовления посоха. Его роскошное оформление и сходство с посохами, очевидно, принадлежащими великим князьям (см. ниже), свидетельствуют в пользу создания посоха в то время, когда Геронтий уже был митрополитом. Об этом же свидетельствует и сравнение посоха Геронтия с бесспорными посохами московских митрополитов — Петра и Алексея, которые оба украшены гораздо более скромно[6].

Разбирая вопрос о дате посоха Геронтия, следует отметить, что обе даты, написанные церковнославянскими цифрами (6909 и 6970), чрезвычайно сходны. В обоих случаях представлены знаки не всех порядков — на посохе нет десятков, в описи нет единиц. Читающиеся по-разному знаки могли быть искажены при переписке и приняты один за другой (Θ—9

[4] *Макарий.* Ук. соч., с. 259, 260.

[5] *Макарий.* Ук. соч., с. 261, сноска 196.

[6] *Савва*, епископ Можайский. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне синодальной) ризницы. М., 1863, с. 34, 35; *Скворцов Н. А.* Археология и топография Москвы. М., 1913, с. 168.

и 0—70). При этом более вероятно не заметить или пропустить перекладину «фиты», чем принять букву «о» за эту последнюю. По-видимому, последней цифрой была все же «фита», недописанная или принятая при составлении описи за «о». Во всяком случае, надпись, имеющаяся на посохе, явно ошибочна, и можно спорить о его датировке в достаточно узких пределах — 1462—1481. На стороне первой даты то, что она взята в неизменном виде из источника (правда, не первичного и не из первых рук), а на стороне второй — большая вероятность. Если принять вторую дату, то изготовление посоха Геронтия относится ко времени больших строительных работ в Московском Кремле (в частности, строительства, ведшегося по личному указанию Геронтия), а также изготовления роскошной церковной утвари.

Отметим, что посох митрополита Геронтия, как важный символ его церковной власти и, очевидно, большая ценность, два раза упомянут в летописи. В 1482 г., поссорившись с великим князем, Геронтий «съеха на Симоново, посох свой остави в церкви, толико разницу взя» [7], а в 1484 г. в связи с болезнью уехал туда же, причем «с собою ризницу и посох взя» [8]. Очевидно, в обоих случаях речь идет о том посохе, который сейчас хранится в Новгороде.

Два других резных посоха хранятся в Государственной Оружейной палате. Они не имеют никаких особенностей, свойственных архиерейским жезлам, и украшены исключительно светскими изображениями. В описаниях 20—30-х годов прошлого века упоминается посох, украшенный резьбой по кости из 14 составных частей, приписывавшийся Ивану III [9]. Весьма вероятно, что имеется в виду один из рассматриваемых посохов. Сходство резьбы этих посохов с резьбой посоха Геронтия не противоречит традиции, приписывающей один из них Ивану III, современнику Геронтия.

Из двух посохов Оружейной палаты полностью сохранился один, состоящей из 12 колен [10]. Второй, состоявший из 14 колен (сохранилось 13), в настоящее время разобран [11].

Подробное знакомство с резьбой всех трех посохов показывает наличие между ними тесной связи, несмотря на явное стремление резчиков варьировать аналогичные изображения и сделать каждую резную деталь неповторимой (только два колена от разных посохов Оружейной палаты обнаруживают чрезвычайное сходство как в наборе сюжетов, так и в их расположении).

Одно из колен посоха Геронтия имеет особенно своеобразный набор изображений (рис. 1). Среди них несколько сцен терзания, Самсон, раздирающий пасть льву, фигура ряженого (странный головной убор, нечто вроде маски, искусственные крылья и хвост) и др. Всего на этом колене 12 изображений, вписанных в круги, образованные плетениями. На одном из колен второго, фрагментированного посоха Оружейной палаты (рис. 2) повторены шесть из этих сюжетов, причем на нем нет ни одного дополнительного сюжета, которого не было бы на сравниваемом колене посоха Геронтия. Эти сюжеты: крылатый человеко-дракон со змеей в руке (последняя деталь опознается по изображению на посохе Оружейной палаты), два льва, сидящие спинами друг к другу (на посохе Геронтия это

---

[7] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 232.

[8] Там же, с. 236.

[9] *Свиньин П.* Указатель главнейших достопамятностей, сохраняющихся в Московской Оружейной палате. СПб., 1826, с. 47, № 61; *Евреинов П.* Краткое описание Московской Оружейной палаты, ч. I. М., 1834, с. 29, № 53.

[10] Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884, ч. II, кн. 3, с. 197; табл. 71, *3*; *Темерин С. М.* Резьба по кости.— В кн.: Русское декоративное искусство, т. I. М., 1962, с. 425, 418, рис. 295.

[11] Опись Московской Оружейной палаты, с. 197, табл. 71, *1*. Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность за содействие сотрудникам Государственной Оружейной палаты Э. П. Чернухе и Л. М. Гавриловой.

явные львы, на сравниваемом — звери неопределенного вида, с выделенными ушами, но поза сохранена), всадник, терзающие друг друга животные, слон с башенкой, из которой высовываются головы воинов, и верблюд. В отдельных случаях (слон, сцена терзания) можно говорить не только о сходстве сюжета и композиции, но также о сходстве деталей и проработки, вероятности копирования (конечно, не исключается наличие промежуточного или общего образца).

Еще одно колено посоха Геронтия (рис. 3) заполнено изображением зверей, расположенных двумя винтообразными вереницами между двумя полосами плетеного орнамента. Два колена, украшенные аналогичным образом (рис. 4), имеются в составе первого (целого) посоха Оружейной палаты. Помимо сходства орнаментальной плетенки и отдельных фигур животных следует отметить сходство двух повторяющихся на обоих посохах пар зверей. Одна из них — это весьма схожие бодающиеся бараны, вторая — очевидно, борющиеся дракон и грифон.

Оба посоха Оружейной палаты имеют по одному звену, украшенному практически идентично (рис. 5). Это рукояти обоих посохов. На них вырезана человеческая голова, окруженная мелкими изображениями зверей, и одна крупная голова зверя. Совпадают почти все детали и орнамент.

Можно указать и другие изображения и орнаментальные мотивы, исполненные не только по одним и тем же образцам, но также сходными приемами в аналогичной манере. В целом представляется несомненным общее происхождение рассматриваемых предметов, причем, по-видимому, следует говорить не об одном мастере (в резьбе только одного посоха Геронтия можно различить работу двух резчиков), а об одной мастерской.

Имеющиеся в литературе суждения о месте создания рассматриваемых посохов представляют собой слабо аргументированные предположения. Существует мнение об индийском происхождении некоторых деталей посоха Геронтия (вероятно, из-за изображения слона?) [12], высказывалось предположение о том, что один из посохов Оружейной палаты был получен Иваном III от византийцев в качестве своеобразного приданого Софьи Палеолог [13]. Для обоснования этого предположения говорилось о сходстве (несуществующем) резьбы посоха и известного трона Ивана III из слоновой кости (где нет сквозной резьбы, вещь эта западноевропейская, а не византийская). В то же время ряд авторов писали о русском происхождении посохов. Г. Н. Бочаров указывал на русский характер плетеного орнамента посоха Геронтия, и на общее сходство резьбы посоха с известными образцами резной кости из новгородских раскопок [14]. Г. Д. Филимонов был склонен считать оба посоха Оружейной палаты русскими и предполагал их новгородское происхождение [15] (возможно, на него отчасти повлияло знакомство с посохом Геронтия в Софийской ризнице, но он об этом не пишет; в работах других авторов сравнения посохов Оружейной палаты с посохом Геронтия также отсутствуют).

Вопрос усложняется тем, что рассматриваемыми посохами ограничивается число роскошно оформленных резных костяных изделий со светскими изображениями, связанных с высшими ступенями духовной и светской иерархии древней Руси. Вместе с тем существование на посохе Геронтия надписи, указывающей не только имя владельца и дату, но и факт изготовления посоха при нем или по его повелению, является сильным аргументом в пользу русского происхождения этого посоха. Не менее важный аргумент — наличие трех стилистически тесно связанных предметов в старинных русских собраниях.

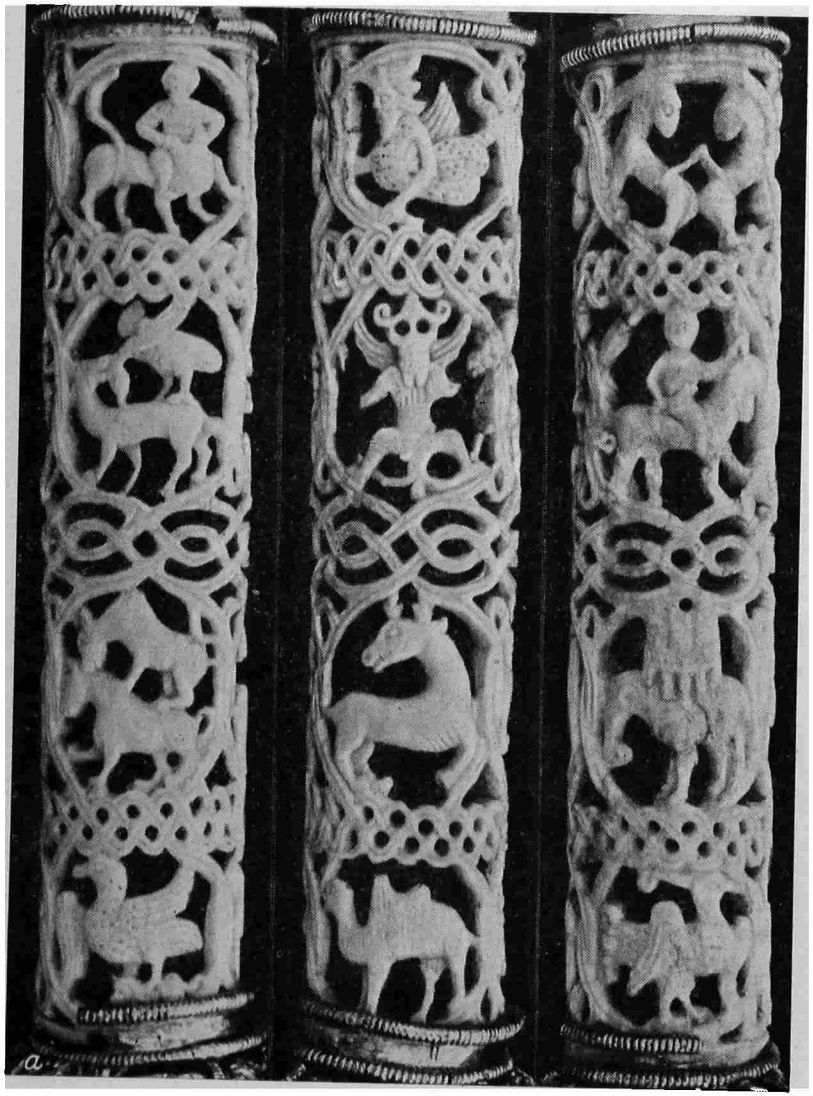
---

[12] Краткая записка о посещении Великого Новгорода членами Общества древнерусского искусства. Сборник на 1866 г., изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866, с. 120.

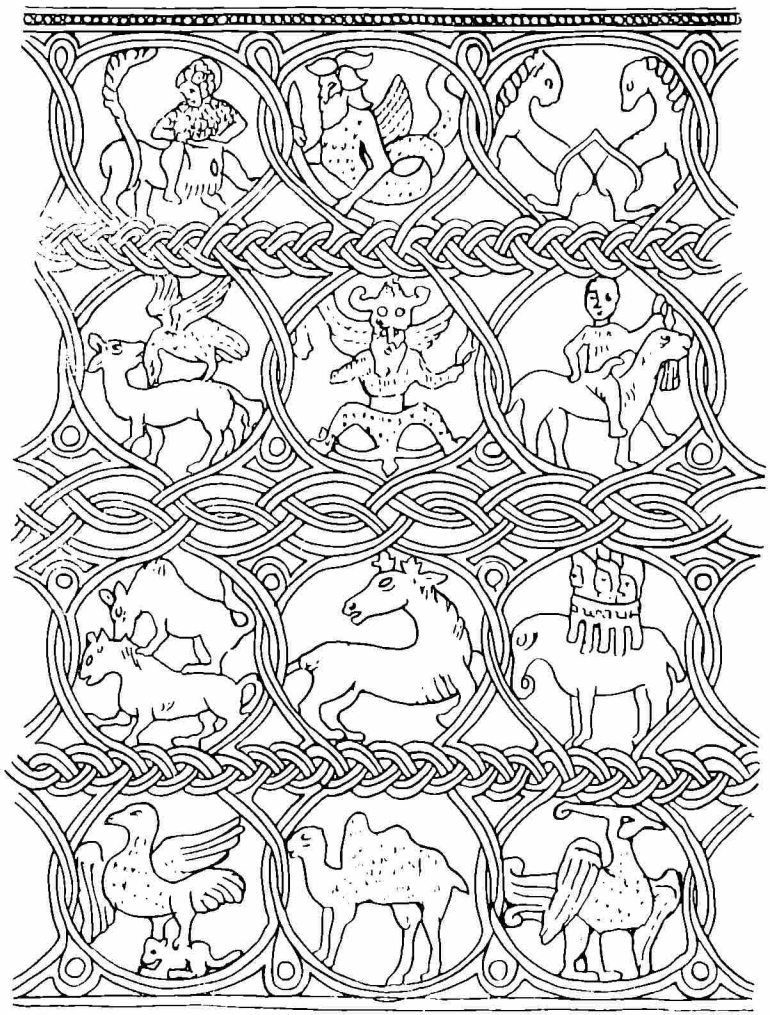
[13] *Свиньин П.* Ук. соч., с. 47.

[14] *Бочаров Г. Н.* Ук. соч., с. 106.

[15] Опись Московской Оружейной палаты, с. 197.



а



б

Рис.1. Резное колено посоха Геронтия: *а* — фото; *б* — прорись (по Г. Н. Бонадрову)

Рис. 2. Резное колено второго посоха Оружейной палаты

Имеется еще целый ряд аргументов в пользу русского происхождения рассматриваемых посохов. Прежде всего, резьба напроем была широко распространена в древней Руси. В такой технике, в частности, украшены многочисленные новгородские накладки XIII—XIV вв., обыкновенно с зооморфными сюжетами. Наконец, бароном де Бай опубликован украшенный в той же технике бесспорно русский посох. Это посох Стефана Пермского, в резьбе которого представлены сцены из жития этого святого, снабженные многочисленными надписями. Изображения и надписи посоха, к сожалению, мало изучены. Барон де Бай датирует посох XV в., основываясь на параллелях из лицевых рукописей и важном факте — отсутствии в надписях слова «святой», что заставляет относить резьбу посоха ко времени, предшествующему канонизации Стефана (середина XVI в.) [16]. В резьбе посоха Стефана имеются интереснейшие сюжеты и

[16] *M. le Baron de Baye.* La crosse de S. Etienne de Perm (XV sciele).— Revue de l'art Chrétien. Juillet, 1898; см. также: *Барон де-Бай.* От Волги до Иртыша. Тобольск, 1898, с. 10; Icones russes du Baron de Baye. АИЗ, 1897, N 9, с. 297. Не вполне точное описание этого посоха и имеющихся на нем надписей см.: *А. М.* (архимандрит Макарий). Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1856, с. 26, сноска 57, с. 54—58; *Шишонко В.* Пермская летопись. Первый период с 1263—1613. Пермь, 1881, с. 13—16.

Рис. 3. Резное колено посоха Геронтия: *а* — фото; *б* — прорись (по Г. Н. Бочарову)

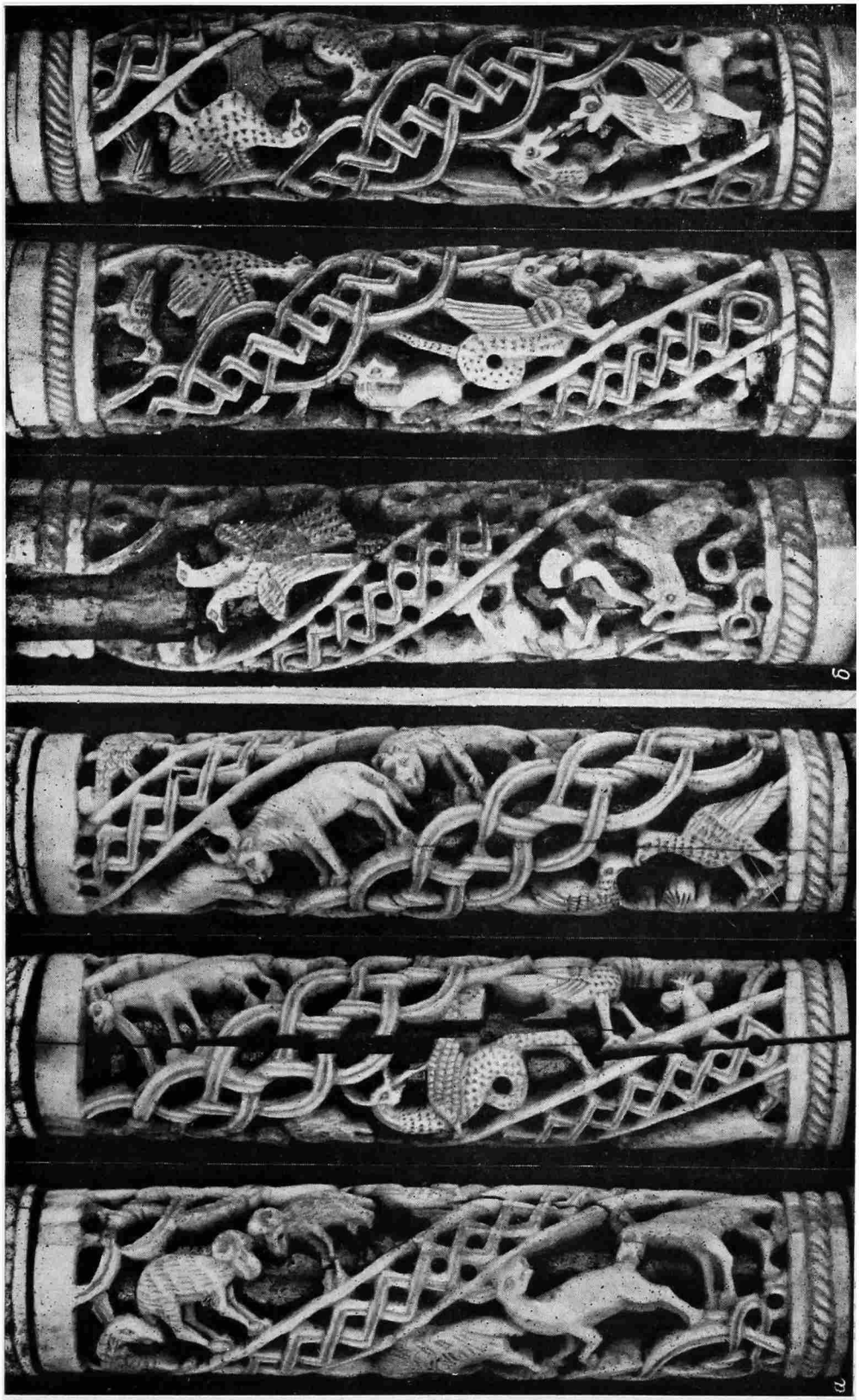
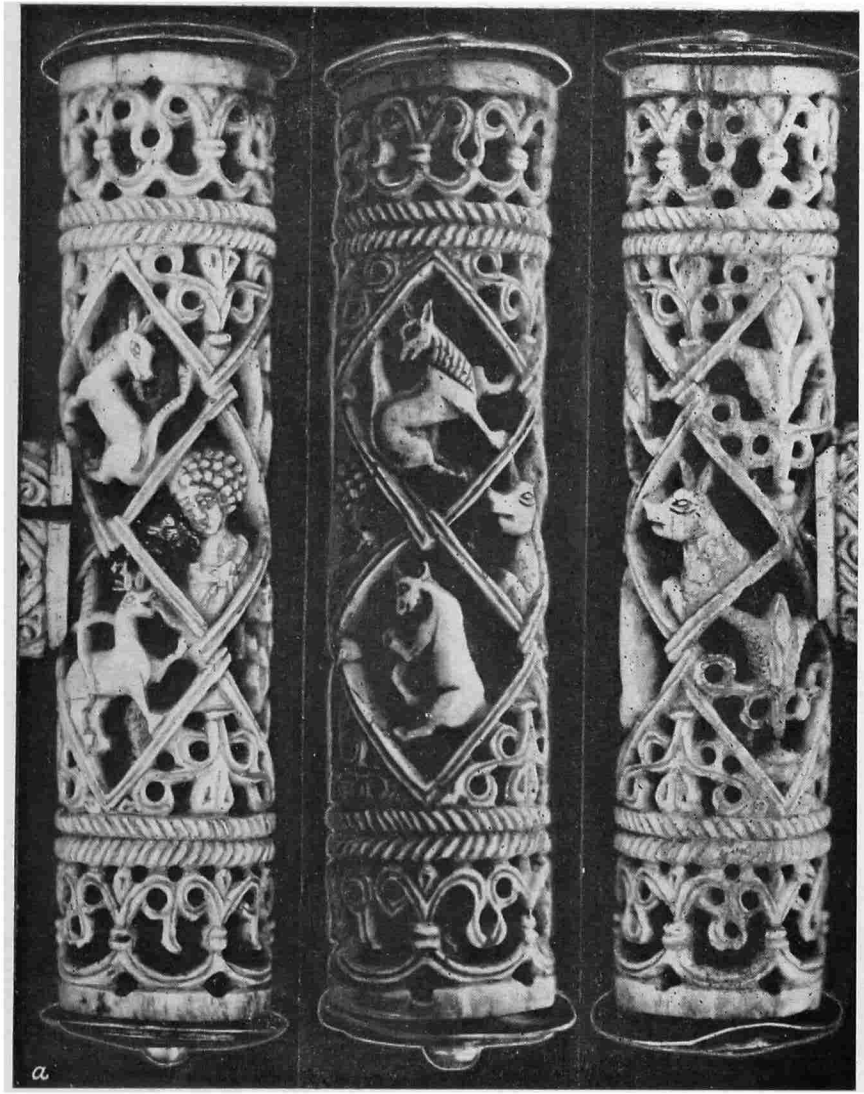


Рис. 4. Резные колена первого посоха Оружейной палаты



а

б

Рис. 5. Резные рукояти первого (*а*) и второго (*б*) посохов Оружейной палаты

реалии: корабли, носы которых украшены изображениями голов животных, связки пушнины, светские наряды с длинными ниспадающими рукавами и др. (рис. 6). Стиль резьбы этого посоха отличается от стиля декора рассматриваемых посохов, однако важно само сходство их устройства из отдельных прорезных костяных колен и то, что все они украшены резьбой напроём.

Серебряные позолоченные «яблоки», разделяющие резные колена посоха Геронтия, являются принадлежностью, свойственной пастырским посохам православных епископов [17]. Католические посохи иногда имеют шаровидное утолщение в верхней части, но, как правило, только одно. Г. Н. Бочаров отметил, что характер декора «яблок» посоха Геронтия сходен и, очевидно, одновременен с имеющейся на нем же резьбой по кости [18]. Можно привести и более конкретные аргументы в пользу предположения относительно общего происхождения декора золоченых «яблок» и резной кости посоха Геронтия. Каждое из этих «яблок» украшено единообразно. На его восьми гранях представлены четыре варианта декора, каждый из которых по два раза повторен на каждом «яблоке». В числе этих вариантов две чисто орнаментальные композиции, образованные двуленточным плетением и две сюжетные композиции. Одна из них представляет борьбу грифона с драконом, вторая — борьбу сходного грифона с чудовищем, имеющим крылья, человеческий торс и змеиный хвост (рис. 7, *1, 2*). Первая из этих композиций весьма близко повторена на одном из колен посоха Геронтия (обращенные друг к другу грифон и дракон с высунутыми языками в составе вереницы зверей), а также первого посоха Оружейной палаты. Борьба грифона с описанным выше чудовищем в резьбе всех трех посохов отсутствует, однако само это чудовище имеется на одном из колен посоха Геронтия (рис. 1). Здесь оно представлено в отдельном медальоне и в точности повторяет все особенности изображения на «яблоке» (совпадает даже трактовка волос). То же существо, но с короной на голове изображено на одном из колен второго посоха Оружейной палаты (рис. 2).

Золоченые украшения «яблок» составлены из двух пластин, верхняя из которых прорезная. В той же технике исполнены несколько золоченых поясков, помещенных в разных местах посоха (один, украшенный изображениями трилистников и три — криновидным орнаментом). Очевидно, эти пояски также относятся к числу первоначальных украшений посоха. Ряд кринов на посохе Геронтия (рис. 7, *5, 6*) имеет ближайшую аналогию на потире Ивана Фомина 1449 г. (рис. 7, *14*) [19]. Ряд трилистников обнаруживает более отдаленное сходство с трилистниками новгородского панагиара [20]. Орнаменты на «яблоках» (рис. 7, *3, 4*) посоха Геронтия, не находя прямых аналогий в известных произведениях древнерусского ювелирного искусства, обнаруживают в то же время большое сходство с резьбой по камню и дереву XV в. (рис. 7, *12*) [21]. Ясно читающийся в орнаменте «яблок» мотив «монгольского узла счастья» (рис. 7, *4*), по происхождению восточный, был известен на Руси. Он встречается на произведениях прикладного искусства и на монетах [22]. Известно изображение начала XV в., на котором крайние петли превратились в человеческие головы с подписями «живот» и «смерть» (рис. 7, *13*) [23], свиде-

[17] *Голубцов А. П.* О происхождении, значении и устройстве архиерейского посоха. Богословский вестник. Троице-Сергиев, 1909, июнь, с. 273.

[18] *Бочаров Г. Н.* Ук. соч., с. 107.

[19] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976, с. 191, рис. 68.

[20] *Бочаров Г. Н.* Ук. соч., илл. 45.

[21] Ср., например, *Бибикова И. М.* Монументально-декоративная резьба по дереву. Русское декоративное искусство, т. I. М., 1962, с. 64, рис. 33.

[22] *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896, табл. VIII, *336*, *340*, *341*, *344*; табл. XII, *575*, *583*, *584*; табл. XVII, *782*, *813*, *814*.

[23] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой половины XVI в.— САИ, вып. Е1 — 49. М., 1971, с. 103, табл. 3, *1*.

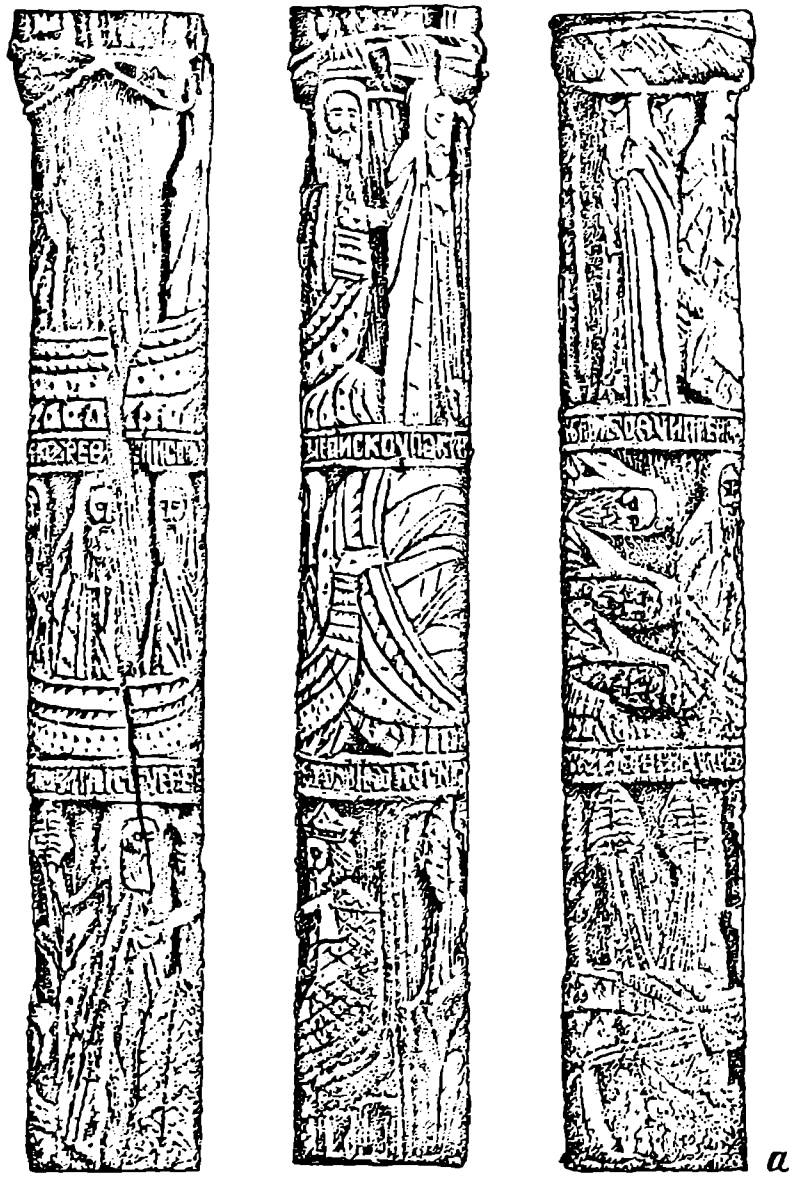


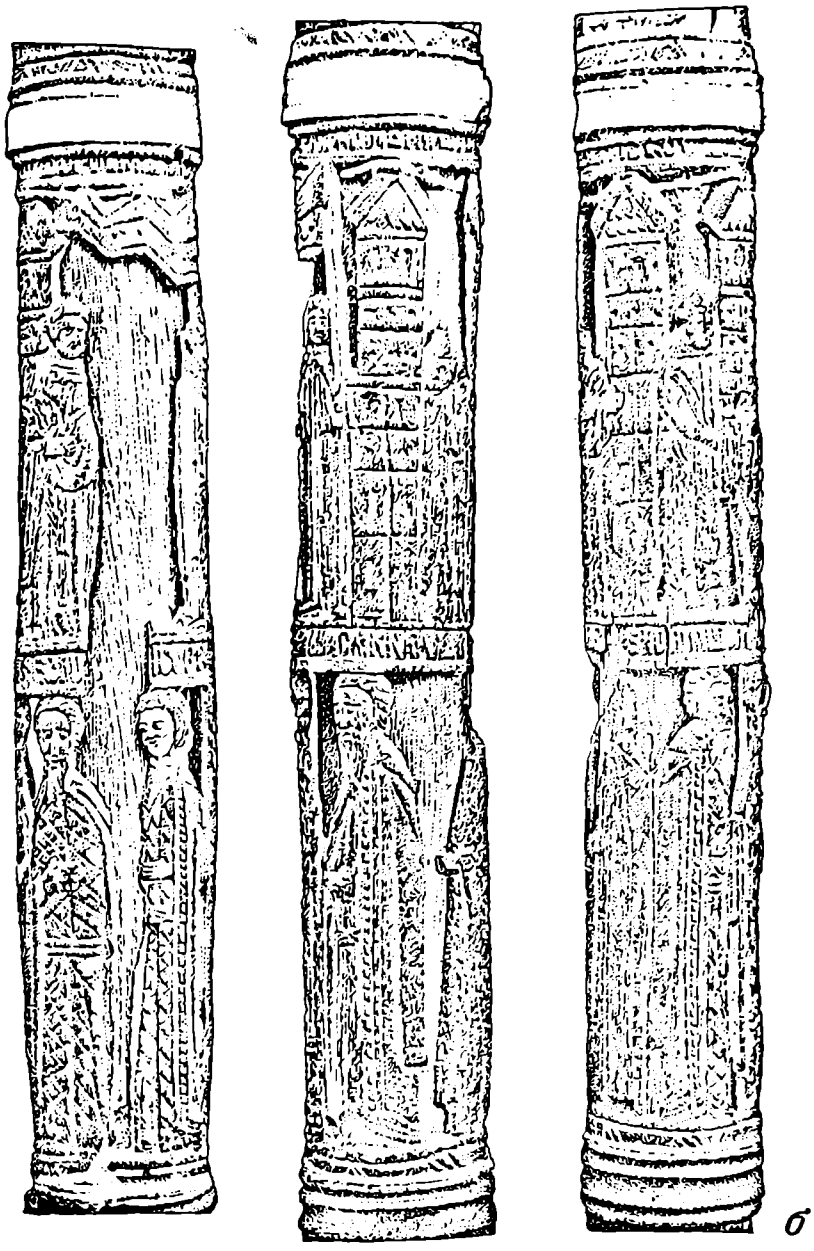
Рис. 6. Резные колена посоха Стефана Пермского (по де Баю)

тельствующее о том, что этот мотив наделялся на Руси определенным смысловым содержанием. Крылатый человеко-змей в резьбе и чеканке посоха Геронтия и резьбе второго фрагментированного посоха Оружейной палаты имеет ближайшую аналогию в изображениях на удельных монетах середины XV в. (рис. 7, *10*) [24].

Резные фигуры зверей на одном из колен посоха Геронтия окружены растительным орнаментом, основу которого составляет двойная ветвь, от которой отходят в разные стороны также двойные закручивающиеся книзу побеги (рис. 7, *7*). В принципе такой же орнамент обрамляет резное изображение богоматери на деревянной иконе середины XV в. из Оружейной палаты (рис. 7, *8*) [25]. На другой створке той же иконы композиции отделены друг от друга колонками, увенчанными типичной для приклад-

[24] *Орешников А. В.* Ук. соч., табл. X, *471*; табл. XIII, *616—618*.

[25] *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М., 1969, табл. 75, 76.



ного искусства XV в. арочкой с килевидным завершением. Такие же колонки и арочки можно видеть и на одном из колен первого посоха Оружейной палаты (рис. 7, *9*). Единственное их отличие от арочек упомянутой иконы состоит в том, что на иконе в основании арочек находится одна двойная бусина, а на посохе таких бусин две — в основании арочки и в основании колонки.

Следует отметить также вполне древнерусский, иконописный характер трактовки обнаженного человеческого тела на посохах (большие животы, форма ступней), а также трактовку прядей волос (рис. 7, *15*, *16*).

Как видим, резьба посохов обнаруживает значительные черты сходства с памятниками древнерусского искусства середины XV в. Вместе с тем есть достаточно веское основание датировать посохи несколько более поздним временем — второй половиной — концом XV в. Об этом свидетельствует наличие в резьбе обоих посохов Оружейной палаты изображений двуглавых орлов, сюжета, получившего на Руси распространение лишь с 70-х годов XV в. Думается, что приведенных данных достаточно,

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

Рис. 7. Детали декора посохов и некоторые их аналогии. *1—4* — «яблоки» посоха Геронтия; *5*, *6* — пояски того же посоха с криновидным орнаментом; *7* — орнамент с посоха Геронтия; *8* — орнамент с резной иконы середины XV в.; *9* — орнаментированная рамочка с первого посоха Оружейной палаты; *10* — изображение на монете середины XV в.; *11* — деталь второго посоха Оружейной палаты; *12* — деталь царских врат XV в. из Ростовской области; *13* — деталь иконки 1412 г.; *14* — криновидный орнамент с потира Ивана Фомина 1449 г.; *15*, *16* — детали первого посоха Оружейной палаты

чтобы подкрепить имеющиеся сведения о дате посоха Геронтия, а тем самым и сравниваемых с ним памятников и об их русском происхождении. Следует отметить, что время их создания вполне допускает наличие многочисленных заимствованных черт, а может быть, и непосредственного влияния творчества иноземных мастеров.

Вернемся к предложенной поправке, с принятием которой датой изготовления посоха Геронтия оказывается 1481 г. В этот год по сентябрьскому счету произошло бегство войска хана Ахмата с Угры и окончательное освобождение Руси от татарского ига. В этом году митрополит укрепил свой авторитет тем, что «сидел в осаде» в Москве (в то время, как Софья Палеолог бежала из Москвы, «а не гонял никтоже») [26]. Вместе с ростовским епископом Вассианом Геронтий призывал великого князя к активной борьбе с татарами и посылал ему письмо об этом. Во время «стояния» митрополит для укрепления духа войск посылает на Угру новоявленную святыню — свечу, «чудесно возгоревшуюся» у гроба митрополита Петра [27].

Соборное послание Геронтия на Угру значительно уступает и по своим художественным достоинствам, и по остроте политического содержания знаменитому посланию Вассиана. Однако и в послании Геронтия вполне отчетливо звучит тема патриотизма и призыв к борьбе с врагом. Он, в частности, пишет: «Благословляем и челом бьем и молим ... о поднизе вашем, еже с божиею помощию и заступлением, мужественне и добре стойте за дом святыя и живоначальныя Троицы, отца и сына и святаго духа, и за дом пречистыя Богородицы и великого чудотворца Петра митрополита и за вся божия святыя церкви всеа русския земля и за свою святую чистую нашу пречестнейшую веру, еже во всей поднебесней якоже солнце сияше — православие в области и державе вашего отчьства и дедства и прадедства, великого твоего господьства и благородия, на нюже свирепствует гордый он змий, вселукавый враг диавол, и воздвизает на ню лютую брань поганым царем и его пособники поганых язык ... о пособлении и укреплении твоего на них благородного ополчения и всего вашего христолюбивого воиньства православных людей». В своем послании Геронтий упоминает «сродника вашего (великого князя. *А. Ч.*) святого старца князя Александра Невского» [28]. В связи с изучением декора посоха любопытно упоминание «гордого оного змия».

Накануне «стояния» митрополит сыграл важную роль в примирении великого князя с братьями. Разногласия между великим князем и митрополитом по вопросу об обрядах, возникшее при освящении Успенского собора, закончилось первоначально победой митрополита (в дальнейшем спор возобновился). Незадолго до стояния на реке Угре митрополит Геронтий благословляет Ивана III на окончательное покорение Новгорода. Бегство Ахмата с Угры в 1481 г. на Руси рассматривалось как чудо, в память о котором был установлен праздник с крестным ходом [29]. Отме-

[26] ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, с. 232.
[27] ПСРЛ, т. 12. М., 1965, с. 201.
[28] Акты исторические собранные Археографическою комиссиею, т. I. М., 1841, с. 137, 138.
[29] ПСРЛ, т. 12. М., 1965, с. 212.

тим, что праздник был установлен лишь 23 июня, тогда как Ахмат бежал с Угры 11 ноября, так что изготовление посоха в промежутке между победой и ее торжественным празднованием представляется вполне возможным.

Если считать, что создание посоха было связано с событиями 1480—1481 гг., то значительная часть его изображений может рассматриваться как их отражение. Одно их колен посоха Геронтия (рис. 1) несет ряд изображений сцен борьбы, терзания, все они сознательно представлены в виде одного вертикального ряда друг над другом, причем самая верхняя композиция представляет библейского героя — Самсона со львом. Сцены терзания представлены и на «яблоках» посоха — грифон борется с драконом (сюжет повторяется и в резьбе по кости) и тот же грифон борется с крылатым человеко-драконом. Отметим, что грифон в древнерусском и византийском искусстве ассоциировался с добрыми силами, а дракон — традиционный образ злого начала.

Может возникнуть вопрос, не находится ли предположение о воинской символике ряда изображений посоха Геронтия в противоречии с его культовым назначением. Однако символическое значение архиерейского посоха в средние века включало очень широкий круг понятий, в том числе о том, что пастырский жезл — это оружие против врагов веры и других демонических сил. В такой роли посохи святителей выступают в летописном рассказе о чуде от иконы Владимирской Богоматери во время нашествия Темир-Аксака (Тамерлана). Согласно легенде, Тамерлан видел во сне грозное знамение: «Идяху к нему святители, имуще жезлы златы в руках и претяще ему зело ...» [30]. Еще более определенно символическое значение епископского посоха как оружия против врагов русской земли выступает в одном из видений, предсказывавших, согласно летописи, победу Дмитрия Донского на Куликовом поле. «Видеша от поля множество ефиоп в велицей силе, ови на колесницах, ови на конех и бе страшно видети их. И абие явися святый Петр митрополит всея Руси, имея в руце жезл злат, и прииде на них с яростию велиею, глаголя: „почто приидосте погубляти мое стадо, егоже ми дарова Бог соблюдати?“ И нача жезлом их прокалати, ови же на бег устремишася, и ови избежаша, друзии же в водах истопоша, овии же язвени лежаша» [31]. Миниатюра Лицевого Летописного свода, иллюстрирующая этот эпизод (рис. 8), изображает митрополита в виде всадника (деталь, отсутствующая в тексте), действующего своим посохом как копьем против демонов, символизирующих войско Мамая [32]. Изображения епископов, поражающих демонов своими посохами, известны и в Западной Европе [33].

Безусловно, самого пристального внимания заслуживает весь круг изображений на посохах. Прежде всего, следует отметить последовательно и практически исключительно светский характер изображений на сохранившихся древних частях посохов (единственное исключение — Самсон со львом). Однако, судя по описи 1690 г., верхняя часть посоха Геронтия как после ремонта, так и первоначально была украшена церковными сюжетами. Для посоха князя церкви это вполне естественно. Светские сюжеты нижней, периферийной части посоха могли символизировать мирскую, административную сторону власти митрополита. Нижние части западноевропейских епископских посохов, согласно символическому толкованию, долженствовали управлять (средняя часть) и наказывать (нижний конец) [34].

---

[30] ПСРЛ, т. 11, с. 160.
[31] Там же, с. 58.
[32] II Остермановский том — Библиотека АН СССР, отдел рукописей, шифр 31.7.30, л. 81.
[33] *Demay G.* Le costume de Moyen age d'apres les sceaux. Paris, 1880, p. 481, fig. 564.
[34] *Голубцов А. П.* Ук. соч., с. 264.

Рис. 8. Митрополит Петр, побивающий демонов. Виденпе, предвещавшее победу в Куликовской битве. Миниатюра Лицевого летописного свода

Среди изображений на всех трех посохах могут быть выделены сюжеты, очевидно, относящиеся к так называемой смеховой культуре. Это ряженый на посохе Геронтия, повторяющиеся на обоих посохах Оружейной палаты обнаженные человеческие фигуры и рогатые личины с высунутым языком.

Часть сюжетов, несомненно, насыщена литературным содержанием. Это, в частности, уже упоминавшийся Самсон со львом. К числу значимых изображений относятся, очевидно, и изображения двуглавых орлов на обоих посохах Оружейной палаты.

Известно большое значение древнерусских епископских, княжеских и посадничьих посохов. Об этом свидетельствуют, между прочим, многие древнерусские миниатюры [35]. Ценные данные о символике посохов русских государей содержатся в молитвенных формулах чина венчания на царство Ивана IV: «Прими от бога вданное ти скипетро правити хоругви великого царства российского и блюди и храни его, елика твоя сила», «Се бо, царю, приал еси от бога скипетро ... рассудити и управити люди твоя в правду, блюди и храни бодрено от дивих волк, губящих е, да не

[35] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 118—126.

растлят христова стада словесных овец, от бога вданного ти и врученного, съдержати скипетро по воли его святой и по вашему царскому жребию и отчеству того великого российского царства» [36]. Слова «правити хоругви» показывают, что символическое значение царского посоха включало представления о полководческом жезле.

Лишь один из рассматриваемых посохов сохранился в собранном виде — это первый посох Оружейной палаты, да и тот, возможно, ремонтировался, причем детали могли поменяться местами. Рассматривая изображения на разных частях посоха, можно отметить следующие черты. На самом нижнем звене посоха изображения расположены по отношению к нормальному положению посоха вверх ногами. По-видимому, предполагалось, что изображения этой части посоха будут рассматриваться, когда его нижний конец поднят кверху. Учитывая особое значение перевернутых изображений в средневековой символике, можно думать, что такая позиция могла также ассоциироваться с крайним нижним положением этой детали (причем низ мог быть понят символически как нечто низшее в иерархическом плане).

Еще более любопытно сосредоточение изображений голов в верхней части посоха («главе» — ср. опись 1690 г. о посохе Геронтия). Следует отметить, что положение соответствующих колен безусловно не менялось: самое верхнее, представляющее собой ручку-перекладину, и следующее, идущее за ним, имеют пазы для соединения друг с другом. На этих двух коленах и расположены упомянутые головы. При этом над звериными головами как бы господствует человеческая голова на ручке посоха. Очевидно, сосредоточение голов в его верхней, «головной» части связано с идеей власти, главенства.

Центральное место, занимаемое человеческой головой, очевидно, обусловлено, с одной стороны, церковным представлением о человеке как «венце творения», «образе и подобии божием» и с другой, представлениями о единоличном правителе. Последняя версия может показаться натянутой, так как эта голова, во-первых, не несет никаких внешних признаков власти и, во-вторых, явно лишена каких-либо реальных портретных черт — лицо юное, безбородое, как у ангела. Напоминает иконографию ангела (или св. Георгия) и трактовка кудрей. Застегнутый на шее плащ также имеет аналогии на церковных изображениях. Однако, в данном случае может идти речь не о портрете, а об условном образе государя, правителя. На ручке второго посоха Оружейной палаты, в целом повторяющей композицию ручки первого посоха, есть важное дополнение, подтверждающее это предположение. В основном повторяя композицию ручки первого посоха, ручка второго добавляет к ней изображение женской головы в городчатом венце (рис. 5, б). Очевидно, два человеческих лика, мужской и женский, в данном случае представляют государя и государыню.

Причин изображения мужского лика без венца или княжеской шапки может быть несколько. Во-первых, это могло отражать церковное представление о том, что мужчины должны молиться с непокрытой, а женщины, напротив,— с покрытой головой [37]. Кроме того, известно, что если русские государи на миниатюрах Лицевого летописного свода не изображались в коронах, пока не присвоили себе царского титула, то русские княгини на тех же миниатюрах постоянно изображаются в коронах [38]. Венец на женской голове мог также намекать на принадлежность к императорскому роду (Софья Палеолог). Наконец, возможно, что в облике государя хотели прежде всего подчеркнуть героическое начало, и поэтому

---

[36] Дополнения к актам историческим, собранным Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1846, с. 46, 48.

[37] Послание апостола Павла к коринфянам 1-е, гл. 11, *4—10*.

[38] *Арциховский А. В.* Ук. соч., с. 118.

определяющей характерной чертой оказался воинский плащ. Таким образом, в резьбе первого посоха Оружейной палаты отразились достаточно развитые идеологические представления. Это определенно выраженная идея власти, подчеркнутое различие между отдельными частями посоха — идея ярусности, иерархии.

Подходя к вопросу об узкой дате посохов Оружейной палаты, следует, по-видимому (учитывая наличие в числе изображений двуглавых орлов), принять за нижнюю границу брак Ивана III с Софьей Палеолог. Сугубо светский характер оформления великокняжеского посоха следует с наибольшей вероятностью связывать с временем, предшествующим распространению представления о христианском, священном характере власти московских государей. Хотя такие представления формировались постепенно, важной гранью представляется церковное венчание Иваном III на царство своего внука Дмитрия в 1498 г. Такой хронологический диапазон хорошо увязывается и с датировкой посоха Геронтия.

Чтобы правильно оценить характер и назначение посохов Оружейной палаты, следует учесть особенности великокняжеского и царского наряда конца XV—XVI в. До XIV в. включительно практически отсутствуют какие-либо сведения о жезлах, посохах или скипетрах русских князей. Скипетр упоминается только в составе королевских регалий, присланных папой римским Даниилу Галицкому [39]. В то же время скипетр как литературный образ — символ власти — упоминается неоднократно. Изображения скипетра в соответствии с современным пониманием этого слова (в виде короткого жезла, на который нельзя опираться при ходьбе) известны на древнерусских изображениях иноземных государей. Такой же скипетр изображен в руках Василия Дмитриевича на саккосе митрополита Фотия [40], по-видимому, по аналогии со скипетром изображенного рядом византийского императора. В целом для изображений древнерусских князей скипетр нехарактерен. Никаких скипетров, жезлов или посохов нет у князей, в частности в лицевых житиях Бориса и Глеба; не характерны они и для миниатюр Радзивилловской летописи.

В XVII в. русские цари используют скипетр в качестве одной из важнейших регалий. Вместе с тем есть большие основания сомневаться в существовании такого скипетра у великих князей и царей XV—XVI вв. Столь внимательный к феодальному и придворному этикету источник, как миниатюры Лицевого летописного свода, изображает в качестве регалии (как у русских, так и у иноземных правителей) исключительно посохи, то есть жезлы, на которые опирались при ходьбе [41]. При этом в отличие от ряда известных царских посохов XVII в. из собрания Оружейной палаты, все княжеские и царские посохи Лицевого свода, как и рассматриваемые посохи Оружейной палаты имеют Т-образное завершение. В Лицевом летописном своде с посохами изображаются церковные иерархи (иногда и игумены), князья, цари, а также посадники. По мнению П. Л. Гусева и А. В. Арциховского, жезл посадника был также эмблемой веча, республиканского строя [42]. В таком качестве, по-видимому, изображен Т-образный посох на одной из миниатюр Радзивилловской летописи [43] (на этих миниатюрах посох ни разу не связывается с княжеской властью).

Изображенные на миниатюрах Лицевого летописного свода великокняжеские и царские посохи, безусловно, носили характер регалии — не

[39] ПСРЛ, т. 2. М., 1962, с. 826.

[40] *Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях СССР. Л.— М., 1966, табл. 288.

[41] *Арциховский А. В.* Ук. соч., с. 118—126; см. также: *Kämpfer F.* Dikanikion — Posox: some considerations on the Royal Staff in Muscovy.— In: Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte, Bd. 24. Wiesbaden, 1978, S. 9—19.

[42] *Гусев П. Л.* Символы власти в Великом Новгороде.— Вестник археологии и истории, кн. 21. СПб., 1911; *Арциховский А. В.* Ук. соч., с. 39, 40, рис. 10.

[43] Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи, т. I. СПб., 1902, л. 178.

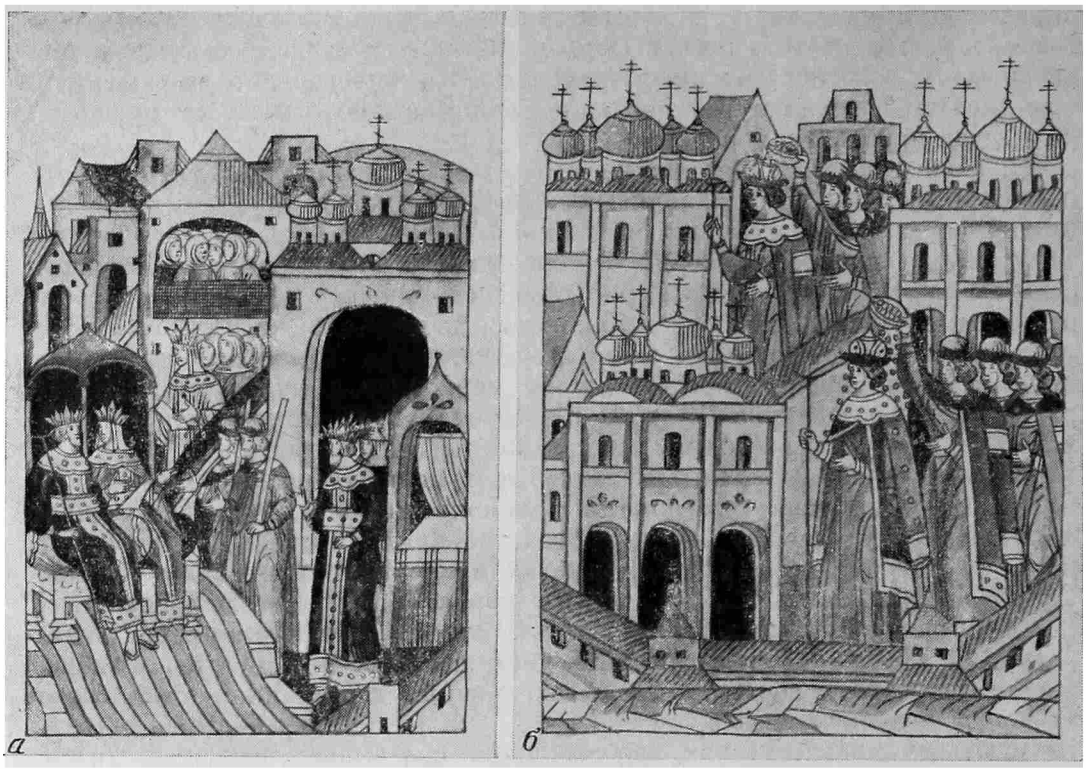


Рис. 9. Изображения правителей с посохами на миниатюрах Лицевого летописного свода: *а* — венчание Мануила; *б* — венчание Дмитрия

случайно они присутствуют на сериях миниатюр, посвященных венчанию на царство внука Ивана III Дмитрия и Мануила Палеолога (рис. 9) [44]. Изображение посоха в руке Дмитрия, очевидно, соответствует упоминанию в приведенной в тексте молитве «скипетра царствия». Больше нигде в тексте летописи при описании этого обряда о посохе ничего не говорится. При описании венчания на царство Ивана IV в Никоновской летописи и в Царственной книге посох не упомянут. Однако в данном случае — это упущение, замеченное современниками. В Царственной книге на полях при описании венчания Ивана IV на царство специально отмечено: «сыскати в котором месте о посохе, да тут написать» [45]. Эта цитата ясно показывает, что царский жезл того времени имел вид именно посоха.

Герберштейн описывает посох Василия III как «палку с крестом» и пишет о его сходстве с посохом митрополита [46]. Упоминание о кресте, очевидно, объясняется недоразумением, сходством Т-образного посоха с такой же формой креста, почитавшейся в Западной Европе. Жезл (в текстах — скипетр), упоминаемый в чинах венчания на царство Ивана IV и Федора Ивановича, несомненно представлял собой посох (его прислоняли к аналою, а не клали на него, как другие регалии) [47].

В памятниках XVI—XVII вв. царские посохи выступают под дифференцированными названиями: жезлы царские, посохи большой, средний, меньшой, первого, второго или третьего наряда, комнатные, монастыр-

[44] Шумиловский том Лицевого летописного свода — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, шифр FIV, 232 л. 562 и 564; II Остерманов ский том, л. 297, 298.

[45] ПСРЛ, т. 13. М., 1965, с. 452.

[46] *Герберштейн С.* Записки о московских делах. СПб., 1908, с. 70, 201; ср. также с. 41, 44.

[47] Дополнение к актам историческим..., т. I, с. 42; Собрание государственных грамот и договоров, ч. II. М., 1819, с. 73.

ские [48]. Посохи Оружейной Палаты, судя по их богатому декору, были парадными. Можно полагать, что в то время, когда они были изготовлены, такая подробная «специализация» посохов еще не сложилась. Поскольку русские богато украшенные посохи светских владык более раннего времени, чем хранящиеся в Оружейной палате, неизвестны, не упоминаются в числе имущества русских князей, а более поздние украшены по-другому, более роскошно, с широким использованием драгоценных камней и металлов, можно думать, что посохи Оружейной палаты отражают начальный этап формирования парадного наряда главы русского централизованного государства, что вполне согласуется с предлагаемой датировкой.

Принимая данные, отразившиеся в поздней надписи на посохе Геронтия и в дошедшей до нас цитате из несохранившейся описи Софийской ризницы 1690 г. за свидетельство того, что заказчиком этого посоха был московский митрополит Геронтий, следует сказать несколько слов о том, каким образом этот важнейший атрибут духовной власти главы русской церкви оказался в ризнице новгородского Софийского собора. Наиболее вероятно, что он был передан кому-то из новгородских владык в качестве почетного дара главой русской церкви или, может быть, великим князем или царем. Однако, если это было так, то не ясно, почему такой многозначительный акт не нашел отражения в письменных источниках. Следует полагать, что передача посоха была совершена в то время, когда память о Геронтии как московском митрополите была еще свежа так как позднее его имя не пользовалось популярностью (не случайно и в поновленной надписи на посохе, и в тексте описи отсутствует титул Геронтия). Учитывая это последнее соображение, следует с особым вниманием остановиться на возможности дарения посоха новгородскому архиепископу Геннадию, занявшему кафедру еще при Геронтии и бывшему также современником двух его преемников.

Это известная историческая фигура, ставленник великого князя в Новгороде, активно боровшийся с ересью на рубеже XV—XVI вв. Со временем владычества Геннадия связаны также важные культурные начинания. Под его руководством создается «Геннадиевская» библия, он составляет пасхалию на «осьмую тысячу». При Геннадии создается развернутая «повесть о белом клобуке», призванная укрепить престиж новгородского архиепископа, фиксирующая внимание на символах его власти.

До поставления новгородским архиепископом Геннадий был в Москве архимандритом кремлевского Чудова монастыря. В 1483 г. он один из трех кандидатов на новгородскую кафедру, но жребий выпал не на него. В 1485 г., по удалении архиепископа Сергия на покой, Геннадий становится новгородским владыкой. Можно предположить, что он получил посох митрополита при поставлении. Однако едва ли посох с именем митрополита мог быть передан в другие руки при жизни Геронтия.

И, наконец, Геронтий едва ли был лично расположен к Геннадию. В 1479 г. в споре по обрядовым вопросам между великим князем и митрополитом Геннадий вместе с епископом ростовским Вассианом выступил против митрополита и большинства духовенства. В 1482 г. при возобновлении спора он опять поддерживает великого князя против митрополита. В 1483 г. митрополит Геронтий, придравшись к нарушению монастырского устава, сажает Геннадия в ледник [49]. Едва ли эти столкновения были забыты. Впоследствии Геронтий не обращает внимания на сообщения Геннадия о еретиках [50].

---

[48] *Строев П.* Выходы государей царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича всея Руссии самодержцев. М., 1844, с. 74, 75 (указатель).

[49] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 234.

[50] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви, т. II, первая половина тома. СПб., 1900, с. 566.

После смерти Геронтия Геннадий играет крупнейшую роль в церковной жизни. Он борется с еретиками, составляет пасхалию и т. д. В то же время он явно не пользуется поддержкой великого князя и митрополита, его последовательно не приглашают на соборы епископов. Некоторое улучшение отношений Геннадия с высшими духовными и светскими властями можно отметить после ухода с митрополии Зосимы (1494 г.). Летопись отмечает, что в 1496 г. великий князь, находясь в Новгороде, обедал у владыки Геннадия [51].

Окончательная победа сторонников Геннадия и Иосифа Волоцкого в церковных спорах определяется в начале XVI в. В это время летопись сообщает о приглашении Геннадия на собор 1503 г. При описании собора Геннадий упоминается рядом с митрополитом, как второе после него лицо, а остальные епископы даже не перечисляются [52]. Вскоре в Москве Геннадий с митрополитом принимает участие в освящении собора Чудова монастыря [53]. По-видимому, этот приезд в Москву явился своеобразным апогеем деятельности Геннадия; в это время он удостоен наибольшего почета. Именно тогда он мог получить в дар посох своего бывшего врага — Геронтия. Если так, то понятно, почему Геннадию могли подарить посох Геронтия в обход непосредственного предшественника тогдашнего митрополита Симона — Зосимы. Зосима рассматривался как еретик, и связанные с ним вещи не могли использоваться в качестве почетного дара. Для самого митрополита Симона посох Геронтия был второстепенной реликвией — он располагал посохом митрополита Петра, который считался важной святыней и давался митрополитам при поставлении.

Почетный прием, оказанный Геннадию в Москве, вскоре сменился опалой. В 1504 г. обвиненный в «имании мзды» за поставление Геннадий был вынужден покинуть архиепископскую кафедру [54]. Быстрая смена обстановки, по-видимому, объясняет причину того, что дарение митрополичьего посоха новгородскому архиепископу не отразилось в письменных источниках, и того, что вокруг этого посоха не сложилось предания о его связи с определенным новгородским владыкой.

Предложенное историческое построение может показаться умозрительным, однако, имеются дополнительные указания источников, делающие его более обоснованным. На миниатюрах Лицевого летописного свода второй половины XVI в. Геннадий изображается с посохом, нарисованным более подробно, чем посохи других владык. Обычно епископские посохи, в том числе и посохи митрополитов Зосимы и Симона, изображены простыми линиями. Посох Геннадия показан с подчеркнутыми «яблоками» (рис. 10) [55]. Эта редкая для изображений епископских посохов в данном, Шумиловском томе Лицевого летописного свода деталь, возможно, связана с воспоминанием о пожаловании Геннадию богато украшенного посоха.

Рассматриваемые в статье посохи занимают особое положение в русском прикладном искусстве XV в. Дело в том, что в их декоре в качестве основной составной части выступают зооморфные мотивы, редкие на других известных произведениях этого времени. Очевидно, несмотря на бесспорный факт отмирания на рубеже XIV—XV вв. рукописного тератологического орнамента, традиция звериной орнаментики не была прервана на Руси в XV в. Прежде всего нельзя говорить о полном исчезновении на рубеже XIV—XV вв. тератологического орнамента. В рязанских рукописях он, как известно, доживает до XVI в.[56]. В XVI в. известны и

[51] ПСРЛ, т. 12. М., 1962, с. 241, 242.
[52] Там же, с. 257.
[53] Там же.
[54] ПСРЛ, т. 12. М., 1962, с. 258.
[55] Шумиловский том Лицевого летописного свода, л. 640 об., 641 об. Ср. посох митрополита Симона в том же томе: л. 521, 644.
[56] *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям старого и нового времени. СПб., 1887, табл. LXXXV, LXXXVI.

Рис. 10. Изображение посоха Геннадия на миниатюре Лицевого летописного свода

другие реминисценции тератологического орнамента в рукописях [57]. От XVI в. до нас дошел ряд образцов богатой звериной орнаментики, в частности на псковских колоколах и керамидах [58], трудно объяснимых, если считать, что они не связаны с более ранней традицией.

К XIV или XV в. относится коломенский белокаменный рельеф с изображением единорога [59], свидетельствующий о том, что и в резьбе по камню традиция зооморфной орнаментики не была полностью прервана с татаро-монгольским нашествием. К тому же времени относится накладка переплета рукописной псалтыри из Троице-Сергиевой лавры с изображениями звериных фигур [60].

Непрерывная линия преемственности, связывающая чудовищные образы в искусстве XIV в. и более поздних эпох, хорошо прослеживается на примере крылатого коронованного кентавра [61]. Такая специфически

[57] *Буслаев Ф. И.* Свод изображений из лицевого Апокалипсиса по русским рукописям с XVI в. по XIX в., т. I, СПб., 1884, с. 388; т. II, цв. табл. 8.

[58] *Плешанова И. И.* О зверином орнаменте псковских колоколов и керамид.— В сб.: Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968.

[59] *Воронин Н. Н.* К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского.— В кн.: Материалы и исследования по археологии Москвы, т. II (МИА, № 12). М.— Л., 1949, с. 222, рис. 2.

[60] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство..., с. 158, рис. 57.

[61] *Чернецов А. В.* Древнерусские изображения кентавров.— СА, 1975, № 2, с. 101—106; см. также: *Рузский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе хождение в святую землю русского игумена Даниила в начале XII в.— ЧОИДР, кн. III, отд. II. СПб., 1891, с. 27.

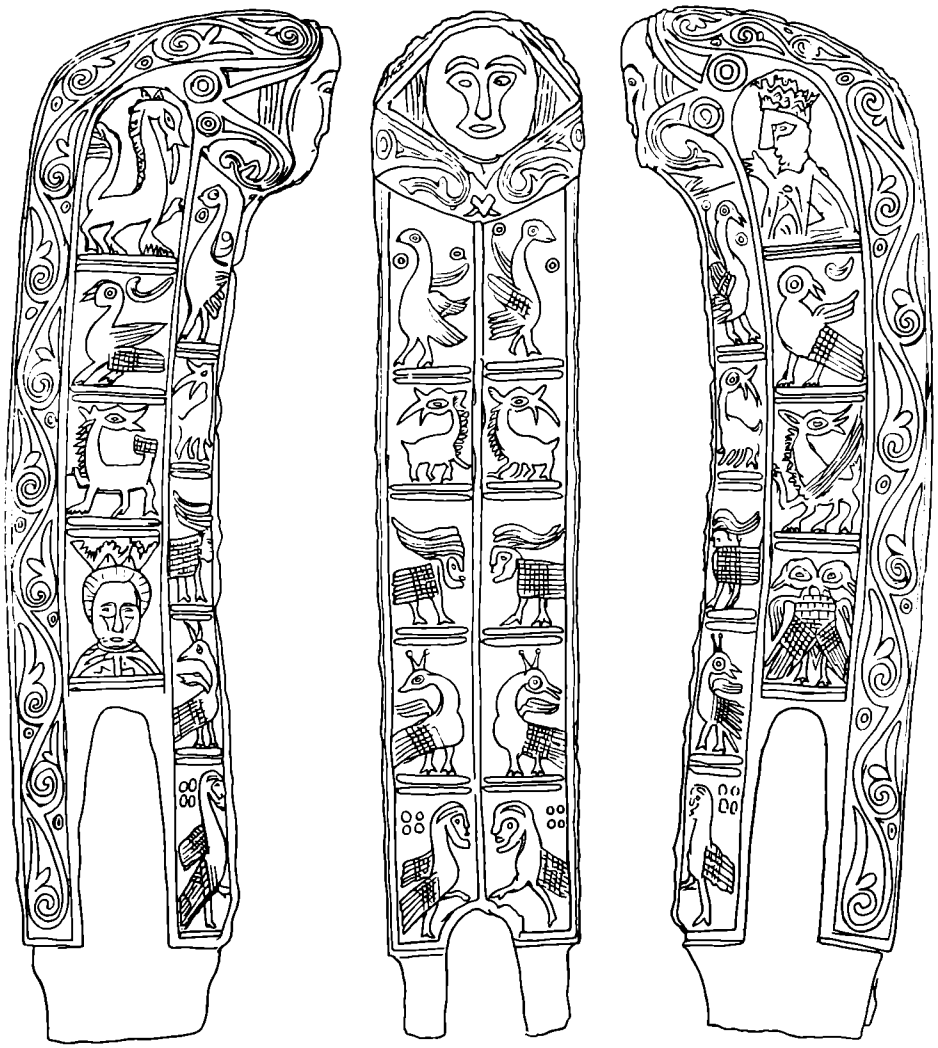


Рис. 11. Резная рукоять сабли, хранившаяся в Тверском музее (по А. К. Жизневскому)

русская иконография кентавра впервые появляется на новгородских дверях 1336 г., затем известна на монетах конца XIV—XV вв., на миниатюре конца XV в., хоросах XV—XVI вв. и на зеркалах XVII в. Ряд зооморфных образов можно видеть на поливной плите с барабана псковской церкви Георгия со Ввоза (1494 г.) [62]. Со Псковом связаны и резные деревянные царские врата из Снетогорского монастыря [63]. В нижней части этих врат изображены четыре зверя, вписанных в круги (это не символы евангелистов или четырех царств). Звериные сюжеты на царских вратах крайне редки (впрочем, на Лихачевских вратах изображены львы и грифоны [64]). Двуленточное плетение снетогорских врат вполне соответствует стилю конца XV в., пальметки в их верхней части перекликаются с орнаментацией посохов Оружейной палаты.

Интересна по обилию звериных образов, к сожалению, не сохранившаяся и известная только по рисунку в издании костяная резная рукоять сабли из Тверского музея (рис. 11) [65]. А. К. Жизневский при публи-

[62] *Плешанова И. И.* Псковские архитектурные керамические пояса.— СА, 1963, № 2, с. 213, рис. 2.

[63] *Бобринский А. А.* Народные русские деревянные изделия, вып. 12. М., 1914, табл. 177, *1*.

[64] *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII вв. М., 1971, с. 52, рис. 60.

[65] *Жизневский А. К.* Описание Тверского музея. М., 1888, с. 191, 192.

кации отнес ее к XV в. по аналогиям изображениям на тверских монетах. Присутствие звериных фигур (в частности, грифонов с звериными, а не птичьими головами), коронованных человеческих голов и двуглавого орла дает возможность сблизить эту рукоять с посохами Оружейной палаты. К сожалению, качество иллюстрации не позволяет проводить аналогии по характеру резьбы. Место находки — Тверь, определенная близость посохам Оружейной палаты, присутствие в декоре коронованных голов и двуглавого орла позволяют предположить связь этой рукояти с двором Ивана Ивановича Молодого, сына Ивана III, сидевшего в Твери.

Существование светских сюжетов в прикладном искусстве XV в. может быть проиллюстрировано такой прекрасной и уникальной вещью, как рогатина тверского князя Бориса Александровича. На монетах и печатях XV в. звериные образы чрезвычайно разнообразны и многочисленны. В XVI в. многие из них превращаются в областные гербы.

Прослеживание традиций звериной орнаментики до XV в. открывает широкие возможности для ее прочтения с помощью аналогий из миниатюр рукописей и письменных источников. Богато украшенные зооморфными изображениями резные посохи конца XV в. свидетельствуют о существовании на Руси непрерывной традиции звериной орнаментики, начиная с домонгольского времени и кончая крестьянским искусством XVIII—XIX вв.

A. V. Chernetsov

THREE CARVED STAVES OF THE XVth CENTURY

Summary

So called Gerontius' pastoral staff, now in Novgorod, has an inscription, informing that the staff was repaired in the beginning of the XVIIIth century. This latest inscription also mentions the name of original customer (Gerontius) and the date 1401. These data about the origin of the staff are certainly taken from the earlier inscription on the very staff. The existence of this original inscription is mentioned in the description of the staff in the inventory of the treasury of St. Sophia cathedral in Novgorod of XVIIth cent., i. e. written before the repairs of the staff.

The name Gerontius is one of the head of the Russian church in 1473—1489 — metropolitan of Moscow, and not of any archbishop of Novgorod. The dates of his activities do not coincide with the date mentioned in the inscription. The mistake is most probably the omitting of one figure, representing tens. Taking to consideration the period of Gerontius' activities as a metropolitan, the improved date of the staff can be only 1481. That was the year of «staying on Ugra river» — the event, marking the final liberation of Russia from the Tartar yoke, the event also celebrated by the Russian church as a miracle. That was the period of great architectural activities in Moscow, and also of creating some outstanding specimens of jewellery. Being an important symbol of high ecclesiastical rank and precious thing, the staff of metropolitan Gerontius was twice mentioned in chronicles (1482 and 1484).

The early details of Gerontius' staff (carved walrus tusk) demonstrate nearest similarity with two staves of secular persons, now in Moscow State Armoury. These staves most probably belonged to the Great prince of Moscow John III, the contemporary of Gerontius. Similarity proves these staves belong to one period and one workshop.

Secular staves from the State Armoury most probably are the main regalia of the head of the Russian centralised state. This very type of staves is represented as royal sceptres in the XVIth cent. miniatures of Illustrated Chronicle. This causes special interest to the rich decoration of these staves. Some of its elements are connected with the developing ideology of Moscow autocracy (crowned head, two-headed eagles), others — zoomorphous decoration — with old traditions of Russian art and symbolics.

А. А. ЮШКО, С. З. ЧЕРНОВ

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ МОСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

(по итогам полевых работ 1976 г.)

Исторической географии духовных грамот великих и удельных московских князей посвящено немало работ исследователей, в силу чего локализована подавляющая часть пунктов этих грамот [1]. Тем не менее новые археологические изыскания в этом направлении вносят известные уточнения и поправки.

В 1976 г. авторами были проведены обследования ряда пунктов, упоминаемых в духовных грамотах, преимущественно духовной Ивана Калиты (ок. 1339 г.), локализация которых неясна или противоречива по данным других исследователей, прежде всего в силу ограниченности письменных свидетельств об этих пунктах. Привлечение археологических источников дает дополнительные сведения для решения этих вопросов (рис. 1).

1. Волость Кремична находилась в уделе второго сына Ивана Калиты — князя Ивана [2]. В духовных грамотах последующих московских князей она сначала показана в числе Звенигородских волостей [3], а затем в числе Рузских [4].

В. Н. Дебольский отождествляет центр этой волости с погостом Кремична на территории Рузского уезда [5], М. К. Любавский помещает волость по левому берегу р. Москвы до р. Озерны [6].

Обследования территории погоста Кремична (волостного центра по В. Н. Дебольскому) показали, что топоним этот — новообразование XVIII в. Пункт расположен в 2,5—3 *км* к западу от дер. Игнатьево, на левом берегу р. Москвы и в 200 *м* от нее. Сохранились руины разрушенной после войны церкви Покрова Богородицы (отчего пункт на картах начала века обозначен как Покровский погост); церковь была сюда перенесена около 200 лет назад, когда местность и получила свое название [7].

---

[1] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. II, т. 3—4. М., 1960, с. 456, 670, 671 (прим.); *Барсов Н. П.* Географический словарь Русской земли (IX—XIV века). М., 1865; *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты князей XIV—XV веков как историко-географический источник.— ЗРАО, т. XII, вып. I и II, кн. пятая. СПб., 1901; *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929; *Юшко А. А.* Историческая география Московской земли. Автореф. канд. дис. М., 1974; *Кучкин В. А.* Из истории средневековой топонимии Поочья.— Ономастика Поволжья, вып. 4. Саранск, 1976, с. 175—182.

[2] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950, с. 7 (далее — ДДГ).

[3] Там же, с. 15, 17, 33.

[4] Там же, с. 73.

[5] *Дебольский В. Н.* Ук. соч., с. 147.

[6] *Любавский М. К.* Ук. соч., с. 34.

[7] Сообщение местных жителей. В 1784 г. церковь уже находилась там же (ЦГАДА, ф. 1356, д. 2378, № 300).

Между руинами церкви и рекой находится действующее кладбище. Обследование его территории выявило полное отсутствие древнего культурного слоя, а также древних могильных плит. Шурфовка территории, примыкающей к жилому дому, дала незначительное количество фрагментов поздних сосудов.

Надо думать, что территория волости и волостной центр располагались не здесь, а по течению впадающей слева в р. Москву р. Кремичны [8]. Нами было обследовано нижнее течение этой реки. Помимо имеющихся в литературе сведений о четырех расположенных здесь курганных группах (курганная группа у с. Игнатьево спланирована полностью [9]) был выявлен одиночный курган, расположенный на левом берегу р. Кремичны, в 500 *м* выше ее устья, вблизи линии высоковольтных передач. Обследования показали, что плотность археологических памятников здесь необычайно высокая — курганные группы располагались через каждые 1,5—2 *км*. Подобная плотность расположения археологических памятников предшествующей поры, а также гидронимический принцип, положенный в основу названий большинства волостей духовных грамот, позволяет определить местоположение волости Кремичны 30-х годов XIV в. в бассейне указанной речки.

2. Село Белжинское находилось также в уделе князя Ивана [10]. В. Н. Дебольскому локализовать этот пункт не удалось [11]. М. К. Любавский считает, что с. Белжинское помещалось где-то к северу от Тростянского озера [12].

Постараемся проанализировать сведения источников в отношении этого пункта. В духовной Ивана Калиты оно показано в числе сел удела князя Ивана Ивановича. В духовной Ивана Ивановича (1358 г.) оно показано в числе Звенигородских волостей, передаваемых княжне Александре («село Белциньское с Новым селцем») [13]. От княгини Александры, умершей в 1364 г., основная часть ее звенигородского удела перешла во владение Дмитрия Донского [14]. Основную же часть звенигородского удела князя Юрия Дмитриевича составляли Звенигородские волости бывшего удела Ивана Звенигородского, согласно завещанию Ивана Ивановича (1358 г.) [15].

Среди этих владений оказывается и с. Белгино, согласно «Данной тарханной и несудимой грамоте» Юрия Дмитриевича Саввино-Сторожевскому монастырю (1402—1403 гг.) [16], причем оно указано вместе с деревнями «Тимониною, с Павликовою, с Козинским» [17]. Помимо этих пунктов монастырю дается также с. Дубацынское, «селце на Усть-Развадни» [18] и др. Все эти пункты фигурируют и в грамоте 1404 г., подтверждающей грамоту 1402—1403 гг.[19] С. Белгино (Белдино) оставалось за

---

[8] Подобная локализация впервые предложена В. А. Кучкиным (*Кучкин В. А.* Ук. соч., с. 179).

[9] По сведениям местных жителей, река эта имеет три названия: Гнилуша, Романиха, Кремична (по И. А. Здановскому, р. Гнилуша является левым притоком р. Кремичны — см. *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976, с. 105). В связи с этим в археологической литературе имеется некоторая путаница в описании археологических памятников, расположенных по течению этой реки. (*Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А.* Список археологических памятников Московской области. М., 1973, с. 121). О курганной группе у с. Игнатьево см. *Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А.* Ук. соч., с. 121.

[10] ДДГ, с. 9.

[11] *Дебольский В. Н.* Ук. соч., с. 151.

[12] *Любавский М. К.* Ук. соч., с. 34.

[13] ДДГ, с. 16.

[14] Там же, с. 33.

[15] Там же, с. 15.

[16] АСЭИ, т. III, № 53, с. 79, 80.

[17] Ук. соч., с. 80.

[18] Ук. соч.

[19] АСЭИ, т. III, № 53а, с. 80.

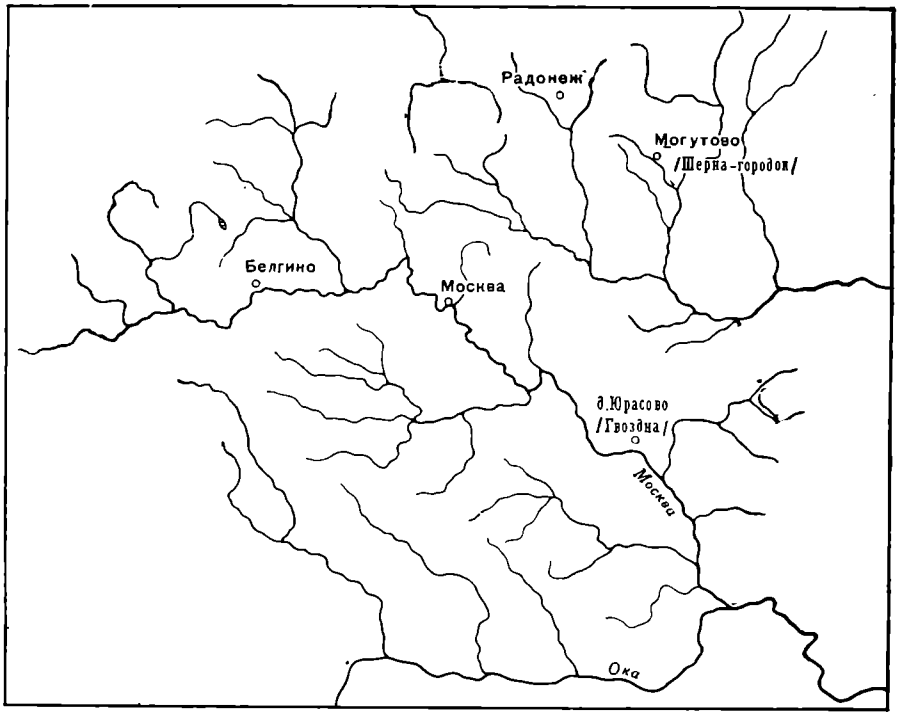


Рис. 1. Карта обследованных топонимов — пунктов духовных грамот московских князей

монастырем до 1490 г., когда, согласно грамоте Угличского и Звенигородского князя Андрея Васильевича Большого, регламентировался сбор денежного оброка и столовых запасов с монастырских сел властям, причем «с Дубацина да с Белдина» взималось «с десятины по гривне»[20]. В примечании к этой грамоте (И. А. Голубцов), с. Белдино отождествлено с современным Болдиным (в 26 верстах к СВ от Звенигорода), а Дубацино с Дубцами (в 18 верстах к В от Звенигорода) на основании Списков населенных мест Московской губернии[21]. Подобная локализация вызывает возражения. Все вышеперечисленные в грамотах 1402—1403, 1404 и 1490 гг. пункты, в том числе и Белдино, находились в ближайших окрестностях Саввино-Сторожевского монастыря. Сохранился план окрестностей Саввина монастыря, составленный Аврамом Свиязевым и датируемый 6 октября 1664 г.[22], где среди прочих пунктов указанных выше актов локализовано и Белгино. На правом берегу р. Разводни, прямо напротив Саввина монастыря, указано «поле, что бывало в старину село Белинн...»[23] (рис. 2).

Причем к западу от этой надписи показан «Белинский враг», идущий в направлении с севера на юг и выходящий в долину р. Москвы, еще западнее его указан «Каменный враг».

Было проведено тщательное археологическое обследование этой территории, причем определенными топографическими реперами при поисках селища служили указанные в источнике овраги. Оказалось, что современные названия оврагов изменены по сравнению с древними. Тот овраг, который назван на карте А. Свиязева Каменным, сейчас называется Белинским, а древний «Белинский враг» сейчас носит название Козинского (вспомним «Козинское» грамоты 1402—1403 гг.). В таком

[20] АСЭИ, т. III, № 60, с. 93.
[21] АСЭИ, т. III, с. 488.
[22] ЦГАДА, р. 27, № 484, ч. 3, д. 29. Указанием на этот источник авторы обязаны Н. А. Краснову.
[23] Там же.

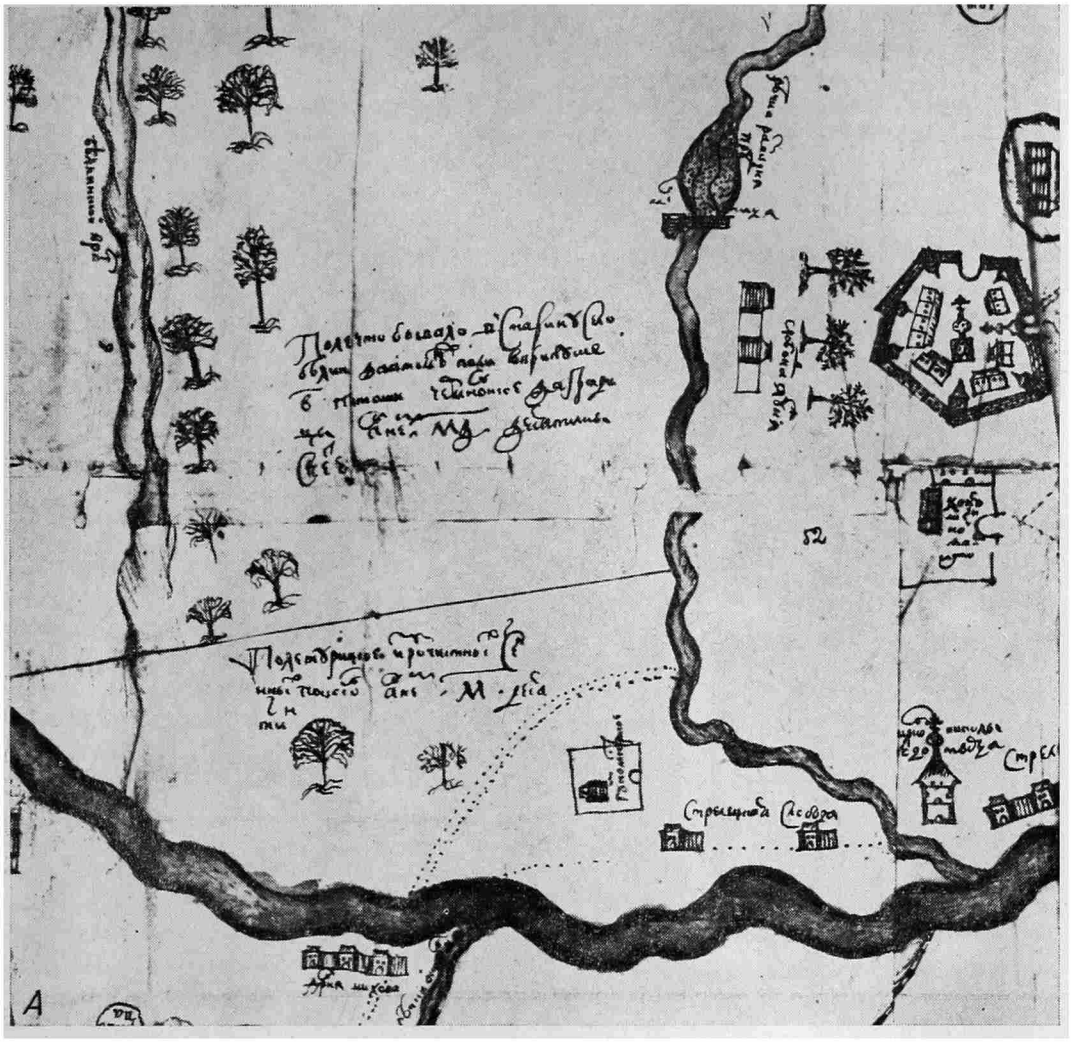


Рис. 2. *А* — фрагмент «Плана местности вокруг Савина монастыря» Аврама Свиязева 1664 г., *Б* — Надпись на плане (увеличено)

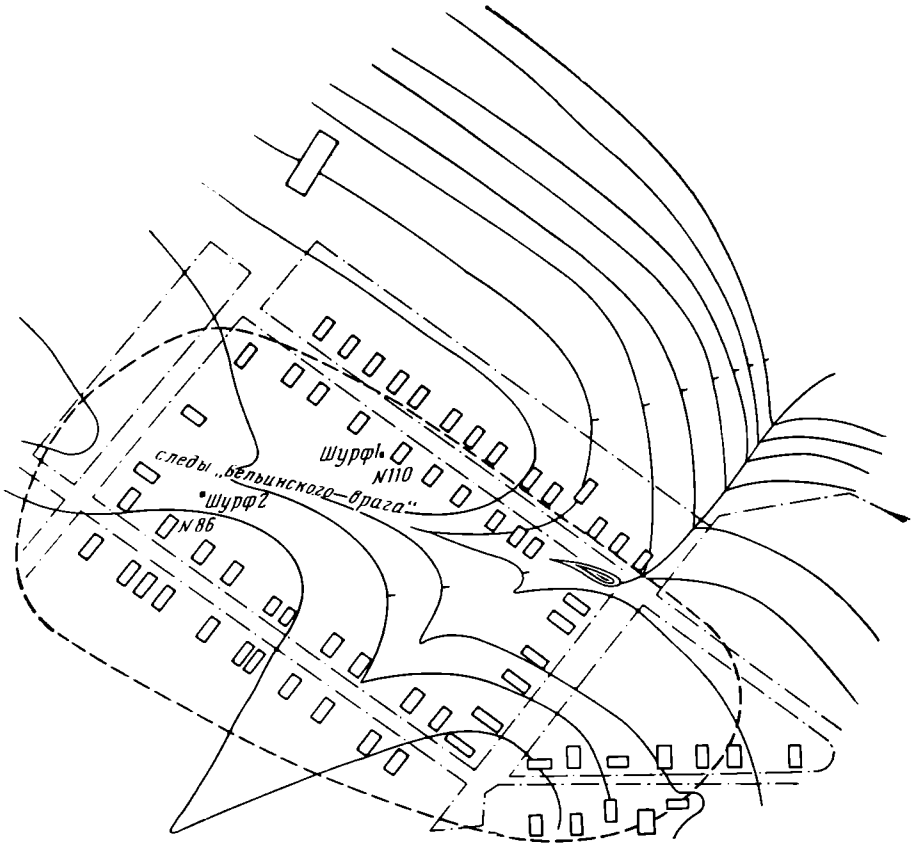


Рис. 3. Селище в Саввинской слободе (Белгпно). План

случае, видимо, с бо́льшим доверием надо все же относиться к древнему источнику, а не к местной устной традиции. Однако тщательное обследование высокой береговой террасы левого берега р. Москвы на участке, ограниченном этими оврагами, признаков культурного слоя не выявило. Ближе к р. Москве на значительно более низком участке берега размещается сейчас с. Саввинская слобода. Изучение старых картографических материалов показывает, что населенный пункт с этим названием связан с проживанием здесь стрельцов и был перемещен сюда где-то позже 60-х годов XVII в. Сохранившийся «План окрестностей Саввина монастыря», имеющий одинаковый с планом А. Свиязева водяной знак на бумаге, отличается от последнего местоположением Саввинской слободы [24]. На плане А. Свиязева Саввинская слобода показана в прибрежной части р. Москвы, близ устья р. Разводни. На вышеуказанном плане прибрежные строения названы «Старой стрелецкой слободой», а западнее их, по обеим сторонам оврага («Белинского» плана А. Свиязева), показаны строения Новой стрелецкой слободы. Это обстоятельство дает возможность датировать перемещение слободы позже 1664 г., но в пределах XVII в. (судя по водяному знаку).

Следы древней планировки Саввинской слободы частично сохранились и до нашего времени. Часть улиц современного села (Советская, Крестьянская) сохранила направление, параллельное Белинскому (ныне Козинскому) врагу. Обследование этой части Саввинской слободы (северо-восточная часть села) выявило здесь наличие культурного слоя XIV в. Площадь его распространения — около 31 тыс. $м^2$ (рис. 3). Мощность культурного слоя 0,25—0,3 *м*. При шурфовке на территории усадьбы

[24] ЦГАДА, р. 27, № 484, ч. 3, д. 32.

д. 86 по ул. Крестьянской выявлены остатки постройки (погреба) с большим количеством красной московской керамики, характерной для XIV—XV вв.

Все это дает основания локализовать древнее с. Белгино (Белжинское) здесь, на территории северо-восточного участка современной Савинской слободы. Селище действительно соответствует по своему местоположению плану А. Свиязева: оно расположено на правом берегу р. Разводни, прямо напротив монастыря.

3. В том же уделе княгини Ульяны упоминаются Радонежская волость и «село Радонежьское» [25]. Одни исследователи считали «село Радонежьское» центром волости [26], другие высказывали сомнение [27]. Рассмотрим свидетельства письменных данных. «Село Радонежьское» более в источниках не фигурирует. Летопись под 1374 г.[28] и 1392 г.[29] упоминает Радонеж как населенный пункт. В духовной грамоте князя Владимира Андреевича (1401—1402 гг.) он предстает уже как центр удела князя Андрея Владимировича [30]. Центром небольшого удельного княжества Радонеж оставался до 1426 г. Позднее «Радонеж с волостьми» упоминается в докончаниях великого князя Василия Васильевича с Василием Ярославичем Боровским (1433, 1447, 1456, 1451—1456) [31] и в духовных грамотах более позднего времени. Как волость он хорошо известен по актам Троице-Сергиева монастыря [32]. С 1492 г. источники чаще именуют Радонеж «городком» [33] (наиболее позднее упоминание «городка Радонеж» относится к 1631—1633 гг.[34] В XVII в. (1689 г.) Радонеж упомянут как монастырское село «Городок» [35].

Интересные сведения содержит «Житие Сергия Радонежского», описывающее события периода княжения Ивана Калиты. В «Житии» так изображается переселение Кирилла в «весь» Радонеж: «Пришед, вселися близ церкви, нареченныя во имя святаго Рождества Христова, еже и доныне стоит церковь та» [36]. Таким образом, церковь Рождества Христова сохранялась во времена написания «Жития» Епифанием Премудрым (начало XV в.). Из жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича (1455—1462 гг.) вытекает, что указанная церковь оставалась храмом Радонежа еще в середине XV в.[37] Имея в виду указания источников XV в. на Радонеж как «город», можно предположить, что церковь Рождества Христова находилась в черте укреплений, а не на месте современной церкви Преображения [38]. Далее в «Житии» читаем: «Князь ве-

---

[25] ДДГ, с. 9.

[26] *Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в.— В сб.: Историческая география России XII — начала XX в. М., 1975, с. 48, прим. 14.

[27] *Любавский М. К.* Ук. соч., с. 33.

[28] ПСРЛ, т. XVIII, с. 114.

[29] ПСРЛ, т. XXV, с. 219.

[30] ДДГ, с. 46.

[31] ДДГ, с. 70, 129, 133, 135, 138, 169, 173, 180, 183.

[32] АСЭИ, т. I, № 15, с. 33; № 17, с. 34; № 32, с. 43; № 45, с. 50; № 52, с. 54; № 99, с. 80; № 204, с. 145; № 260, с. 189; № 308, с. 219; № 309, с. 220; № 331, с. 240; № 394, с. 286; № 414, с. 304; № 417, с. 306; № 468, с. 354.

[33] В 1492 г. «князь великий торг перевел от Троици на городок в Радонеж» (ПСРЛ, т. XVIII, с. 275); 1520 г. (Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975, № 190, с. 186); 1595 г. (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской имп. Археографической экспедициею Академии наук, т. I. СПб., 1836, № 363, с. 445); 1598 г. (Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. II. СПб., 1841, № 7, с. 9); 1599 г. (там же, № 13, с. 13).

[34] Патриаршего приказа дозорные кн. № 141, л. 499 (*Холмогоров В. и Г.* Исторические материалы о церквах и селах XVI — XVIII ст., вып. V. СПб., 1887, с. 110).

[35] *Холмогоров В. и Г.* Ук. соч., с. 65.

[36] *Тихонравов Н.* Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892, отд. I, с. 5 (далее Житие Сергия Радонежского).

[37] Монастырские крестьяне должны были давать «волостелю Радонежскому» корм на Рождество Христово (АСЭИ, т. I, № 260, с. 189).

[38] Церковь Преображения построена в 1617 г. по инициативе архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия Палицына. Однако, судя по

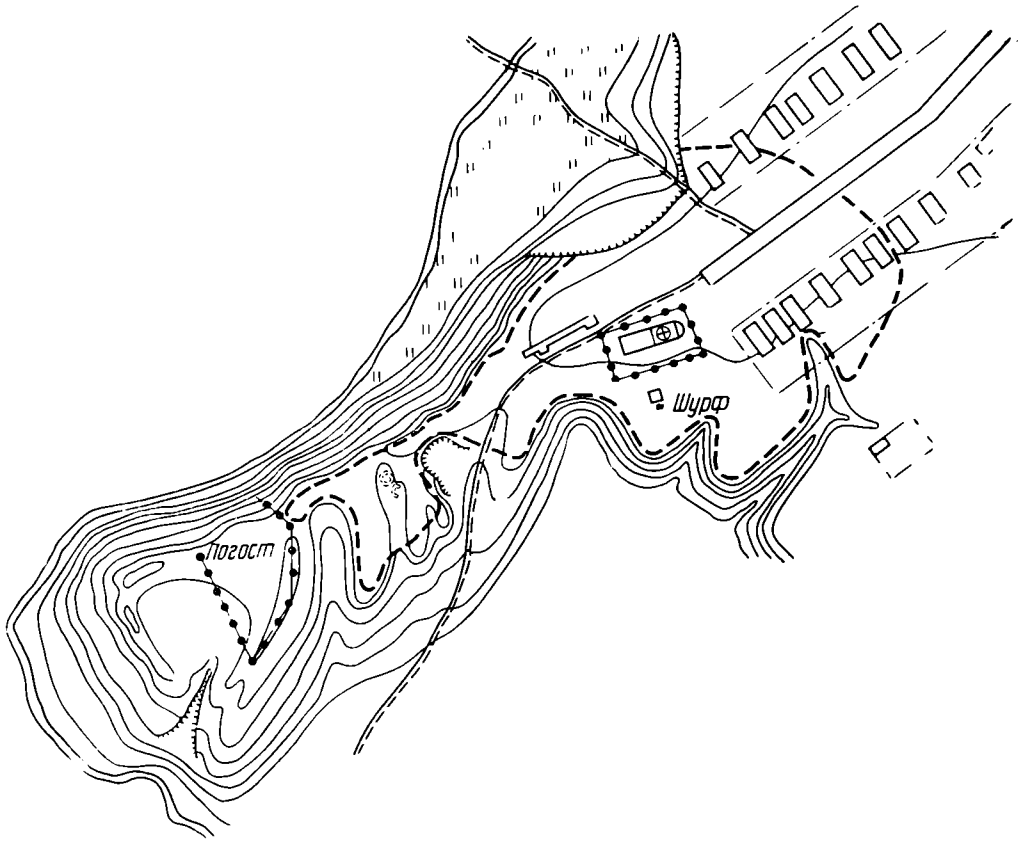


Рис. 4. Городище и селище у с. Радонеж. План

лики Иван Данилович... наместника постави в ней (в веси Радонеж — *Авт.*) Терентия Ртища, и льготу людям многу дарова, ея же ради льготы собрашася мнози» [39].

Археологически Радонеж представляет собой городище и селище у с. Городок, на левом берегу р. Пажи, в 3,5 *км* от впадения последней в р. Ворю (рис. 4). Городище, размером 145×140 *м*, имеет по периметру кольцевой вал, достигающий высоты 5 *м*. В угловых своих участках вал имеет проемы. Современный и, по-видимому, древний въезд на городище, по сведениям исследователей памятника, располагался со стороны села. В этой же стороне к кольцевому валу примыкают два рва, разделенные валообразными насыпями. Почти вся площадка городища занята действующим кладбищем, за исключением небольшого прибрежного участка в северо-западной части городища. Территория селища примыкает с востока к валам городища и тянется почти по всему пространству, занимаемому современным селом. Впервые городище было обследовано Ю. Г. Гендуне в 1900 г.[40] Шурфовка не выявила на нем культурного слоя. В 1929—1930 гг. раскопки на городище и селище проводил Н. П. Милонов. Эти исследования дали интересные результаты, однако отчет отсутствует, а публикация носит неполный характер [41]. Раскопки Н. П. Милонова (100 $м^2$) показали, что на городище нет культурных остатков, за исключением единичных экземпляров керамики, попадавшихся в самом верхнем слое на глубине не более 15 *см* [42]. Вал высотой 5 *м* был насыпан

надписи на одной лаврской богослужебной книге, церковь Рождества еще оставалась до 1669 г. (*Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909, с. 321).

[39] Житие Сергия Радонежского, с. 5.

[40] *Гендуне Ю. Г.* Раскопки в Калужской, Московской и Тульской губерниях.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. 39, 1900 г.

[41] *Милонов Н. В.* Археологические разведки в городе Радонеже. Историко-археологический сборник. М., 1948, с. 66—70.

[42] *Милонов Н. В.* Ук. соч., с. 66.

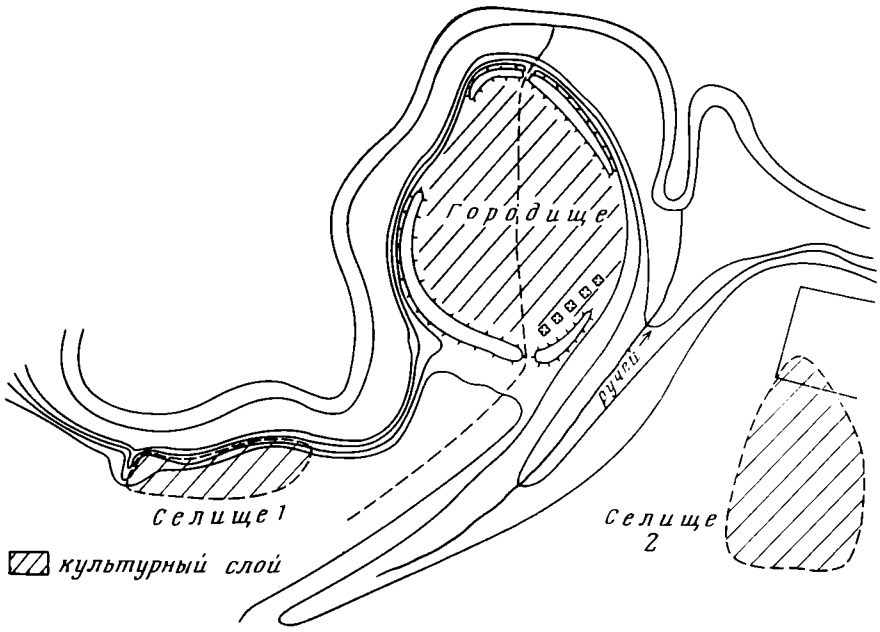


Рис. 5. Шерна городок. План

одновременно с подготовкой места под городок. Мощность культурного слоя на селище достигала 1,5 *м* и древнейшие его слои относились к XIV в. Позднее исследования и осмотры Радонежа проводили В. М. Колобов (1948) [43], П. А. Раппопорт (1953 г.) [44], В. И. Качанова (1961 г.) [45].

В результате наших обследований была определена восточная граница селища. Оказалось, что если слой XVI—XVII вв. охватывает почти всю территорию современного села, то слой, содержащий красную московскую керамику, распространялся на 130 *м* к востоку от апсиды церкви Преображения, так что общая площадь селища этого времени составляла около 55 000 *м*^{2}. Заложенный в 24 *м* к югу от ограды церкви шурф (у юго-восточного угла одиночного дома) дал мощность культурного слоя 0,9—1,15 *м* (XIV—XVII вв.). Площадь городища при этом составляет 12 000 *м*^{2}. Таким образом, городище и примыкавшее к нему обширное селище в Радонеже представляют собой вариант волостного центра XIV в. Он состоял из «городка» и примыкающего к нему неукрепленного поселения («село Радонежское» духовных грамот).

4. На северо-востоке Московской земли источники XIV в. знают еще один «городок» — «Шерна городок». «Шерна городок» впервые упоминается в духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича (1389 г.) в списке волостей, наследуемых Петром Дмитриевичем [46]. Вместе с другими волостями выморочного удела Петра Дмитриевича «Шерна городок» перешел в удел Юрия Дмитриевича (1432 г.) [47]. По духовной Юрия Дмитриевича (1433 г.) он передавался князю Дмитрию Шемяке [48]. Упоминание этой волости в духовных грамотах Ивана III [49] и Ивана IV [50] дает

[43] *Колобов В. М.* Отчет о краеведческих археологических разведках на территории Московской обл. за 1948 г.— Архив археологического отдела Московского областного краеведческого музея, папка 3а, д. 3.

[44] *Раппопорт П. А.* Обследование раннемосковских городищ в 1954 г.— КСИИМК, № 62, 1956, с. 118—128.

[45] Шурфы были заложены к югу от церкви и в северо-западной части села. Материалы в Музее древнерусской живописи им. Андрея Рублева.

[46] ДДГ, с. 34.

[47] ПСРЛ, т. XXV, с. 250.

[48] ДДГ, с. 74. Нам представляется верным чтение, предложенное В. Д. Назаровым (*Назаров В. Д.* Ук. соч., с. 55).

[49] ДДГ, с. 354.

[50] ДДГ, № 104, с. 434.

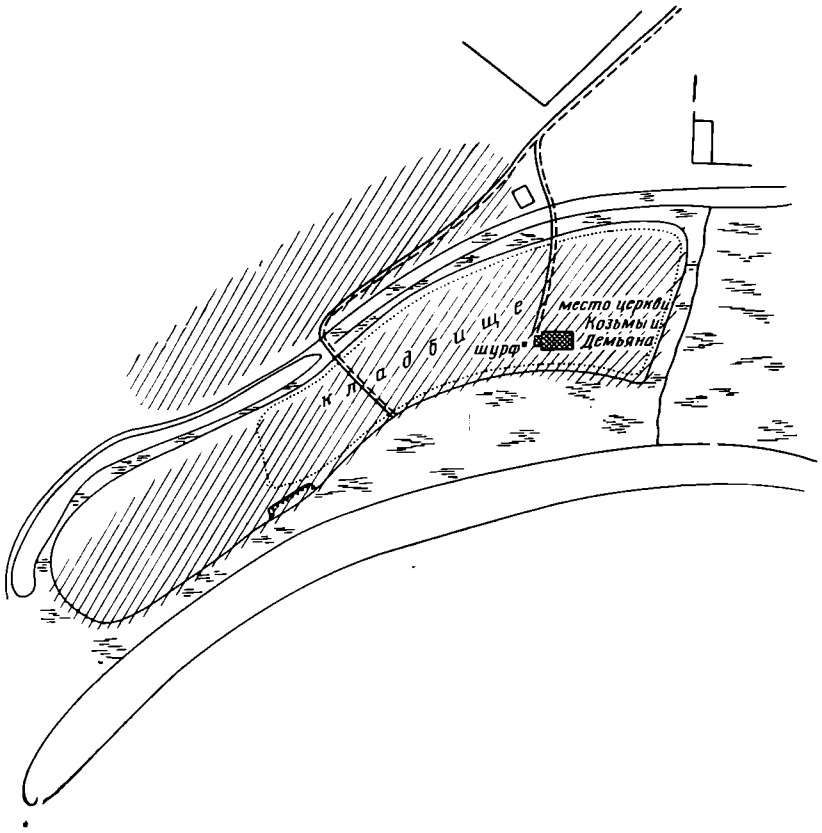


Рис. 6. Погост и место церкви (1) Космы и Демьяна. План

основание считать ее территорию неизменной на протяжении XVI в. и искать ее центр на территории Шеренского стана (крайний северо-восточный стан Московского уезда), описанного в писцовых книгах (1584—1586 гг.) [51]. На территории Шеренского стана, на р. Шеренке, в 3 *км* к юго-востоку от г. Фряново, мы находим дер. Могутово, которая упоминается в писцовых книгах XVII в., как «Могутово Шеренское городище тож» [52]. На северо-западной окраине этой деревни, на левом берегу р. Шеренки, были обнаружены городище и два селища (рис. 5). Река Шеренка и ручей ограничивают площадку городища с трех сторон. Вал, обращенный к реке, имеет высоту 1—2 *м*, а напольный вал достигает 3,5 *м*. Площадь городища 15 000 *м*^{2}. Использование мыса, глубоко вдающегося в пойму, укрепление валом только напольной и мысовой его сторон, овальная форма городища, незначительная мощность культурного слоя и, наконец, аналогичное устройство въезда сближает Могутовское городище с Радонежским. В расположении селищ (площадь селища 1—2000 *м*^{2}, селище 2 — 7000 *м*^{2}) также наблюдается общность. Думается, что «Шерна городок» и «Радонеж городок» относятся к одному типу укрепленного волостного центра с прилегающим к нему селищем-посадом. В связи с этой аналогией особый интерес представляет вопрос о времени возникновения археологического комплекса в Могутове. Керамический материал селища датируется XIII—XIV вв. Это позволяет говорить о его возникновении задолго до первого упоминания в духовной Дмитрия Донского (1389 г.)

[51] ПКМГ, с. 12, 254.

[52] 7131/7132 (1623/1624) г. Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель в станах: Шеренском и Отъезжем и Васильцове, письма и меры Л. Кологривова и Д. Скирина.— ЦГАДА, ф. 1209, д. 9806, л. 1010 об., 1011.

5. В уделе старшего сына Ивана Калиты — князя Семена — среди Коломенских волостей названа волость Гвоздна [53]. В духовных великого князя Ивана Ивановича (1358 г.) [54], Дмитрия Донского (1389 г.) [55], Василия Дмитриевича (1406, 1417, 1423 гг.) [56] и Василия Васильевича (1461—1462 гг.) [57] читаем: «Брашева з Селцем з Гвоздною и с Ыванем» [58]. Процитированный отрывок указывает на то, что Гвоздна находилась где-то близ Брашевы (городище у дер. Боршево в 2,5 *км* к юго-востоку от г. Бронницы Московской обл.). В. Н. Дебольский указывает местоположение волости на р. Дорне (левый приток р. Гжели) [59], М. К. Любавский помещает ее вместе с волостью Гжель [60]. Последние локализации не могут быть приняты, так как упомянутые районы территориально удалены от Брашевской волости. Наиболее вероятной локализацией центра волости Гвоздны является локализация Н. И. Иванчина-Писарева — «погост Космы и Дамиана на оз. Гвоздинском» (старица р. Москвы) [61] в 10 *км* к северо-востоку от с. Брашева (близ дер. Юрасово), известный по писцовым книгам XVII в.[62]

Обследования «погоста Космы и Дамиана» дали интересные результаты. На невысоком (3 *м*) останце между оз. Гвоздинским и ручьем, к западу от фундамента церкви, обнаружено селище дьяковского времени (мощность слоя 0,5—1 *м*) (рис. 6). Верхний слой испорчен кладбищем и содержит керамику XVI—XVII вв. Пространство к северу от ручья занимает селище, датированное по керамическому материалу XII—XIV вв. Таким образом, волостной центр, по-видимому, включал естественно защищенный останец среди поймы (14 000 $м^2$), на котором находилась церковь и селище (8000 $м^2$). Исследование Гвоздны, возникшей в домонгольское время, может дать новый материал к проблеме происхождения волостных центров.

Приведенные материалы свидетельствуют о значительном разнообразии пунктов великокняжеского землевладения: волостные центры, состоящие из городищ и примыкающих к ним селищ с общей площадью 25—65 тыс. $м^2$ («городок» Радонеж и Шерна), неукрепленные волостные центры (Гвоздна — 22 000 $м^2$), села. Различно и время их появления: XIV вв. (Радонеж), XIII в. (Бели, Шерна), XII в. (Гвоздна). Нам представляется, что локализация волостных центров и сел, упоминаемых в духовных грамотах XIV в., весьма существенна для атрибуции и изучения безымянных селищ послекурганного периода.

A. A. Yushko, S. Z. Chernov

A CONTRIBUTION TO THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF THE MOSCOW REGION

Summary

The article is devoted to the localization of some places mentioned in the wills of the Moscowian great princes of the early period. Among them are rural districts («volost») and their centres (Kremchina, Radonezh, Sherna — gorodok, Gvozdna) and separate villages (Belzhinskoje). Archaeological data enabled the authors single out from these places both fortified settlements with large unfortified settlements (nearly 65 000 square metres) near them (Radonezh, Sherna) and unfortified settlements (Gvozdna, Belzhinskoje). Some of these settlements appeared in the pre-mongol period, some in the XIVth century (Radonezh).

[53] ДДГ, с. 7, 9.
[54] Там же, с. 15, 17.
[55] Там же, с. 33.
[56] Там же, с. 55.
[57] Там же, с. 58, 60.
[58] ДДГ, с. 60. Ошибочность чтения «Брашева с сельцом Гвоздною», опубликованного здесь, доказывает аналогичный текст в духовной Василия Дмитриевича (1406 г.): «Брашева с Иванем и с Гвоздною и с Селцом» (ДДГ, № 20, с. 55).
[59] *Дебольский В. Н.* Ук. соч., с. 142.
[60] *Любавский М. К.* Ук. соч., с. 41.
[61] *Иванчин-Писарев Н. И.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843, с. 23.
[62] Карты С. Б. Веселовского.— Архив АН СССР, ф. 620.

Публикации

В. В. СИДОРОВ, А. В. ТРУСОВ

ЛУКОВО ОЗЕРО I — СТОЯНКА ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди сотен стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой лишь единичные могут претендовать на чистоту комплекса. Немногие из них дали обильный материал в четких геологических условиях. Одним из наиболее выразительных льяловских памятников может считаться стоянка Луково озеро I, расположенная в восточной части торфяника Маслово Болото, у остатков осушенного Лукова озера, в Ногинском р-не Московской обл. В 1972 г. выгорел торф, покрывавший полы невысокого суходола. На склоне обнажились культурные остатки: песчаные очаги, развалы сосудов, пережженные кремни, осколки камней [1]. Четкая концентрация материала позволила еще до раскопок определить план поселения: пятно культурного слоя тянулось на З — СЗ (азимут 306°) на 20 *м* при ширине 7 *м*, в 20—40 *м* от края площадки суходола. Находок далее 1,5—2 *м* от него не встречалось. Только в сторону суходола они не прерывались. Здесь был обособленный песчаный очаг, а на самом суходоле изредка встречаются ножевидные пластины, отщепы и еще реже — керамика без орнамента, относящаяся к ранней стадии верхневолжской культуры. Местонахождение на суходоле выделено как стоянка Луково озеро II [2]. Далее, в 300 *м*, на северном, более высоком конце суходола, в 1975—1976 гг. исследовалось льяловское поселение Луково озеро III.

На стоянке Луково озеро I раскоп площадью 288 $м^2$ охватил все пятно культурного слоя (рис. 1). Раскоп ориентирован вдоль пятна, чтобы получить продольные и поперечные разрезы. Оставлен только периферийный участок слабой насыщенности, где сохранился торф, не только подстилавший культурный слой, но и перекрывавший его, что позволило взять колонку образцов на пыльцевой анализ. На остальной площади местами выгорел подстилающий торф, мощность которого достигала 35 *см*, что вызвало провалы культурного слоя. Слой представлял собой песок, смешанный с разложившимся торфом и торфяной золой мощностью около 5 *см*, залегавший на разложившемся рыхлом торфе (5—10 *см*), переходящем в торф осоковый (до 20—35 *см*), а ниже — в илистый прибрежный суглинок (5—10 *см*). Ниже залегал чистый слоистый песок. Четко выделялись пятна песка ржавого цвета — остатки очажных подушек мощностью до 20 *см*. Они содержали больше всего материала. Вероятно, это остатки одного длинного наземного жилища с цепочкой очагов на песчаных подсыпках по центральной оси, с очагом у стенки

[1] *Сидоров В. В., Балинский И. М.* Раскопки на Тростенском озере и Масловом Болоте.— АО — 1973. М., 1974.

[2] Склон срезан бульдозером при тушении пожара. Шурфовка показала, что находки залегают в подпочвенном суглинке, концентрация их очень невелика.

и выступом с юго-восточной стороны. Дом расположен торцом к концу мыса, у самой воды, одиночный очаг — с тыльной стороны жилища, вне дома. На прилегающей части суходола синхронные находки отсутствуют.

Ближайшую аналогию плану жилища Луково I мы находим в Саконовском жилище [3], которое близко нашему памятнику и по облику остальной части комплекса. Тот же тип жилища прослежен в нижнем слое стоянки у хут. Гришевка [4], относящемся к днепро-донецкой культуре. Правда, в обоих случаях жилища углубленные, у нас же нет никаких признаков углубления. Иная конструкция стен — без столбов [5].

Остается выяснить, были ли очаги на нашей стоянке синхронны, находились ли они в едином помещении, или здесь случайное совпадение ряда разновременных небольших жилищ на одной площадке? Решить этот вопрос можно применением метода, разработанного Леруа-Гураном,— проследив разлет фрагментов одного предмета [6]. Хотя развалы сосудов очень компактны, по некоторым из них удается установить, что их фрагменты перемещались в пределах всего пятна, что предполагает единство последнего. За единое жилище говорит также четкость цепочки очагов и границ пятна.

У юго-западного конца жилища, в 2 *м* к северу от его края, на торфе залегал мощный пласт материковой глины. Рядом с ним прослежена яма неправильных очертаний, примерно 2×2 *м*, глубиной около 1 *м* с оплывшими стенками, без каких-либо культурных остатков. Глинистый выброс частично сполз обратно в яму. Назначение ее не ясно.

На стоянке кость не сохраняется, хотя культурный слой здесь заключен между пластами торфа, и тем не менее следов кости нет. Пожар 1972 г. не мог ее уничтожить. Переженная кость и даже чешуя сохраняется в горелых слоях стоянки Маслово Болото IV [7]. На нашей стоянке нет также следов дерева (кроме обугленных плах в очагах). Не удалось проследить ни одной столбовой ямы, несмотря на тщательные зачистки торфа и подстилающего песка (на МБ IV нередко столбы сохраняются в материковом песке под слоем торфа). Все это можно объяснить только особыми климатическими условиями времени существования льяловских стоянок, не похожими на условия III тысячелетия до н. э.— времени волосовской культуры.

Самый большой очаг в кв. 3 В находился в передней, обращенной к озеру части жилища. В песчаной его подсыпке было около половины всей найденной на стоянке керамики (рис. 2). Подсыпка эта размером 2×2,5 *м* и до 0,25 *м* мощностью залегала на торфе, поверхность которого на 1—2 *см* ококсовалась. В центре очага — округлая площадка диаметром 80 *см*, свободная от развалов сосудов. Под очагом в торфе оказалось кольцеобразное углубление диаметром 2,4 *м* и глубиной до 0,2 *м*; под его центральной частью в песке прослеживались остатки двух плах до 20 *см* длиной и 5—10 *см* шириной, а также куски бересты. Видимо, они предохранили торф от выгорания и усадки. В этом случае вся ямка — результат действия огня. Очаги с деревянными и берестяными прослойками в песке прослежены на соседней торфяниковой стоянке МБ IV, относящейся к волосовской культуре. Они аналогичны очагам стоянки

---

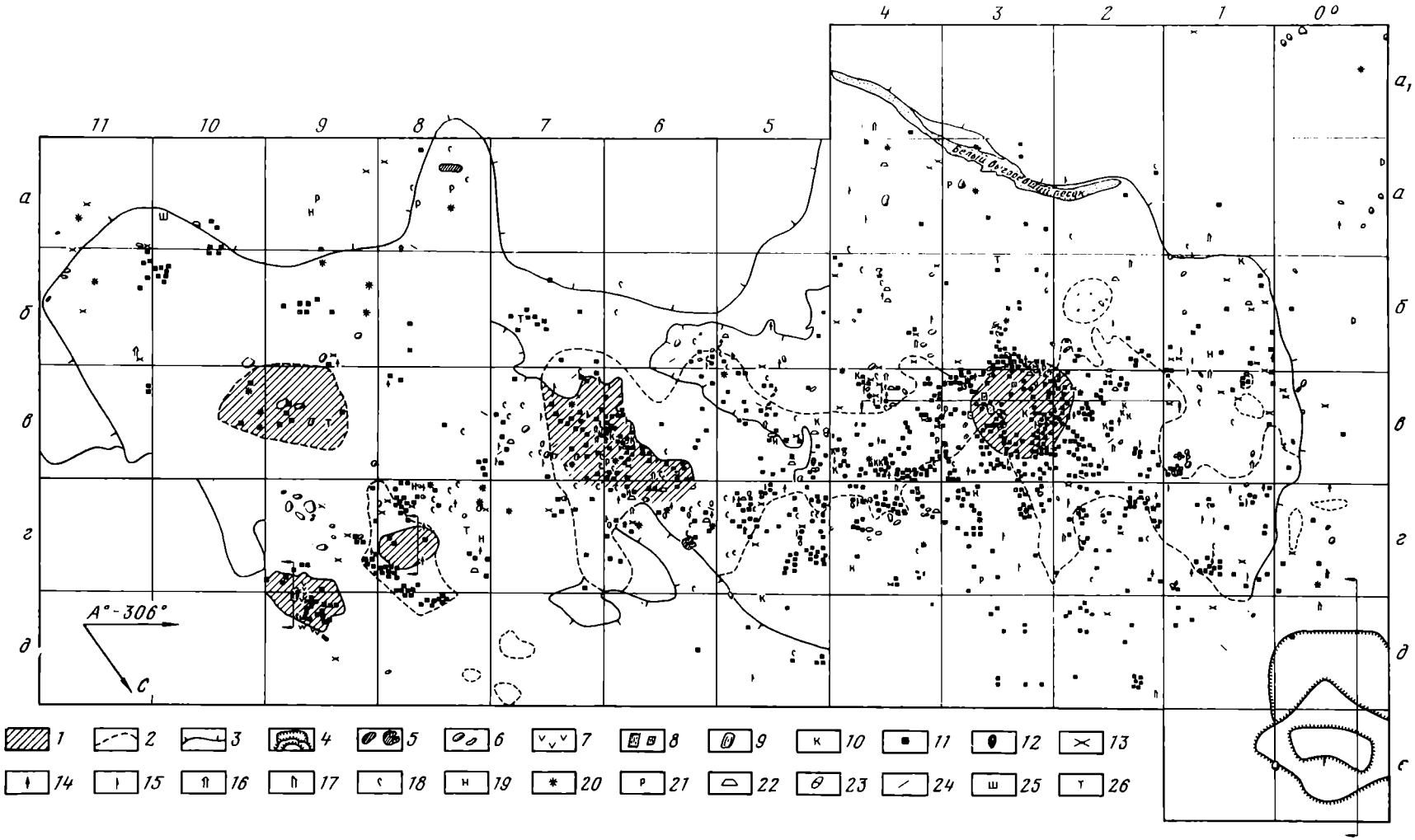
[3] *Алихова А. Е.* Неолитическое жилище на Саконовской стоянке.— КСИИМК, № 75, 1959.

[4] *Березанская С. С.* Неолитическая стоянка у хутора Гришевка на Средней Десне.— СА, 1975, № 2, с. 150, 151.

[5] Нам известна серия льяловских стоянок, где нет ни одной столбовой ямы: Полецкая I, Никольская-Правая — нижний слой, Маслово Болото VII, Воймежная I. Нет столбовых ям и на Усть-Рыбежной (*Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР.— МИА, № 87, 1961, с. 338).

[6] Изложение этого метода см. в рецензии О. Н. Бадера и В. Я. Сергина на книгу А. Леруа-Гурана (СА, 1976, № 3).

[7] Стоянки Маслова Болота далее именуются МБ — I, II и т. д.



11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1
0°
а
б
в
г
д
а₁
Белый Выгоревший песок
А°-306°
С
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26

Рис. 1. План расположения находок на стоянке Луково озеро I: *1* — очаги; *2* — границы распространения песчаных подсыпок; *3* — провалы прогоревшего подстилающего торфа; *4* — яма в материке и глинистый выброс; *5* — шлифовальные плиты; *6* — камни; *7* — угольки; *8* — обрывки бересты в песчаных подсыпках очагов; *9* — деревянные плахи в очагах; *10* — обломки кальцинированных косточек; *11* — фрагменты керамики; *12* — мотыга; *13* — отщеп с ретушью; *14* — наконечник стрелы; *15* — заготовка наконечника стрелы; *16* — наконечник копья; *17* — заготовка наконечника копья; *18* — скребок; *19* — нуклеус; *20* — нож; *21* — резец; *22* — заготовка рубящего орудия; *23* — отбойник; *24* — ножевидная пластина; *25* — штамп для керамики; *26* — проколка

Сарнате [8], тоже залегающей на торфе. Видимо, это обычный прием сооружения очагов на торфе, предохранявший его от возгорания. (Однако слой бересты оказался и в очаге на суходольной стоянке МБ V). Остальные очаги гораздо меньше и не содержали такого количества керамики. Очаг № 2 в кв. 8 Г овальной формы 1×0,6 м. Под ним тоже было чашеобразное углубление в торфе до 9 *см* глубиной, перекрытое песчаной насыпью; торф ококсован. Третий очаг — на границе квадратов 9 Г и 9 Д, размером 1,6×1 *м*, почти без западины в торфе. В песке прослеживалась обугленная плашка 20×10 *см*. У обоих очагов около 120 фрагментов керамики от разных сосудов. Четвертый (кв. 9 В) и пятый (кв. 6 В) очаги сильно разрушены. От них остались фрагменты песчаных подсыпок и окружавшие их развалы сосудов.

В коллекции Лукова озера I около 4 тыс. фрагментов керамики от 104 сосудов и 5,5 тыс. кремней [9]. Из цельного комплекса выпадают четыре фрагмента керамики верхневолжской культуры с гребенчато-наколчатым орнаментом. Ни о каком сосуществовании с льяловской керамикой здесь речи быть не может — единичные мелкие черепки могли попасть с соседней части суходола вместе с песком для очажных подушек. Сложнее вопрос с кремнем микролитического характера — его довольно много (рис. 3, *35—47*): двухплощадочный нуклеус, резец из остатка призматического нуклеуса, три концевых скребка на тонких правильных пластинах (один из них оформлен на ударном бугорке, другой двойной), обломок ножа с крутой ретушью по брюшку, скребок со сверлом из обломка массивной пластины, сколотой с того же куска, что и предыдущее орудие (рис. 3, *39, 47*),— скребущее лезвие тоже на ударной площадке, сверло из пластинки (рис. 3, *36*), резцы с очень маленькими сколами, пластинки с ретушью и следами работы — 3 экз. и 12 пластин без ретуши — всего 25 предметов. Возможно, этот кремень, как и ранняя керамика, попал сюда с суходола.

Сложнее объяснить весьма большое количество пластин по сравнению с керамикой. На других стоянках Маслова Болота, даже с обильной ранненеолитической керамикой, как МБ V, или с четкими скоплениями ее, как на МБ VII, пластин почти нет. Достаточно многочисленны они только на высоких суходольных стоянках МБ VIII и МБ VI, видимо, самых ранних в группе. Следовательно, и суходол, откуда брали песок жители Лукова I, был занят одной из самых ранних стоянок.

Поскольку весь кремень сильно обожжен, он изменил цвет, стал трещиноватым и в значительной мере утратил кристалличность, очень характерную для местного грубого кремня. Можно отметить присутствие желтого московского кремня и лилового старицкого, характерных для морен клинско-дмитровской гряды; черного и пестрого окского из коренных месторождений. Громадное число заготовок, множество отщепов, порой весьма крупных, говорит о достаточной обеспеченности кремнем.

[8] *Ванкина Л. В.* Торфяниковое поселение Сарнате.— Рига, 1970. Такие же очаги есть в Языкове I, раскопки 1977 г.

[9] Точное определение количества кремней затруднительно, так как они сильно растрескались от огня, вероятно, свыше трети — тепловые осколки.

Рис. 2. Расположение керамики в очаге № 1

Фрагментарность отщепов (их свыше 1500, до 2000 чешуек, более 1600 осколков) затрудняет описание кремневой техники. Очевидно, для отщепов не применялось оформление нуклеусов. В коллекции нет нуклеусов для снятия отщепов (единственный нуклеус для пластин отмечен выше), если не считать грубо и беспорядочно оббитые куски кремневых плиток — 6 экз. Отщепы для изготовления орудий получались попутно при изготовлении крупных двусторонне обработанных изделий — копий и тесел. Всего здесь собрано до 320 заготовок и их обломков. Все они из местного кремня. Оббивка желваков весьма грубая. Нередко стрелы тоже делались из желваков, но значительно количество стрел из отщепов, при этом в нескольких случаях уже первый слой ретуши чистовой — тонкие плоские фасетки. Крупные заготовки, и особенно почти законченные, несут негативы плоских пластинчатых сколов, направленных наискось к оси изделия. Такие отщепы употреблялись для изготовления орудий.

Около 270 отщепов имеют следы кратковременного использования в качестве режущих орудий, начатой грубой ретуши, реже — следы скобления. Обилие кремня позволяло для небольших работ обходиться без специальных орудий, используя любые подручные отщепы.

Наиболее тщательно обработано оружие: 5 целых копий и дротиков (11 обломков), 13 стрел (20 обломков). Типы их довольно разнообразны, преобладают наконечники с хорошо выраженным черешком. Очень часто конец черешка специально затуплен. Это позволяет определить насад у наконечников тех типов, где он не выражен: листовидных, ромбических, ложноромбических. Иногда оказывается при миндалевидной форме, что более широкий конец стрелы был боевым (рис. 3, *11*). Боевые концы не бывают затуплены, наоборот, в некоторых случаях они подправлены пильчатой ретушью (рис. 3, *2, 10, 15, 18*). Следует отметить довольно частое использование стрел и дротиков с неполной ретушью одного из боков: плоские отщепы не всегда нуждались в сплошной обработке (рис. 3, *6—8, 10*). Самые мелкие стрелы — до 1,5 *см*, известные на других льяловских памятниках, здесь найдены только в форме заготовок (рис. 3, *22*). Самая крупная стрела — 8,5 *см* — из прозрачного халцедона, очень правильная, листовидная, тонкая, с тончайшей плоской ретушью

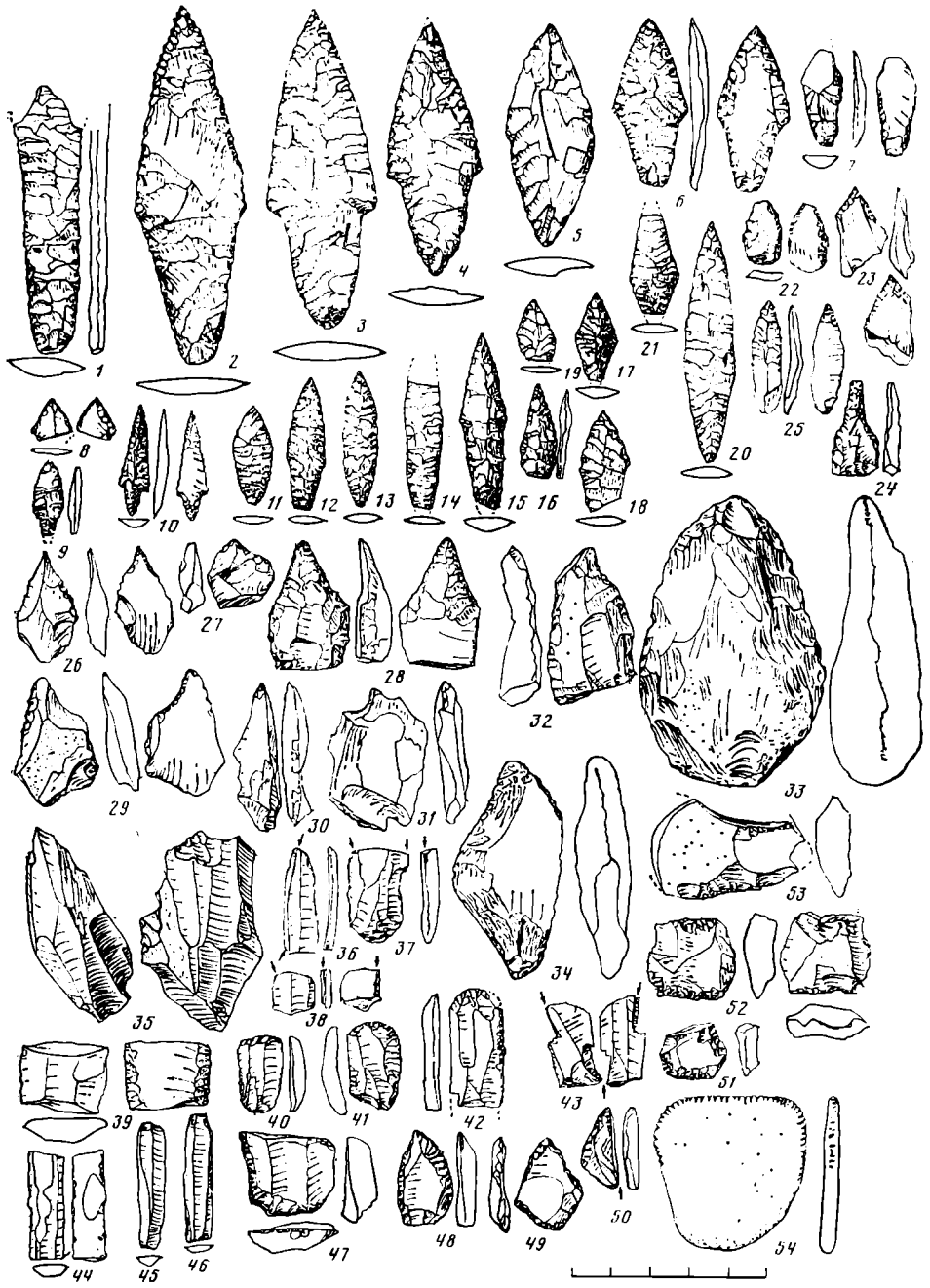


Рис. 3. Кремневые орудия: *1—5* — наконечники копий и дротиков; *6—22* — наконечники стрел; *23—32*, *34* — проколки и сверла; *33* — мотыжка; *35—47* — микролитоидный комплекс; *51—53* — pièces écaliées; *54* — штамп для керамики из сланцевой гальки

(рис. 3, *20*). Большинство стрел тоже довольно крупные — 3—6 *см*. По форме они ромбические, ложноромбические с переломом ближе к одному из концов (чаще к боевому), листовидно-черешковые — с листовидным пером и треугольным насадом, иногда сужающимся до настоящего черешка (рис. 3, *9*) и листовидные (рис. 3, *11, 13*). Интересна треугольно-черешковая стрела с четким треугольным пером и коротким черешком, отделанным шипами; боевой конец обработан пильчатой ретушью (рис. 3, *10*). Можно было бы предположить, что она случайно попала в комплекс с более позднего памятника, но такие же наконечники есть и

на другой чистой льяловской стоянке — МБ VII. Разнообразие типов стрел и копий не позволяет их использовать как датирующий материал.

Весьма разнообразны сверла и проколки (рис. 3, *23—31, 50*) — 31 шт. Чаще всего это острые концы отщепов, подправленные одним рядом довольно крутой ретуши (рис. 3, *25, 28—30*), иногда это скобели, соединенные с массивным, сильно затупленным сверлом, или скребки случайной формы (из заготовки). Более выразительные сверла единичны: длинная плечиковая проколка с грубой двусторонней ретушью (рис. 3, *24*), узкое острие из пластинчатого отщепа (рис. 3, *25*), резцовый отщеп, по форме приближающийся к волосовским стержневидным сверлам (рис. 3, *50*), и острие, весьма похожее на черешок копья (рис. 3, *28*). Сработанность острия очень слабая, хотя ретушь правильная, плоская, лезвия затуплены всего на 8 *мм*, зато сильно затуплены и заполированы бока массивной части. Назначение этого орудия не вполне ясно.

Заметная черта техники обработки камня стоянки Луково озеро I — использование массивных заготовок в качестве сверл и проверток. Сильная стертость наблюдается на 25 орудиях (рис. 3, *32—34*). В некоторых случаях сверлились очень крупные отверстия — до 40 *мм*, но чаще стерты только верхушки — 10—15 *мм*, ни разу не отмечено использование стрел и копий в качестве сверл (если не истолковывать так стертость насадов, края которых, видимо, затупливались специально, чтобы они не рвали оплетку, прикрепляющую наконечник к древку).

Весьма редким для неолита орудием является piéces écaliées — долотовидные куски — их 8 штук. Функционально — это зубила. Они предназначены для раскалывания дерева, кости. Обычно массивный бок отщепа не приобретает чешуйчатой подтески, а только смятость, но на более тонком образуется вполне типичная для этих орудий ямка (рис. 3, *51—53*). Эта категория, хорошо известная в палеолите, не привлекает внимания исследователей неолитической техники, хотя в ряде мест (Прикамье [10]) piéces écaliées составляют большие серии. В нашем неолите они пока единичны.

Резцы довольно многочисленны — 94 шт. и около 37 резцовых отщепов (три резца отнесены к микролитической технике). Делались они из заготовок копий, их обломков, аморфных осколков, обломков орудий, заготовок и просто изношенных скребков и ножей. Сами резцы нередко использовались как скобели. К нуклевидным могут быть отнесены 13 орудий. Они невелики и массивны, имеют по несколько резцовых углов, оформленных чаще всего серией сколов. Резцовый скол обычно срединного типа — площадкой одному служит фас другого. Грани сильно выкрошены (рис. 4, *2—7*). От них мало отличаются массивные угловые резцы (37 шт.) — рис. 4, *8—16* — они тоже часто имеют по несколько резцовых сколов на одном фасе (15 шт.), но срединная форма редка (8 шт.). Три резца сделаны из скребков.

Резцов из плоских правильных отщепов 32, из них только шесть имеют срединные сколы, ширина их 1,5—2,5 *мм*. Повторные сколы очень редко ложаться рядом на один фас (рис. 4, *17—22*). При дальнейшем скалывании такой резец переходит в тип массивных. У двух ретушированной выемкой удалены заломы у конца резцового скола. Возможно, таким методом пытались обновить резец. Один резец сделан из ножа (рис. 4, *20*), 12 резцов могут быть отнесены к особому типу — с тонким резцовым сколом, где ширина скола менее 1 *мм* (рис. 4, *23, 24*). Чаще всего скол очень короткий — 5—7 *мм*. Здесь трудно решить, возобновлялись ли они или повторные сколы — результат работы ими. Есть один комбинированный резец из углового и срединного типов. Следует отметить отсутствие очень крупных резцов, невыраженность типа плоских

[10] Особенно много их на Хуторской стоянке (коллекция Пермского ун-та).

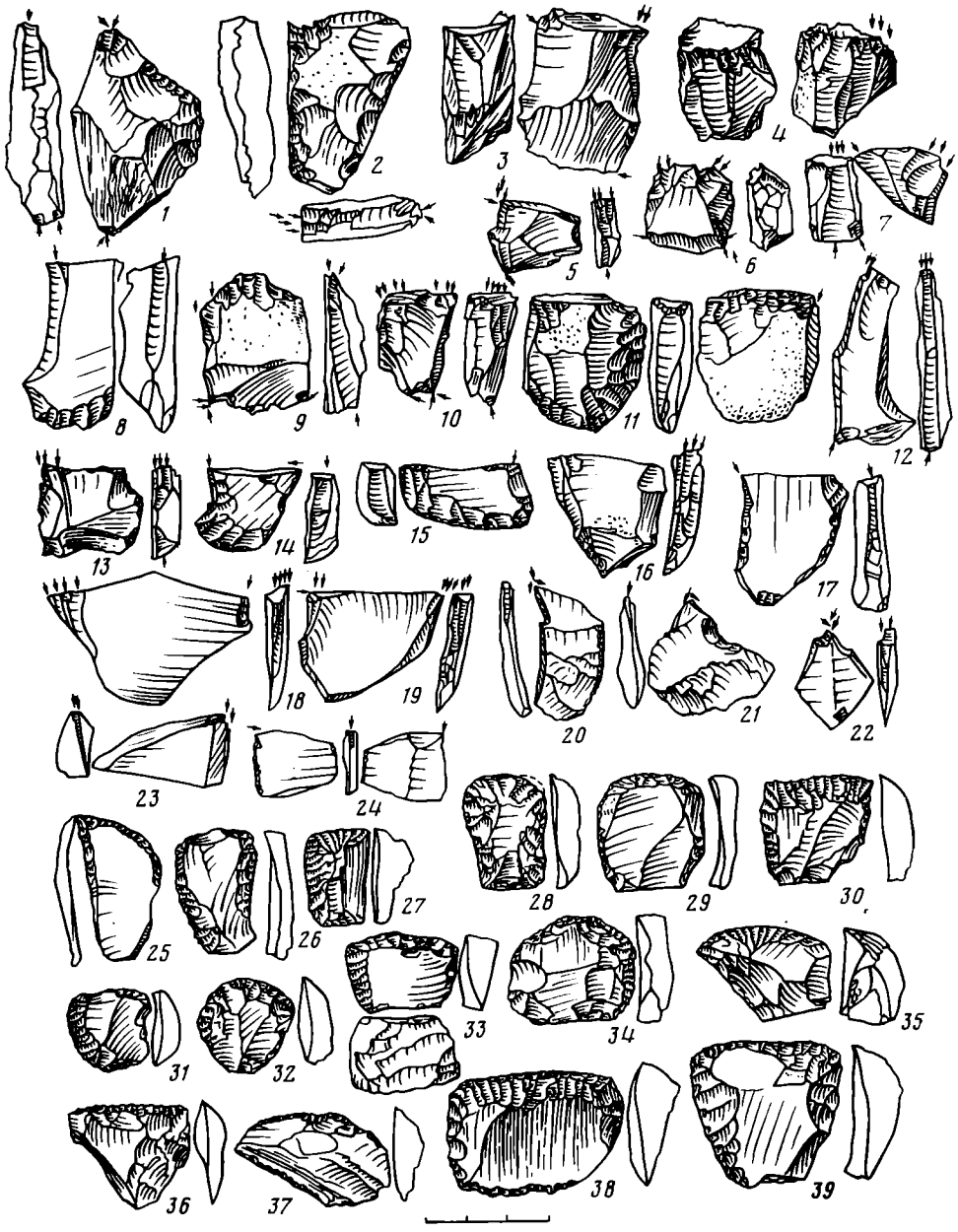


Рис. 4. Кремневые орудия: *1—24* — резцы; *25—39* — скребки

резцов, практически полное отсутствие площадок, образованных ретушью, довольно малое количество срединных форм.

Скребки и скобели — наиболее многочисленная категория орудий — их 141 целых и 22 обломка (кроме того, три переделаны в резцы, четыре отнесены к микролитическому комплексу). В основном это небольшие орудия с одним лезвием. Ширина лезвия редко приближается к 3 *см*, лишь единичные (6 шт.) имеют лезвия 4—5 *см*, одно скребло имеет ширину лезвия 6 *см*. Нет и очень мелких — с лезвием менее 1,5 *см*.

К концевым скребкам можно отнести пять орудий, три из них крупных (рис. 5, *13*) и один узкий отщеп случайной формы. У него очень сильно заполированы бока, но концевое лезвие острое — результат подправки. Скребки делались из правильных плоских пластинчатых отщепов, тонкие лезвия имеют характерную ровную, но довольно крутую ретушь.

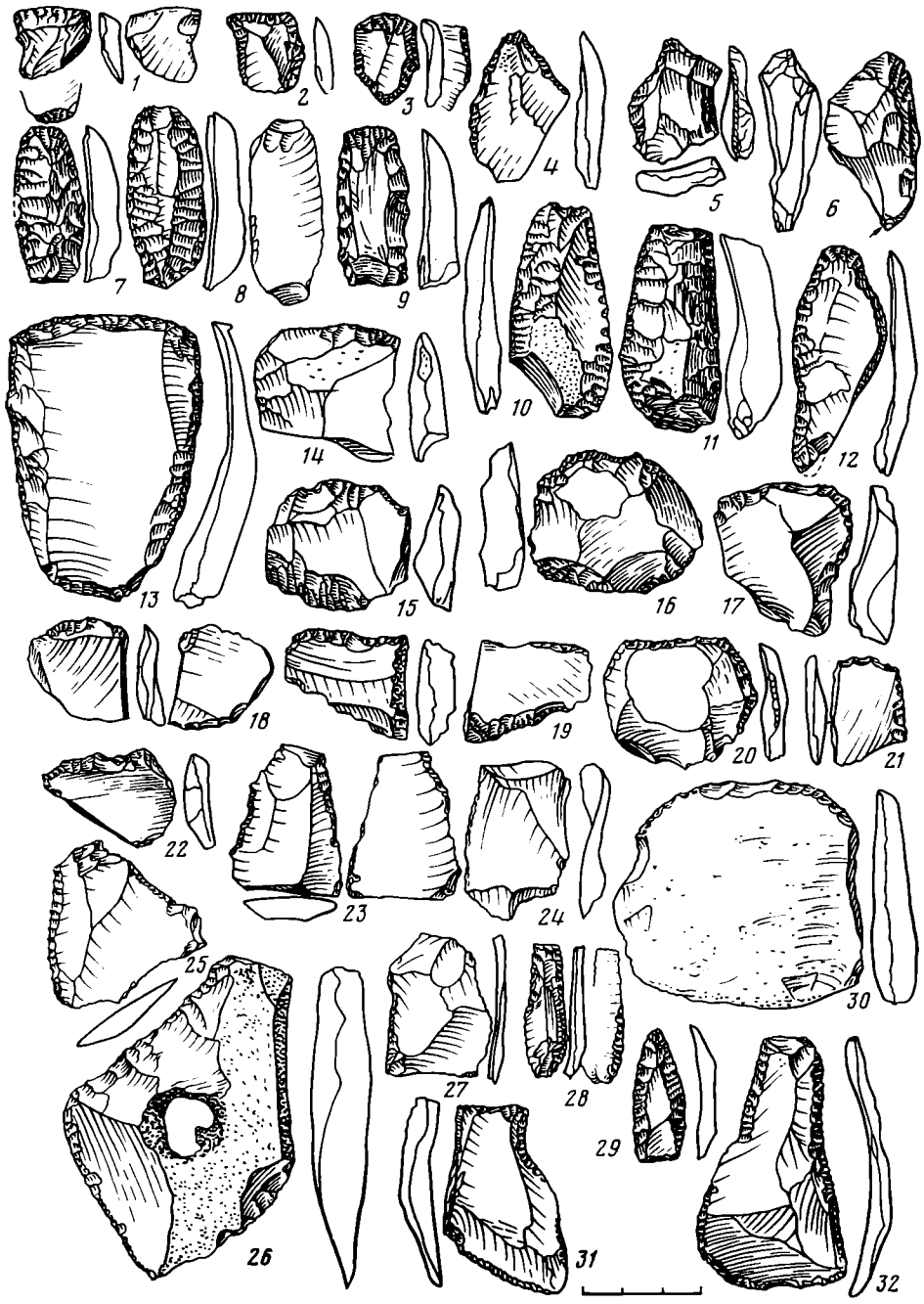


Рис. 5. Скребки и скобели

Трапециевидные скребки — промежуточная форма между короткими многосторонними и концевыми (15 шт.), углы у лезвия выражены более чем у половины, у остальных округлены (рис. 4, *26—30*). Ширина лезвия 1,5—2,5 *см*, длина орудия 2—3 *см*, преобладает пологая ретушь. К типу коротких скребков могут быть отнесены 25 орудий. Лезвие самого большого орудия не превышает 4 *см* (рис. 4, *39*), преобладают мелкие, но правильные. Случайных, аморфных, очень круто сработанных орудий мало. Единственный скребок имеет боковую подтеску брюшка, столь характерную для скребков этого типа на стоянках Святого озера (рис. 4, *33*) [11]. Наиболее массивные обработаны узкой струйчатой ре-

[11] *Сидоров В. В.* Стоянки на озере Святом у г. Шатуры.— СА, 1975, № 3, с. 114, рис. 4, *19*, *21*, *24*.

тушью. Очень редко применяются для скребков этого типа тонкие отщепы.

Боковые скребки (8 шт.) отличаются большей длиной лезвия и расположением его по продольному краю (часто по двум) удлиненных отщепов (рис. 4, *36—38*). Среди них многие имеют выемки от скобления, ретушь обычно неровная. Только один скребок выделяется волосовской ретушью, правильной прямоугольной формой (рис. 4, *38*). Ясные следы использования их в качестве скребков имеют 18 отщепов и чешуек, но типологически они аморфны. Не более выразительны сильно сработанные скребки (4 шт.) из обломков заготовок (рис. 5, *14*). На многих заготовках есть участки круто, односторонне стертые, но без специального исследования затруднительно решить, связано ли это с использованием их для работы. 10 заготовок скребков из массивных отщепов имеют довольно крутую ретушь без следов употребления. 24 осколка скребков типологически не могут быть определены.

Скобелей в коллекции — 20 (рис. 5, *15—22*). В основном они многовыямчатые, выемки мелкие, неровные, возникли при скоблении небольших предметов, возможно, при долгом употреблении скребков без подправки, но есть особый тип скобелей — зубчатые (рис. 5, *21*).

К скребкам сложной формы можно отнести только 11 комбинированных, сочетающих узкие носики (функционально — узконосые скребки) с обычными скребковыми лезвиями (рис. 5, *1—6*). Все они индивидуальны и не образуют серий на одном памятнике, но точно такие же известны на других льяловских стоянках.

Скребки-струги — особая категория орудий. Они делались из крупных и массивных отщепов, ровная струйчатая ретушь обычно полностью покрывает их бока (рис. 5, *7, 8*). Заполированность сильная как спинки, так и брюшка, но лезвия острые. У большинства орудий заметна подтеска конца с брюшка. Иногда один из концов переходит в концевой скребок, но сработанность его невелика. Главное у этих орудий — боковые лезвия. Всего на нашей стоянке их 20 (считая семь обломков, которые легко определяются). Данный тип очень характерен для льяловской культуры, особенно выразительны они на стоянках Святое озеро I и II.

Ножей, специально оформленных ретушью,— 61 и 14 обломков (рис. 6, *1—10*). К ним примыкает около 70 отщепов с ясными следами использования их в качестве ножей. Использовались они недолго и не приобрели типологически ясных очертаний. Они небольших размеров — 3,5—4,5 *см* длиной — и довольно узкие — не более 2,5 *см* (36 экз.), некоторые массивны (5 экз.). Широких плоских — длиной до 6 *см* при ширине свыше 3 *см* — 12 экз., мелких отщепов — 3—3,5 *см* — еще меньше. Очевидно, необходимости в полной утилизации кремня не было. Собственно ножи не очень разнообразны, почти все они делались на плоских пластинчатых отщепах с минимальной обработкой. Очень редко лезвия бывают вогнутыми (4 экз.) — это особенность техники волосовской культуры. У 36 экз. (в том числе 17 обломков) ретушь не полная и довольно крутая. Только 20 ножей имеют плоско ретушированные длинные лезвия, ретушированы обычно один край. Концы их не обработаны. Размеры ножей невелики — от 3,5 до 7 *см* длиной, преобладают длиной около 5 *см*. У трех ножей из трапециевидных отщепов имеется выемка скобеля. Несколько обособлены только два остроконечных небольших ножа, двусторонне обработанных ножей нет.

Рубящих орудий на стоянке найдено 8 и около 27 отщепов от шлифованных орудий (из них 5 кремневых): узкий топорик, линзовидный в сечении (рис. 6, *14*), с пришлифованным лезвием; заготовка крупного тесла с начатой шлифовкой спинки (рис. 6, *19*); два орудия не имеют шлифовки — небольшое тесло, обработанное плоской ретушью, очень напоминающее волосовские трапециевидные скребки (рис. 6, *11*), и тесло

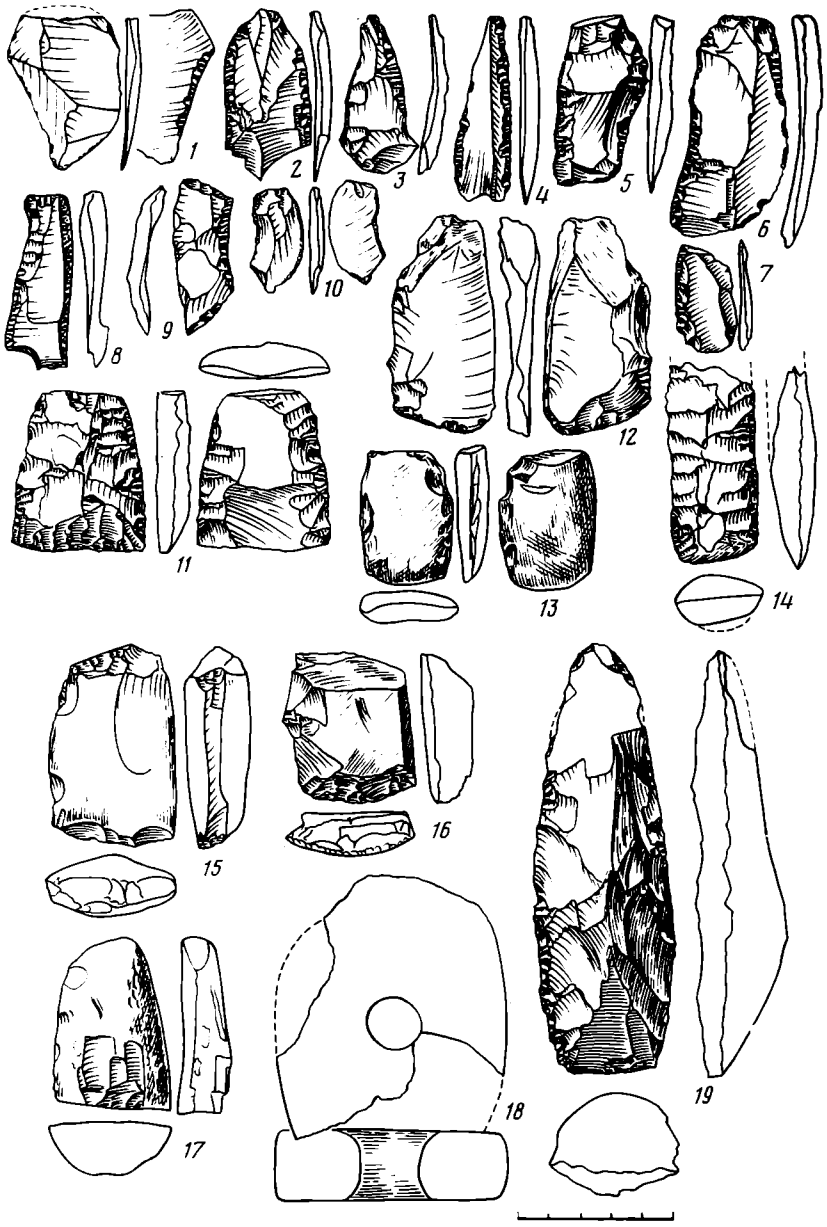


Рис. 6. Кремневые орудия: *1—10* — ножи; *11—17*, *19* — рубящие орудия; *18* — сланцевая мотыга

менее правильной формы, довольно грубо оббитое, но с явными следами работы (рис. 6, *12*). Одно желобчатое тесло из слабо окремнелого известняка (рис. 6, *15*) не отличается от волосовских, оно сильно сработано и подправлялось ретушью. На обломке плоско-выпуклого в сечении тесла из того же материала видны следы подправки (рис. 6, *17*). Два обломка тесел из мягкого сланца имели прямо обрезанные боковые грани (рис. 6, *16*). Небольшое тесло из известняка не имеет желобка, но лезвие дуговидное, так как плоский срез брюшка пересекает выпуклую сторону (рис. 6, *13*).

В целом, для рубящих орудий характерно разнообразие форм и сильная сработанность. Но есть и общие технологические черты: плоско-выпуклое сечение, прямо сточенные бока у орудий из мягкого камня.

Сланцевая мотыга (рис. 6, *18*) сильно растрескалась в огне, но удается восстановить затупленный обушок и примерно две трети всего ору-

дия. Если конец ее острый, как у мотыг с МБ VII, то размеры ее достигали 13×7,5×2,3 *см*, диаметр сверлины 1,7 см, сечение прямоугольное. Известно уже пять стоянок, где в льяловском комплексе найдены сверленые мотыги (Святое озеро I, МБ VII, Луково озеро I и III, Воймежная I).

В коллекции имеется и небольшая кремневая мотыжка (рис. 3, *33*). В отличие от сланцевой она обработана двусторонней оббивкой и не имеет сверлины, на ее краях и плоскостях имеются линейные следы, заметные даже невооруженным глазом, направленные преимущественно параллельно длинной оси орудия.

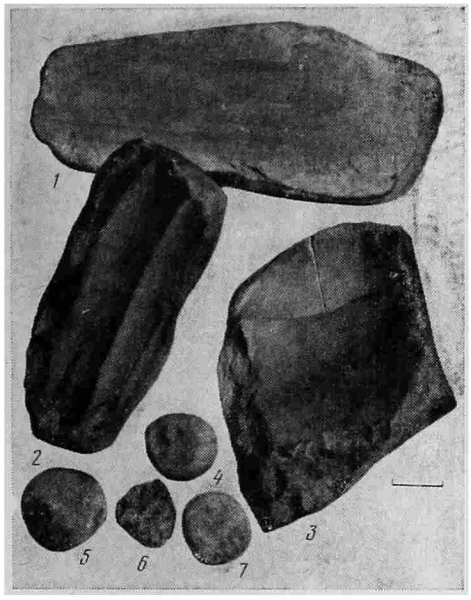


Рис. 7. Шлифовальные плиты *1—3*; куранты — *4—7*

Среди шлифовальных плит и мелких шлифовальников обращают на себя внимание две больших плиты. Одна была найдена у южной стенки жилища, вторая — у очага за жилищем. Это крупные блоки розового кварцитового песчаника с четкими желобчатыми дугами сработанности. Размеры их 42×18×11 и 29×16×12 *см* (рис. 7, *1*, *2*). Третья целая плита плоская, округлая, немного меньшего размера (35×21×4 см), сработана по всей поверхности, но больше всего в центральных частях больших плоскостей (рис. 7, *3*).

Кроме того, найдено четыре округлых куранта из галек зернистых пород диаметром 7—8 *см*. Один из них служил и отбойником, и упором для сверла (рис. 7, *4*); следы такого использования имеются и на двух кварцитовых обломках с двусторонней оббивкой и пришлифовкой. Диаметр углубления на них до 2,5 *см*, глубина его до 1 *см*.

Отбойники представлены кварцитовыми и гранитными округлыми гальками размером 6—9 *см* (14 экз.) с одним-двумя забитыми участками и тремя ретушерами из мелких галек (до 3 *см*).

Керамика, найденная в жилище, многочисленна и очень однородна. Удается выделить до 104 сосудов [12]: 92 по венчикам, остальные по другим выразительным деталям. Как мы уже отмечали, около половины всей керамики было сосредоточено у первого очага. Здесь были и достаточно полные развалы, из которых удалось собрать сосуды, так, полностью реставрированы три из них — рис. 8, *13—15*.

Преобладают довольно крупные сосуды — диаметр 22—32 *см* (они составляют 50%), причем чаще встречаются с диаметром около 24—26 *см*. Для более поздней стоянки МБ VII такой пик сдвинут к 28—37 *см*. Кроме того, на нашей стоянке можно выделить 12% больших сосудов — более 32 *см* диаметром, 28% малых — 15—20 *см* и 10% миниатюрных — 7—14 *см*. Интересно, что среди малых и миниатюрных много открытых конусовидных сосудов. Форма большинства сосудов яйцевидная, с плавным переходом от почти прямого венчика к острому дну. Легкий прогиб в верхней трети выражен слабо. Сосуды лепились ленточным способом как из чистой глины (небольшое количество песка, вероятнее всего, естественная примесь) — их довольно много — 25%, так и с добавкой мелко толченой дресвы и песка. Стенки умеренно толстые — 5—8 *мм* (преобладают 6—7 *мм*), внутренняя поверхность почти у половины сосудов обра-

[12] Более полно керамика будет описана в специальной работе, здесь мы даем лишь предварительное описание.

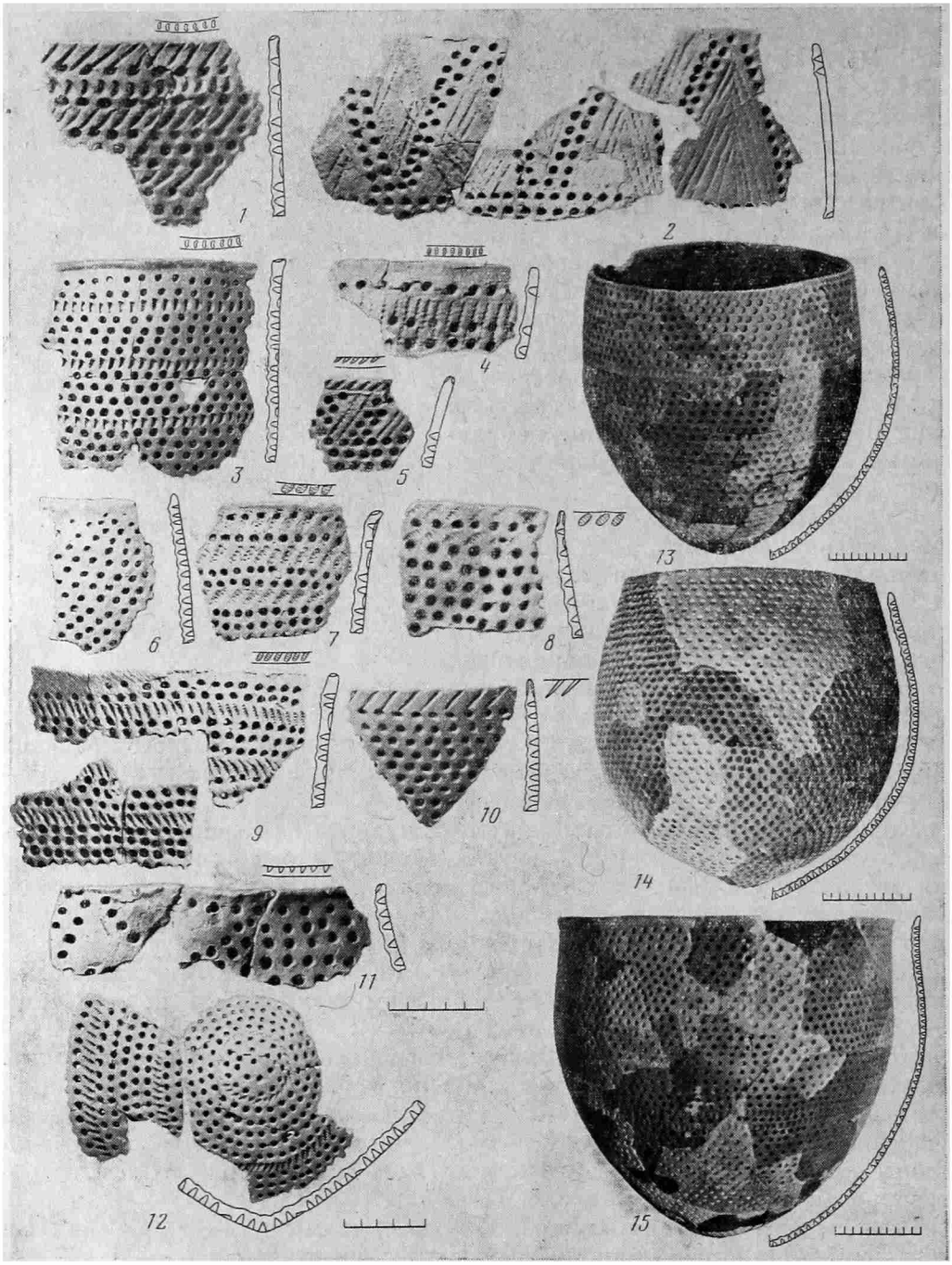


Рис. 8. Керамика стоянки Луково озеро I

ботана зубчатым штампом, местами сглаженным. Относительно часто расчесывалась и наружняя поверхность.

Следует отметить, что на многих фрагментах керамики имеются следы «шитья» сосудов, шитыми являются и реставрированные нами сосуды. Отверстия для сшивания делались путем сквозного пробивания (а не рассверливания) ямочных вдавлений и располагаются, как правило, парами на сшиваемых фрагментах (рис. 9). Из-за того что отверстия пробиты, их легко принять за результат естественной порчи материала.

Края венчиков у сосудов оформлены довольно однообразно: округленный (38 экз.) прямо срезанный (32 экз.) и со срезанным внутренним

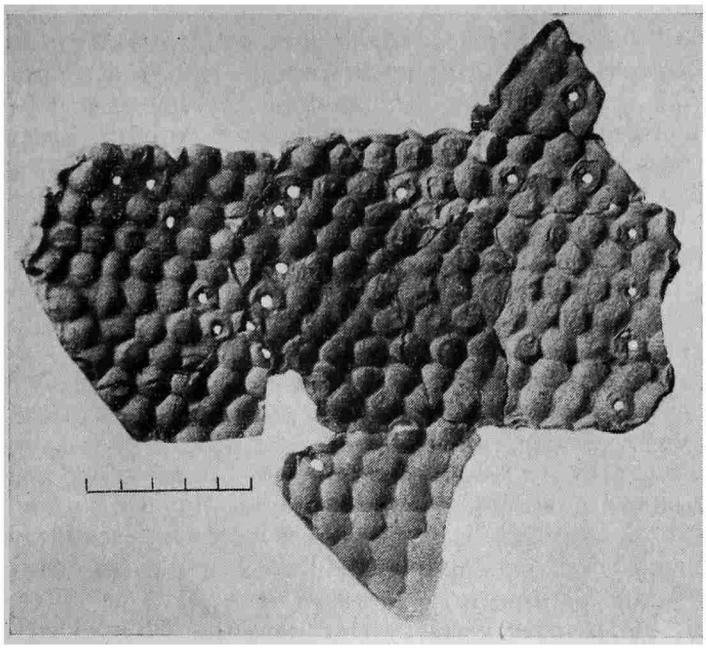


Рис. 9. Следы шитья сосудов на фрагментах керамики

краем (15 экз.). Остальные — утоньшенный, косо срезанный внутрь, утолщенный, утоньшенный с наплывом внутри, отогнутый — единичны. Довольно однообразно располагается и орнамент на венчике. Чаще всего он бывает на фасаде — на лицевой стороне и по верхнему обрезу (33 экз.) или только по одной стороне — по верхнему обрезу (21 экз), или по фасу (8 экз.). Единственный сосуд имеет три орнаментированные грани венчика. На многих фрагментах ямочное заполнение поля начинается почти от края сосуда. Преобладает простой орнамент — сплошное заполнение всей поверхности ямками — до 40% (рис. 8, *10, 13—15*). Характерно, что среди них нет очень густого заполнения поля — обычно расстояние между ямками превышает их диаметр. Встречается как строчное, так и шахматное расположение ямок. Численно им немного уступают (39%) сосуды, орнаментированные поясками штампа по тулову, разделенными 2—8 рядами ямок (рис. 8, *1, 3, 7, 9, 12*), причем частое повторение — через 2—3 ряда — встречается редко. Очень редко (три сосуда) гребенчатый штамп в верхнем поясе орнамента заполняет просветы между ямок (рис. 8, *4*). Выделение особого верхнего орнаментального пояса отмечено у 15 сосудов.

Несмотря на такую сдержанность орнаментов, среди сотни сосудов нашлось семь, которые можно отнести к геометрическому стилю; особенно выразителен большой тонкостенный сосуд, украшенный по верху поясом из ромбов и треугольников, заполненных тонким гребенчатым штампом (рис. 8, *2*). В средней части этого сосуда также есть треугольники и пояски из мелкого полулунного штампа. Это самый нарядный сосуд на поселении. Два других имеют под венчиком поясок из парных наклонных линий, поставленных на ямочном фоне. Есть сосуды с треугольниками под обрезом верхнего края (рис. 8, *11*). Следует отметить фрагмент небольшого сосуда, рисунок которого составляет вертикальный зигзаг, выполненный рядами ямок. Довольно много (10) сосудов, украшенных поясками, чаще двойными, горизонтально поставленного гребенчатого штампа.

Фон орнамента всех сосудов заполнен белемнитными ямками, размер которых пропорционален размерам сосуда и толщине его стенок. Штампы не очень разнообразны. В двух случаях ямки нанесены наискось, что характерно для рязанской группы памятников. В трех случаях ямки

сами образуют рисунок. Ни затупленного, ни сломанного вдоль белемнита на данной стоянке не применяли (кроме одного случая, когда поясок образуют ямки плоскодонные, выполненные сломанным поперек белемнитом). Довольно редок рисунок, выполненный гладкими просветами, не заполненными ямками.

Основной штамп довольно короткий (0,5—2 *см*), прямозубчатый, прослежен на 54 сосудах. Маленькие штампы — 3—4 зубчика, длиной 0,5—0,8 *см* и широкие — шириной свыше 0,5 *см* — употреблялись редко. Широкие — это чаще просто смазанные обычные штампы. Только один раз встречен гладкий штамп.

Один из штампов найден на стоянке. Он представлял собой плоскую подтрапециевидную гальку 5×5×0,6 *см* с нарезанными зубцами по трем сторонам (рис. 3, *54*). Реже применялся полулунный штамп, представляющий собой оттиск тыльного конца белемнита (17 сосудов — рис. 8, *1. 3*), в двух случаях он также нарезан зубчиками. Довольно часто такой штамп сочетается с гребенчатым. Никакие другие комбинации, кроме узкий — широкий (смазанный) штамп, вообще не встречаются.

Среди прочих естественных штампов надо отметить единственный случай употребления аммонита, а также какого-то ископаемого коралла (точно такой же штамп встречен на керамике Луково III, МБ VII и Языково I). На одном сосуде использован парнозубчатый штамп, характерный для валдайской и ранней льяловской керамики. На Масловом Болоте он почти не встречается. Единственный памятник, где его много — МБ VIII — дает керамику значительно более древнего типа. Есть он и на Бисеровской-Северной [13]. Как было установлено [14], эти парнозубчатые отпечатки были выполнены искусственно сдвоенными пальцевыми фалангами некрупного пальцеходящего млекопитающего (хищника?).

Замена гребенчатого штампа перевитым шнуром считается показателем позднего возраста ямочно-гребенчатой керамики. Здесь он имеется на трех сосудах (рис. 8, *7*), причем в орнаменте, который мы считаем более древним, часто повторение поясов штампа. Этот орнамент также характерен для МБ VIII и есть только на двух сосудах более поздней стоянки — МБ VII.

В целом комплекс весьма однороден. Его трудно пока сопоставлять с другими комплексами льяловской культуры, поскольку среди них очень мало действительно чистых, относящихся к одному этапу. Среди льяловских стоянок Маслова Болота можно выделить две значительно различающихся хронологических группы. К более древней относятся МБ VIII, V, нижний слой МБ II. Ко второй группе — МБ II (верхний слой), VII, XI, XII, Луково I и III, частично — МБ I и V. Их объединяет господство ямочного орнамента, почти полное отсутствие косого гребенчатого штампа, довольно широкое распространение пояска треугольников, парных диагоналей, елочного рисунка, выполненного ямками; постепенное округление дна, формирование прогиба стенок и раздутых боков — усложнение формы, мелкие примеси в тесте сосуда и тонкостенность, нарастание густоты ямочного орнамента. На поздней стадии появляется редкоямочная орнаментация и изредка встречается белёвская ромбоямочная посуда. Среди памятников второй группы Луково I — самый ранний, но облик льяловской керамики здесь вполне сложившийся.

Эта керамика довольно близка к материалу зареченской группы, исследовавшейся Е. И. Диковым и В. М. Раушенбах [15]. Практически она

[13] *Фосс М. Е.* Неолитическая стоянка Бисерово озеро.— КСИИМК, № 75, 1959.

[14] Определение выполнено старшим научным сотрудником кафедры зоологии позвоночных МГУ С. П. Масловым.

[15] *Диков Е. И.* Отчет о раскопках за 1966 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3304; 1967 г., р-1, 3471; 1968 г., р-1, 3763; 1969 г., р-1, 3912, 1970 г., р-1, 4322; *Диков Е. И., Раушенбах В. М.* Исследования памятников неолита и бронзы в Московской и Владимирской областях.— АО — 1970. М., 1971, с. 53—55.

тождественна бисеровской группе, причем Бисерово-Северная (раскопки М. Е. Фосс [16]), по-видимому, более древняя, ближе к I группе, а Восточная (сборы Л. И. Пимакина [17]) — ко второй. Об этом же свидетельствует и более низкое расположение Бисерово-Восточной. М. Е. Фосс считала, что именно высокое расположение Северной говорит о позднем возрасте, и подкрепляла это находками здесь керамики «лесостепного типа», ошибочно отнесенной ею к позднему неолиту. С этой керамикой и следовало бы связывать ножевидные пластины, так как они в основном были найдены на верхнем раскопе. Сейчас такая керамика с полным основанием может быть отнесена к верхневолжской культуре.

Масловско-бисеровскую группу окружают территории, где льяловские памятники известны, но большинство их представлено небольшими коллекциями или недостаточно полно опубликовано. Среди них — Б. Буньковская стоянка [18], далее — группа Шернинских и Павлово-Посадских, (Заречье I—III, Буяне и др.) [19], в состав весьма пестрых коллекций входит и комплекс, аналогичный Луково I. Небольшие, но выразительные коллекции получены на озерах группы Сеньга—Богдарня—Лопачи II, Сеньга II [20]. Среди стоянок Святого озера у г. Шатуры ближе всех Ушма I, но на Святом озере I и II преобладает материал с рязанскими элементами, более поздний. Комплекс, подобный нашему, И. К. Цветкова относит к I этапу рязанской культуры [21]. На западе близок к луковскому материал Льяловской стоянки, но на Мышецкой преобладает более ранний материал [22]. Имеется соответствующий пласт и на стоянке Николо-Перевоз I [23] и на Тростенском озере — Никольская II, Тростенская I, Куба и др. [24]. В Языкове I ему соответствует II льяловский слой [25]. Что касается более удаленных территорий, то ближе всего к Луково I комплексы Малого Окулова [26] и Саконовской [27]. Все это может быть объединено в хронологический пласт развитой льяловской культуры. Значительно менее заметны локальные особенности, прежде всего потому, что для их выявления пока нет достаточного материала в соседних группах. Предварительно может быть очерчена компактная территория, однородная по природным условиям и характеру материала,— Западная Мещера. Сюда войдут: 1 — группа озер бассейна р. Пехорки; 2 — Масловско-Бисеровская система; 3 — бассейн р. Шерны, возможно, с торфяником Буреломка; 4 — группа малых озер на торфянике западнее г. Электрогорска; 5 — озера долины Клязьмы у р. Сеньга. Кроме того, ориентировочно намечены группы на Дрезнинских торфяниках, в верховьях Нерской, у г. Егорьевска, на обширных торфяниках юго-восточнее г. Орехово-Зуево. Допустимо включение сюда Шатурского Святого озера и бассейна р. Ушмы, но только на раннем этапе. В общей сложности здесь может быть до 12 групп поселений. Это могло быть довольно крупное племя, численность которого могла достигать 600—800 человек. Бо́льшая концентрация лья-

[16] *Фосс М. Е.* Ук. соч., с. 26—39.

[17] Большая часть сборов хранится в Московском областном краеведческом музее г. Истра, остальное в Ногинском краеведческом музее.

[18] *Раушенбах В. М.* Неолитические стоянки Верхней Клязьмы.— Тр. ГИМ, вып. 22, 1952.

[19] *Диков Е. И.* Ук. отчеты.

[20] *Сидоров В. В.* Разведка на заклязьминских озерах.— АО — 1974. М., 1975, с. 78.

[21] *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры.— Тр. ГИМ, вып. 44, 1970, с. 100—104.

[22] *Сидоров В. В.* Отчет о раскопках за 1971 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4547.

[23] *Раушенбах В. М.* Неолитические племена бассейнов Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья.— МИА, № 172, 1973, с. 153—154.

[24] *Сидоров В. В.* Отчет о полевой работе МОКМ и Московского областного отделения ВООПИК в 1972 г. р-1, № 4888.

[25] *Урбан Ю. Н.* К вопросу о ранненеолитических комплексах в Калининском Поволжье.— В сб.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 65.

[26] *Раушенбах В. М.* Племена льяловской культуры.— Тр. ГИМ, вып. 44, 1970, с. 51.

[27] *Алихова А. Е.* Саконовская неолитическая стоянка.— В сб.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 117—123.

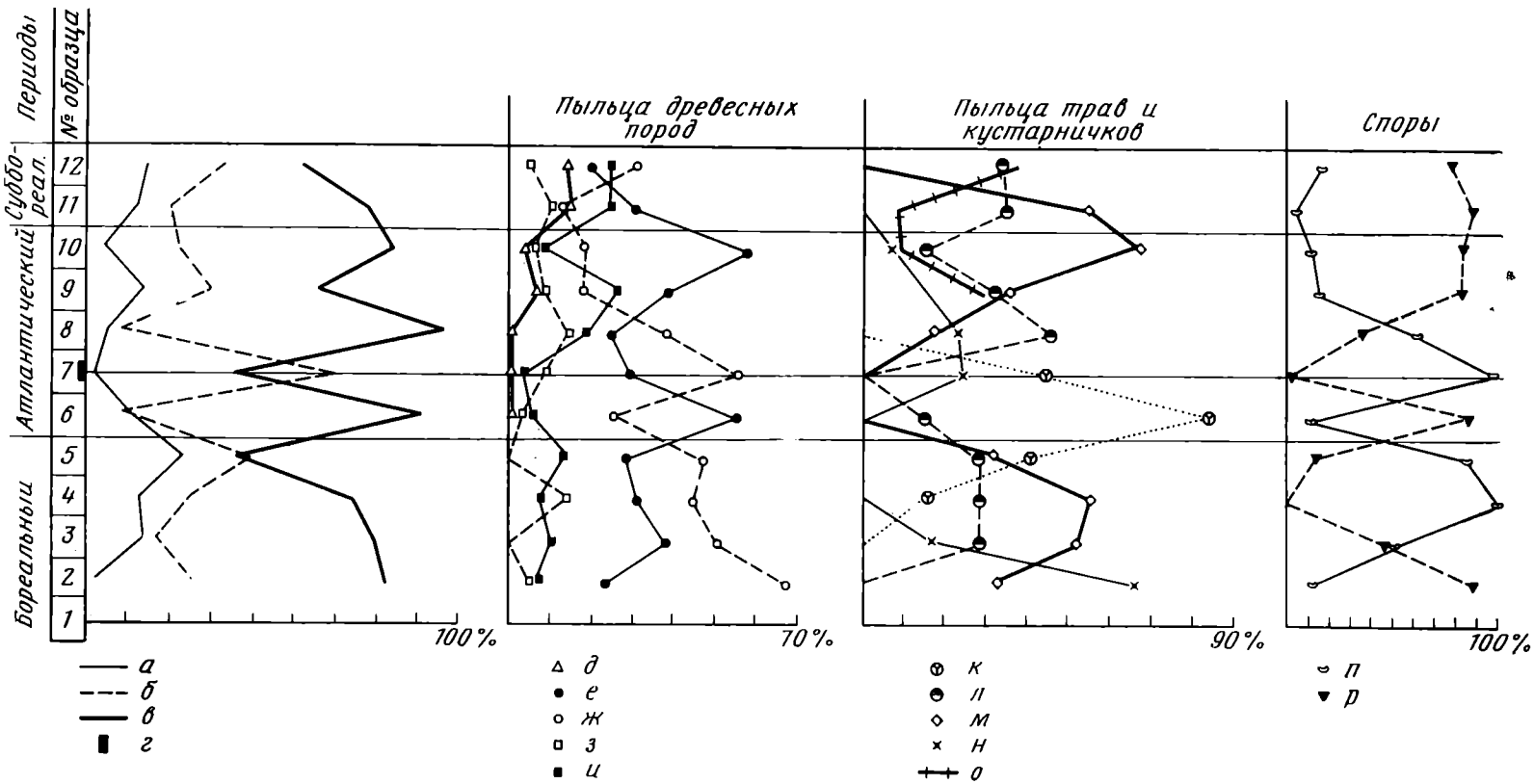


Рис. 10. Спорово-пыльцевая диаграмма торфяника стоянки Луково озеро 1. Условные обозначения: *а* — пыльца трав и кустарничков, *б* — споры, *в* — пыльца древесных пород, *г* — образец содержащий культурный слой, *д* — ель, *е* — сосна, *ж* — береза, *з* — ольха, *и* — дуб, вяз, липа, *к* — вересковые, *л* — злаковые, *м* — ситовниковые, *н* — лебедовые, *о* — рогозовые, *п* — папоротники, *р* — сфагновые мхи

ловских памятников в Волго-Окском междуречье наблюдается только на Центрально-Мещерских озерах р. Пры.

До сих пор мы не коснулись датировки комплекса Луково озеро I. В первом приближении ее можно сделать на основании пыльцевой диаграммы (рис. 10), обработанной Г. Н. Лисицыной. По ее оценке, слой (образец № 7) залегает на торфе ранней фазы атлантического периода и перекрывается торфом среднего и позднего атлантикума. Верхние образцы № 11 и 12 относятся уже к суббореалу. Это заставляет относить время вполне сложившейся льяловской культуры к самому началу средней фазы атлантического периода, к рубежу V и IV тысячелетий до н. э. Дата неожиданно древняя: до недавнего времени большинством исследователей дебатировалось только место льяловской культуры в пределах III тысячелетия до н. э. Имеется и серия радиокарбоновых дат: ямочно-гребенчатый комплекс Ивановской III— 2850±250 (ГИН — 241); Подзорово — 2820±60(ЛЕ — 725); гребенчато-ямочный комплекс Сульки — 2900±60 (ЛЕ — 834); Плещеево IV — 2770±50 (ГИН — 115). Комплексы Берендеево I — 2390±250 (ГИН — 197б); Сахтыш I — второй строительный горизонт — 2110±60 (ЛЕ — 1023) характеризуется керамикой берендеевского типа, развивавшейся параллельно волосовской.

На Масловом Болоте в начале III тысячелетия до н. э. льяловской культуры уже не существовало: протоволосовский слой с гребенчатой керамикой стоянки Маслово Болото IV имеет дату 2830±120 лет до н. э. (ЛЕ — 1239). Стратиграфически этот комплекс заметно позднее льяловской стоянки МБ VII. Согласуется с датировками Маслова Болота и даты Заречья I: льяловский слой, типологически близкий к Лукову озеру I, имеет дату 3720±50 (ЛЕ—969), а волосовский — 2640±50 (ЛЕ—970). Средний льяловский слой Языкова I — 3540±120 (ЛЕ—1188), а пятый слой языковского торфяника, который содержит керамику, находящуюся на стадии формирования раннельяловского типа, имеет даты 4000±120 и 4300±120 лет до н. э. (ЛЕ — 1190, 1080) [28]. Вполне согласуется и колонка дат Сахтыша I: нижний строительный горизонт, типологически несколько более поздний, чем Луково озеро I,— 3200±40 (ЛЕ — 1024), второй строительный период, наиболее близкий к МБ VII,— 3050±70 и 2900±70 (ЛЕ — 1020, 1019). В свете этого становится достоверной датировка льяловского комплекса Лукова озера I — типичного комплекса льяловской культуры — временем, близким рубежу первой-второй четвертей IV тысячелетия до н. э.

V. V. Sidorov, A. V. Trusov

LUKOVO OZERO I — A SITE OF THE LYALOVO CULTURE

Summary

The site Lukovo Ozero I in the western part of the Meshera lowland is a rare pure site of the middle neolithic. The cultural deposit was laying in peat, which was destroyed by fire, on the slope of an island in a bogged up lake. The finds composed an accumulation at the square of 140 square metres, corresponding to a surface dwelling with a chain of fireplaces on the sand cushion. Around the fireplaces broken vessels were found (fig. 2). The egg-shaped and conic vessels from 24 to 26 cm in diameter with a sharp bottom (fig. 8) are typical of the Lyalovo culture. The ornamentation is zonal, comb imprints prevail, the background is composed by conic pits. The technology of manufacturing of flint artifacts is characteristic for the middle neolithic. Arrow-heads of different forms (fig. 3, 1—22) are made especially carefully. Many chopping tools are unpolished (fig. 6, 11, 12, 14, 19). The collection includes scrapers, burins, knives made on flakes, polishing slabs. Of specific interest are slate punch (fig. 3, 54) and slate bared hoc (fig. 6, 18). The microlithic artifacts, discovered at the site (fig. 3, 35—47) could have possibly come from an early neolithic site, which is situated higher on the slope of the island. On the basis of the palinological data (G. N. Lisitsina) the site can be related to the middle Atlantic and dated to the first half of the IVth millenium B. C.

[28] *Урбан Ю. Н.* Ук. соч., с. 69.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

ТАМАНСКИЙ КЛАД БРОНЗОВЫХ ОРУДИЙ *

История Таманского полуострова в эпоху бронзы пока остается малоизученной, в то время как эта территория с ее памятниками данного времени представляет большой интерес во многих отношениях, и в том числе, например, для решения проблем взаимоотношений древнего населения полуострова с обитателями Северного Кавказа, а также степей Причерноморья. В силу этого каждая новая находка вещей, проливающих свет как на эту проблему, так и многие другие, имеет большое научное значение. К таким находкам относится клад бронзовых предметов, получивший лишь предварительное освещение в литературе [1]. Необходимость полной характеристики предметов из клада, вносящих новые данные в хронологию и типологию орудий эпохи бронзы, и вытекающие из этого вопросы ширского исторического порядка послужили основанием для данной публикации.

Условия находки клада таковы. 12 июля 1965 г. при прокладке шоссейной дороги в 500 *м* к востоку от села Батарейка (Краснодарский край, Темрюкский район, Фанталовский п-ов) бульдозером был разрушен глиняный сосуд, в котором находились бронзовые предметы (рис. 1, *15*). Часть из них была собрана учеником местной школы Павлом Суженко и передана работавшей в этом районе Таманской экспедиции ИА АН СССР. К сожалению, это произошло через пять дней после находки. Экспедицией тут же было проведено обследование данного места, где удалось собрать еще некоторое количество обломков бронзовых орудий, фрагменты сосуда, растащенные бульдозером. Кроме того, на месте находки был заложен раскоп в 100 $м^2$. В результате установлено, что сосуд с бронзовыми предметами залегал на глубине 0,8—1 *м* от современной поверхности в коричневатой материковой глине без каких-либо следов существования здесь кургана или поселения. Это дает основание считать, что находка представляла собой клад, сложенный в глиняном сосуде и зарытый в силу каких-то обстоятельств в чистом поле.

Сосуд оказалось возможным реконструировать по значительным кускам его верхней части, дна и отдельным фрагментам тулова. Это круп-

---

* Рукопись статьи из научного архива Н. И. Сокольского подготовлена к печати Н. П. Сорокиной. Большую помощь при работе с рукописью с учетом новой литературы оказал А. М. Лесков.

[1] *Сокольский Н. И.* Находки эпохи бронзы на Таманском полуострове.— АО — 1965. М., 1966, с. 80. Данная публикация, не ставившая своей задачей исследования всего комплекса, носит лишь информационный характер. Однако отдельные предметы из этого клада уже нашли отражение в литературе (например, *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы.— В сб.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев, 1967, с. 169, рис. 15, *15—16*; *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В сб.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников, вып. VII. М., 1974, с. 169, рис. 76, *4*). что свидетельствует о важном значении этой находки, выходящей за рамки истории Тамани эпохи бронзы.

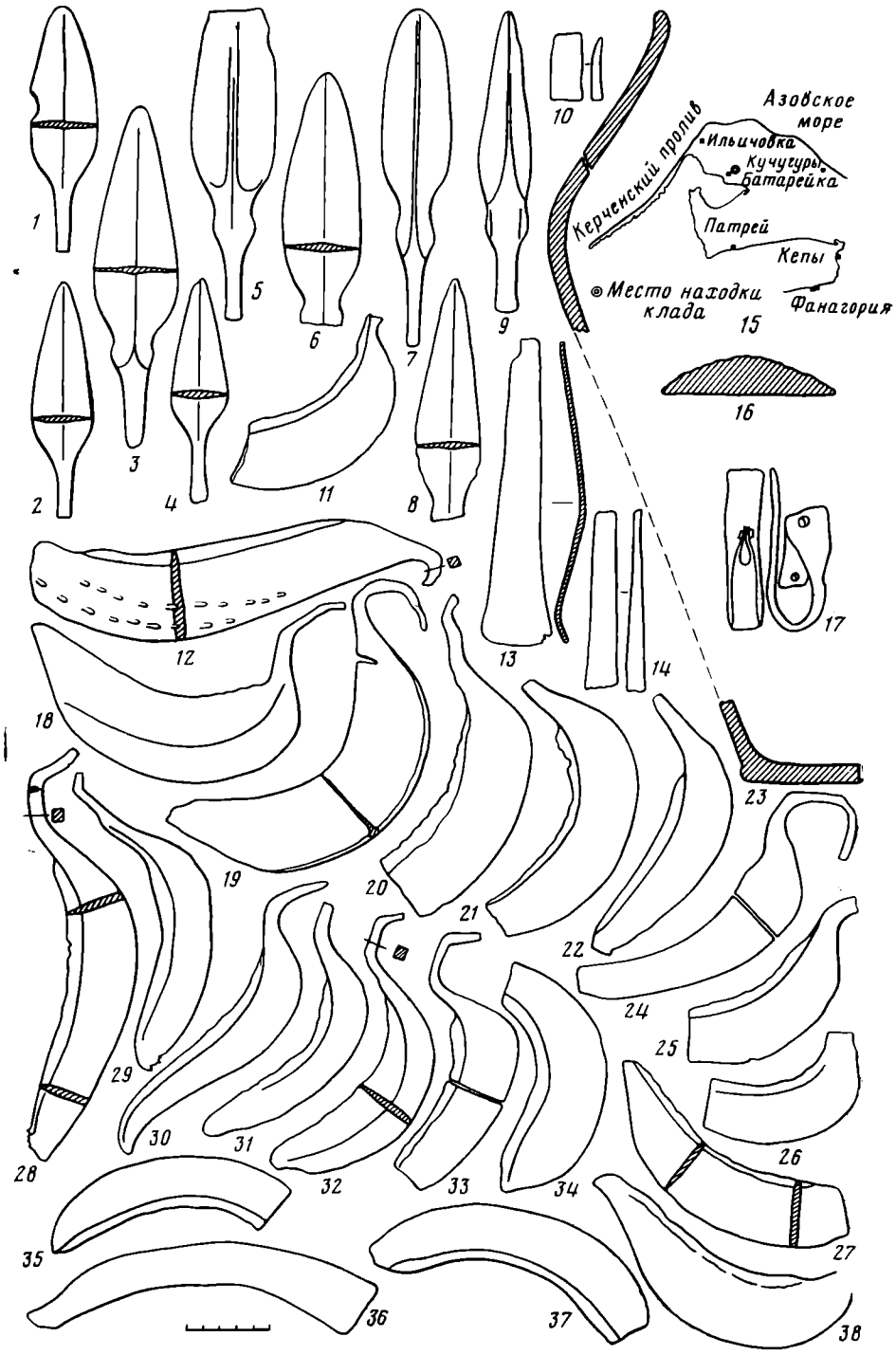


Рис. 1. Бронзовые орудия Таманского клада. *1—9* — ножи; *10*, *13*, *14* — тесло и обломки тесел; *15* — карта северо-западной части Таманского п-ова и место находки клада у селения Батарейка; *16* — слиток металла; *17* — пластина; *12*, *18—22* — серпы; *23* — сосуд, в котором находился клад; *24—38* — серпы и их обломки

ный горшок (рис. 1, *23*), максимальный диаметр которого расположен в верхней части тулова. Сосуд имеет прямой короткий венчик. Хотя нижняя часть тулова сосуда восстанавливается только графически, нет оснований сомневаться в том, что она была удлиненной, постепенно сужива-ющейся к плоскому дну с закраиной. Диаметр венчика 25,4 *см*, диа-

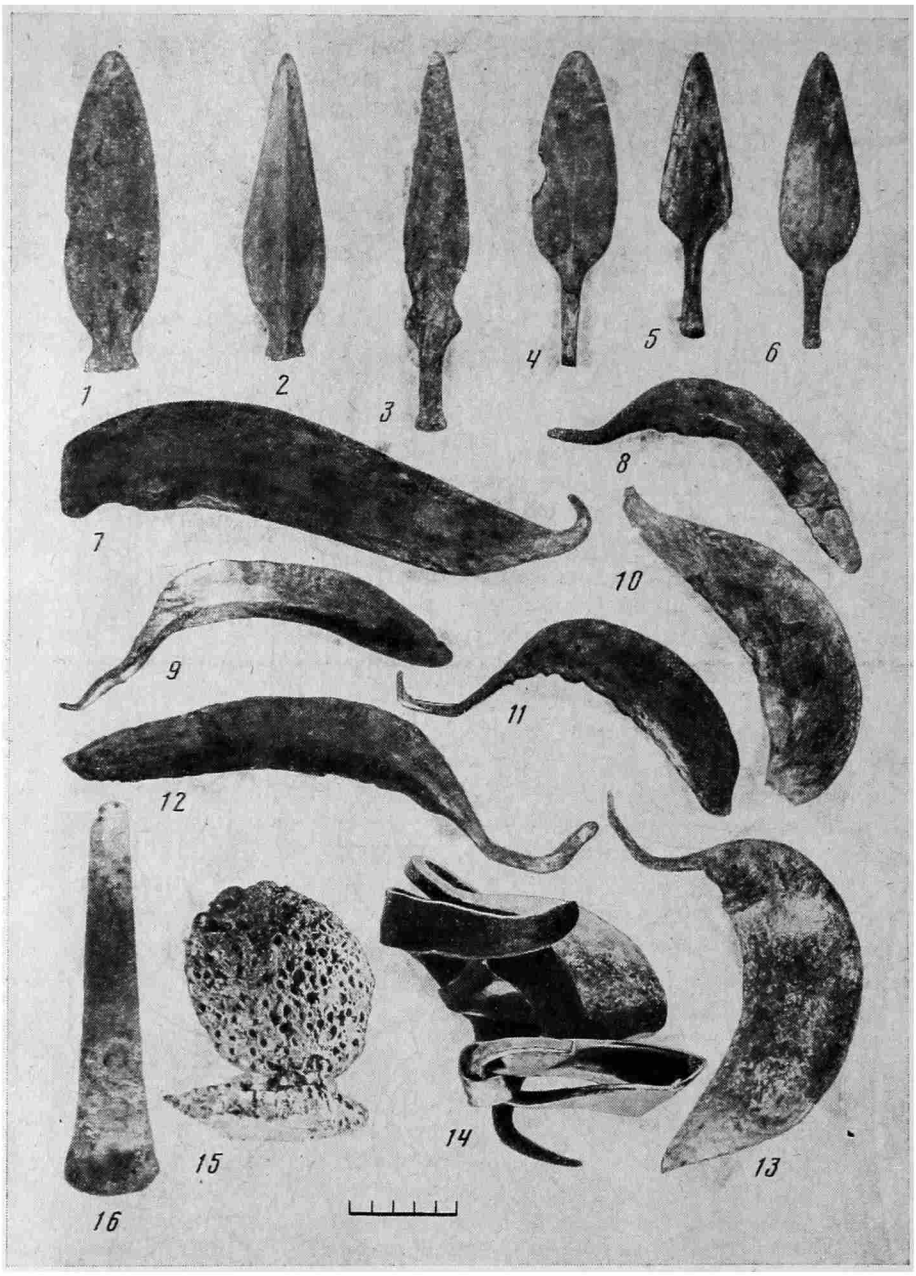


Рис. 2. Бронзовые орудия Таманского клада. *1—6* — ножи; *7—14* — серпы; *15* — слиток, *16* — тесло

метр дна 14,5 *см*, условная высота сосуда 47—48 *см*. Горшок вылеплен от руки из плохо промешанного глиняного теста оранжевого цвета по поверхности, а в изломе имеющего серо-черный оттенок. В глине много примеси песка, частиц слюды. Верхняя часть сосуда снаружи заглажена, у дна — шероховатая. На отдельных черепках видны следы окиси бронзы.

Клад или сохранившаяся его часть состоит из целых предметов [2] (серпы, ножи, тесла), их обломков и слитков металла. В целом насчитывается около 50 предметов, не считая мелкодробленых кусочков от слитков. Интересно, что некоторые орудия были в древности засунуты в сосуд согнутыми (рис. 2, *14*). Вероятно, это диктовалось стремлением поместить весь клад в один сосуд.

[2] Все вещи хранятся в ГИМ. Инв. № 99 948, оп. 1668.

Сохранность вещей различная: одни в хорошем состоянии, с благородной патиной, другие корродированы. На сохранность находок оказало влияние не только время, но и нож бульдозера: особенно от него пострадали серпы, а также слитки, не говоря уже о сосуде. Все орудия литые. Ножи отлиты в двусторонних формах, серпы и тесла — в односторонних, т. е. негативы были вырезаны лишь на одной половине формы, а вторая служила крышкой. Учитывая форму и размеры некоторых серпов, можно полагать, что они были отлиты в одной и той же форме (рис. 1, *22, 29, 31*). После отливки изделия тщательно обработаны, на что указывает хотя бы отсутствие на всех без исключения предметах следов литников.

Кузнечная доработка отливок прослеживается на примере серпов. Крюки серпов вытянуты и сформованы ковкой, лезвия оттянуты.

У подавляющего числа орудий лезвия идут узкой полосой от основания крюка, сходя на нет к концу. У нескольких серпов лезвия у крюков оказались выступающими благодаря сильной расковке (рис. 1, *21, 22, 28*). В основном лезвия откованы за один прием, и только на одном экземпляре (рис. 1, *18*) заметно, что эта операция осуществлялась в два приема. Один из серпов сохранил на поверхности следы инструмента, использовавшегося при кузнечной доработке (рис. 1, *12*). Вдоль спинки видны неглубокие овальные вмятины в два ряда от ударов орудия с тупым концом. Характер вмятин показывает, что мастер, держа серп повернутым крюком к себе, наносил короткие частые удары, начиная от носка. Серпы различаются толщиной спинки. У одних она утолщена, у некоторых заострена в результате вторичной обработки. Использовался прием клепки изделий и соответственно пробивки отверстий для этого. Это можно наблюдать на примере пластины неизвесного назначения, обнаруженной в кладе в согнутом, искривленном состоянии (рис. 1, *17*).

Как уже отмечалось, в Таманском кладе представлены тесла, ножи, серпы. Кратко охарактеризуем типы этих изделий.

Тесла представлены 3 экз. Одно из них (рис. 1, *13*; *2*, *16*) сохранилось полностью. Это вытянутое трапециевидное орудие с прямой пяткой слегка скругленной рабочей частью. Лезвие и верхняя часть тесла повреждены. По продольной оси орудие изогнуто. Длина тесла 19,2 *см*, ширина пятки 1,8 *см*, лезвия — 7,5 *см*. От двух других тесел или тесловидных орудий (рис. 1, *10*, *14*) сохранились только обломки средних частей, поэтому реконструкция их первоначального вида невозможна.

Ножи представлены 9 экз., которые делятся на два типа. К первому типу относятся три ножа (рис. 1, *1*, *2*, *4*; 2, *4—6*), листовидные клинки которых более или менее плавно переходят в плоские черенки. По центральной оси клинка у каждого ножа первого типа проходит вертикальная нервюра, благодаря которой клинки имеют ромбическое сечение. Длина ножей первого типа от 13,8 до 15 *см*. Максимальная ширина клинков — от 3,3 до 4 *см*.

Ко второму типу ножей относятся 6 экз. (рис. 1, *3*, *5—9*; 2, *1—3*). Все они характеризуются наличием намечающегося перекрестия, отделяющего основание клинка от черенка. Различаются между собой ножи второго типа длиной и шириной черенков, а также формой клинков. Однако для всех клинков типично максимальное расширение в нижней части, ближе к его основанию. Благодаря вертикальной нервюре, проходящей по центральной оси клинка (при этом нервюры у ножей второго типа более ярко выражены, чем у ножей первого типа), каждый клинок имеет ромбическое сечение. Хотя три из шести ножей второго типа сохранились неполностью (у двух отбит черенок, у одного — верхняя часть клинка), эти ножи крупнее, чем орудия у первого типа. Длина ножей второго типа (целые экземпляры) от 18,5 до 21 *см*. Максимальная ширина клинков от 3,2 до 5 *см*.

Серпы составляют основную часть вещей Таманского клада. В состав клада входило 35 серпов, 21 из которых сохранился полностью или

со сравнительно небольшими изъянами. Остальные 14 серпов представлены лишь обломками концов, крюков или средних частей. Все серпы делятся на два основных типа. Первый представлен лишь 1 экз. (рис. 1, *12*; 2, *7*). Это слабо изогнутый серп с обломанным и притупленным в итоге вторичной обработки носком, слабо вогнутым лезвием и прямой пяткой, переходящей в откованный короткий крюк. Длина серпа 25 *см*, максимальная ширина 55 *см*. В отличие от этого орудия типично степной формы, принадлежащего к серпам кабаковского типа, все остальные 18 сохранившихся экземпляров, а также обломки должны быть отнесены к серпам, характерным для прикубанского очага металлургии и металлообработки, выделенного А. А. Иессеном [3]. Характеризуя серпы этого типа из Таманского клада в целом, следует отметить, что у большинства из них имеются длинные прямоугольные в сечении крюки, хотя сами серпы сравнительно небольшие, узкие и постепенно сужаются у заостренного или округлого носка. Различаются серпы, кроме того, степенью выгнутости спинки и соответственно вогнутостью лезвия. У четырех орудий (рис. 1, *28*, *30*, *36*, *38*; 2, *10*, *12*) из-за сильной сработанности лезвия у носка концы загнуты кверху. Длина сохранившихся целиком серпов от 16 до 25,5 *см*, ширина от 2,8 до 5,5 *см*. Все серпы прикубанского типа, входившие в состав Таманского клада, должны быть отнесены по классификации, предложенной А. А. Иессеном, ко второму типу, который характеризуется «равномерно изогнутой спинкой, без резкого ее перегиба, причем место вливания металла остается невыясненным» [4]. Однако для второго типа серпов, по А. А. Иессену, характерна сравнительно широкая, одинаковая по всей длине плоскость серпа и округлый носок [5]. Этим признакам не соответствуют в полной мере серпы Таманского клада. Вероятно, впоследствии в специальном исследовании и особенно с учетом новых находок (погребения у станицы Удобной, Самарский клад под Ростовом-на-Дону [6] и др.) появится возможность предложить более детальную типологию прикубанских серпов. Пока лишь отметим, что по степени выгнутости спинки, ширины плоскости и характеру перегиба спинки к рукояти 16 наиболее сохранившихся серпов Таманского клада можно разделить на три подтипа. Первый (рис. 1, *18*, *20*, *26*, *30*; 2, *13*) характеризуется сравнительно резким переходом от спинки к рукояти. Второй (рис. 1, *11*, *19*, *21*, *25*, *38*; 2, *10*) имеет более плавный переход к рукояти, но сближается с первым подтипом сравнительно широкой плоскостью и степенью изогнутости спинки. Третий подтип (рис. 1, *22*, *24*, *28—32*) по плавности перехода к рукояти близок ко второму, но от обоих подтипов серпы третьего отличаются меньшей выгнутостью спинки, более узкой плоскостью.

Кроме описанных тесел ножей и серпов в составе Таманского клада имеется часть какого-то изделия, сохранившегося в виде согнутой прямоугольной в сечении пластины, один конец которой расщеплен и раскован на две лопасти, а между ними закреплена на заклепке тонкая пластина или вернее ее обломок (рис. 1, *17*), а также, судя по обломкам, около 10 бронзовых слитков. Один из слитков, сохранившийся целиком (рис. 1, *16*; 2, *15*), имел вид круглой лепешки с плоским верхом и выпуклым основанием. Диаметр слитка 10,5, высота 2,5 *см*. По составу Таманский клад, содержащий помимо слитков в основном поломанные или поврежденные орудия труда, очень напоминает клады эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья и, как и последние, относится к числу так

---

[3] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА. № 23, 1951, с. 25 сл.

[4] Там же, с. 110.

[5] *Анфимов Н. В.* Находки предметов эпохи поздней бронзы близ станицы Удобной.— СА, 1957, № 4, с. 155—157.

[6] *Бочкарев В. С.* Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл.— КСИА АН СССР, № 132, 1972, с. 87—89.

называемых сырьевых кладов[7], предназначаемых для переплавки. Вероятнее всего, клад принадлежал литейщику, который и спрятал его вдали от поселения. Особый интерес Таманский клад представляет потому, что в его состав наряду с серпами прикубанского происхождения входят вещи (один серп и шесть ножей с намечающимся перекрестием), типичные для позднесрубной культуры Поволжья и Причерноморья. Именно эти вещи, учитывая еще недостаточно разработанную хронологию прикубанского очага металлургии и металлообработки, имеют важнейшее значение при определении датировки Таманского клада. Так, исследованиями последних лет (В. С. Бочкарев, А. М. Лесков, Е. Н. Черных, И. Н. Шарафутдинова) надежно установлено, что серпы кабаковского типа являются характерными экземплярами и для сабатиновского этапа позднесрубной культуры. Как известно, наиболее распространенной датой для памятников сабатиновского этапа считается XIII—XII вв. до н. э. Ножи с намечающимся перекрестием появляются еще в раннесрубное время. Однако наличие ножа такого типа в Борисовском кладе сабатиновского этапа (наряду с серпом кабаковского типа)[8] не оставляет сомнения в том, что такие ножи доживают до сабатиновского времени. Об этом же свидетельствует Лобойковский клад[9] и комплекс литейных форм из с. Голоуров под Киевом[10]. Изучая керамику позднесрубной культуры из степей Причерноморья, А. М. Лесков разделяет сабатиновские памятники на две группы — раннюю и позднюю[11], определяя дату раннесабатиновских памятников XIII в. до н. э.[12] Видимо, этой дате не противоречат ножи с намечающимся перекрестием из Таманского клада. Относить их еще к раннесрубному времени вряд ли правильно, так как исследования Е. Н. Черных[13], В. А. Сафронова[14], В. С. Бочкарева[15] показали, что серпы кабаковского типа датируются не ранее сабатиновского времени. Учитывая, что основу Таманского клада составляют серпы прикубанского типа, обратимся к памятникам Прикубанья. Еще А. А. Иессен установил, что старейшие серпы прикубанского типа содержатся в Костромском кладе. Это клад синхронен раннесрубному времени, т. е. его абсолютная дата — не позднее XIV в. до н. э.[16] К концу эпохи бронзы А. А. Иессен отнес Агурский, Боргустанский, Бекешевский клады и погребение горы Бык[17]. В составе этих комплексов содержатся однотипные серпы, а также двуушковые кельты (Бекешевский клад) и кобанские кинжалы (погребение у горы Бык). Кельты Бекешевского клада относятся к белозерскому времени, т. е. они датируются самым концом II — началом I тысячелетия до н. э.[18] Этим же временем Е. И. Крупнов датировал ранний этап кобанской культуры (XI—VIII вв.

---

[7] *Бочкарев В. С.* К истории металлообрабатывающего производства в эпоху поздней бронзы в северо-западном Причерноморье.— Сб. тезисов. Домашние промыслы и ремесло. Л., 1970, с. 7—8; *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 33.

[8] Любезное сообщение В. С. Бочкарева.

[9] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М., 1976, с. 119, табл. XXXV, *28—29*.

[10] *Шарафутдинова І. М.* Бронзоливарна майстерня з с. Головурів на Київщині.— Археологія, № 12, 1973, с. 61 сл., рис. 3, *б*.

[11] *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Докт. дис. Архив ИА АН СССР, с. 28, 29.

[12] Там же, с. 275—279.

[13] *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 107.

[14] *Сафронов В. А.* Датировка Бородинского клада.— В сб.: Проблемы археологии. Л., 1968, с. 115, 116.

[15] *Бочкарев В. С.* Проблемы Бородинского клада.— В сб.: Проблемы археологии Л., 1968, с. 152, 153.

[16] *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге..., с. 169, 170.

[17] *Иессен А. А.* Ук. соч., с. 117.

[18] *Лесков А. М.* О северопричерноморском очаге..., с. 172, 173.

до н. э.) [19]. Хронологический разрыв между костромским кладом и кладами типа Боргустанско-Бекешевского хорошо виден при сравнении серпов. Исследование Н. В. Анфимовым курганов у станицы Удобной в значительной мере заполнило эту лакуну. В типологическом ряду развития прикубанских серпов удобнинские серпы занимают среднее положение — они позднее костромских, синхронных раннесрубным памятникам, но архаичнее боргустанско-бекешевских, одновременных белозерским. Вместе с тем часть серпов Таманского клада (рис. 1, *18*, *19*; 2, *13*) близка удобнинским. Таким образом, серпы прикубанского типа из Таманского клада и из станицы Удобной в абсолютных датах должны соответствовать по времени сабатиновским памятникам Северного Причерноморья, т. е. дата Таманского клада в пределах XIII—XII вв. до н. э. подтверждается как материалами прикубанского, так и позднесрубного времени.

N. I. Sokolski

THE TAMANIAN HOARD OF BRONZE ARTIFACTS

Summary

In 1965 at the Taman peninsula (near village Batareyka, Krasnodar region) while building a highway a hoard of bronze artifacts was found. The hoard, placed in a big clay vessel, consisted of bronze sickles, knives, adzes, ingots of metal (nearly 50 objects). The combination of sickles of the North Caucasian type (they compose the majority of the artifacts in the hoard) with a sickle, characteristic for the steppine regions of the North Pontic area, knives and an adze of a specific type let the author date the hoard to the XIIIth — XIIth centuries B. C., i. e. the epoch of the late Bronze Age.

[19] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, См. сводную таблицу-вклейку между с. 136 и 137.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Е. Н. ЧЕРНЫХ

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ МЕТАЛЛА ТАМАНСКОГО КЛАДА

Ряд существенных обстоятельств привлекает пристальное внимание к Таманскому кладу бронзовых орудий. Первое из этих обстоятельств заключается в том, что комплекс состоит из предметов, относящихся, с одной стороны, к кавказскому кругу металла, а с другой — к степному восточноевропейскому. Если следовать более общему определению, то в Батарейском кладе ярко отразились черты производства, присущие некоторым позднебронзовым очагам Кавказской и Евразийской металлургических провинций. Комплексы такого рода всегда представляют для исследователей особый интерес как содержащие своеобразный ключ для синхронизации разных типов производства и определения характеристики связей между очагами разнородных провинций. Сам же клад был обнаружен, в сущности, на крайней северо-западной периферии Кавказской провинции позднебронзового века, поскольку территория Крымского полуострова была уже зоной иных провинций, и прежде всего Евразийской.

После распада в середине II тысячелетия до н. э. гигантской Циркумпонтийской металлургической провинции, в системе которой и на Кавказе и в Восточной Европе в ряде родственных очагов процветало родственное производство медно-мышьяковых орудий, вновь сформировавшиеся на этой территории Кавказская и Евразийская металлургические провинции резко различались между собой практически по всем важнейшим признакам. Взаимосвязи между обеими провинциями представляются нам весьма слаборазвитыми; во всяком случае они не носили

сколько-нибудь органического характера. Соответственно этому граница между указанными провинциями рисуется ныне весьма четкой [1].

Как бы в контраст этому, например, западная граница Евразийской провинции с Европейской (Центральноевропейской) очень расплывчата, а связи между очагами обеих провинций были чрезвычайно тесными. В Поднепровье даже формируется обширная контактная зона, в очагах которой легко распознаются характерные особенности производства названных провинций. Поэтому здесь сравнительно нетрудно синхронизировать отдельные этапы и фазы очагов и культур. Ничего подобного не наблюдалось между очагами Евразийской и Кавказской провинций; отсюда становится ясным, насколько велико значение клада, подобного Таманскому.

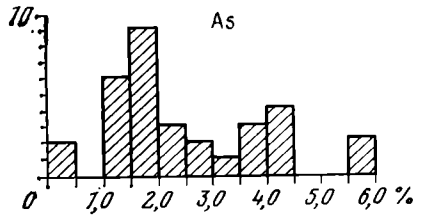


Рис. 1. Распределение концентраций мышьяка в меди клада у Батарейки

Предпринимая спектроаналитические исследования металла клада, мы рассчитывали получить ответы на некоторые из существенных вопросов: 1) химический состав металла, характер сплавов, 2) химические группы меди, 3) рудные источники меди или, по крайней мере, круг металла, связанный единством происхождения. Для этой цели в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР был исследован состав металла 33 предметов клада (табл. 1). В их числе два слитка (ан. 5033 и 5034); 19 серпов и их обломков (ан. 5002—5020, рис. 1, *11, 12 , 18—38*; 2, *7—14*)[2], 9 ножей и их обломков (ан. 5021—5029, рис. 1, *1—9*; 2, *1—6*— см. в статье Сокольского), 3 тесла вместе с обломком (ан. 5030—5032, рис. 1, *10*, *13*, *14* — см. в статье Сокольского).

Металл, из которого отлиты орудия клада, представляет собой мышьяковую бронзу с концентрациями мышьяка в меди от 1 до 5,5%. Искусственный характер примеси мышьяка доказывается, во-первых, резким различием ее содержания в слитках черновой меди, обычно никогда искусственно не легировавшихся, и в орудиях клада. Во-вторых, отмечается дифференцированный подход при введении примеси мышьяка в металл изделий разных категорий. На рис. 1 представлена частотная гистограмма распределения концентраций мышьяка в меди изучаемого комплекса. Невзирая на небольшое количество исследованных образцов, легко отмечается несколько группировок, определяемых на графике по вершинам фигуры распределения. Можно думать, что эти группировки обозначают своеобразные границы сортов (рецептов) медно-мышьякового сплава, который употреблял древний литейщик.

В табл. 2 показана определенная закономерность в распределении основных категорий изделий по группировкам или же «сортам» мышьяковой бронзы. Серпы явно тяготеют к низколегированным сплавам, ножи — к высоколегированным. Такая закономерность, видимо, была обусловлена требованиями к механическим свойствам каждой из категорий: металл для ножей должен был быть тверже, нежели для серпов.

Литейщики, которым принадлежал клад, фактически не знали олова в качестве легирующей примеси. Только в одном ноже (ан. 5027) содержание олова достигает 0,35%, в прочих изделиях оно отмечено преимущественно в тысячных и десятитысячных долях процента.

В двух случаях концентрации сурьмы превышали 1% (ан. 5015 и 5025, серп и нож). Сурьма иногда, особенно в Закавказье, применялась в качестве самостоятельной лигатуры или же в сочетании с мышьяком

[1] *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4, рис. 9.

[2] Изображения самих предметов помещены в статье Н. И. Сокольского (см. этот номер журнала «Советская археология»).

Результаты спектрального анализа металла клада у с. Батарейка *Таблица 1*

Шифр лаборатории	Предмет	Рисунок (по статье Сокольского)	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
5002	Серп	1,18; 2,13	0,0014	0,007	–	0,007	0,02	0,11	2,5	0,023	0,12	0,002	0,002	0,003
5003	»	1,32; 2,11	0,0008	0,003	–	0,001	0,002	0,005	1,8	0,003	0,013	–	–	–
5004	»	2,14	0,0009	0,006	–	0,007	0,005	0,015	1,3	0,003	0,03	–	?	–
5005	»	1,25	0,001	0,027	–	0,0015	0,005	0,009	1,2	0,02	0,012	–	0,002	–
5006	»	1,38	0,0016	0,007	–	0,0025	0,015	0,016	1,1	0,001	0,023	–	–	–
5007	»	1,26	0,001	0,006	–	0,0025	0,003	0,016	3,5	?	0,025	0,001	–	–
5008	»	1,37	0,0005	0,004	–	0,001	0,01	0,045	1,0	0,003	0,05	–	–	–
5009	»	1,31	0,008	0,018	–	0,002	0,014	0,09	1,6	–	0,13	–	–	–
5010	»	1,28; 2,12	0,0014	0,008	–	0,005	0,03	0,033	1,8	–	0,15	–	–	–
5011	»	1,24; 2,14	0,0005	0,004	–	0,002	0,02	0,05	4,0	0,001	0,08	0,003	–	–
5012	»	2,14	?	0,009	–	0,002	0,002	?	3,0	?	0,006	–	–	–
5013	»	1,30	0,0006	0,02	–	0,0035	0,002	0,011	1,7	–	0,018	?	–	–
5014	»	1,29; 2,9	0,023	0,016	–	0,004	0,013	0,04	4,0	0,001	0,055	–	–	0,001
5015	»	1,35	0,0006	0,001	–	–	0,15	2,0	1,6	0,002	1,3	–	–	–
5016	»	1,34	0,005	0,022	–	0,0015	0,015	0,23	1,0	?	0,016	–	–	–
5017	»	2,14	0,03	0,027	–	0,007	0,15	0,04	2,1	?	0,06	–	–	?
5018	»	1,12; 2,7	0,005	0,03	–	0,0025	0,13	0,03	3,5	0,003	0,03	–	–	–
5019	»	1,27	0,0015	0,045	–	0,009	0,08	0,003	1,2	0,001	0,023	–	–	–
5020	»	1,36	0,009	0,016	–	0,003	0,015	0,007	1,9	?	0,02	–	–	–
5021	Нож	1,3	0,0006	0,006	–	0,003	0,014	0,02	2,0	0,005	0,03	–	–	?
5022	»	1,1; 2,4	0,2	0,03	–	0,0035	0,1	0,25	2,5	0,004	0,3	0,003	?	0,001
5023	»	1,8; 2,8	0,0008	0,03	–	0,004	0,01	0,01	4,2	0,001	0,016	–	–	?
5024	»	1,9; 2,3	0,011	0,6	–	0,002	0,13	0,2	5,5	0,001	0,4	–	–	–
5025	»	1,5	?	0,03	–	0,0025	0,25	1,3	3,5	0,001	0,55	–	–	–
5026	»	1,7	0,003	0,02	–	0,002	0,1	0,13	1,5	0,001	0,4	–	–	0,001
5027	»	1,4; 2,5	0,35	0,03	–	0,004	0,1	0,07	2,1	0,003	0,016	–	–	–
5028	»	1,2; 2,6	0,005	0,03	–	0,004	0,05	0,045	5,5	0,003	0,25	–	–	–
5029	»	1,8; 2,2	0,0015	0,025	–	–	0,4	0,45	4,2	?	0,6	–	–	0,001
5030	Тесло	1,13; 2,16	0,003	0,01	–	0,007	0,014	0,009	1,9	0,002	0,04	0,007	–	0,001
5031	Обломок тесла?	1,10	0,0025	0,023	–	0,008	0,015	0,06	5,5	0,0015	0,13	?	–	–
5032	Тесло	1,14	0,0006	0,027	–	0,007	0,15	0,07	1,5	0,001	0,3	0,003	–	–
5033	Слиток	2,15 (низ)	0,0005	0,027	–	0,0025	0,005	?	0,02	0,023	0,045	0,009	–	–
5034	»	2,15 (верх)	0,06	0,15	0,1	0,06	0,2	?	0,45	2,0	0,04	0,1	–	0,001

Примечание. Медь является основой всех проанализированных образцов; номера рисунков приводятся по статье Н. И. Сокольского.

и оловом. Доказать ее искусственный характер в указанных образцах Таманского клада достаточно затруднительно, хотя предположение такого рода, видимо, имеет право на существование.

Итак, перед нами искусственные мышьяковые бронзы — традиционный со времен еще IV тысячелетия до н. э. кавказский тип сплава. Во время бытования клада, синхронного началу предананьинского хронологического горизонта в Волго-Уралье, завадово-лобойковскому очагу в Левобережной Украине, кобанскому и колхидскому очагам на Кавказе, этот

Таблица 2

Распределение изделий в кладе в зависимости от концентрации мышьяка в сплаве

Концентрация мышьяка в %	Слитки	Серпы	Ножи	Тесла
Менее 0,5	2	–	–	
1–3	–	15	4	
3,5–4,2	–	4	3	
5,5	–	–	2	

тип сплава был практически забыт мастерами на широких пространствах Евразии. Прикубанский же очаг [3], к которому и типологически, и территориально, и теперь уже по химическим показателям относится Таманский клад, оставался островком архаичной технологии, где фактически не знали оловянных бронз — этого почти повсеместно распространенного нововведения позднего бронзового века. Отставание Прикубанья в отношении металлообработки, начавшееся с исчезновением здесь майкопской культуры раннебронзового века, все время усугублялось вплоть до I тысячелетия до н. э.[4]

В отношении химических групп металл Таманского клада представляется относительно монотонным и принципиально не выходит за рамки тех совокупностей, которые бытовали на Северном Кавказе в предшествующее время, т. е. кубанской и терской [5], а также отчасти в центральных районах Северного Кавказа.

В связи с химическими группами остановим свое внимание лишь на трех парах корреляционной взаимозависимости концентраций: мышьяк — сурьма, сурьма — никель и сурьма — серебро (рис. 2). Первая пара примесей — «мышьяк — сурьма» характеризуется нулевым показателем коэффициента корреляции. Иначе говоря, введение мышьяка в медь перед отливкой изделий не влекло за собой попадание туда же сурьмы; последняя если даже иногда и вводилась намеренно в эту же медь, то совершенно независимо от мышьяка, отчего его концентрации оставались неизменными. В противоположность этому, положительная взаимосвязь между содержаниями сурьмы и серебра и в особенности сурьмы и никеля совершенно очевидна (рис. 2). Были ли связаны эти элементы геохимически в каком-то минерале, добавлявшемся в исследуемую медь, сказать сейчас трудно; вероятно, мы столкнулись здесь с довольно редко встречающейся в раннем металле закономерностью. Не исключено, что это явится общим признаком какой-то еще неясной для нас химической группы меди, бытовавшей в прикубанском очаге позднебронзового века. В связи с этим интересно заметить, что три образца, частично уже упоминавшиеся выше (серп и два ножа с перекрестьем, ан. 5015, 5025, 5029) и содержащие самые высокие доли сурьмы, характеризуются также наивысшими концентрациями никеля и серебра.

[3] *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, № 23, 1951.

[4] *Барцева Т. Б.* О цветной металлообработке на территории Северного Кавказа в раннем железном веке.— СА, 1974, № 1, с. 24—37.

[5] *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, с. 41—50.

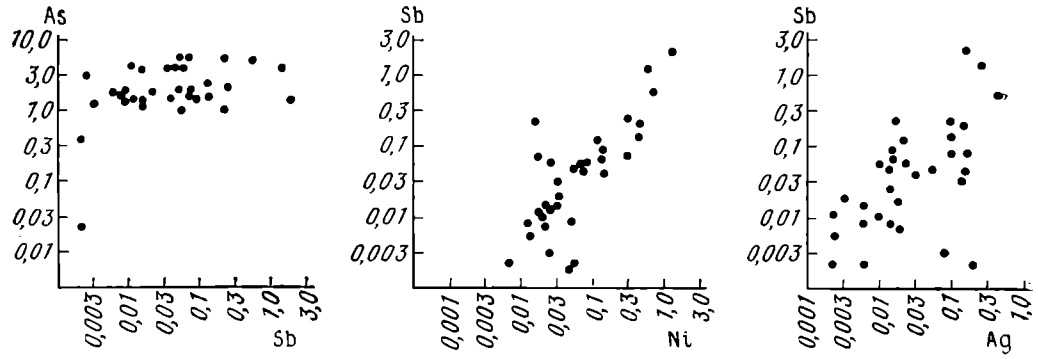


Рис. 2. Корреляционная взаимозависимость концентраций мышьяка и сурьмы, сурьмы и никеля, сурьмы и серебра в меди клада у Батарейки

Вообще же следует сказать, что изучение химических групп меди в прикубанском очаге позднебронзового века только начинается и мы до сих пор не вполне представляем четких характеристик интересующих нас совокупностей металла. Вот почему наши сравнения меди Таманского клада с иными коллекциями будут проведены на недостаточно строгом уровне. Предварительные сопоставления, однако, позволяют довольно уверенно считать, что в химическом отношении металл комплекса имеет довольно близкие и многочисленные параллели в ряде памятников Прикубанья, а также в центральных районах Северного Кавказа. В бассейне Кубани подобный металл известен в недавно найденном кладе у станицы Ахметовская [6] и в весьма интересных комплексах из курганов у станицы Удобная (в последних северокавказские типы серпов и ножей сочетались с кинжальчиками степного облика). Географически более отдаленны, но в химическом отношении столь же близки Таманскому металлические изделия из так называемого Ростовского клада (найден в 1963 г. у аэропорта г. Ростова-на-Дону) и Самарского клада Азовского р-на Ростовской обл.[7] Ростовский клад состоит как бы из двух частей: серпы северокавказские, отлитые из металла, идентичного батарейскому, и иные находки — тесла, кинжал, булава, отлитые из оловянных бронз.

Подведем краткие итоги исследования. Изделия Таманского клада отлиты из принципиально единой в химическом отношении мышьяковой бронзы, имеющей кавказские, но пока что точно не локализованные источники. Особый интерес вывода заключается в том, что мы можем отвергнуть гипотезу об импортном характере орудий степных типов и утверждать их местное производство, равно как и иных изделий, характерных для прикубанского очага. По всей вероятности, мы столкнулись с фактом подражания местных мастеров чуждым образцам, либо имело место привнесение степными литейщиками своих стереотипов на Кубань и заимствование здесь местных типов орудий наряду с использованием местных источников металла. Интересно заметить также, что практически все известные на Кавказе орудия степных типов — кельты, ножи, серпы — отлиты из кавказского металла. Наиболее вероятным степным районом, с которыми можно связывать прототипы исходных образцов, найденных, в частности, в Таманском кладе, или же районом, откуда проникли на Тамань сами литейщики, был завадово-лобойковский очаг, охватывающий Левобережье Украины, бассейн Донца и Крым. Об этих контактах мне уже приходилось писать в связи с исследованием металла на Юго-Западе СССР [8].

[6] *Марковин В. И., Глебов А. И.* Клад бронзолитейщика из окрестностей станицы Ахметовской.— СА, 1979, № 2, с. 239—245.

[7] *Бочкарев В. С.* Новый клад прикубанских бронз из Ростовской обл.— КСИА АН СССР, № 132, 1972, с. 87—91.

[8] *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 119, 121, 194.

В. П. КОПЫЛОВ, К. К. МАРЧЕНКО

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ДОНУ

Этнокультурная атрибуция обширного курганного могильника скифского времени, расположенного в непосредственной близости от Елизаветовского городища на Дону, все еще далека от своего разрешения [1]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, в значительной мере объясняется отсутствием специальных исследований, посвященных этнически наиболее показательным категориям вещественных находок из погребений. В их числе важнейшее значение, несомненно, имеет и местная лепная керамика, послужившая в свое время одним из основных критериев установления единства материальной культуры населения, оставившего Елизаветовский могильник и одноименное с ним городище [2].

За длительный период изучения могильника (более 125 лет) на его территории раскрыто 276 курганов с 359 погребениями. К сожалению, большая часть материалов из раскопок дореволюционных лет безвозвратно утеряна [3]. На сегодняшний день мы располагаем лишь 212 более или менее надежно документированными погребальными комплексами, около 25% которых безусловно содержало один-два, редко три сосуда, сработанных от руки. Из указанных 212 погребений скифского времени 129 сравнительно точно датируются греческим импортным материалом, что позволяет выявить значимое уменьшение во времени удельного веса комплексов с лепной керамикой:

Время	Общее количество датированных погребений	Погребения с лепной керамикой
V в. до н. э.	42	20
IV в. до н. э.	87	12

Как было установлено ранее, параллельно с уменьшением количества лепной керамики в захоронениях происходило существенное сокращение и числа погребений с греческой посудой, изготовленной на кругу [4]. Истинные причины этих явлений остаются пока невыясненными.

[1] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 49—51, 65—69; *его же.* К этнической истории Нижнего Подонья.— Изв. СКНЦВШ. Серия общ. наук., 1974, № 3, с. 45, 46.

[2] *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг.— ИРОМК, 1959, № 1 (3), с. 26; *его же.* Ушаковский курган.— СА, 1966, № 1, с. 190.

[3] *Леонтьев П. М.* Археологические разыскания на месте древнего Танаиса.— Пропелеи, т. IV. М., 1854; *Хицунов П. И.* Отчет о раскопках. Архив ЛОИА АН СССР, ф. № 1, д. 10, 1869, л. 56—70; *Ушаков И. И.* Отчет о раскопках. Архив ЛОИА АН СССР, ф. № 1, д. 240, 1901.

[4] *Брашинский И. Б.* Аттическая расписная и чернолаковая керамика V в. до н. э. из Елизаветовского могильника.— Тр. ТГЭ, XVII, 1976, с. 99.

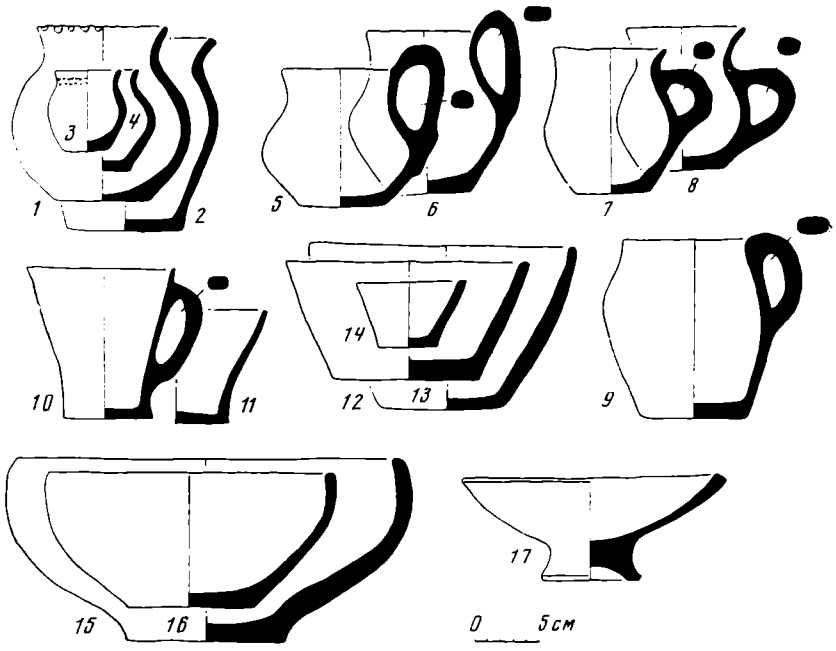


Рис. 1. *1—17*. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону

Необходимо все же отметить, что оба эти имевшие одинаковую направленность процесса протекали на фоне расширения торговой и хозяйственной деятельности жителей Донской дельты скифского периода, расцвет которой падает именно на IV в. до н. э., и что, таким образом, их невозможно ставить в прямую зависимость от экономических факторов. Дело скорее в изменении каких-то деталей самого погребального обряда елизаветовцев, постепенно трансформировавшегося под воздействием менявшихся условий жизни.

Общее количество учтенных в классификации лепных сосудов составляет 52 экз.[5] Подавляющее большинство из них происходит из погребений в малых, рядовых курганах могильника. В морфологическом отношении в указанной выборке можно выделить как минимум шесть типов. В основе выделения лежат визуально фиксируемые различия в форме сосудов.

Тип I (рис. 1, *1—4*). Плоскодонный горшок с выраженным горлом с более или менее плавно отогнутым наружу плоско срезанным (как вариант скругленным) краем и округло выгнутыми в средней части выпуклыми плечами. Диаметр устья больше диаметра дна. Тип представлен 23 экз. Основные размеры горшков: диаметр устья 4—21 *см*, диаметр дна 4—13,5 *см*, высота 5—26,5 *см*.

Поверхность сосудов шероховатая, без следов лощения. Шесть экземпляров орнаментированы. Четыре из них украшены рядом пальцевых (ногтевых) вдавлений или защипов, расположенных по краю венца (рис. 1, *1*). Пятый горшок имеет два ряда пальцевых вдавлений по горлу и краю одновременно. Шестой — орнаментирован по горлу частыми вдавленными кружками, нанесенными пустотелой соломинкой или обрезанным пером (рис. 1, *3*).

Время бытования типа охватывает практически весь период функционирования Елизаветовского могильника — V — рубеж IV—III вв. до н. э. Судя по положению отдельных сосудов в погребениях (под горлом лежа-

[5] В указанное число не вошла керамика из тризн, засыпи погребений и насыпей курганов.

щей амфоры либо между амфорой и остатками напутственной пищи), тип полифункционален. В пользу этого вывода, по-видимому, косвенно свидетельствует и значительная вариабельность основных параметров горшков, часть которых (3 экз.) имеет столь небольшие размеры (диаметр устья меньше 7 *см*), что может быть отнесена к своего рода игрушкам — символам настоящей кухонной посуды. Весьма примечательным в этой связи является и факт нахождения двух таких игрушек именно в детских погребениях.

Нет никакого сомнения в том, что описанный тип горшков в целом тождествен наиболее распространенному на Елизаветовском городище I типу сосудов [6]. Имеющиеся различия касаются главным образом второстепенных признаков (отдельных видов орнаментации) и могут быть объяснены нерепрезентативностью выборки. Единственным, с нашей точки зрения, существенным отличием является отсутствие среди горшков из могильника сосудов относительно больших размеров, так называемых корчаг, предназначенных для длительного хранения продуктов питания, что, вероятно, следует связывать с характером самого погребального обряда.

Констатируемая сопоставимость позволяет в свою очередь с большей легкостью очертить для скифского периода ареал типологически схожей керамики, это — степные и лесостепные районы Северного Причерноморья от Дона до Днестра. Как уже было установлено, наиболее близкие параллели типу I имеются прежде всего в комплексе конца V—IV в. до н. э. с Каменского городища на Днепре [7]. Аналогичная посуда более раннего, V в. до н. э. хорошо известна, например, по скифским памятникам лесостепного днепровского левобережья [8].

Тип II (рис. 1, *5*, *8*). Плоскодонный кубок с простой вертикальной петельчатой ручкой. В материалах погребений имеется девять сосудов этого типа. Восемь кубков полностью восстанавливаются. Фиксируются два варианта формы. Первый (4 экз.) — кубки с биконическим или приближающимся к биконическому туловом; приподнятая над венцом на 1,5—2,0 *см* ручка прикреплена к краю и наиболее широкой части сосуда (рис. 1, *5*, *6*). Второй вариант — кубки с приближающимся к биконическому или округлым туловом; ручка прикреплена к плечу и нижней части сосуда (рис. 1, *7*, *8*). Несмотря на указанные различия, основные размеры кубков поразительно близки: диаметр устья 8—10 *см*, диаметр дна 5—7 *см*, высота 10—13 *см*.

Все кубки коллекции имеют хорошо лощеную поверхность серого или черного цвета. Судя по положению сосудов в погребениях (под горлом лежащей амфоры либо рядом с ее туловом), тип однофункционален. На основании датировок греческой импортной посуды время бытования кубков ограничивается пределами только V в. до н. э. Хронологически несколько более ранний первый вариант сосудов уже со второй четверти середины V в. до н. э. сосуществует с кубками второго варианта.

При сопоставлении типа с морфологически сходной посудой Елизаветовского поселения прежде всего обращает на себя внимание его значительно больший удельный вес в комплексе местной керамики могильника, с одной стороны, и, несомненно, более короткий период бытования — с другой [9]. Среди иных специфических признаков типа следует отметить: полное отсутствие орнаментации, заметную стандартность основных размеров и тщательность обработки поверхности — лощение. Не

---

[6] *Марченко К. К.* Лепная керамика V—III вв. до н. э. с городища у станицы Елисаветовской на Нижнем Дону.— СА, 1972, № 1, с. 123—129, рис. 2, *1*, *2*.

[7] Там же, с. 129.

[8] *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, табл. LVIII, *7—9*, *15*; табл. LX, *2*, *4*, *5*, *8—10*, *18*, *20*, *24*; *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967, с. 124, 125, рис. 52, *41*, *46*.

[9] *Марченко К. К.* Ук. соч., с. 125, рис. 2, *4*.

обнаружено, наконец, в погребениях и кубков с ручкой, прикрепленной к краю и тулову,— первый вариант формы, но не поднимающейся над венцом, что как раз и характеризует городищенскую посуду. В этой связи небезынтересно упомянуть находку именно такого сосуда в одной из тризн могильника, датируемую серединой V в. до н. э. (рис. 1, *9*). Помимо указанной формы ручки кубок из тризны сближают с керамикой из поселения относительно большие размеры и грубость исполнения — отсутствие лощения.

Аналогии кубкам Елизаветовского могильника за пределами Нижнего Подонья мы находим в материалах VI—IV вв. до н. э. с различных в этнокультурном отношении памятников Причерноморья, в том числе в погребальном инвентаре населения Северного Кавказа и Днепровского лесостепного левобережья [10].

Тип III (рис. 1, *10*). Кружка в виде перевернутого усеченного конуса с простой вертикальной петельчатой ручкой, прикрепленной ниже прямого края. Стенки сосуда слегка прогнуты вовнутрь в средней части тулова. Поверхность носит следы хорошего лощения серого или черного цвета.

В материалах могильника имеются как минимум два экземпляра кружек. Одна из них обнаружена под горлом лежавшей амфоры в погребении, суммарно датируемом V—IV вв. до н. э. Данные о положении второй кружки, найденной в погребении первой половины V в. до н. э., отсутствуют [11]. К этому же типу условно отнесен еще один сосуд сходной формы (рис. 1, *11*), также найденный под горлом лежавшей амфоры, но в погребении второй половины V в. до н. э. Сомнения в этом случае вызваны несколько иными пропорциями и отсутствием каких бы то ни было следов ручки. Последнее обстоятельство, впрочем, может являться следствием плохой сохранности кружки, значительная часть тулова которой не сохранилась.

За пределами Елизаветовского могильника кружка сходной формы нам известна только в коллекции лепной посуды из погребений скифского времени Посулья [12].

Тип IV (рис. 1, *12—14*). Плоскодонные миски в виде перевернутого усеченного конуса. Край сосуда плоско срезан или скруглен. Прямые (как вариант слегка выпуклые) стенки отходят от дна под тупым углом. Тип представлен 14 экз., 12 из которых носят отчетливые следы лощения хорошего качества. Основные параметры лощеных мисок: диаметр устья 18—28 *см*, диаметр дна 9—14 см, высота 9—14 *см*. Два грубых сосудика этого же типа, обнаруженные в детских захоронениях, имеют значительно меньшие размеры (диаметр устья около 9—10 *см*), что в сочетании с условиями нахождения позволяет отнести их к категории «игрушек»-символов (рис. 1, *14*). В целом же тип однофункционален: в погребениях миски как правило стояли рядом с остатками напутственной пищи.

Согласно имеющимся наблюдениям, время бытования лощеных мисок в могильнике ограничивалось V в. до н. э., начиная со второй четверти столетия; погребения с «игрушками» датируются первой половиной IV в. до н. э.

Помимо Елизаветовского могильника миски в виде перевернутого усеченного конуса хорошо известны и в керамическом комплексе одноименного с ним городища [13], в материалах которого до сих пор, однако, не обнаружено ни одного лощеного экземпляра сосудов этого рода. Создается впечатление также, что миски в условиях поселения бытовали бо-

---

[10] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 476, табл. LVI, *2*, *5*; *Ильинская В. А.* Ук. соч., табл. LXIII, *3—5*; *Ковпаненко Г. Т.* Ук. соч., с. 112, рис. 52, *45*.

[11] *Миллер А. А.* Раскопки в районе древнего Танаиса.— ИАК, № 35, 1910, с. 95, рис. 5, *11*.

[12] *Ильинская В. А.* Ук. соч., табл. LXIII, *2*.

[13] *Марченко К. К.* Ук. соч., с. 125, рис. 2, *9*.

лее длительное время — практически до гибели последнего. Таким образом, есть основания предполагать особую в сравнении с синхронными памятниками скифского времени других районов Северного Причерноморья популярность этого типа посуды у населения Донской дельты V — первой трети III в. до н. э.

Тип V (рис. 1, *15, 16*). Плоскодонная миска с загнутым внутрь краем. В материалах Елизаветовского могильника тип представлен всего двумя лощеными сосудами, обнаруженными в погребениях второй половины конца V в. до н. э. рядом с остатками пищи.

Судя по крайне небольшому количеству обломков аналогичной посуды на Елизаветовском городище [14], этот вообще-то довольно распространенный в Северном Причерноморье скифского времени тип мисок не играл сколько-нибудь значительной роли в керамическом комплексе жителей Нижнего Подонья.

Тип VI (рис. 1, *17*). Вазообразная лощеная миска («чаша») с прямым косо срезанным краем на высоком кольцевом поддоне. Известна в одном экземпляре, найденном в погребении третьей четверти V в. до н. э. рядом с остатками напутственной пищи. Последнее обстоятельство позволяет предполагать функцию вазообразной миски тождественной функции обычных мисок типов IV и V настоящей классификации.

Формально сосуд, по-видимому, вполне сопоставим с отдельными экземплярами так называемых чаш Елизаветовского городища [15], имеющих, однако, шероховатую, лишенную лощения поверхность и датируемых к тому же столь поздним периодом, что это вообще ставит под сомнение генетическую связь типов. Среди аналогий более близкого времени в других районах Северного Причерноморья упомянем миски с коническим поддоном из скифских погребений VI—V вв. до н. э. Посулья [16] и Поворскля [17].

Этим завершается рассмотрение коллекции лепной керамики из погребений Елизаветовского могильника, в материалах которого, впрочем, имеются обломки двух сосудов баночной формы, совершенно аналогичных типу IV Елизаветовского городища [18]. Оба представителя типа найдены в тризне IV в. до н. э. и по условиям нахождения не введены в настоящую классификацию. Таким образом, к ранее сделанным наблюдениям можно добавить еще несколько.

Нет никакого сомнения в том, что параллельно с уже зафиксированным нами уменьшением количества погребений, содержавших местную посуду, произошло и резкое сокращение числа ее типов — от шести (типы I—VI) в V в. до н. э. до одного (тип I) во второй половине IV в. до н. э. Судя по положению горшков типа I в погребениях IV в. до н. э., указанное явление, по всей видимости, не сопровождалось заметным изменением функций керамики. Начало сокращения следует отнести к рубежу V—IV вв. до н. э., т. е. ко времени, когда в могильнике и, вероятнее всего, на поселении совершенно выходят из употребления сосуды с лощеной поверхностью.

Сопоставление комплексов лепной керамики Елизаветовского могильника и одноименного с ним городища наряду с их несомненным культурным единством выявляет и определенные несоответствия в соотношении отдельных типов, технологии производства, наборе и времени их бытования. Даже если учитывать заметное хронологическое несовпадение сравниваемых комплексов, создается впечатление, что посуда из погребений обладала целым рядом специфических черт, позволяющих объеди-

---

[14] *Марченко К. К.* Лепная керамика, с. 125, рис. 2, *10*, *11*, с. 131.
[15] Там же, рис. 2, *13*.
[16] *Ильинская В. А.* Ук. соч., табл. LIX, *6*, *9*, табл. LXII, *8*, *10*.
[17] *Ковпаненко Г. Т.* Ук. соч., с. 112, рис. 52, *24*, *33*.
[18] *Марченко К. К.* Ук. соч., с. 125, рис. 2, *5*, *6*.

нить ее в одну группу, причем большая часть сосудов, если не все, была изготовлена специально для погребального инвентаря. Это заключение в свою очередь позволяет высказать предположение, что классифицированные нами материалы корректнее городищенских отражают глубинные этнокультурные традиции населения Донской дельты скифского периода. В данной связи обращает на себя внимание отсутствие в их составе хорошо известных на Елизаветовском поселении типов керамики, сходной с савроматской и меотской посудой. Не обнаружено здесь также и сосудов, имитирующих в лепной технике греческие изделия. Словом, есть серьезные основания думать, что керамика из погребений генетически монолитнее бытовавшей на поселении. Как представляется, несмотря на довольно широкое распространение в различных районах Причерноморья посуды, аналогичной отдельным типам настоящей классификации, фиксируемые в ней формы, их соотношение, сочетание и динамика в целом более всего характерны для скифских погребальных комплексов V — IV вв. до н. э. Днепровского лесостепного левобережья.

V. P. Kopylov, K. K. Marchenko

HAND-MADE POTTERY OF THE ELIZAVETOVSKOYE CEMETERY AT DON

Summary

Hand-made pottery from one of the greatest sites of the Scythian time of the North — Pontic area — Elizavetovskoye cemetery at Don is published in the article. From the morphological point of view six types of pottery are singled out. They find close analogies among synchronous pottery from the forest-steppe zone of the left bank of Dnieper. The correlation of the hand-made pottery of the Elizavetovskoe cemetery and the fortified settlement of the same name shows their indubitable cultural unity and also the discrepancy of some separate types, technology of manufacturing, of the set of forms and their chronology. It seems, that the classified materials reflect the ethnocultural traditions of the population of the Don delta of the Scythian period more accurately, than the materials from the fortified settlement.

Ю. С. БАДАЛЬЯНЦ

НОВЫЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН НА РОДОССКИХ АМФОРАХ

Одной из важнейших проблем в родосской керамической эпиграфике является вопрос о хронологическом соответствии имен эпонимов и фабрикантов, или, иначе говоря, установление пары личных имен на родосских амфорах.

Учитывая огромную важность исследования вопроса о синхронности имен родосских эпонимов и фабрикантов в деле развития родосской керамической эпиграфики, мы посвятили этой работе специальную статью, которая была опубликована в 1976 г. на страницах настоящего журнала [1].

В статье было опубликовано 240 пар личных имен. Эти сочетания охватывали 110 имен эпонимов и 116 имен фабрикантов. Определенная часть сочетаний была отнесена к предполагаемым парам [2].

В связи с тем, что за последние годы накопился определенный новый археологический материал, а также создались некоторые обстоятельства теоретической и практической значимости, появилась необходимость вновь обратиться к этому вопросу и продолжить исследование.

Готовя Корпус керамических клейм из Северного Причерноморья (родосская категория амфорных клейм) к изданию, нам удалось обнаружить ряд новых хронологических соответствий имен эпонимов и фабрикантов, которые отсутствовали в первой нашей публикации. Кроме того, ряд сочетаний личных имен дали археологические раскопки за последние годы.

Некоторая часть хронологических сочетаний, которая была нами ранее отнесена к разряду предполагаемых, должна быть пересмотрена и перенесена в группу твердо определенных пар.

В предыдущей нашей статье к твердо установленным синхронным сочетаниям мы относили те пары, которые зарегистрированы на целых амфорах или совмещены в одном клейме. Остальные же атрибуции для установления пар (по эмблемам, по дополнительным и курсивным клеймам и т. д.) [3] мы отнесли к предположительным. В настоящее время мы пересмотрели свое отношение к этим приемам и считаем вполне приемлемым использование вышеназванных критериев для определения того

---

[1] *Бадальянц Ю. С.* Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса.— СА, 1976, № 4, с. 32—41; там же дана история вопроса и литература.

[2] Следует отметить, что в нашей статье (*Бадальянц Ю. С.* Ук. соч., с. 41) в итоговые цифровые данные вкралась ошибка. Число 163 пары не соответствует в действительности опубликованному материалу, это число значительно больше. Остальные цифровые данные определены верно.

[3] Об этом подробнее см.: *Крушкол Ю. С.* Легенды родосских амфор.— ВДИ, 1946, № 3, с. 192; *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975, с. 21, 22; *Бадальянц Ю. С.* Ук. соч., с. 34; *Grace V., Savvatianou-Pétropoulakou M.* Les timbres amphoriques grack.— Exploration archéologique de Délos, Fasc. XXVII, L'ilot de la Maison des Comédiens. Paris, 1970, p. 290.

или иного сочетания. Кроме того, некоторые имена эпонимов и фабрикантов получили новые датировки, что повлекло за собой изменение хронологического соответствия имен в целом. В прежние списки сочетаний не были внесены имена эпонимов первой хронологической группы, которые предположительно могли быть датирующими лицами для амфор фабриканта Гиеротела [4].

Следует также отметить, что некоторые сочетания были зарегистрированы ошибочно и сейчас требуют исправления.

Наконец, и это, пожалуй, самое главное, в первой нашей публикации мы хронологизировали все сочетания, применяя для этого классификационную модель эпонимной категории родосских клейм, предложенную В. Грейс [5]. Однако это не совсем верно. Дело в том, что эпоним на Родосе избирался только на один год, а деятельность фабриканта или его мастерской могла проистекать значительно дольше (два-три десятилетия). Следовательно, в год жречествования одного эпонима работало несколько фабрикантов, и, наоборот, деятельность одного фабриканта проходила при целом ряде эпонимов. Исходя из этого, следует, по-видимому, для фабрикантов применять несколько иную классификацию, т. е. здесь нужны как основные (базовые), так и «промежуточные» группы.

Недавно этот вопрос был нами тщательно исследован [6]. Изучая большое число родосских амфорных пар, а также значительное количество родосских клейм с именами фабрикантов, мы составили общую сводку имен фабрикантов по новой хронологической классификации.

Предлагаемая классификация:

X[1]	группа	— ок. сер. IV в.	— ок. 300 г. до н. э.
I	»	— ок. 330	— ок. 275 гг. до н. э.
I[2]	»	— ок. 300	— ок. 250 гг. до н. э.
II	»	— ок. 275	— ок. 220 гг. до н. э.
II[3]	»	— ок. 250	— ок. 200 гг. до н. э.
III	»	— ок. 220	— ок. 180 гг. до н. э.
III[4]	»	— ок. 200	— ок. 165 гг. до н. э.
IV	»	— ок. 180	— ок. 150 гг. до н. э.
IV[5]	»	— ок. 165	— ок. 130 гг. до н. э.
V	»	— ок. 150	— ок. 108 гг. до н. э.
V[6]	»	— ок. 130	— ок. 90 гг. до н. э.
VI	»	— ок. 108	— ок. 80 гг. до н. э.
VI[X]	»	— ок. 90	— ок. 50/40 гг. до н. э.

Рассматривая предложенную хронологию, следует отметить, что она является хронологической системой для родосских клейм вообще, ибо по этой классификации можно хронологизировать как клейма фабрикантов, так и эпонимные клейма.

Принятые индексы при основных (1, 2, 3 и т. д.) указывают на промежуточный период от одной базовой группы к другой. Следует несколько подробнее остановиться на двух группах — начальной и конечной.

---

[4] *Grace V.* The Eponyms Named on Rhodian Amphora Stamps.— Hesperia, XXII, 1953, p. 119, note 10. tabl. 42, 1a, 1b; *idem.* Notes on the Amphoras from the Koroni Peninsula.— Hesperia, XXXII, 1963, p. 234, note 12, p. 328, note 20; *Grace V., Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 309, E24.

[5] О различных вариантах хронологической классификации см.: *Grace V.* Timbres amphoriques trouvés à Délos.— BCH, LXXVI, 1952, p. 525; *idem.* Pnyx: Stamped Wine Jar Fragments.— Hesperia, Suppl. X, 1956, p. 140; *Grace V., Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 286, 301, 302.

[6] Опыт хронологической классификации имен родосских фабрикантов изложен мною в специальной статье, которая будет опубликована в журнале «Нумизматика и эпиграфика», вып. XIII.

Группа X[1] — это начало всей классификационной системы, датируется временем около середины IV в.— около 300 г. до н. э. По-видимому, нет сомнения в том, что деятельность некоторых фабрикантов, в особенности наиболее ранних, началась намного раньше, чем была введена практика всеобщего клеймения амфор на Родосе (около 330 г. до н. э.) [7]. По аналогичным соображениям, только несколько другого порядка, нами предложен хронологический диапазон конечной VI[X] группы.

Учитывая изложенное выше, мы считаем, что необходимо общий список хронологических соответствий личных имен родосских эпонимов и фабрикантов дать в несколько иной конструкции, а именно: сначала имя фабриканта, а затем имя эпонима. Причем при каждом фабриканте указывается хронологическая группа по предлагаемой классификационной системе.

Далее, мы считаем, что для практического использования этого материала списки имен удобнее давать столбцом, что несомненно облегчит работу всем специалистам и в первую очередь археологам.

Что касается некоторых предполагаемых сочетаний, то они будут даны в общем списке. В каталоге имена фабрикантов и эпонимов даются в алфавитном порядке и в русской транскрипции.

Таким образом, учитывая изложенное выше, мы составили список из 269 сочетаний имен эпонимов и фабрикантов. Из общего списка три с лишним десятка пар можно отнести к разряду предполагаемых, остальные определены твердо. Совершенно новые соотношения также включены в общий список, кроме трех сочетаний, которые трудно в настоящее время хронологизировать, это:

Ф		Э	
Апатурий	—	Эйренай	IOSPE III № 1878
Темистокл	—	Амфикрат	IOSPE III № 583
Технон	—	Эйренай	IOSPE III № 1879

Подводя итог сказанному, следует отметить, что рамками этой статьи не завершается работа по выявлению хронологических соответствий имен родосских эпонимов и фабрикантов. Накопление нового археологического материала позволит нам еще не раз возвращаться к этому вопросу и периодически дополнять имеющийся список родосских пар личных имен.

Каталог хронологических соответствий имен эпонимов и фабрикантов на родосских амфорах

Агатобул — Андрий
— Андроник
— Аристак
— Аристарх
— Архемброт I
— Астимед III
— Гиерон II
— Никасагор II
— Терсандр

Агатокл — Агестрат II
(III) Филений

Агесикл I — Агрий
(I) Филин

Агесикл II — Писистрат?
(III[4])

Агесил — Иасикрат
(II[3]) Тарсиполий

Агесипп — Никасагор I?
(III)

Агоранакт — Аратофан I
(II[3]) Кратид
Состратт II

Аксий — Евфранорид
(I) Пидхиад
Стенел
Филин

Александр — Молпагор
(V[6])

Аминта — Аристон
(III) Архилаид
Атанодот
Ксенофон
Никасагор I

Анаксипид — Леонтид
(V)

Антигон — Гиерон I
(III[4]) Кратид

Антимах — Алексимах

[1] *Grace V., Savvatianou-Pétropoulakou M.* Op. cit., p. 300. Авторы предположили, что родосские амфоры впервые стали клеймиться с 332 с. до н. э.

(III⁴) Атанодот
Пратофан
Апполонид — Доркилид
(III⁴)
Аполл... — Леонтид
(V)
Аратей — Иасон
(VI) Эхебул
Аретакл — Аратофан I
(III)
Аристион — Доркилид
(III)
Аристипол — Аристон
(III)
Аристокл — Аратофан I
(III⁴) Аристократ II
Аристомбротид I
Аристон
Архидам
Архилаид
Евдам
Герагор
Лафейд
Павсании II
Тимодик
Аристон — Агемах
(III) Филодам
Арист I — Архократ
(III) Клеоним II
Теайдет
Тимасагор
Фплодам
Аристид Тестор
(III⁴)
Аристофан — Аристомах II
(VI)
Атанодот — Клевкрат
(III)
Атос — Еванор
(IV⁵) Евфранор II
Афродисий — Агестрат II
(III)
Бойск — Агрпй
(I)
Бостор — Эсхин
(V⁶)
Гераклит — Никасагор I
(III)
Гермай — Автократ
(IV)
Гермайск — Никомах?
Гермий — Тимуррод
(IV)
Гермон — Аристон
(III)
Гефестион — Павсаний III
(IV)
Гиерокл — Тимокл II?
(V⁶) Файнил
Эхебул?
Гиерон — Дионисий
(III)
Гиеротел — Агестрат I?
(I²) Агемон?
Агесий?
Аретакл?
Аристанакт I?
Аристарх?
Аристей?
Дамократ I?
Даэмон?
Евклес
Евфранорид?
Калликрат I
Клеоним I?
Лисандр?
Никон?
Павсаний I
Пидхиад?
Поликл?
Полихарм?
Стенел?
Тимоклид
Филин?
Филократ
Филонид I
Фрасил?
Экзакест?
Энесидам I?
Эпихарм?
Гиппократ — Автократ
(III⁴) Аратофан I
Аристодам
Аристократ II
Аристон
Аристрат
Гиерон I
Евдам
Клеомброт I
Ксенарет
Ксенофант
Менон
Павсаний II
Теайдет
Главкий — Клеострат
(V)
Дамокл — Архилаид
(III⁴)
Дамократ I — Агемах
(III⁴) Аристократ II
Аристон
Калликратид II
Никасагор I
Павсаний II
Пратофан
Симмах
Филодам
Дамоник — Евклес
(I²) Павсаний I
Дамофил I — Гиерон I
(III) Герагор
Лафейд
Дамофил II — Клеострат?
(V) Полиарат?
Дий — Аристон
(II³) Калликрат II
Содам
Тестор
Диоклея — Алексиад
(IV⁵) Питодор
Дионисий — Аретакл
(X¹)
Диск I — Ксеностpат
(I²)
Диск II — Гиерон I
(II³) Кратид
Ксенофан
Ксенофант II
Пратофан
До — Гиерокл?
(VI)
Доким — Архократ
(III)

Дор — Аполлоний
(V⁶) Никомах
Драконтид — Алексиад
(V) Аристак
Аристарх
Архемброт I
Евклейт — Алексимах
(IV⁵) Аристак
Астимед II
Клеонстрат?
Евфранор — Никасагор II
(V)
Евфрон — Агрий
(I) Булагор
Зенон I — Аглокрит
(X¹) Калликрат I
Павсаний I
Экзакест
Зенон II — Клевкрат
(III⁴)
Иасон I — Аристодам
(III⁴) Архидам
Калликратид II
Иасон II — Андрий
(V)
Имас — Автократ
(IV) Дамайнет
Павсаний III
Тимуррод
Ион — Аристократ I
(I)
Исидор — Питодор
(IV)
Истр — Пратофан
(III)
Каллий — Аратофан I
(III) Аристодам
Кассандр — Аристомах II?
(V⁶)
Клейсимбротид — Содам
(II³)
Клено — Гиерокл?
(VI^X)
Лин — Анаксандр
(III) Никасагор I
Лисикл — Гиерон I
(III)
Манес — Алексимах
(IV)
Марсий — Дамокл
(III⁴) Писистрат
Менекрат I — Митион
(II)
Менекрат II — Аристид II
(III⁴)
Менандр — Архемброт II
(VI)
Менест — Дамайнет
(IV)
Менестрат — Аристомбротид II
(V⁶) Аристопол
Архибий
Гестий
Еванор
Эсхин
Менодор II — Даматрий
(VI)
Менофил — Аристофан
(VI)
Мидас — Алексиад
(V) Аристоген
Аристокл
Клеонстрат?
Микита — Аглокрит
(I) Полиарат I
Мойрих — Евкратид
(VI^X)
Наний — Аристид II
(III⁴) Аристодам
Никарх — Никомах
(V⁶)
Никий — Дамократ II
(VI)
Нисий — Павсаний III
(IV)
Олимп — Энесидам II
(II³)
Онасиойк — Сосикл
(III⁴)
Пасион — Гармосил?
(II)
Полиарат — Аристомбротид II
(V)
Потамокл — Евклес
(I) Ксенарет
Протим — Гармосил
(II)
Спмий — Ксенофант II
(III⁴)
Сократ — Гиерон I
(II³) Ксенофан
Содам
Сострат II
Сосикл — Эсхин
(V)
Сосил — Тимодик
(IV⁵)
Сотас — Лисандр
(I)
Сотер — Аристопол
(VI)
Сотерид — Калликрат II
(III)
Стефан — Аристомах II
(V⁶)
Стиракс — Ликон
(VI)
Стратон — Аристомах II?
(V⁶)
Тевмнаст — Автократ
(IV) Евдам
Питодор
Тесмокрит — Лафейд
(III)
Тиас — Аристодам
(III)
Тиморхид — Иасон
(VI)
Тимисикрат — Гераклит
(VI)
Тимоклид — Трасидам
(II)
Тимотей — Полиарат II?
(V)
Филений — Агестрат II
(III) Ксенофан
Пратофан
Филодам
Филипп — Аристомах II?
(V⁶) Аристомен
Филократ I — Тимасагор
(III)
Филостефан — Агорант ?

(V²) Аристомбротид II?
Аристогном
Аристопол
Архибий
Хрисаор
Эсхин?

Харитон — Герагор?
(IV)

Эйренай — Аратофан II
(VI)

Эпигон — Ксен
(II) Ксеностратт
Симюлин
Гипполит или
Полит

Эпикрат I — Павсаний III
(IV)

Эпикрат II — Бакхий
(VI)

Yu. S. Badalyants

ON THE CHRONOLOGICAL POSITION OF SOME PERSONAL NAMES AT THE RHODES AMPHORAS

Summary

The article is a further investigation of the question of establishment of chronological pairs of personal names of the Rhodesian eponims and manufacturers. Similar research was carried out by the author before and the results published in this journal in 1976. During last years new materials and investigations appeared, which let the author go on with the solving of this very interesting and important problem of the Rhodesian ceramic epigraphy. The structure of the earlier composed list was reviewed, it was supplemented with new conformities, a new classificational system for the names of manufacturers was introduced and also chronological borders of some combinations were changed. A catalogue including 269 names of eponims and manufacturers on the Rhodesian amphoras is published in the end of the article.

В. И. САРИАНИДИ

КУЛЬТОВЫЙ СОСУД ИЗ МАРГИАНЫ

Весной 1974 г. работами Маргианской археологической экспедиции ИА АН СССР в бассейне древней дельты Мургаба был выявлен новый тоголокский оазис памятников эпохи бронзы. Среди них столичным является Тоголок 1, состоящий из огромного высокого всхолмления и рядом расположенного поселения, возможно крепости. Интенсивные процессы дефляции в сильной степени развеяли верхний слой памятника, так что к моменту обследования на поверхности предполагаемой крепости, примерно в центре, обнажился венчик сосуда с налепленной на бортик фигуркой животного. Небольшие раскопки на этом месте показали, что какие-либо остатки древних строений здесь не сохранились: сосуд лежал на боку в обычном культурном слое. Внутри него находилось пять миниатюрных сосудов Набор этот связан скорее всего с культовыми возлияниями.

Описываемый сосуд (диаметр венчика 27 *см*, диаметр донца 12 *см*, высота 17 *см*) изготовлен на гончарном кругу из плотной красной глины и покрыт с обеих сторон светлым ангобом. По форме он представляет собой нижнюю часть обычных хумов: цилиндрическое тулово подкошенная придонная часть с песочной подсыпкой и плоское дно. По венчику идет процессия людей, птиц и животных, образующих скульптурный фриз, состоящий из хрупких терракотовых фигурок, подчеркивающих необычное, скорее всего культовое, назначение всего сосуда (рис. 1). Центральное место в композиции занимают две человеческие фигуры, Одна из них изображена в профиль, в движении, как бы идущей вперед с заложенными назад руками, круглая голова вылеплена весьма обобщенно, а лицо передано простыми защипами.

Вторая статуэтка почти вдвое превосходит первую, изображена анфас, схематично вылепленное простыми защипами лицо повернуто в сторону первой фигурки. Обеими руками она бережно прижимает к груди не совсем ясный удлиненный предмет, видимо, ребенка, голова которого покоится на локте согнутой левой руки; а ноги — на сгибе вытянутой правой руки. Поза обеих фигур не оставляет сомнений в их логической взаимосвязи между собой. Ноги фигур изображены в виде заглаженных глиняных нашлепок, которыми они крепились на бортике сосуда. Между фигурками снаружи изображена извивающаяся змея, хвост которой спускается к перегибу сосуда, а несохранившаяся голова заходила на венчик (рис. 2, *2*).

Следующая фигура, зооморфная, обращена лицом в сторону персонажа с ребенком и изображает рогатое животное, задняя часть которого не сохранилась (рис. 3). Снаружи к нему подбирается змея, голова которой высовывается из-под живота с внутренней стороны сосуда (рис. 2 и 3).

Вслед за этой фигуркой навстречу друг другу стоят два животных: одно с подчеркнутым, специально налепленным горбом конической формы, широко расставленными заостренными рогами и длинным хвостом

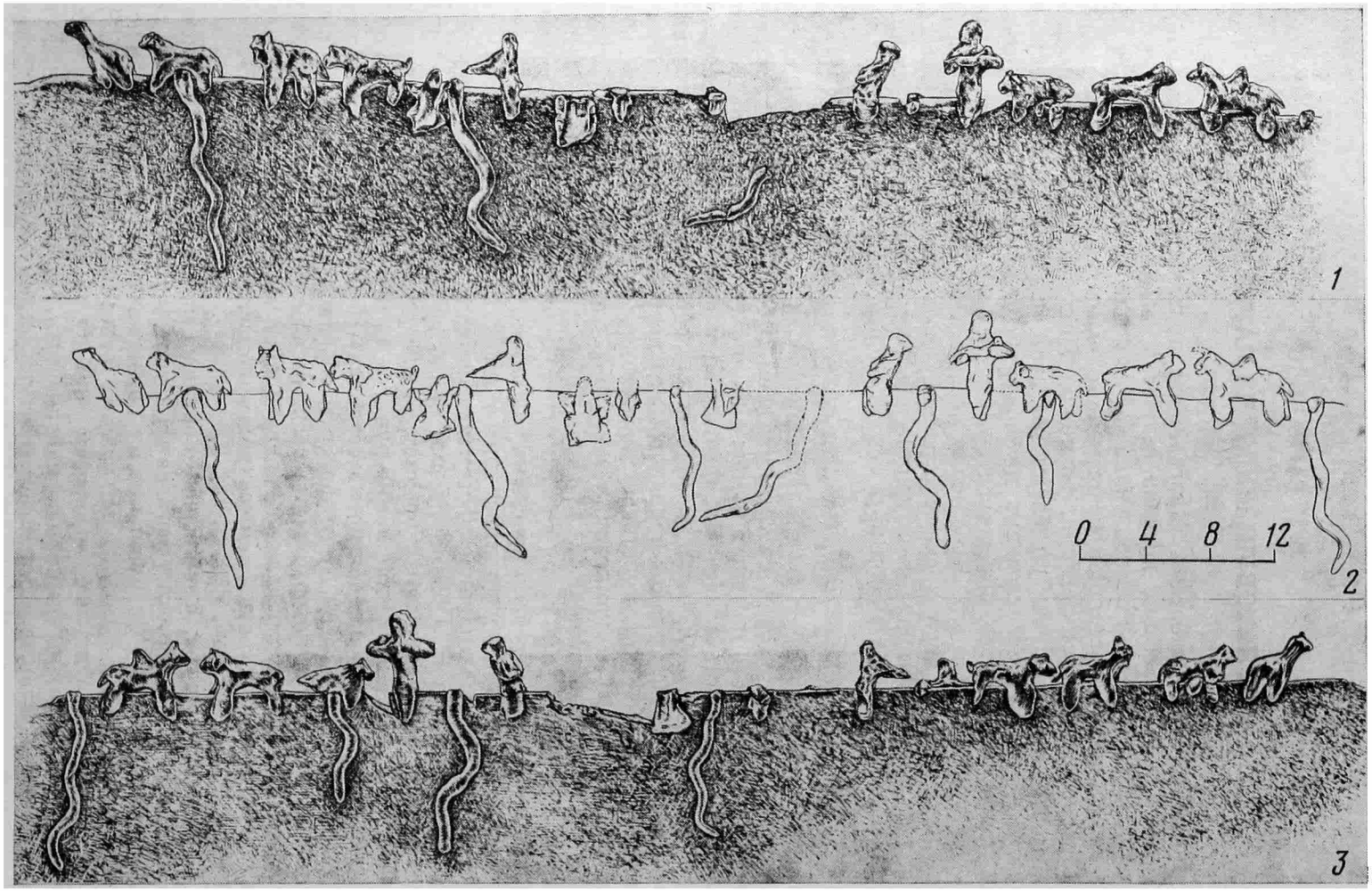


Рис. 1. Культовый сосуд. Скульптурный фриз. *1* – вид изнутри; *2* – общий вид; *3* – вид снаружи

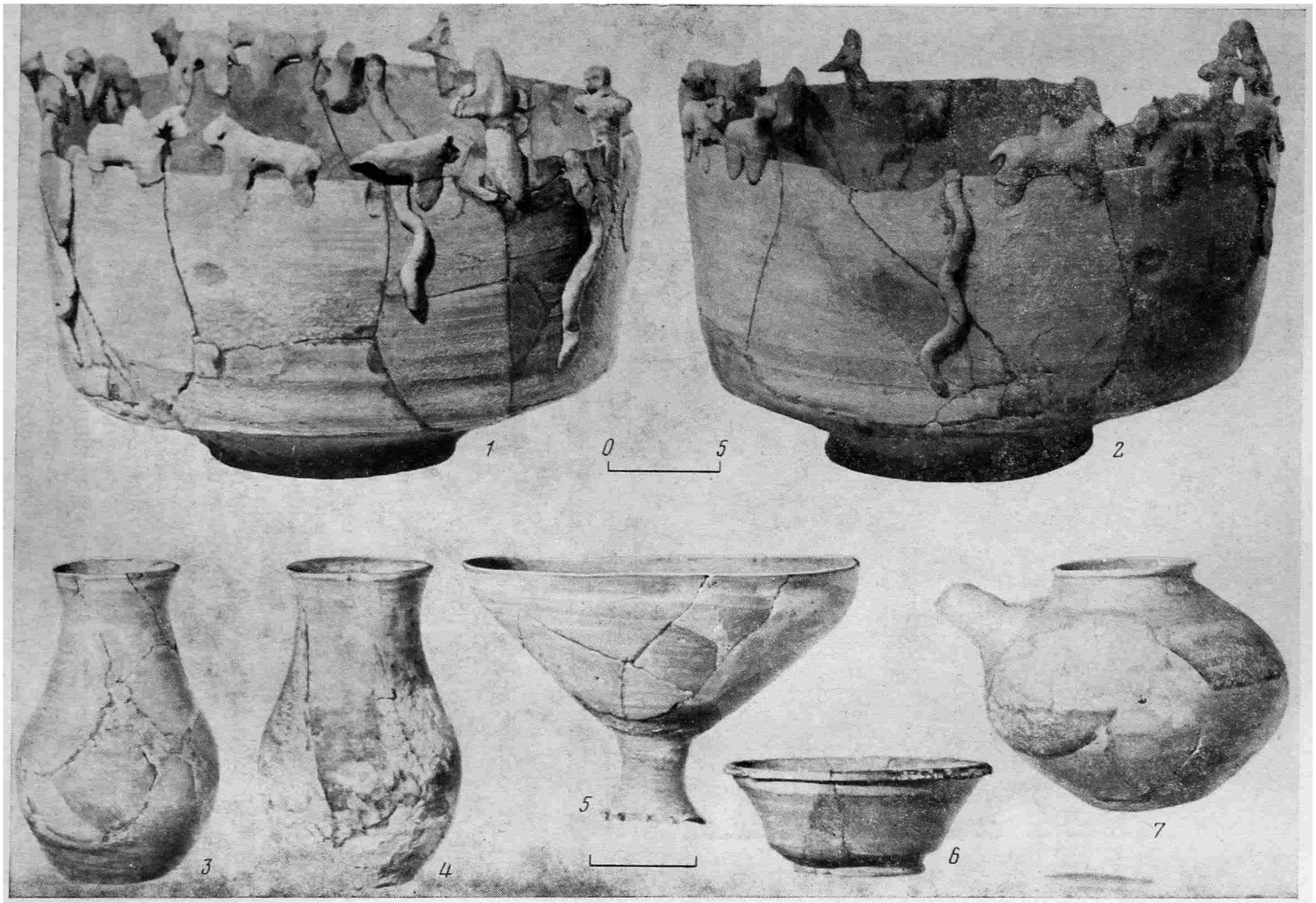


Рис. 2. *1–2* – культовый сосуд; *3–7* сосуды, находившиеся внутри культового

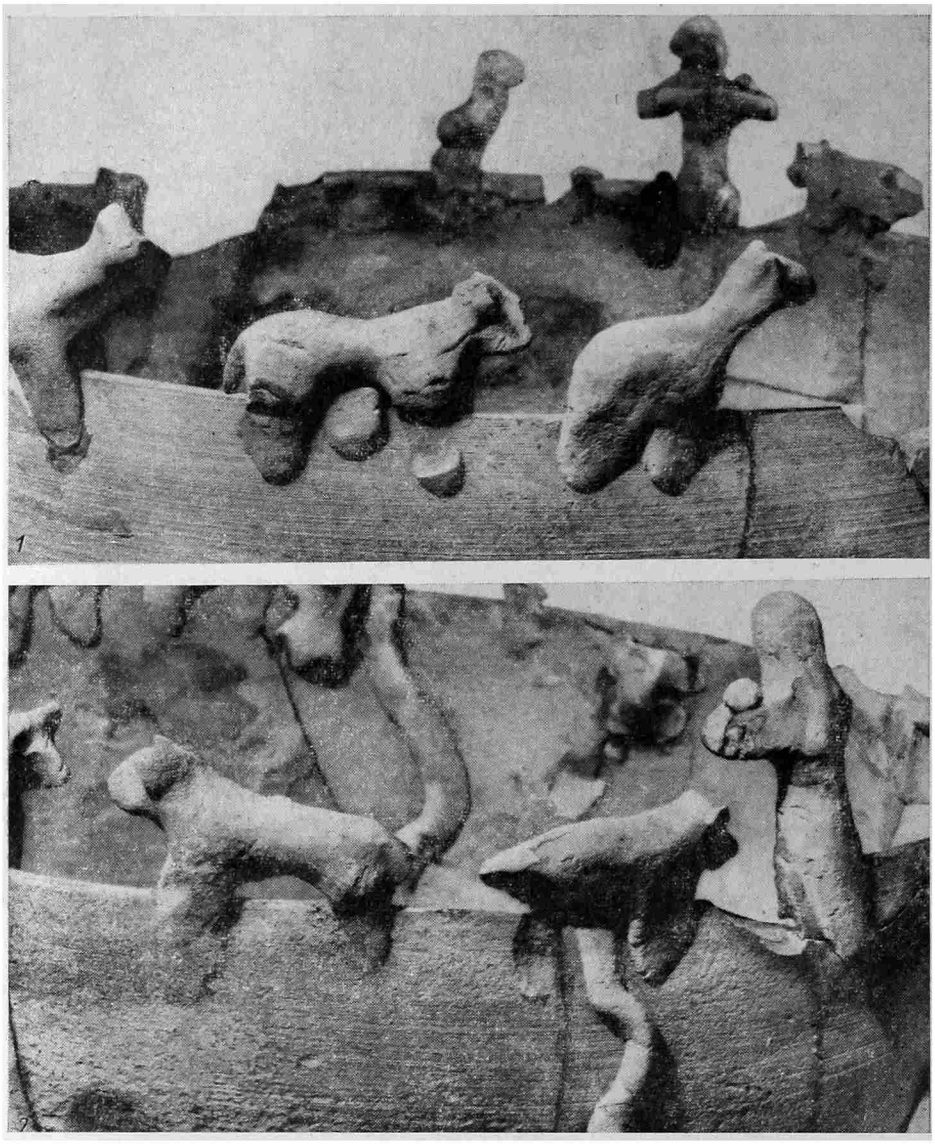


Рис. 3. Культовый сосуд (детали)

изображает крупное рогатое животное, возможно горбатого быка индийской породы. Породу второго животного, возможно осла, определить труднее: отметим лишь, что шея сверху подчеркнута специальными защипами, возможно передающими гриву, а уши опущены вниз (рис. 4, *1, 2*). Оба животных изображены в явно противоборствующей позе. Непосредственно за горбатым животным, снаружи от перегиба, извиваясь вверх, тянется змея, голова которой покоится на венчике, заходя внутрь сосуда (рис. 4, *4*). Рядом участок венчика отбит, но ниже облома поверхность сосуда никаких следов от былых налепов не сохранила, однако не исключено, что здесь были помещены фигурки типа птиц, которые могли быть прикреплены на самом верхнем крае бортика.

Следующее изображение, от которого к моменту находки сохранился лишь контур, было налеплено не на бортик, а внутри сосуда. Дообследование в 1977 г. места находки сосуда привело к обнаружению налепной фигурки, которая с точностью подошла к былому контуру. По общему облику это существо ближе всего напоминает представителя ластоногих, видимо тюленя, некогда широко распространенного в Каспийском море. В самом деле, подтреугольная, вытянутая головка, широкие ласты-ноги

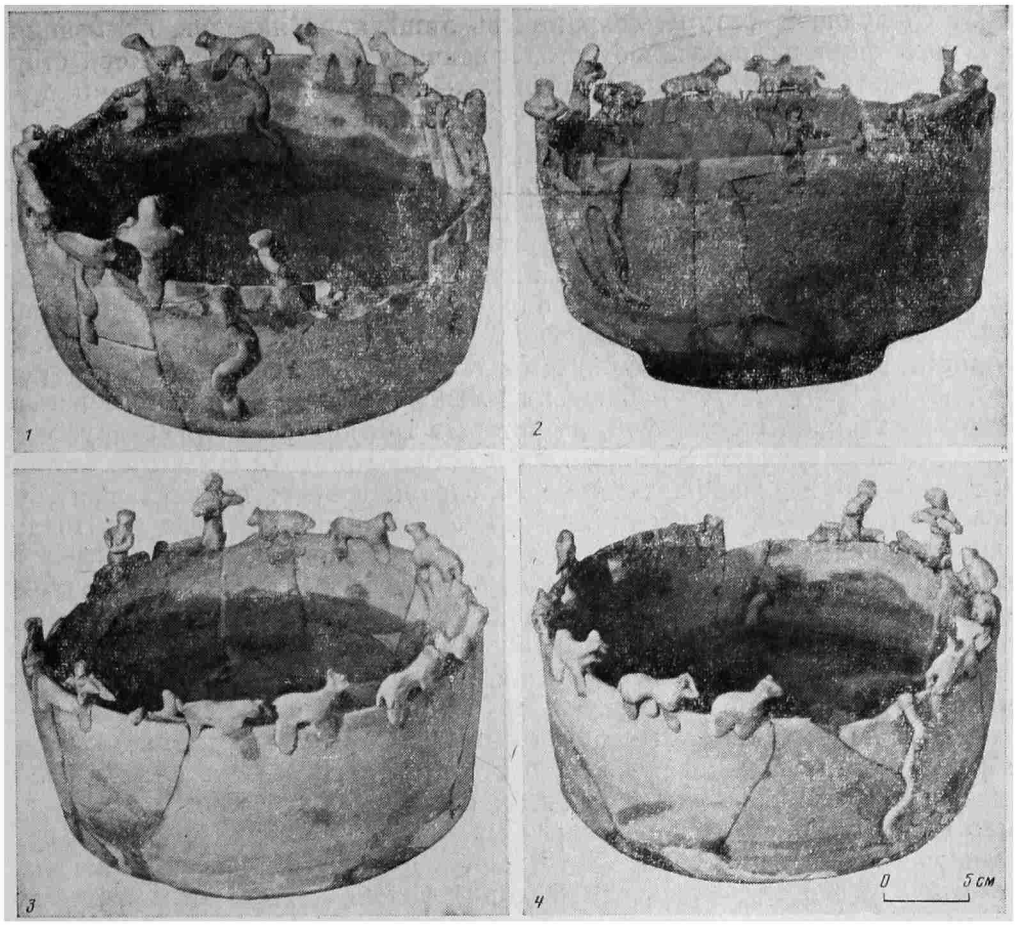


Рис. 4. Культовый сосуд

более всего похожи на это животное, чем, например, на лягушку или черепаху.

Другие четыре фигуры изображают животных, цепочкой идущих друг за другом (рис. 4, *3, 4*). Первое по отношению к тюленю — животное неясной породы с коротким телом, высокой шеей, головкой с торчащими ушами, без хвоста. За ним следует рогатое животное с длинным хвостом. Изнутри сосуда почти от дна, извиваясь, к нему тянется змея, голова которой высовывается из-под живота.

Следующее за ним животное с длинным хвостом, повернутой внутрь сосуда головой с поднятыми вверх, заостренными ушами и оскаленной мордой скорее всего передает образ хищника, возможно волка. Наконец, четвертой в этой группе является фигурка животного с загнутым вверх коротким хвостом, поднятыми, заостренными ушами и полуоткрытым ртом; голова повернута так, что она как бы обнюхивает вперед идущее животное. Эта пара относится, видимо, к диким животным, возможно одной породы, в период брачного сезона (разная длина хвостов объясняется общим схематизмом всей композиции).

Две следующие фигуры снова помещены с внутренней стороны сосуда (рис. 2, *2*), это, по-видимому, тюлень, как бы выбирающийся наверх, и рядом выползающая змея; головы их слегка возвышаются над краем сосуда.

За ними на бортике следует фигурка сидящей птицы со сложенными крыльями и округлой головой, отдаленно напоминающая орла или совку. Рядом с ней, но изнутри сосуда, частично сохранилась налепная фигурка тюленя, голова которой отбита (рис. 2, *2*, в центре).

От следующей фигуры сохранилась лишь пара налепов, прикреплявших ноги, по-видимому животного, к венчику сосуда. С наружной стороны извивается змея, голова которой заканчивается между ногами предполагаемой фигурки животного. К сожалению, последний участок, непосредственно примыкающий к фигурке человека с руками, сложенными на спине, отбит; изнутри сосуда на этом месте частично сохранилась налепная змея, как бы выползающая наверх (рис. 1, *1*, в центре). Такова в целом композиция фриза на культовом сосуде с поселения Тоголок 1.

Очевидно, что это не простая жанровая сцена, а глубоко символическая композиция, включающая определенные персонажи, отражающие мифологические представления, связанные с ритуалами священных возлияний, непременными атрибутами которых являлись подобного рода сосуды. Из формальных наблюдений можно отметить, что всего изображено три тюленя, шесть змей, из которых три внутри и три снаружи сосуда. Головки трех змей упираются в животы животных, а трех остальных свободно перевешиваются через бортик сосуда; не исключено, что число три являлось кратным или иначе «священным числом». Показательно также, что все персонажи композиции вполне реальные существа, свидетельствующие о реалистическом по форме, но глубоко культовом по содержанию искусстве. Наиболее показательная и характерная черта — это предельная степень схематизации в изображении скульптурок: у людей еле намечено лицо без намека на передачу каких-либо деталей, причесок, головных уборов, одежды. Возможно, они были обнаженные, но и в таком случае тела их переданы предельно условно, можно сказать, небрежно, едва заглажены, нередко с отпечатками пальцев гончаров. То же касается изображения животных, птиц и рептилий. Все это можно было бы отнести за счет незрелого мастерства гончара-керамиста, изготовившего этот конкретный сосуд, однако налепные фигурки людей и животных, некогда венчавших бортики подобных сосудов, известны с других поселений Маргианы, и в массе своей они также вылеплены весьма условно и обобщенно.

Так, с поселения Тоголок 1 происходит антропоморфная статуэтка с едва намеченной головой и руками вытянутыми вперед в позе «широкого объятия» (рис. 5, *1*). Близкая по типу, но столь же схематичная антропоморфная фигурка с вытянутыми руками найдена на поселении Тоголок 21 (рис. 5, *2*). Иконографически они отличны от человеческих фигурок с рассматриваемого сосуда, что свидетельствует о разнообразии поз, которые придавались антропоморфным скульптуркам на культовых сосудах. В еще большей степени на это указывает мужская антропоморфная статуэтка с поселения Тоголок 11 в виде столбика с еле намеченными руками, но с достаточно четко выраженными признаками пола.

Среди имеющейся коллекции выделяются терракотовые статуэтки горбатых быков с Тоголок 11 (рис. 5, *12*) и Гонур-депе (рис. 5, *15*), точно копирующие скульптурку быка на исследуемом сосуде. С Тоголок 2 происходит почти целая фигурка двугорбого верблюда-бактриана (рис.5, *8*) и еще две — с Тоголок 1 (рис. 5, *9*, *10*). Наряду с сидящими, по-видимому, изображались и летящие (или парящие) птицы (рис. 5, *16*), причем в одном случае такая сильно фрагментированная статуэтка сохранила часть бортика от самого сосуда, на котором она некогда была укреплена (рис. 5, *19*). Не исключено, что различные иконографические изображения передают варианты одного и того же персонажа (в данном случае птицы), но в разных позах, как, например, прилетающая с неба и затем сидящая на земле птица.

У некоторых фигурок изогнутые тела, передающие позу животного, как бы заглядывающего внутрь сосуда, у других — завернутые в сторону хвосты (рис. 5, *14*). Наряду с такими имеются не совсем ясные фигурки, предположительно черепаха (рис. 5, *17*), или совсем неопределенные изображения в виде полумесяца (рис. 5, *7*). Особняком стоит грубая

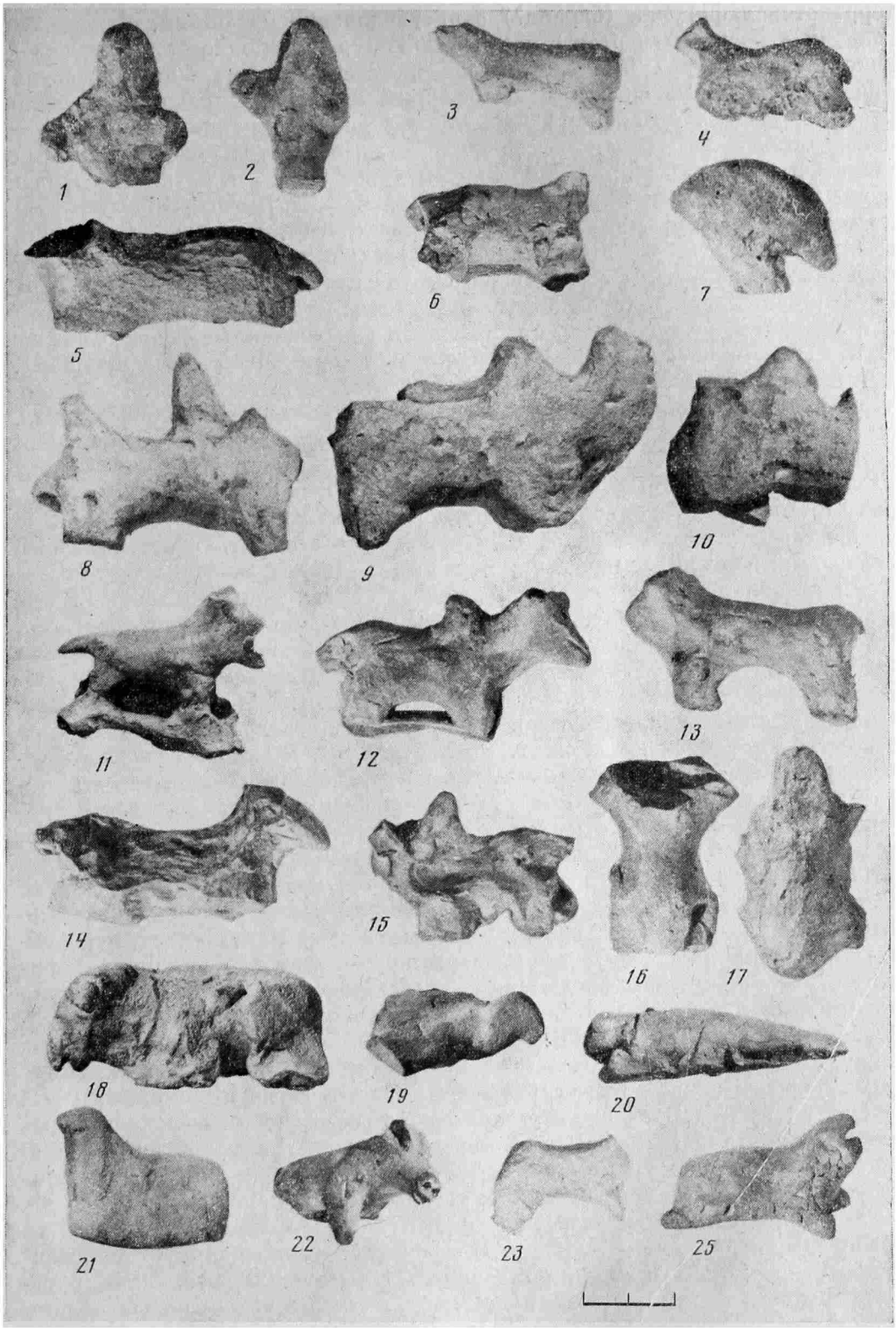


Рис. 5. Терракотовые статуэтки с различных поселений Маргианы (*1—19* — от скульптурных фризов культовых сосудов; *20—25* — обычные зооморфные статуэтки

терракотовая фигурка (барана?) с преувеличенно большими, округлыми глазами и раскрытым ртом с поселения Гонур 2; подобно статуэткам тюленей, эта фигурка была налеплена на стенку (а не бортик) сосуда (рис. 5, *18*). Наконец, известны фигурки животных, предположительно ревущий тюлень с широко раскрытой пастью и запрокинутой вверх головой (рис. 5, *24*). кабан с вздыбленным загривком, заложенными назад ушами и четко моделированной мордой (рис. 5, *22*), отдыхающий баран (рис. 5, *21*) и рыба, по-видимому, сом (рис. 5, *20*), которые уже являлись не скульптурками от сосудов, а самостоятельными изображениями. Следует отметить, что эти зооморфные статуэтки (в противоположность налепным) выполнены более тщательно и реалистично. Зато фигурки от скульптурных фризов производят впечатление определенной небрежности в исполнении, туловища их, как бы наспех вылепленные, часто даже не заглажены, лишь специально подчеркнуты такие характерные признаки, как горбы у верблюдов и быков и рога у крупных животных. Очевидно, что эстетическая сторона играла в данном случае второстепенную роль, главное заключалось в семантике, в изображении всей композиции, состоявшей из определенного набора взаимосвязанных персонажей. Одним из вариантов подобных композиций служит рассматриваемый сосуд, наряду с которым существовали и другие, но близкие по типу. Есть веские основания считать, что подобные культовые сосуды отражают народные верования и были привнесены первыми колонистами с их родины.

Факт обнаружения многих фрагментов скульптурных налепов людей, животных, птиц и змей на многих поселениях Маргианы указывает, что подобные культовые сосуды не являлись редкостью, а, напротив, были достаточно широко распространены среди местных племен во второй половине II тысячелетия до н. э. За пределами Маргианы они известны еще лишь в Бактрии, свидетельством чего являются сосуды, происходящие из грабительских раскопок около г. Балха (рис. 6). По словам местного антиквара, нашедшие один такой сосуд крестьяне, чтобы поделить его поровну между собой, разбили его на несколько кусков, из которых сохранилось лишь пять фрагментов. Сосуд очень напоминает маргианский, изготовлен на гончарном кругу из глины красного цвета, покрыт светло-розовым ангобом; диаметр венчика колеблется между 25—27 *см*, бортик слегка загнут внутрь. Среди сохранившихся скульптур предположительно выделяется рогатое животное с длинным хвостом и намеренно подчеркнутым горбом (рис. 6, *1*), до определенной степени оно напоминает фигуру быка «индийской породы» на мургабском сосуде. Более определенно можно судить о статуэтке лисицы с длинным хвостом и головой, повернутой внутрь сосуда (рис. 6, *2*). Наконец, имеется здесь и животное с загнутым вверх хвостом (рис. 6, *4*) за которым, оседлав бортик, сидит человеческая фигура с вытянутой левой и слегка согнутой в локте правой рукой (рис. 6, *3*). Все скульптурки подобно маргианским выполнены предельно схематично, что особенно наглядно демонстрирует фигурка человека, лицо которого трактовано двумя простыми защипами, а бесформенное туловище, без намека на талию, небрежно заглажено.

В высшей степени показателен другой сосуд, также происходящий из грабительских раскопок Бактрии. По форме он точно копирует маргианский, превосходя его лишь по размерам (высота 26 *см*). Глина плотная, красного цвета, снаружи нанесен красноватый ангоб; подкос в придонной части имеет песочную подсыпку. Фрагмент составляет почти четвертую часть былого сосуда (рис. 7, *4*), причем если на бортике имеется лишь одно скульптурное изображение животного (голова отбита, хвост загнут), то внутри сохранилась целая композиция, включающая извивающихся змей и, по-видимому, тюленей. Среди былых скульптурных фризов выделяется мужская статуэтка с разведенными в стороны руками (одна отбита), широким поясом и сложным то ли головным убором, то ли прической из толстых кос (рис. 7, *1*). Возможно, от третьего

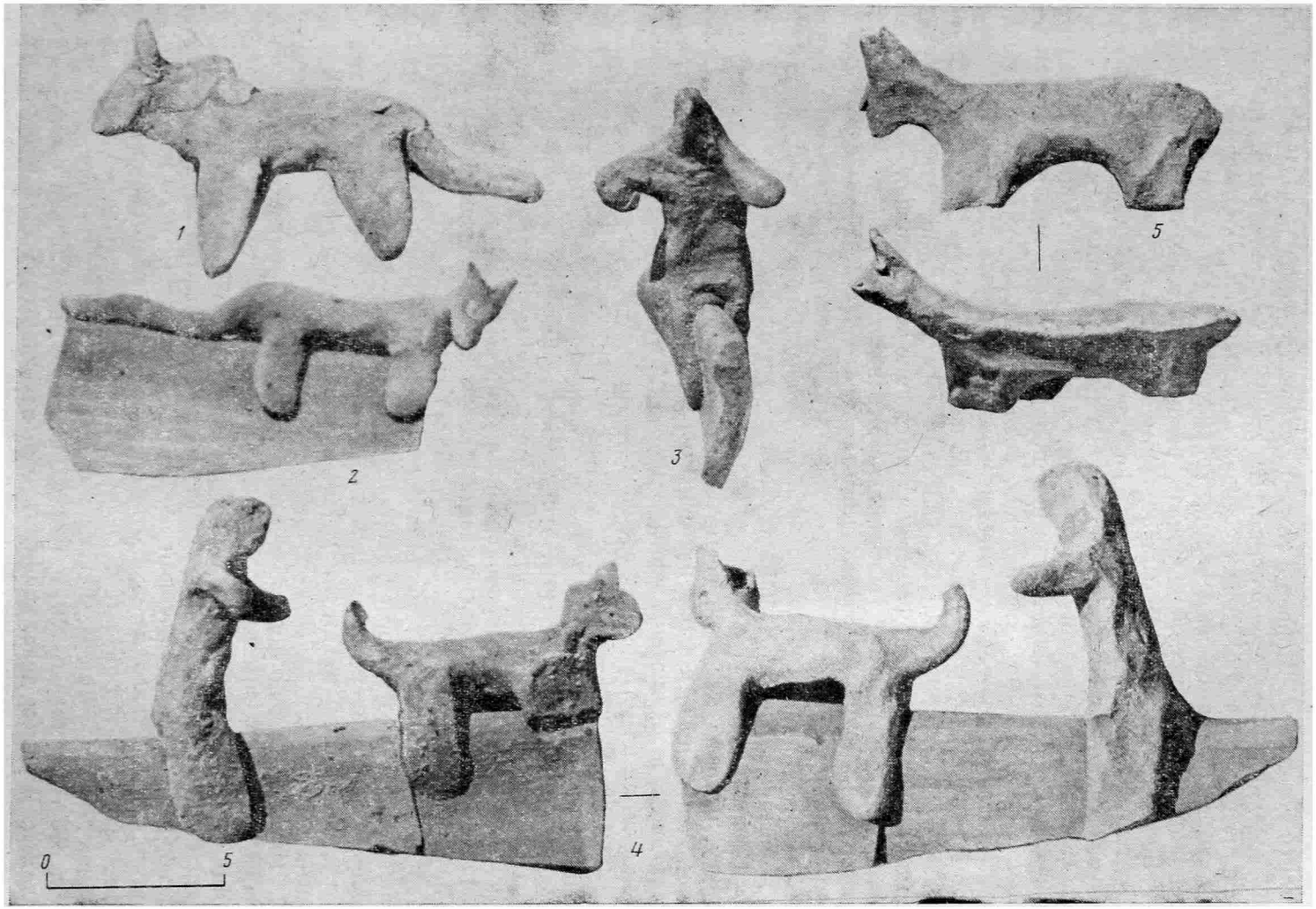


Рис. 6. Фрагменты культового сосуда (Бактрия)

сосуда происходят статуэтки верблюдов (рис. 7, *3*) и быков «индийской» породы (рис. 7, *2*). Все эти скульптурные детали подобно маргианским вылеплены весьма обобщенно, но принадлежат определенным тематическим композициям.

Если учесть чрезвычайно высокий уровень прикладного искусства Бактрии и Маргианы, особенно в области глиптики и камнерезного дела, то станет очевидным, что резко контрастирующие по исполнению примитивные скульптурки объясняются их особым назначением. Думается, что подобные фризы отражают хорошо известные и широко распространенные среди местного населения мифы, общие для всего бактрийско-маргианского центра. Подобно тому как христианское распятие, несмотря на разную манеру исполнения, не требует никаких пояснений, точно так же фризы на культовых сосудах являлись общепонятными символами, не требующими объяснений. Только этим и определяется схематизм исполнения скульптурных фризов, рассматриваемых культовых сосудов.

Более сложен вопрос о конкретном содержании представленной композиции. В настоящее время мы не знаем аналогий культовым сосудам за пределами бактрийско-маргианского центра, точно так же не имеем мы письменных свидетельств, которые могли бы пояснить семантику подобных композиций. Поэтому в порядке первого опыта расшифровки отметим возможные пути поисков, исходя лишь из имеющихся материалов. Условно можно выделить несколько микрокомпозиций на мургабском сосуде. Это, во-первых, две человеческие фигуры в сопровождении животного (или животных). Одна из них с руками, заведенными за спину, явно имеет подчиненное положение по отношению ко второй, видимо, изображающей женщину с ребенком на руках. И возможно, не случайно между ними находится змея — третий персонаж этой микрокомпозиции. Пока еще трудно говорить о конкретной семантике всей композиции, но думается, что обе антропоморфные фигуры изображены в явно противоборствующей ситуации.

Вторую группу составляют два животных, идущих навстречу друг другу, одно из которых, возможно, изображает горбатого быка. Вспомним, что горбатые быки известны и с других памятников Бактрии и Маргианы и являются, видимо, непременными персонажами подобных композиций на ритуальных сосудах.

Третью микрокомпозицию составляет группа, образующая цепочку мирно идущих друг за другом животных, одно из которых изображено с разинутой пастью. Отметим, что иконография этого животного, возможно, не случайна. Косвенным свидетельством тому служит аналогичная фигурка животного в явно агрессивной позе: с оскаленной пастью, торчащими ушами и прямо торчащим хвостом, происходящая с поселения Гонур-депе (рис. 5, *11*). Здесь же отметим, что эта статуэтка имеет плоский керамический постамент, с обратной стороны которого сохранились вдавленные следы от двойного венчика, что указывает на многообразие усложненных форм культовых сосудов. Вся эта группа как бы отграничена с обеих сторон двумя выползающими на поверхность змеями и тюленями.

Наконец, от последней микрокомпозиции сохранились лишь птица, змея и тюлень, остальные фигурки отбиты. Думается, что микрокомпозиции были связаны между собой логической связью, нашедшей свое отражение в самом композиционном фризе сосуда. Вместе с тем антропоморфная микрокомпозиция являлась центральной, в то время как все остальные составляли преимущественно повествовательно-мифологический фон, на котором и в связи с которым решаются судьбы человеческие. Более того, есть основания допустить, что сам сосуд представлял собой космологическую модель, как она мыслилась в среде местных племен. В самом деле, вспомним, что некогда сосуд был наполнен жидкостью, символизировавшей водную стихию, из которой на бортик (пна-

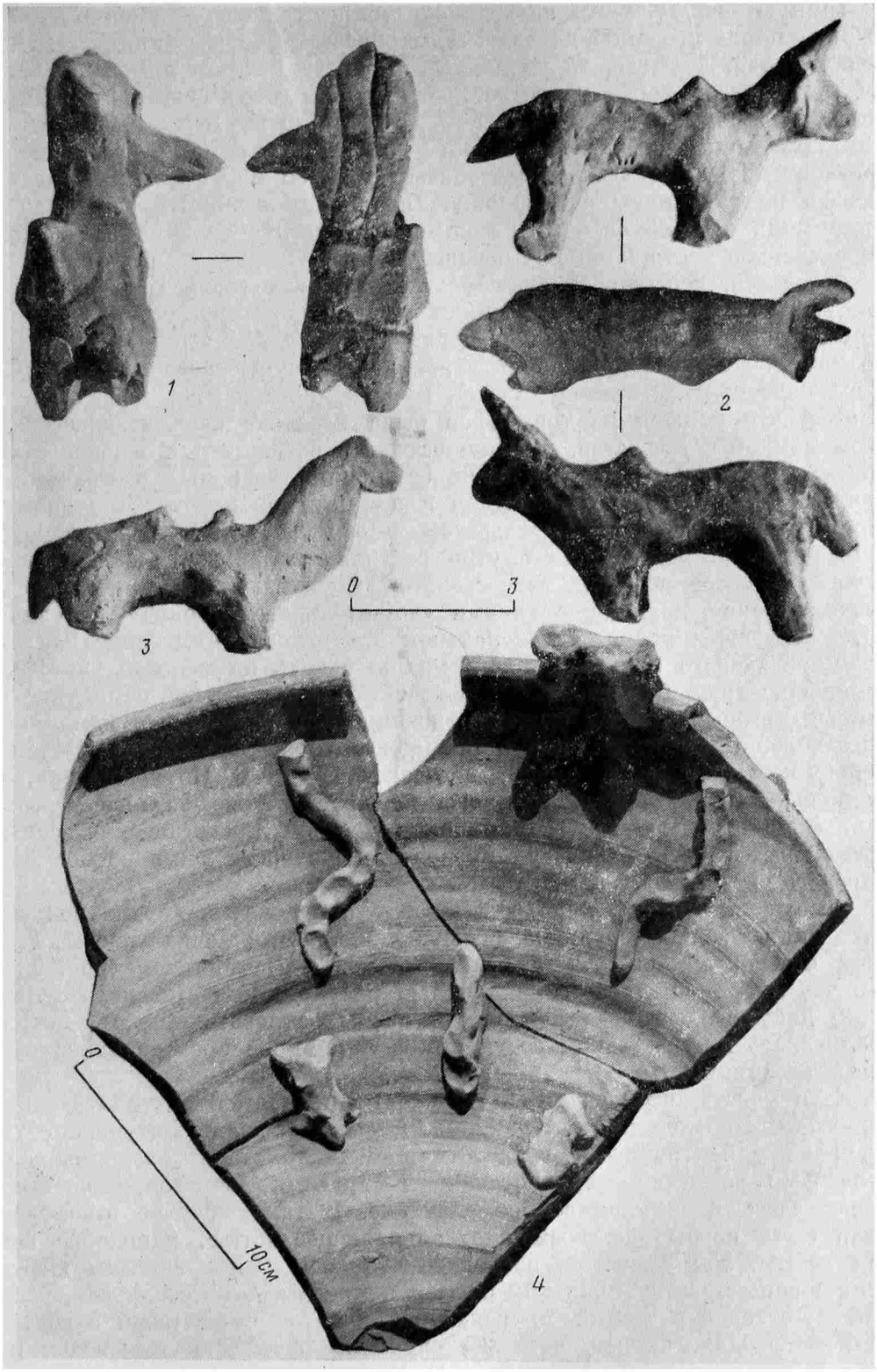


Рис. 7. Фрагмент культового сосуда и скульптурные статуэтки (Бактрия)

че земную твердь, сушу) из водной глубины выползают змеи и тюлени. В этом плане особенно показательны образы тюленей, типичных обитателей морей, которые, то появляясь, то снова исчезая в морской пучине, приобретают черты таинственности и могли быть связаны с тайными силами природы, в его хтоническом аспекте. Но все это относится к людям, обитающим далеко от Бактрии и Маргианы в непосредственной близости от моря. В таком случае образы тюленей могут лишний раз указывать на западную, закаспийскую прародину пришлых сюда племен, принесших с собой свои культово-мифологические традиции, в которых не последнее место занимают образы тюленей.

Думается, что бортик сосуда символизировал собой земную поверхность, а сам резервуар — подземный мир в виде мирового океана. В таком случае в предварительном порядке можно допустить, что местные космологические представления строились на существовании трех сфер: мира подземного (мировой океан), мира земного и мира небесного. Думается, что каждая из трех сфер была населена своими божествами: в подземном — существа, преимущественно связанные с водной стихией, и среди них такие, как змеи (возможно, драконы) и тюлени. По крайней мере две сферы — земная и подземная — находятся в постоянном взаимодействии, свидетельством чего являются, с одной стороны, животные, заглядывающие внутрь сосуда, а с другой — выползающие тюлени и особенно змеи, головы которых упираются в животных. Последняя тема — похищение змеями «живительного семени» — не случайна, а напротив, является генеральной в культовой символике бактрийско-маргианского центра, как это можно судить по местной глиптике [1]. Пока еще трудно с уверенностью говорить о конкретной семантике подобных композиционных сюжетов, до определенной степени напоминающих хорошо известный миф о похищении змеей бессмертия у Гильгамеша, кстати сказать, змеей, исчезающей в воде. Не исключено, что расположение скульптурного фриза по кругу также не является случайным, а отражает все те же космологические представления, связанные с цикличностью, с идеей мировой бесконечности и в конечном счете мирового устройства в целом.

Особую значимость приобретает факт обнаружения внутри большого пять миниатюрных сосудиков, включающих два горшочка (рис. 2, *3, 4*), вазу на ножке (рис. 2, *5*), миску (рис. 2, *6*) чайничек (рис. 2, *7*), так что вместе они составляли единый ритуальный комплекс. Логичнее всего допустить, что в главном сосуде находилась жидкость, которая разливалась по маленьким сосудикам и затем уже производились культовые возлияния.

Если учесть, что сосуды (а не жертвенные столики типа сакских) являются наиболее распространенными среди изделий ритуального назначения у бактрийско-маргианских племен, то станет очевидным, что культовые возлияния сравнительно с другими жертвоприношениями имели здесь преимущественное значение. В таком случае это должно было быть необычное, возможно, опьяняющее питье, наподобие сомы или хаомы. Как известно, последнее являлось самым важным жертвоприношением у индо-иранских племен и представляло собой сок, выжатый из стеблей растений, процеженный и затем смешанный с водой в особых сосудах. Может быть, не случайно русские востоковеды, и в первую очередь В. В. Григорьев и В. В. Струве, прямо помещали саков амиргийских или иначе саков «хаому изготовляющих» в бассейн древней р. Мургаб [2], традиции чего могут восходить еще к эпохе бронзы. Мы далеки от мысли усматривать прямую связь между соответствующими

---

[1] *Сарианиди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1.

[2] Подробно см. *Струве В. В.* Восстание в Маргиане при Дарии I.— МЮТАКЭ, вып. 1, 1949, с. 12—14.

данными Авесты и Ригведы и культовыми сосудами из Маргианы. Но точно так же нельзя исключить возможность того, что корни новой зороастрийской религии должны восходить к более древнему пласту культово-магических воззрений, в том числе существовавших в бактрийско-маргианском центре.

V. I. Sarianidi

A RITUAL VESSEL FROM MARGIANA

Summary

A ritual vessel with five miniature vessels inside it was found in the upper layer of the site Togolok I. The rim of the vessel was decorated by a sculpture frieze, including antropomorphical and zoomorphical figurines and also snakes and, as the author supposes, seals. This narrative composition is a reflection of the cosmological mythes, where the central part is occupied by two antropomorphical figurines, one of which is depicted in a clearly abased pose to the other. The vessel could be a personification of two spheres: the surface world and the underground world, the latter in the shape of the world ocean, inhabited by seals and snakes (or dragoons). The ritual complex, consisting of the ritual and miniature vessels was connected with ritual libations.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ, А. С. СУРАЗАКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНАХ РЕК БОРОТАЛ И АЛАГАИЛ

Летом 1976 г. Алтайской экспедицией были проведены исследования курганов в Горно-Алтайской автономной области (Улаганский р-н), в зоне затопления Чуйской ГЭС. Для раскопок были выбраны памятники, расположенные в смежных долинах Боротал и Алагаил. Последние находятся в 12—14 км к ЮЮВ от пос. Акташ. Со всех сторон долины окаймлены горными хребтами, склоны которых частично покрыты хвойным лесом. Вдоль обеих долин протекает многоводная р. Чуя. В данном районе расположено множество больших и малых курганов с насыпями в виде каменной наброски. Был исследован ряд курганов, составляющих могильники Боротал II, III, Алагаил.

Могильник Боротал II расположен в юго-восточном ответвлении долины Боротал на берегу высохшего русла безымянной реки. Он состоит из восьми каменных курганов, семь из которых вытянулись цепочкой с С на Ю. Курган 10 находится в 35 *м* к востоку от основной группы. К северу от него расположено несколько каменных четырехугольных оградок. Раскопано три кургана.

Курган 1 расположен в самом северном конце цепочки. Насыпь кургана представляет собой овальную в плане каменную наброску диаметром с С на Ю 7 *м*, с З на В 8 *м*. Высота ее 0,4 *м* от погребенной почвы. В центре кургана — пологая западина. Под насыпью обнаружены контуры подпрямоугольной могильной ямы, ориентированной по линии ЗЮЗ—ВСВ. Размеры ямы 2,5×2,1, глубина 3 *м* от уровня древнего горизонта. На дне стоял бревенчатый сруб в два венца. Высота сруба 0,2 *м*, внутренние размеры 1,6×1 *м*. Дно погребальной камеры выстлано досками, от которых сохранился еле заметный тлен. Из досок же состояло и перекрытие сруба. Вдоль южной стенки камеры лежал костяк взрослого человека на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. В области шеи погребенного найдены обрывки золотой фольги, около правой бедренной кости обнаружены кусочки железа, возможно, от разложившегося кинжала. У северной стенки сруба найден глиняный кувшин, имеющий высокое прямое горлышко и вытянутое яйцевидное тулово (рис. 1, *б*). Рядом с ним лежали позвонки барана и обломки железного ножа.

Курган 2 представляет собой сильно задернованную каменную наброску диаметром 7 *м* и высотой 0,32 *м*. В центре насыпи — пологая западина. Под насыпью обнаружена могильная яма (3×2,3 *м*, глубина 2,65 *м*), ориентированная по линии ЗЮЗ—ВСВ. На дне ямы, ближе к ее южной стенке, стоял сруб, сложенный из бревен в два венца (рис. 2, VII). Высота его 0,3 *м*. Внутренние размеры 1,6×1,1 *м*. Дно и перекрытие сруба состояли из плах, от которых сохранился темно-коричневый тлен. В погребальной камере обнаружены три человеческих костяка, все на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ (рис. 2,

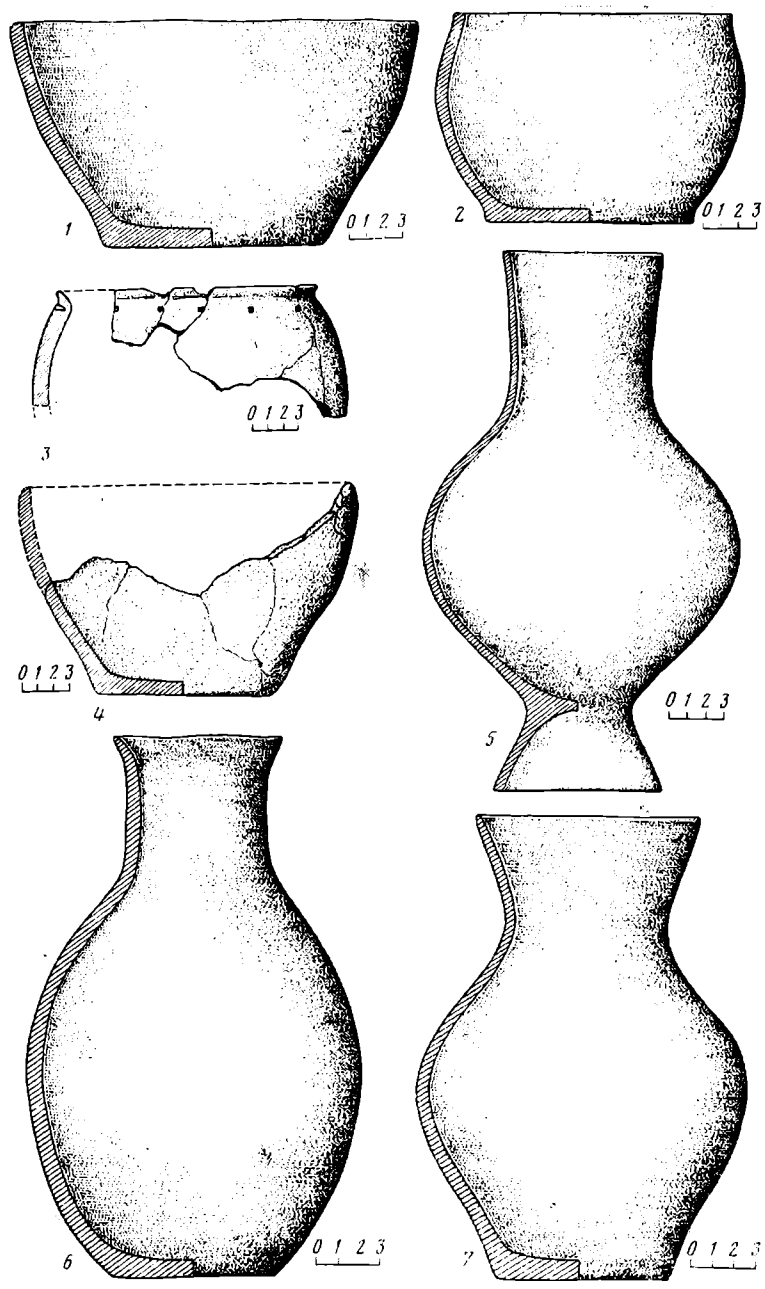


Рис. 1. Керамика из курганов Боротал: *1*, *2* — Боротал II, кург. 7, насыпь; *3*, *4* — Боротал III, кург. 8, насыпь; *5* — Боротал III, кург. 8, погребение; *6* — Боротал II, кург. 1; *7* — Боротал II, кург. 2

VII). Бóльшая часть вещей найдена у костяка, лежавшего у южной стенки сруба. У его черепа обнаружены обрывки золотой фольги, на тазовых костях — миниатюрный бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти (рис. 3, *4*), у правой бедренной кости — бронзовый кинжал с прорезной ручкой и стилизованными грифоньими головками на навершии и перекрестии (рис. 3, *8*, *9*). От ножен сохранилась лишь их деревянная основа с утолщениями в области перекрестия (рис. 3, *8*). Под тазовыми костями погребенного найдено миниатюрное бронзовое зеркало в деревянном футляре (рис. 3, *6*), в ногах — раздавленный глиняный сосуд. У соседнего костяка вещей не обнаружено. Череп его пробит двумя ударами чекана. В отличие от первых двух, взрослых, северный костяк при-

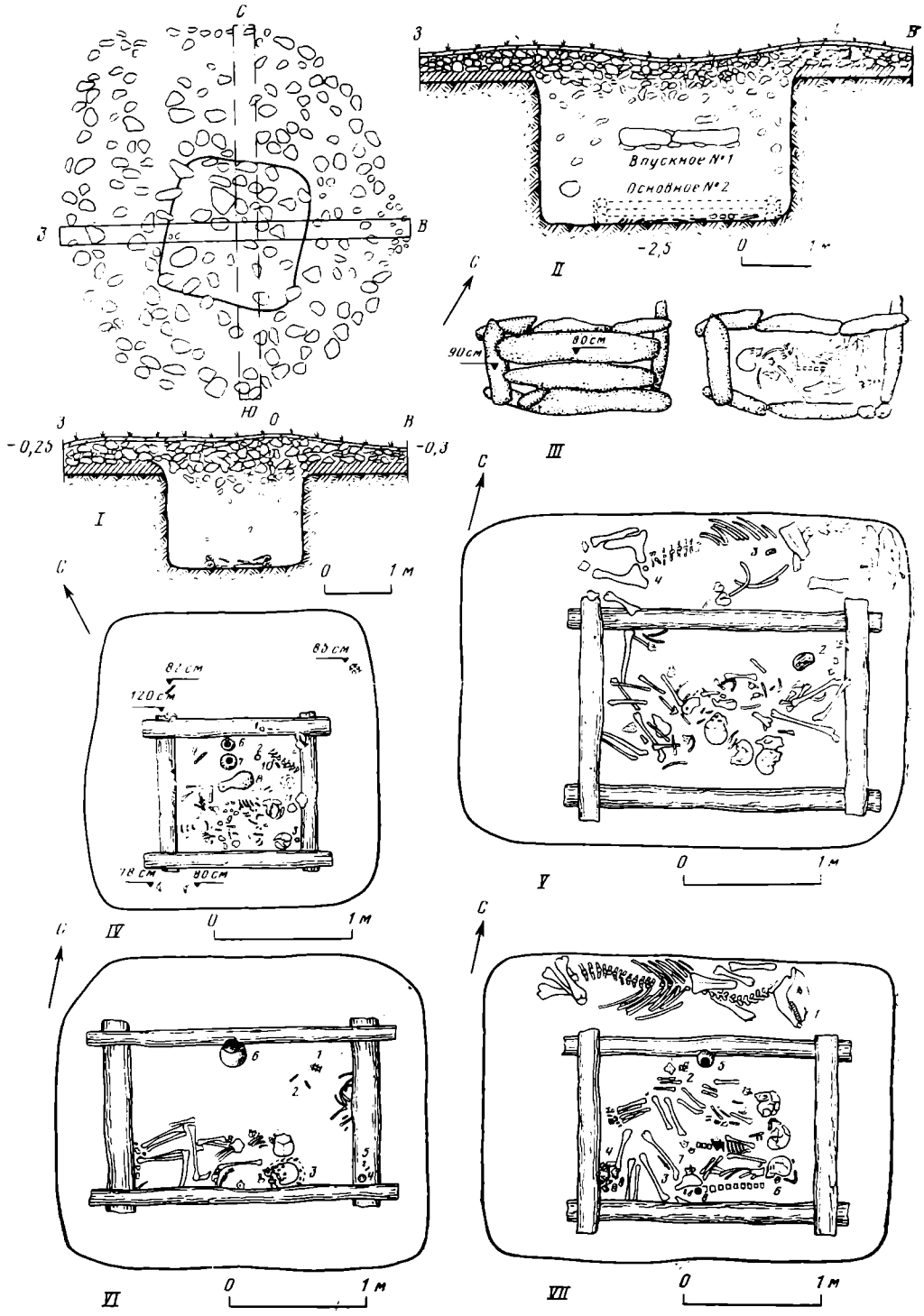


Рис. 2. Погребальный обряд. *I* — Боротал III, кург. 5, план и профиль; *II* — Боротал III, кург. 4, разрез насыпи; *III* — Боротал III, кург. 4, погр. 1 (впускное), план каменного ящика с перекрытием из плит и план погребения после снятия перекрытия (*1* — железный нож); *IV* — Боротал III, кург. 5, план погребения (*1*, *3*, *9* — кусочки золотой фольги, *2* — позвонки барана, *4*, *10* — железные ножи, *5* — тлен от деревянного сосуда, *6*—*8* — глиняные сосуды); *V* — Боротал III, кург. 4, план погребения (*1* — железные удила, *2* — обломок деревянного блюда, *3*, *5* — деревянные ножны от кинжалов, *4* — костяная бляшка); *VI* — Боротал III, кург. 8, план погребения (*1*— позвонки барана, *2* — обломки двух железных ножей, *3* — кусочки угля, *4* — бронзовое зеркало, *5* — бронзовые серьги, *6* — глиняный сосуд); *VII* — Боротал II, кург. 2, план погребения (*1* — железные удила, *2* — позвонки барана, *3* — бронзовый кинжал, *4*, *5* — глиняные сосуды, *6* — кусочки золотой фольги, *7* — бронзовый чекан, *8* — бронзовое зеркало в деревянном футляре

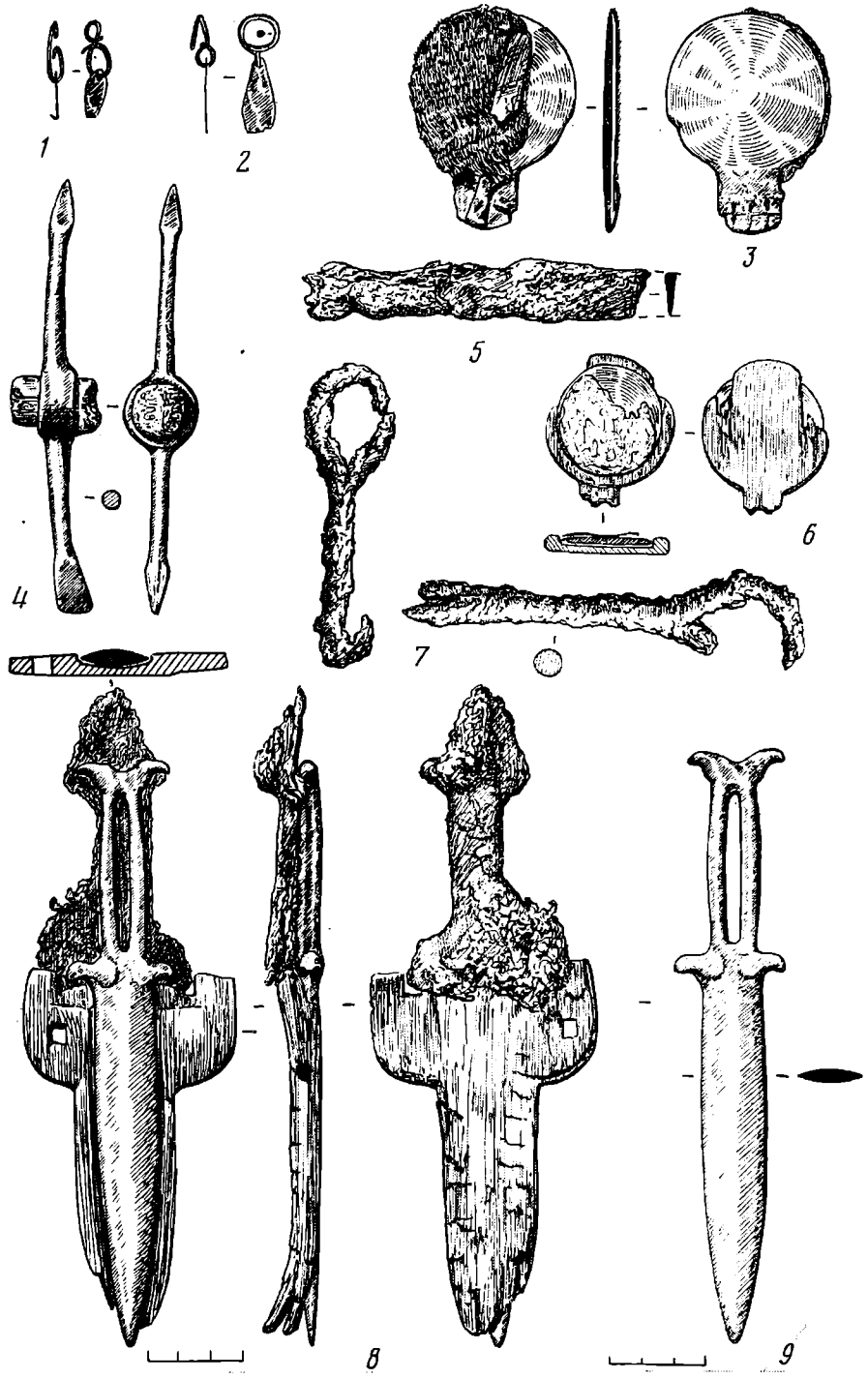


Рис. 3. *1—3* — Боротал III, кург. 8; *4—9* — Боротал II, кург. 2. *1*, *2*, *9* — бронза; *3* — бронза, мех; *4* — бронза, дерево; *5*, *7* — железо; *6*, *8* — бронза, дерево, остатки кожи

надлежит подростку. Рядом с ним найдены позвонки барана, железный нож (рис. 3, *5*) и лепной кувшин красноватого обжига (рис. 1, *7*). За северной стенкой сруба на уровне дна могильной ямы обнаружен конский костяк. Последний лежал с подогнутыми под живот ногами, головой на ВСВ. В зубах коня сохранились железные кольчатые удила (рис. 3, *7*).

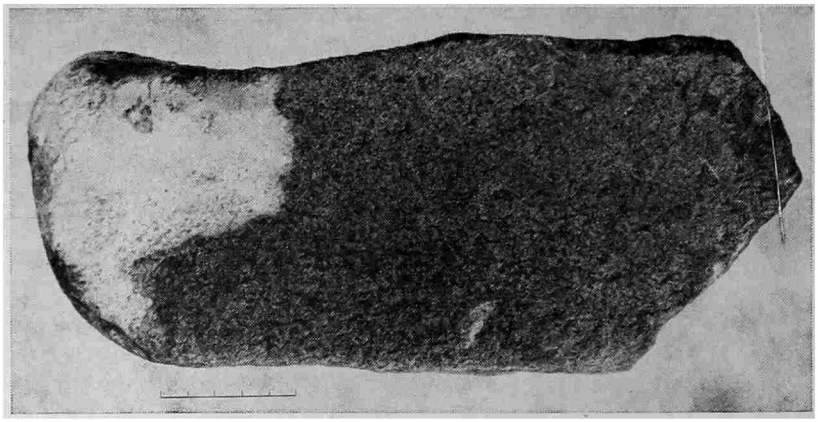


Рис. 4. Боротал II, кург. 7, насыпь. Обломок каменной зернотерки

Курган 7 расположен в южном конце цепочки. Диаметр каменной насыпи 7 *м*, высота 0,35 *м*. В южной части среди камней насыпи найден обломок зернотерки (рис. 4). Под насыпью в юго-восточной части кургана обнаружены обломки двух лепных сосудов баночной формы (рис. 1, *1, 2*). После снятия насыпи под центром кургана выявлена почти квадратная могильная яма (3×2,8 *м*, глубина 2 *м*), ориентированная по линии ЗЮЗ — ВСВ. На дне ямы сохранился сруб в три венца, перекрытый в продольном направлении семью толстыми плахами. Внутренние стенки сруба отесаны, высота его около 0,65 *м*, внутренние размеры 2,05×1,65 *м*. Дно погребальной камеры выстлано досками, от которых сохранился едва заметный тлен. Вдоль южной стенки сруба лежал костяк взрослого человека на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. Погребенный был уложен на три плоских камня, находившихся под головой, тазовыми и бедренными костями. Между камнями сохранился темный тлен от подстилки. У левого предплечья костяка обнаружены фрагменты золотой фольги. В области живота найдена бронзовая полушаровидная бляшка (рис. 5, *3*), а также миниатюрный бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти (рис. 5, *4*). К чекану была привязана вырезанная из дерева головка грифона (рис. 5, *5*). Рядом с правой бедренной костью погребенного найдены остатки железного кинжала, имеющего узкое прямое перекрестие (рис. 5, *1*). На клинке кинжала сохранилось дерево от ножен. Последние, по-видимому, оканчивались расширением, украшенным деревянной грифоньей головкой (рис. 5, *2*). Рядом с остатками кинжала обнаружена кольцевидная имитация миниатюрного бронзового зеркала в деревянном футляре (рис. 5, *6*). В изголовье погребенного посредине восточной стенки камеры найден раздавленный глиняный кувшин. В северо-восточной части сруба лежали позвонки барана, среди которых обнаружены остатки железного ножа с кольцевым навершием, рассыпавшимся от коррозии. За северной стенкой погребальной камеры на уровне дна могильной ямы обнаружен костяк жеребенка, уложенного с поджатыми под живот ногами, головой на ВСВ.

Могильник Боротал III расположен в 160 *м* от могильника Боротал II. Состоит он из девяти каменных курганов и одной четырехугольной оградки. Восемь курганов вытянулись цепочкой с С на Ю. Курган 9 расположен в 10 *м* к западу от центра цепочки. Раскопано шесть курганов.

Курган 1, самый северный в цепочке, представляет собой сферическую каменную наброску диаметром с С на Ю 6 *м*, с З на В 7 *м*. Высота насыпи 0,4 *м*. В центре кургана — пологая западина. Под насыпью обнаружена подпрямоугольная могильная яма (2,6×2,1, глубина

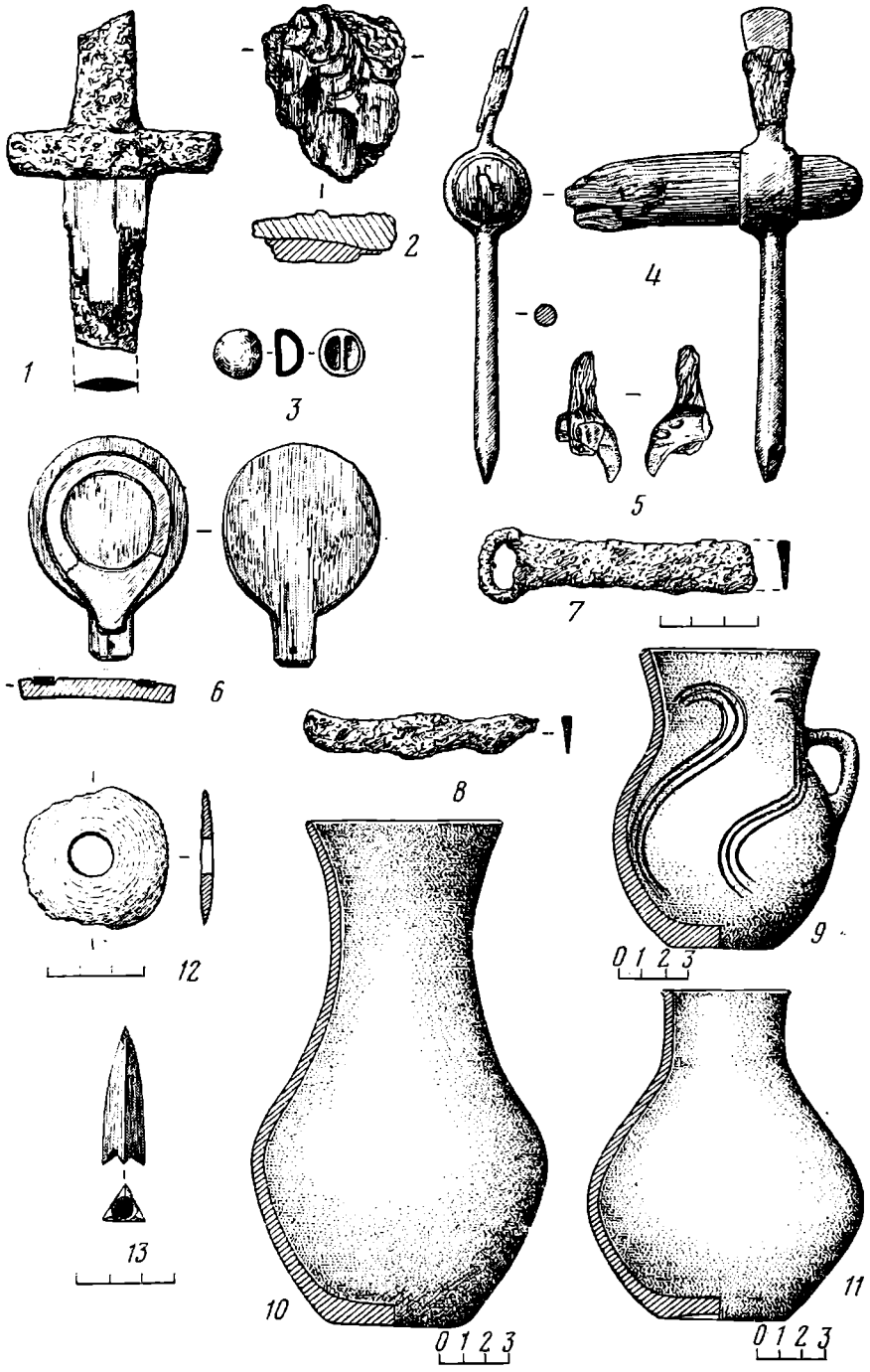


Рис. 5. *1—6* — Боротал II, кург. 7; *7—11* — Боротал III, кург. 5; *12* — Боротал III, кург. 2, погр. 1 (впускное); *13* — Боротал III, кург. 2, погр. 2. *1*, *7*, *8* — железо; *2* — дерево; *3* — бронза; *4*, *6* — бронза, дерево; *5* — дерево, кожа; *9—11* — глина; *12*, *13* — кость

2 *м*), ориентированная по линии ЗЮЗ — ВСВ. Погребение ограблено. Человеческие кости лежали в беспорядке преимущественно в западной части ямы. Череп находился в восточной части могилы. Вещей не найдено. Вдоль северной стенки ямы на приступке из нетронутого материка (ширина 0,7 *м*, высота 0,3 *м*) лежал костяк коня с поджатыми под живот ногами, головой на ВСВ.

Курган 2 — овальная, сильно задернованная каменная наброска диаметром с С на Ю 6 *м*, с З на В 7 *м*, высотой 0,46 *м*. В центре кургана — пологая западина. Могильная яма (3×2,3 *м*, глубина 1,95 *м*) ориентирована по линии ЗЮЗ — ВСВ. В яме обнаружено два погребения — основное и впускное.

Погр. 1 (впускное) находилось на глубине около 1,4 *м* от погребенной почвы. Костяк взрослого человека, обложенный камнями, лежал скорченно, на левом боку, головой на ЗЮЗ. Среди ребер костяка найдена костяная пуговица (рис. 5, *12*).

Погр. 2 (основное) помещалось на дне могильной ямы в срубе из двух венцов. Высота сруба 0,2 *м*, внутренние размеры 2×1,1 *м*. Погребение ограблено, очевидно, при устройстве впускного захоронения. Человеческие кости разбросаны по всей погребальной камере. В юго-восточной части сруба найден пробитый двумя ударами чекана череп. У северной стенки камеры обнаружено скопление позвонков барана, в юго-восточном углу найден костяной втульчатый трехгранный наконечник стрелы (рис. 5, *13*).

Курган 3 имеет сильно задернованную каменную насыпь с западиной посредине. Диаметр насыпи с С на Ю 5,5 *м*, с З на В 6,5 *м*, высота 0,3 *м*. Могильная яма (2,4×2 *м*, глубина 1,6 *м*) ориентирована с ЗЮЗ на ВСВ. На дне ямы обнаружен плохо сохранившийся сруб в один венец, высота его 0,14 *м*. Погребение ограблено. Кости человека раскиданы в беспорядке. Череп найден в юго-восточном углу погребальной камеры. Можно предположить, что погребенный был уложен головой на восток.

Курган 4. В центре каменной насыпи диаметром с С на Ю 5,5 *м*, с З на В 6,8 *м* и высотой 0,36 *м* — пологая западина. Под насыпью зафиксирована могильная яма (3,5×2,5 *м*, глубина 2,15 *м*), ориентированная по линии ЗЮЗ — ВСВ. В яме обнаружено два погребения — впускное и основное.

Погр. 1 (впускное) находилось на глубине 0,84 *м* от древнего горизонта (рис. 2, II, III). Совершено оно в каменном ящике, сложенном из вертикально поставленных плит. Ящик перекрыт в продольном направлении тремя узкими длинными плитами (рис. 2, III). На дне ящика лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку, головой на ЗЮЗ (рис. 2, III). Рядом с левой бедренной костью погребенного найден железный нож без выделенной ручки (рис. 6, *1*).

Погр. 2 (основное) помещалось на дне могильной ямы в срубе из трех венцов (рис. 2, V). Внутренние размеры сруба 1,75×1,2 *м*. Погребение ограблено. На дне погребальной камеры в беспорядке лежали кости трех человеческих скелетов (рис. 2, V). Черепа отброшены к южной стенке сруба. В северо-восточном углу камеры найден обломок деревянного блюда (рис. 6, *2*), в юго-западном углу — деревянные ножны (рис. 6, *6*), в которые был вставлен миниатюрный, судя по окислам, бронзовый кинжал. У западной стенки сруба обнаружен покрытый окислами железа фрагмент кожи (рис. 6, *8*). Сверху погребальная камера имела продольное перекрытие, от которого сохранились фрагменты древесного тлена. За северной стенкой сруба, на материковой приступке высотой около 0,3 *м*, обнаружено конское захоронение. Две лошади, сброшенные в яму друг на друга, лежали головами на ВСВ. В зубах лошадей сохранились железные кольчатые удила (рис. 6, *4, 5*). На тазовых костях верхнего конского скелета найдена круглая костяная бляшка (рис. 6, *3*), на ребрах — скорее всего выкинутый грабителями из человеческого погребения обломок деревянных ножен для миниатюрного бронзового кинжала (рис. 6, *7*).

Курган 5. Овальная каменная наброска кургана диаметром с С на Ю 5,5 *м*, с З на В 5 *м* сильно задернована (рис. 2, I). В центре ее — пологая западина. Под насыпью выявлена почти квадратная могильная

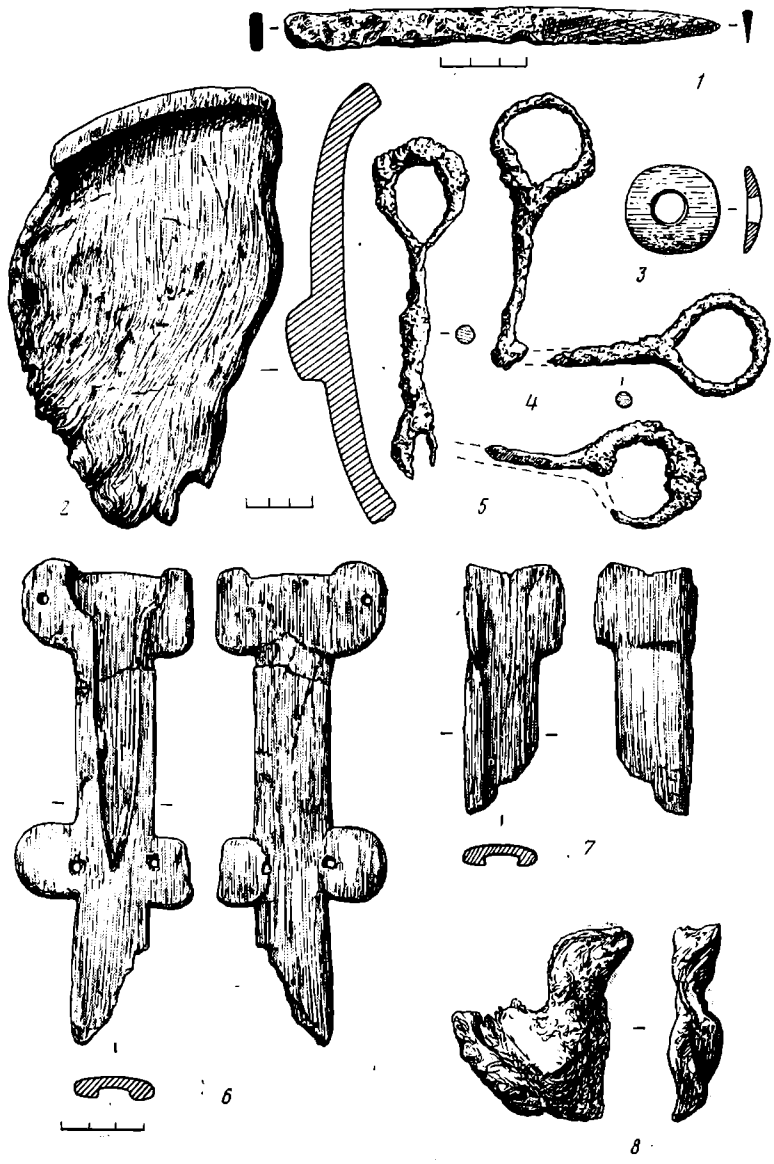


Рис. 6. *1* — Боротал III, кург. 4, погр. 1 (впускное); *2—8* — Боротал III, кург. 4, погр. 2 (основное). *1, 4, 5* — железо; *2, 6, 7* — дерево; *3* — кость; *8* — кожа

яма (2,1×2 *м*, глубина 1,55 *м*), ориентированная по линии ЗСЗ—ВЮВ. На дне ямы стоял бревенчатый сруб в два венца (рис. 2, I, IV). Высота сруба 0,2 *м*, внутренние размеры 0,9×0,85 *м*. От продольного перекрытия из плах сохранился древесный тлен. На дне погребальной камеры обнаружены потревоженные сурками остатки трех детских костяков (рис. 2, IV). Отдельные человеческие кости встречались выше сруба в сурковых норах. Судя по сохранившимся в первоначальном положении костям среднего скелета, все погребенные были уложены на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВЮВ. В северной части камеры найдены три глиняных кувшина красноватого обжига (рис. 5, *9—11*). Один из них имеет петлевидную ручку и украшен по тулову ƨ-видным орнаментом (рис. 5, *9*). Рядом с кувшинами лежали обломки железного ножа. В северо-восточном углу сруба обнаружены позвонки барана, среди которых найдены остатки еще двух железных ножей (рис. 5, *7, 8*).

Один из них снабжен кольчатым навершием (рис. 5, 7). В разных местах погребения встречены обрывки золотой фольги. Рядом с костями барана сохранился тлен от деревянного сосуда.

Курган 8. Насыпь кургана представляет собой сильно задернованную каменную наброску диаметром с С на Ю 5,6 *м*, с З на В 7,5 *м*, высотой 0,45 *м*. Под насыпью в южной части кургана найдены фрагменты двух толстостенных сосудов. Один из них представляет собой сосуд баночной формы (рис. 1, *4*), второй — горшок с коротким, отогнутым наружу венчиком (рис. 1, *3*). Под центром кургана зафиксирована подпрямоугольная могильная яма (2,7×2,4 *м*, глубина 2,3 *м*), ориентированная по линии ЗЮЗ — ВСВ. На дне ямы обнаружен бревенчатый сруб в один венец. Высота последнего 0,1 *м*, внутренние размеры 1,6×1,1 *м*. Вдоль южной стенки погребальной камеры лежали два человеческие костяка, оба на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ (рис. 2, VI). Под черепом южного костяка обнаружено скопление мелких угольков. Погребение потревожено сурками, вследствие чего часть человеческих ребер перемещена к восточной стенке погребальной камеры. В северо-восточном углу сруба найдены позвонки барана и обломки двух плохо сохранившихся железных ножей. У северной стенки камеры стоял лепной кувшин красноватого обжига, снабженный полым внутри поддоном (рис. 1, *5*). На южном конце восточного бревна сруба обнаружены две бронзовые серьги с листовидными подвесками (рис. 3, *1*, *2*) и бронзовое зеркало с остатками мехового футляра (рис. 3, *3*).

Могильник Алагаил находится в одноименной долине, расположенной к СЗ от долины Боротал. Состоит он из шести каменных курганов и одной четырехугольной оградки. Четыре кургана периода ранних кочевников вытянулись цепочкой с С на Ю. В 10 *м* к востоку от цепочки расположены два кургана и четырехугольная оградка тюркского времени. В 105 *м* к югу от могильника проходит Чуйский тракт. Раскопан один курган.

Курган 1. Каменная насыпь кургана сильно задернована. Диаметр ее с С на Ю 10 *м*, с З на В 9 *м*, высота 0,35 *м*. В центре кургана — пологая западина. Под насыпью выявлена почти квадратная могильная яма (3,1×3 *м*, глубина 2,2 *м*), ориентированная по линии ЗЮЗ — ВСВ. В южной половине ямы обнаружены остатки плохо сохранившегося сруба (внутренние размеры 2×1 *м*). Сруб был перекрыт в продольном направлении досками, от которых сохранился коричневый тлен. В погребальной камере лежали два человеческих костяка, оба на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. Кости погребенных частично смещены сурками. В северо-восточном углу сруба найдены фрагменты пяти раздавленных кувшинов. Один из них орнаментирован вдоль плечиков валиком с насечками. Вокруг головы северного костяка обнаружены обрывки золотой фольги. В ногах южного костяка лежали остатки трех железных ножей, два из которых имели кольчатое окончание (рис. 7, *8*, *9*), а также два костяных ромбических в сечении втульчатых наконечника стрел (рис. 7, *4*). У тазовых костей этого костяка найдено бронзовое зеркало с боковой ручкой (рис. 7, *10*). Вдоль северной стенки могильной ямы была оставлена материковая приступка шириной около 1,4 *м* и высотой около 1 *м*, на которую были уложены две лошади. Обе ориентированы головами на ВСВ. В зубах лошадей сохранились железные удила, у северной — из двух звеньев (рис. 7, *3*), у южной — без шарнирного соединения, т. е. в одно звено (рис. 7, *2*). У северной лошади, кроме того, сохранились костяные двудырчатые псалии (рис. 7, *1*), а у шейных позвонков — костяные застежки и пряжка (рис. 7, *5*, *6*).

Итак, если исключить впускные погребения, все описанные памятники объединяет ряд общих черт. Курганы в могильниках расположены цепочками, вытянувшимися с С на Ю. Насыпи курганов представляют собой овальные в плане каменные наброски с западиной посередине.

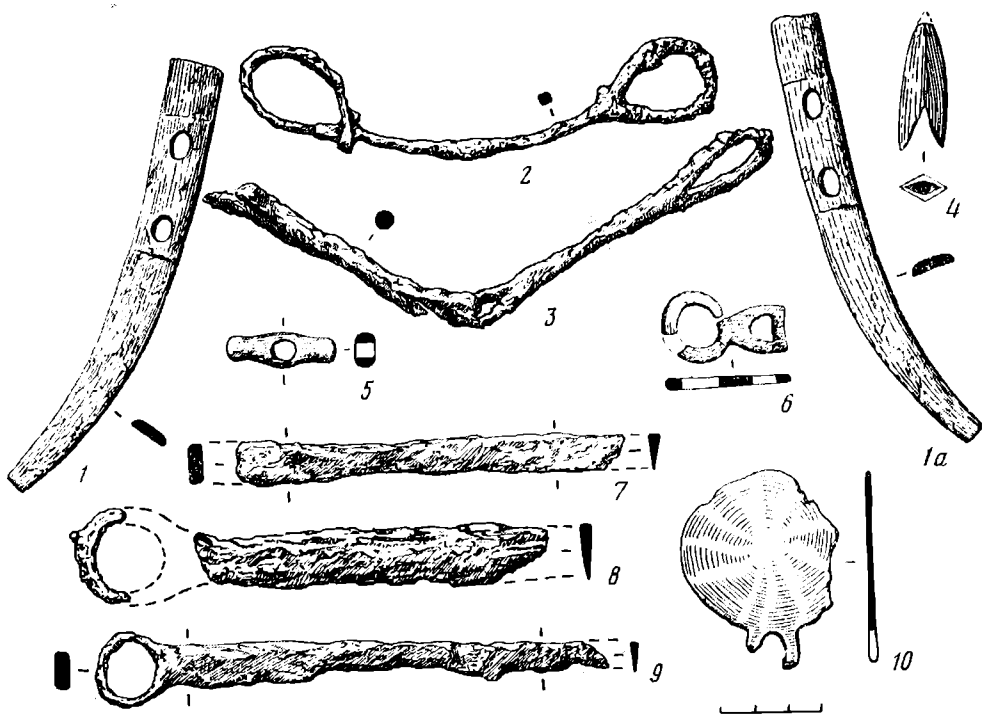


Рис. 7. Алаганл, кург. 1. *1*, *1а*, *4—6* — кость; *2*, *3*, *7—9* — железо; *10* — бронза

Последняя образовывалась не только в результате грабительских раскопок, но и вследствие оседания перекрытий срубов. Под насыпью открываются глубокие подпрямоугольные ямы, ориентированные длинной осью в широтном направлении. На дно ям ставились бревенчатые срубы, имеющие пол из досок и такое же перекрытие, уложенное всегда в продольном направлении. Костяки в погребальных камерах лежат у южной стенки, на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на восток с небольшими отклонениями. Наиболее часто в погребениях встречаются глиняные кувшины красноватого обжига, железные ножи, бараньи позвонки.

Кроме указанных общих признаков разбираемые памятники обладают и некоторыми особенностями. Например, не каждого погребенного снабжали оружием. К сожалению, антропологического анализа костных остатков еще не проводилось, тем не менее мы можем предположить, что оружие сопровождает мужские погребения. Погребения с оружием как правило сопровождают и конские захоронения. Варьирует в курганах и количество погребенных. Половина раскопанных захоронений являются одиночными, в двух обнаружено по два костяка и в трех — по три. Все коллективные погребения являются одновременными, т. е. признаков, которые бы говорили о разновременности захоронений, не прослежено. Каждого погребенного в коллективных захоронениях сопровождает кувшин, мясная пища и нож (в кург. 8 могильника Боротал III — один кувшин на двоих, однако ножа два). В этом плане интересен кург. 2 могильника Боротал II. Вещами здесь снабжены только два костяка — подросток (кувшин, нож, бараньи позвонки) и костяк взрослого человека, скорее всего мужчины, расположенный у южной стенки (кувшин, кинжал, чекан, зеркало, золотая фольга). Видимо, с мужчиной-воином связано и конское захоронение, обнаруженное за северной стенкой сруба. Средний же костяк вещей не имел. Череп его

пробит двумя ударами чекана. Возможно, это насильственное захоронение человека (возможно, женщины), сопровождающего в загробный мир мужчину-воина. Для памятников описываемого типа нехарактерна угольная подсыпка, зафиксированная под черепом южного костяка в кург. 8 могильника Боротал III, а равно и каменная подушка, на которой покоился череп погребенного из кург. 7 в могильнике Боротал II. Последняя находит себе параллели в Туве, в памятниках уюкской культуры [1].

Все вышеперечисленные черты погребального обряда, за исключением нехарактерных, связывают данные памятники с Пазырыкской культурой ранних кочевников Горного Алтая. Вещевой же материал позволяет датировать описанные курганы заключительным этапом указанной культуры.

Так, кувшин из кург. 2 могильника Боротал II (рис. 1, *7*) имеет близкую аналогию в Кула-Жургинском могильнике (III—II вв. до н. э.), в кург. 1 [2]. Небольшой кувшинчик с петлевидной ручкой из кург. 5 могильника Боротал III (рис. 5, *9*) имеет массу аналогий в Казахстане, в памятниках конца I тысячелетия до н. э. Наиболее же близкими ему по форме являются кувшины из оградки 42 могильника Кенсай (III—II вв. до н. э.) [3] и из кург. 20 могильника Кзылауз II (I в. до н. э.—I в. н. э.) [4]. Кинжал из кург. 7 могильника Боротал II (рис. 5, *1*) имеет прямое перекрестие, состоявшее некогда из двух пластин, приваренных к рукояти (одна из пластин утрачена). Подобным способом изготовлено перекрестие у железного кинжала, который происходит из кург. 17 Катонского могильника [5]. Последний датируется С. С. Сорокиным концом I тысячелетия до н. э.[6]. В конце I тысячелетия до н. э. распространяются на Алтае и восьмеркообразные проволочные серьги, подобные найденным в кург. 8 могильника Боротал III (рис. 3, *1*, *2*). Такие серьги найдены С. В. Киселевым в Каракольском кургане [7]. В степном Алтае они обнаружены М. П. Грязновым в памятниках березовского этапа Большереченской культуры [8]. Бронзовое зеркало из кург 8 могильника Боротал III (рис. 3, *3*) имеет ближайшую аналогию в кург. 18 могильника Кула-Журга (III—II вв. до н. э.) [9]. Оба зеркала имеют короткую боковую ручку, снабженную ушком. Железные кольчатые ножи, подобные найденным в кург. 1 могильника Алагаил (рис. 7, *8*, *9*), в кург. 7 могильника Боротал II, а также в кург. 5 могильника Боротал III (рис. 5, *7*), датируются на соседних территориях концом 1 тысячелетия до н. э. Так, в Минусинской котловине они найдены в памятниках переходного тагарско-таштыкского (тесинского) этапа (II—I вв. до н. э.) [10]. В степном Алтае они встречены в погребениях березовского этапа Боль-

---

[1] *Грач А. Д.* Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени.— СА, 1967, № 3, с. 215—233.

[2] *Черников С. С.* Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г.— Изв. АН КазССР. Алма-Ата, 1951, № 108, вып. 3, рис. 2.

[3] *Максимова А. Г.* Погребальные сооружения скотоводческих племен.— В сб. Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962, рис. 3, *6*.

[4] *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, табл. VIII.

[5] *Сорокин С. С.* Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы.— АСб. ГЭ, 1966, № 8, рис. 17, *9*.

[6] Там же, с. 57.

[7] *Киселев С. В.* Из работ Алтайской экспедиции Государственного исторического музея в 1934 г.— СЭ, 1935, № 1, с. 102.

[8] *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48, табл. XXVI, *3*, *4*.

[9] *Черников С. С.* Ук. соч., табл. VII, *4*.

[10] *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, рис. 29; *Левашова В. П.* К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры.— СА, 1958, № 1, рис. 2; *Пшеницына М. Н.* Третий тип памятников тесинского этапа.— В сб. Первобытная археология Сибири. Л., 1975, рис. 3.

шереченской культуры [11], в Восточном Казахстане такой нож был найден в кург. 6 могильника Баты (II—I вв. до н. э.) [12]. В Туве подобные ножи входят в комплексы сыын-черекской (шурмакской) культуры [13]. Скорее всего в III в. до н. э. железные кольчатые ножи появляются в памятниках Тасмолинской культуры (Центральный Казахстан) [14].

Таким образом, датировку памятников, раскопанных Алтайской экспедицией в долинах Боротал и Алагаил, можно ограничить III—I вв. до н. э., скорее III—II вв. до н.э. Впускные же погребения, обнаруженные в курганах 2,4 могильника Боротал III, датировать пока невозможно, поскольку в них не найдено датирующих вещей. Невозможно в настоящее время определить и их культурную принадлежность.

В дальнейшем Алтайской экспедицией будут продолжены исследования горноалтайских памятников конца I тысячелетия до н. э., чтобы более полно осветить этот совершенно еще не изученный период.

V. A. Mogilnikov, A. S. Surazakov

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS IN VALLEYS BOROTAL AND ALAGIL

Summary

Materials from 10 barrows of the Pazyryk culture, excavated in valleys Borotal and Alagil in the mountaneous Altai are published in the article. Burials in rechtangular pits under stone barrow are characteristic for the funeral rites. The buried were put into frames from 1 to 3 rows of logs hight, rofed by planks. The skeletons were on their right side, head to the east or north-east. The frame contains remains of one to three persons, buried synchronously. Burials of horses placed along the northern wall of the grave in parallels to the frame were met in five barrows. The grave furniture includes clay vessels, weapons (daggers, arrow-heads), knives, ornaments and toilet objects (ear-rings, plates, mirrors or their models), remains of wooden dishes etc. The burials are dated to the IIId — Ist centuries B. C. Two admission burials were discovered, their date is not established. The rite of burial with a horse anticipates an analogic funeral rite of the barrows of Ancient Turks.

---

[11] *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби, табл. XXVI, *12*, *13*.

[12] *Черников С. С.* Ук. соч., табл. IX.

[13] *Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г.— Тр. ТКА ЭЭ, т. III, 1970, рис. 12, *1*, *5*.

[14] Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, рис. 66. Здесь нужно помнить о том, что речь идет о железных кольчатых ножах, так как бронзовые кольчатые ножи появились в комплексах данной культуры раньше.

М. Л. ШВЕЦОВ

КОТЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ

Приступая к рассмотрению интересующей нас темы, следует прежде всего остановиться на анализе происхождения слова «котел» и применении этого термина в настоящее время в археологической литературе.

В специальной литературе «сосуд, изготовленный из листовой меди, обычно с округлым дном и небольшим раструбом кверху, служащий для приготовления пищи», называется «казан», а иногда «котел» [1]. Однако под «котлом» чаще всего имеют в виду литой сосуд значительных размеров, в основном изготовленный из чугуна и железа [2]. Особенно часто этот термин применяется в технике [3].

Этимология обоих терминов различна. Если «казан» — слово, заимствованное у тюрок,— kazan, то «котел» происходит от германского katils, которое в свою очередь происходит от латинского catillus — сосуд [4].

В археологической литературе мы повсеместно встречаемся с термином — «котел» — для определения как глиняных, так и литых и кованных бронзовых, медных, чугунных и железных сосудов.

Рассматривая в данной статье изготовленные из листовой меди (бронзы), обычно с округлым дном, прямыми или слегка раструбными кверху стенками сосуды для приготовления пищи у тюркоязычных народов, считаем правомерным употреблять термин «казан» как наиболее правильный и соответствующий действительности.

Наиболее ранние, близкие конструктивно к рассматриваемым нами [5] казаны IV—V вв. Их находят в составе погребального инвентаря, часто с вещами полихромного стиля, на территории Северного Причерноморья и Западной Европы [6]. Известны они и на Кавказе в богатых аланских погребениях [7]. В предшествующую хазарскую эпоху в степях Восточ-

---

[1] *Даль В.* Толковый словарь живого Великорусского языка, т. II. М., 1935, с. 73; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1970, с. 255.

[2] *Даль В.* Ук. соч., с. 180; Словарь современного русского литературного языка. М.— Л., 1956, т. 5, с. 1533, 1534.

[3] *Ожегов С. И.* Ук. соч., с. 293 и далее («паровой котел», «котел отопления», «атомный котел»).

[4] *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка, т. 1. М., 1959, с. 282; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1967, с. 159.

[5] Наиболее ранние клепаные медные сосуды известны с VIII—VII вв. до н. э. А затем в скифскую и сарматскую эпохи. Но от рассматриваемых они отличаются конструктивно наличием ножки поддона, что указывает на другую технику приготовления пищи в данных сосудах. *Бочкарьов В. С.* Кіммерійські казани.— Археологія, № 5, 1972, с. 63—68; *Яковенко Е. В.* Скіфи Східного Криму в V—III ст. до н. е. Київ, 1974, с. 64; *Іллінська В. І., Тереножкін О. І.* Скифський період.— Археологія УРСР. Київ, 1971, т. II, с. 151; *Боковенко А. И.* Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе.— СА, 1977, № 4, с. 228—235.

[6] *Высотская Т. Н., Черепанова Е. Н.* Находки из погребения IV — V вв. в Крыму.— СА, 1966, № 3, с. 195, рис. 5, 2; *Hampel J.* Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Budapest, t. II, 1905, с. 131, 132.

[7] *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины.— СА, 1976, № 3, с. 256, 265.

ной Европы наибольшее распространение получают глиняные и железные котлы [8].

Казаны поздних кочевников не привлекали до сих пор специального внимания исследователей, однако вопрос об их этнической принадлежности впервые был затронут С. А. Плетневой. При характеристике пятой группы кочевнических памятников, отнесенных ею к местному допеченежскому населению донецких степей, наличие в погребениях казанов, равно как и керамики, определялось С. А. Плетневой как один из характерных признаков указанной группы памятников [9]. В основном же они публиковались в числе прочего инвентаря из позднекочевнических комплексов или разрушенных курганов. Так, были изданы два медных казана из Ровенского и II Лолинского [10] могильников в Поволжье, один происходит из раскопок Г. Т. Ковпаненко на Херсонщине у с. Балтазаровка, 13 *км* [11]. Описание еще одного казана, найденного в разрушенном кургане на Херсонщине, дано в статье И. А. Молодчиковой [12].

В классификации кочевнического инвентаря, предложенной Г. А. Федоровым-Давыдовым, имеется раздел о бронзовых сосудах, где учтено семь типов бронзовых чаш [13]. Лишь в одном случае находка определяется как котел — раздел Б, тип I [14]. К сожалению, в этой работе рисунки чаш даны не в масштабе и размеры их в тексте не указаны, что затрудняет сопоставление имеющихся у нас казанов и чаш, опубликованных Г. А. Федоровым-Давыдовым. Ссылаясь на аналогичные находки чаш в материалах XIV в. из Сарая, автор тем самым определяет время их бытования. Нам кажется неправомерным выделение типов В-II и В-III в раздел бронзовых чаш. Чаши, согласно своей функциональной принадлежности, определяют и форму. К этой форме близки чаши типов В-I, В-IV, В-V. Определение сосудов типа В-II и В-III как чаш не дает объяснения необходимости наличия ручки-дужки, указанной на данных сосудах, и их размеров. По-видимому, более правомерным была бы классификация данных сосудов как котелков, что связано с их формой, размерами и наличием ручки-дужки. В коллекциях музеев Новочеркасска, Ворошиловграда, Днепропетровска, Запорожья и Артемовска нами обнаружено 10 казанов несомненно кочевнических, но носящих наименование «казацких», «турецких» и др. [15] Выяснение места и обстоятельств их находок, а также их аналогичность казанам из датированных кочевнических погребений позволяет, как нам кажется, относить и данные изделия к памятникам кочевников южнорусских степей XII—XIII вв. и рассматривать в нашей статье.

В настоящее время нам известно в общей сложности 37 находок кочевнических казанов, сосредоточенных на относительно узкой территории

---

[8] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, 1960, № 142, с. 149, рис. 39, 19; *Diaconu P.* Cu privire la problema caldrril de lut Pn. epca frudalt timpuril (ser. X—XII).— SCIV, t. VII, 1956, № 3, 4.

[9] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях.— МИА, № 62, 1958, с. 183.

[10] *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г.— Тр. КРКМ, вып. 1, 1953, с. 24, рис. 25, *8*; *они же.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР.— Тр. КРКМ, вып. 2, 1954, с. 176, рис. 46, 2.

[11] *Ковпаненко Г. Т.* Курганы в Чаплинском районе Херсонской области.— ПЭБ, Киев, 1967, с. 34, 35, рис. 2, 3.

[12] *Молодчікова І. А.* Розкопки кочовницьких поховань на Херсонщині. АИУ — 1969. Київ, 1972, с. 266—268.

[13] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 88, рис. 15, *2*.

[14] Там же, с. 87.

[15] Все собранные нами казаны, как в комплексах, так и без них, включены в список, прилагаемый к статье, и пронумерованы. В дальнейшем будут указываться только пункты и номер памятника согласно списку (см. приложение). Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность за любезно предоставленные неопубликованные материалы из раскопок Я. И. Болдина, А. И. Кубышева, В. В. Отрощенко.

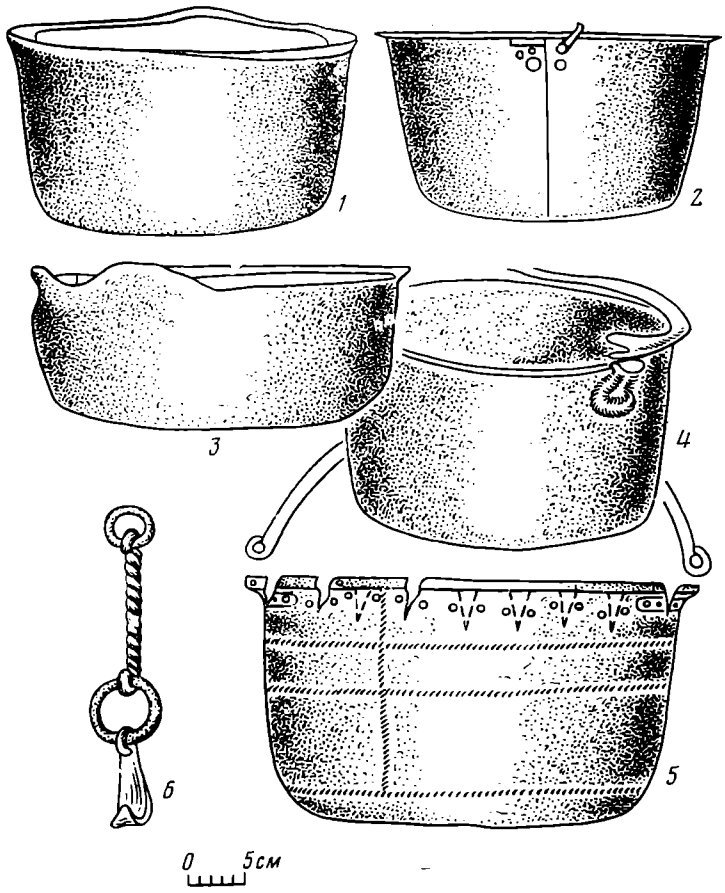


Рис. 1. Казаны I типа, подтип 1. *1* — Ровенский могильник; *2* — Отрадное; *3* — II Лолинский могильник; *4* — Новоивановка; *5* — Новочеркасск, № 3890; *6* — крюк от казана из кургана Нижняя Козинка

степей от Днепра до Волги. По технике изготовления они могут быть разделены на три типа.

К I типу (рис. 1, 2) нами отнесено 19 казанов с прямыми стенками, изготовленных из двух листов металла, соединенных между собой простым прокованным швом. Отличия в наклоне стенок и форме венчика позволяют выделить подтипы сосудов.

Подтип 1 (6 экз., рис. 1, *1—5*) — сосуды со слегка расширяющимися кверху стенками, выпуклым дном и отогнутым прямым венчиком. Плоские железные ручки вставлены подвижно в петли, которые прикреплены к стенкам казана заклепками. В подтип 1 включены три казана из исследованных погребений в Поволжье (II Лолинский, 1, Ровенский, 2, могильник на Иловле, 3), один из Новочеркасского музея в Подонье (4), два из Приазовья (Новоивановка, 12; Отрадовка, 15).

Подтип 2 (6 экз., рис. 1, *1—3*) представлен цилиндрическими сосудами со слегка округлым дном, отогнутым и загнутым к бортам венчиком. К данному подтипу нами отнесены четыре казана из погребений в Поднепровье (Тимашевка, 22; Вільна, Україна, 32; Лиманцы, 36; Павловка, 34) и два из Приазовья (Провалье, 7; Курахово «Великая Могила», 20).

Подтип 3 (4 экз., рис. 2, 4) — сосуды с сужающимися кверху стенками, отогнутым венчиком и слегка выпуклым дном. Один из них, хранящийся в Ворошиловградском музее (10) по нижней части тулова украшен орнаментом в виде меандра. Второй обнаружен в нарушенном погребении у р. Грузской в Приазовье (№ 13). Еще два казана

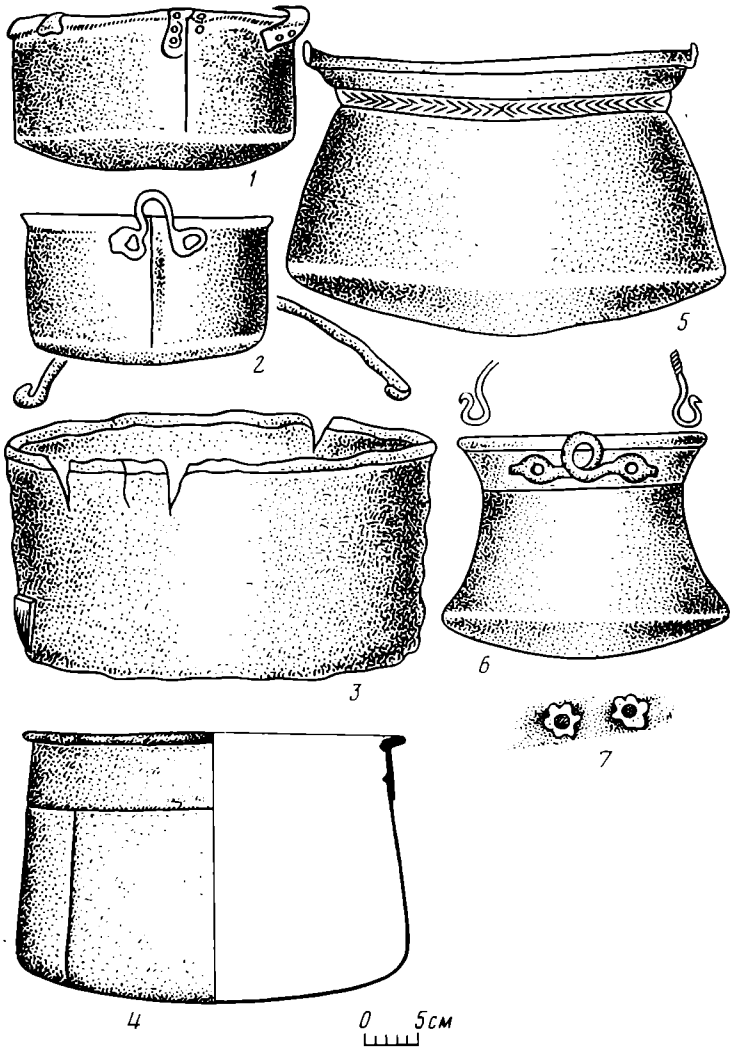


Рис. 2. Казаны I типа, подтип 2: *1* — Тимофеевка; *2* — Провалье; *3* — Курахово; подтип 3: *4* — Грузское; подтип 4: *5* — Новочеркасск, № 3876, *6* — Новочеркасск (безинвентарен), *7* — клеймо на казане *5*

происходят из разрушенных в 1972 г. погребений на Харьковщине (с. Берестовое, 18, 19).

Подтип 4 (2 экз., рис. 2, *5, 6*) отличается значительно от предыдущих по форме. Слегка выпуклый корпус сосудов конусообразно расширяется к полусферическому дну. Венчик, поднимающийся уступом от узких плечиков, немного расширяется, край его отогнут наружу и образует бортик. Поясок, отделяющий венчик от тулова у одного из казанов (Новочеркасск, 6), орнаментирован штрихами по всей окружности. Казаны данного типа в основном выкованы из одного листа и по размерам сравнительно невелики. Высота их колеблется от 15 до 30 *см*, а диаметр — от 20 до 40 *см* (рис. 2, *5, 6*). К венчику приклепаны петли с расходящимися концами, в двух случаях концы петель перекрещены. На тулове одного из сосудов из Новочеркасского музея (5) имеется клеймо мастера в виде двух цветков (рис. 2, 7). Наличие клейма на стенке казана говорит о возможности их производства определенной мастерской или мастером по заказу.

Тип II (рис. 3 и 4) представлен 12 сосудами подцилиндрической формы, изготовленных из нескольких листов меди (бронзы), соединен-

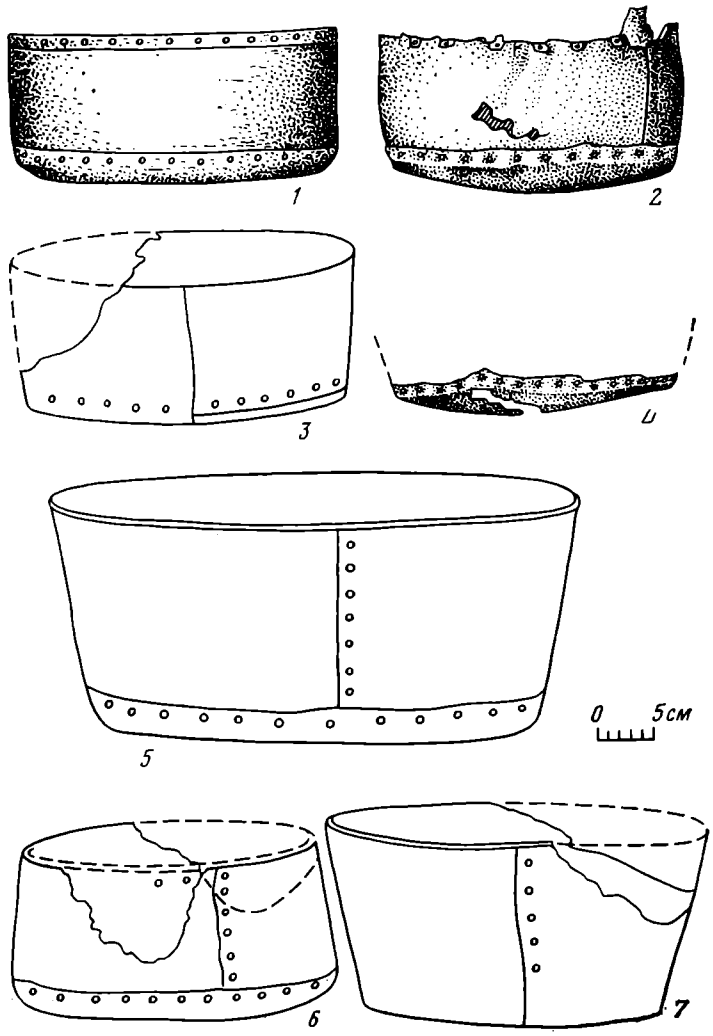


Рис. 3. Казаны II типа, подтип 1: *1* — Софиевка, к. 13, п. 1; *2* — Софиевка, к. 23, п. 17; *3* — Октябрьское; *4* — Красный подол; *5* — Б. Белозерка; *6* — Александрополь; *7* — Приморское

ных между собой заклепками. По своей форме они могут быть разделены на два подтипа.

Подтип 1 включает 8 казанов (рис. 3, *1*—*7*). Стенки сосуда соединены между собой и с дном заклепками, идущими в один ряд с равным интервалом. Изменение профиля стенок незначительное. Наблюдается слабое расширение стенок к венчику и иногда небольшая округлость. В одном случае венчик и край дна казана окованы железной полоской (Ажинов 1, 8). Пять сосудов происходят из погребений в Поднепровье (Александрополь, 21; Большая Белозерка, 23; Софиевка, 27, 28; Красный Подол, 35), а два в низовьях р. Кальмиус (Октябрьское, 16; Приморское, 17).

Подтип 2 (рис. 4, *1*—*4*) представлен 4 экз. Стенки сосудов, изготовленные из нескольких кусков меди и соединенные заклепками (иногда в два ряда), сужаются к венчику. Венчик прямой, в одном случае слегка отогнут. Ручки петлеобразные. Дно почти прямое, слегка выпуклое. С одним из казанов, обнаруженных в Подонье (Нижняя Козинка, 8), находился железный крюк для подвешивания над огнем (рис. 1, *6*). Два других найдены в Приазовье (Никифоровка, 11; Изюм, 14), один происходит из разрушенного кургана на Херсонщине (Широкое II, 31).

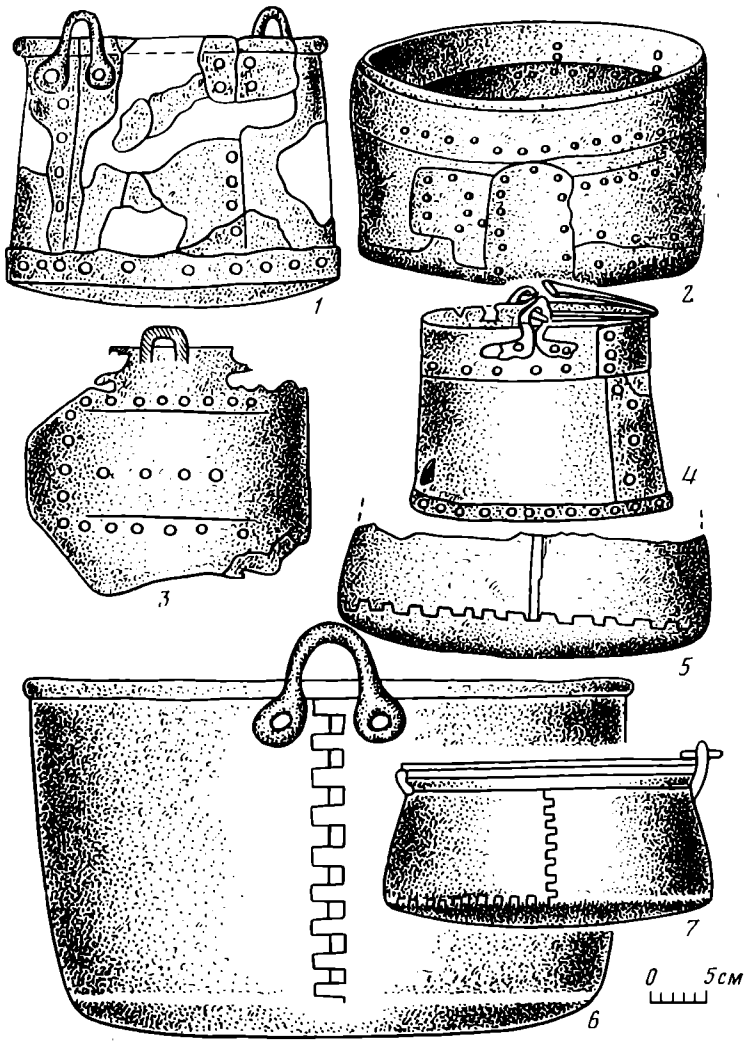


Рис. 4. Казаны II и III типов. Тип II, подтип 2: *1* — Никифоровка; *2* — Изюм; *3* — Широкое II; *4* — Нижняя Козинка. III тип: *5* — В. Тарасовка; *6* — Запорожье; *7* — Морская кошара

В тип III выделено 6 казанов (рис. 4, *5*—*7*) отличающихся от предыдущих системой соединения стенок и днища. В данном случае мастером была избрана более сложная техника соединения швов, представляющая собой своеобразный замок. Языки, идущие по краю одной стенки, были впущены в специальные прорези в другой, а затем загнуты и расклепаны. Такая система крепления, по-видимому, была не столь эффективна, и казаны, сделанные в этой технике, очень редки (24, 25, 26, 29, 33, 37).

Полные аналогии казанам из кочевнических погребений XI—XIII вв. нам не известны. Однако, как мы уже указывали, они бытовали в более раннюю эпоху. Так, при раскопках аланского могильника у Кисловодска был найден бронзовый казан в погребении вождя и два — в других комплексах. Находки датируются А. П. Руничем V—VIII вв.[16]. Известны котлы и в богатых погребениях Лядинского могильника, относимого к мордовским памятникам[17]. Железные котлы, близкие по форме и тех-

[16] *Рунич А. П.* Захоронение вождя..., с. 256, рис. 1; *его же.* Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в г. Кисловодске и его окрестностях.— МАДИСО, т. II, 1969, с. 105, 106, рис. VI, *1*, *2*.

[17] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам, с. 154.

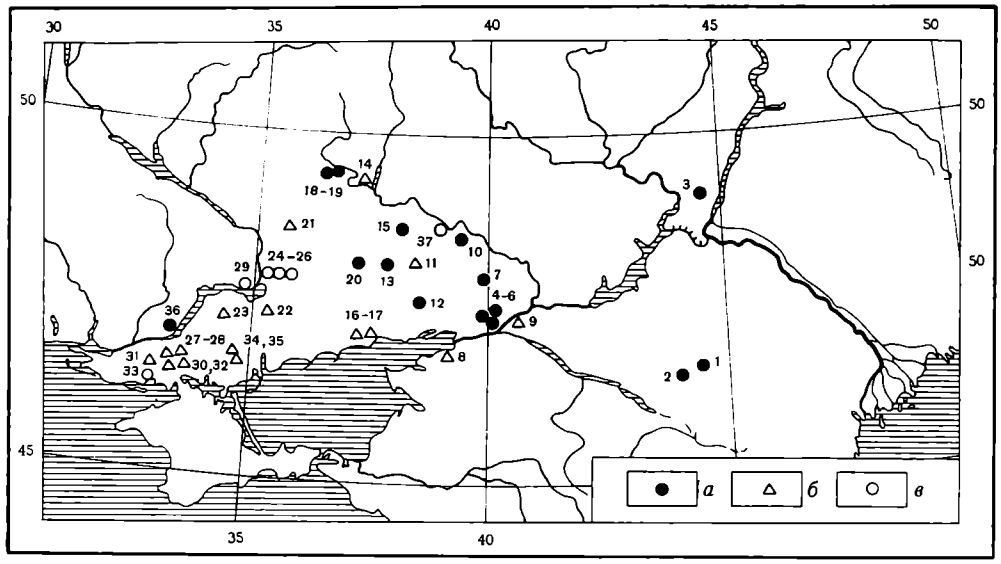


Рис. 5. Карта находок казанов. *1* — II Лолинский могильник, к. 8, п. 3; *2* — Ровенский могильник, к. 13, п. 3; *3* — могильник на Иловле; *4* — Новочеркасск № 3890; *5* — Новочеркасск № 3876; *6* — Новочеркасск (безинвентарный); *7* — Провалье, к. 6, п. 1; *8* — Нижняя Козинка; *9* — Ажинов I, к. I, п. 3; *10* — Ворошиловград; *11* — Никифоровка; *12* — Новоивановка; *13* — Грузское; *14* — Изюм; *15* — Отрадовка; *16* — Октябрьское, к. I; *17* — Приморское; *18* — Берестовое; *19* — Берестовое; *20* — Курахово, «Великая Могила»; *21* — Александрополь; *22* — Тимофеевка, к. 9, п. 5; *23* — Б. Белозерка, к. I, п. 2; *24* — Запорожье ЗИКМ; *25* — Запорожье ХГЗЗК; *26* — Запорожье ХГЗЗК; *27* — Софиевка, к. 13, п. 1; *28* — Софиевка, к. 23, п. 17; *29* — Верхне-Тарасовка, к. 82, п. 1; *30* — Красный Перекоп, 23 *км*, к. 1, п. 1; *31* — Широкое II, к. 37; *32* — Вільна Україна, к. 3, п. 1; *33* — Скадовск, к. 4, п. 3; *34* — Павловка, к. 2, п. 1; *35* — Красный Подол, к. 1, п. 4; *36* — Лиманцы, к. 1, п. 1; *37* — Пришиб, к. 3, п. 2, *а* — казанцы I типа; *б* — II тип; *в* — III тип

нике изготовления, есть в материалах салтовской культуры VIII—X вв. Указывая на особое место их в быту у кочевников, С. А. Плетнева подробно останавливается на описании формы и реконструкции такого котла [18]. О более длительном бытовании их в Подонье говорят находки фрагментов ручек и петель от котлов при раскопках Саркела [19]. Нельзя не упомянуть о медных (бронзовых) котелках, отличающихся от рассматриваемых нами казанов меньшими почти в 2 раза размерами, из II Агафоновского могильника в Пермской области [20].

Отсутствие казанов в материалах раскопок памятников оседлых народов, примыкавших к кочевой степи, позволяет считать их находки у кочевников продуктом местного производства, тем более что находки близких и аналогичных сосудов в более раннюю эпоху могут говорить о преемственности позднекочевнических казанов от более ранних. В пользу нашего мнения о местном производстве казанов говорит и их распространение на территории, которая постоянно находилась под властью кочевников и даже была центром половецких группировок (рис. 5) [21].

Рассматривая условия находок казанов в погребальных комплексах кочевников, попытаемся выявить возможную взаимосвязь определенного типа сосудов с каким-либо погребальным обрядом и их хронологические рамки. Выше мы говорим о том, что часть известных в настоящее время казанов происходит из разрушенных курганов или депаспортизована. Так, из 37 только 22 сосуда входит в состав более или менее документи-

[18] Там же, с. 154, рис. 39, 19 на с. 149.

[19] *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа.— МИА, № 62, 1958, с. 67, рис. 45.

[20] Пользуюсь случаем выразить самую глубокую признательность Р. Ф. Голдиной за любезно предоставленные для ознакомления материалы из своих раскопок.

[21] *Плетнева С. А.* Половецкие изваяния.— САИ, вып. Б4—2. М., 1974, с. 19—24.

рованных комплексов [22]. Погребальный обряд этих захоронений не составляет единого целого. Взяв за основу ориентировку погребенных, мы можем разделить имеющиеся в нашем распоряжении комплексы на две группы.

Первая группа (11 погребений) характеризуется вытянутым на спине положением погребенного, его западной ориентировкой и наличием чучела или полного скелета взнузданной и оседланной лошади. Мужской пол умерших, погребальный инвентарь, отличающийся богатством и разнообразием наступательного и защитного оружия, дает возможность считать погребенных представителями военной аристократии кочевнического общества. Яркий образец погребений первой группы дает курган «Великая могила» у г. Курахово (20). Захоронение воина сопровождалось кроме богатого инвентаря еще захоронением коня и лежащими рядом слугами.

Вторая группа (8 погребений). Это трупоположения с восточной ориентировкой. В отличие от погребений первой группы признаки всадничества для данной категории не являются закономерными. Наличие даже сбруи в них не всегда обязательно. Но это не говорит о бедности умершего, данные погребения по богатству инвентаря, его ценности значительно превосходят погребения первой группы. В числе особенностей второй группы мы считаем также наличие в ней женских погребений [23].

В вопросах хронологии позднекочевнических памятников нет еще единого мнения о датировке тех или иных комплексов и могильников [24]. Однотипность инвентаря в погребениях разных веков затрудняет возможность создания хронологической шкалы. Однако в работах Г. А. Федорова-Давыдова и С. А. Плетневой проведена систематизация и установлены определенные хронологические рамки некоторых категорий вещей, встречающихся в кочевнических погребениях [25]. Сравнивая их с аналогичными находками инвентаря в погребениях с казанами, мы можем продатировать имеющийся в нашем распоряжении материал. Так, сбруя погребений, в которые входят двухсоставные удила с круглыми в сечении кольцами, не превышающими диаметр 7 *см*, и длиной одного стержня грызла до 8 *см* имеют аналогии в древнерусских и кочевнических древностях и датируются XII—XIII вв.[26] Стремена, в основном аналогичные стременам типа В-II, Г-I по системе классификации Г. А. Федорова-Давыдова [27], В-I, Д-II, Д-III по классификации С. А. Плетневой [28], также датируются XII—XIII вв.

В состав оружия погребений с казанами входят сабли, наконечники стрел, копий или дротиков, колчаны, кинжалы, шлемы, кольчуги. Ни разу не встречены богато орнаментированные обкладки колчанов золотоордынского времени [29]. Наконечники стрел в данных комплексах весьма разнообразны. Однако среди них нет образцов, известных с татаро-монгольского нашествия,— более крупных и массивных по размерам, чем половецкие [30].

---

[22] Мы не привлекали к обработке комплексы, в которых упоминается казан, но не сохранилось ни рисунка его, ни размеров.

[23] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 19—24.

[24] *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков.— САИ, вып. Е1—19. М., 1973, с. 15—19; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы..., с. 115, 116.

[25] *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков, с. 15—19; *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., с. 11—119.

[26] *Кирпичников А. И.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, вып. Е — 136, 1973, Л., с. 12, 17, рис. 4, тип. 1К; *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков, с. 15—16, тип. Г-I, Г-II; *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., с. 20, тип. Г-II, Г-III.

[27] *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., с. 12.

[28] *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков, с. 16.

[29] *Малиновская Н. В.* Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евроазийских степей.— В сб.: Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. 132—175.

[30] *Федоров-Давыдов Г. А.* Ук. соч., с. 25—28, рис. 3.

Наиболее показательными, как нам представляется, для хронологии данной группы памятников могут служить украшения, парча и керамика, находимая в комплексах с котлами.

Помимо сбруи и оружия в погребениях с казанами попадались надежно датирующие их стеклянные и витые серебряные браслеты, витые перстни, амфоры XII — начала XIII в., обрывки византийской и сицилийской парчи XII и XII—XIII вв. и т. п.[31].

Находки позволяют датировать «позднекочевнические погребения с казанами XII — первой половиной XIII в. С татаро-монгольским нашествием связывается гибель половецкой аристократии, увод ее в ставки монголов. Именно в этот период исчезает обычай установки каменных изваяний [32]. По-видимому, тогда же исчезает обычай помещать казаны в захоронения, а вместо них в могилы клали только маленькие котелочки, мисочки и иногда медные стаканы.

Если в быту кочевников казаны использовались по своему функциональному назначению, то в погребениях они представляют, по нашему мнению, одну из интереснейших частей погребального ритуала. При изучении погребений с казанами и казанов из разрушенных курганов все исследователи обращают внимание на их закопченность и наличие в них или рядом с ними остатков жертвенной пищи. Так, в погр. 8 Лолинского могильника (1) у казана находились кости барана и фрагмент деревянной миски. В казане из кургана «Великая Могила» у г. Курахово (20) оказался фрагмент такой же миски и кости птицы, а в Новоивановском погребении (12) лежали кости барана. Интересна находка деревянного черпака в казане из кург. 6 у с. Провалье (7). Ритуальное назначение котлов в славянском погребальном ритуале хорошо иллюстрируется находкой железного котла с головой барана и скрамасаксами в кургане «Черная Могила» [33].

В среде кочевников также выполнялся определенный погребальный обряд, включавший в себя положение загробной пищи и заупокойную тризну, который совершался в честь умершего предка. Однако в данном случае захоронение погребенного с казаном, употреблявшимся в повседневной жизни для приготовления пищи группе людей, мог иметь и другой аспект. При похоронах богатого и влиятельного воина в погребение ставился казан как признак кормильца и главы рода, племени. Недаром, характеризуя силу и могущество хана Кончака, русская летопись отмечает «иже снесе Сулу, пешь ходя, к о т е л нося на плечеву» [34]. Не менее показательна этимология самого слова «казан», уходящая своими корнями в тюркский героический эпос [35].

Главный богатырь огузов — Казан-бек или Салор-Казан. «Он — глава витязей, бек беков Баюндур-хана! Он глава внутренних огузов, но ему подчиняются и огузы внешние». Он — «счастье могучих огузов», опора могучих джигитов. Он — самый могучий и самый прославленный из огузских богатырей [36].

Не менее интересен и показателен факт наличия казанов в женских позднекочевнических погребениях. Этот фактор еще раз подчеркивает, большое значение женщины в кочевом обществе. С. А. Плетнева весьма

---

[31] *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Богаевской экспедиции в 1971 году.— В сб.: Археологические памятники Нижнего Подонья, ч. II. М., 1974, с. 10.

[32] Этот вопрос хорошо рассмотрен Г. А. Федоровым-Давыдовым (*Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы..., с. 239) и Плетневой С. А. (*Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 53—72).

[33] *Петрухин В. Я.* Ритуальные сосуды из курганов Гнездово и Чернигова.— ВМГУ, 1975, № 2, с. 85—89. О том, что котлы являются важной деталью ритуальных действий у скифов, пишет Геродот (Геродот. История. Л., 1972).

[34] ПСРЛ, т. II, стб. 716.

[35] *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974, с. 559.

[36] Там же, с. 560.

убедительно показала это при исследовании половецких изваяний [37]. Не менее четко на это указывает эпическое произведение кочевников «Алпамыш». Вот как характеризуется роль Барчин — жены Алпамыша:

«Всем опора нам она, Барчин-Аим,
Вместо «Алпамыш» — «Барчин» мы говорим» [38].

Подводя итог сказанному выше, мы можем, по-видимому, считать установку казанов в погребение социальным элементом погребального обряда «поздних кочевников» XII — начала XIII в. Захоронения с казанами принадлежали, вероятно, представителям родовой и племенной аристократии кочевого общества, а казаны, как и боевые наборные пояса, являлись атрибутами, подчеркивающими высокое социальное положение умерших.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список памятников

1. II Лолинский могильник, к. 8, п. 3. *Синицын И. В. и Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (раскопки 1952—1953 гг.).— Тр. КРКМ, вып. 2, 1954, с. 176, рис. 46, *2*.
2. Ровенский могильник, к. 13, п. 3. *Синицын И. В. и Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году.— Тр. КРКМ, вып. 1. Элиста, 1963, с. 24, рис. 25, 8.
3. Могильник на Иловле. *Скрипник А. С.* Раскопки курганов на Иловле.— Историко-краеведческие записки Волгоградского областного музея краеведения. Волгоград, 1973, вып. 1, с. 34, рис. 3, 4.
4. Новочеркасск, Музей истории Донского казачества (далее МИДК), инв. 3890.
5. МИДК, инв. № 3876.
6. МИДК, безинвентарн.
7. Провалье Свердловского р-на Ворошиловградской обл., к. 6, п. 1.— АО — 1973. М., 1974, с. 258.
8. Нижняя Козинка Ростовской области. *Горбенко А. А., Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Позднекочевническое погребение из кургана у хут. Нижняя Козинка.— СА, 1974, № 1, с. 287, рис. 1.
9. Ажинов 1, к. 1, п. 3 Ростовской области. *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Богаевской экспедиции в 1971 г.— АПНП, т. II, 1974, табл. IV, *8*.
10. Ворошиловград. *Писларий И. А., Филатов А. П.* Тайны степных курганов. Донецк, 1972, с. 124, рис. 1.
11. с. Никифоровка, Шахтерского р-на Донецкой обл. АО — 1976. М., 1977, с. 356.
12. с. Новоивановка, Амвросиевского р-на Донецкой обл. *Швецов М. Л.* Поховання знатної кочовниці з Донбасу.— Археологія, № 13, 1974, с. 97, рис. 3, *5*.
13. с. Грузское, Макеевка, Донецкой обл. *Стороженко С. К., Кіріенко О. Я.* Розкопки курганів XI—XII ст. в Донецкій області.— АДУ — 1969. Київ, 1972, вып. IV, с. 273.
14. Изюм, Харьковской обл. *Сибилев Н. В.* Древности Изюмщины. Изюм, 1926, вып. III, табл. XXI.
15. с. Отрадовка, Артемовского р-на Донецкой обл. Музей Дворца пионеров г. Артемовска, инв. № 114.
16. с. Октябрьское, кург. 1. Новоазовского р-на Донецкой обл. *Братченко С. Н.* Отчет Второй Северо-Донецкой экспедиции ИЗ АН УССР за 1976 г.— Архив ИА АН УССР ф. е. 1976/3.
17. с. Приморское, Новоазовского р-на Донецкой обл. Раскопки О. Я. Приваловой в 1977 г. Не опубликовано.
18—19. с. Берестовое, Близнюковского р-на Харьковской обл. (Археологический музей Харьковск. ун-та).
20. г. Курахово, Донецкой обл. Кург. «Великая Могила». *Стороженко С. К., Кіріенко О. Я.* Розкопки курганів в Донецькій області..., с. 273.
21. Александрополь, Днепропетровской обл. *Ковалева І. Ф.* Розвідка горішньої течії р. Самари.— АДУ — 1969. Київ, 1972, с. 336.
22. с. Тимофеевка, к. 9, п. 5 Запорожской обл. Отрощенко В. В. Отчет Запорожской археологической экспедиции ИА АН УССР за 1976 г.— Архив ИА АН УССР ф. е. 7493, 7494, табл. XXXVII.

---

[37] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния, с. 76.
[38] Алпамыш. М., 1958, с. 11, 309.

23. с. Большая Белозерка, к. 1, п. 2 Запорожской обл. *Отрощенко В. В.* Отчет Запорожской экспедиции за 1976 г., с. 116, 117.
24. г. Запорожье, ЗИКМ, инв. № 5035.
25. г. Запорожье, ХГЗЗК, инв. № НДФ 179.
26. г. Запорожье, ХГЗЗК, инв. № НДФ 188.
27. с. Софиевка к. 13, п. 1, Каховского р-на Херсонской обл. *Кубышев А. И.* Отчет Херсонской экспедиции ИА АН УССР за 1972 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6175, инв. 117.
28. с. Софиевка к. 23, п. 17, Каховского р-на Херсонской обл. *Кубышев А. И.* Отчет Херсонской экспедиции ИА АН УССР за 1973 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6177, инв. № 37.
29. с. Верхне-Тарасовка к. 82, п. 1, Томаковского р-на Днепропетровской обл. *Чередниченко Н. Н.* Отчет Верхне-Тарасовской экспедиции ИА АН УССР за 1975 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. с. 96—100, рис. 36, *2*.
30. с. Калиново, «Красный Перекоп», 23 км, к. 1, п. 1, Каховский район Херсонской области. *Кубышев А. И., Чемаков Г. И., Шилов Ю. А.* Исследование курганов на херсонщине.— АО — 1974. М., 1975, с. 308; Архив ИА АН УССР, ф. е. 6997.
31. с. Широкое кург. 37. Каховский р-н Херсонской обл. *Молодчикова І. А.* Раскопки кочовницьких поховань на Херсонщині.— АИУ — 1969. Київ, 1972, с. 267.
32. *Вільна Україна*, к. 3, п. 1. Каховский р-н Херсонской обл. *Лесков А. М.* Отчет о работе Херсонской экспедиции за 1971 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 7165, с. 58.
33. Скадовск, ур. «Морская кошара» к. 4, п. 3, Херсонская обл.— Археологія УРСР. Київ, т. III, 1975, рис. 107, 10.
34. Павловка к. 2, п. 4. Чаплинский р-н Херсонской обл. *Кубышев А. И.* Отчет Херсонской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6996—6997. *Иванов Л. И., Ядвичук В. И.* Работы Херсонской экспедиции.— АО — 1975. М., 1976, с. 329.
35. с. Красный Подол, кр. гр. Ц к. 2, п. 4, Каховский р-н Херсонской обл. *Кубышев А. И.* Отчет Херсонской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6996, 6997.
36. с. Лиманцы, к. 1, Снигиревского р-на Николаевской обл. *Шапошникова О. Г.* Отчет Ингульской экспедиции ИА АН УССР за 1974 г.— Архив ИА АН УССР, ф. е. 6783, с. 107, 108.
37. Пришиб, к. 3, п. 2, Славяносербского р-на Ворошиловградской обл. Раскопки 1978 г.

M. L. Shvetsov

COPPERS FROM BURIALS OF THE MEDIEVAL NOMADS

Summary

The article deals with copper riveted vessels 5—10 litres volume, found in the burials of medieval nomads. Showing the illegality of the term «copper» for the determination of these finds the author offers the term «kazan» (a specific type of vessel) and gives the preliminary typology of the investigated kazans from the burials and destroyed barrows. By the technology of their manufacturing all kazans are divided into 3 types and by the form of their walls and rim into subtypes (fig. 1—4). The author investigates the burial complexes with the kazans, establishes their chronology.

К. Н. ГУПАЛО, Г. Ю. ИВАКИН

О РЕМЕСЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НА КИЕВСКОМ ПОДОЛЕ

В исторической литературе Подол единодушно рассматривается как главный ремесленный посад древнего Киева [1]. Однако следов древнерусского ремесленного производства на Подоле археологически обнаружено было не так уж много [2]. Поэтому мнение о Подоле, как о крупнейшем ремесленном районе Киева основывалось в основном на различных косвенных данных: например, удобное топографическое расположение района (близость к Днепру, устье р. Почайны), наличие небольших водотоков и некоторых видов сырья (глина), достаточно выразительный ремесленно-торговый характер Подола в XVI—XVII вв. (что нашло свое отражение в топонимике района — урочища Гончары, Кожемяки, Дегтяри) и т. д.

В последнее время благодаря систематическому археологическому изучению Подола ремесленный характер района начал проступать более отчетливо. Открытие нескольких ремесленных мастерских, коллекция интересных вещественных находок позволяют более конкретно осветить ряд важных вопросов ремесла на Подоле, значительно пополнить наши представления как о ремесленном характере района, так и о древнерусском городском ремесле в целом.

Характеристику новых данных о ремесленном производстве Подола начнем с кузнечного дела. Именно кузнечное ремесло остается пока одной из наименее изученных отраслей киевского ремесленного производства. Данные о кузнечном ремесле древнего Киева немногочисленны. Что касается письменных источников, то единственное упоминание о киевских кузнецах имеется в «Житии Феодосия» [3]. Археологический материал представлен в основном многочисленными находками разнообразных изделий из железа. Более или менее выразительные следы самого железоделательного производства были зафиксированы только на Подоле [4]. В Верхнем городе хотя и находили отдельные куски железного шлака, однако остатков железоплавильных печей или кузниц не встречено [5]. В. А. Богусевич высказал мысль о том, что железоделательное производство в древнем Киеве должно было сосредотачиваться не в центральных, аристократических районах города, а на посаде, в частности на Подоле [6]. Новые исследования подтверждают это предположение.

[1] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956, с. 45; *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1. М.— Л., 1958, с. 480.

[2] *Богусевич В. А.* Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 г.— Археологія, IX, 1954, с. 42, 43; *Толочко П. П., Гупало К. М.* Розкопки Києва у 1969—1970 рр.— В сб.: Стародавній Київ. Київ, 1975, с. 14; *Толочко П. П.* Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1970, с. 130.

[3] Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, с. 78.

[4] *Богусевич В. А.* Ук. соч., с. 45.

[5] *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева (1938—1947). Киев, 1950, с. 187; *его же.* Древний Киев, т. 1, с. 374; *Кіліевич С. Р.* Археолгічпа карта київського дитинця.— В сб.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976, с. 199, 212, 213.

[6] *Богусевич В. А.* Ук. соч., с. 45.

Раскопками на участке строительства метро, в месте его пересечения с ул. Верхний Вал, в слоях XII—XIII вв. были зафиксированы развалы печей, расположенные несколькими ярусами одна над другой. При расчистке завалов и в непосредственной близости от них было обнаружено значительное количество железного шлака. Стены печей были глинобитные на деревянном каркасе, о чем свидетельствуют найденные куски глиняной обмазки. Поды представляли собой круглые в плане глиняные площадки диаметром около 1 *м*. В некоторых печах поды были выложены фрагментами керамики, которые перекрывал слой спондиловой глины. Песок, подстилающий основания этих печей, был сильно прокален и приобрел характерный красноватый оттенок. Производственный характер печей не вызывает сомнения, хотя более точно определить их назначение из-за плохой сохранности затруднительно. Не ясно, были ли это железоплавильные печи или кузнечные горны.

В вопросе об организации древнерусского металлургического производства мнения исследователей расходятся. Б. А. Рыбаков считает, «что, если в деревнях сыродутные горны часто устанавливались ближе к месту добычи руды, а не в самом поселке, то в городах они всегда находятся внутри городских стен...» [7]. Б. А. Колчин, напротив, допускает, что в X—XIII вв. уже существовало разделение труда при добыче металла и его дальнейшей обработке и связывает металлургию с деревенским промыслом, который играл, по его мнению, важную роль в развитии товарных отношений между городом и деревней [8].

Вероятно, только будущие археологические исследования покажут, какое из этих мнений более справедливо для Киева. Однако трудно представить существование железоплавильных горнов почти в центре густонаселенного района. Поэтому мы склонны видеть в обнаруженных объектах кузнечные горны. Возможно также, что они использовались при операциях, связанных с переработкой железа в сталь или с проковкой сырой крицы [9].

Археологические разведки и раскопки в границах так называемого «Большого Киева» показывают, что металлодобывающее ремесло получило распространение в северо-западной части Киевской земли (в бассейне рек Ирпень и Тетерев). Здесь П. П. Толочко исследовал группу древнерусских поселений, на которых в большом количестве были встречены куски железных шлаков, ошлакованные стенки горнов, куски руды [10]. Исследователь считает, что эти поселения являлись сезонными поселками, занимавшимися выплавкой железа из болотных руд. Следы металлургического производства зафиксированы и в Вышгороде [11]. О древних и прочных традициях металлургии этого района свидетельствует и металлургический центр зарубинецкой культуры близ г. Лютиж [12]. По мнению В. И. Бидзили, Лютиж удовлетворял своей продукцией потребности киевского гнезда поселений этого времени, чему в немалой степени способствовало удобное расположение металлургического центра на днепровском водном пути (40 *км* выше Киева). Возможно, именно из этого района киевские кузнецы и получали железо в виде полуфабрикатов типа криц из Вышгорода.

На этом же участке, но в слое X в. (на глубине 7,60 *м* от современной поверхности) были выявлены остатки мастерской ремесленника-

---

[7] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 209.

[8] *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период).— МИА, № 32, 1953, с. 200.

[9] Там же, с. 199.

[10] *Толочко П. П.* Отчет о раскопках древнерусских поселений на реке Тетерев в 1962—1963 гг.— Архив ИА АН УССР.

[11] *Довженок В. И.* Розкопки древнього Вишгорода.— АП, т. III, 1952, с. 18.

[12] *Бідзіля В. І.* Чорна металургія стародавніх східних слов'ян.— В сб.: Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969, с. 51.

ювелира. Сама постройка, видимо, была уничтожена пожаром, о чем свидетельствует большое скопление горелого дерева. Вся площадь раскопа на данном уровне также носила следы сильного огня. В мастерской были обнаружены четыре литейные формочки из овручского шифера (три из них сохранились практически полностью, от четвертой — небольшой обломок), шлифовальный брусок, многогранные сердоликовые подвеска и бусина. Невдалеке от пятна постройки было найдено несколько стеклянных бусин, которые, возможно, также относятся к данной мастерской (рис. 1). Две желтые бусины-лимонки изготовлены из прозрачного желтоватого стекла, и только снаружи их покрывает тонкий слой непрозрачной желтой массы. По мнению Ю. Л. Щаповой, подобные бусины — византийского происхождения и появляются во второй половине X в.[13].

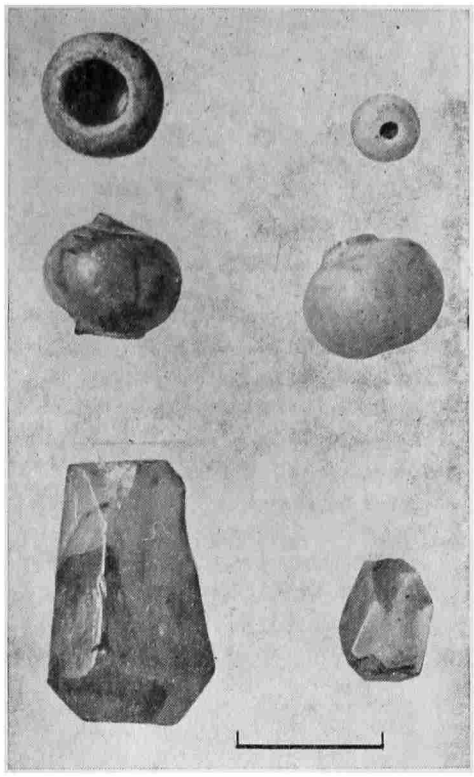


Рис. 1. Стеклянные и сердоликовые бусины

Отметим, что это первая находка ювелирных литейных формочек на главном ремесленном посаде древнего Киева.

Первая формочка (рис. 2) представляет собой пластину почти прямоугольной формы, размером 6,5×7 *см* при толщине 0,9—1,4 *см*. Обе стороны формочки являются рабочими — на них вырезаны изображения, служившие для отливки поясных украшений. На одной стороне находятся изображения четырех поясных бляшек. Они выполнены в виде трехлепестковых пальметок с отверстиями у основания ростка. По внешнему обводу каждого изображения часто нанесены точки, которые при отливке имитировали мелкую зернь. Здесь же вырезано 5—6 точек более крупного размера, вероятно, для имитации более крупной зерни. Все вырезанные изображения весьма сходны между собой. Однако левая пара бляшек незначительно отличается от правой. Последние несколько больше по размерам, отверстия здесь овальные, точек для крупной зерни шесть, а не пять, как у левой пары. Изображения бляшек каждой из этих пар имеют только те отличия, которые вызваны самим процессом ручной резьбы по камню, а также в количестве точек для мелкой зерни. К каждому из рисунков проделан литник. По краям формы находятся три отверстия для штифтов, служивших для фиксации крышки.

На другой стороне формы вырезано еще три изображения поясных украшений. Поперек пластины, почти на всю ее ширину, расположен наконечник пояса. Вся поверхность последнего заполнена искусной резьбой растительного характера, которую в целом можно представить как дерево жизни, увенчанное тремя солярными знаками. Ниже находится изображение малого наконечника, украшенного гораздо проще — узким пояском с точками, идущими по контуру рисунка. Рядом вырезана маленькая сердцевидная бляшка с круглым отверстием в основании. На этой стороне формочки в нижней ее части находятся четыре отверстия для штифтов. Вероятно, сначала использовалась одна пара отверстий, однако вследствие долговременного использования формочки пришлось сделать новую. На торце формочки резцом сделана куфическая надпись.

[13] *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 177, рис. 33, *24*, *24а*.

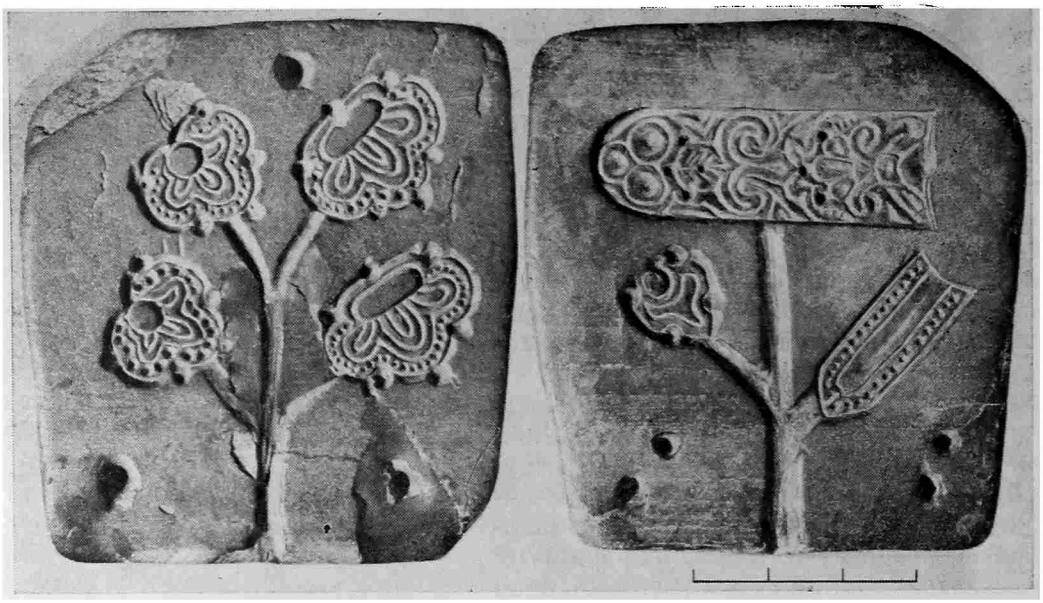


Рис. 2. Формочка 1. Лицевая и оборотная сторона

Вторая форма (рис. 3) имеет размеры 8×6 *см* при толщине 0,4—0,8 *см*. На одной стороне вырезаны изображения пятиугольной бляшки, украшенной семилепестковой пальметкой, сегментовидной бляшки, а также круглой бляшки с восьмиугольной звездой. Литник круглой бляшки перерезается под прямым углом каналом для штифта, служащего для изготовления отверстия в ушке отлитого изделия.

На торце, куда входит литник прямоугольной и сегментовидной бляшек, вырезан крест. На другой стороне в центре вырезано изображение колодочки с литником и каналом для штифта для образования полости в колодочке.

Третья форма (рис. 4) меньше предыдущей (3,5×5 *см* при толщине 1,3 *см*). Полностью сохранилась лишь одна сторона, где вырезано три полуцилиндрических колодочки, к каждой из которых ведет отдельный литник. Для придания изделиям полой конструкции прорезано два параллельных канала для штифтов. Вследствие механического повреждения на второй стороне сохранился лишь незначительный фрагмент изображения.

Все формочки изготовлены из шифера (пирофиллитового сланца) овручского происхождения.

Первые две формочки относятся к одному литейному набору, служившему для изготовления поясных украшений (рис. 5). Так, большая продолговатая бляшка с круглым концом, украшенная сложным изысканным орнаментом, служила наконечником боевого пояса. На нем изображены трилистники со сложными завитками, перерастающие друг в друга и образующие своеобразное «древо жизни». Малый наконечник с заостренным концом предназначался для ремешков, к которым крепились меч, нож, кошелек и т. д. Маленькая бляшка, расположенная рядом с наконечниками, с отверстием для язычка пряжки ножен также прикреплялась на эти ремешки. Сами ремешки крепились к боевому поясу при помощи бляшек-пальметок с продолговатым отверстием, которые находятся на другой стороне этой формочки. Бляшки крепились к поясу, а через их отверстия пропускались ремешки. Находящиеся здесь же другие две бляшки меньшего размера располагались на боевом поясе и окаймляли отверстие для язычка пряжки. Сегментовидная бляшка могла также употребляться для пропуска ремешков. Пятиугольная бляшка, вероятно, прикреплялась к щитку пряжки пояса. А круглые бляшки со

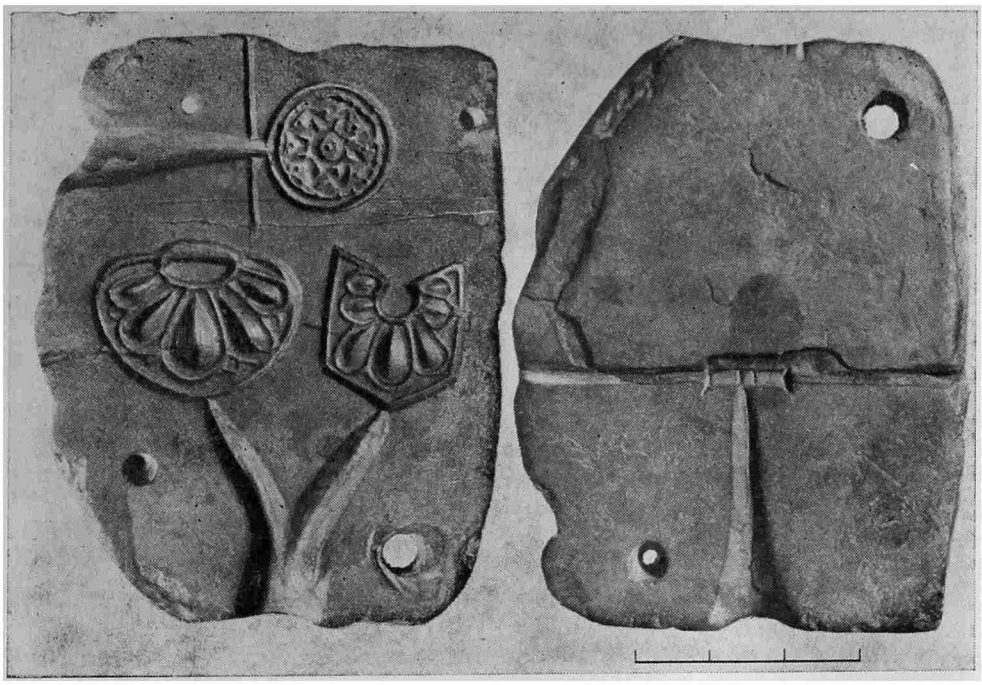


Рис. 3. Формочка 2. Лицевая и оборотная сторона

звездой в середине, по всей видимости, украшали остальную часть пояса. (Возможность приделать ушко этой бляшке указывает на существование также варианта использования ее в виде подвески). Как известно, количество бляшек на боевом поясе воина бывало довольно значительным. Так, на поясе, найденном в 1848 г. в Чернигове у Елецкого монастыря, насчитывалось 57 бляшек и наконечников [14].

Культурный слой, в котором была обнаружена мастерская, относится к X в. На эту же дату указывают и некоторые достаточно близкие аналогии. Например, пятиугольные бляшки из Шпилевского клада (конец X в.), которые отличаются лишь тем, что украшены пальметкой с пятью, а не с семью лепестками [15]. Изображение круглой бляшки напоминает бляшку из Дмитровского могильника, также украшенную звездой, но девяти-, а не восьмилучевой [16]. Куфическая надпись на ребре формочки датируется IX—X вв. Все это вместе дает возможность датировать раскопанную мастерскую X в.

Резьба по камню, особенно выпуклых линий, которые при отливке дают углубленные линии,— очень тонкий и кропотливый труд. Обработка такой формочки требовала как специального материала и инструмента, так и опытного мастера-резчика. Изготовление литейной формочки требовало значительных затрат труда. Эти затраты оправдывали себя лишь в случае массового производства. «Только наличие широкого и гарантированного круга заказчиков или наличие рынка могли способствовать появлению таких дорогих и трудоемких приспособлений, как эти литейные формы»,— подчеркивал Б. А. Рыбаков [17].

Длительная и интенсивная работа мастерской (на что указывает залощенность форм, новые отверстия для штифов и т. д.) говорит о том, что такой спрос на изделия данного вида в Киеве X в. уже существовал.

---

[14] *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— МИА, № 11, 1949, с. 53, 54.
[15] *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, с. 86.
[16] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам.— МИА, № 142, 1967, рис. 45, *13*.
[17] *Рыбаков Б. А.* Ремесло..., с. 271.

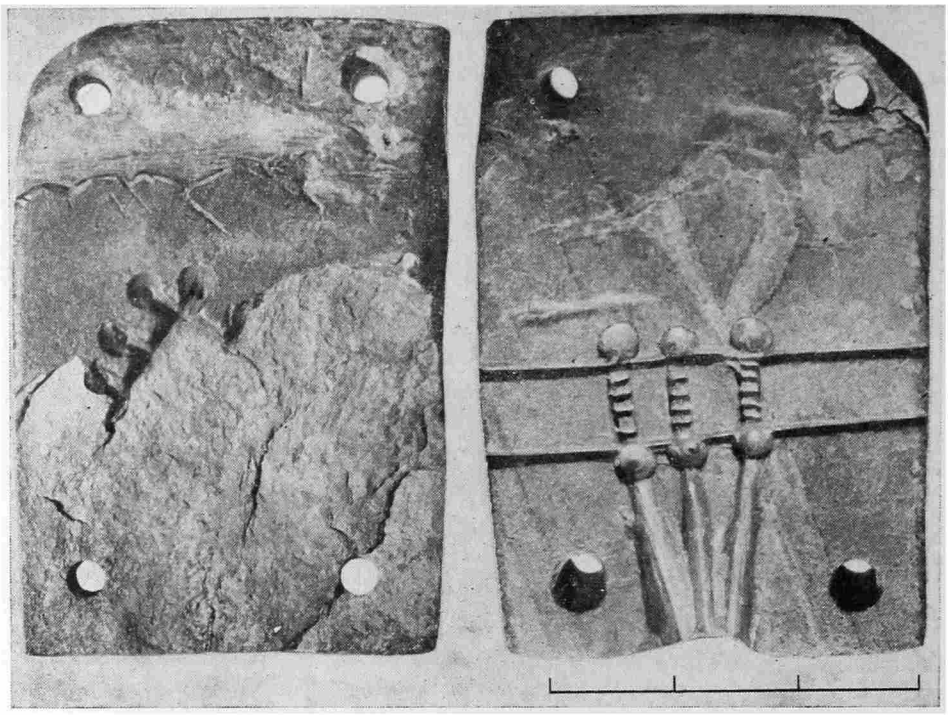


Рис. 4. Формочка 3. Лицевая и оборотная сторона

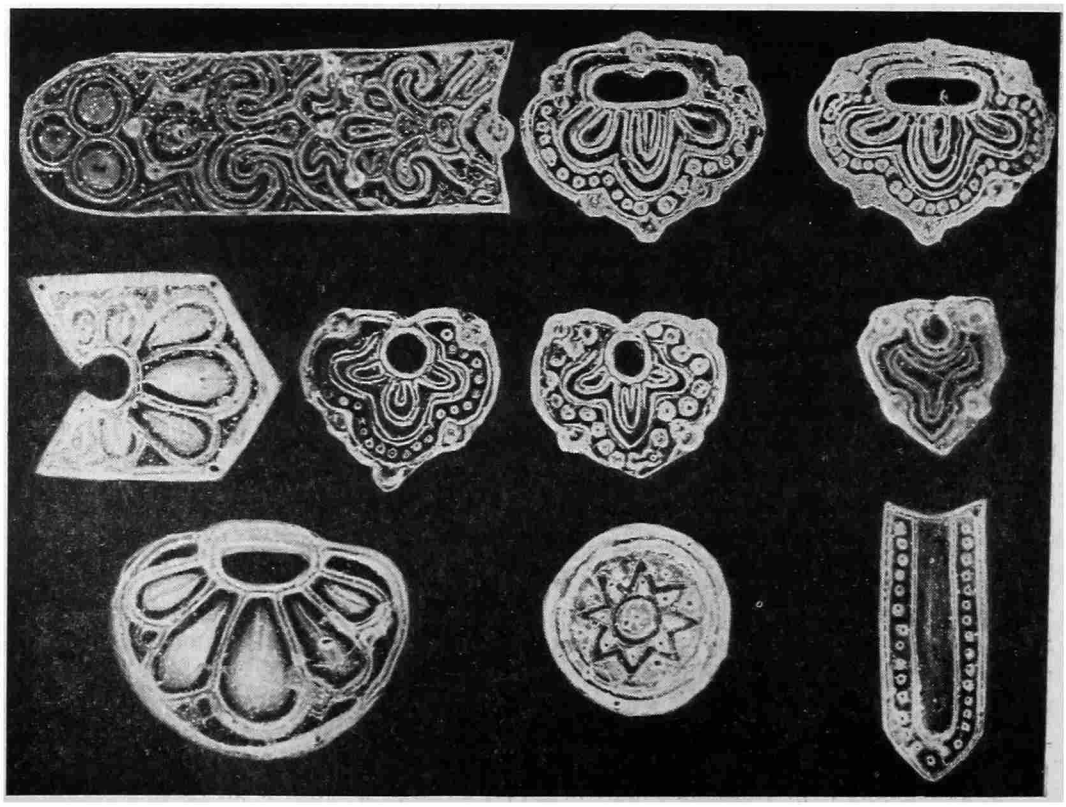


Рис. 5. Экспериментальные отливки из формочек. Масштаб 2 : 1

Известно, что поясные и уздечные наборы были широко распространены на всей территории великой евразийской степи: от Байкала на востоке до Венгрии на западе. Отмечается и большое сходство этих наборов, особенно в IV—VI вв. В конце VII—VIII вв. по формам и орнаменту бляшек выделяются три основные ареала: Средне-Дунайская низменность, Юго-Восточная Европа, Центральная и Средняя Азии [18]. Пояс, украшенный серебряными бляшками, был непременной принадлежностью каждого воина-кочевника. Количество бляшек на поясе зависело от общественного положения воина: чем знатнее он был, тем больше бляшек имел на поясе [19]. Боевые пояса (как и оружие и коня) воин в раннем средневековье получал от правителя как отличие воинской доблести, высокого служебного положения. Прокопий Кесарийский писал, что «не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего-либо подобного, если это не пожаловано царем [20]. Об этом же свидетельствуют азиатские рунические эпитафии: «Так как у вас было счастье («вам повезло»), памятник вам водрузили. На поясе луновидную пряжку мы устроили». Или другая надпись: «Моя геройская доблесть. Мой пояс с сорока двумя (чиновными) пряжками-украшениями!» [21].

На Руси также существовал обычай одаривать дружинников за верную службу богатым одеянием и оружием. Письменные источники свидетельствуют о страсти «нарочитых мужей» к роскошной одежде, ко всему, что олицетворяло власть, силу, богатство. Варяги, по свидетельству Эймундовой саги, требовали от Ярослава Мудрого в уплату за службу «золото и серебро и хорошую одежду» [22]. Об «оружии и портах» говорят дружинники князя Игоря, требуя нового похода к древлянам за данью. Всеволод Большое Гнездо одаривает после пиршества своих гостей «дары бесцѣнными, комонми и съсуды златыми и сребреными и порты». Сын Всеволода князь Ярослав обращается к своим воинам перед Липецкой битвой 1216 г.: «Се пришелъ вы товар в руки. Вам же буди брони, кони и порты» [23]. А «князь великій Юрьи...многы дары вдасть брату своему: златомъ, и сребромъ, и порты разноличьными, и кони, и оружіем...» [24] (1219 г.). К такого же рода почетным подаркам относились боевые пояса и конская сбруя. Среди храбров князя Константина Всеволодовича летопись наряду с Алешей Поповичем выделяет некого Тимоню Золотой Пояс: «Бяше въ полку два человѣка храбрых, Олешка Попович... и Тимоня Золотой Поясъ» [25].

В топонимике Подола существовало название «Пасынча беседа» (церковь св. Ильи. «яже есть над Ручаем, конец Пасыньче беседы»). М. Н. Тихомиров считал, что это название означает «место встреч, собраний дружинников («пасынков»)». А само слово «пасынок» в значении дружинника происходит от «пасати» — опоясывать мечем, обряда посвящения в дружинники, который имел аналогии в западноевропейских рыцарских обрядах [26]. Об этом говорит и статья 1149 г. Ипатьевской летописи: «Пасаше Болеславь сыны боярьскы мечемь многы» [27]. Боевой пояс, конечно, в таких случаях бывал богато украшен. О том, что поясные наборы были достаточно распространены на Руси, свидетельствуют и находки поясных бляшек в древнерусских курганах и кладах IX—X вв. Причем, как это неоднократно отмечалось исследователя-

---

[18] *Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII—VIII вв.— СА, 1965, с. 78—91.
[19] *Плетнева С. А.* Подгоровский могильник.— СА, 1962, № 3, с. 250.
[20] *Прокопий из Кесарии.* История войн с персами. СПб., 1880, с. 117.
[21] *Распопова В. И.* Ук. соч., с. 90.
[22] *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 92.
[23] Никаноровская летопись. ПСРЛ, т. 27. М.—Л., 1962, с. 39.
[24] Никоновская летопись. ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, с. 85.
[25] Тверская летопись. ПСРЛ, т. XV. М., 1963, стлб. 323.
[26] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 19, 20.
[27] Ипатьевская летопись. ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стлб. 386.

ми, эти курганы являлись захоронениями представителей военно-феодальной верхушки. Очевидно, именно с выделением военно-феодальной знати начали прививаться на Руси щедро украшенные боевые пояса и сбруя, стали широко распространяться в быту различные нарменные нашивки и украшения.

В основном поясные бляшки относят к арабскому импорту с Востока. Конечно, в целом как сама «мода» на поясные наборы, так и типы и орнамент поясных украшений проник на Русь с Востока (Хазарский каганат). Однако, возможно, здесь имеет место и определенная гиперболизация этого импорта (в частности, поясных украшений) и отрицание местного производства подобного рода вещей. В связи с этим интересно следующее замечание В. П. Даркевича о том, что «восточные нарменные бляшки из серебра в местах их изготовления почти неизвестны. Находки из Восточной Европы частично восполняют этот пробел» [28].

Практически не известны на Востоке и находки литейных форм, в которых изготовлялись эти бляшки. Правда, Т. Арне в статье, посвященной в основном Шестовицкому могильнику, упоминал о каких-то литейных формочках для изготовления поясных бляшек, которые он видел в музее г. Самарканда [29]. Однако ни описание, ни публикации этих формочек нам, к сожалению, не известны. К тому же единственная, известная до находки в Киеве литейная формочка для поясных украшений была найдена также на территории Киевской Руси в древнем Плисневске [30].

Изучая древнерусские сбруйные наборы, А. Н. Кирпичников пришел к выводу, что в X—XI вв. степную территорию (куда входила Южная Русь, Северное Причерноморье и Крым) обслуживали высококвалифицированные мастерские, которые никогда не поднялись бы до своего высокого уровня, если бы не восприняли художественные и культурные достижения развитого ремесла оседлых районов, и высказал предположение, что после 1000 г. в работе этих мастерских «могли принять участие и русские мастера» [31]. Это, конечно, касается и поясных наборов. Находка на Подоле указывает, что именно в Киеве уже в X в. действовала подобная мастерская. Считаем, что предположение А. Н. Кирпичникова подтвердилось (с той только оговоркой, что не «после», а «до» 1000 г).

Вероятно, в X в., особенно во время княжений Святослава и Владимира, когда быстро выделялась и росла дружинная прослойка, в Киевской Руси возник особый спрос на поясные и уздечные наборы (по выражению А. Н. Кирпичникова, эпоха «сбруйного выбора» на Руси). Этот спрос и породил мастерские, подобные подольской, и мастеров-ювелиров, которые оказались на уровне лучших мастеров своего времени. По своей художественной ценности рисунки, вырезанные на формах, относятся к лучшим образцам прикладного искусства. Резьба поражает своей тщательностью и совершенством. Перед нами произведение зрелого художника, который соединил художественный вкус и техническое совершенство.

Мы полагаем, что надпись на формочке, вероятнее всего, означает имя владельца формочки, а не мастера-резчика, выполнившего изображение бляшек (хотя не лишено вероятности предположение, что это было одно и то же лицо).

Арабская надпись на формочке сделана простым куфи (рис. 6). Возможны различные варианты прочтения этой надписи. И. Г. Добро-

---

[28] *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М., 1976, с. 115—122.

[29] *Arne T.* Skandinawische Holzkammer gräber aus der Wikkingerzeit in der Ukraine.— Acta archaeologica, t. II, № 3. Kobenhavn, 1931, S. 288.

[30] *Кучера М. П.* Древній Пліснеськ.— АП, XII, 1962, с. 31, 32.

[31] *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973, с. 30.

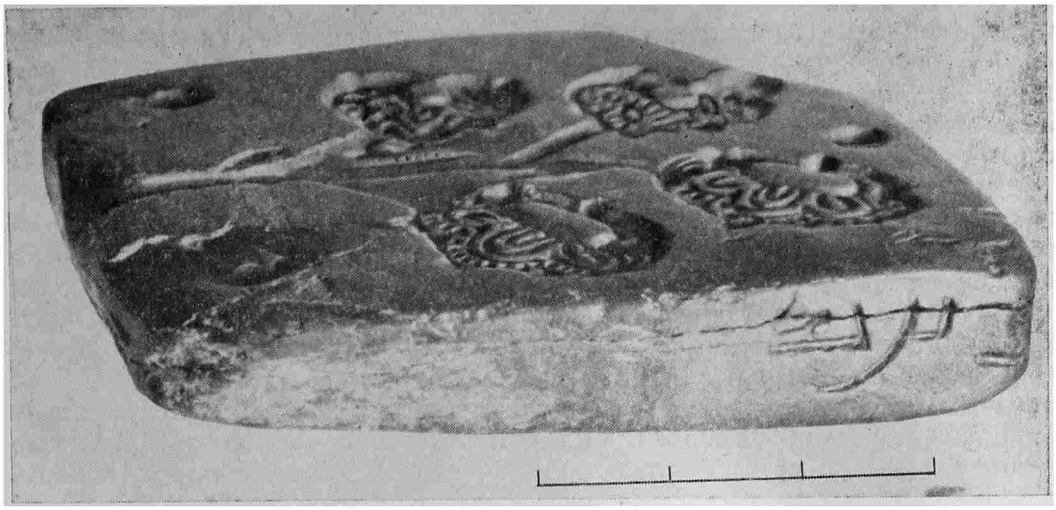


Рис. 6. Арабская куфическая надпись на ребре формочки 1

вольский читает ее как имя собственное «Йазид», Б. И. Маршак считает, что наиболее вероятным является прочтение — «турк», т. е. представитель племени торков [32]. Разное прочтение вызвано отсутствием в куфи точек, по которым отличаются многие арабские буквы, а также трещинами, идущими по торцу формочки.

В том, что на киевской форме встретилась арабская надпись, нет ничего удивительного. Хорошо известно, что в Киеве жило довольно много выходцев с Востока. В топонимике Подола существовало название «Козаре», которое, возможно, осталось от хазарской торговой колонии. Под 1106 г. упоминается в летописи воевода Святополка Изяславича «Иванко Захарьич Козарин» — вероятно, обрусевший хазарин [33]. Немало могло оказаться в Киеве и торков, которые с 985 г. выступают в летописи как союзники Владимира Святославича. Торком был повар (и убийца) князя Глеба Владимировича. Среди киевских мусульман могли быть и пленники из Хазарии, которые попали в Киев после разгрома князем Святославом Игоревичем хазарских городов Саркела, Итиля и Семендера. Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, который посетил Киев в 1150 и 1153 гг., сообщал, что он «прибыл в город славян, который зовут Куйав. А в нем тысячи «магрибинцев», с виду тюрков, разговаривающих на тюркском языке и стрелы мечут, как тюрки». Там же Абу Хамид встретил «человека из багдадцев, которого зовут Керим ибн Файруд ал-Джаухари»[34]. Среди иноземцев, живших в Киеве, Печерский Патерик упоминает сирийцев, половцев.

Однако этническое происхождение мастера не имеет для нас принципиального значения. Данное производство в Киеве было вызвано местными, киевскими потребностями, развитием местных производительных сил и местных общественных отношений. Сами формочки были изготовлены из местного овручского шифера [35], мастерская функционировала в Киеве, ее продукция поступала прежде всего на киевский рынок и вливалась в общий поток древнерусского ремесленного производства.

---

[32] Приносим нашу глубокую признательность И. Г. Добровольскому и Б. И. Маршаку, любезно согласившимся прочитать надпись на формочке.

[33] ПВЛ, т. 1. М.— Л., 1950, с. 186.

[34] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971, с. 39.

[35] Петрографический анализ проведен в Институте геохимии и физики минералов АН УССР кандидатом геолого-минералогических наук И. Л. Личаком. Формочки сделаны из пирофиллитового сланца, добытого в урочище Ровки близ г. Овруча.

В этой связи следует привести высказывание Г. Ф. Корзухиной в отношении всего древнерусского ювелирного искусства в целом: «Не арабы воскресили это древнее искусство. Толчком к его развитию, как и развитию других ремесел, послужил переход в IX в. к новым общественным отношениям, создавшим к X в. слой новой, могущественной знати, стремившейся к богатству, роскоши, дорогому оружию и одежде» [36].

Подольские литейные формочки являются наиболее ранними из найденных в Киеве. Как известно, основная масса киевских литейных форм относится к XII—XIII вв. Подольские формочки стоят также особняком среди немногочисленной группы одновременных им формочек (типа Табаевки), резко выделяясь как характером изготовляемых предметов, так и техническим и художественным совершенством. Упоминаемые выше бляшки литейной формы из Плиснеска, датируемой XI в., также по своим художественным достоинствам значительно уступают бляшкам киевских формочек. (На ней вырезано четыре пятиугольные бляшки, лишенные какой-либо орнаментации.) Таким образом, обнаруженные на Подоле формочки являются пока единственным известным в настоящее время н а б о р о м литейных форм для производства поясных украшений, несмотря на широкое распространение последних на всей огромной территории Евразии в довольно широком временном диапазоне (IV—XI вв.).

Следы еще одной ремесленной мастерской, связанной с ювелирным делом, были обнаружены в том же 1975 г. при исследованиях усадьбы бывшей Покровской церкви (1766 г.) на ул. Зелинского. В слое XIII в. был открыт небольшой фрагмент постройки (1×1,5 *м*), которая, судя по находкам, была мастерской ремесленника-ювелира, изготавливавшего изделия из янтаря. Основная часть мастерской оказалась перекрытой полом из майоликовых плиток каменного сооружения XIV—XV вв. и поэтому раскопана не была. Было найдено 18 полуобработанных заготовок из янтаря. Большинство из них — это плоские пластины янтаря толщиной 3—4 *мм*, квадратной, ромбовидной и бипирамидально-усеченной формы. Вероятно, ассортимент изделий из янтаря данной мастерской был небольшим и представлял собой преимущественно бусы и подвески-кулоны. Янтарь красноватого оттенка. По мнению Р. Л. Розенфельдта, это тот же желтый янтарь, но прокаленный в глиняных горшках под слоем песка. При такой технологии получали янтарь, сходный по цвету с сердоликом. Изделия из томленого янтаря покрывались белесой коркой, сам янтарь становился менее прочным, с многочисленными трещинами [37]. Местного ли происхождения этот янтарь или прибалтийского, сказать трудно, поскольку, как утверждает Р. Л. Розенфельдт, по химическому составу, качеству и внешнему виду днепровский янтарь неотличим от прибалтийского [38]. Укажем, однако, что во всех обнаруженных в Киеве мастерских по обработке янтаря (ул. Десятинная [39], ул. Житомирская, 14 [40], Михайловский Златоверхий монастырь [41] — в Верхнем городе, ул. Ярославская, 41 — на Подоле [42]) встречался янтарь красноватого цвета. И только на ул. Десятинной наряду с ним попадались куски желтого янтаря. Характер обработки заготовок напоминает янтарь из мастерской, раскопанной на территории Михайловского монастыря. Отметим, что это вторая открытая за последние годы на Подоле мастерская по обработке янтаря.

---

[36] *Корзухина Г. Ф.* Ук. соч., с. 73.

[37] *Розенфельдт Р. Л.* Янтарь на Руси (X—XIII вв.).— В сб.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 198.

[38] Там же, с. 197.

[39] *Хойновский И.* Раскопки великокняжеского двора древнего Киева. Киев, 1898, с. 42, 48, 52.

[40] *Толочко П. П.* Исследования на Украине.— АО — 1967. М., 1968, с. 186, 187.

[41] *Каргер М. К.* Древний Киев, т. 1, с. 473, 475.

[42] *Толочко П. П., Гупало К. М.* Розкопки у Києві..., с. 14.

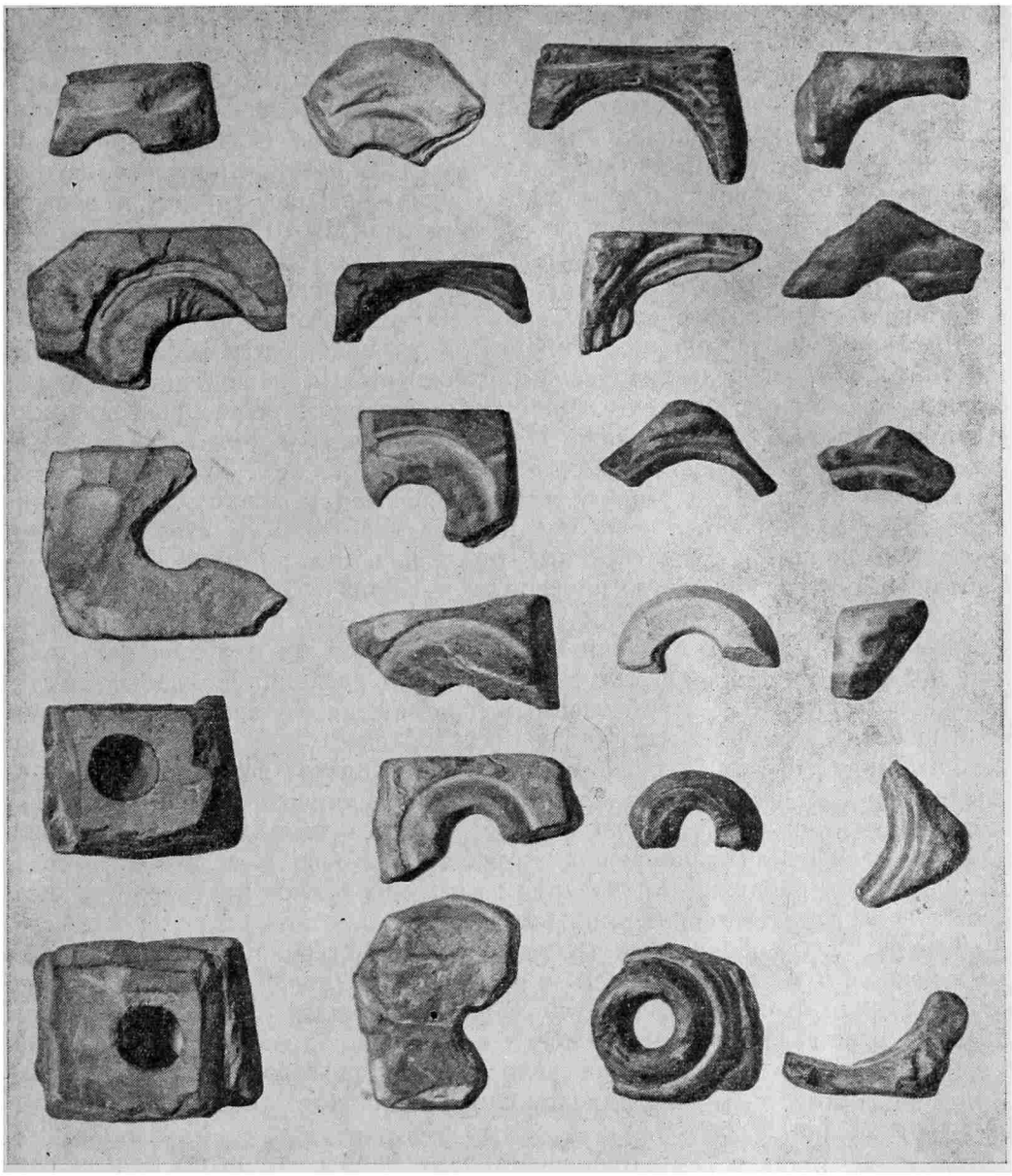


Рис. 7. Следы производства пряслиц из овручского шифера

Судя по ассортименту, янтарные изделия подольской мастерской были рассчитаны на самый широкий круг потребителей как города, так и деревни. Все они, безусловно, массового производства.

На раскопе по ул. Верхний Вал на глубине 4—4,5 *м* от современной поверхности были обнаружены следы производства пряслиц из овручского шифера. Культурный слой, в котором они находились, датируется по стратиграфии XI—XII вв.

Было выявлено около 30 заготовок, бракованных деталей, отходов производства (рис. 7), которые красноречиво свидетельствовали, что рядом находилась мастерская по производству шиферных пряслиц. Однако строительные работы не позволили тщательно изучить место находки и обнаружить саму мастерскую. В мастерской, судя по найденным деталям изготовлялись пряслица с внешним диаметром 20—21 *мм* и диаметром веретенного отверстия 8—9 *мм*. По мнению Р. Л. Розенфельдта, пряслицу с таким диаметром внутреннего канала следует датировать второй

половиной XI — первой половиной XII в.[43] Размеры обнаруженных заготовок: 27×33×17 и 25×29×16 *мм*. В них уже просверлены веретенные отверстия, которые сужаются: с одной стороны их диаметр 9 *мм*, с другой — 7 *мм*. На этих заготовках отсутствуют следы одновременного процесса высверливания канала пряслица и вырезания (выкружения) пряслица из тела заготовки, что предполагал Р. Л. Розенфельдт, реконструируя процесс изготовления пряслиц[44]. Однако на более тонких заготовках такие следы встречаются. При высоте заготовок 9—10 *мм* диаметр канала равняется 8 *мм*, при высоте 16—17 *мм* — 9 *мм*. Найденные заготовки и отходы производства показывают, что на изготовление одного пряслица в данной мастерской требовалось около 10 см² шифера.

Шиферные пряслица являются одной из наиболее распространенных категорий находок в древнерусской археологии. По выражению Б. А. Рыбакова, это «вещи с широким общерусским диапазоном распространения». Их производство, сбыт, а также область распространения были детально исследованы Б. А. Рыбаковым[45].

Однако находка на Подоле возвращает нас к вопросу о характере производства шиферных пряслиц и дает возможность уточнить и несколько дополнить существующие представления по данной проблеме. Считалось, что производство шиферных пряслиц было сосредоточено исключительно в районе Овруча[46]. Во многом это мнение основывалось на том факте, что до сих пор «ни одной мастерской по изготовлению пряслиц в Киеве не найдено. Ни разу во время раскопок в разных местах Киева, в том числе и в ремесленных районах, не были встречены характерные остатки шиферных плиток с высверленными из них пряслицами, которые могли бы говорить о местном производстве шиферных пряслиц. Следовательно, несмотря на наличие в Киеве привозного шифера, киевские ремесленники производством пряслиц не занимались»[47]. Отсутствие находок производства шиферных пряслиц в Киеве и в других городах Древней Руси послужило основанием того, что данное производство было отнесено в разряд сельских промыслов.

Теперь, после обнаружения следов такой мастерской на Подоле, можно говорить о местном, киевском производстве шиферных пряслиц, утверждать, что это производство не было исключительной монополией овручских камнерезов, а имело место и в других древнерусских центрах (прежде всего в городах, где велись большие строительные работы). Подтверждают эту мысль и находки следов подобного производства в древнем Минске[48] и Суздале[49].

Следовательно, и само производство шиферных пряслиц нельзя считать чисто сельским промыслом.

Сырье для мастерской в Киеве могло доставляться двумя путями. Во-первых, непосредственно из овручских камнеломен, где ремесленник заказывал небольшие партии шифера. Возможно, он мог кооперироваться с другими ремесленниками, которые занимались производством крестиков, иконок и других мелких поделок из шифера и которые также

---

[43] *Розенфельдт Р. Л.* О производстве и датировке овручских пряслиц.— СА, 1964, № 4, с. 223.

[44] *Розенфельдт Р. Л.* О производстве..., с. 220.

[45] *Рыбаков Б. А.* Ремесло..., с. 190—193, 466, 467.

[46] *Рыбаков Б. А.* Ремесло..., с. 190—193, 466, 467; *его же.*— В кн.: История культуры Древней Руси, т. 1. М.— Л., 1948, с. 108—113, 354—377; *Розенфельдт Р. Л.* О производстве..., с. 220; *Мальм В. А.* Шиферные пряслица и их использование.— В сб.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 197—206.

[47] *Рыбаков Б. А.* Ремесло..., с. 190.

[48] *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. Минск, 1978, с. 113.

[49] *Седова М. В.* Что показали археологические раскопки.— В кн.: Суздалю — 950 лет. Ярославль, 1977, с. 68.

нуждались в относительно небольших партиях сырья. Шифер в Киев доставлялся, вероятнее всего, водным путем: Уж — Припять — Днепр.

По поводу вопроса о начале разработок овручского шифера полагаем, что овручские каменоломни функционировали уже в первой половине X в. Об этом свидетельствуют многочисленные обломки шифера (в том числе фрагмент капители), найденные в 1971 г. во время раскопок древнейшего каменного дворца в Киеве, который находился в центре городища Кия [50]. Большое количество овручского шифера пошло и на строительство Десятинной церкви. Однако широкая, массовая разработка овручского шифера началась, конечно, в первой половине XI в. в связи с развернувшимися большими строительными работами в Киеве и Чернигове.

Вторым источником сырья для производства пряслиц могли служить отходы мастерских, связанных со строительным делом и обработкой крупных масс камня. Одна из них была открыта раскопками В. В. Хвойки на Старокиевской горе и «служила для выделки всевозможных изделий из камня — здесь выделывались мраморные, шиферные и изготовленные из других пород камня карнизы, плиты и т. д., иногда украшенные орнаментом» [51]. Широкие масштабы использования в постройках древнего Киева овручского шифера известны. Нет нужды перечислять все киевские дворцы и храмы, где он был применен. Скажем только, что лишь при исследованиях Успенского собора Печерского монастыря было обнаружено 244 гладкие плиты пола, которые покрывали площадь 530 м^2 [52]. Отходы и брак таких мастерских, обрабатывавших шифер в огромных количествах, вполне мог использоваться при изготовлении шиферных пряслиц. Нам представляется, что именно эти отходы и были основным источником сырья для производства пряслиц в Киеве.

Обнаруженная мастерская по производству пряслиц открыла еще одну, неизвестную ранее, специализацию киевских ремесленников.

В свете изучения вопросов ремесленного производства на Подоле интересны находки стеклянных изделий, обнаруженных при исследованиях «Дома Петра I» (ул. Константиновская, 6). Здесь была открыта часть какого-то деревянного сооружения очень плохой сохранности. На небольшой площади (около 4 м^2) были найдены фрагменты 16 браслетов, бусы, остатки стеклянной посуды. Несколько браслетов были бракованные.

По форме, цвету найденные браслеты составляют достаточно большой ассортимент: плоский браслет фиолетового цвета — 1; плоско-выпуклых в сечении фиолетового цвета — 2 (отличаются, однако, друг от друга шириной и интенсивностью цвета); круглой формы — 4 (бирюзового, коричневого, зеленого и желтого цвета); витых браслетов — 3 (синего, фиолетового и желтого цвета).

Интересна бусина довольно редкой формы (фестончатая в сечении) с пластичным узором и ободками. Она украшена желтыми зигзагами, идущими по черному полю. По мнению Ю. Л. Щаповой, такого рода бусины скорее всего изготовлялись в Киеве и появились в начале XII в.[53]. Началом XII в. следует, вероятно, датировать и все остальные материалы из раскопа. На это указывает найденная поблизости вислая печать с надписью «дьнѣслово», которую В. Л. Янин связывает с киевской митрополией и датирует 1091—1096 гг.[54].

Состав находок позволяет сделать предположение о том, что постройка являлась стеклоделательной мастерской, но настаивать на этом предпо-

---

[50] *Толочко П. П.* Раскопки древнего Киева.— Декоративное искусство, № 1, 1970, с. 54, 55.

[51] *Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913, с. 69, 70.

[52] *Холостенко М. В.* Успенський собор Печерського монастыря.— В сб.: Стародавній Київ. Київ, 1975, с. 144.

[53] *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси, с. 92, 94.

[54] *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1. М., 1970, с. 75—86.

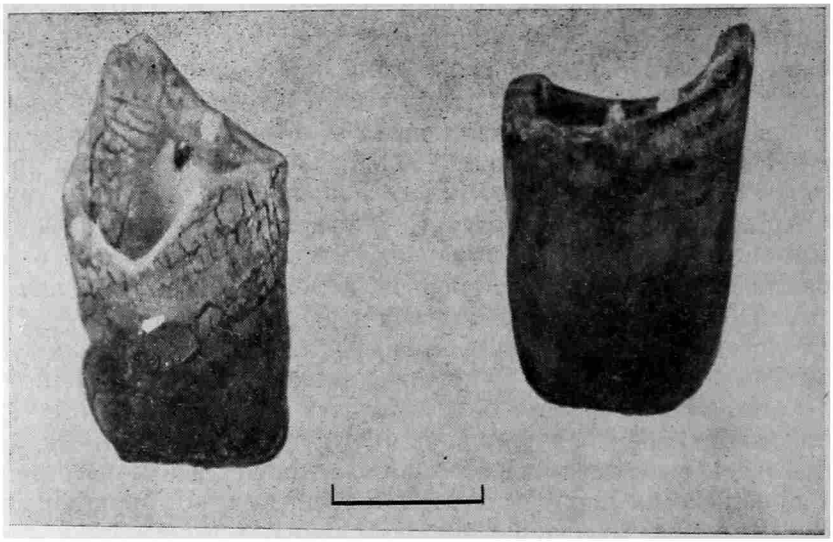


Рис. 8. Фрагменты остродонных кубков

ложении ввиду плохой сохранности сооружения и отсутствия более убедительных следов производства не приходится. Возможен, конечно, и вариант, что здесь находился дом купца, который распространял по Руси киевские стеклянные изделия. Сравнительно недалеко были обнаружены две стеклоделательные мастерские. Одна была открыта в 1950 г. В. А. Богусевичем на углу ул. Волошской и Героев Триполья. Здесь было обнаружено несколько разрушенных глинобитных печей-горнов для изготовления стеклянной массы. 100 *кг* свинца, фрагменты стеклянной посуды, перстней, бус [55]. В 1956 г. на ул. Волошская, 20 была обнаружена еще одна мастерская, где был найден развал печи производственного назначения, сгустки окисленной меди, шлаки, кусочки оплавленной смальты и эмали, стеклянные браслеты [56].

В 1972 г. на Красной площади в самых нижних строительных горизонтах (глубина 10—10,6 *м*) при раскопках усадьбы X—XI вв. были обнаружены фрагменты (донца) двух остродонных кубков (рис. 8) [57]. Как известно, остродонные кубки — большие сосуды с тонкими стенками, широким устьем и заканчивающиеся узким тяжелым донцем — являются наиболее древней стеклянной посудой на Руси. Основываясь на находках из Новгорода, Ю. Л. Щапова считает, что изготовление таких кубков на Руси началось с 20—30-х годов XI в. [58]. Судя по стратиграфии и всему комплексу находок, эти фрагменты остродонных кубков являются наиболее ранними древнерусскими стеклянными сосудами, найденными в Киеве.

Интересное сооружение X в. было обнаружено раскопками 1973 г. на Житнем торге (рис. 9) [59]. Оно представляло собой прямоугольную в плане постройку столбовой конструкции с деревянным полом размером 3×4 *м*. Стены возведены из толстых колотых досок, края которых запа-

---

[55] *Богусевич В. А.* Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве.— КСИА АН УССР, № 3, 1954, с. 18—21.

[56] *Копылов Ф. Б.* Щоденник нагляду за земляними работами на території Києва 1956—1957 рр., зошит № 3, с. 1—6.— Архив ИА АН УССР.

[57] *Гупало К. М., Толочко П. Н.* Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень.— В кн.: Стародавній Київ, с. 76, рис. 26.

[58] *Щапова Ю. Л.* Ук. соч., с. 46.

[59] *Толочко П. П., Гупало К. М., Харламов В. О.* Розкопки Подолу 1973 р.— В сб.: Археологічні дослідження стародавнього Києва, с. 37, 38.

Рис. 9. Остатки «чинбарни»

зованы в угловые и два промежуточные столба. Доски тщательно подогнаны одна к другой. Характерной особенностью этой постройки являлось то, что в ее стенах было множество небольших сквозных отверстий. Они располагались на расстоянии 0,3—0,4 *м* друг от друга, по семь-восемь отверстий в каждой доске. В некоторых из них сохранились вбитые с внешней стороны специальные колышки-чопики. Пол был настелен из широких колотых досок, заходивших краями одна на другую. Две боковые доски имели между собой вырезанные пазы-отверстия, в которые вставлялись бруски-фиксаторы. Крайняя доска в местах прилегания к столбам имела следы специальной подрубки. Все это говорит о том, что во время функционирования данной постройки периодически возникала необходимость в извлечении крайней доски пола. С внешних сторон северо-восточной и юго-восточной стен были выявлены неширокие водоотводные каналы.

Необычный характер конструкции сооружения свидетельствует о ее производственном назначении. Возможно, что подобные сооружения служили «чинбарнями» — чанами, в которые шкуры складывались для подпаривания и прения. При расчистке культурного слоя вокруг постройки было найдено несколько так называемых коньков — подтесаных пястных или плюсневых костей быка или лошади. Такие коньки могли применяться на заключительном этапе обработки кожи (лощение) «после всех опе-

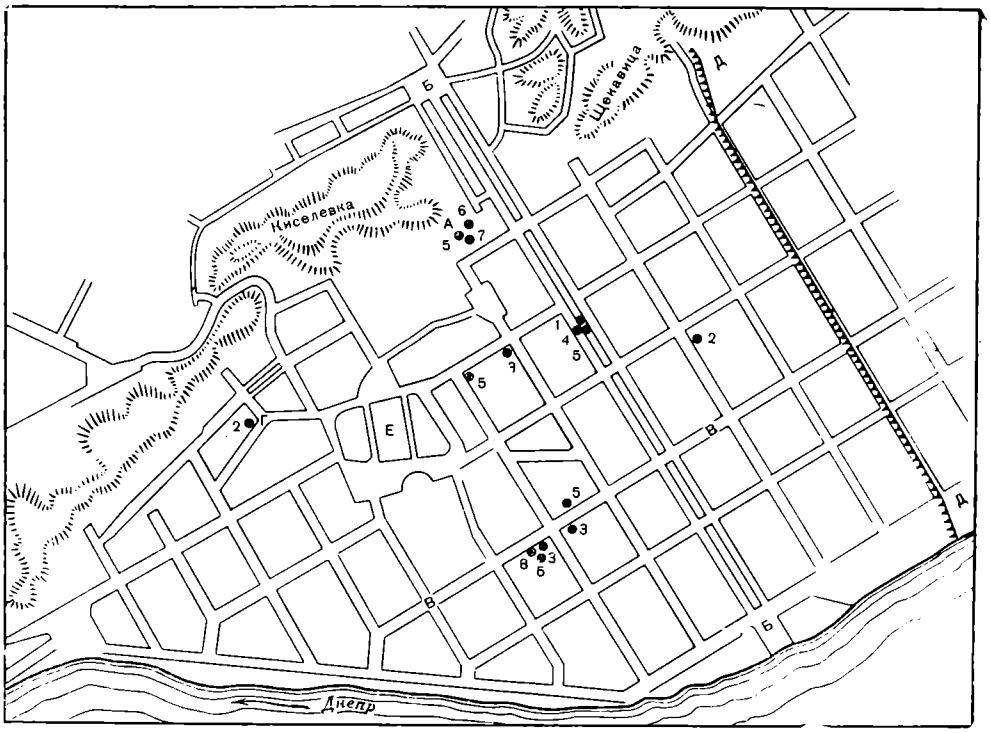


Рис. 10. План расположения находок следов ремесленного производства на киевском Подоле: *1* — ювелирная мастерская, изготовлявшая поясные украшения; *2* — мастерские по обработке янтаря; *3* — следы производства, связанного со стеклом, смальтой, эмалью; *4* — мастерская по производству пряслиц; *5* — находки железных шлаков; *6* — «чинбарня»; *7* — находки тигельков; *8* — дом токаря (?). *А* — Житный торг; *Б* — ул. Верхний и Нижний Вал; *В* — ул. Волошская; *Г* — ул. Зелинского; *Д* — ул. Ратманского (летописное «столпие» — граница Подола); *Е* — Красная площадь

раций, включающих разминку и рыхление кожи»[60]. Таким образом, с определенными оговорками можно говорить о наличии здесь кожевенного производства. Наличие рядом ручья, а также то обстоятельство, что участок раскопа практически прилегает к урочищу Кожемяки, делает такое предположение вполне вероятным.

В различных местах Подола были обнаружены также одиночные находки, говорящие о широком распространении в районе ремесленного производства. Это и литейные глиняные тигельки (Житный торг, 1973), и находки крупных скоплений шлаков (Житный торг, 1973, ул. Героев Триполья, 1974, ул. Волошская, 19, 1975). Следует отметить, что во всех случаях находки шлаков располагались вдоль берегов безымянных ручьев.

К сожалению, не всегда удавалось связать обнаруженные комплексы с конкретными усадьбами, установить величину последних и их социальный облик. Так, характер застройки ремесленного квартала на ул. Верхний Вал был установлен только для самого нижнего строительного горизонта. Здесь были обнаружены две усадьбы, разделенные улицей. Первая (площадь около 250 $м^2$) состояла из жилого сруба и двух хозяйственных построек. На второй частично исследован жилой дом. Практика археологических исследований Подола показывает, что планировка и размеры усадеб оставались неизменными на протяжении веков. Это и позволяет предполагать, что на данном участке размеры усадеб, в пределах которых были зафиксированы ремесленные комплексы, соответствовали исследованной на нижнем горизонте.

[60] *Семенов С. А.* О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела — Белой Вежи.— В сб.: Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. 2 (МИА, № 75). М.— Л., 1959, с. 358.

Сооружение, интерпретируемое как чан для подпаривания кожи, входило в состав усадьбы X в., состоящей из жилого дома (площадью 28,6 $м^2$) и еще одной хозяйственной постройки. Размеры этой усадьбы (впрочем, как и большинства открытых на Житнем торге) — около 300 $м^2$. Купеческая усадьба в центре Подола, где были обнаружены фрагменты стеклянных кубков, более чем в 2 раза превышала эти размеры. Жилой сруб, один из трех функционировавших одновременно построек, занимал площадь 58 $м^2$. Среди других усадеб эта выделялась и богатством обнаруженного инвентаря. Таким образом, усадьба размером 250—300 $м^2$ с одним жилым срубом и одной (реже двумя) хозяйственными постройками была характерна для рядового горожанина-ремесленника древнерусского Киева.

Обнаруженные на Подоле в 1972—1976 гг. мастерские и другие следы ремесленного производства в разных топографических точках Подола являются новым убедительным свидетельством ремесленного характера этого района (рис. 10).

Обращает на себя внимание тот факт, что в своем большинстве открытые на Подоле ремесленные мастерские производили продукцию в массовом масштабе, в расчете на широкий рынок.

Новые находки на Подоле позволяют более полно представить себе ремесло древнего Киева, внести новые детали и уточнения в общую картину древнерусского ремесла. Каменные литейные формочки — древнейшие из найденных в Киеве. Сам набор для изготовления поясных украшений является уникальным не только для древнерусской археологии. Открыта еще одна специализация киевского ремесла. В целом эти находки еще раз подчеркнули высокую степень развития ремесленного производства Киева X—XIII вв.

K. N. Gupalo, G. Yu. Ivakin

ON THE HANDICRAFT PRODUCTION OF THE PODOL IN ANCIENT KIEV

Summary

In the historic literature Podol is called the main handicraft district («posad») of the Ancient Kiev. But only during the last years as a result of the systematic excavations, the handicraft character of this district became more clear. Blacksmith's production developed at Podol, which is indicated by accumulations of slag in different topographic points of the posad, the discovery of stoves-forges during excavations of one of handicraftsmen' quartes. Remains of a handicraftsman-jeweller workshop were discovered, four smelting forms made of slate from Ovruch (the Xth century) were found. Two forms belong to one smelting set for manufacturing of belt ornaments. This is an unique find, despite the wide spread of belt ornaments. Traces of production of spin wheels of the Ovruch slate were found. This indicates the local Kievian production of the slate spin wheels and lets the authors claim, that this production was not a monopoly of the stone-cutters from Ovruch and wasn't only rural handicraft. Besides these, remains of handicraft production of amber, leather and glass were found.

Заметки

Е. В. БОДУНОВ, М. Г. ЖИЛИН, В. М. ВОРОБЬЕВ

ПОЗДНЕМЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СТАРОКОНСТАНТИНОВСКАЯ III БЛИЗ КАЛИНИНА

Стоянка Староконстантиновская III находится в 2,2 *км* к югу от дер. Старая Константиновка Калининского р-на Калининской обл., у проселочной дороги, ведущей из дер. Старая Константиновка в дер. Иенево. Памятник расположен на первой надпойменной террасе левого берега Волги, между стоянками Староконстантиновская II и IV. Площадка пологая, понижается по направлению к берегу Волги, высота ее над уровнем реки 10—12 *м*. Стоянка с запада примыкает к древнему берегу Волги (краю первой надпоймы) и отстоит от современного берега на 150 *м*. В настоящее время поверхность памятника полностью распахивается.

Стоянка открыта калининским краеведом Ф. И. Ивановым в 1954 г. Обследовалась в 1954—1961 гг. Ф. И. Ивановым [1], а в 1975 г. разведочным отрядом Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР (начальник отряда Л. В. Кольцов) [2]. Частичные раскопки памятника производились в 1956—1957 гг. Ф. И. Ивановым [3]. В 1956 г. им было вскрыто 26 $м^2$, а в 1957 г.— 10 $м^2$. В 1975 г. на юго-западной оконечности стоянки заложен шурф размером 2×2 $м^2$ [4]. Раскопки Ф. И. Иванова и шурфовка 1975 г. показали, что культурный слой стоянки по всей ее площади полностью разрушен распашкой. Подъемный материал собирался с поверхности пашни на площади около 5 тыс. $м^2$. В основном он сосредоточен в центральной части памятника и на его западной оконечности у края террасы. С 1962 по 1977 г. сбор подъемного материала с памятника производили Е. В. и Б. В. Бодуновы. Коллекции хранятся в фондах Музея антропологии МГУ. Государственного исторического музея, Калининского областного краеведческого музея (частично хранятся у Е. В. Бодунова).

Всего найдено 1040 изделий из кремня, из них 375 со вторичной обработкой. Материал собирался выборочно, большая часть отщепов осталась в поле. Для изготовления орудий использовался местный пестрый валунный кремень, (коричневый, серый, желтый и т. д.), а также привозной старицкий — лилового, сиреневого, розового, красного, черного и дымчато-серого цветов.

Нуклеусов и их обломков найдено 11, из них два — одноплощадочные подконические (с горизонтальными подправленными площадками). Один

[1] *Иванов Ф. И.* Отчеты Институту истории материальной культуры АН СССР за 1956, 1957—1961 гг.— Архив ИА АН СССР, № 1235, 1474, 1682, 1867, 2044, 2223.

[2] *Кольцов Л. В.* Отчет разведочного отряда Верхневолжской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1975 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6045.

[3] *Иванов Ф. И.* Ук. отчеты за 1956 и 1957 гг.

[4] *Кольцов Л. В.* Ук. отчет за 1975 г.

из них служил для скалывания пластин, другой — пластин и отщепов. Три нуклеуса одноплощадочные, нечеткой формы. Площадки с подправкой, у двух они горизонтальные; площадка третьего скошенная. С одного снимались пластины, с двух других — как пластины, так и отщепы. Имеется клиновидный нуклеус от пластин, скошенная площадка лишена подправки. Два нуклеуса многоплощадочные аморфные, остальные — это расколотые вдоль обломки нуклеусов от пластин. Кроме того, в коллекции имеются 10 нуклевидных кусков кремня и пять сколов с подправленных площадок нуклеусов.

Пластин обнаружено 176, преобладают изделия правильных очертаний; 4 пластины ребристые, скалывание производилось с одной стороны.

На отщепах изготовлено 50% всех орудий, на пластинах 47%.

Скребков и микроскребков найдено 44, из них 25 концевые: 12 на пластинах (рис. 1, *2—3, 6, 12*), 13 на отщепах (рис. 1, *10*); рабочий край дугообразный, лишь у одного, на отщепе, прямой (рис. 1, *7*); один скребок на отщепе двойной. 10 скребков — концевые скошенные, из них два на пластинах, рабочий край дугообразный (рис. 1, *4*); остальные на отщепах (рис. 1, *5*). У двух скребков рабочий край прямой, у остальных дугообразный, причем один скребок — двойной (рис. 1, *9*). Найдены еще два двойных скребка: первый концевой скошенный — концевой скошенный с выступом на ребристой пластине; второй концевой — концевой с выступом (рис. 1, *8*). Помимо этого найден концевой — двойной боковой скребок на отщепе (рис. 1, *11*), скребло на отщепе (рис. 1, *14*), два скребла на осколках (рис. 1, *15*). Из микроскребков два концевые на пластинах (рис. 1, *1*), один концевой скошенный на отщепе, последний — угловой на пластине.

Резцов в коллекции 37, из них два угловых косоретушных на отщепах, у одного ретушь на спинке, у другого на брюшке; один резец боковой на отщепе с вогнутой площадкой скола, обработанной на спинке крупной крутой ретушью (рис. 1, *23*). Один из резцов боковой косоретушный на пластине (рис. 1, *22*). Два двойных боковых резца на отщепах имеют вогнутые скошенные крутой ретушью площадки скола. Один боковой резец косо- и поперечноретушный, сколы на обоих концах отщепа. 20 резцов сделаны на сломанных пластинах: 11 угловых (рис. 1, *16*), в том числе два двойных на одном конце пластины и один на разных концах. Два резца тройные (рис. 1, *19, 24*), угловые и боковые. Боковых резцов на сломе пластины 5 (рис. 1, *17—18, 31*), из них два двойных. На отщепах и осколках сделано два двойных угловых резца (рис. 1, *25*) и три боковых, из которых два двойные (рис. 1, *27*, *26*) и один тройной (рис. 1, *20*). Шесть резцов срединные, из них четыре со смещением: один на пластине, один на осколке, остальные на отщепах (рис. 1, *28—30*). Поперечный резец на пластине один, площадка скола не обработана. Два резца комбинированные: угловой косоретушный — срединный со смещением на пластине (рис. 1, *33*), другой — срединный со смещением — боковой на углу отщепа (рис. 1, *21*). Кроме того, найдено пять краевых отщепов боковых резцов: три с ретушированной площадкой и два без ретуши. Наблюдается грубая обработка многих резцов, что, видимо, объясняется деградацией техники резцового скола.

На стоянке найдено 34 вкладыша и их обломки из различных сечений пластин. Края их сработаны, углы затуплены от работы (рис. 2, *1—7*); у одного край подправлен мелкой ретушью на брюшке; такой же ретушью, но на спинке подправлен угол одной пластины (рис. 2, *18*). На углу другой пластины некрупной крутой ретушью сделана выемка (рис. 2, *19*), такую же обработку угла имеет один отщеп. Еще одна пластина имеет угол, скошенный мелкой крутой ретушью на брюшке. Концы двух отщепов скошены некрупной крутой ретушью на спинке, имеется одна пластинка с концом, скошенным мелкой крутой ретушью (рис. 2, *17*).

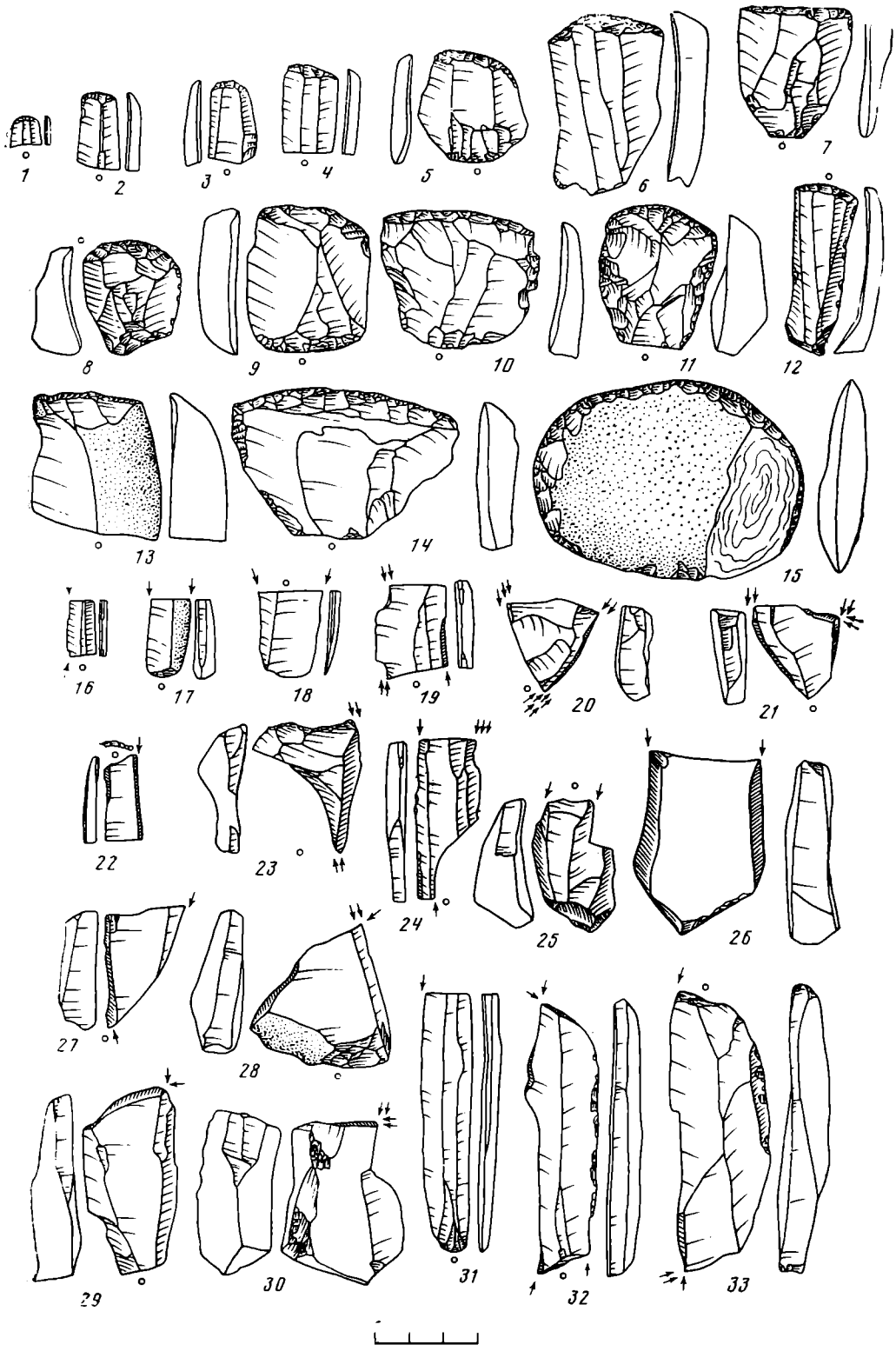


Рис. 1. Стоянка Староконстантиновская III, каменные орудия

Наконечников стрел найдено 10, из них девять сделаны на пластинах, у трех из них четко выражен черешок, обработанный крутой ретушью по краям на спинке и подправленный плоской ретушью на брюшке; кончик пера двух наконечников сломан (рис. 2, *12, 13*), а у одного наконечника приострен полукрутой ретушью на спинке и плоской на брюшке (рис. 2, *8*). Два наконечника имеют симметричный слабовыделенный черешок, у одного обработанный с двух сторон пологой ретушью, так же обработан и кончик пера (рис. 2, *9*); черешок другого обработан мелкой пологой противолежащей ретушью, а кончик пера оформлен мелкой пологой ретушью на брюшке (рис. 2, *10*). У двух других наконечников черешки асимметричные, почти не выделенные. У одного из них мелкой крутой ретушью обработан только один край черешка на спинке; кончик пера подправлен мелкой полукрутой ретушью на брюшке (рис. 2, *14*); левый край другого наконечника оформлен пологой ретушью у самого черешка на спинке, а правый край затуплен крутой ретушью по всей длине сохранившейся части наконечника (рис. 2, *11*). Восьмой наконечник иволистный, черешок обработан плоской ретушью на брюшке, кончик пера скошен мелкой крутой ретушью и сломан (рис. 2, *15*). У девятого наконечника сломан и черешок, и кончик пера. Последний наконечник асимметричный, сделан на отщепе, боковая выемка и прямой продольный край обработаны на спинке некрупной очень крутой затупливающей ретушью (рис. 2, *16*).

Ножей на пластинах 44, из них у пяти край приострен на спинке мелкой ретушью (рис. 2, *23*), у двух других ретушь более крупная, два сломанных ножа обработаны противолежащей ретушью (рис. 2, *21, 22*) и два имеют край, приостренный мелкой ретушью на брюшке. Остальные ножи этой серии приострены мелкой нерегулярной ретушью по одному или обоим краям. Один нож изготовлен на отщепе, правый край приострен мелкой ретушью на спинке, левый — нерегулярной некрупной ретушью (рис. 2, *24*).

Скобелей в коллекции 14, из них пять на пластинах (рис. 2, *25*), выемки у трех из них мелкие широкие, у двух узкие глубокие, обработаны мелкой крутой ретушью на спинке. На отщепах сделано восемь скобелей (рис. 2, *27*), выемки у трех мелкие узкие, обработаны мелкой крутой ретушью на спинке у двух, у третьего на брюшке; у четырех узкие глубокие, у последнего мелкая широкая, обработаны мелкой ретушью на спинке. Еще один скобель сделан на массивном куске кремня, выемка мелкая узкая, ретушь на спинке.

Найдено два асимметричных сверла на отщепах, у первого конец выделен некрупной полукрутой противолежащей ретушью, второе без выделенного конца, обработано по краям на спинке некрупной ретушью, на брюшке подправлено плоской ретушью.

Из рубящих орудий найден один топор на отщепе (рис. 2, *40*), обработанный по краям сколами и ретушью, его дугообразное лезвие приострено на брюшке четырьмя боковыми сколами-транше. Обушок орудия заужен, видимо, для заклинивания в рукоять. Помимо этого обнаружено пять оббитых кусков макролитического облика, которые, возможно, являются заготовками и обломками рубящих орудий.

Найдено два отбойника из галек и два куска кремня, служивших, судя по сработанности, ретушерами.

Значительной серией (50 экземпляров) представлены комбинированные орудия: два концевых скребка — резца на углу сломанной пластины (рис. 2, *36*), концевой скошенный скребок — двойной резец (угловой косоретушный и боковой на сломе) — нож на отщепе (рис. 2, *32*). 23 скребка комбинированы с ножами (рис. 2, *33, 34, 37, 39*) и четыре с пилками (рис. 2, *35*): 13 концевых скребков (семь на пластинах и шесть на отщепах), 11 концевых скошенных (шесть на пластинах, четыре на отщепах и один на неясной заготовке) и один концевой веерооб-

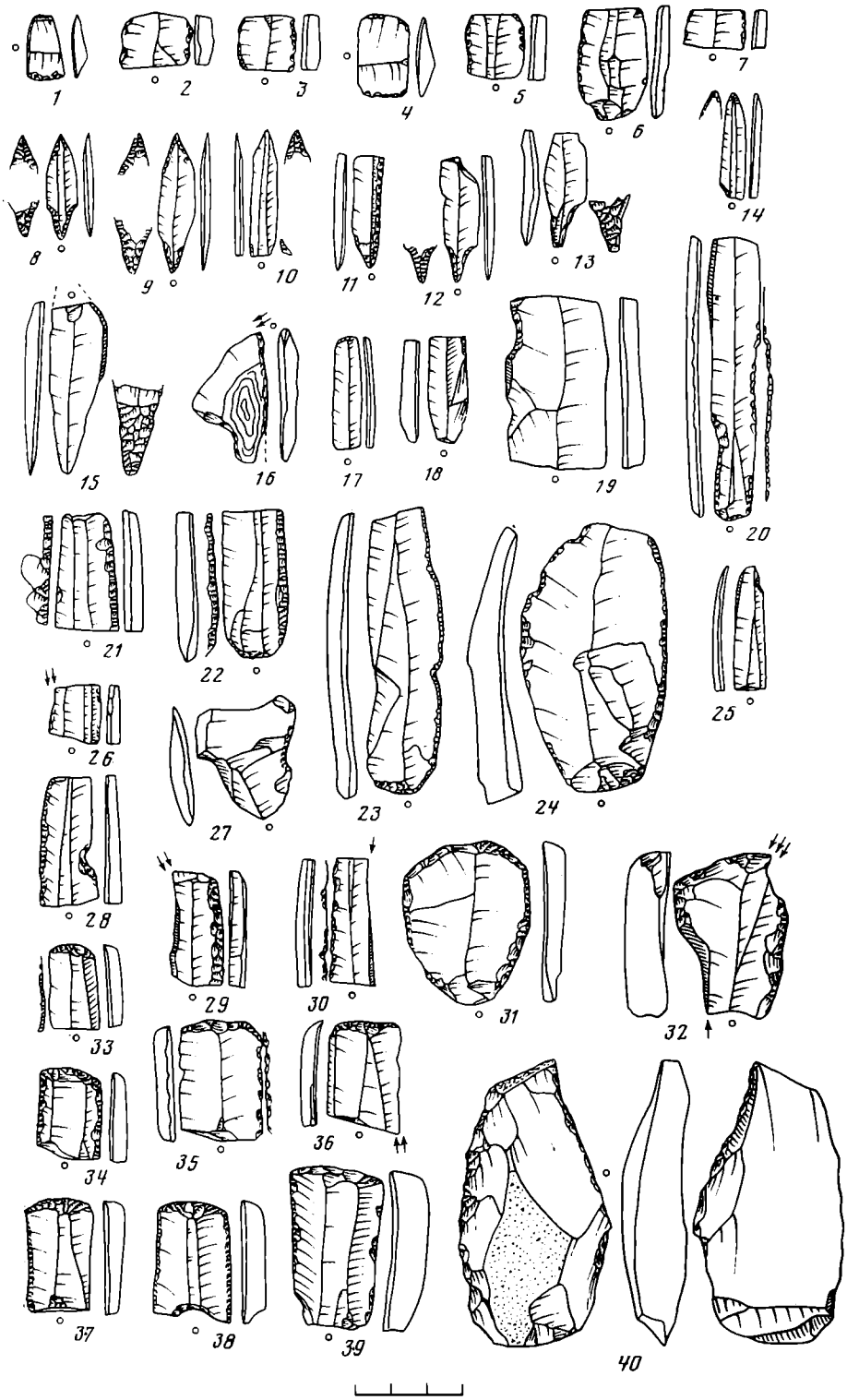


Рис. 2. Стоянка Староконстантиновская III, каменные орудия

разный на отщепе. Ножевая приостряющая ретушь полностью или частично покрывает один или оба боковых края орудия. Один концевой скребок — нож сделан на пластине с тупоскошенным крутой притупляющей ретушью основанием. На ножах и пилке на пластинах сделано восемь резцов: семь на сломе заготовки, угловые и боковые (рис. 2. *29, 30*), в том числе один двойной и один тройной; восьмой резец комби-

нированный: двойной угловой и боковой на сломе — срединный со смещением (рис. 1, *32*). Два боковых резца на вкладышах из сечений пластин (рис. 2, *26*), один боковой резец на сломе пластины комбинирован со скобелем, имеющим узкую мелкую выемку. Двойной боковой резец сделан на обломке двусторонне оббитого тесла; три резца изготовлены на отщепах с нерегулярной ретушью: угловой на сломе, срединный со смещением и комбинированный (срединный со смещением — боковой на сломе). Два последних резца грубые. Из прочих комбинированных орудий имеется концевой скребок — двойной нож — скобель на пластине (рис. 2, *38*); нож на пластине, на углу которой мельчайшей полукрутой ретушью оформлена выемка; скобель на ноже на пластине (рис. 2, 28) и три скобеля с мелкими узкими выемками на отщепах с ретушью.

Остальные изделия со вторичной обработкой — это различные отщепы с нерегулярной ретушью.

Таким образом, для кремневого инвентаря стоянки характерны следующие черты: преобладание постсвидерских черешковых наконечников стрел на пластинах при наличии асимметричного наконечника алтыновского типа, частая встречаемость резцов на сломе пластины и в то же время значительная серия резцов с ретушированной площадкой скола, срединных со смещением, поперечных и комбинированных; довольно много грубых резцов. Среди скребков абсолютно преобладают концевые и полностью отсутствуют подокруглые, хотя есть и комбинированные скребки и скребла. В микролитической группе доминируют вкладыши из сечений пластин и почти полностью отсутствуют другие микролиты. Острия встречены в небольшом количестве, только со скошенным концом. Интересен подовальный топор, лезвие которого оформлено траншевидными сколами.

В области техники обработки кремня можно отметить преобладание одноплощадочных нуклеусов с подправленной площадкой, от пластин и отщепов, при наличии многоплощадочных нуклеусов от отщепов. Правильных ножевидных пластин почти вдвое больше, чем грубых, при очень малом количестве ребристых, что свидетельствует о высокой технике скалывания пластин. Грубый облик значительной части резцов свидетельствует о деградации техники резцового скола. Для изготовления рубящих орудий применялись как техника двусторонней оббивки, так и подправка края сколами и ретушью, причем большая часть поверхности заготовки оставалась необработанной.

По составу кремневого инвентаря и технике обработки кремня стоянку Староконстантиновская III следует датировать поздним мезолитом. Вопрос о культурной принадлежности данного памятника представляется более сложным. По ряду признаков (постсвидерские наконечники стрел, преобладание концевых скребков на правильных пластинах и резцов на углу сломанной пластинки, крупные ножи на пластинах, развитая пластинчатая техника) эта стоянка близка к таким памятникам, как Лукино [5], Соболево V [6], Скнятино [7] и др., объединяемым Л. В. Кольцовым в поздпебутовскую культуру. Однако есть сходные черты и с такими памятниками, как Черная Грязь I [8], Староконстантиновские IV [9] и VI [10],

---

[5] *Бадер О. Н., Кольцов Л. В.* Мезолитические стоянки близ города Калинина.— СА, 1974, № 1.

[6] *Кольцов Л. В.* Раскопки у дер. Соболево.— АО — 1971. М., 1972; АО — 1972. М., 1973.

[7] *Третьяков П. И.* Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн.— МИА, № 13, 1950.

[8] *Крайнов Д. А.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I.— КСИА АН СССР, № 131, 1972.

[9] *Крайнов Д. А.* Исследования Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях.— АО — 1971. М., 1972.

[10] *Бодунов Е. В., Воробьев В. М.* Мезолитическая стоянка Староконстантиновская VI.— СА, 1974, № 4.

Журавец [11], Дальний Остров [12], Пеньково [13] и др., которые Л. В. Кольцов включает в иеневскую культуру (наконечник стрелы с боковой выемкой, резцы с ретушированной площадкой скола, своеобразный топор на отщепе, большая серия орудий на отщепах, комбинированных орудий и т. д.).

Видимо, стоянку Староконстантиновская III все же следует отнести к позднему этапу бутовской культуры, но не к самому ее концу. Наличие ряда признаков иеневской культуры может говорить о влиянии последней на позднебутовскую, хотя не исключена и другая возможность — механическое смешение материала, так как рядом находится стоянка Староконстантиновская IV — типичный памятник иеневской культуры.

---

[11] *Крайнов Д. А.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции.— АО — 1973. М., 1974.

[12] *Сидоров В. В., Жилин М. Г.* Мезолитическая стоянка Дальний Остров в Подмосковье.— СА, 1975, № 2.

[13] *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* Раскопки Пеньковской мезолитической стоянки.— АО — 1976. М., 1977.

В. Т. ПЕТРИН, А. Ф. ШОРИН

АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ЭПОХИ БРОНЗЫ С ЮЖНОГО УРАЛА

В 1975 г. при исследовании Восточного берега Аргазинского водохранилища (Аргаяшский р-н Челябинской обл.) на поселении Сигаево III в составе подъемного материала была найдена каменная антропоморфная скульптурка.

Находки с этого поселения относятся к эпохам начиная с неолита до позднего средневековья включительно. Они представлены керамикой, каменным инвентарем, обломками талька и тальковых литейных форм, ни одна из которых, к сожалению, реконструирована полностью быть не может. Основная масса керамики может быть отнесена к эпохе бронзы, меньшая ее часть — к эпохе неолита и энеолита, раннего железа и средневековья.

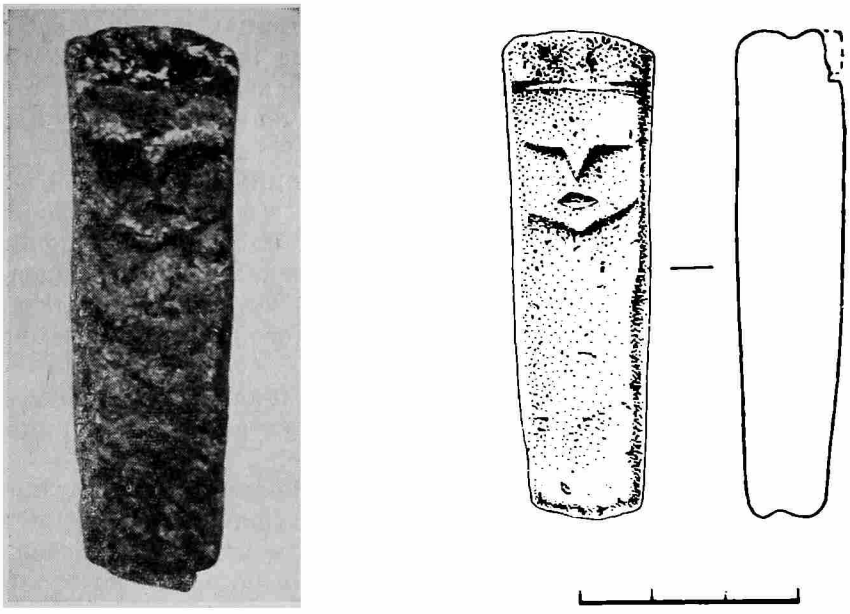
Найденная на поселении статуэтка представляет собой тальковый стержень, слегка сужающийся к одному концу, размерами $65 \times 20 - 16 \times 15 - 11$ *мм*. Сечение заготовки первоначально было округлым, но поскольку фронтальная часть уплощена, сечение скульптурки неправильно округлое. На верхнем участке (около $^1/_3$ его длины) поверхности скульптурки за счет углублений изображено лицо человека. Лицо выделено двумя линиями глубиной несколько больше 1 *мм*, причем верхняя прямая линия ограничивает кромку лба, выше нее имеется скол, уничтоживший часть скульптурки.

Нижняя линия образует очертания подбородка. Само лицо состоит как бы из двух плоскостей. Одна из них объединяет лоб и нос, другая — глаза, щеки и подбородок. Рот обозначен небольшой выемкой. Прослеживается некоторая покатость лба в направлении от бровей и то же самое — от линии овала лица к переносице [1].

Каково функциональное назначение скульптурки? Неглубокие пропилы на обеих торцовых гранях могли служить для закрепления скульптурки при подвешивании. Эта деталь, а также незначительные размеры, по-

---

[1] По классификации С. В. Иванова, данная скульптурка может быть отнесена к изображениям первого уральского типа. См. *Иванов С. В.* Скульптура народов севера Сибири. Л., 1970, с. 284.



а *б*

Рис. 1. Каменная антропоморфная скульптура с поселения Сигаево III. *а* — фотография, *б* — рисунок

видимому, свидетельствуют об индивидуальном использовании скульптурки. Вероятно, она использовалась в качестве оберега или талисмана. Манера передачи лица очень близка деревянным шигирскому и горбуновскому идолам, культовое назначение которых бесспорно.

Определенная близость скульптурки по манере передачи лица шигирскому первому и горбуновскому идолам важна и в плане возможной даты антропоморфной скульптурки. Следует, впрочем, отметить, что датировка шигирского и горбуновского идолов вызывает разногласие среди исследователей. Д. Н. Эдинг связывает горбуновского идола с нижним слоем 6-го разреза Горбуновского торфяника [2] (середина III тысячелетия до н. э.), В. М. Раушенбах — со средним горизонтом (начало II тысячелетия до н. э.) [3]. В. И. Мошинская полагает, что его нельзя отнести к эпохе более ранней, чем бронзовый век [4].

Еще более дискуссионна датировка первого шигирского идола. Е. М. Берс относит его к эпохе неолита [5]. В. Я. Толмачев считал, что он должен быть датирован последними столетиями до нашей эры [6]. В. И. Мошинская предлагает как вероятную дату время более позднее, чем неолит и бронза, может быть, ранний железный век [7].

Что касается нашей скульптурки, то бесспорных данных о ее дате у нас нет. Еще раз вернемся к характеристике находок поселения Сигаево III, где она была найдена. Обломки тальковых литейных форм (скульптурка изготовлена из того же материала) не могут относиться к эпохе неолита. Основная масса керамики с этого поселения относится к

---

[2] *Эдинг Д. Н.* Идолы Горбуновского торфяника.— СА, IV, 1937, с. 134.

[3] *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы.— Тр. ГИМ, вып. 29, 1956, с. 24, 25.

[4] *Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976, с. 61.

[5] *Берс Е. М.* Археологическая карта Свердловска и его окрестностей.— МИА, № 21, 1951, с. 189.

[6] *Толмачев В. Я.* Деревянный идол из Шигирского торфяника.— ИАК, вып. 60, 1916.

[7] *Мошинская В. И.* Древняя скульптура..., с. 47.

бронзовому веку. Пропилы, нанесенные на торцах сульптурки, идентичны прорезям на глиняных грузилах, которые широко распространяются с начала II тысячелетия до н. э. Эти факты в комплексе дают определенные основания предполагать датировку каменной скульптурки эпохой бронзы.

Близкие по времени антропоморфные каменные изваяния и небольшие фигурки окуневской культуры [8], а также скульптурные изображения головы человека на поселении Самусь IV [9] по технике выполнения во многом отличны от публикуемой, но их объединяет самая идея изображения человеческого лица и миниатюрность. Окуневская культура датируется [10] (датировка Н. Л. Членовой стоит особняком) [11] эпохой ранней бронзы.

Отметим и такой интересный факт, как наличие и на Урале, и в окуневской культуре антропоморфных фигур двух размеров, крупных и миниатюрных.

Возвращаясь к предлагаемой дате антропоморфной скульптурки с восточного побережья Аргазинского водохранилища, отметим, что В. И. Мошинская, склонная давать уральским идолам наиболее поздние из всех предложенных в литературе дат, в то же время не отрицает, что подобная манера изображения человеческого лица, возникшая в дереве, а затем перенесенная на другие материалы, появилась, может быть, уже в эпоху мезолита [12].

---

[8] *Вадецкая Э. Б.* Древние изваяния эпохи бронзы на Енисее. Автореф. канд. дис. Л., 1965.

[9] *Матющенко В. И.* Некоторые новые материалы по самусьской культуре.— В сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 191—198.

[10] *Максименков Г. А.* Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине.— КСИА АН СССР, № 101, 1964, с. 19—23; *его же.* Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины.— В сб.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 49.

[11] *Членова Н. Л.* Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами? — В сб.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 98—99.

[12] *Мошинская В. И.* Ук. соч., с. 100.

А. С. САГДУЛЛАЕВ

РАСКОПКИ ДРЕВНЕБАКТРИЙСКОЙ УСАДЬБЫ КЫЗЫЛЧА 6
(по итогам работ 1974—1976 гг.)

Узбекистанская искусствоведческая экспедиция под руководством Г. А. Пугаченковой с 1970 г. проводит систематические раскопки памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа, расположенных в Миршадинском оазисе, в 9 *км* к северо-западу от райцентра Шурчи Сурхандарьинской обл. [1]

В 1971—1973 гг. в оазисе были обследованы мелкие памятники, которые концентрировались вокруг крупного формирующегося города раннежелезного века — Кызыл-Тепе [2]. Они получили условное название — Кызылча (рис. 1).

---

[1] Предварительные публикации см. *Пугаченкова Г. А.* Новый памятник древнебактрийской культуры.— УСА, вып. 1, 1972; *Беляева Т. В., Хакимов З. А.* Древнебактрийские памятники Миршаде.— В сб.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

[2] *Сагдуллаев А. С.* К эволюции древних поселений Южного Узбекистана.— «Строительство и архитектура Узбекистана», № 9. Ташкент, 1976, с. 34. Всего обнаружено шесть усадеб, которые в значительной мере размыты в древности саем. Удовлетворительно сохранились лишь две усадьбы.

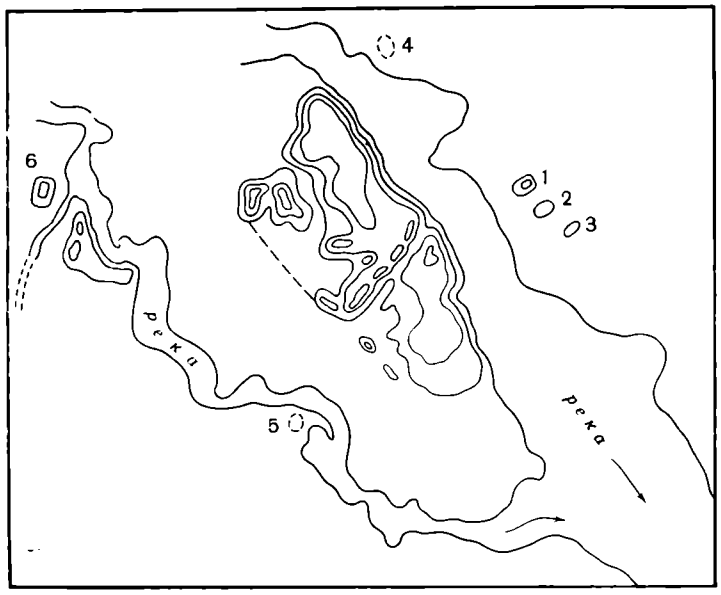


Рис. 1. Схема расположения усадеб в округе Кызыл-Тепе. *1—6* — усадьбы Кызылча

Три усадьбы располагались на левом берегу Кызылсу на незначительном расстоянии друг от друга (30—70 *м*). Усадьба Кызылча 1 имела прямоугольную планировку, размеры 45×25, достигала 2—3 *м* в высоту. Размеры Кызылча-Тепе 2 — 35×24 *м*, высота 2 *м*. В 70 *м* к ЮВ от него находилось Кызылча-Тепе 3, размерами 35×15 *м*, высотой 1 *м*. На указанных памятниках собран подъемный материал, главным образом цилиндроконическая керамика, известная в оазисе по раскопкам Кызыл-Тепе.

Наиболее крупная и хорошо сохранившаяся усадьба Кызылча 6 расположена в 500 *м* к западу от цитадели Кызыл-Тепе на правом берегу Кызылджара. Памятник имеет четкий прямоугольный план (размерами 50×32 *м*) и состоит из двух частей — северной, высотой около 3 *м*, и прилегающей южной, высотой 1—2 *м*. Микрорельеф тепе частично разрушен поздними землянками, однако планировка восстанавливается полностью. Раскопки усадьбы начаты автором осенью 1974 г. и продолжены летом 1976—1977 гг.[3] Они проводились в северной части холма, где намечаются контуры крупного архитектурного комплекса (рис. 2).

Основной жилой комплекс имеет квадратную планировку, размеры по осям северной и западной стороны 29,7×29,7 *м*. Массивные внешние стены шириной 3 *м* изучены на всем протяжении на северном и западном фасе раскопа. С юга к жилому комплексу, видимо, прилегали небольшие подсобные хозяйственные постройки, поэтому высота холма здесь менее значительна.

В помещениях 6 и 1 заложены стратиграфические шурфы, которые выявили четыре строительных горизонта. Самая нижняя прослойка в пределах шурфов не содержит строительных остатков. Мощность этой прослойки 30 *см*. Выше расположены остатки архитектуры первого строительного горизонта.

В VI ярусе прослежено основание стен из сырца размерами 40×20×12 и 41×24×13 *см*. Здесь проходит уровень пола горизонта 1. В верхней части IV яруса пол горизонта 2, который имеет мощную горелую про-

[3] *Сагдуллаев А. С.* Раскопки древнеземледельческих памятников в Северной Бактрии.— АО — 1976. М., 1977, с. 542. Осенью 1978 г. памятник был вскрыт полностью.

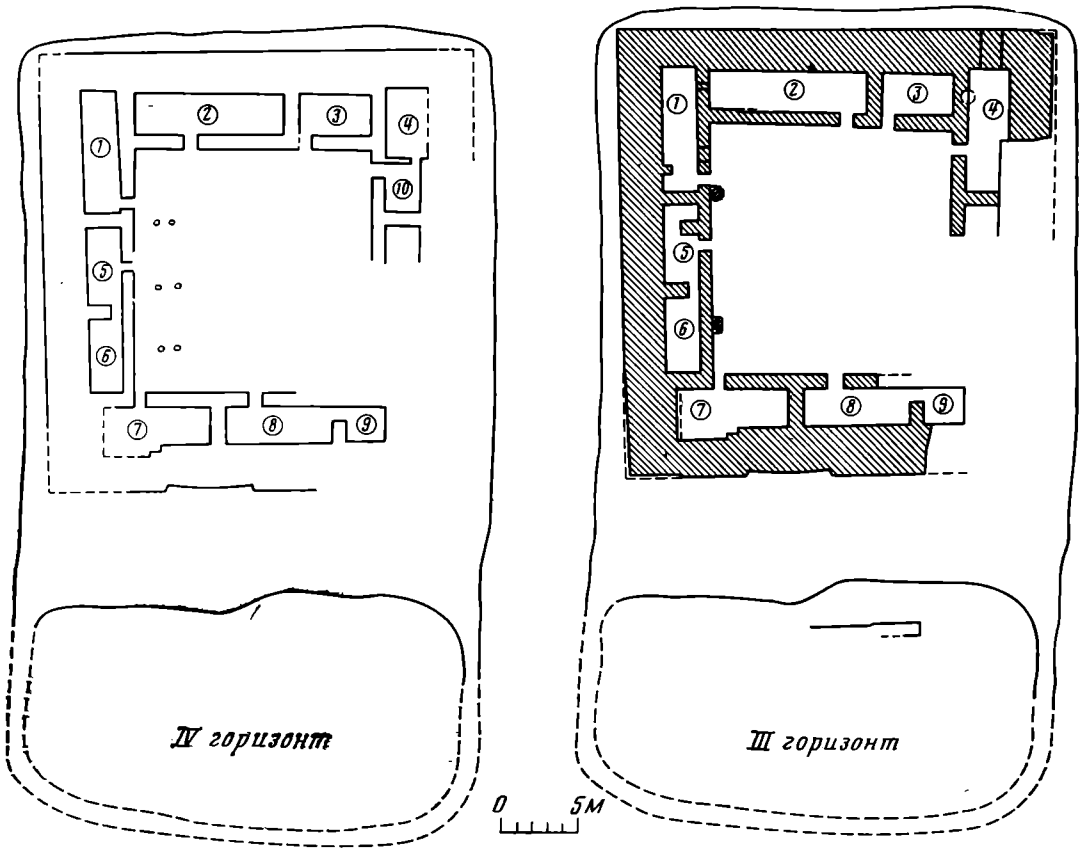


Рис. 2. Верхний слой. План усадьбы по уровню III—IV горизонта

слойку. Сильно обожжены и стены. Размеры сырца 43×25×11 *см*. Пол горизонта 3 прослежен в средней части III яруса, где обнаружено большое количество находок, в том числе каменных орудий труда. Размеры сырцовых кирпичей 42×28×9, 41×28×12, 37×25×10 *см*. Уровень пола горизонта 4 — в середине I—II ярусов, где под промазкой прослежен горелый слой толщиной 10—15 *см*,— очевидно, следы сгоревшего перекрытия. Помещения горизонта 3 и 4 от пола забутованы вертикальными рядами сырца, (33×23×10, 32×24×10 *см* — гор. 4; 35×23×9, 38×24×9 *см* — гор. 3). Горизонты 1 и 2, а также предшествующая им прослойка составляют нижнюю часть культурного слоя мощностью 1,6 *м*. Горизонты 3 и 4 относятся к верхней части слоя мощностью 1,4 *м*.

Общая толща культурных напластований Кызылча 6 достигает 3 *м*. Это очень значительная величина для подобных мелких памятников. Это скорее всего свидетельствует об интенсивной строительной деятельности и длительности обитания на памятнике. В верхнем слое раскопа выявлено 10 помещений горизонта 4 и девять помещений горизонта 3 (рис. 2). Они расположены по периметру усадьбы. Центральная часть, восточный и южный фас Кызылча 6 изучены частично.

Как показывают данные шурфов и раскопа, на протяжении формирования верхнего строительного горизонта отдельные помещения жилого комплекса, видимо, не изменяли своей планировки. Так, стены горизонта 4 надстроены над стенами горизонта 3 и совпадают с ними как по размерам, так и по направлению. Приблизительно теми же остаются и площади помещений (рис. 2).

Рассмотрим помещения горизонта 3. На западном фасе оконтурено три коридорообразных помещения — 1, 5, 6. Их размеры соответственно

8×2,5, 5,2×3, 5×2,3 *м*. Ширина стен 1—1,1 *м* (рис. 2). Помещение 1 площадью 20 *м*² представляло собой хранилище — хумхану. Хумы располагались вдоль стен. В помещении 5 обнаружены галечники — заготовки для каменных орудий, со следами шлифовки и первичной обработки. Здесь же найдены пряслица и керамические диски, выточенные из стенок или днищ сосудов. Видимо, помещение 5 было производственной мастерской, где изготовлялись орудия труда. Большое количество фрагментов хумов фиксируется в помещении 7 (площадь 20 *м*²). Сосуды предназначались для хранения сыпучих и жидких сельскохозяйственных продуктов. На полу помещения 4 в восточной части усадьбы отмечаются очажные пятна и скопления фрагментов керамики, каменных орудий и костей домашних животных.

Помещения 2, 3, 6, 8 были жилыми. Производственно-бытовой инвентарь встречается здесь довольно часто. Как правило, на полу комнат сохранились остатки камышовых циновок. Площадь помещений 2, 3, 6, 8 соответственно 26; 13,5; 12 и 18 *м*². В центральную часть основного комплекса ведут проходы шириной 60—80 *см*.

В центральной части усадьбы выделяется подквадратный двор (16,2×16 *м*) с утрамбованной прослойкой пола. У стен помещения 5 и 6 находятся два очага (рис. 2), один прямоугольный, другой представляет собой тандыр с кирпичной обкладкой.

В западной стороне двора обнаружены овальные ямки для опорных столбов (горизонт 4).

Горизонт 4 характеризуется некоторыми перестройками, хотя основы планировки остаются прежними. Архитектурные остатки этого уровня значительно разрушены и размыты, поэтому культурный слой на отдельных участках не превышает 20—40 *см*. Мощный горелый слой на полу — угольки, зола и пепел, обугленные кости домашних животных и обожженные прослойки, фрагменты керамики, а также каменные орудия, покрытые копотью,— достаточно ярко свидетельствуют о том, что усадьба разрушена при пожаре. Последний строительный период связан с забутовкой отдельных помещений. Однако интенсивно усадьба более не обживалась.

Основным датирующим материалом является керамика, которая по стратиграфическим данным и технологическим признакам делится на два комплекса. Первый связан с нижним слоем. Эта керамика представлена круговой и лепной (рис. 3).

Цвет черепка лепной керамики коричневый, в тесте примесь песка. Характерны круглые короткие сливы и петлевидные ручки. В одном случае встречен процарапанный орнамент. Эти сосуды известны в оазисе по раскопкам безымянного тепе, Буйрачи II и Кызыл-Тепе. Лепная керамика Кызылча 6 генетически связана с лепной посудой, которая появляется в оазисе на грани II—I тысячелетий до н. э. и широко распространяется в начале I тысячелетия до н. э. Это подтверждается стратиграфией Буйрачи-Тепе I, где лепная керамика перекрывает слои с сосудами типа Нмз VI. О дальнейшем распространении такой керамики свидетельствуют нижние слои поселения Буйрачи II и цитадели Кызыл-Тепе.

Круговая керамика нижнего слоя Кызылча 6 представлена цилиндроконическими сосудами со светло-желтым ангобом на внешней поверхности. Цвет черепка красный и светло-коричневый. Примеси в тесте редки (иногда мелкие зерна гипса). Основные формы: чаши с цилиндрическим туловом и коническим дном, хумча с прямым утолщенным венчиком и хумы с резко выраженным отогнутым венчиком.

Керамические комплексы верхнего и нижнего слоя различаются между собой. В верхнем слое наряду с цилиндроконической керамикой, которая генетически связана с керамикой нижнего слоя, обнаружена совершенно иная керамика. Она представлена фрагментами сосудов, характерной особенностью которых является светло-желтый и сероватый ангоб

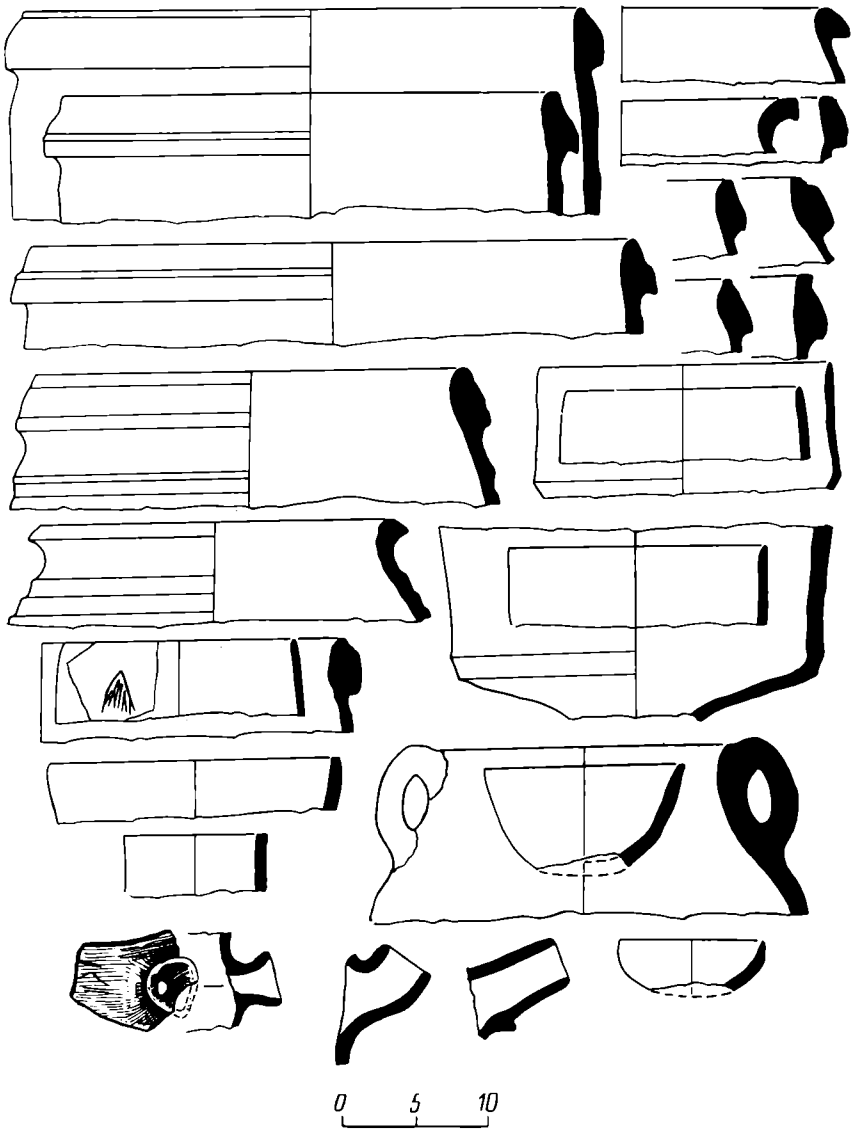


Рис. 3. Керамика нижнего слоя

или же сохраняется цвет черепка (рис. 4, 5), чаще всего коричневый и розовый. Примеси в тесте — песок и зерна гипса. Некоторые котлы сероглиняные. Подавляющее большинство сосудов изготовлено на круге. Керамика верхнего слоя представлена хозяйственными сосудами. Интересны и разнообразны профили венчиков хумов и хумча — клювовидный или закругленно-утолщенный прямой, или же сильно отогнутый наружу (рис. 5). Своеобразна форма котлов и изящной столовой посуды. Эта керамика в оазисе обнаружена впервые. Она имеет некоторые сходства с сосудами Халчаяна из нижнего слоя [4] и Афрасиаба [5], датирующихся IV в. до н. э.

Из других находок следует выделить изделия из бронзы — гвоздь и фрагмент сосуда (гор. 2), серп (гор. 1) (рис. 6, *2*), двугранный черешковый наконечник стрелы (гор. 3), заклепки и штыри (гор. 4), каменные серпы (гор. 1, 2) (рис. 6, *1*, *4*).

[4] *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент, 1966, с. 32, рис. 11.

[5] *Филанович М. И.* К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе.— Афрасиаб, вып. 1. Ташкент, 1969, с. 214, рис. 3.

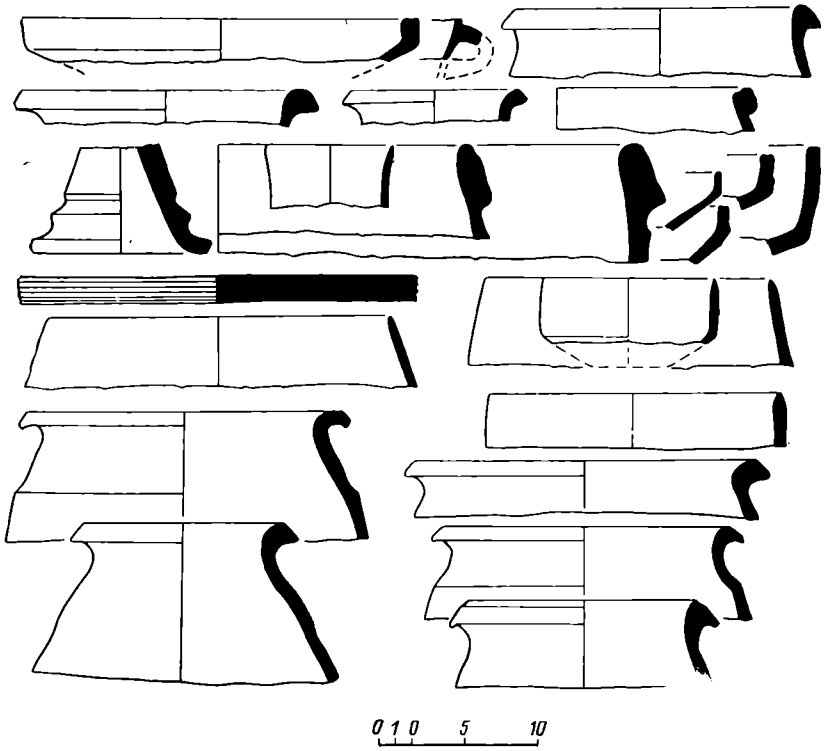


Рис. 4. Керамика верхнего слоя

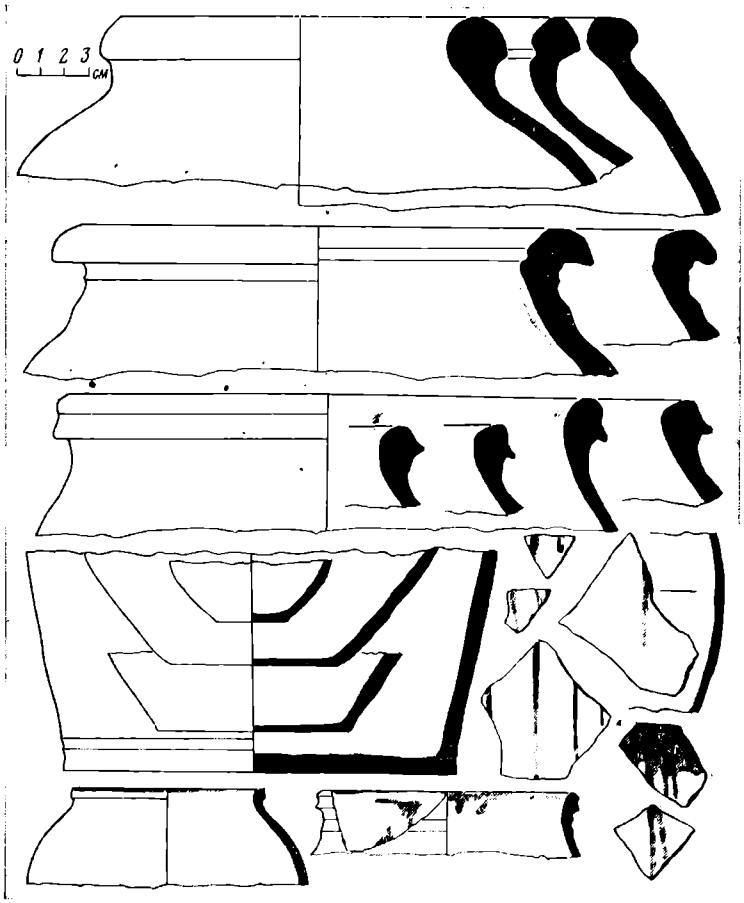


Рис. 5. Керамика верхнего слоя

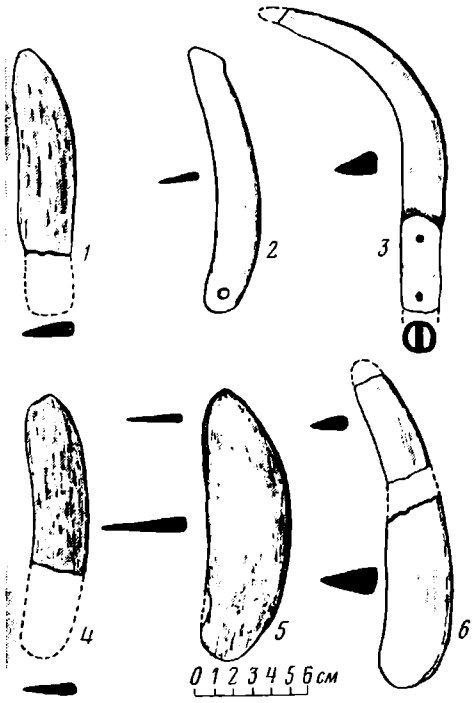


Рис. 6. Серпы из Миршадинского оазиса

Для окончательного решения датировки памятника материал пока недостаточен. Хронология усадьбы может быть основана на стратиграфических данных, которые связаны с последовательной сменой строительных горизонтов.

Лепная керамика из VI яруса Кызылча 6 характерна для памятников оазиса начала I тысячелетия до н. э.— Безымянного тепе[6], Буйрачи II и нижнего слоя цитадели Кызыл-Тепе[7]. Аналогичная посуда составляет 27—30% в слое VII—VI вв. до н. э. Кызыл-Тепе, где уже преобладает круговая керамика цилиндроконических форм[8]. Хумы и хумча с отогнутым венчиком и цилиндроконические чаши нижнего слоя Кызылча 6 находят аналогии в комплексе Бандыхан-Тепе 2[9], который также можно датировать VII—VI вв. до н. э.

Для определения хронологии усадьбы особое значение имеют металлические изделия. Бронзовый серп изогнутой формы из Кызылча 6 находит близкие параллели среди серпов, обнаруженных на памятниках Восточного Казахстана[10], чустской и бургулюкской культуры[11]. Эти изделия датируются исследователями не позже VIII в. до н. э.[12] Отдельные серпы раннетагарской культуры в Сибири относятся к VII—VI вв. до н. э.[13] Серп Кызылча 6, видимо, с комплексом керамики нижнего слоя может датироваться VII—VI вв. до н. э.

Горизонт 3, где обнаружен двугранный наконечник стрелы, и горизонт 4, вероятно, следует относить к V—IV вв. до н. э. Керамический комплекс верхнего слоя усадьбы дает переходные формы от цилиндроконической («ахеменидской») керамики к сосудам раннеантичных типов.

В оазисе можно выделить два типа усадеб. В планировке первого читается укрепленный жилой комплекс и прилегающий к нему участок с подсобными строениями. Площадь крупных усадеб от 840 до 1650 $м^2$. Второй тип представляют небольшие, видимо, неукрепленные усадьбы, общей площадью 400—525 $м^2$.

В Средней Азии аналогичные памятники изучены слабо, и, за исключением Дингильдже[14], в литературе фактически нет сравнительных ма-

[6] *Беляева Т. В., Хакимов З. А.* Древнебактрийские памятники Миршаде.— В сб.: Из античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 37, рис. 3.

[7] *Сагдуллаев А. С.* Раскопки древнеземледельческих памятников, с. 542.

[8] *Сагдуллаев А. С., Хакимов З.* Археологическое изучение городища Кызыл тепе (По итогам работ 1973—74 гг.).— Бактрийские древности, Л., 1976, с. 26, 27.

[9] *Ртвеладзе Э. В.* Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана.— Бактрийские древности. Л., 1976, с. 99; рис. 4.

[10] *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, № 88, 1960, табл. XXXVI, *19*.

[11] *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, № 118, 1962, табл. XXI, *7*; *Дуке Х.* К вопросу о Бургулюкской культуре.— ОНУ, № 8, 1976, с. 49.

[12] *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии.— САИ, вып. 134 — 9. М., 1966, с. 55.

[13] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 229, прим. 2, с. 258.

[14] *Воробьева М. Г.* Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973.

териалов. Уже подъемная керамика с поверхности усадеб типа Кызылча свидетельствовала о том, что сами объекты несколько древнее усадьбы Дингильдже. В Северной Бактрии указанные памятники открыты впервые. Вместе с тем они расположены в ирригационном районе, который был освоен еще в эпоху поздней бронзы, и не исключено, что формирование усадеб раннежелезного века связано с обособлением землевладения крупной семейной общины.

Ясно выступает земледельческий характер усадьбы. Об этом свидетельствуют хранилища — хумхана, большое количество орудий, связанных с земледелием, а также топографическая ситуация — расположение памятника на берегу сая, что характерно для всех земледельческих поселений Северной Бактрии эпохи раннего железа.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ КИНЖАЛ ИЗ БАРАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1972 г. в сарматском кург. 17 Барановского курганного могильника в основном и единственном погребении был найден кинжал с бронзовыми перекрестием и навершием, а также золотой обкладкой деревянных ножен (рис. 1—3). Особенности устройства и формы этого кинжала заслуживают того, чтобы они были опубликованы отдельно [1].

Барановский курганный могильник расположен близ с. Барановка Черноярского р-на Астраханской обл. на правом берегу Волги. Курган 17 имел высоту 50 *см*, диаметр 20 *м*. В насыпи были найдены куски дерева от перекрытия могилы, пятна золы, обломки лепного сосуда. Курган был ограблен. Прослежены следы кольцевого ровика около 60 *см* шириной. Радиус рва около 6 *м*.

Прямоугольная могильная яма имеет в ширину 1,65 *м*, в длину 2,3 *м*. Она была ориентирована по линии ССЗ — ЮЮВ. Стенки ямы вертикальные, дно плоское. В заполнении могилы были найдены кости человека: череп, плечевые кости, часть таза, плашки перекрытия. Кости погребенного были сложены кучей в одном из углов могильной ямы. В различных местах ямы на разной глубине обнаружены черепки двух лепных сосудов, форма которых не восстанавливается.

У ЮВ угла ямы на глубине 1,5 *см* от уровня материка найден миниатюрный лепной сосуд с шаровидным асимметрическим туловом и небольшой шейкой (рис. 4, *2*). В засыпи найдены также кости барана. Глубина ямы 1,5 *м* от уровня материка. Дно ямы покрыто темным песком. Часть костяка оказалась не тронутой грабителями (кости правой ноги и часть таза). Покойник был положен на спине, головой на ЮЮЗ, с вытянутыми ногами. У правой ноги найдена костяная ручка нагайки или ножа (рис. 4, *4*), круглая в сечении, и медная обоймочка (рис. 4, *3*), которая, возможно, утяжеляла хлыст. С одной стороны на рукояти нагайки был найден золотой листочек в виде ивового листа, возможно, след от обкладки рукояти. Под правой бедренной костью обнаружен обоюдоострый железный кинжал с бронзовыми навершием и перекрестием в ножнах, обложенных золотой фольгой. Под тазом обнаружены остатки тканей. Под костяком прослеживаются следы меловой подсыпки.

Кинжал лежал таким образом, что золотая обкладка его ножен была обращена к земле. Навершие кинжала (рис. 2) было изготовлено спосо-

[1] В настоящее время хранится в Астраханском историко-архитектурном музее. Реставрация кинжала выполнена в ВЦНИИЛКР М. С. Шемаханской. Ею было проведено изучение технологии изготовления кинжала. Пользуюсь случаем выразить М. С. Шемаханской глубокую благодарность.

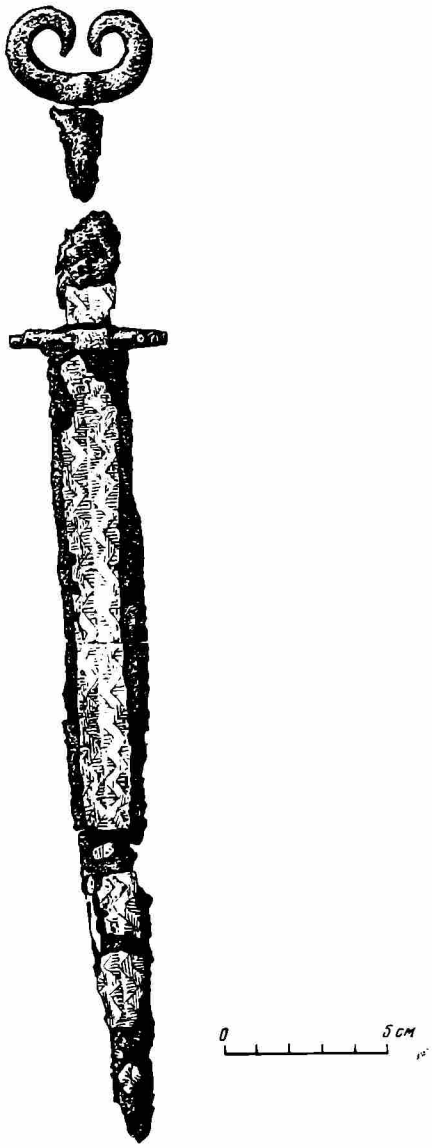


Рис. 1. Кинжал из Барановского могильника

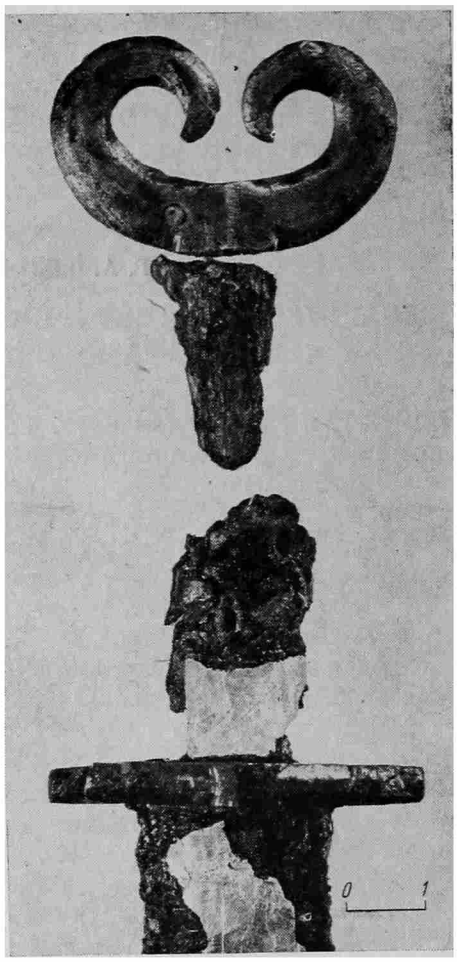


Рис. 2. Рукоять кинжала

бом горячей ковки и обрублено зубилом из литой заготовки. Невооруженным глазом хорошо видны линии на металле — следы сгибания заготовки в процессе ковки. В середине ковкой сделано утолщение и в этом месте к бронзовому навершию была прикреплена двумя бронзовыми заклепками железная подтреугольная деталь, вероятно, вставлявшаяся в паз и приклепывавшаяся к рукоятке кинжала (сама рукоятка плохо сохранилась). Бронзовое перекрестие изготовлено таким образом: прямоугольная литая заготовка в виде бруска была разрезана вдоль, но не до конца. Затем две половины бруска были разведены и в полученную щель продето железное тело кинжала так, чтобы брусок пришелся на то место, где лезвие переходит в рукоять. Затем концы разрезанного бруска были сжаты так, что они плотно охватили лезвие кинжала, были соединены и склепаны двумя бронзовыми заклепками (рис. 4, *1*). Противоположный конец перекрестия оказался разорванным, видимо, уже в период использования оружия. На одной стороне бруска был с самого начала выступ с концами, оформленными в виде ласточкиного хвоста. Железная основа кинжала

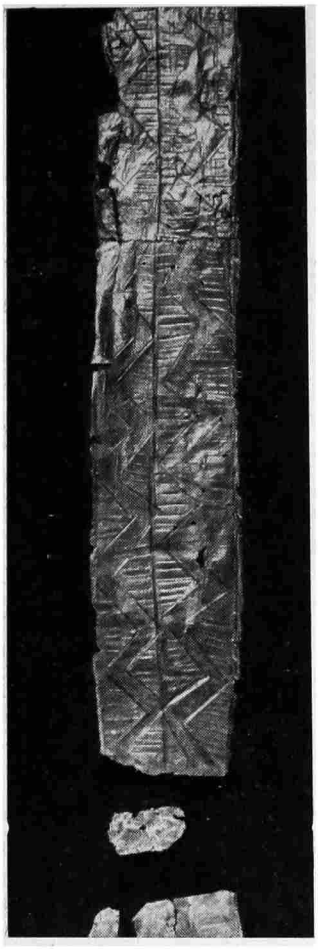


Рис. 3. Золотая обкладка ножен

Рис. 4. *1* — схема насадки перекрестия, *2* — лепной сосуд, *3* — обоймочка бронзовая, *4* — костяная рукоять нагайки

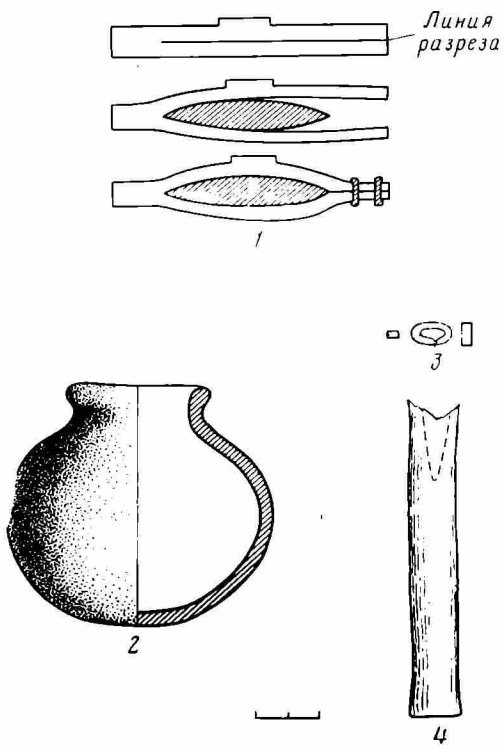


Рис. 3 Рис. 4

была выкована в виде обоюдоострой полосы и несколько более узкой овальной в сечении рукояти. Общая длина кинжала 35 *см*. Ширина навершия 4,5 *см*, ширина перекрестия 4,9 *см*.

Кинжал был найден в очень плохо сохранившихся дубовых ножнах. Дерево сохранилось в виде следов только на той стороне лезвия, которая была покрыта золотой обкладкой (рис. 3). Деревянные детали ножен имели по краям пазы, в которые была вставлена полоска золотой фольги с гравированным орнаментом. Такие же полоски в виде фрагментов фольги сохранились и на рукоятке кинжала. Видимо, они украшали ножны и рукоять. Орнамент представлял собой две зигзагообразные полосы с поперечными по отношению к оси кинжала прямыми насечками между ними.

Обращает внимание явная односторонность изделия. Та сторона, которая была обращена к земле, не только имела покрытие ножен и рукояти золотой фольгой, но и орнаментальные выступы у навершия и перекрестия. При ношении, судя по тому как был найден кинжал, оружие было обращено лицевой, парадной частью направо, так как кинжал носился на правом боку.

Все в этом кинжале говорит о том, что это было парадное оружие и сделано оно было особым способом, каким не могло изготовляться обычное оружие. Особенно ярко эти черты выступают при сравнении с найденным также в 1972 г. и тоже биметаллическим кинжалом аналогичной формы у с. Сидоры в Волгоградской обл.[2] Навершие у Сидорского кин-

[2] *Скрипкин Л. С., Мамонтов В. И.* Об одном новом типе позднесарматских кинжалов.— СА, 1977, № 4, с. 285—287.

жала литое, оно имело клиновидный штырь, при помощи которого крепилось к рукояти. На Барановском кинжале навершие кованое с орнаментальным выступом и было приклепано к железному клиновидному штырю, который в свою очередь прикреплялся к железному телу рукояти. Перекрестие Сидорского кинжала не имело в отличие от Барановского орнаментального выступа. Кроме того, парадность Барановского кинжала подчеркнута золотой обкладкой ножен.

В остальном и по форме, и по размерам, и по способу ношения эти кинжалы друг от друга не отличаются и, вероятно, одновременны. Сидорский кинжал лучше датирован сопровождающим инвентарем. Он относится к II—III вв.н. э. Очевидно, к этому времени следует отнести и Барановский кург. 17 с описанным биметаллическим кинжалом.

И Барановский и Сидорский биметаллические кинжалы позднесарматского времени имеют явственные архаические черты. Их навершия в виде волют похожи на «когтевидные», характерные для савроматской культуры. Биметаллизм при изготовлении оружия характерен для самого начала железного века. Он известен в гальштате, в ананьинской, ранней тагарской культуре, в предскифских памятниках, в памятниках первой половины I тысячелетия до н. э. на Кавказе, в памятниках Переднего Востока с XII в. до н. э.[3]. Биметаллические кинжалы описанного типа характеризуют те тенденции нарочитой архаизации предметов, которые, по-видимому, имелись в позднесарматском обществе.

---

[3] *Hodges H. W. M., Maxwell-Hyslop K. R.* A note on the significance of the technique of «casting on» as applied to a group of daggers from North — West Persia.— Iraq, v. 26, № 1, 1964, p. 50—53. Ранние биметаллические кинжалы имели цельную бронзовую рукоятку, отлитую таким образом, что верхняя часть железного лезвия оказывалась внутри бронзовой рукояти. На Барановском позднесарматском кинжале железо с бронзой соединено механически.

Т. Б. ШИТОВА

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ КЕРАМИКА IX В. ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

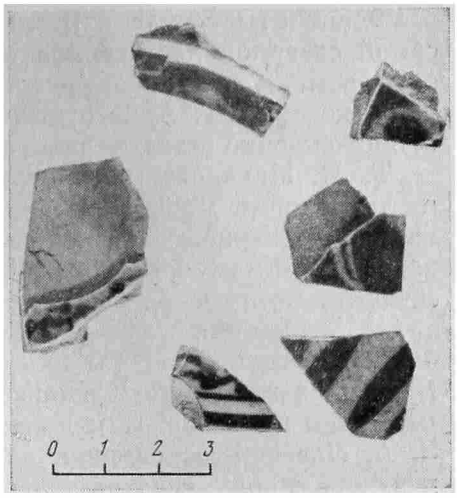
Вопрос о международных связях древней Ладоги специальному рассмотрению не подвергался, но в работах многих исследователей были намечены основные направления этих связей: Скандинавия, Прибалтика, страны Западной Европы и Ближнего Востока, Причерноморье. Среди предметов импорта указывалось и на наличие привозной посуды[1]. Коллекция импортной керамики Ладоги значительно пополнилась в результате раскопок 1972—1976 гг. близ Варяжской улицы: здесь обращают на себя внимание многочисленные обломки амфор, фрагменты лощеной керамики. Особый интерес представляют обнаруженные в слое IX в., но, к сожалению, не увязывающиеся ни с каким комплексом несколько мелких фрагментов гончарной керамики с росписью люстром (рисунок).

Форму сосуда восстановить очень трудно, но, судя по имеющимся обломкам венчика и части кольцевого поддона, можно предположить, что это было небольшое блюдо или чашечка на поддоне. Такие формы широ-

---

[1] Я. В. Станкевич, например, отметила среди керамики горизонта «Е$_3$» фрагменты лощеного сосуда-чаши, орнаментированного в верхней части косыми перекрещивающимися линиями (*Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги.— СА, XIV, 1950, с. 193—195); при раскопках кургана 7 в урочище Плакун были найдены обломки фризского кувшина, датирующегося IX в. (*Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун близ Старой Ладоги.— КСИА АН СССР, № 125, 1971, с. 61); наиболее многочисленную группу импортной керамики составляют обломки амфор (см., например, *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований в 1938—1947 гг.), ч. II.— СА, XII, 1950, с. 35).

ко представлены среди люстровой посуды Ирака, Египта, Сирии, Ирана [2]. Сосуд изготовлен из плотной хорошо обожженной глины и расписан полихромным люстром с преобладанием желто-коричневых тонов.



Керамика с росписью люстром известна и в некоторых других городах Древней Руси: 14 фрагментов в Саркеле — Белой Веже [3], один фрагмент с арабской надписью в Смоленске [4], 22 — в Новгороде [5], 32 — в Новогрудке [6]. Фрагменты из Ладоги относятся к наиболее раннему, так называемому месопотамскому этапу производства такой керамики, датирующемуся IX в. [7] Для этого времени характерен орнамент в виде полупальметок, елочек, точек. Внешняя сторона сосуда расписана зелеными листочками [8]. Аналогии ладожскому сосуду находятся среди керамики Самарры, бывшей резиденцией халифов с 836 по 892 г. [9]

На территории Европейской части СССР известен всего один черепок, аналогичный керамике Самарры,— это фрагмент блюда из Саркела, найденный в слое второй половины X в. [10]. Остальная люстровая керамика Саркела — Белой Вежи относится к следующему, так называемому египетскому (X—XII вв.) или иранскому (XII—XIV вв.) этапу производства такой посуды [11]. Для X—XII вв. характерна роспись люстром с преобладанием синего кобальтового тона. Полупальметки, ёлочки и т. п. все чаще выступают в качестве фона для изображения людей, птиц, животных. Эти же черты характерны и для последующего времени, но тогда цветовая гамма еще более упрощается и становится монохромной [12].

Подобная керамика в Новгороде найдена исключительно в слоях XI—XII вв. [13], но, по мнению Т. И. Макаровой, «новгородская коллекция сосудов... представляет собой имитацию люстра, выполненную, вероятно, в одном из среднеазиатских центров» [14]. Сосуды из Новогрудка относятся к третьему, иранскому этапу и связываются с центрами в Рее и Кашане [15].

---

[2] *Lane A.* Early Islamic Pottery. London, 1947.

[3] *Шелковников Б. А.* Поливная керамика Саркела — Белой Вежи, в кн. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II.— МИА, № 75, 1959, с. 303—306.

[4] *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси.— САИ, в. Е1-38, 1967, с. 33.

[5] *Медведев А. Ф.* Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде.— В кн.: Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции (МИА, № 117). М., 1963, с. 270.

[6] Любезное сообщение Ф. Д. Гуревич.

[7] Приношу искреннюю благодарность сотрудникам Отдела Востока Гос. Эрмитажа Б. И. Маршаку и А. А. Иванову за помощь в определении керамики и предоставленную возможность ознакомиться с аналогиями, хранящимися в Эрмитаже.

[8] Тип А или В по E. Grube; *Grube E.* Islamic Pottery of the eighth to the fifteenth century in the Keir Collection. London, 1976, p. 49, № 12—13, p. 51, № 14, 16; p. 57, № 15.

[9] *Lane A.* Op. cit., p. 14—16, pl. 10, 11; один черепок из Самарры хранится в Отделе Востока ГЭ (шифр ЕГ-995).

[10] *Макарова Т. И.* Поливная посуда..., с. 32.

[11] Там же.

[12] *Lane A.* Op. cit., p. 15, 16.

[13] *Медведев А. Ф.* Ук. соч., с. 271. В Отделе Востока ГЭ хранятся несколько черепков с росписью люстром, происходящих из Египта (X—XII вв.). Шифры: ЕГ-134, ЕГ-123, ЕГ-199 (случайные находки).

[14] *Макарова Т. И.* Ук. соч., с. 33.

[15] *Гуревич Ф. Д.* Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 34—36.

Фрагменты сосуда с росписью люстром из Старой Ладоги являются самой северной достоверной находкой подобного рода посуды. Известна полихромная поливная кружка, найденная в приходе Гемсе на о. Готланд, которую Т. Арне относит ко времени около 900 г., но ее иранское происхождение остается под вопросом [16].

Т. И. Макарова, рассмотрев известные находки поливной керамики на территории Древней Руси, пришла к выводу, что «в так называемый восточный период торговых связей Руси керамика не входила в число товаров, ввозимых с Востока. Проникновение ее на Дон было обусловлено связями, которые достались русской Белой Веже от хазарского Саркела» [17]. В данном случае исследовательница опиралась на «отсутствие ближневосточной посуды IX—XI вв. в городах Руси, в Приднепровье» [18]. В связи с этим встает вопрос о путях проникновения ближневосточной керамики на Север. Нам представляется весьма интересной точка зрения З. А. Львовой, основанная на рассмотрении ареала стеклянных бус ладожских типов: исследовательница считает, что стеклянные бусы из стран Средиземноморья проникали на север Восточной Европы, в частности в Старую Ладогу, «по водным торговым магистралям Западной Европы через Готланд и Скандинавию» [19].

Не останавливаясь на анализе этой и других возможных точек зрения, необходимо отметить, что сама по себе находка подобной керамики в Ладоге не является случайной. Анализ других категорий материала этого памятника убедил его исследователей в том, что Ладога уже в начальный период своего существования была включена в сферу международной торговли [20]. Последние керамические находки только подтверждают этот вывод.

[16] *Arne T.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, p. 197, fig. 331.
[17] *Макарова Т. И.* Поливная посуда..., с. 34.
[18] Там же.
[19] *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги.— АСб.ГЭ, № 10, 1968, с. 94.
[20] *Давидан О. И.* К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией (по материалам нижнего горизонта староладожского городища).— ССБ, XVI, 1971, с. 142.

Е. Н. СИМОНОВА

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В ЗАЛАВАР-РЕЗЕШ

Весной 1966 г. автором были проведены спасательные раскопки близ Залавара Кестхейского р-на области Веспрем [1], в нижнезалайской бухте оз. Балатон (рис. 1). Сначала это место называлось «Длинным островом», позднее его стали называть «домом Резеша» по имени жившего здесь лесника. Самая высокая точка острова находится поблизости от дома лесника — 107,7 *м*². В декабре 1961 г. К. Шаги на участке, расположенном к югу от дома лесника, наряду с остатками поселения первобытной эпохи обнаружил в свежевырытой яме четыре погребения IX в. с ориентировкой запад — восток. Погребальный инвентарь трех захоронений (одно оказалось без вещей) представлен одной парой франкских железных стремян, железной пряжкой, железным ножом и сосудом [3]. Летом 1964 г. автором по поручению А. Шош был заложен разведочный раскоп 5×5 *м* на небольшом свободном от леса участке, вскрыто еще девять могил IX в. с бедным погребальным инвентарем [4].

[1] Сердечно благодарю А. Шош за предоставление в мое распоряжение материала для публикации.
[2] Magyarorszag Régeszéti Topografiaja, I. Budapest, 1966, 184 (17).
[3] Ibid.
[4] *Sos A.* Cs. Zalavar-Rezes.— AÉ, I, 1965, 241 old.

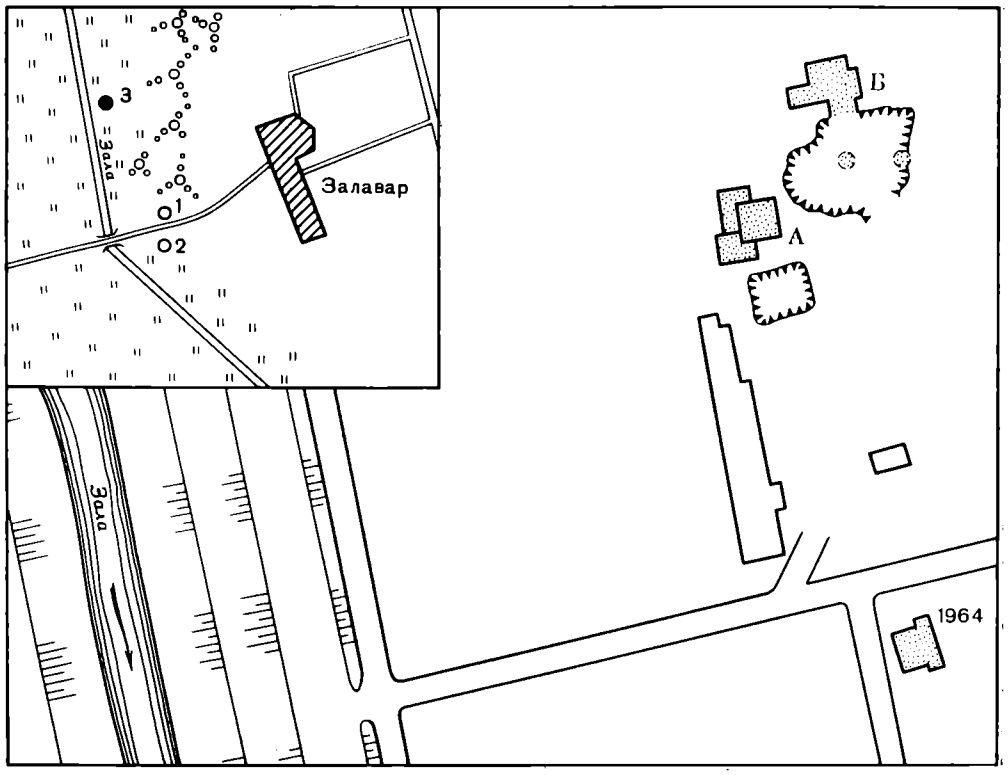


Рис. 1. План раскопок на поселении Залавар-Резеш

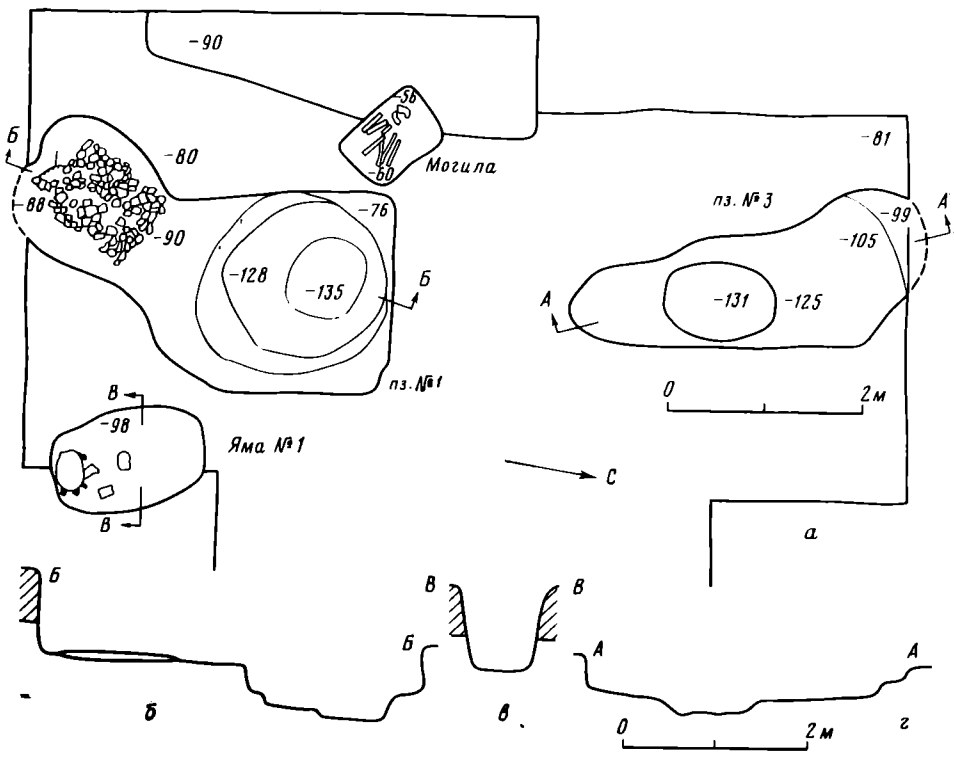


Рис. 2. Полуземлянки 1 и 3, хозяйственная яма № 1 и детское погребение на поселении в Залавар-Резеш. Раскоп 1. Глубина указана от поверхности земли

Весной 1966 г. в связи с корчеванием леса и новыми лесопосадками автором на средства Будапештского Национального музея были проведены спасательные раскопки на площади около 100 м². Выяснилось, что могильник в этом направлении не продолжается. Два скелета без вещей, обнаруженные при выборке песка, как оказалось впоследствии, относятся к эпохе меди. Раскопками выявлен культурный слой толщиной 0,6—0,8 *м* с материалами эпохи меди и IX в. Стратиграфически они не разделяются. Культурный слой представляет собой коричневатый суглинок наиболее темный в верхней части и постепенно светлеющий книзу. Дерновой слой с гумированной верхней прослойкой отсутствовал.

Полуземлянка 1 (рис. 2) исследована в раскопе А. Слабые очертания ее прослеживались уже с глубины 0,65 *м* и более отчетливо с глубины 0,8 *м* от поверхности. Ее северная часть неправильно четырехугольная, к ней примыкает закругленная южная часть с развалом керамики. Размеры сооружения 3,5×2 *м*. Оно углублено в материк на 0,12 *м* в месте развала керамики и на 0,45—0,7 *м* в средней части (глубина от современной дневной поверхности 0,92—1,5 *м*). Стены отвесные, пол покатый с округлым трехступенчатым углублением в центре, сужающимся книзу (размеры его 2×1,9 *м*; 1,7×1,5 *м*; 0,9×0,7 *м*). Каких-либо столбовых ям, входа и отопительных сооружений не обнаружено. На расстоянии 0,1 *м* к северо-западу от полуземлянки 1 на глубине 0,56—0,6 *м* находилось детское захоронение, ориентированное ЗСЗ—ВЮВ (рис. 2). Скелет длиной 0,7 *м* лежал скорченно на спине, с поднятыми кверху коленями. После того, как органические связки истлели, кости ног упали на бок, первоначальное положение сохранили лишь череп и позвоночный столб. Погребальный инвентарь отсутствовал. По определению Н. Калица, лепная керамика из полуземлянки 1 относится к эпохе меди. Вероятно, к этому же времени относится и скорченное детское погребение.

Полуземлянка 2 (рис. 3) расположена в раскопе Б, углублена в материковый грунт на 0,35—0,8 *м* (глубина от современной дневной поверхности 0,95—1,4 *м*). Она неправильной пятиугольной формы с выступающей глинобитной печью. Размеры его 3,30—3,40×3,05—3,20 *м*. Пол покатый, хорошо утрамбованный, стены отвесные с уступом. Следы столбовых ям и входа в землянку отсутствуют. Стены полуземлянки 2 вырыты в твердом грунте. Найдены куски обмазки со следами прутьев. Жилища без столбовых ям встречаются на поселении конца IX—X в. близ с. Гергеугорня (район Вашарошнамень, область Саболч-Сатмар) [5], а также на поселениях Балкано-Дунайской культуры, где на некоторых селищах они найдены в значительном количестве. Так, на поселении Калфа, которое датируется VIII—X вв., среди 10 жилищ, обитаемых до X в., пять были без столбовых ям [6].

Глинобитная печь 1 (рис. 3) расположена впритык к западной стене полуземлянки 2. От нее сохранился лишь развал. Устье ее обращено к жилищу. Под печи подковообразный (2,1×1,6 *м*). Разрез пода представляет следующую картину: наверху залегал слой плотной, хорошо прокаленной сероватой глины толщиной 0,05 *м*. Под ним находился слой рыхлой обожженной глины розового цвета, толщина которого колеблется от 0,05 *м* до 0,06 *м*. Ниже был положен слой битой керамики, в том числе фрагменты с линейно-волнистым орнаментом. Черепками была выстлана в основном центральная часть пода, по его краям керамическая подстилка отсутствовала. Здесь были помещены небольшие плоские камни, наиболее крупные из которых достигают размеров 0,13×0,15 *м*. По этнографическим данным под «печи, используемый летом, покрывали одним, а часто

[5] *Эрдели И., Симонова Е.* Раскопки в окрестностях Вашарошнамень.— В кн.: III Международный конгресс славянской археологии. Братислава, 1975.

[6] *Хынку И. Г.* Этнические черты в жилищах населения Молдавии X—XIV вв.— В кн.: Доклады и сообщения советской делегации. Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест 4—10.IX.1974 г.). М., 1974, с. 4, 5.

и двумя рядами обломков сосудов, обмазывали глиной, чтобы она лучше сохраняла тепло и тем самым была пригодна для выпечки хлеба. Для этой цели использовали обломки глазированных горшков и разбитых сосудов для приготовления пищи»[7]. Печи подобной формы и конструкции известны с территории Венгрии на поселении конца IX—X вв. у с. Гергеиугорня в жилище 18[8], на городище IX—X вв. близ с. Зимне (Волынской области)[9] и на поселениях Балкано-Дунайской культуры[10].

На расстоянии 0,15 *м* к северо-востоку от полуземлянки 2 находилась внешняя глинобитная печь 2 (рис. 3). От нее сохранился лишь овальный под с подстилающим слоем из фрагментов керамики, который залегал на глубине 0,35 *м* от поверхности. В данном случае керамические обломки также были сконцентрированы лишь в центре пода печи, край его шириною 0,08—0,20 *м* не вымощен. Толщина вымостки 0,05—0,08 *м*. Размеры пода печи 1,6×1,10 *м*. Входила ли внешняя глинобитная печь 2 в единый комплекс с полуземлянкой 2, сказать трудно.

К западу от полуземлянки 2 вскрыта хозяйственная яма 2 (рис. 3), из заполнения которой происходят фрагменты керамики с линейно-волнистым орнаментом, камни, куски обмазки и большое количество кусочков древесного угля. У восточного края ямы находились остатки пода глинобитной печи 3 (рис. 3), толщина розового прокаленного слоя обмазки 0,15 *м*. Восточную границу пода проследить не удалось. К западу от хозяйственной ямы 2 вскрыта часть еще одной ямы неправильно четырехугольной формы, вокруг нее — скопление древесного угля, обмазки и отдельные сильно обожженные камни (рис. 3).

Полуземлянка 3 (рис. 2) углублена в материк в среднем на 0,2—0,6 *м* (глубина от современной поверхности 1—1,25 *м*). Размеры ее 3,65× ×0,80—1,50 *м*. Полом служил слегка утрамбованный материк, столбовые ямы не обнаружены. Вход скорее всего находился в северной части жилища, где наблюдается плавное падение материка (1,0 *м* — 1,1 *м* — 1,2 *м*) и вырисовывается нечто вроде ступеньки шириною 0,26 *м*. В южной части, ближе к центру жилища, вскрыта слегка углубленная в пол (0,2 *м*, от современной поверхности 1,4 *м*) овальная очажная яма (1,18×0,86 *м*) с прокаленным нижним слоем толщиной 0,04—0,08 *м*. В ее заполнении, состоящем из большого количества древесного угля и золы, был найден железный нож. Керамика и кости животных были рассеяны по всей площади жилища. Следует отметить, что полуземлянка 3 отличается по своему заполнению от полуземлянки 2. Слой заполнения на глубине 1,2 *м* от современной поверхности (толщиною 0,4 *м*) представляет собою темный, почти черный чернозем, смешанный с большим количеством золы и насыщенный вкраплениями древесного угля, обмазки и камней. Бесспорно, что это остатки развала очага, помещавшегося в очажной яме. Ямные очаги, устроенные в круглой или овальной яме глубиной 0,2—0,3 *м* и нередко расположенные почти в центре жилища, исследовались И. Г. Хынку на поселениях Балкано-Дунайской культуры в Калфе, которое датируется VIII—X вв., и Лукашевке[11]. К юго-востоку от землянки 3 на расстоянии 3,7 *м* вскрыта хозяйственная яма 1 (рис. 2), овальная с ровным дном. Из ее заполнения происходят черепки с линейным и ногтевым орнаментом, относящиеся к IX в., обломок железного ножа, камни и кости животных.

На поселении найдено относительно небольшое количество гончарной керамики как с орнаментацией, так и без нее. Она происходит из куль-

---

[7] *Szabó K.* Az alföldi magyar nép müvelödéstörténeti emlékei. Kemencék.— Biblioteca Humanitatis Historica. 3. Budapest, 1938, s. 88, 89 old.

[8] *Эрдели И., Симонова Е.* Ук. соч.

[9] *Багрій Р. С.* Нові слов'янські і древньоруські пам'ятки на території Волині.— МДАПВ, вип. 4. Київ, 1962, с. 120—130.

[10] *Хынку И. Г.* Ук. соч., с. 8, 9.

[11] *Хынку И. Г.* Ук. соч., с. 8, 9.

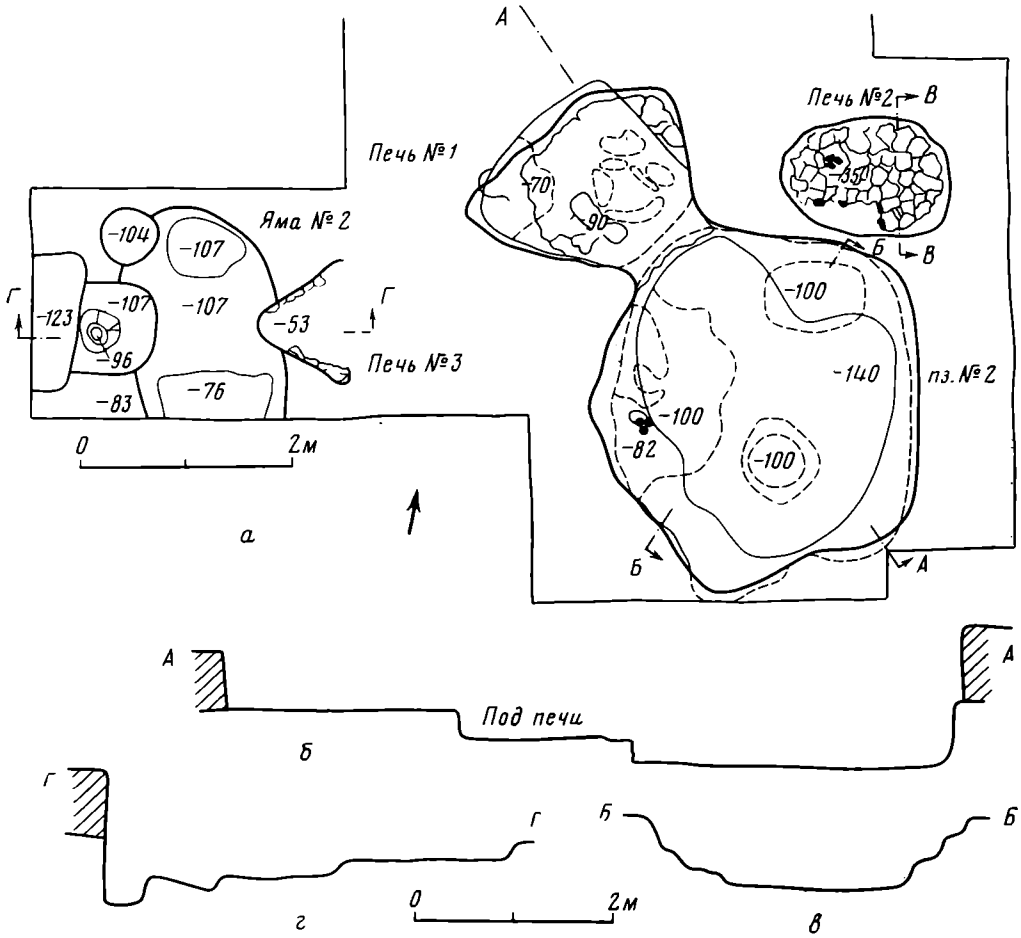


Рис. 3. Полуземлянка № 2, глинобитные печи № 2 и 3, хозяйственная (№ 2) и предпечная ямы на поселении в Залавар-Резеш. Раскоп Б. Глубина указана от поверхности земли

турного слоя, из заполнения жилищ, хозяйственных ям, глинобитных печей и очага. Керамика изготовлена на примитивном гончарном круге и довольно однородна. Обжиг довольно хороший, цвет черепков серый и розоватый, в профиле, как правило, однослойный или двухслойный. Поверхности шероховатые, примесь в тесте — кварцевый песок, иногда органические добавления, выгоревшие в период обжига. Обычно толщина стенок сосудов колеблется в пределах от 0,5 *см* до 1 *см*. Исключение составляет небольшое количество фрагментов, толщина стенок которых колеблется от 1,3 до 3,5 *см*.

Из фрагментов керамики, выстилавших под печи 1 в полуземлянке 2, удалось восстановить четыре горшка (рис. 4, *1, 3, 4, 5*). Ниже указаны их высота, диаметры горловины и дна, толщина стенок в последовательности расположения горшков на рисунке: 13—12—9—0,7 *см*; 22—14—10—0,7 *см*; 19—12—9,5 — от 0,5 до 0,7 *см*; 18,5—16—9—0,7 *см*. Горшок, собранный из нижней части заполнения полуземлянки 3 (с глубины 0,8—1 *м*), имеет размеры 14,5—14,5—8—0,5 *см* (рис. 4, *2*). Тесто горшков плотное однородное, с вкраплениями кварцевого песка.

Можно указать аналогии для отдельных сосудов. Например, горшок на рис. 4, *3* имеет близкие аналогии по форме на поселении VIII—IX вв. Радванка (окраина г. Ужгорода) [12], а сосуд на рис. 4, *5*— в

[12] *Бернякович К. В.* Исследования древнеславянского поселения VIII—IX вв. в г. Ужгороде.— КСИА АН УССР, № 3, 1954, с. 39—48.

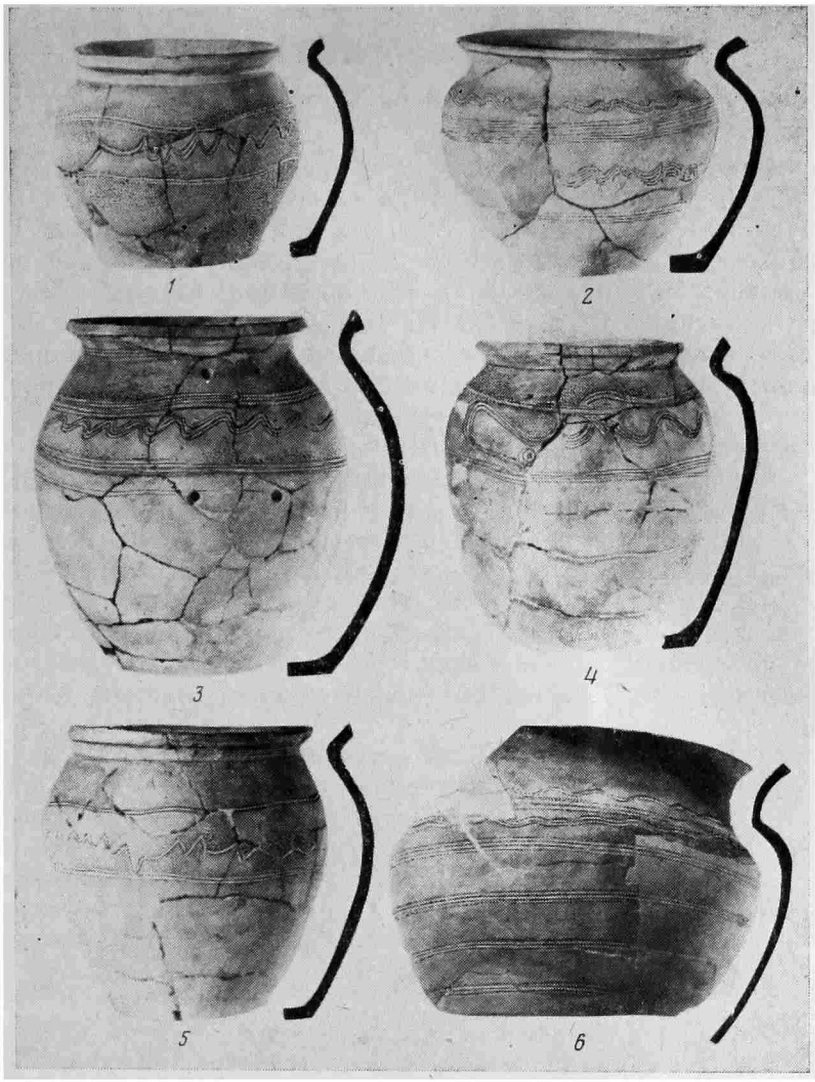


Рис. 4. Горшки с поселения в Залавар-Резеш (*1, 3—6* — из полуземлянки 2; *2* — из полуземлянки 3)

Блучине (Чехословакия) [13]. В целом же керамический материал с поселения Залавар-Резеш, так же как из Залавара и Фенекпусты, по форме, орнаментации сосудов и по технике их изготовления ближе всего к славянской посуде из Моравии и Южной Словакии, согласно периодизации И. Поулика относящейся к среднегородищенскому периоду, который датируется 800—950 гг. [14] Аналогии прослеживаются в керамическом материале поселений IX—X вв. у с. Гергеиугорня [15], у Радванки (окрестности Ужгорода) [16], на Волыни [17] и в Молдавии [18].

На поселении в Залавар-Резеше эпохой меди датированы жилище 1 и детское скорченное погребение, остальные находки относятся к IX в.

---

[13] *Poulik J.* Staroslavanska Morava.— Monumenta Archaeologica, I. Praha, 1948, s. 181—192.
[14] Ibid.
[15] *Эрдели И., Симонова Е.* Ук. соч.
[16] *Бернякович К. В.* Ук. соч., с. 39—48.
[17] *Багрій Р. С.* Ук. соч., с. 120—130.
[18] *Хынку И. Г.* Ук. соч.

Н. В. МЯСНИКОВА

К ДЕНДРОХРОНОЛОГИИ СМОЛЕНСКА

(по материалам раскопа XI по ул. Соболева)

Дендрохронологическая шкала для средневекового Смоленска была создана Н. Б. Черных в 1967—1972 гг. Ее протяженность — 635 лет, крайние точки — 1605 г. и 70-е годы XI в.[1] В 1976 г. были закончены археологические работы на раскопе УС—XI, причем собрана новая коллекция спилов. Она насчитывает 380 образцов, взятых с сооружений, вскрытых за период 1971—1976 гг. Все образцы относятся к хвойным породам деревьев — сосне и ели обыкновенной. Для дендрохронологического анализа оказались пригодными 258 образцов. Выбраковка 122 штук произошла по их недостаточному возрасту.

Образцы распределяются по 18 нижним ярусам раскопа — с третьего по 20-й — и представляют 56 сооружений. К числу положительных сторон коллекции относится хорошая сохранность древесины и ее удовлетворительный возрастной состав. Наибольшее количество образцов падает на возрастные категории 30—40, 40—50, 50—60 лет (27, 26 и 17%), 14 деревьев коллекции имеют очень высокий возраст — свыше 100 лет. Средний возраст деревьев 52 года. К сожалению, в изученной коллекции явно недостаточно количество (не больше 1—2) образцов по каждой отдельной постройке, хотя образцы брались экспедицией везде, где это было возможно.

При работе использована общепринятая методика. Замер годичных колец производился на бинокулярном стереоскопическом микроскопе МБС-2. По результатам замеров были построены полулогарифмические кривые роста деревьев. Сначала были сопоставлены между собой кривые образцов одного и того же яруса. Затем на основе долголетних кривых ярусы удалось связать между собой. Абсолютная привязка нового материала во времени осуществлялась путем сопоставления кривых по минимумам и максимумам с дендрошкалами Новгорода и Смоленска (рис. 1, 2, 3, 4).

Новая дендрохронологическая шкала, составленная на материале раскопа УС—XI, строится на основе 186 полулогарифмических кривых и имеет протяженность 495 лет. Ее крайние точки — 1064 и 1559 г. Наибольшее сходство с имеющимися шкалами Новгорода и Смоленска обнаруживают кривые, относящиеся к XIII в. Общая дендрошкала Смоленска имеет теперь протяженность 541 г. и крайние точки 1064 и 1605 г.

На основе абсолютных дат рубки 186 бревен можно предложить следующую датировку строительных ярусов раскопа и некоторых его сооружений.

3-й ярус (4 датированных образца) — 50-е годы XVI в. **4-й ярус** (14 обр.). Хорошо представленный частокол сруба 19 можно достаточно уверенно датировать началом 20-х годов XVI в., сруб 16—1526 г., а ярус в целом — 10—20-ми годами XVI в. **5-й ярус** (9 обр.). Компактную группу сооружений яруса — сруб 20, настил и частокол — можно предположительно датировать 1506—1509 г., 5-й ярус получает дату — последнее десятилетие XV — первое десятилетие XVI в. **6-й ярус** (20 обр.) — начало 70-х — конец 80-х годов XV в. В ярусе можно датировать два частокола 1483 и 1473 г., а одно из сооружений — 1484 г. **7-й ярус** (13 обр.) — 50-е — 60-е годы XV в. Можно датировать 1462 г. частокол, образцы

---

[1] *Черных Н. Б.* Абсолютные даты деревянных сооружений древнего Смоленска.— Материалы по изучению Смоленской области, вып. VI. М., 1967; *ее же.* Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы.— В сб.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972, с. 101. Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н. Б. Черных за оказанную помощь в работе.

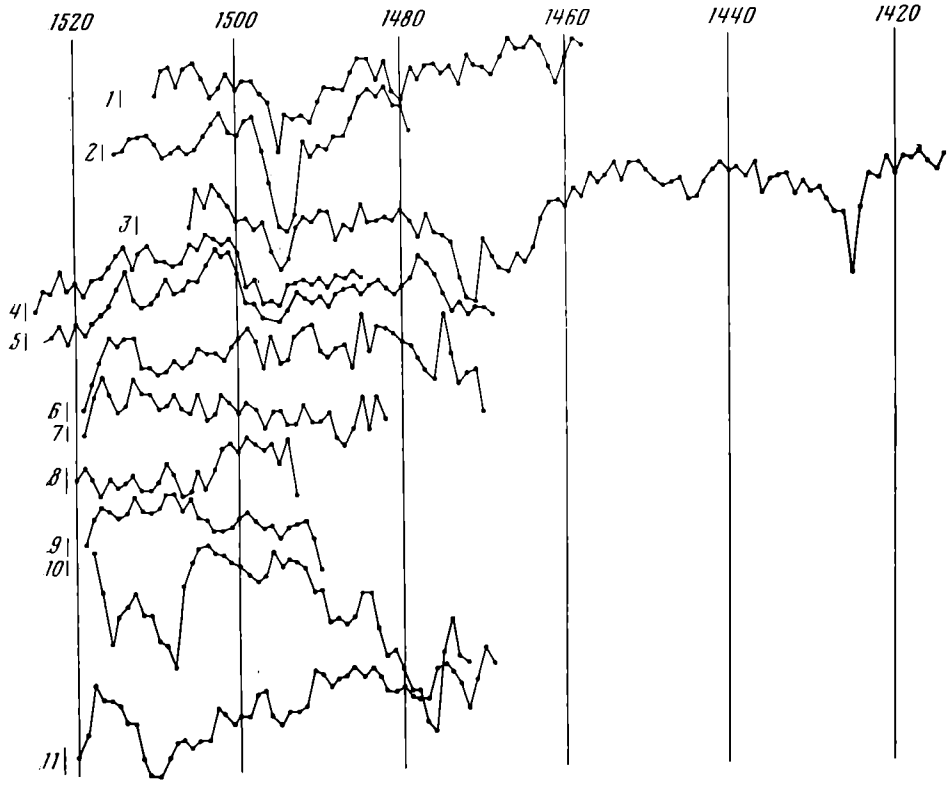


Рис. 1. Сводная таблица сопряженных кривых роста годичных колец дерева 4-го яруса раскопа XI по ул. Соболева (XV—XVI вв.)

которого дают одну и ту же дату рубки бревен. **8-й ярус** (21 обр.) укладывается в отрезок времени начало 90-х годов XIV — первое десятилетие XV в. Один из настилов 8-го яруса датируется 1408—1409 г., а крупный дворовый настил, представленный, к сожалению, лишь двумя образцами,— предположительно 1396 г. **9-й ярус** самый богатый по материалу. 28 образцов получили даты рубки бревен. Настил можно твердо датировать 1382 г., а ярус в целом — концом 60-х — серединой 80-х годов XIV в. **10-й ярус** (12 обр.) датируется концом 20-х — серединой 40-х годов XIV в. В 10-м ярусе получены даты двух настилов — 1338 и 1330 гг. **11-й ярус** (5 обр.) представлен отдельными бревнами, даты рубки которых распределяются на хронологическом отрезке 1268 — 1312 гг. **12-й ярус** (7 обр.) отмечается на шкале компактной группой дат и укладывается в 50-е годы — рубеж 50-х— 60-х годов XIII в. Настил 12-го яруса датируется 1260 г. **13-й ярус** (6 обр.) датируется серединой 30-х — серединой 40-х годов XIII в. **14-й ярус** (7 обр.) относится к первому десятилетию XIII в. **15-й ярус** (3 обр.) датируется, видимо, 90-ми годами XII в. В нем может быть датирован сруб 52—1191 г. **16-й ярус** выделяется среди нижних ярусов значительным числом образцов (16). В нем два частокола датируются 1179 и 1177—1179 гг. Ярус относится к середине 70-х — середине 80-х годов XII в. **17-й ярус** (5 обр.) можно отнести к 60-м — началу 70-х годов XII в. **18-й ярус** (6 обр.) датируется серединой 40-х — началом 50-х годов XII в. Частокол 18-го яруса можно датировать 1152 г. **19-й ярус** (8 обр.) размещается в хронологическом отрезке 20-е — начало 30-х годов XII в. Дата одного из частоколов — 1125 г.

В 20-м ярусе датируется лишь один, наиболее поздний сруб (№ 67) первым десятилетием XII в. (1110 г. на основании двух образцов). Остальные кривые 20-го яруса не получили абсолютной привязки вследствие большой индивидуальности развития деревьев. Кривые 20-го яруса образуют относительную шкалу и четко делятся в ней на две хронологиче-

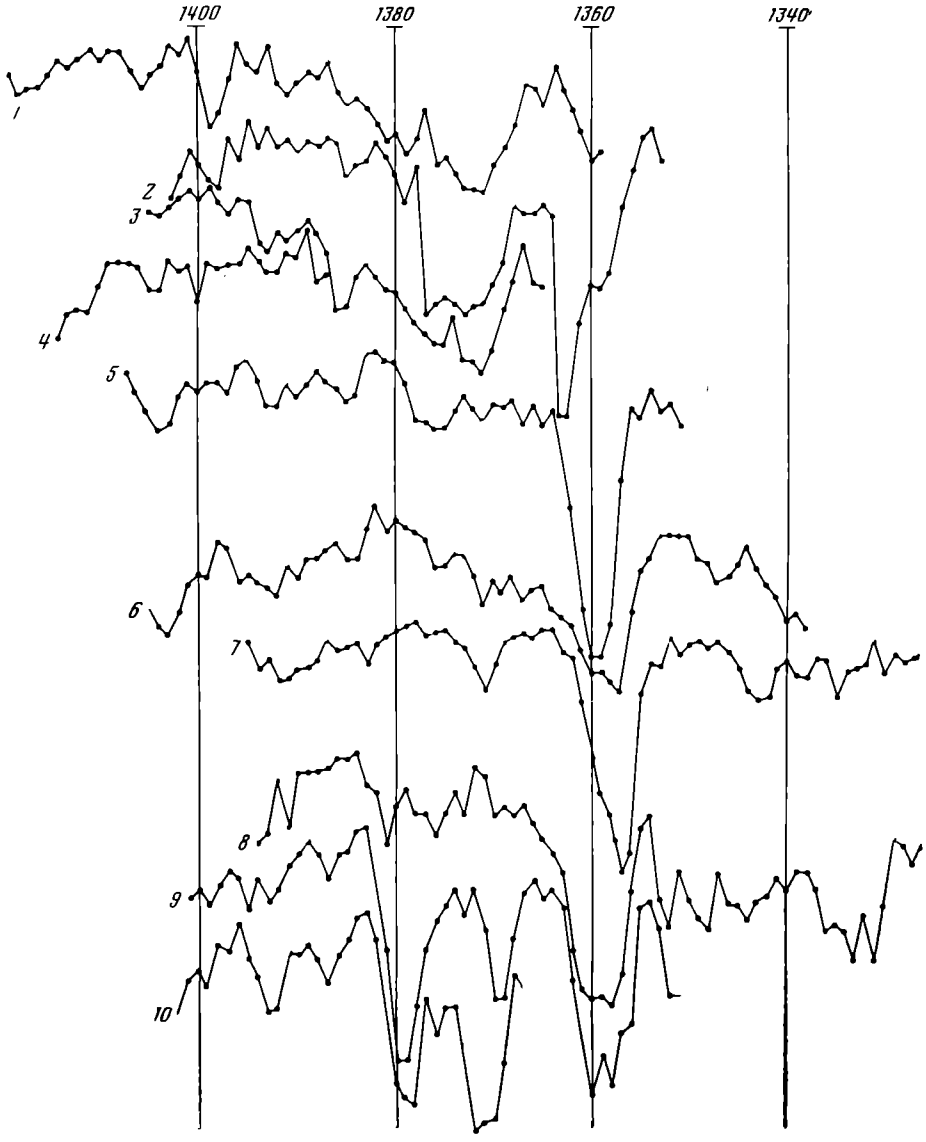


Рис. 2. Сводная таблица сопряженных кривых роста годичных колец дерева 8-го яруса раскопа XI по ул. Соболева (XIV—XV вв.)

ские группы. Даты рубки бревен этих хронологических групп отстоят друг от друга на интервал в 50 лет. Если предположить, что даты поздней группы располагаются около 1110 г., то даты ранней попадают на 60-е годы XI в.

При сопоставлении дат, полученных Н. Б. Черных для строительных ярусов раскопов УС—VIII, IX, с новыми датами для раскопа УС—XI обнаружилось совпадение дат ярусов с 8-го по 13-й. 12-й ярус совпадает точно: 50-е годы XIII в. Датировка материала 9-го и 13-го ярусов обеих коллекций дополняют одна другую, становятся шире. Время ярусов 14, 15, 16 первой коллекции приходится на период от 1200 до 1112 г. По данным раскопа УС—XI в этот период включаются и более нижние ярусы, с 15-го по начало 20-го. Материал обеих коллекций для этого периода немногочислен.

Доверять датировке на основе коллекции раскопа УС—XI можно по следующим соображениям: 1) в коллекции имеется многолетняя кривая (190 лет, образец № 301), которая сопоставляется с кривыми образцов 11—19-го ярусов и синхронизируется с кривыми новгородской шкалы на уча-

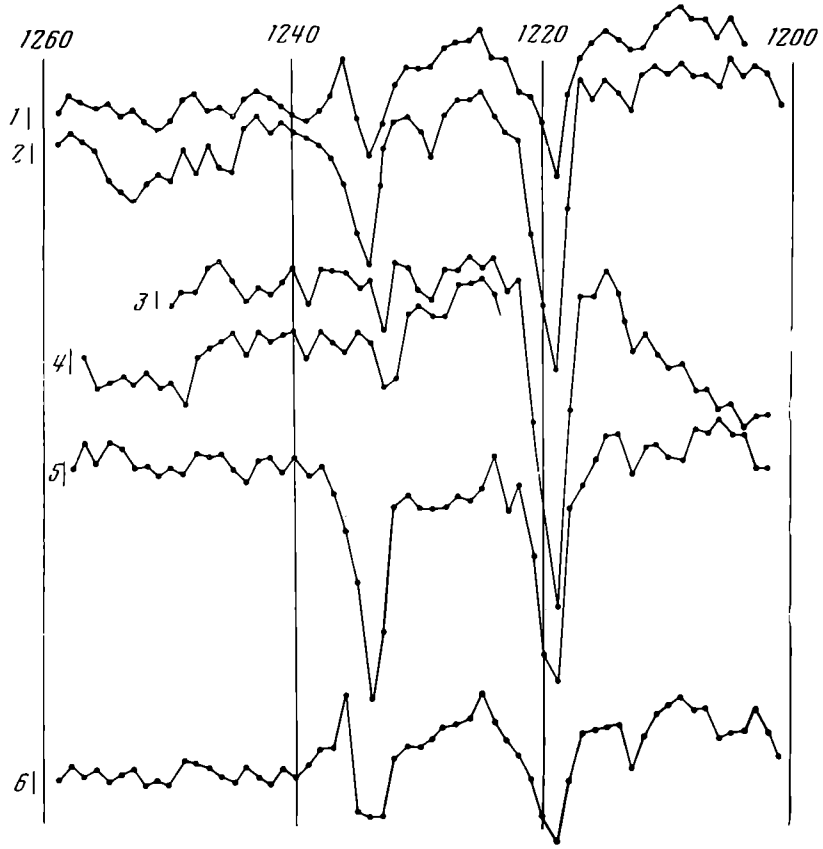


Рис. 3. Сводная таблица сопряженных кривых роста годичных колец дерева 12-го яруса раскопа XI по ул. Соболева (XIII в.)

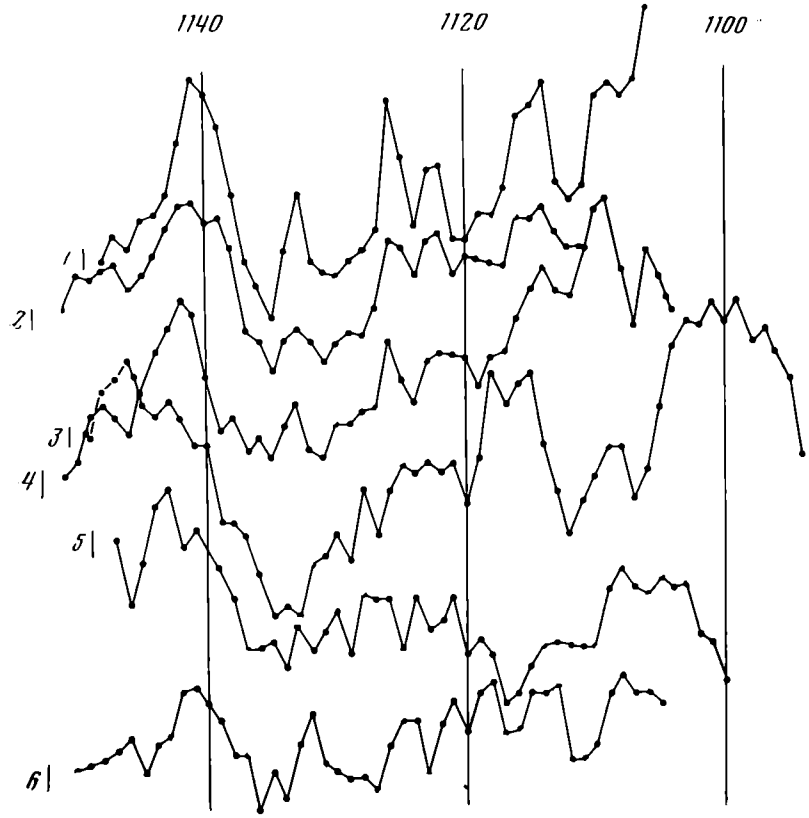


Рис. 4. Сводная таблица сопряженных кривых роста годичных колец дерева 18-го яруса раскопа XI по ул. Соболева (XII в.)

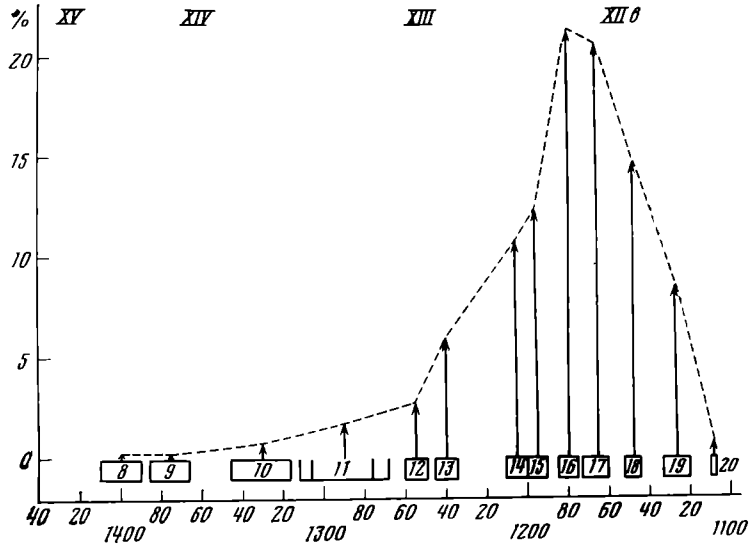


Рис. 5. Хронологический график распространения стеклянных браслетов. (На хронологической оси абсцисс прямоугольниками обозначены дендрохронологические даты ярусов. Хронологический отрезок 11-го яруса отмечен прямой линией с вертикальными штрихами. По оси ординат над каждым прямоугольником стрелкой обозначено количество стеклянных браслетов, соответствующее данному ярусу, в процентах относительно всего количества стеклянных браслетов, найденных на раскопе XI по ул. Соболева.)

стке 1102—1293 гг., а также с кривыми шкалы смоленских раскопов УС—XIII и IX на том же участке; 2) представленность срубов; 3) хорошая представленность образцами 16-го и 19-го ярусов (16 и 15 шт).

Даты верхних ярусов обеих коллекций показывают значительные расхождения. Это возможно по следующим причинам: 1) материал, представляющий ярус в коллекции, является выборкой из всего дерева яруса и поэтому даты рубки бревен отмечают на шкале только часть времени его существования. Это особенно относится к верхним ярусам, так как они представлены наиболее отрывочно вследствие плохой сохранности дерева; 2) периоды строительства жилых сооружений разных частей улицы могут не совпадать (в противоположность периодам строительства мостовых). В то время как на одном участке существуют сооружения одного яруса, на близлежащем может возникнуть следующий ярус; 3) в верхних слоях изученных раскопов зафиксированы перекопы, что также могло стать причиной расхождений; 4) возможен пропуск яруса при возобновлении работ на раскопе после консервации.

На раскопе УС—XI был найден ряд вещей, по типологическим классификациям имеющих дату (бусы, ключи и замки различных типов, шпоры, кресала, трехбусинные височные кольца, костяные шахматные фигурки). Археологическая датировка не противоречит полученным дендрохронологическим датировкам тех строительных ярусов, в которых найдены вещи.

Случаи более ранней (по сравнению с ярусом) датировки некоторых вещей можно объяснить сохранением вещей в быту в более позднее время.

Распределение во времени стеклянных браслетов, основанное на новых дендродатах для раскопа УС—XI, относится к промежуточному между I и II типами распределений, выделяемых Ю. Л. Щаповой для городов с браслетами в основном киевского производства и городов с собственным производством стеклянных браслетов. В послемонгольских слоях раскопа УС—XI (13—18-й ярусы) зафиксировано 12,6% всех находок (для про-

межуточного типа характерно наличие в послемонгольских слоях от 0,05 до 0,3 находок) [2]. Для Смоленска промежуточный тип распределения стеклянных браслетов является подтверждением их местного производства, доказанного особенностями химического состава и цветовой гаммы изделий [3] (рис. 5).

Распределение шиферных пряслиц раскопа УС—XI соответствует новгородскому [4].

Дендродаты для раскопа УС—XI не вносят существенных корректив в предложенную Т. В. Юркиной хронологическую характеристику смоленской чернолощеной керамики. Первое заметное увеличение ее производства приходится на 6-й ярус — начало 70-х — конец 80-х годов XV в., второе — на 4-й ярус — 10-е — 20-е годы XVI в. [5]

---

[2] *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 173, 174.

[3] Там же, с. 136—142.

[4] *Рыбина Е. А.* Из истории южного импорта в Новгород.— СА, 1971, № 1, с. 261, 262, рис. 1.

[5] *Юркина Т. В.* О чернолощеной керамике Смоленска XIV—XVII вв.— В сб.: Проблемы истории СССР, вып. V. М., 1976.

И. В. БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ, Н. В. САПОЖНИКОВ

О ВЯТИЧСКИХ ДРЕВНОСТЯХ ИЗ СМОЛЕНСКА

В 1890 г. в Смоленске на территории усадьбы Станиславского, расположенной на Безымянной улице в западной части смоленской крепости начала XVII в., была найдена серия бронзовых украшений, включавшая один разломанный на части перстень, сломанное височное кольцо, поломанный на несколько частей витой браслет из тонкой проволоки и два целых браслета (рис. 1). Обстоятельства находки этих украшений неизвестны, за исключением того, что вещи найдены на усадебной земле в саду около обрыва [1]. Украшения были переданы в дар Археологической комиссии и после регистрации поступили в Смоленский историко-археологический музей, где экспонировались в 1908 г. [2] Дальнейшая судьба вещей неизвестна.

В течение долгого времени эти украшения не привлекали к себе внимания исследователей, краткая информация о них содержалась в отчете Археологической комиссии и в работе А. А. Спицына [3]. Между тем этот комплекс вещей является пока единственной подобной находкой в Смоленске.

Рассмотрим находки подробнее. Кольцо височное (рис. 1, *1*), на рисунке из архивного дела изображено пятилопастным, но между лопастями кольца проходит трещина, а в самом дело оно описано как состоящее из двух обломков. Вероятнее всего, две лопасти утрачены. А. А. Спицын называет кольцо семилопастным. По классификации В. П. Левашевой, оно относится к типу простых с округлыми лопастями, без колечек у основания дужек и датируется XI — началом XII в. [4] Т. В. Равдина от-

---

[1] Книга записей кладов. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1887, № 72, л. 180 об.; Дело ИАК о древних бронзовых украшениях, найденных в городе Смоленске на усадьбе г-на Станиславского на Безымянной улице. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1890, № 105, л. 1—5. Вещи публикуются впервые по рисунку из указанного архивного дела (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1890, № 105, л. 3).

[2] *Грачев В. И.* Краткий каталог предметов древностей Смоленского городского историко-археологического музея. Смоленск, 1908, с. 12.

[3] ОАК за 1890 г. СПб., 1893, с. 113, 146, 147; *Спицын А. А.* Обозрение некоторых губерний и областей в археологическом отношении.— ЗРАО, СПб., 1899, т. XI, вып. 1—2, с. 184.

[4] *Левашева В. П.* Височные кольца.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 44.

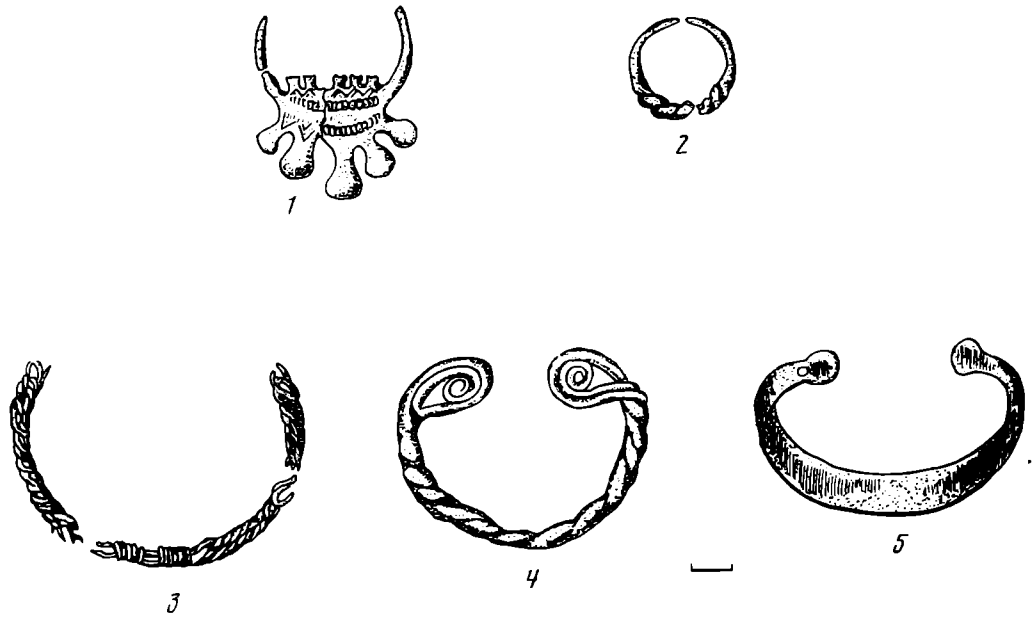


Рис. 1. Вятичские древности из Смоленска. *1* — височное кольцо; *2* — перстень; *3*—*5* — браслеты

носит подобные кольца к IV типу колец с закругленными лопастями, без колечек у основания дужек и датирует их первой четвертью — серединой XII в.[5] Если предположить, что на рисунке соединены части двух разных семилопастных височных колец (поскольку на рисунке орнаментация двух частей кольца не совпадает), то оба они относятся к одному типу простых семилопастных колец. Если предположить, что одно из них было пятилопастным, то оно относится к типу простых без колечек у основания дужек и датируется XI—XII вв.[6] Таким образом, дата рассматриваемого кольца не позже начала — середины XII в.

Перстень с несомкнутыми концами (рис. 1, *2*), по архивному рисунку невозможно установить его тип. Это или рубчатый, или, и это скорее всего, ложновитой простой перстень, которые имели широкое распространение на территории Древней Руси в X—XIII вв.[7]

Браслет плетеный без каркаса, завязанный (рис. 1, *3*), представлен тремя фрагментами. В архивной записи назван витым. Этот тип браслетов бытует в XI—XII вв., он известен в смоленских захоронениях, курганах радимичей, южной Белоруссии и т. д.[8]

Браслет витой, тройной, петлеконечный (рис. 1, *4*). Подобные браслеты встречаются на широкой территории, в частности в пределах Смоленской земли, в слоях XI—XIV вв. Новгорода, курганах вятичей и Ленинградской обл.[9]

Браслет пластинчатый овальноконечный (рис. 1, *5*). На территории Смоленской земли подобные браслеты встречены в погребальных комп-

---

[5] *Равдина Т. В.* Хронология «вятических» древностей. Канд. дис. М., 1975; Архив ИА АН СССР, р-2, № 2154, с. 47, 77, рис. 4, *17*.

[6] *Левашева В. П.* Ук. соч., с. 34, 45.

[7] *Недошивина Н. Г.* Перстни.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 264.

[8] *Спицын А. А.* Радимические курганы.— ЗРАО, т. VIII, вып. 1. СПб., 1896, с. 95, 96, табл. V, *3*; *Успенская А. В.* Курганы Южной Белоруссии.— Тр. ГИМ, вып. 22, 1953, рис. 4, *2*.

[9] *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода.— МИА, 1959, № 65, с. 247, рис. 8, *1*; *Арциховский А. В.* Курганы вятичей.— ТСА РАНИОН, М., 1930, с. 138; *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского.— МАР, № 20, 1896, табл. II, *8*.

лексах всего два раза и датируются XI — началом XII в.; аналогии им известны из вятичских курганов и слоев XII—XIII вв. Новгорода [10].

По своему составу рассматриваемый комплекс очень близок к женским погребальным инвентарям курганных захоронений юго-восточной и восточной частей Смоленской земли (поречье Угры с притоками Воря и Сигоза, Снопоти). В основном только в этой части Смоленщины зафиксированы массовые находки семилопастных височных колец в погребениях, немногочисленные находки пластинчатых овальноконечных браслетов также сосредоточены в этом районе (реки Снопоть, Воря) [11]. Именно в этой части древней территории Смоленской земли встречено такое разнообразие типов браслетов, сопровождающих одну погребенную. Так, например, в кург. 20 у дер. Бочарово найдено пять браслетов, среди них один витой четверной, один пластинчатый овальноконечный и три пластинчатых браслета других форм; в кург. 37 у дер. Коханы найдено восемь браслетов, среди них витые, «шумящий», пластинчатые; в кург. 46 той же группы обнаружено шесть браслетов [12].

Установить, каким образом этот комплекс вещей попал в пределы городской территории Смоленска, весьма сложно. Можно рассматривать эти вещи как составные части вещевого клада, сложившегося не позднее начала — середины XII в. На эту дату указывает время наибольшего распространения рассмотренного типа височных колец и овальноконечных пластинчатых браслетов. Но скорее всего этот вещевой комплекс представляет собой погребальный инвентарь, сопровождающий захоронение сельского типа и, вероятно, вятичской женщины. В таком случае остатки этого погребения, датирующегося началом — серединой XII в., интересны тем, что это самая западная находка вятичского захоронения в Смоленской обл., пока единственная находка на территории города. Вероятно, вплотную к Смоленску, так же как и к другим древнерусским городам, подступали сельские поселения со своими кладбищами курганного типа, уничтоженные по мере роста города.

На видах Смоленска 1611 и 1627 гг. изображен вал, который шел с востока на запад и делил крепость на две части. По мнению С. П. Писарева, этот вал являлся одним из древнейших укреплений города и относился к домонгольскому времени. Правда, точка зрения С. П. Писарева ничем не аргументировалась [13]. Применительно к топографии города конца XIX в. вал, по описанию С. П. Писарева, проходил таким образом, что местоположение Безымянной улицы и вместе с тем погребения с рассмотренным комплексом вещей по отношению к нему неизвестны. Если предположить, что погребение находилось за пределами этого земляного укрепления, то вал был насыпан к началу — середине XII в.; если захоронение располагалось внутри этого укрепления, то вал был возведен после середины XII в.

---

[10] *Белоцерковская И. В.* Этнический состав населения Смоленской земли в XI—XII вв. (по данным погребального обряда). Канд. дис. М., 1976, с. 155; *Седова М. В.* Ук. соч., с. 252; *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв.— МИА, № 177, 1963, с. 234; *Левашева В. П.* Браслеты.— Тр. ГИМ, вып. 43, 1967, с. 238, 239, 251.

[11] *Белоцерковская И. В.* Ук. соч., с. 43, 155.

[12] *Булычев Н. И.* Раскопки по среднему течению р. Угры (Ока), бассейн Волги.— ЗМАИ, т. XXXI, 1913, с. 74, 75, табл. VII, рис. 49, 50; *его же.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, с. 74, 75; Фонды ГИМ, II отдел, хр. № 119/54[а], 125/33[б], 101/22[а].

[13] *Писарев С. П.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, с. 201.

Критика и библиография

Kalicz N., Makkay J. Die Linienbandkeramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene.— Studia Archaeologica, Bd VII. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1977, 385 S., 47 Abb., 189 Taf. und 8 Karten.

В серии «Studia Archaeologica», которую издает Археологический институт Венгерской Академии наук [1], в конце 1977 г. вышла в свет монография, подготовленная сотрудниками института Н. Калицем и Я. Маккаи. Авторы книги хорошо известны археологической общественности работами в области неолита, медного и бронзового века Карпатско-Дунайского бассейна. Н. Калиц — автор ряда книг о раннем бронзовом веке Северо-Восточной Венгрии [2], о связях баденской культуры медного века и Анатолии [3], об общих проблемах неолита и медного века Венгрии [4], изложенных достаточно популярно, чтобы стать достоянием широкого читателя. Его статья о баденских повозках была недавно опубликована в журнале «Советская археология» [5]. Я. Маккаи работает над проблемами южных связей неолитических и энеолитических культур Венгрии [6], занимается вопросами изучения первобытной идеологии [7].

Настоящую монографию давно уже ожидали специалисты в области неолита Средней и Восточной Европы. К сожалению, между ее написанием и выходом в свет прошло много времени. Рукопись книги была уже готова в 1971 г. Ее окончательный вариант был завершен, вероятно, в конце 1972 — начале 1973 г., судя по тому, что последние работы, включенные в библиографию книги, относятся к 1972 г. За истекшие с тех пор пять лет проводились новые раскопки и разведки, в том числе и авторами монографии, в результате которых были получены новые и важные материалы, вышли новые книги [8] и статьи по той тематике, которой посвящена книга. В таких случаях авторы поступают по-разному: одни стараются дополнить и переработать свой текст, другие, как например И. Бона [9], в конце каж-

[1] Об изданиях Института археологии ВАН см. подробнее: *Титов В. С., Эрдели Н.* Современная организационная структура археологии в Венгерской Народной Республике.— СА, 1973, № 3.

[2] *Kalicz N.* Die Frühbronzezeit in Nordostungarn.— AH, XLV. Budapest, 1968.

[3] *Kalicz N.* Die Péceler (Badener) Kultur und Anatolien.— StA, II. Budapest, 1963.

[4] *Kalicz N.* Clay Gods. The Neolithic Period and Copper Age in Hungary. Budapest, 1970.

[5] *Калиц Н.* Новая находка модели повозки эпохи энеолита из окрестностей Будапешта.— СА, 1976, № 2.

[6] *Makkay J.* Zur Geschichte der Erforschung der Körös — Starčevo — Kultur und einigen ihrer wichtigsten Probleme.— AAH, № 21. Budapest, 1969; *idem.* «Das Frühe Neolithikum auf der Otzaki Magula» und die Körös — Starčevo — Kultur.— AAH, № 26, 1974; *idem.* Problems concerning copper age chronology in the Carpathian Basin.— AAH, № 28, 1976.

[7] *Makkay J.* Die balkanischen sog. kopflosen Idole. Ihr Ursprung und ihre Erklärung.— AAH, № 14, 1962; *idem.* Adatok a péceli (badeni) kultura vallásos elképzeléseihez.— AÉ, № 90, 1963; *idem.* Early Near Eastern and South European Gods.— AAH, № 16, 1964.

[8] Например: *Vizdal J.* Zemplín v mladšej dobe kamennej. Košice, 1973; *Lichardus J.* Studien zur Bükker Kultur.— In: Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde, Bd 12. Bonn, 1974.

[9] *Bóna I.* Die mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen.— AH, IL, 1975.

дой главы своей книги помещают небольшой раздел с итогами рассмотрения новых данных, полученных с момента окончания работы над рукописью и передачи ее в издательство, третьи оставляют текст рукописи без значительных изменений, хотя позиция авторов могла уже измениться. Н. Калиц и Я. Маккаи, по-видимому, избрали этот последний путь. Тем труднее положение рецензента, поскольку ему иногда, возможно, придется говорить о взглядах, которые в действительности уже изменились, и возражать против позиций, которых уже не придерживаются.

Монография начинается с предисловия (с. 9, 10), в котором авторы указывают на значительное увеличение объема материалов по линейно-ленточной керамике Восточной Венгрии с момента появления в 1929 г. широко известной книги Ф. Томпы «Ленточная керамика в Венгрии» [10]. Новые материалы нуждаются в публикации, и этим целям в значительной степени посвящена рассматриваемая работа. Многие материалы, вошедшие в монографию, получены самими авторами в ходе археологических исследований за последние 20—25 лет. Однако, как подчеркивают авторы, изучение экономических и общественно-исторических проблем раннего и среднего неолита Алфёлда является задачей будущего.

В разделе «История изучения» (с. 11—17), отправной точкой которого является книга Ф. Томпы, авторы останавливаются на исследованиях, проведенных венгерскими археологами в 30—60-х годах XX в. в области среднего неолита, а именно на важных работах Я. Баннера в районе г. Ходмезёвашархей и Ш. Галлуса в районе Тальи, на взглядах Й. Чалога и И. Куциан, раскопках Й. Корека и П. Патаи и на статьях некоторых словацких археологов по вопросам, так или иначе связанным с линейно-ленточной керамикой в восточной части Карпатского бассейна. В заключение раздела Н. Калиц и Я. Маккаи формулируют свое представление о культуре линейно-ленточной керамики на Большой Венгерской низменности (Алфёлде) следующим образом: «...специфическая керамика с линейно-ленточными узорами, встречающаяся в Карпатском бассейне между Дунаем и Семиградьем, принадлежит к одной культуре, которая должна быть названа линейно-ленточной керамикой Большой Венгерской низменности (Алфёлда)» (с. 17). Далее авторы подчеркивают, что этот термин объединяет все то, что другие исследователи называли керамикой протобюкк, восточнословацкой и восточнокарпатской линейной керамикой. Далее Н. Калиц и Я. Маккаи включают в него и «...те локальные группы, в материале которых продолжают жить далее еще элементы и традиции АЛК [11], но которые, однако, показывают также уже отклоняющиеся черты» (с. 17). Имеются в виду группы Тисадоб, Бюкк, Силмег, Эстар. Особое место, по мнению авторов, занимает только группа Сакалхат, на которую при ее возникновении воздействовали более сильные западные и южные влияния.

Такая концепция культуры АЛК представляется недостаточно четкой и содержащей некоторые противоречия. Одно из них выступает уже в вышеизложенном: если группы Тисадоб, Силмег, Бюкк и Эстар являются частью АЛК, то как в их материалах могут продолжать жить далее элементы АЛК?! Очевидно, авторы пользуются двумя разными понятиями — культура АЛК в широком и в узком смысле. Группа Силмег не обнаруживает в своей керамике даже самых типичных признаков линейно-ленточной керамики, как линейная орнаментация, не говоря уже о формах сосудов. Между тем авторы включают ее в культуру АЛК. Группа Сакалхат имеет очень типичную ленточную орнаментацию, но эту группу авторы «рассматривают особо». Далее при столь широком понимании культуры АЛК невозможно вывести общие черты, свойственные всей культуре, в керамике, ее формах, технике и системе орнаментации. Культура АЛК в широком смысле слова — это скорее

---

[10] *Tompa F.* Die Bandkeramik in Ungarn.— AH, V—VI, 1929.

[11] Калиц и Маккаи в своей монографии используют сокращение AVK венгерского термина «alföldi vonaldiszes kerámia». Оно не объяснено в тексте и, поскольку в остальных случаях используется немецкий термин «Linienbandkeramik», остается непонятным. Сам термин «линейно-ленточная керамика Алфёлда» представляется не вполне удачным, поскольку лента как таковая в данной культуре появляется поздно. Для ранней ступени характерен скорее линейный орнамент. Поэтому предлагаемый нами термин «алфёлдская линейная керамика (АЛК)» кажется более удачным.

культурно-исторический регион, для которого характерны тесные связи распространенных в нем культур и культурных групп и близкие линии развития на протяжении значительного отрезка времени, а не одна культура. Недаром на последующих страницах монографии вместо «культуры АЛК» частро встречается термин «культурный круг АЛК».

Видимо, скорее следует говорить о культуре АЛК только в узком смысле и о поздних (в пределах среднего неолита) культурах и культурных группах, в большей или меньшей степени генетически связанных с культурой АЛК.

Раздел монографии «Возникновение алфёлдской линейно-ленточной керамики. Группа Сатмар» (с. 18—29) выпадает из хронологических рамок, намеченных авторами книги, а именно из среднего неолита. В этом разделе рассматривается выделенная Н. Калицем и Я. Маккаи около 10 лет назад ранненеолитическая группа Северо-Восточной Венгрии, поскольку именно эта группа считается имеющей непосредственное отношение к вопросу о возникновении АЛК. Но этот вопрос, как вопрос о возникновении любой археологической культуры, пожалуй, самый сложный из встающих перед исследователями. Его следует рассматривать и решать лишь после изучения культуры во всех ее аспектах, ее ареала, хозяйственных особенностей, характерных черт керамики, орудий труда, домостроительства, связей и хронологии, т. е. всего того, что делает культуру культурой. Поэтому, вероятно, лучше было бы раздел о группе Сатмар перенести в конец монографии, после того, как все аспекты культуры АЛК уже будут рассмотрены, тем более, что в резюмирующем разделе книги авторы вновь обращаются к вопросу о происхождении АЛК в ряду ранне- и средненеолитических культур Венгрии. Правда, при этом пришлось бы отойти от хронологической последовательности изложения.

Выделение группы Сатмар, несомненно, является важным вкладом Н. Калица и Я. Маккаи в изучение неолита Карпато-Дунайского бассейна. Ими выявлен ареал памятников данной группы — к северу от кёрёшских, все памятники разделены на две ступени — раннюю, синхронную с культурой Кёрёш и позднюю, одновременную позднейшим памятникам культуры Кёрёш, так называемой «Протовинче», описана керамика обеих ступеней, уделено внимание пластике и орудиям труда, рассмотрены вопросы хронологии. Следует, однако, обратить внимание на то, что из 12 памятников группы Сатмар на территории ВНР только на трех проведены научные раскопки, а из двух памятников, отнесенных к ранней фазе, ни один не дал замкнутых комплексов находок. Материал на этих двух памятниках был собран после глубокой вспашки, а потому может изучаться лишь типологически. Поэтому почти ничего неизвестно о домостроительстве носителей культурной группы Сатмар, об особенностях их хозяйства.

Происхождение группы Сатмар не вызывает больших сомнений — слишком сильны ее связи, особенно на ранней ступени, с югом, с культурно-исторической общностью древнейших земледельцев Юго-Восточной Европы, в которую входят культуры Кёрёш, Старчево, Криш, Караново I и др. Тем не менее определенные отличия группы Сатмар от культуры Кёрёш Алфёлда заставляют искать непосредственных предков этой группы скорее в Трансильвании, чем в Алфёлде.

Определенные вопросы возникают и при изучении перехода от ранней ступени (фазы) группы Сатмар к поздней. Этот переход, видимо, не был достаточно гладким и непосредственным: на поздней ступени появляются новые керамические группы, большое развитие приобретает роспись. Последнее является еще одним подтверждением того факта, что группа Сатмар лишь в малой степени связана происхождением с культурой Кёрёш, для которой роспись отнюдь не характерна и встречается очень редко.

Самым сложным и спорным является вопрос о том, каково отношение группы Сатмар к АЛК, в какой мере группа Сатмар может считаться очагом возникновения культуры АЛК, как это считают авторы монографии. Правда, на некоторых из поздних памятников группы Сатмар появляется керамика с линейной ориентацией. Но она или резко отличается от АЛК, особенно ранней, как, например, найденная в Тисачеге-Хомокбанья посуда отличается по технике изготовления самой керамики и орнамента, по многолинейности узоров (табл. 8), или так похожа на нее (Реткёзберенч-Паромдомб, табл. 12), что напрашивается вопрос, не является ли она

импортной и доказывающей скорее кратковременное сосуществование позднейших памятников группы Сатмар с появляющейся на верхней Тисе АЛК. Немногочисленные черепки АЛК с углубленной линейной орнаментацией не кажутся связанными с традициями группы Сатмар, а являются скорее чем-то чуждым в данной среде. Из форм сосудов группы Сатмар нельзя объяснить таких своеобразных форм сосудов АЛК, как чаши на высоких полых конических поддонах с отверстиями в них или с четырехлепестковыми краями [12] или бутыли с высоким горлом и приземистым туловом, подчетырехугольным в плане. Из орнаментации керамики Сатмар нельзя вывести характерную систему орнаментации АЛК с ее вертикальным членением орнаментального поля и образованием метоп, часто заполняемых меандроидными узорами. В орнаментике группы Сатмар нет и элементов орнаментации АЛК — отдельных изогнутых линий, волн и пр. Исходя из этого, различия между группой Сатмар и культурой АЛК представляются столь большими, что «основной этникум» их не может быть одинаковым, причем основное население группы Сатмар близко носителям культуры Кёрёш в ее трансильванском варианте.

Н. Калиц и Я. Маккаи предполагают, что продвижение на север племен культуры Кёрёш было остановлено поздним мезолитическим населением северо-востока Венгрии на линии Солнок-Береттьоуйфалу. Однако никаких следов существования подобного мезолитического населения до сих пор нет. Отсутствуют и его традиции в кремневом инвентаре культур раннего и среднего неолита. Мне кажется, что материалы Н. Калица и Я. Маккаи доказывают, что продвижение культуры Кёрёш на север было остановлено другой группой ранненеолитических племен, а именно той, которая оставила памятники типа Мехтелек и группы Сатмар. Эти племена, вероятно, поднялись вверх по рекам Самошу и Красной из пределов Трансильвании на верхнюю Тису. Ведь Мехтелек датируется по С-14 первой половиной V тысячелетия до н. э., почти так же, как и достаточно ранние памятники культуры Кёрёш.

О происхождении носителей культуры АЛК можно лишь высказывать предположения, но едва ли вероятно, что макролитический мезолит (типа культуры Эгер, если таковая существовала) образовал основу культуры АЛК, как предполагают Н. Калиц и Я. Маккаи (с. 29). В кремневых и обсидиановых орудиях АЛК нет никаких следов влияния мезолита, ни микролитического геометрического, ни макролитического. К этому же выводу приходит и Э. Бачкаи [13], которая специально исследовала кремневые и обсидиановые орудия труда ранне- и средненеолитических культур Венгрии.

В следующем разделе монографии «Находки раннего и позднего периода алфёлдской линейно-ленточной керамики» (с. 30—37) Н. Калиц и Я. Маккаи имеют в виду культуру АЛК лишь в узком смысле. Авторы выясняют ее ареал — территорию, ограниченную Марошем на юге, Самошем на востоке и доходящую до Задьвы на западе. Особенно подробно описывается керамика — ее формы, техника изготовления, различные виды орнаментации (пластическая, углубленная, расписная), элементы орнаментации — и делается попытка проследить систему орнаментации. Этот раздел монографии особенно важен, поскольку здесь впервые столь полно и подробно описана алфёлдская линейная керамика как совершенно особое культурное явление. Правда, в этом разделе хотелось бы видеть более четкое разделение между ранней и поздней керамикой, деление, основанное на изучении различных комплексов. Неудачным кажется выражение «ранняя развитая ступень», поскольку оно создает впечатление, что внутри развитой ступени может быть выделена еще и ранняя ступень, хотя в действительности речь идет всего лишь о двух ступенях развития АЛК: ранней (или развитой) и поздней, которая никогда, по материалам Н. Калица и Я. Маккаи, не выступает самостоятельно, а лишь смешанной с отдельными самостоятельными группами. Но керамика не исчерпывает всех материа-

---

[12] Чтобы предупредить недоразумение, следует оговориться, что я считаю сосуд на табл. 9, *3* не относящимся к группе Сатмар, а являющимся типичным для группы Самош среднего неолита.

[13] *Bácskay E.* Early neolithic chipped stone implements in Hungary.— DisArch, ser. II, № 4. Budapest, 1975.

лов культуры АЛК. В этом разделе желательно было бы видеть описание поселений, их расположения и размеров, характерных особенностей домостроительства, типов орудий, всех тех черт материальной культуры, которых авторы касаются в дальнейшем, но уже для всей культуры АЛК в широком смысле слова.

Следующий раздел «Находки поздних групп алфёлдской линейно-ленточной керамики» (с. 38—91) представляет собой самый большой раздел монографии, за исключением каталога. Он довольно неоднороден по структуре и тематике. Первую половину раздела составляет описание керамики тех четырех культурных групп, которые авторы включают в АЛК в широком смысле слова, т. е. групп Тисадоб, Бюкк, Силмег и Эстар, а также типа Сарваш-Эрпарт. Если керамика Бюкка довольно хорошо известна еще по работам Ф. Томпы, Й. Корека и словацких археологов, то о группе Тисадоб до недавнего времени было известно очень мало и еще меньше о группах Эстар и Силмег. Хотя последняя из этих культурных групп и упоминается в археологической литературе, но ни один из ее памятников не был опубликован, в том числе и эпонимный памятник — поселение Полгар-Фойаш-Силмег, раскопанное Й. Куцпан в 1950 г. Издание материалов этих трех групп, равно как и выделение групп Тисадоб и Эстар,— несомненная и большая заслуга Н. Калица и Я. Маккаи.

Группа Тисадоб, которая, по мнению авторов, занимает ту же территорию, что и Бюкк, может рассматриваться до известной степени как промежуточная в хронологическом и генетическом отношениях между культурой АЛК и культурой (или группой) Бюкк. Бюкк занимает особое положение среди средненеолитических культурных групп Алфёлда и северных гор в силу исключительно широких связей, которые он поддерживает с соседними культурами и культурными группами. В этом отношении интересна карта на с. 44, которая показывает, что бюккский материал появляется на территории Польши, Юго-Западной Словакии, Австрии, Хорватии, Трансильвании, указывая на существование контактов с культурой линейно-ленточной керамики (и особенно с поздней частью группы Желиз-Железовце), с группами Силмег, Сакалхат-Лебё, с культурой Винча, с Кукутени-Трипольем. В результате можно говорить о едином хронологическом горизонте, довольно узком, характеризующемся бюккскими импортами. Причина столь широких связей культуры Бюкк известна — разработка и экспорт обсидиана с горы Токай и других его источников в ареале Бюкка.

Во второй половине этого раздела авторы обращаются к орудиям из камня, рога и кости, украшениям из раковин и изделиям из глины как культуры АЛК так и поздних групп, затем к антропоморфным изображениям (сосудам, фигуркам, рельефным изображениям человеческого лица на краю сосуда) и, наконец, к вопросу о форме поселений и погребений культуры АЛК и ее групп. Специфика этой части раздела состоит в том, что Н. Калиц и Я. Маккаи рассматривают орудия труда, украшения, антропоморфную пластику в соответствии со своей концепцией единой культуры в Алфёлде в среднем неолите как нечто целое, без выяснения специфики АЛК в узком смысле слова и культурных групп Тисадоб, Силмег, Эстар и Бюкк. Однако положение о единой культуре в Алфёлде в период среднего неолита было априорно выдвинуто в начале монографии, между тем как анализ формы и характера поселений, некерамического инвентаря, антропоморфных изображений, особенностей погребального обряда для отдельных культурных групп мог бы доказать или опровергнуть это положение. До известной степени к рассмотрению всех этих материалов в целом авторов вынуждает характер находок, поскольку большинство материалов происходит не из замкнутых комплексов, а является подъемным из разрушенных памятников или из смешанного культурного слоя. В результате, если керамика в таких случаях и может быть разделена типологически, то остальные материалы разделены быть не могут, до тех пор, пока накопление материалов из научных раскопок не предоставит возможность продвинуться и в этом направлении. Определенный шаг уже сделан Э. Бачкаи для изделий из кремня и обсидиана [14]. Однако в параграфе, который касается поселений и погребений культуры АЛК и поздних групп, авторы собрали все существующие данные по жилищам и

[14] *Bácskay E.* Op. cit.

погребениям. Следы домостроительства описываются для каждого поселения отдельно. При этом авторы обращают внимание на небольшие размеры жилых построек среднего неолита Венгрии в противоположность длинным домам среднеевропейской культуры линейно-ленточной керамики. Данные о погребениях суммированы в таблице на с. 74—78, причем в особой графе дается их культурная принадлежность. Большинство погребений интрамуральные и безынвентарные, а нахождение их на площади поселений является чаще всего единственным основанием для их датировки и определения культурной принадлежности. Очень жаль, что ни об одном из погребенных авторы не приводят никаких антропологических данных, кроме половозрастных определений. Погребальный обряд довольно единообразен: скорченные погребения на боку, ориентированные преимущественно с юго-востока на северо-запад. Никаких крупных могильников не найдено, лишь небольшие группы погребений на поселениях или отдельные могилы.

Раздел завершается описанием группы Сакалхат, причем авторы подробно рассматривают не только керамику, но и поселения, погребения, орудия труда и пластику. Мне кажется, что книга только выиграла бы, если бы все культуры и культурные группы среднего неолита Восточной Венгрии были описаны именно по этому плану. Группа Сакалхат (-Лебё) — одно из интереснейших явлений венгерского неолита. Ее происхождение авторы объясняют тремя источниками: влиянием Винчи с юга, линейно-ленточной керамики из Задунавья, с запада, и местными предшественниками — культурой АЛК. Правда, влияние последней представляется нам минимальным, уж очень велики различия в типе поселений и домостроительстве, формах керамики и системе орнаментации. Ареал группы Сакалхат охватывает среднее и нижнее течение Тисы до устья Мароша на юге, а наибольшую плотность поселений показывает район устья Кёрёша. На юге появляются теллеобразные поселения с двумя-тремя культурными слоями. Дома группы Сакалхат — столбовые, четырехугольные в плане, площадью от 20 до 30 $м^2$. Погребения — интрамуральные, безынвентарные, сделанные между домами на поселениях. Особое внимание авторы обращают на керамику, ее формы и орнаментацию, и очень кратко касаются орудий труда и пластики.

Особый раздел монографии составляет «Хронология» (с. 93—111). В нем рассматриваются связи различных культур и групп алфёлдского среднего неолита, их периодизация, относительная и абсолютная хронология. Выделение всех этих вопросов в особый раздел и его помещение в конец книги закономерно. Раздел открывается параграфом, посвященным ранней ступени АЛК, ее выделению, связям с соседними культурами и культурными группами, а также ее относительной хронологии. Авторы относят к ранней ступени АЛК восемь основных памятников на территории ВНР и один в Восточной Словакии (Барца III). К сожалению, только на трех из этих памятников (Тисалёк-Кишфаш, Тисафюред-Ашоттхалом, Абадсалок-Берей рев) материал ранней ступени происходит из комплексов «жилых ям», т. е. полуземлянок, вскрытых археологами полностью или частично. Из Тисалёк-Кишфаш опубликовано всего 12 черепков — слишком мало для трех ям (табл. 92, *11—22*). Материал из Абадсалок-Берей рев имеет явные отличия: заметно выступают ленты, ограниченные двумя канавками. Только Тисафюред-Ашоттхалом дал достаточно материала, который может охарактеризовать раннюю ступень АЛК, и Барца III с ее несколькими полными формами сосудов. Еще один памятник, Кишкёре-Гат, недавно опубликован Й. Кореком[15] и не вошел в монографию. На основе данных горизонтальной стратиграфии авторы доказывают вероятность выделения этих памятников в особую раннюю ступень, но и здесь, к сожалению, не дают четких критериев для материалов ранней ступени АЛК. При этом ранняя ступень отнюдь не формативная, а развитая ступень, со всеми признаками культуры, уже сформировавшимися. Конец ранней ступени АЛК для Н. Калица и Я. Маккаи отмечен появлением первых признаков группы Тисадоб, которая, по их мнению, образуется первой из поздних групп АЛК. Поздняя фаза АЛК существует параллельно с разными культурными группами, такими, как Тисадоб, Силмег, Эстар и др. Полное развитие ранней

[15] *Korek J.* Az alföldi vonaldíszes kerámia népének települése Kisköre-Gaton.— AÉ, № 104, 1977.

ступени АЛК и ее распространение на юг «тесно связано с распадом и исчезновением культуры Кёрёш» (с. 93). Авторы считают невозможным точно высказаться о хронологическом соотношении ранней ступени АЛК и культуры Кёрёш, но параллелизируют раннюю ступень АЛК с Винчей А, опираясь на находку в Ходмезёвашархей-Горжа. Однако здесь ход мысли Н. Калица и Я. Маккаи представляется неясным. Дело в том, что на поселении культуры Кёрёш Д. Газдапустаи нашел винчанский черепок и несколько фрагментов АЛК в культурном слое Кёрёша, и не только в культурном слое, но и в связи с определенным объектом [16]. Но у авторов монографии почему-то эта находка интерпретируется лишь как доказательство синхронности Винчи А и ранней АЛК, но не Кёрёша с Винчей А и ранней АЛК. Конечно, в целом горизонт ранней группы АЛК, несомненно, следует за кёрёшским. Но легко предположить, что, возникнув на севере Алфёлда, культура АЛК могла определенное время сосуществовать с культурой Кёрёш на юге Алфёлда. Действительно, если мы нанесем на карту все основные памятники ранней ступени АЛК, которые авторы монографии перечисляют на с. 93, то окажется, что все они находятся севернее ареала культуры Кёрёш, в области прежней группы Сатмар, хотя и в западной ее части. В таком случае эта группа памятников ранней ступени АЛК вполне могла сосуществовать с культурой Кёрёш, лежащей к югу от линии Солнок — Береттьоуйфалу, которая у Н. Калица и Я. Маккаи рассматривается как северная граница культуры Кёрёш. Если мы обратимся к карте 3, приложенной к книге, на которой нанесены памятники ранней ступени АЛК, то окажется, что в ареале культуры Кёрёш почти нет памятников ранней ступени АЛК. Речь идет или о нескольких черепках в кёрёшском культурном слое (№ 135-Горжа), о подъемном материале, контекст которого неизвестен (№ 34, 50, 373), или о материале, ранний характер которого сомнителен (№ 295). Единственный памятник ранней ступени АЛК в ареале культуры Кёрёш — это, видимо, Девааньа-Борсег (№ 79), где А. Хорватом открыты пять ям с керамикой ранней ступени, но, к сожалению, ни одного черепка из этого памятника не опубликовано в монографии. Обратим внимание, что этот памятник лежит лишь немного южнее северной границы культуры Кёрёш и может быть интерпретирован как результат некоторого изменения границ между культурами или как свидетельство начала экспансии АЛК на юг.

К аналогичному результату приводит и рассмотрение радиоуглеродных дат. Согласно анализам трех образцов, культура Кёрёш еще существовала во второй половине V тысячелетия до н. э. (Деск-Олай-кут, Девааньа-Каталсег), тогда как ранняя группа АЛК, предшествующая группе Тисадоб и потому предшествующая, по крайней мере, 4400 г. до н. э., должна иметь свое начало в первой половине V тысячелетия до н. э. Таким образом, определенный период времени, около середины V тысячелетия до н. э. по радиоуглеродной хронологии, ранняя ступень АЛК и определенная часть культуры Кёрёш должны были сосуществовать, находясь одна в северной, другая в южной части Алфёлда. Именно на такой период сосуществования, вероятно, и указывают отдельные находки фрагментов АЛК на кёрёшских поселениях (с. 94).

Далее, авторы предполагают параллельность развития группы Сатмар и типа Медина на юге Задунавья, равно как и ранней ступени АЛК и древнейшей задунайской линейно-ленточной керамики. Но при отсутствии прямых контактов между древнейшей линейно-ленточной керамикой Задунавья и ранней АЛК параллелизация их представляется преждевременной.

В параграфе «Группа Тисадоб» Н. Калиц и Я. Маккаи предлагают расчленение этой группы на две фазы: раннюю, которая характеризуется сочетанием поздней АЛК и керамики Тисадоб, и позднюю, на которой появляется первая керамика Бюкк. Но сама керамика Тисадоб не расчленяется по фазам. Едва ли, однако, можно предположить, что она не менялась: вероятно, в будущем, с накоплением материалов по группе Тисадоб и их типолого-хронологической обработкой, подобное расчленение можно будет провести. Свое деление группы Тисадоб на фазы авторы под-

---

[16] *Gazdapusztai Gy.* A Körös kultúra lakótelepe Hódmezővásárhely Gorzsán.— AÉ, № 84, 1957.

крепляют стратиграфическими наблюдениями в Тисавашвари-Керестфал (яма III/α) и в словацких пещерах Ардово и Домица (с. 99, 100).

Группа Тисадоб обнаруживает первые прочные связи как с группами Силмег и Эстар, так и с задунайской линейно-ленточной керамикой младшей ступени развития. При этом импорты Тисадоб появляются и вне Карпатского бассейна, например в районе Кракова. Очень важны связи Тисадоб — Винча, устанавливаемые по находке керамики Тисадоб в нижнем (1) слое Тэртэрыи. Отсюда авторы сопоставляют группу Тисадоб с концом Винчи А. и с Винчей В1. А поскольку едва ли возможно в настоящее время выделить чистый горизонт конца Винчи А, то, вероятно, следует говорить о синхронности группы Тисадоб и Винчи А, а в таком случае придти к мнению, что предшествующая группе Тисадоб ранняя ступень АЛК по крайней мере частично предшествует началу культуры Винча. Этот вывод представляется достаточно интересным и важным.

Что касается культуры Бюкк (группы Бюкк у авторов), то Н. Калиц и Я. Маккаи рассматривают ее как «последнюю ступень развития в Северной Венгрии и Юго-Западной Словакии (? вероятно, имеется в виду Восточная Словакия), исходящую из АЛК» (с. 100). Они выделяют три фазы развития Бюкка (I—III) с распространением культуры из центра в ареале группы Тисадоб на север. I фаза, по мнению авторов, протекает параллельно группе Тисадоб. Неясным остается, однако, тот момент, как могла I фаза Бюкка, развиваясь из группы Тисадоб и на ее территории, быть с ней параллельной во времени. Особенно интересна поздняя, или III фаза Бюкка, для которой характерно использование тонких линий орнаментации и красной, белой или желтой инкрустации. По мнению авторов, эта фаза доживает до культур Тиса и Лендьел. Памятник последней в Асоде является доказательством столь позднего переживания Бюкка. Именно здесь, на северо-востоке территории Лендьела, влияние позднейшего Бюкка видят в появлении пучка тончайших процарапанных линий с красной, желтой или белой инкрустацией.

Уже говорилось, что культура Бюкк поддерживает очень широкие связи. Интересно, что именно на II фазу развития падает наибольшее количество контактов как с ближайшими культурными группами, так и с более отдаленными. Для относительной хронологии Карпатского бассейна важны связи Бюкка с группой Желиз, которые доказываются как бюккской керамикой на желизовецких памятниках, так и желизовецкой — на бюккских. Связи Бюкк — Винча падают на период Винча В, в Тэртэрыи бюккские черепки появляются во втором слое (Винча В2).

Для советских археологов особый интерес может представлять предполагаемый контакт между культурой Бюкк и культурой Кукутени-Триполье. Но время его довольно сомнительно: дело в том, что Н. Власса, разбирая старые коллекции Ласло из раскопок Эрёшда (Ариушда), нашел два бюккских черепка. Власса утверждает, что они происходят из дома LI, относящегося к пятому слою Ариушда, который датируется временем Протокукутени. Период Протокукутени (или Кукутени А) известен лишь в западной части ареала Кукутени-Триполье. По находкам бюккских черепков в Протокукутени мы имели бы синхронизм: Бюкк — Протокукутени — Кукутени A_{1-2}). Взятый изолированно, этот синхронизм не вызвал бы возражений, но из системы относительной хронологии неолита Юго-Восточной Европы он несколько выпадает. Мы уже видели, что Бюкк имеет четко засвидетельствованные контакты с группой Желиз, а предшествующий хронологический горизонт образуют группа Тисадоб и младшая линейно-ленточная (нотная) керамика. В Молдавии к этому последнему горизонту относится нижний слой Флорешт [17]. Отсюда вполне вероятно предположение, что именно верхний слой Флорешт, относящийся к Прекукутени II, должен синхронизироваться с группой Желиз и культурой Бюкк или же быть несколько более поздним и относиться уже ко времени Тисы. Между горизонтом младшей линейно-ленточной керамики (нотной) и Протокукутени лежат по крайней мере 2—3 хронологических горизонта (Прекукутени I, Прекукутени II, ранняя часть Прекукутени III, причем последняя соответствует ранней части Триполья А).

[17] *Titov V. S.* Tripolye Culture in the Chronological System of Neolithic and Copper Age Cultures of South-Eastern and Central Europe.— In: VIII Congrès international des sciences préhistoriques. Les rapports et les communications de la delegation des archéologiques de l'URSS. Moscou, 1971.

Принимая во внимание все эти соображения, синхронизация Бюкка и Протокукутени представляется мало вероятной. Против этого синхронизма говорит и находка черепков Тисы в среде Протокукутени в Mugeni.

По-видимому, Н. Калиц и Я. Маккаи так же отрицательно относятся к синхронизации Бюкка и Протокукутени, но на основе других соображений. Правда, это место монографии остается несколько неясным (с. 104), возможно, из-за ошибки в переводе на немецкий язык венгерского текста. «Мы считаем, ... что даже позднейшие бюккские находки моложе («jüngere» из остального контекста должно быть «ältere»), чем Протокукутени и ранняя ступень Винчи С» (с. 104).

Рассматривая место группы Сакалхат в относительной хронологии, авторы утверждают, что в области реки Кёрёш группа Сакалхат следует за ранней ступенью АЛК, и доказывают это данными горизонтальной стратиграфии. Но в таком случае почему не считать группу Сакалхат возникающей одновременно с группой Тисадоб, которая также развивается непосредственно за ранней ступенью АЛК, а считать Тисадоб древнейшим? Довольно вскользь авторы намечают три ступени развития Сакалхат: раннюю, в которой еще встречается поздняя керамика АЛК, среднюю, без примеси керамики АЛК и позднейшую — с первыми элементами Тисы (с. 107). Группа Сакалхат показывает связи и с нотной керамикой, и с группой Желиз, что является еще одним доказательством столь же глубокой древности Сакалхат, что и группа Тисадоб. О южных связях группы Сакалхат, прежде всего с культурой Винча, и далее, вплоть до Димини, мне уже приходилось писать в связи с их исключительным значением для относительной хронологии неолита Юго-Восточной Европы в целом [18].

Раздел «Хронология» завершается публикацией радиоуглеродных дат неолита всей Венгрии, но, к сожалению, без обычных в таких случаях шифра лаборатории, № образца и величины σ. Авторы рассматривают эти даты лишь как подтверждение разработанной ими относительной хронологии [19]. Отбрасывая дату Корлата (4490 г. до н. э.) как чересчур раннюю для группы Тисадоб, авторы приходят к выводу, что культура Кёрёш не совпадает хронологически ни с одной ленточно-керамической группой. Но ведь даже при датировке группы Тисадоб с учетом даты 4355 г. до н. э. необходимо считаться с определенным отрезком времени для ранней ступени АЛК, предшествующей группе Тисадоб. При допущении 100—150 лет ранняя ступень АЛК должна была начаться самое позднее около 4500 г. до н. э. по радиоуглеродной хронологии. А в таком случае определенное хронологическое совпадение с культурой Кёрёш неминуемо (см. выше).

Авторы, признавая ценность радиоуглеродных дат для относительной хронологии, однако, отнюдь не склонны признавать их абсолютное хронологическое значение (с. 111).

Со времени сдачи в печать монографии Н. Калица и Я. Маккаи было получено еще несколько дат по С-14 для неолита Венгрии, в частности для кёрёшских поселений Солнок-Санда и Эндрёд-35, которые не выходят за пределы радиоуглеродной хронологии Кёрёша, намеченной прежними датами: конец VI — первая половина V тысячелетия до н. э.

Раздел «Образ жизни (носителей) культуры АЛК и ее групп» (с. 112, 113) явно недостаточен по объему для освещения столь важной темы. В нем лишь публикуются данные по определению костей животных из ямы III/α поселения Тисавашвари-Пантелекхат, проведенному Ш. Бёкёньи, из которых следует, что в хозяйстве его обитателей (группа Тисадоб) животноводство резко преобладало над охотой, а в составе стада преобладал крупный рогатый скот.

В «Резюме» монографии Н. Калиц и Я. Маккаи вновь обращаются к проблеме происхождения неолита Венгрии и для ее решения прибегают к гипотезе о существовании трех больших групп позднемезолитического «основного населения»: задунайской тарденуазской микролитической индустрии с сильной восточнограветтской традицией, северовенгерской макролитической мезолитической индустрии и южной и

[18] *Титов В. С.* Проблема хронологии неолита и энеолита Юго-Восточной Европы.— СА, 1974, № 4, с. 31, 32.

[19] Отношение авторов монографии к радиоуглеродной хронологии неодинаково: Я. Маккаи полностью ее отрицает.

юго-восточной венгерской мезолитической индустрии. По мнению авторов, все эти мезолитические группы показывают разную «степень готовности к перениманию южносредиземноморских неолитических элементов», причем наивысшую готовность показывает именно третья, последняя, что и приводит к возникновению культуры Кёрёш. «Обе другие..., северовенгерская и задунайская группы позднемезолитического основного населения лишь позже, во время расцвета культуры Кёрёш, переходят к неолитической форме жизни...» (с. 115).

Основным камнем преткновения на пути приложения этой теории к ранненеолитическим материалам является то, что в кремневом и обсидиановом инвентаре ранненеолитических культур нет никаких следов мезолитической традиции, ни микролитических геометрических орудий тарденуаза, ни макролитических орудий культуры Эгер. К этому выводу приходит и Э. Бачкаи после пристального специального изучения соответствующих материалов. Есть и другие соображения, которые делают невероятным происхождение ранненеолитических культур от местного мезолитического «основного населения». Они заключаются в том, что гораздо логичнее предположить с изменением климата в голоцене, его значительным потеплением в атлантическом периоде передвижение местного мезолитического населения на север, вслед за отходящей туда привычной средой и объектами охоты. Можно предположить также, что сюда, в Карпатский бассейн, с юга продвигается иное мезолитическое население, а за ним следуют и древнейшие неолитические племена, как носители культуры Кёрёш — в Алфёлд и носители культуры Старчево — в южное Задунавье. Обе эти культуры входят как составные части в большую культурно-историческую общность древнейших европейских культур с расписной керамикой, причем Кёрёш, видимо, очень рано отделился от основного ствола культур и благодаря этому сохранил многие архаические черты. Далее авторы утверждают, что «причина для параллельного и все же отличающегося развития обеих групп, АЛК и задунайской линейно-ленточной керамики... восходит к различным основаниям в материальной (или же духовной) культуре позднего мезолита» (с. 115). Мне кажется, что представление о параллельности развития культуры АЛК и классической линейно-ленточной керамики преувеличено в археологической литературе и от него уже следует отказаться. Сами авторы монографии показали, что различия в структуре поселений, домостроительстве этих двух культур, формах сосудов, элементах орнаментации, системе орнаментации заставляют скорее искать черты сходства между ними. Очень важна и разница в силе экспансии культуры АЛК и задунайской линейно-ленточной керамики. Последняя с течением времени проникает далеко на запад, так же, как и на восток, охватывая с запада, севера и востока территорию распространения культуры АЛК — венгерский Алфёлд. Даже на юг Алфёлда проникает влияние культуры линейно-ленточной керамики, способствуя в значительной степени возникновению группы Сакалхат (с. 115, 116).

В позднем неолите авторы видят сохранение традиций средненеолитических групп и культур: традиции Сакалхат — в культуре Тисы, группы Эстар — в группе Херпай, некоторые бюккские формы — в группе Чёсхалом.

Большой каталог памятников (с. 118—188) включает 551 местонахождение. Он дополняется графическим каталогом (с. 189—215), который показывает в виде таблицы, какие керамические типы представлены на том или ином памятнике, и соответственно к каким культурам и культурным группам он относится. Каталог составляет исключительно важную часть книги. К сожалению, авторы не всегда указывают географическое и топографическое положение многих памятников, часто даже тех, на которых они сами проводили работы, размеры поселений и пр. Известное неудобство для читателя представляет то, что названия ряда памятников переведены на немецкий язык, а других — нет, в результате в названиях получается значительный разнобой. Например, Тисачеге-Хомокбанья сохраняется в таком виде, а не звучит как Тисачеге — Песчаный карьер, а другое название звучит как Мишкольц — Железнодорожная тепловая станция. При описании памятника Залкод-Ченке (с. 183) сначала говорится, что из могилы 1 происходят бюккские черепки (Бюкк III), а несколькими строчками ниже — что в могиле инвентарь отсутствовал. В таком случае черепки Бюкка попали в могилу случайно и не могут определять бюккской принадлежности могилы. В каталог не включена силмегская могила в Тарнамера.

В конце книги имеются список сокращений (с. 216—217), список литературы (с. 218—224), не слишком обширный и охватывающий преимущественно венгерскую археологическую литературу. Книга снабжена указателями имен, географических названий и предметным указателем (с. 225—228). Монография завершается 189 таблицами, содержащими преимущественно фотографии керамических материалов. К сожалению, в ссылках на таблицы внутри текста имеется много опечаток. К книге приложено восемь карт, начиная от общей карты всех памятников, перечисленных в каталоге, и кончая схемой распространения позднеолитических культур Венгрии. Эти карты очень интересны и полезны, особенно для невенгерских исследователей. К сожалению, на картах-основах нет рельефа местности. Известное недоумение вызывает карта 3, на которой кроме памятников ранней фазы АЛК нанесены памятники «переходной фазы АЛК». Но ни одного слова о «переходной фазе АЛК» нет в тексте монографии, она не охарактеризована, неизвестны принципы ее выделения и отличия как от ранней, так и от поздней фазы АЛК.

Подводя итоги, следует высоко оценить монографию Н. Калица и Я. Маккаи, несмотря на некоторые ее недостатки, указанные выше. На современном этапе развития археологической науки в ВНР эта книга является самым лучшим и самым полным исследованием проблем раннего и среднего неолита на востоке страны. Она вводит в науку огромный материал, дает описание ряда новых, ранее почти неизвестных или неопубликованных культурных групп, таких, как Сатмар, Эстар, Силмег, Тисадоб, выясняет их хронологическое место, делает попытку охарактеризовать особенности исторического процесса, протекавшего в V тысячелетии до н. э. в восточной части Венгрии. Книга Н. Калица и Я. Маккаи может считаться завершением первого большого и важного этапа в изучении культуры среднего неолита страны, этапа, для которого характерен сбор и систематизация материала. Будем надеяться, что она станет и началом нового этапа — крупномасштабных исследований отдельных поселений, накопления материалов из замкнутых комплексов, изучения планировки поселений, особенностей домостроительства, хозяйства и общественной структуры древнего населения, обитавшего в Карпатском бассейне в период неолита.

В. С. Титов

А. И. Исаков. Цитадель древнего Пенджикента. Душанбе, «Дониш», 1977, 199 с., 72 илл.

Раскопки на городище древнего Пенджикента ведутся более 30 лет. В результате раскопок Пенджикент стал признанным эталоном раннесредневековой городской культуры Средней Азии. За годы работ на городище вышло немало исследований, посвященных этому уникальному памятнику. Это прежде всего четыре тома трудов Таджикской археологической экспедиции [1], три тома исследований монументального искусства Пенджикента [2] и целый ряд статей в различных периодических изданиях и сборниках. Книга А. И. Исакова является пока единственной работой, посвященной специально раннесредневековой цитадели Средней Азии.

В первой главе (с. 8—42) автор приводит сводку данных о раскопках цитаделей Средней Азии от эпохи бронзы до раннего средневековья. В основной части книги — главе второй (с. 43—121) подводятся итоги девятилетних раскопок А. И. Исакова на цитадели древнего Пенджикента.

С 1964 по 1973 г. исследовано около $^2/_3$ площади цитадели (с. 112). А. И. Исаков привлекает также материалы раскопок, проводившихся на территории цитадели А. И. Тереножкиным и Б. Я. Стависким в 1947—1948 гг. В результате всех этих работ получены данные о структуре и характере застройки цитадели, выявлена общая динамика развития укреплений и жилых комплексов и целый ряд других данных, имеющих важное значение для изучения истории раннесредневекового города Средней Азии.

[1] МИА, № 15, 1950; № 37, 1953; № 66, 1958; № 124, 1964.

[2] Живопись древнего Пенджикента. М., 1954; Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959; *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.

Работы на укреплениях шахристана, проведенные после 1973 г.[3] позволяют уточнить характеристику цитадели. Цитадель древнего Пенджикента расположена на северной оконечности гряды холмов к западу от шахристана городища и отделена от него широким руслом древнего сая. К сожалению, в публикации нет общего плана цитадели, который пока не может быть прослежен во всех деталях. Однако топо- и аэрофотосъемка позволяют составить общее представление о планировке и системе укреплений цитадели. Если суммировать наблюдения А. И. Исакова, разбросанные по разным страницам книги, то все же можно составить определенное представление о всей цитадели как о едином целом. Она имела три линии укреплений, получивших названия «внешняя», «средняя» и «внутренняя». На юге стена внешней линии укреплений, следуя рельефу местности, поднималась по гребню холма. На пересечении стены с гребнем холма, по-видимому когда-то находилась сторожевая башня. В древности эта стена пересекала русло сая и примыкала с юго-запада к укреплениям шахристана. На севере внешняя линия укреплений ограждала источник питьевой воды. С восточной стороны цитадели также отмечены остатки стены, некогда соединявшейся с шахристаном.

Особенность расположения цитадели состоит в том, что цитадель и шахристан разделены рельефом местности и стены между ними служат не для разделения этих частей, а главным образом для обеспечения между ними связи. Вероятно, по верху второй стены, соединяющей цитадель и шахристан, проходила дорога, что подтверждается тем, что основная магистральная улица шахристана, идущая с востока на запад, выходит на эту стену.

Средняя линия укреплений, квадратная в плане, восстанавливается по данным микрорельефа[4]. В настоящее время ее план нуждается в уточнении. Раскопками в северной и южной частях цитадели в 1973 г. был обнаружен поворот восточной стены начала VI в. на запад[5]. Таким образом, с востока средняя линия укреплений не шла по прямой.

Центральная часть цитадели — «внутреннее» укрепление представляет собой в плане квадрат со сторонами около 50 *м*, обнесенный стенами. В юго-восточном углу укрепления обнаружены остатки жилой башни — «донжона».

Мощная система укреплений цитадели с южной стороны была также усилена рвами, вырытыми в гребне холма перед стенами внешней и средней линии укреплений.

Большое значение имеет разрез южной стены внутреннего укрепления, произведенный А. И. Исаковым в 1964—1965 гг. (рис. 11), который позволил не только судить о структуре стены, но и послужил основанием для выяснения динамики развития стен, а керамический материал из кладки стен разных периодов датирует неоднократные перестройки стен, выявленные в разрезе. Всего выделено четыре строительных периода.

От первой стены сохранилась кирпичная кладка толщиной 10 и высотой около 1 *м*. Для перестройки укрепления второго периода остатки первой стены использовали в качестве платформы. Новая стена включала в себя и остатки жилой (?) постройки первого периода.

Существенной перестройке подверглись укрепления в третьем периоде: стена этого времени двойная с внутренним помещением шириной 2,1 *м*. В четвертом периоде стена приобрела характер монолитного сооружения. Было забутовано внутреннее помещение, снаружи и изнутри к существующей стене пристроены новые стены и, возможно, несколько позже снаружи стену укрепили пахсовым панцирем. В результате мощность стены в основании достигла 16 *м*. К четвертому периоду относится и сооружение донжона.

---

[3] *Маршак Б. И.* Городская стена V—VII вв. в Пенджикенте.— В сб.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы конференции), ч. II. Киев, 1975; *Семенов Г. Л.* Оборонительные стены Пенджикента в V—VIII вв.— В сб.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (тезисы конференции). Душанбе, 1977.

[4] См. план городища, снятый в 1952 г. С. С. Сорокиным, в сб. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, табл. I.

[5] *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И.* Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г.— АРТ — 1973. Душанбе, 1977, с. 157, 159.

Рассмотрим подробно этот разрез в связи с материалами, полученными за последние годы. Раскопки 1976 г. на цитадели показали, что восточный фас стены внутреннего замка в V в. имел часто расположенные прямоугольные башни, обведенные снаружи новой стеной примерно на рубеже V—VI вв. (рис. 3, помещения 13, 14, 15) [6]. При этом для постройки помещений 13 и 15 использовали внутрибашенные помещения, а для помещения 14 — куртину между ними. Керамика с пола этих помещений относится к концу V — началу VI в., следовательно, время существования башен должно приходиться на V в. Позднее, около рубежа VI—VII вв., все помещения были забутованы и на образовавшейся платформе построен донжон. В связи с этим представляется возможным рассматривать помещения между стенами третьего строительного периода разреза как внутрибашенное пространство, а сам третий строительный период относить к тому же времени, т. е. к V в. Постройки четвертого периода разреза оказываются разновременными. Пристройка снаружи соответственно относится к рубежу V—VI вв., а забутовка — к VI—VII вв.

Стены первого — третьего строительных периодов датируются в пределах V — начала VI в. (первый — второй комплексы керамики), четвертый период относится к концу VI—VII в. Возможно, что стена была усилена пахсовым панцирем уже в начале VIII в.

К северу и к западу от стен внутреннего укрепления в последние годы были обнаружены остатки ранних стен второй линии укреплений. Так, северная стена помещения 32 (см. рис. 3) являлась крепостной стеной в начале VI в., толщина ее немногим больше 2 *м*, что совпадает с ранними стенами на шахристане. В углу на фасаде сохранился фрагмент сырцового декоративного фриза (рис. 27), расчлененного на три яруса, высотой 0.87 *м*. Фриз цитадели находит много аналогий в искусстве раннего средневековья Средней Азии (с. 101). Надо также отметить фриз на ранней живописи Пенджикента VI в., найденной в первом храме [7].

Для истории города важна еще одна ранняя крепостная стена средней линии укреплений, расположенная в юго-восточной части раскопанных участков цитадели, южнее парадных залов. Ее особенностью не отмеченной А. И. Исаковым, является то, что она ориентирована не так, как все другие стены цитадели и здания шахристана, начиная с первого строительного периода. Очевидно, это обусловлено тем, что стена была построена на краю естественного откоса холма. Время постройки этой стены может быть отнесено к периоду ранее VI в. Именно в это время снаружи к этой стене пристраиваются помещения, ориентированные так же (рис. 3, помещения 6, 7, 18, 19), стоящие, очевидно, на искусственной платформе, нивелирующей склон. На полу помещений была обнаружена керамика VI в. Толщина этой стены наверху около 1,5 *м*. За стеной внутри, на расстоянии 6—10 *м*, расположена еще одна стена такой же толщины. Ее ориентация совпадает с общим направлением стен на городище и отлична от направления предстоящей стены, что, вероятно, говорит об их разновременности. Пространство между стенами заполнено галькой, полученной, по-видимому, в результате эскарпирования склона холма перед стеной. Отсутствие надежного датирующего материала не позволяет в настоящее время однозначно решить вопрос, уже поставленный исследователями, о возможности более ранней, чем регулярная застройка цитадели и шахристана в начале V в., датировки этой стены [8].

Обзору находок и вопросам датировки посвящена специальная глава (с. 122—179). В ней находки соотнесены автором с определенными строительными периодами цитадели. К сожалению, в тексте специально не оговорено, что периодизация стен цитадели и строительные периоды помещений не совпадают, что несколько затрудняет понимание заключения книги (с. 180—185).

Основную массу находок составляет керамика. Надо отметить, что для первого периода (периоды керамики даны по стратиграфии помещений), относящегося к V в., керамика представлена выборочно и не дает понятия о соотношении таких

[6] *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И.* Новые раскопки в Пенджикенте.— АО — 1976. М., 1977, с. 559.

[7] *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 г.— СГЭ, № 37, 1973, с. 56.

[8] *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И.* «АРТ — 73», с. 159.

ведущих форм, как чашевидные кубки (рис. 33) и глубокие чаши с ангобным крестом и утолщением под венчиком (рис. 34, *1*). Поэтому дата первого периода керамики, охватывающего первый — третий периоды разреза, в пределах V — начала VI в. пока не может быть уточнена. С керамикой второго периода, соответствующей четвертому периоду разреза, автор знакомит более полно. Однако в табл. 36 даны рисунки сосудов второго периода, фотографии которых по ошибке попали на табл. 40, где, судя по тексту, должны быть показаны сосуды, относящиеся к третьему периоду (середина VII в.). Несомненно, большой интерес представляет керамика третьего периода из помещений цитадели, которая соответствует шестому комплексу, выделенному еще при раскопках XII объекта шахристана городища [9]. Столовая посуда третьего периода с отмеченной для нее слюдяной обсыпкой и красным ангобом несколько моложе керамики шестого комплекса и является переходной от нижнего слоя Пенджикента к верхнему. Она может быть отнесена к концу VII в.

Ко времени не ранее конца VII в. относится сооружение во «внешнем» дворе цитадели дворца правителя, открытие которого является большой заслугой А. И. Исакова. А. И. Исаковым установлено, что место, где обнаружены остатки дворцовых сооружений, было заселено еще в V в. Однако сам дворец возникает только в самом конце VII или начале VIII в., что позволяет отождествить его с дворцом последнего правителя города Деваштича. Основанием для такой даты служат находки и керамика VII в. из помещений, забутованных при постройке платформы для дворца (рис. 3, помещения 6, 7, 18, 19). К третьему периоду относится золотая бляшка из забутовки помещения 7 (с. 151, рис. 54, *4*). Сходные бляшки типичны для комплексов VII в. и являются надежным датирующим материалом.

Из находок четвертого периода помещений цитадели (начало VIII в.) интересны две каменные гири с обозначением веса (с. 152—153, рис. 55, *3, 5*; 56). Приведенная в тексте прорисовка двух надписей на гире весом 200, 081 *г* (с. 152, рис. 55, *3* ,*5*) искажена (с. 152). Надпись на фотографии (рис. 55, *3*) читается: 13 статеров. Прорисовка надписи на второй гире весом 1,530 *кг* (с. 153, рис. 56) имеет и в тексте и на рисунке искажения, и при этом разные. В действительности на гире написано по-согдийски: 340, т. е. 340 статеров. Находка на городище гирь с обозначением веса — не единичный случай, и уже имеющаяся коллекция может во многом дополнить и уточнить систему согдийских мер веса.

Эпиграфические находки представлены надписями на черепках. Среди них арабский документ, содержащий список лиц, получивших долю военной добычи (с. 155, рис. 57) [10]. Надо отметить также черепок с многократно повторяющимся написанием арабской буквы, «алиф». Большой интерес вызывает надпись на согдийском языке, представляющая полный согдийский алфавит (с. 155, рис. 58), которая, очевидно, является образцом учебного текста (с. 157) [11]. Находка согдийского алфавита, черепка с написанием буквы «алиф», несомненно являющимся школьным упражнением, а также найденный на шахристане городища остракон с сирийской надписью, содержащий диктант, написанный учеником-согдийцем [12], говорит о широком диапазоне культурных связей жителей древнего Пенджикента. Возможно, что какая-то школа была в самой цитадели.

Важное место среди находок четвертого периода занимают памятники изобразительного искусства, открытые во дворце,— резная деревянная скульптура и монументальная живопись [13].

Помещения дворца состояли, как установил А. И. Исаков, из парадной и жи-

---

[9] *Маршак Б. И.* Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник (к методике изучения керамических комплексов). Автореф. канд. дис. Л., 1965, с. 19, 20; *Распопова В. И.* Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв.— СА, 1969, № 1, рис. 5.

[10] *Беленицкий А. М., Исаков А. И.* Ранняя арабская надпись на черепке из Пенджикента.— ЭВ, 1969, № 19, с. 40, 41.

[11] *Livshitz V. A.* A Sogdian Alphabet from Panjikant.— In: W. B. Henning Memorial Volume. London, 1970, p. 258.

[12] *Пайкова А. В., Маршак Б. И.* Сирийская надпись из Пенджикента.— КСИА АН СССР, № 147, 1976, с. 34.

[13] В связи с публикацией росписей дворца следует отметить неточность содержащуюся в учебнике Д. А. Авдусина (Археология СССР. М., 1977), где на стр. 194

лой части. В первую входил тронный зал (помещение 5) и ряд просторных парадных залов. Жилая половина находилась к югу от парадных залов поверх забутованных помещений V—VI вв. Помещения, сооруженные на образовавшейся в результате забутовки платформе, с запада окаймлялись длинным и узким коридором, а с юга — террасой, на которую выводил пологий пандус. На западе марш пандуса вел на перпендикулярный к нему второй марш пандуса, спускавшийся с айвана дворца. Необходимо отметить, что жилая часть плохо сохранилась, и это затрудняет суждение о дворце в целом.

Большой интерес представляет сюжет росписи, некогда украшавшей юго-восточную часть тронного зала (рис. 61, 62, 64). На росписи изображена сцена осады города или замка. Архитектурные детали (зубцы крепостной стены, фриз) дополняют наши представления о характере крепостных сооружений этого времени. Изображение лестниц и осадных машин служат важным источником по истории военного дела в Средней Азии. Детали одежды (рис. 62, *2*) и вооружения позволяют видеть в осаждающих арабов, а сам сюжет исследователями трактуется как осада Самарканда арабами в 712 г. Живопись тронного зала уточняет датировку самого дворца (712—722 гг.) и открывает новую тему в изучении живописи Пенджикента – изображение реальных исторических событий недавнего прошлого [14]. Этот вывод важен и для понимания тематики всей согдийской живописи.

Среди росписей тронного зала выделяется фрагмент с летящей полуобнаженной женщиной (рис. 62, *3*). По мнению автора, это изображение является иллюстрацией к какому-то сюжету из сказок народов Центральной Азии (с. 89). Однако контекст здесь не сказочный, и поэтому проще было бы интерпретировать эту роспись несколько иначе. Иконография летящей женской фигурки близка к иконографии «ангелов-хранителей» из буддийской живописи Дуньхуана [15], восходящих в свою очередь к изображениям второстепенных божеств небожителей в индийском искусстве [16], которое, как известно, тесно связано с искусством Согда [17]. Возможно, что летящая женская фигурка из Пенджикента относится к так называемым символам божеств, которые изображались крылатыми и часто помещались возле голов персонажей в сценах пира, поединка или ритуальных сценах [18] в качестве символа божественного патрона персонажа [19]. Такой символ в виде фигуры фантастического крылатого животного с протомой верблюда изображен на другом фрагменте росписи из тронного зала (рис. 63).

Пятый строительный период датируется сравнительно коротким отрезком времени, приблизительно с 730 по 780 г. (с. 166), он дал немного находок. В это время на территории были построены «казармы» арабского гарнизона [20].

указано, что значительная часть росписей, открытых во дворце правителя древнего Пенджикента, иллюстрирует местную легенду о Сиявуше. Однако роспись «Оплакивание покойного» открыта не во дворце правителя, а в храме II на шахристане городища; ее связь с преданием о Сиявуше вызывает серьезные сомнения у ряда ученых. См., напр.: *Дьяконова Н. В., Смирнова О. И.* К вопросу об истолковании пенджикентской росписи.— В сб.: Исследования по истории культуры народов Востока. М.— Л., 1960, с. 174—179; *Толстов С. П., Лившиц В. А.* Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала.— СЭ, 1964, № 2, с. 51; *Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с. 36; *Iettmar K.* Zur «Beweinungsszene» aus Pendžikent: 1. Die Verbrennung der Leiche Buddhas als Kompositionsvorbild? — In: Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1961, vol. IV, № 4, S. 265, 266.

[14] *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И.* «АРТ — 73», с. 156.

[15] *Gray B., Vincent J. B.* Buddhist Cave Paintings at Tun-huang. Chicago, 1959, ill. 1, 10, 13, 15; *Akiyama T., Matsubara S.* Arts of China. Buddhist cave temples. Tokyo, 1969, pl. 2.

[16] *Sivaramamurti C.* Nataraja in Art, Thought and Literature. New Delhi, 1974, p. 185, fig. 26.

[17] *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента.— В сб.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976, с. 79.

[18] *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963, табл. XIV; *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М., 1971, рис. 3, *Б*; *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Ук. соч., с. 81, прим. 3.

[19] Г. Азарпай видит в этих летающих существах выражение согдийской версии иранской концепции о фарне. См. *Azarpay G.* Some Iranian Iconographic Formulae in Sogdian Painting.— In: Iranica Antiqua. Leiden, 1975, vol. 11, p. 177.

[20] *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И.* «АРТ — 73», с. 160.

Шестой и последний период относится к позднему средневековью (XV—XVI вв.). Находки этого периода малочисленны, но представляют значительный интерес. В частности, по материалам цитадели впервые для Средней Азии публикуется датированный слоем комплекс поливной керамики XVI в. (рис. 66—68). При описании вещевых находок шестого периода допущены некоторые неточности. Например, тип железного наконечника стрелы (рис. 71, *1*) не характерен для XVI в., а пряжку от поясного набора (рис. 72, *5*), очевидно, следует датировать VIII—X вв.

При сопоставлении полученной динамики развития стен цитадели со стенами шахристана следует отметить несколько моментов. Строительные приемы и способ кладки стен цитадели идентичны стенам шахристана. Интенсивная строительная деятельность на цитадели на протяжении V в. не имеет полной аналогии на шахристане. Следует отметить также и то, что мощность стен первого и второго периодов на цитадели значительно превосходит толщину стен первого периода на шахристане (2 *м* без внутреннего коридора на III, VII и XII объектах) Усиление мощности стен в четвертом строительном периоде аналогично процессу, отмеченному на всех исследованных участках шахристана, но происходит на цитадели несколько раньше, не в конце, а скорее в начале VII в. В начале VIII в. сносится внутренняя городская стена, просуществовавшая около 300 лет. К 710-м годам относятся притязания Деваштича на согдийский престол [21], признававшиеся арабами. На этот мирный промежуток приходится постройка резиденции Деваштича на цитадели, которая является прежде всего резиденцией согдийского государя. Перенос центра обороны на цитадель происходит во второй четверти VIII в., когда на цитадели возникают «казармы», принадлежавшие, видимо, уже арабскому гарнизону.

В заключение укажем на хорошее полиграфическое оформление книги издательством «Дониш». Вместе с тем в книгу вкрались и досадные неточности и опечатки, часто искажающие смысл написанного. В основном они касаются названий цитируемых работ.

Сделанные замечания отнюдь не умаляют важного источниковедческого значения книги. Работа по выявлению динамики развития городской жизни в Согде только начата, и во многом она стала возможна, благодаря многолетней и кропотливой работе А. И. Исакова на цитадели Пенджикента.

Г. Л. Семенов, В. Г. Шкода

[21] *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. М., 1970, с. 227 сл.; *Лившиц В. А.* Правители Пенджикента VII — начала VIII в.— В сб.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). М., 1977, с. 114, 115.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

НОВЫЕ КНИГИ ПО АРХЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ

П. Ф. Лысенко. Города Туровской земли. Минск. 1974. Г. Ф. Штыхов. Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975. Я. Г. Зверуго. Древний Волковыск X—XIV вв. Минск, 1975

Начало монографического изучения древнерусских городов территории Белоруссии положено капитальным трудом Н. Н. Воронина о Гродно, который продолжил и мастерски довел до завершения работы на этом памятнике своих польских предшественников [1]. Удачной была и научно-популярная книга Э. М. Загорульского, посвященная раскопкам в Минске [2].

В последние 10—15 лет археологические раскопки по изучению древнерусских городов территории Белоруссии приобрели широкий размах и ведутся планомерно. Исследования производились в Минске, Полоцке, Гродно, Турове, Пинске, Бресте.

[1] *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, № 41, 1954.
[2] *Загорульский Э. М.* Древний Минск. Минск, 1963.

Волковыске, Новогрудке, Витебске, Борисове, Изяславле, Логожске, Лукомле, Браславле, Слониме, Друцке, Мстиславле, Орше, Кричеве, Свислочи и др. Первая попытка подведения итогов трудов по изучению древних городов сделана во втором томе «Очерков по археологии Белоруссии» (Минск, 1972). Теперь увидели свет три монографии о древнерусских городах территории Белоруссии, анализу которых и посвящена настоящая рецензия [3].

Раскрывая эти три книги, нельзя не заметить их сходства. Они строятся по близкому плану, и различия более всего лежат в области использования письменных источников, а также в разделах, посвященных истории культуры. Впрочем, специфика каждой книги — не результат различия взглядов авторов на разбираемый предмет, она диктуется, скорее, объектом исследования. Работа П. Ф. Лысенко о 13 городах Туровской земли, естественно, членится по наименованию изучаемых пунктов, после чего делаются попытки общих выводов. Книга эта начинается кратким рассмотрением Туровской земли в целом, ее природных условий, вопросом о правомерности термина «Туровская земля» (существование этой земли часто оспаривается — М. Н. Тихомиров и др.), обзором ее территории и очерком политической жизни по письменным данным. Г. В. Штыхов открывает работу «летописной историей» (?) города, рассмотрением некоторых черт его общественно-политического строя. Я. Г. Зверуго ограничивается лишь просмотром упоминаний в летописи о Волковыске. Последующие разделы всех трех книг посвящены археологическим раскопкам, и именно здесь в подходе к археологическому материалу и его интерпретации обнаруживается чрезвычайная близость авторов друг к другу. В этих разделах работа в общих чертах идет по следующей схеме. За внешним описанием памятника и общим ознакомлением с археологическими работами на нем, детально рассматривается его стратиграфия по отдельным раскопам и в той последовательности, как лопата археолога вскрывает культурный слой. Здесь же (и в той же последовательности) описываются слои, горизонты, приводятся планы и разрезы культурного слоя, описываются отдельные постройки и их детали (в Полоцке — деревянные, в Волковыске — древесно-земляные и т. д.). Вопросы датировки каждого слоя решаются также здесь (в Полоцке — по дендрохронологии, в остальных городах — по вещам и обломкам керамики). Далее авторы переходят к описаниям и интерпретации индивидуальных и массовых находок, к классификации керамики. Вряд ли прав П. Ф. Лысенко, называя этот раздел «Материальная культура», за которым в главе о Турове следует к тому же один раздел «Предметы быта» (с. 53). Описанные ранее постройки, как и «предметы быта»,— тоже «материальная культура». Главы эти у Г. В. Штыхова и Я. Г. Зверуги именуются соответственно «Хозяйство и быт» и «Ремесло и торговля». В книге о Полоцке видна некоторая непродуманность структуры: детальное рассмотрение ремесел (кузнечного, ювелирного, кожевенно-сапожного) неожиданно сменяется параграфами, посвященными отдельным категориям вещей, что, естественно, приводит к путанице. Если в разделе «Керамика» речь идет главным образом о типологии, которая еще как-то связывается с производством, то в следующих параграфах «Деревянные и костяные изделия» и «Изделия из стекла, камня и янтаря», как уже видно из названия, речь идет о самых разнообразных темах (самшитовые гребни, киевские стеклянные браслеты и рюмки, сердоликовые бусины и др. явно должны фигурировать не здесь, а в разделе торговли и т. д.). В следующем разделе автор, как бы вспомнив о начатом, вновь переходит к занятиям населения.

Представляется весьма важным, что в главах о производстве Г. В. Штыхов и Я. Г. Зверуго (особенно последний) широко пользуются анализами металлов — макро- и микроструктуры железа (приводятся даже фотографии шлифов — Штыхов, с. 7). К сожалению, анализы эти еще немногочисленны и могут свидетельствовать главным образом в пользу не требующей доказательств истины, что мастера Полоцка, Волковыска владели общепринятыми навыками в технике изготовления изделий из черного и цветного металла. Однако и это важно, так как с накоплением

---

[3] Рецензию на эти книги см.: *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии.— СА, 1979, № 1, с. 303—313. В настоящей работе рассматриваются вопросы, не затронутые этими авторами.

таких данных, безусловно, удастся выделить и локальные особенности производства. Интересны наблюдения Я. Г. Зверуги над примесями цветного металла.

Если о торговле П. Ф. Лысенко говорит вслед за ремеслом, а Я. Г. Зверуго объединяет торговлю с ремеслом, то в книге Г. В. Штыхова она объединена с культурой по принципу «Памятники торговых и культурных связей». Такое объединение кажется малообоснованным, так как речь здесь идет не только о культурных связях, но и о культуре вообще, местной культурной традиции (прикладное искусство, архитектура, живопись и пр.). Я. Г. Зверуго, на мой взгляд, более прав, поставив после глав о сельском хозяйстве и промыслах главу о военном деле, перейдя далее к культуре, верованиям, чертам социально-экономической жизни города. Заключительная глава всех трех книг построена в соответствии со спецификой каждой: П. Ф. Лысенко пытается выяснить характерные черты городов Туровской земли, Г. В. Штыхов и Я. Г. Зверуго на полутора-двух страницах подытоживают предыдущие главы. Такова общая схема работы всех трех авторов. Перейдем теперь к индивидуальному рассмотрению всех трех книг.

Самая ответственная задача легла на плечи Г. В. Штыхова, которому нужно было в 10 п. л. уложить огромный материал по археологии и истории древнейшего и крупнейшего города Белоруссии. Для такой темы объем этот необычайно мал: книга Н. Н. Воронина о маленьком в древности Гродно занимает 24 п. л.! От автора, следовательно, требовалось глубоко продумать структуру текста и выйти из положения с наименьшими «потерями». Очевидно, единственно верным был бы путь краткого изложения всех имеющихся материалов и выводов, разработанных как его предшественниками, так и самим Г. В. Штыховым с подробными справочными отсылками к тем изданиям, где то или иное положение аргументируется. Все изложение следовало бы снабдить в конце капитальной главой, где подводились бы итоги исследования Полоцка, определялось дальнейшее направление исторических разысканий о нем. Однако Г. В. Штыхов избрал иное решение. Его книга посвящена главным образом материалам из его собственных раскопок (большинство из которых давно опубликовано, но здесь повторено полностью), о всем же остальном он говорит скороговоркой, суммарно, часто не используя (по существу игнорируя) факты, установленные другими исследователями. Развитой аппарат заменен ссылками, сведенными до поразительного минимума, а самая их система беспрецедентно для научной работы упрощена [4]. Ясно, что при таком подходе большого историографического раздела, вводящего в круг разбираемых вопросов, в книге Г. В. Штыхова мы не найдем. Его и нет. Перечислив несколько фамилий исследователей, он переходит непосредственно к «летописной (?) истории» города. Он не согласен со мной в том, что по смерте Всеслава полоцкого (1101) полоцкий стол занял Давид Всеславич, а не Борис: у В. Н. Татищева под 1102 г. сообщено о походе Бориса на ятвягов, причем сказано «Борис Полоцкий». Отсюда Г. В. Штыхов заключает: «...более приемлемым кажется предположение Данилевича об утверждении на этом столе Бориса, которого Давиду удалось выгнать из Полоцка в 1127 г. с помощью черниговских князей. Так излагает вопрос и В. И. Пичета» (с. 12). Г. В. Штыхов забывает, что все Всеславичи были «полоцкими», т. е. князьями Полоцкой земли, и тот же В. Н. Татищев сообщает, что в 1121 г. Мономах был в Смоленске «для рассмотрения несогласия и усмирения полоцких князей» [5]. Обратившись к Ипатьевской летописи, Г. В. Штыхов мог бы убедиться, что в 1127 г. «Полочане выгнаша Давыда (не Бориса!— *Л. А.*) с сынми, поемше Рогволода (Бориса.— *Л. А.*)» [6]. По недоразумению автор далее переходит к изложению событий 1128 г. и сообщает о походе на кривичей киевского Мстислава, не замечая, что это то событие, о котором он только

[4] Автор называется только в том случае, если им написан отдельный труд по интересующей Г. В. Штыхова теме. Если же автор не напечатал такового, то сколько бы он ни публиковал важных для данной темы работ, его фамилия и наименование труда останутся неизвестными, ибо «утонут» в наименовании публикующего их сборника или журнала, в «зашифрованных» ссылках. В лучшем положении оказывается только сам автор книги: его труды подробно изложены. Таким образом, на всем протяжении книги мы не найдем в ссылках имен Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, а И. М. Хозеров упомянут только в конце книги!

[5] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. II. М.— Л., 1963, с. 123, 134.

[6] ПСРЛ, т. II. М., 1962, стб. 292, 293.

что говорил, но летописи, как известно, по-разному его датируют: 1127 г. (Лаврентьевская), 1128 г. (Ипатьевская). События 1159 г. в Полоцке автором традиционно трактуются как борьба классов (с. 13). Это всегда было бездоказательно, а теперь после работ В. Л. Янина и М. Х. Алешковского о происхождении Новгорода, тем более сомнительно и требует тщательной проверки. Не забудем, что « в XII в. в Полоцке складывался тот политический строй, который нам знаком по Великому Новгороду» [7].

Справедливо отметив, что вопрос о полоцком вече и общественном строе недостаточно разработан, Г. В. Штыхов посвящает этим вопросам специальный раздел. Здесь, может быть, трудно сказать что-либо новое, но он подбирает примеры из полоцкой истории и приходит к конкретным выводам о роли князя, дружины, веча и т. д. При сравнении с такими же явлениями в других землях, все это прозвучало бы весомее и убедительнее. Отмечу некоторые мелочи. Василько, принятый полочанами, не высылался до этого в Византию (с. 16), а из высланных туда Всеславичей в Полоцк вернулись лишь внуки Всеслава и гораздо позднее. Утверждение В. Л. Янина о политической роли Евфросиньи полоцкой между 1132 и 1151 г. основано на недоразумении и напрасно приводится Г. В. Штыховым. Никакого периода «матриархата», при котором одни члены полоцкой династии «еще не вернулись из ссылки, а другие еще не подросли» [8], не было. В. Л. Янин не учел летописных данных. Между 1132 и 1140 г. (не 1151), когда вернулись сосланные в Византию полоцкие князья, в Полоцке правил приглашенный полочанами Василько Святославич, отнюдь не юноша (в 1140 г. он выдал дочь за Всеволода Ольговича). Печати игумены Евфросиньи и, может быть, ее матери, на которые ссылается В. Л. Янин, были найдены в разных городах Руси потому, что у просвещенной полоцкой игумены (и может быть ее матери) были свои деловые связи.

Разделы, посвященные топографии древнего Полоцка, вызывают наибольший интерес, однако, публикуя материалы, автор воздерживается от многих напрашивающихся выводов, отчего книга явно проигрывает. Датировку первоначального городища, открытого А. Н. Лявданским, раскопки автора подтверждают: в нижней части вала им найден типичный для длинных курганов сосуд, что позволяет, следуя за Г. В. Штыховым, датировать первоначальный Полоцк VIII—IX вв. Однако с сосудом, найденным Г. В. Штыховым в полоцком валу, произошло недоразумение. Судя по первой публикации 1963 г., сосуд этот не имел венчика, а стенки его плавно и прямолинейно сужались книзу. В рецензируемой книге изображен сосуд иного вида — с венчиком и стенками, сужающимися книзу не прямо, а с изгибом внутрь (!). Иными оказываются и пропорции сосуда: высота прежнего до его плечиков 20 *см*, а диаметр плечиков 21 *см*, высота сосуда, приведенного теперь с венчиком, по утверждению автора, 22 *см*, а прежняя высота до плечиков значительно меньше их диаметра. Сосуд, опубликованный в книге, явно ближе к сосудам из длинных курганов (что и пытается доказать автор). Если в 1963 г. сосуд был неверно сфотографирован, а потом к нему был доклеен венчик, это следовало оговорить.

С начала XI в. город был восстановлен, но уже на новом месте — в устье Полоты. Его топография была детально исследована и разработана в книге Л. В. Алексеева, причем был привлечен новый источник — Лебедевская летопись, содержащая детальные сведения по топографии Полоцка в 1563 г.— данные о полоцких памятниках археологии и архитектуры, которые в то время были еще видны и многие из которых, как удалось выяснить, относятся к домонгольской поре. Все это оставлено Г. В. Штыховым без внимания, Лебедевская летопись забыта. Автор допустил методическую ошибку и обеднил «реконструкцию», причем многое оказывается неверным (монастырь «Богородицы»—не церковь у Ксавериевского кладбища, там по Лебедевской летописи — Егорий Святой, с чем ранее Г. В. Штыхов соглашался, принимая мою аргументацию [9]). При работе над топографией Полоцка автор иногда ссылается на Полоцкую ревизию 1552 г., однако ее проекция на древний Полоцк

---

[7] *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода.— «История СССР». 1971, № 2; *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М., 1975, с. 188.

[8] *Янин В. Л.* Полоцкий матриархат.— «Знание — сила», 1970, № 12.

[9] *Штыхов Г. В.* Древнеполоцкое каменное зодчество.— В кн.: Белорусские древности. Минск, 1967, с. 292.

(хотя бы по топонимии) не производится, а количество дворов в XVI в. не дает права высчитывать механически дворы домонгольского города — их разделяют 400 лет! (с. 33). О достоинствах и недостатках описаний раскопок автора уже сказано и еще будет речь впереди. Здесь отмечаем лишь излишнюю схематичность приводимых (и в малых количествах) планов. Возможно, это происходит от масштаба, в котором сделаны оригиналы — 1/40 вместо общепринятого 1/20 или 1/10 (см. рис. 19, 21, 25).

Разделы о культуре древнего Полоцка оставляют желать лучшего. Крест Евфросиньи 1161 г. знаменит как в русском искусстве, так и в истории русского ремесла. Стоящая на нем дата, надписи, имя мастера — все это ставит его в число перворазрядных ценностей Руси. Ему здесь уделено несколько строк и отмечены лишь черты, «доказывающие», как считает автор, его местное происхождение (орнаментальные розетки «свойственны» ювелирным изделиям, «производимым в Полоцке» — каким? — доказательств нет). Сейчас выяснено, что Богша был знаменитым киевским ювелиром [10]. Столь же бегло описываются и другие памятники культуры, среди которых речь идет и о Борисовых и Рогволодовом камнях, имеющих к теме лишь опосредственное отношение. Наличие граффити (они почти неизвестны!) свидетельствуют, оказывается, о грамотности не только верхов, но и ремесленников и простых горожан (с. 117).

В Полоцке известно свыше десятка великолепных памятников архитектуры, начиная с середины XI в. и до 70-х годов XII в. Специально архитектурными памятниками Г. В. Штыхов не занимался, однако у него есть довольно обстоятельная статья об архитектуре Полоцка, написанная в основном по материалам И. М. Хозерова. Однако здесь автор предлагает лишь краткие, почти популярные выжимки из нее, без всяких попыток историко-культурных выводов. Здесь он даже не использует цитированную им выше работу В. Л. Янина о «матриархате», где есть уникальные наблюдения над наименованиями полоцкой церкви-усыпальницы в Евфросиньевском монастыре (Преображенская), раскопанной М. К. Каргером. О многом можно было бы при желании сказать, и прежде всего о местной школе зодчих, существование которой доказывается уже упорным нежеланием полоцких мастеров переходить вслед за всей Русью к новой технике порядовой кладки. Кладка с утопленным рядом, ненужная при новой технике производства плинф, держится в обособившейся политически Полоцкой земле весь XII в., а при усилившемся влиянии на Полоцк Смоленска (не наоборот!) в конце XII в. неожиданно переходит и в этот город (церковь Архангела Михаила, конец XII в.). В Смоленск и другие земли Руси переходит и идея строительства трехпритворных храмов, один из первых образцов которых был возведен в полоцком Бельчицком монастыре в начале XII в. На многие мысли наводит изучение культуры Полоцка, но в специально посвященной «древнему Полоцку» книге их почему-то нет. Лишь пассивный пересказ общеизвестного... Повторяю, вина здесь лежит не целиком на авторе: нельзя было такой капитальной и важной для истории Белоруссии теме отводить подобно древнему Волковыску 10 п. л., но вина автора в неверном, на мой взгляд, планировании изложения в сложных условиях, в которых он оказался.

Книга П. Ф. Лысенко имеет ряд несомненных достоинств: впервые публикуются исторические данные о ряде городов Турово-Пинской земли, которые почти целиком получены самим автором путем многолетних исследований. Не все его выводы могут быть приняты, так как многие раскопки носили предварительный и часто мизерный характер, однако о четырех городах земли получены вполне убедительные данные (Туров, Пинск, Давид-Городок, Слуцк). К сожалению, как и в предыдущем издании, П. Ф. Лысенко ведет повествование не комплексно — снизу вверх, а наоборот, что затрудняет знакомство с общей картиной истории поселения, однако во всех четырех случаях ставится вопрос о происхождении города, что чрезвычайно ценно. Приходится пожалеть, что эта тема начинается каждый раз не с археологического рассмотрения округи, в которой возник центр (что можно было бы изучить, хотя бы по скоплению и характеру курганов), а с общих рассуждений (однажды, правда, и об округе Турова в самом общем плане — с. 9) о плодородности

[10] *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали древней Руси. М., 1975.

окружающих почв, наличии торговых путей (Пинск, см. с. 117), политической обстановке (Давид-Городок, с. 141, 142) и т. д. На с. 9, 34, 117 говорится о большой роли путей сообщения в образовании многих туровопинских городов, однако в конце книги отмечается, что города Турово-Пинской земли от основных торговых путей были удалены (с. 181, 191). Если автор разработал карту торговых коммуникаций, хотя бы по находкам монетных кладов и отдельных монет, это недоразумение не возникло бы, а многое могло бы значительно проясниться.

П. Ф. Лысенко удалось обнаружить в архивах план Пинска 1774 г., по которому удалось установить со всей определенностью действительное место расположения детинца этого города. Ведшая ранее в Пинске раскопки Т. В. Равдина видела его совсем в ином месте. Четкое представление о топографии древнего города позволило автору верно выбрать места раскопок, как и места, которые необходимо держать под постоянным археологическим наблюдением при строительных работах в Пинске. Получен интересный разрез сохранившейся части вала и рва окольного города, автору удалось проследить даже деревянные конструкции оборонительных сооружений домонгольского времени, выяснить планировку и характер построек в древнем городе (где сохраняется дерево), как на детинце, так и в окольном городе.

Давид-Городок исследовался в 30-х годах Р. Якимовичем; обнаруженная им при раскопках уникальная деревянная церковь, остатки построек и некоторые вещи кратко описаны в популярной книжечке, изданной в Пинске. Материалы (вещи, фотографии раскопок), как я выяснил, хранятся в Варшавском музее и архиве, документация же утрачена. Опрос местных жителей позволил П. Ф. Лысенко удачно «привязаться» к раскопу Р. Якимовича и фактически продолжить его работы. Остается пожалеть, что до выхода книги автору не удалось ознакомиться с варшавской коллекцией и отразить в своих исследованиях материалы раскопок своего предшественника, Вывод, что город возник в начале XII в. как феодальная усадьба Давида Игоревича, по-видимому, справедлив (с. 141, 142).

К сожалению, вопрос о происхождении Слуцка и о характере его первоначального поселения решается П. Ф. Лысенко на столь ограниченном материале (раскоп 6×6 *м* с 2-*м* глубины был еще более уменьшен — до 18 *м*²!), что его выводы, основанные на отсутствии предметов вооружения, снаряжения всадника и коня в предматериковом слое, не убедительны. Непонятно почти полное умолчание автора о его интереснейших работах последних лет в Бресте (с 1968—1970 гг. проводятся ежегодно), о которых сам автор неоднократно сообщал в печати. Нет в исследовании П. Ф. Лысенко, с моей точки зрения, и решения некоторых общих вопросов: о соотношении в городах Туровщины детинца, окольного города и посада, выяснения (более фундированного), каким населением они были заселены. Подкупает в выводах автора отсутствие декларативности, отчетливое понимание того, что многое окончательно не может быть решено на малом еще материале, но некоторые общие вопросы все же ставить и по возможности разрешать уже следовало.

Я. Г. Зверуго сравнительно с другими авторами в лучшем положении. Маленький Волковыск легче втиснуть в прокрустово ложе 10 п. л. (хотя это и для такой темы маловато). Пользуясь указанной «привилегией», автор досконально исследует свой материал, доводя детализацию иногда даже до излишнего (размеры предметов, часто имеющих на рисунках масштаб — например, на с. 35). Пристальное внимание Я. Г. Зверуги к деталям, пожалуй, мешает ему взглянуть на все раскопанное в Волковыске с «птичьего полета», соотнести историю этого города с историей других городов Руси, что здесь и следовало бы сделать, так как листаж особенно не лимитировал автора. Хотелось бы, чтобы в разделе о культуре автор вышел за рамки чистой конкретности (раз найдены писала, значит была грамотность; то же о церкви на городище и т. д.); взглянул на Волковыск глазами ученого, изучающего историю древней Руси вообще (я не говорю о «вписании» города в округу, что, по мнению автора, сделать «представляется невозможным» (?), с. 137). Книга Я. Г. Зверуги представляет собой сравнительно хорошее руководство по волковысским древностям, но тогда почему же книга названа столь «широко»?

В целом же книги Г. В. Штыхова, П. Ф. Лысенко и Я. Г. Зверуги, при всех их недостатках,— важный вклад в археологию, для исторической же интерпретации изучаемых городов этих исследований, к сожалению, еще недостаточно.

Хроника

VII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (ЧЕРКЕССК, 1977 г.)

12—16 апреля 1977 г. в г. Черкесск (Карачаево-Черкесская автономная область, Ставропольский край) состоялась очередная региональная конференция по археологии Северного Кавказа, посвященная памяти Е. И. Крупнова. В работе конференции приняли участие археологи Москвы, Киева, Ставрополя, Краснодара, Новороссийска, Северной и Южной Осетии, Абхазии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Дагестана и Чечено-Ингушетии. За время работы прочитано 35 докладов по вопросам древнейшей, древней и средневековой археологии Северного Кавказа.

Первый день работы конференции был посвящен специально запланированной теме — проблемам урбанизации. Было заслушано и обсуждено шесть докладов (Х. Х. Биджиев, В. А. Кузнецов, В. Г. Котович, И. М. Чеченов, А. А. Кудрявцев, В. Б. Ковалевская). Х. Х. Биджиев (Черкесск) остановился на истории и последних результатах исследования Хумаринского городища. В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) посвятил свой доклад общей характеристике и структурным особенностям Нижнеархызского городища. Докладчик особо подчеркнул важность географического расположения городища на скрещении перевальных путей, что в немалой степени способствовало его росту и значению как одного из центров древней Алании X—XIV вв.

В. Г. Котович (Махачкала) в докладе «О процессе урбанизации в древнем Дагестане» предложил опыт реконструкции процесса формирования древних городов на указанной территории. На основе изучения ряда городищ, таких, как Новая надежда, Бавтугайское, Махачкалинское, Урцекинское, Таргу и др., В. Г. Котович считает возможным ставить вопрос о существовании в Дагестане древних городов «как особой исторической категории, сложившейся в ходе социально-экономического развития местного общества, основанного на земледелии». Им выделено четыре последовательных этапа урбанизации в Дагестане, от поселений «протогородского типа начала I тысячелетия до н. э.» до развитых средневековых городов.

Доклад И. М. Чеченова (Нальчик) «Нижний Джулат как раннефеодальный город» посвящен характеристике Нижне-Джулатского городища и причинам, способствовавшим формированию на Тереке этого средневекового города. По мнению докладчика, структура города, его планировка отражают последовательное заселение укрепленной территории, а также его формирование сначала как центра родовой общины на рубеже нашей эры, позднее постепенно развивающегося в раннефеодальный город с полиэтничным населением.

А. А. Кудрявцев (Махачкала) в докладе «Этапы становления средневекового города (по материалам Дербента)» проследил пути сложения крупного феодального города. Основываясь на анализе материалов многолетних раскопок, докладчик выделяет три этапа становления Дербента как крупного военно-политического центра. По мнению А. А. Кудрявцева, уже в раннесасанидский период складывается двухчастная структура города, причем он превращается из военно-административного центра в торгово-ремесленный. На втором (VIII—X вв.) и третьем (XI—XII вв.) этапах Дербент предстает уже как крупный развитый торгово-ремесленный город и важный транзитный пункт на пути с запада на восток.

В. Б. Ковалевская (Москва) представила доклад «Основные итоги и задачи изучения раннесредневековых поселений Карачаево-Черкесии», где изложен опыт изучения одного микролокального района. На примере Малокарачаевского района Ставропольского края прослежена система создания раннесредневековых поселений, характер их группировок в основном по долинам рек в местах, близких к торговым и скотопрогонным путям. Важной частью доклада оказалось изложение результатов раскопок на поселении «Указатель» по р. Аликоновке близ Кисловодска. Материалы из слоя позволяют определить время появления в этих районах тюркского элемента VIII—IX вв. и прояснить спорные вопросы алано-болгарских отношений.

По докладам первого дня выступили В. И. Марковин, В. Г. Котович, М. Х. Багаев, В. А. Кузнецов. Всеми отмечена важность разработки проблемы истории городов на Северном Кавказе. В. А. Кузнецов указал, что процесс возникновения городов на Кавказе, протекая в том же русле, что и в Европе, имел свои специфические особенности. Специфика заключалась в том, что в отличие, например, от античных городов они вырастали из родовых поселков. Кроме того, долго сохранялся их полуаграрный характер, обусловленный долгим сохранением патриархально-родовых отношений. В. Г. Котович, соглашаясь с тем, что в общих чертах процесс становления городов был единым, тем не менее подчеркивал в своем выступлении, что этот процесс протекал в разных частях Северного Кавказа далеко не одинаково. По его мнению, это обусловлено различием в хозяйственном укладе, что прослеживается в материалах оставленных городищ. На северо-западе Кавказа памятники свидетельствуют об оседло-земледельческом характере населения. На северо-востоке открыты памятники с зачатками укреплений городского типа. В центральной части Кавказа сложение городов шло более медленными темпами, и они оформились позднее здесь, чем в других местах региона. Ранее всех поселения с зачатками укреплений городского типа, по мнению В. Г. Котовича, сложились на северо-востоке. В связи с дискуссией об отождествлении некоторых известных в источниках названий городов и имеющихся в наличии городищ, В. И. Марковиным был поднят вопрос о чрезвычайно спорном отождествлении В. Б. Виноградовым Алханкалинского городища в Чечено-Ингушетии с древним городом Магасом. Сомнения в этой идентификации отразились и в выступлениях М. Х. Багаева и В. А. Кузнецова. В. А. Кузнецов указал на ценность раскопанных В. Б. Ковалевской на городище «Указатель» остатков юрты — важного свидетельства симбиоза болгаро-аланской культуры в изучаемом районе.

На второй день заседаний заслушано 10 докладов по раннесредневековой тематике и проблемам бронзового века Кавказа. Доклад Е. П. Алексеевой (Черкесск) «Происхождение абазин и расселение их в средние века» был посвящен абазинам и абхазам — близкородственным народам, заселявшим территорию современной Абхазии и восточное побережье Черного моря. По мнению докладчика, предки абхазов и абазин проникли на северные склоны Кавказского хребта еще в III—II тысячелетиях до н. э. (дольмены Закубанья). В более позднее время с этим населением связаны погребения с трупосожжениями V—XV вв. В VII—XII вв. абазины проникли в Закубанье; в VIII—IX вв. отдельные протоабазинские группы по Клухорскому перевалу проходили в Карачаево-Черкесию. В XIII—XIV вв. и до XVII в. началось массовое переселение абазин (тапантовцев, шкауровцев) на Северный Кавказ.

Доклад М. Г. Магомедова (Махачкала) и М. П. Абрамовой (Москва) «К вопросу о происхождении раннесредневековой культуры Северного Дагестана» подводил некоторые итоги исследования керамики Андрейаульского городища в Приморском Дагестане. Представлена попытка воссоздания процесса формирования культуры раннесредневековых памятников, связанных с формированием Хазарского каганата. Стратиграфия городища и генезис керамики, по мнению докладчиков, свидетельствуют о единой непрерывной линии развития местной культуры, «которая лишь модифицировалась в последующих этапах». Наиболее ранние слои городища и могильники, расположенные рядом, уходят во II—III вв. н. э. Отложения верхних слоев связаны с хазарским периодом и находят «неслучайные параллели в памятниках салтово-маяцкой культуры». Основа культуры Андрейаульского городища оказалась местной, «развившейся под влиянием культурных традиций Кавказской Албании». Доклад М. Н. Ложкина (ст. Отрадная Краснодарского края) «Новые историко-архитектурные памятники в Отрадненском районе Краснодарского края» был посвящен исследованию двух раннехристианских часовен X—XII вв. в верховьях Кубани. По планировке и некоторым строительным и архитектурным деталям эти памятники близки сооружениям Нижне-Архызского городища. Г. Х. Текеев (Черкесск) сообщил о раскопках 1976 г. раннесредневекового городища «Амгата» близ аула Нижняя Теберда. О древностях Хумаринского района в Карачаево-Черкесии доложил С. Д. Мастепанов (Черкесск). Им обследованы оборонительные сооружения в округе городища Хумара, а также многочисленные и разновременные могильные сооружения (катакомбы, грунтовые могилы, менгиры) и пункты отдельных находок.

Докладом У. Э. Эрдниева (Элиста) «Об идеологических представлениях племен катакомбной культуры» была начата серия докладов по теме бронзового века Северного Кавказа. Доклад посвящен отдельным археологическим находкам, свидетельствовавшим о религиозных представлениях у племен катакомбной культуры с территории Калмыкии. В известной степени с этим сообщением перекликался доклад В. М. Котович (Махачкала) «К вопросу о календарных знаках и счете времени у древних охотников горного Дагестана». На основе изучения наскальных рисунков писаниц Чинна-Хитта и Чувал-Хвараб В. М. Котович высказала мнение о существовании представлений о счете времени по лунному календарю у населения Дагестана с эпохи мезолита. Об интересных результатах раскопок 1976 г. курганов майкопской культуры около аула Кубина в Карачаево-Черкесии сообщил Х. Х. Биджиев (Черкесск). Докладом О. М. Давудова (Махачкала) «О возникновении склепов в Дагестане в скифский и албано-сарматский периоды» и сообщением П. А. Дитлера (Майкоп) и А. М. Ждановского (Краснодар) «Новый памятник раннего железного века Прикубанья» завершился второй день работы конференции.

В прениях по докладам второго дня выступили Ю. Н. Воронов, А. В. Дмитриев, В. Б. Ковалевская, В. Г. Котович, В. И. Марковин, А. Л. Нечитайло, И. М. Чеченов и У. Э. Эрдниев. Выступавшие отметили большой интерес доклада Е. П. Алексеевой, но не все в этом сообщении показалось убедительным. Вряд ли возможно только с тюрками связывать обряд трупосожжения (В. Б. Ковалевская, А. Д. Дмитриев), так как он не всегда является этническим показателем (Ю. Н. Воронов). В. Г. Котович, выступая по докладу М. Г. Магомедова и М. П. Абрамовой, согласился с основной мыслью докладчиков, но все же указал на отсутствие, с его точки зрения, убедительных данных, доказывающих непрерывность керамической традиции в слое Андрейаульского городища. По его мнению, при сравнении нижних и самых верхних слоев ощущается разрыв керамической традиции. Выступавшие по докладу У. Э. Эрдниева высказали пожелание о более тщательном и осторожном подборе аналогий (В. И. Марковин, И. М. Чеченов). А. Л. Нечитайло выразила несогласие с У. Э. Эрдниевым в вопросе происхождения катакомбной культуры, которую докладчик склонен выводить с Кавказа. А. Л. Нечитайло и В. И. Марковин обратили внимание Х. Х. Биджиева на «срубоидные» элементы в его новых материалах из аула Кубина. Выступавшие единодушно расценили как особо выдающееся событие раскопки П. А. Дитлером и А. М. Ждановским меотского кургана IV в. до н. э. с остатками конских захоронений, многочисленным оружием, панцирем и предметами античного импорта (гемма и сосуды).

Из 11 докладов третьего дня заседаний большинство было посвящено проблемам раннего железного века Северного Кавказа. Доклад В. И. Козенковой (Москва) «К вопросу о границах западного варианта кобанской культуры» был посвящен уточнению ареала западной группы Кобани. На основе картографирования материалов кобанского облика (керамики, комплексов могил и отдельных находок) в докладе поставлен вопрос о неправомерности термина «прикубанская культура» применительно к верховьям Кубани. Анализ комплексных находок, пересмотр старых материалов и новейшие историко-металлургические изыскания дают, по мнению В. И. Козенковой, серьезные основания рассматривать Верхнюю Кубань в начале I тысячелетия до н. э. и до V—IV вв. до н. э. как район западного варианта кобанской культуры, а в металлургическом аспекте как один из западных периферийных очагов металлообработки на ее территории.

Б. В. Техов (Цхинвали) посвятил свой доклад «К вопросу об определении южной границы кобанской культуры» анализу новых находок из Юго-Осетии, в основном Стырфазского могильника, позволивших уточнить южную границу кобанской культуры по среднему течению Большой Лиахвы. Именно здесь, по мнению Б. В. Техова, прослеживается контактная зона кобанской культуры с культурой внутренней Картли и восточной Грузии вообще.

В докладе С. Л. Дударева (Грозный) «К интерпретации некоторых комплексов VII в. до н. э. из Пятигорья» предпринята попытка уточнения времени и условий появления предметов скифских типов в памятниках кобанской культуры района Пятигорска и Кисловодска.

А. Л. Нечитайло (Киев) в докладе «Новые памятники прикубанской культуры у истоков Теберды» проанализировала некоторые комплексы из разрушенных могильников в бассейне рек Домбай-Ульген и Алибек. Дата этих комплексов определена ею VI—V вв. до н. э.

Доклад Н. Л. Членовой (Москва) «Раскопки памятника Султан-гора III под Кисловодском» посвящен предварительной интерпретации новых памятников на Султан-горе. Особо примечательно открытие погребальных сооружений первой половины VI в. до н. э. типа каменных оград из песчаниковых плит вокруг нескольких каменных ящиков. Внутри ограды имелись каменные отмостки. По мнению Н. Л. Членовой, погребения оставлены смешанным скифо-кобанским населением. Слой поселения, подстилающий могильник, отнесен исследовательницей к VIII—VII вв. до н. э. Результатам раскопок кургана майкопской культуры в поселке Иноземцево под Пятигорском был посвящен доклад В. Г. Петренко (Москва). Доклад В. И. Марковина (Москва) «Из опыта изучения Сентинского храма и его раскопки в 1976 году» ознакомил слушателей с великолепными находками из южной части храма, где было обнаружено богатое средневековое захоронение с 15 золотыми украшениями. Многие из них византийского происхождения.

Интересные материалы из погребения гуннского времени близ с. Кишпек (Кабардино-Балкарская АССР) были продемонстрированы Р. Ж. Бетрозовым (Нальчик). В докладе Ю. Н. Воронова (Сухуми) «Из истории перевальных путей, связывавших Восточное Причерноморье с Северным Кавказом» были рассмотрены важнейшие свидетельства о путях через перевалы Псеашхо, Санчар, Марух и Кодор. По мнению докладчика, функционирование большинства из них фиксируется с эпохи средней бронзы, а Кодорского — с III тысячелетия до н. э. Герзеульской крепости в Абхазии как одному из оборонительных узлов Клухорского перевального пути посвятил сообщение О. Х. Бгажба (Сухуми).

Исследование этой крепости позволило впервые получить интересные данные об организации обороны Клухорского перевала в раннем средневековье. А. В. Дмитриев (Новороссийск) сделал сообщение о реконструкции седла гуннского времени на основе материалов из района Новороссийска.

В дискуссии по докладам третьего дня приняли участие Ю. Н. Воронов, А. В. Найденко, В. Г. Котович, И. М. Чеченов, В. И. Марковин, А. В. Дмитриев, В. И. Козенкова, Б. В. Техов, Н. Л. Членова, В. А. Кузнецов, С. Л. Дударев, М. Х. Багаев, В. Б. Ковалевская. Активно прошло обсуждение докладов по кобанской тематике. Аргументированность точки зрения В. И. Козенковой о так называемой прикубанской культуре и о принадлежности верхнекубанских древностей эпохи поздней бронзы — раннего железного века к кобанской культуре поддержали Ю. Н. Воронов, А. В. Найденко, В. Г. Котович, Н. Л. Членова. В. И. Марковин, Б. В. Техов и С. Л. Дударев призвали докладчика к осторожности в общей оценке материалов и к необходимости ориентации на полноценные источники по данному вопросу. Выступившие по докладу Б. В. Техова, Ю. Н. Воронов, А. В. Найденко, В. Г. Котович, И. М. Чеченов, В. И. Козенкова в целом поддержали его точку зрения о южной границе кобанской культуры. Однако прозвучали пожелания более обстоятельной аргументации хронологии и периодизации ряда комплексов из Тли и Стырфаза (В. Г. Котович, В. И. Козенкова).

Не менее оживленно прошло обсуждение одного из важных аспектов кобанской тематики, прозвучавшего в докладах С. Л. Дударева и Н. Л. Членовой: о взаимодействии местной и скифской культур, о качественном вкладе последней в культуру второго этапа Кобани и о возможности выделения собственно скифских памятников на Северном Кавказе. По поводу некоторых положений доклада С. Л. Дударева прозвучали пожелания более основательной аргументации конкретными материалами. В частности, относительно интенсивного использования перевалов скифами (Ю. Н. Воронов, В. Г. Котович, Б. В. Техов, В. И. Марковин, М. Г. Магомедов) и о датировке некоторых западнокобанских комплексов (В. И. Козенкова, Н. Л. Членова). Н. Л. Членова предостерегла исследователя от механического привлечения некоторых дальних аналогий (тагарские зеркала) для хронологических построений. Положительную оценку получили в выступлениях Ю. Н. Воронова, А. В. Дмитриева, Б. В. Техова, С. Л. Дударева, В. И. Козенковой новые раскопки Н. Л. Членовой, благодаря которым значительно обогатились представления о погребальном обряде кобанских племен в районе Кисловодской котловины. Большую значимость материалов из раскопок В. Г. Петренко в Иноземцево отметили И. М. Чеченов и В. И. Марковин. Этот курган относится ко второму этапу майкопской культуры и не уступает по значимости Нальчикской гробнице. Реконструкция седла гуннского времени, предложенная А. В. Дмитриевым, была положительно оценена В. А. Кузнецовым и В. Б. Ковалевской. М. Х. Багаев обратил внимание докладчика на находку близких деталей седла в северо-восточной Чечне. Выступая по докладу Ю. Н. Воронова, В. И. Марковин посоветовал докладчику в дальнейшем картографировать данные о перевальных путях и сопоставить их с известными этнографическими материалами о скотопрогонных путях через Кавказский хребет. Отмечая большой интерес погребения у сел. Кишпек, раскопанного Р. Ж. Бетрозовым, В. А. Кузнецов, В. Б. Ковалевская и М. Х. Багаев высказали мнение, что оно относится к эпохе переселения народов и может быть датировано V—VI вв. В. А. Кузнецов, выступая по поводу блестящих находок В. И. Марковина в Сентинском храме, согласился с предложенной докладчиком датой захоронения и привлеченными аналогиями. По мнению В. А. Кузнецова, этот памятник необходимо изучать в комплексе с мавзолеем V—X вв., расположенным вблизи храма. В. А. Кузнецов обратил внимание докладчика на грузинские реминисценции в росписях Сенты.

Последний день заседаний был посвящен в основном средневековой тематике. Заслушано 8 докладов. Доклад Н. В. Анфимова (Краснодар) был посвящен памятникам Черноморского побережья (Сопинский могильник и крепость в сел. Ново-Михайловское). Погребальный инвентарь из могильника, а также керамика из обоих памятников близко сопоставимы, по мнению докладчика, с уже известными материалами из могильников этого же района (Агейский, Небугский, Борисовский), Прикубанья (Пашковский I, Елизаветинский II) и из закубанских городищ Адыгеи. Единство культуры всей группы, а также известные исторические свидетельства о расселении племен на данной территории в эпоху раннего средневековья позволили Н. В. Анфимову относить рассматриваемые памятники к зихам.

Во втором докладе А. В. Дмитриева «О раннем этапе могильника Дюрсо» сообщалось о материалах V—VIII вв. н. э. По погребальному обряду (трупосожжение) и инвентарю, а также по данным письменных источников докладчик склонен относить раннюю группу могил к крымским готам, возможно, готам-тетракситам Прокопия Кесарийского. Детали конской сбруи и седел, мечи с широкими перекрестиями свидетельствуют о тесных контактах указанной группы с гуннами.

В докладе Г. Е. Афанасьева (Москва) «К вопросу об общественном устройстве раннесредневекового населения Северного Кавказа» предпринята попытка на основе топографии могил в катакомбном могильнике «Мокрая балка» под Кисловодском и по данным поселений уловить формы патронимии, существовавшей у населения этого района, по мнению докладчика, на протяжении 10 поколений. Выводы, сделанные на материалах «Мокрой балки» подтверждаются, с точки зрения Г. Е. Афанасьева, и материалами скальных могильников.

В докладе В. М. Батчаева (Нальчик) «О многоугольных склепах Северного Кавказа» выдвинута гипотеза о происхождении наземных многоугольных склепов с пи-

рамидально-шатровым перекрытием. Докладчик сторонник точки зрения рассматривающей указанные склепы как реминисценцию многоугольных жилищ, характерных для кочевников на стадии перехода к оседлости. Появление этих склепов связывается, в частности, с предкавказскими тюрками — половцами. В XIII—XIV вв. они имели близкие по плану жилища. Приблизительно в это же время, по мнению В. М. Батчаева, возникли многоугольные склепы, сочетавшие в себе своеобразную форму и элементы горской архитектуры. О новых материалах XIV—XVII вв. из кабардинских курганов у сел. Чегем II (Кабардино-Балкарская АССР) доложил А. Х. Нагоев (Нальчик). Докладчик заострил внимание на признаках, свидетельствующих о влиянии половецкой кочевнической культуры на кабардинскую (погребальные ямы с уступами, балбалообразные камни в насыпи). О погребальном комплексе VII—VIII вв. из сел. Чишки (Чечено-Ингушская АССР) рассказал М. Х. Багаев (Грозный). Найденные здесь поясные накладки, пряжки, украшения и сосуд сочетали черты местной, аланской и салтовомаяцкой культур. О разведках последних лет экспедиции исторического факультета МГУ в верховьях Кубани (ущелья Индыша, Аманкола и др.) сообщили в своем докладе Я. А. Федоров и У. Ю. Эльканов. Разведанные средневековые памятники (городища, скальные катакомбы, наземные и полуподземные гробницы и подземные склепы) относятся к западному варианту аланской культуры Северного Кавказа. В. Я. Сергин (Москва) в докладе «Раскопки В. А. Городцова и вопрос о палеолитическом жилище в Ильской» высказал мнение о недостоверности данных о наличии остатков жилища в Ильской стоянке. По тематике докладов последнего дня выступили А. В. Дмитриев, В. И. Марковин, В. Б. Ковалевская, Г. Е. Афанасьев, В. А. Кузнецов, Х. Х. Биджиев, Кереитов, В. М. Батчаев. Важность доклада Н. В. Анфимова отметили А. В. Дмитриев и В. Б. Ковалевская. Соглашаясь с точкой зрения докладчика о принадлежности Сопинского могильника зихам, А. В. Дмитриев относит смешанный характер его материалов за счет влияния крымских готов. На значимость материалов из могильника «Дюрсо» для решения вопроса о сложении адыгской народности указали Н. В. Анфимов, В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов. Принимая точку зрения А. В. Дмитриева о большой роли в сложении культуры могильника готов-тетракситов (украшения, тип костюма), в то же время все выступавшие высказались против излишней категоричности и прямолинейности, прозвучавшей в докладе в отношении этнической (готской) интерпретации материалов. Нельзя исключить в такого рода памятнике и полиэтничность (В. А. Кузнецов), тем более что керамика в нем не готская, а местная (Н. В. Анфимов). Об актуальности доклада Г. Е. Афанасьева говорили В. И. Марковин и В. Б. Ковалевская. Не подвергая сомнению логичность и серьезность выводов докладчика, выступавшие отмечали недостаточность материалов. Оживленно обсуждался доклад В. М. Батчаева. Выступившие по нему В. И. Марковин, В. Б. Ковалевская, Х. Х. Биджиев, Кереитов высказались за возможность постановки вопроса в плане, предложенном докладчиком, но в то же время указали, что предположение о том, что прототипом многоугольных склепов была юрта, можно рассматривать лишь как гипотезу, как один из вариантов подхода к вопросу. Скептическое отношение к построениям В. М. Батчаева прозвучало в выступлении В. А. Кузнецова. Существенным аргументом, противоречащим гипотезе В. М. Батчаева, является, по мнению В. А. Кузнецова, тот факт, что в Тагаурии (Осетия) тюрок не было, а многоугольные склепы есть. Возражая В. А. Кузнецову, Х. Х. Биджиев и Кереитов привели данные о пребывании ногайцев в Осетии, впрочем, в более позднее время, чем дата многоугольных склепов.

В заключение участниками конференции была принята резолюция, подводившая итоги работы. Во время пребывания в Карачаево-Черкесии присутствовавшие ознакомились с экспозицией и фондами краеведческого музея и посетили Нижне-Архызское городище. Необходимо отметить прекрасную организацию конференции, которая могла быть осуществлена только благодаря помощи руководящих органов Карачаево-Черкесии и большой работе сотрудников научно-исследовательского института.

В. И. Козенкова

VIII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (НАЛЬЧИК, 1978 г.)

С 11 по 15 апреля 1978 г. в Нальчике состоялись очередные VIII Крупновские чтения, организованные сектором археологии Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики. Кроме археологов из автономных областей и республик Северного Кавказа в ней приняли участие представители вузов и научных учреждений Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Краснодарского и Ставропольского краев, Юго-Осетии и Абхазии. Основное внимание конференция уделила проблемам этнической истории северокавказского региона. Всего было заслушано 39 докладов.

С методологической точки зрения большой интерес вызвал доклад С. А. Арутюнова и А. М. Хазанова (Москва) «Проблема археологических критериев этнической специфики». В докладе говорится об этносах в первобытном обществе и сущности археологической культуры в связи с проблемой этнической интерпретации архео-

логического материала. Распространенное представление, что археологическая культура непременно должна соответствовать определенной этнической общности, в свете этнографических параллелей представляется не совсем верным. По мнению авторов, археологическая культура может охватывать не один, а несколько различных этносов, возможны и явления обратного порядка. Встречающиеся иногда попытки выделения этноса на основе отдельно взятых элементов культуры несостоятельны. Предостерегая от переоценки археологического материала в качестве основы реконструкций этнической карты, докладчики указали на необходимость дальнейшего совершенствования методики таких изысканий.

В докладе И. М. Чеченова (Нальчик) «Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших археологических исследований в Кабардино-Балкарии» содержится обзор и краткая интерпретация материалов новостроечных экспедиций сектора археологии Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики в 1972—1977 гг. По предположению И. М. Чеченова, миграция племен майкопской культуры из Прикубанья в центральные и восточные районы Северного Кавказа происходила двумя основными потоками: в самом конце I этапа этой культуры и в конце III тысячелетия до н. э. Памятники последующих эпох свидетельствуют об инфильтрации во II тысячелетии до н. э. степняков-катакомбников в предгорные и горные районы края, а в I тысячелетии до н. э.— отдельной группы киммерийцев. Проникновение кочевников (гуннов, болгар) в предгорья Центрального Кавказа прослеживается и в средневековых памятниках (гуннский курганный могильник у с. Кишпек, Жанхотекское поселение и т. д.).

Доклад В. И. Марковина (Москва) «Памятники эпохи бронзы Кавказа и некоторые вопросы их интерпретации» был посвящен критическому разбору изданных в последние годы работ по дольменам Западного Кавказа. Существенным недостатком некоторых из этих работ докладчик считает чрезмерную широту обобщений при слабом знании авторами литературы, а также исходного материала, слабую аргументацию отдельных выводов и т. д.

С докладом «Проблемы этнической принадлежности носителей ямной и катакомбной культур в отечественной литературе» выступил У. Э. Эрдниев (Элиста). Исходя из существующего в науке представления об ираноязычном происхождении ямников и катакомбников, автор относит время распада общеарийского единства (соответствующего эпохе ямной культуры) ко второй половине III — началу II тысячелетия до н. э. Под натиском племен катакомбной культуры одна часть ариев отошла на запад, другая ассимилировалась с пришельцами. Впоследствии рост населения вынудил самих катакомбников мигрировать в поисках пастбищ в Заволжье, Приаралье, Среднюю Азию. Судя по обнаруженным на Кавказе катакомбам, движение степняков могло происходить и в южном направлении, через Дербентский и другие проходы.

Об этническом составе древнего населения Северо-Западного Кавказа говорилось в докладе Н. В. Анфимова (Краснодар) «Вопросы этнической истории синдо-меотов». Полемизируя с О. Н. Трубачевым, считающим синдо-меотов «местными праиндийцами», автор предполагает их принадлежность к кавказской языковой семье (протоадыгской ветви). Помимо письменных и археологических источников это положение аргументируется данными лингвистики, топонимики, ономастики.

Ю. Н. Воронов (Сухуми) выступил с докладом «Западнокавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа». Выделяя на территории Кавказа эпохи бронзы две основные культурные области (восточнопричерноморскую, или западнокавказскую, и западноприкаспийскую, или восточнокавказскую), автор склонен видеть в населении этих областей предков современных абхазо-адыгских и нахско-дагестанских народов. В X—VII вв. до н. э. на западном Кавказе, по его мнению, существовала единая колхидско-кобанская культура (или этнокультурная общность), северокавказские варианты которой возникли в результате миграции части колхидских племен. В пределах колхидско-кобанского ареала докладчик выделяет 12 локальных вариантов этой культуры.

Вопросы изучения проблем этногенеза по археологическим данным рассмотрены в докладе В. И. Козенковой (Москва) «Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры)». По мнению автора, такими критериями могут служить традиционный для каждого памятника комплекс признаков, массовый и компактный характер распределения специфических черт культуры в пределах ареала и т. д.

В докладе Б. М. Керефова (Нальчик) «К этнической истории племен центральной части Северного Кавказа в сарматское время» предпринята попытка, привлекая новые данные, охарактеризовать процесс сарматизации центральнопредкавказских племен. Опираясь на анализ материалов, полученных в результате раскопок крупнейшего кургана-кладбища II в. до н. э.— II в. н. э. у с. Чегем II, автор высказал мысль, что долгое и тесное взаимодействие сарматов и местных племен должно было привести к ассимиляции одного из них и созданию нового этнического образования, отличного от обоих слагаемых компонентов и вместе с тем впитавшего в себя наиболее устойчивые традиции их духовной и материальной культуры.

По мнению Б. М. Керефова, открытие катакомбных захоронений II—I вв. до н. э. предполагает присутствие в Центральном Предкавказье последних веков до нашей

эры представителей северокаспийских аорсов и каких-то среднеазиатских (сако-массагетских) племен. Докладчик ставит вопрос о возможности сложения центральнопредкавказских алан в рамках аорской конфедерации племен.

В своем докладе «Хазария и Северный Кавказ» М. Г. Магомедов (Махачкала) анализирует роль хазар в сложных этнических процессах, особенно в Приморском Дагестане.

Некрополь древнего политического центра Хазарии — Верхнечирюртского городища — докладчик связывает с кочевниками-тюрками. Верхнечирюртский курганный катакомбный могильник VII—VIII вв. связывается им с пришлой хазарской знатью. Конструктивные особенности и специфика инвентаря могильника необычны для аланских погребений и характерны для тюрок и авар Среднего Подунавья. Немаловажное значение имеют также антропологические данные верхнечирюртских катакомб и особенности погребального ритуала. В заключение отмечено, что аланы не являются единственными носителями катакомбного обряда захоронения и культуры верхнечирюртского типа на Северном Кавказе. Этот обряд в условиях Кавказа теряет свою устойчивость и исключительность. Носителями катакомбного обряда здесь выступают также тюркоязычные кочевники (гунны, савиры и хазары и т. д.), с которыми связано распространение этого обряда и в Юго-Восточной Европе.

В докладе В. М. Батчаева (Нальчик) «К этнической истории балкарцев и карачаевцев» охарактеризован завершающий этап формирования этих народностей, который обычно принято связывать с проникновением в высокогорные районы Центрального Кавказа группы половцев. Основное внимание докладчик акцентировал на дате и причинах, вызвавших эту миграцию: нашествие монголов в 1237—1239 гг., в результате чего часть половцев была вытеснена из степи и вынуждена заселить плоскостные районы Алании, и разгром Тамерланом алано-половецкого населения Северного Кавказа и последовавшая за этим адыгская миграция в центральные районы края. Такая постановка вопроса расходится с тезисом Л. И. Лаврова, считавшего основной причиной миграции половцев нападение на них монголов в 1222 г. По мнению В. М. Батчаева, первое появление монголов не могло повлечь за собой столь заметные изменения на этнической карте Северного Кавказа.

В дискуссиях по докладам первого дня заседаний приняли участие К. Ф. Смирнов, М. П. Абрамова, Б. В. Техов, В. И. Козенкова, С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов, В. А. Сафронов, И. М. Мизиев, Х. Х. Биджиев. Отметив актуальность доклада С. А. Арутюнова и А. М. Хазанова, выступавшие (К. Ф. Смирнов, В. И. Козенкова) подчеркнули сложность, но небесперспективность поставленной проблемы, в разрешение которой определенный вклад должны внести археологи.

Выступая по докладу И. М. Чеченова, В. А. Сафронов отметил ценность представленных материалов: особое внимание было обращено на открытие в высокогорной зоне катакомбы эпохи бронзы, дополняющей наряду с синхронной катакомбой, раскопанной в Дигорском ущелье, традиционное представление об этнокультурной истории края во II тысячелетии до н. э.

Наиболее оживленную дискуссию вызвал доклад Ю. Н. Воронова. Выступившие в прениях Б. В. Техов и В. И. Козенкова возражали по поводу предложенной докладчиком схемы локальных вариантов «колхидско-кобанской» культуры. Б. В. Техов указал на некоторую искусственность этой схемы, в основу которой положены лишь отдельные бронзовые предметы. Что же касается бронзовой культуры Абхазии, то она выступает как совершенно самостоятельная культура. И. М. Мизиеву также показалась малоубедительной попытка Ю. Н. Воронова объединить колхидскую и кобанскую культуры в единое целое. Спорным представляется и последний тезис Ю. Н. Воронова об этнической интерпретации доантичной культуры Восточного Причерноморья. Б. В. Техов указал на неправомерность сопоставления населения этого региона только с гениохами.

При обсуждении доклада Б. М. Керефова М. П. Абрамова решительно возразила докладчику по вопросу о принадлежности центральнопредкавказских катакомб II—I вв. до н. э. сарматам, в частности аорсам, отмечая при этом местный характер этих погребений. Докладчика поддержал К. Ф. Смирнов, который заметил, что во всяком случае идея катакомбных захоронений на эту территорию была занесена сарматами.

Давая в целом положительную оценку доклада В. И. Козенковой, Б. В. Техов вместе с тем критически отнесся к ее попытке интерпретировать материальную культуру большей части Северного Кавказа (от Кубани до Дагестана) I тысячелетия до н. э. как некую культурную общность. Хороший отзыв получили доклады М. Г. Магомедова и В. М. Батчаева.

Во второй день конференции было заслушано еще 13 докладов. С докладом «К вопросу о расселении племен майкопской культуры в центральных районах северного Кавказа» выступил Р. Ж. Бетрозов (Нальчик). Постановка вопроса о времени миграции «майкопцев» стала возможной в связи с обнаружением и исследованием многочисленных памятников этой эпохи в районах к востоку от Прикубанья. Отсутствие среди них ранних комплексов майкопской культуры позволяет датировать этот процесс преимущественно средней ступенью ее развития. На рубеже II—I тысячелетия до н. э. в Южном Дагестане появляется обряд захоронения в грунтовых

могилах с деревянными перекрытиями и каменными выкладками на поверхности. Возникновению этого обряда посвящен доклад О. М. Давудова (Махачкала) «О происхождении обряда грунтовых захоронений конца II — начала I тысячелетия до н. э. в Южном Дагестане». Автор связывает указанный тип погребальных сооружений с миграцией группы населения из Закавказья. И. Г. Волков (Краснодар) ознакомил участников конференции с материалами последних исследований в степном правобережье Кубани. Особенности погребального обряда и инвентаря свидетельствуют об инфильтрации сарматов во II в. до н. э. в меотскую среду. Большой интерес вызвал доклад В. Б. Ковалевской (Москва) «Анализ погребальных сооружений эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе». В нем говорилось о необходимости унифицировать характеристики погребальных сооружений. Это могло бы облегчить типологическую классификацию средневековых памятников и их этнокультурную интерпретацию. В докладе «К вопросу о катакомбных и склеповых сооружениях юга Восточной Европы» М. П. Абрамова (Москва) сделала попытку проследить схему развития погребальных сооружений камерного типа. Если для территории Европейского и Азиатского Боспора, а также некрополей северопричерноморских городов однотипные сооружения известны под наименованием «склепы» — земляные или каменные, то на Северном Кавказе сосуществуют два термина: «склепы» — для обозначения подземных каменных сооружений — и «катакомбы» — могилы аналогичной формы, вырытые в земле. Оба термина на Северном Кавказе стали служить для выделения этнической специфики местного и ираноязычного населения. Анализ катакомб или склепов различных территорий позволил докладчику выявить своеобразные их черты в каждом из районов. История развития склепов на Северном Кавказе несколько иная, чем на других территориях. Это объясняется тем, что здесь каменные подземные склепы известны с эпохи бронзы. Начало распространения земляных склепов (катакомб) следует отнести к III—II вв. до н. э., что по времени совпадает с распространением их в более западных районах (Прикубанье, Крым). Это свидетельствует, по мнению М. П. Абрамовой, о единой линии развития племен разных районов Северного Кавказа и Крыма. Обстоятельная характеристика и критический анализ имеющихся в кавказоведческой литературе версий об этногенезе вайнахов содержатся в докладе М. Х. Багаева (Грозный) «Гипотезы о происхождении чеченцев и ингушей». В докладе использованы сведения античных и средневековых авторов, а также данные археологии, этнографии, лингвистики и других наук. Х. Х. Биджиев и Н. Х. Татаркулов (Черкесск) рассказали об итогах раскопок Хумаринского городища в 1977 г. Установлено, что его восточная часть состоит из двух основных культурных слоев: верхнего (VIII—X вв.), относящегося к хазарскому периоду, и нижнего (IV—VII вв.), связываемого преимущественно с аланским населением городища. Авторы отождествляют Хумару с древним Схимарисом. Кроме того, высказано предположение о значительной инфильтрации тюрок (хазар, болгар) на территорию Карачаево-Черкесии в период усиления Хазарского каганата и об ассимиляции ими части алан. Средневековым памятникам адыгов посвящены доклады Е. П. Алексеевой (Черкесск) «Кабардинские и западночеркесские курганы Карачаево-Черкесии как источник по изучению этнической истории адыгов» и А. Х. Нагоева (Нальчик) «К вопросу о месте кабардинской культуры в культуре адыгских и соседних северокавказских народов». В первом докладе курганы Северо-Западного Кавказа сопоставляются с курганами центральных и восточных районов Предкавказья по погребальному обряду и инвентарю. Нижней датой адыгских курганов Е. П. Алексеева считает XIII в. Во втором докладе культура средневековой Кабарды рассматривается в сравнении с культурой других народов Северного Кавказа, из которых наиболее близки к кабардинцам по основным элементам материальной и духовной культуры балкарцы и карачаевцы. Этнической интерпретации трупосожжений конца VIII — начала IX в. в районе Новороссийска — Геленджика был посвящен доклад А. В. Дмитриева (Новороссийск). Докладчик связывает этот погребальный обряд с проникновением группы тюрок из Южной Сибири в VIII в. В. А. Петренко (Грозный) выступил с докладом «Погребальный обряд Ханкальского могильника как показатель его этнической принадлежности». Докладчиком прослежена эволюция погребального ритуала на протяжении нескольких столетий (V в. до н. э.— начало I в. н. э.); население, оставившее Ханкальский могильник, отождествляется с гаргареями Страбона, а изменения в материальной культуре аборигенов связываются с влиянием сарматов. С большим интересом был прослушан доклад Б. Техова (Цхинвали) «О культурных связях Северного Кавказа и Закавказья в древности». На обширном археологическом материале автор показал существование тесных и всесторонних культурно-экономических контактов между двумя регионами начиная с эпохи энеолита. В отдельные периоды истории они сопровождались и этническими связями. О другом направлении культурных связей аборигенов Северного Кавказа говорилось в докладе В. Я. Кияшко (Ростов-на-Дону) «Кавказские черты погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье». Автором выявлен ряд элементов погребального обряда и инвентаря в памятниках степного Предкавказья, свидетельствующих о влиянии горных районов края: захоронения в глубоких прямоугольных ямах, иногда с уступами вдоль стен и остатками деревянных и камышовых конструкций, западная ориентировка скорченных скелетов, частицы древесного угля, чернолощеная керамика с налепами и т. д.

В прениях по докладам второго дня приняли участие К. Ф. Смирнов, В. А. Кузнецов, В. И. Марковин, Н. В. Анфимов, В. И. Козенкова, М. Г. Магомедов, И. М. Чеченов, Х. Х. Биджиев, Н. А. Николаева, В. А. Сафронов, А. В. Дмитриев, Х. Х. Мамаев. Выступившие по докладам М. П. Абрамовой и В. Б. Ковалевской (К. Ф. Смирнов, В. А. Кузнецов, В. И. Марковин, Н. В. Анфимов, В. И. Козенкова, Х. Х. Биджиев) единодушно отметили актуальность вопроса об унификации терминологии классификации типов погребальных сооружений. Разделяя мнение М. П. Абрамовой о том, что форма погребального сооружения не может служить надежным этническим индикатором, К. Ф. Смирнов указал на неудачное отождествление терминов «катакомба» и «земляной склеп», а также на слишком прямолинейную критику докладчиком исследователей, считающих катакомбы привнесенными на Северный Кавказ ираноязычными сарматскими племенами. В. А. Кузнецов заметил, что прозвучавший в докладе В. Б. Ковалевской вывод о возможной принадлежности скальных катакомб тюркоязычным племенам — смелая мысль, однако она требует тщательной проверки. Учитывая этническую неоднородность населения Алании, В. А. Кузнецов указал на необходимость интенсифицировать изучение отдельных микрорайонов. По его мнению, рубежом, который мог разделять тюркоязычный и ираноязычный мир в Карачае, скорее всего было верховье Кубани. Это становится очевидным при картографировании эпиграфических данных: в районе западнее Кубани отчетливо прослеживается иранский пласт, а восточнее, по правобережью Кубани до Эльбруса, — тюркский. В. И. Козенкова, не отрицая в принципе гипотезу О. М. Давудова о появлении в Южном Дагестане грунтовых могил типа мугерганских из Закавказья, указала на неудачный подбор аналогий. Выступая по докладу М. Х. Багаева, В. И. Марковин и Х. Х. Мамаев упрекнули автора в чрезмерном увлечении лингвистическими данными и недостаточном использовании археологических материалов. При обсуждении доклада Х. Х. Биджиева В. А. Кузнецов и И. М. Чеченов выразили сомнение относительно существования на Хумаринском городище нижнего хронологического слоя IV—VII вв. и возможности отождествления самого памятника с древним Схимарисом. Н. В. Анфимов в своем выступлении по поводу доклада А. В. Дмитриева отметил, что докладчик привел убедительные доказательства о связи обряда трупосожжения конца VIII — начала IX в. в районе Геленджика с кочевниками Южной Сибири. Вместе с тем Н. В. Анфимов указал на необходимость более осторожного подхода к материалу, поскольку еще в V в. в данном районе у зихов начинает распространяться обряд кремации. Выступавшие отметили высокий уровень докладов Б. В. Техова и В. Я. Кияшко.

В последний день конференции было заслушано 15 докладов. Анализу северокавказской группы оленных камней посвятили свой доклад Д. Г. Савинов и Н. Л. Членова (Москва) — «Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии и вопрос об их культурно-этнической принадлежности». Намечая общие (для всего ареала) и специфические для данной группы черты оленных камней, Н. А. Членова отметила, что они должны быть связаны с памятниками каменномостско-березовскими и типа хут. Кубанского. Что же касается этнической принадлежности северокавказских оленных камней, то, по мнению авторов, она соответствует той же этнической основе, в которой они склонны видеть киммерийцев. С. Н. Кореневский (Москва) в докладе «Новые данные по металлообработке майкопской культуры» подробно остановился на результатах спектрального анализа новой группы майкопского металла. Полученные данные позволили докладчику сделать вывод о кавказском характере не только мышьяковистых бронз, как отмечалось ранее, но и мышьяково-никелевых. Наибольшая концентрация находок из этого металла для Кавказа в целом отмечается в майкопских памятниках Кабардино-Балкарии, что, по мнению докладчика, скорее всего объясняется близостью данного района к источникам меди с повышенным содержанием никеля. В заключение С. Н. Кореневский подчеркнул, что майкопские ремесленники вплоть до исчезновения майкопских памятников работали на кавказском сырье. В докладе М. В. Андреевой (Москва) «Об изображениях на серебряных сосудах из Большого Майкопского кургана» высказано предположение, что истоки майкопского художественного стиля перспективнее искать в Северной Месопотамии и прилегающих к ней восточносреднеземноморских областях, а не в шумерском искусстве III тысячелетия до н. э. В докладе «Периодизация и хронология раннего и начала среднебронзового века Северной Осетии» В. А. Сафронов (Москва), опираясь на стратиграфические данные, уточняет предложенную им ранее хронологическую систему для среднебронзового века Северного Кавказа. В тесной связи с предыдущим был доклад Н. А. Николаевой (Москва) «Культура шаровидных амфор на территории Северной Осетии». Докладчик связывает появление на Северном Кавказе так называемых амфор с движением культуры шаровидных амфор с территории Польши и Западной Украины на юг во второй половине III тысячелетия до н. э. Время существования этой культуры в ее северокавказском варианте определяется XXI—XVII вв. до н. э. Ряд докладов был посвящен результатам археологических раскопок. В. Х. Тменов (Орджоникидзе) рассказал о последних раскопках в Северной Осетии. Раскопками выявлены: два погребения с типичным для II этапа северокавказской культуры материалом, каменный ящик с разнообразным инвентарем, обнаруживающим близость с памятниками восточного варианта кобанской культуры на II этапе ее развития, и захоронение

рубежа нашей эры с характерным материалом сарматских погребений. В совместном докладе Л. Г. Нечаевой, В. В. Кривицкого и Н. Л. Членовой (Ленинград, Москва) речь шла о помещении для кремации могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии. Судя по остаткам кальцинированных костей, в нем было сожжено не менее 50 умерших. Обнаружен довольно разнообразный инвентарь — керамика, украшения и оружие. А. П. Рунич (Пятигорск) сообщил об открытых в 1976 г. катакомбных могильниках II—IV вв. в Кисловодске и IV—VIII вв. на западном склоне Рим-Горы. В сообщении М. Н. Ложкина (ст. Отрадная) рассматривались материалы недавно открытых погребений с деформированными черепами в верховьях бассейна Кубани. В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) в докладе «К вопросу о раннесредневековом жилище Северного Кавказа» выступил с новой интерпретацией каменной постройки в «Мокрой балке», ранее считавшейся им святилищем огня типа айадана. Произведенное доследование позволило В. А. Кузнецову пересмотреть свое предположение и отнести это здание к типу небольшого жилища, принадлежавшего воину-всаднику. Своеобразное расположение открытого очага в центре помещения напоминает план кочевнической юрты. О. Х. Бгажба (Сухуми), опираясь на металлографический анализ свыше 200 изделий, продемонстрировал интересные данные по истории металлообработки на Черноморском побережье Кавказа с VII в. до н. э. до позднего средневековья. Хронологии раннесредневековых катакомбных могильников Чечено-Ингушетии был посвящен доклад Х. М. Мамаева (Грозный). Анализ погребального инвентаря позволил автору создать дробную хронологическую классификацию для новых, а также уточнить традиционные датировки известных катакомбных могильников Чечено-Ингушетии. Раскопкам позднесредневековых (XIV—XVI вв.) курганов в урочище Байтал-Чапкан и наскальным рисункам VI—VIII вв., обнаруженным в Урупском районе Карачаево-Черкесии, было посвящено выступление Г. Х.-У. Теккеева (Черкесск). М. Б. Мужухоев (Грозный), касаясь вопроса датировки циклопических сооружений Чечено-Ингушетии, отметил, что данные памятники имеют ряд признаков, указывающих на их разновременность. Докладчик указал, что пока трудно говорить о конкретной датировке памятников. Типологической классификации деревянной посуды из позднесредневековых склепов Малхисты и Майсты (Чечено-Ингушетия) и их интерпретации был посвящен доклад Р. А. Даутовой (Грозный). Технология изготовления деревянной посуды зависит от формы: предметы, обладающие стандартными симметричными формами, выточены на токарном станке, а посуда, имеющая более сложную форму, сделана вручную. Различная техника изготовления этой посуды, по мнению докладчика, не является хронологическим показателем. Р. А. Даутова отметила, что стандартизация и массовость отдельных категорий посуды позволяет ставить вопрос о существовании специализированного ремесленного производства расцвет которого падает на XV—XVI вв.

В обсуждении докладов последнего дня участвовали В. М. Батчаев, М. Г. Магомедов, В. Б. Ковалевская, Н. В. Анфимов, И. М. Мизиев, В. И. Козенкова, Х. Х. Биджиев, В. А. Кузнецов, Н. Л. Членова, В. А. Сафронов, М. Н. Ложкин, М. Б. Мужухоев, В. И. Марковин, В. А. Петренко, Р. Ж. Бетрозов, С. Н. Кореневский. В. М. Батчаев, выступивший по докладу Д. Г. Савинова и Н. Л. Членовой, указал на несоответствие интерпретации оленных камней Восточной Европы как киммерийских с датировкой всех этих памятников временем скифской гегемонии (VII в. до н. э.). Он склонен допустить принадлежность оленных камней ранним скифам (VIII—VII вв. до н. э.), отмечая вместе с тем недостаточную изученность памятников, особенно в их исходном ареале — Монголии и Южной Сибири. Н. В. Анфимов и В. И. Козенкова, положительно оценив основную идею доклада, вместе с тем решительно возразили против объединения таких могильников, как Николаевский и Кубанский, в одну группу с каменномостско-березовскими. По мнению Н. В. Анфимова, Николаевский и Кубанский могильники являются протомеотскими и нет никаких оснований приписывать их киммерийцам. В ответном выступлении Н. Л. Членова не согласилась с мнением В. М. Батчаева о возможности интерпретировать северокавказские оленные камни как раннескифские. Она указала на существенное отличие скифского оружия от тех изображений, которые имеются на оленных камнях. При обсуждении доклада Н. А. Николаевой А. В. Дмитриев, В. А. Кузнецов, Н. В. Анфимов, И. М. Чеченов выразили серьезные сомнения в правильности терминологических определений, прозвучавших в докладе. В. И. Козенкова обратила внимание докладчика на недостаточность использованных материалов и излишнюю прямолинейность выводов. Р. Ж. Бетрозов и В. И. Козенкова, касаясь докладов С. Н. Кореиского и М. В. Андреевой, указали на интересную постановку вопросов и перспективность дальнейшего исследования в этих направлениях. Выступавшие по докладу В. А. Кузнецова (М. Г. Магомедов, Х. Х. Биджиев, М. Б. Мужухоев) положительно приняли новую трактовку объекта в «Мокрой балке» и признали интересным вывод докладчика о наличии в Западной Алании двух традиций организации интерьера жилищ — местной и кочевнической. В. А. Сафронов, касаясь доклада С. Н. Кореневского, указал, что предложенный им тезис заставляет отказаться от общепринятого мнения Е. Н. Черных о привозном характере майкопского металла, и упрекнул автора в чрезмерной категоричности выводов. В. Б. Ковалевская, М. Г. Магомедов, И. М. Мизиев обратили внимание на исключительно интересный материал, продемонстрированный М. Н. Ложкиным. М. Б. Мужухоев, выступая по

поводу доклада Р. А. Даутовой, отметил, что, по его мнению, деревянная посуда ручной и токарной работы все же может служить хронологическим показателем, поскольку в склепах с ярусами посуда, вырезанная вручную, встречается в нижних ярусах, а токарная — в верхних. В. И. Марковин коснулся доклада М. Б. Мужухоева и рекомендовал автору привлекать более широкие аналогии, в первую очередь закавказские материалы. В. А. Петренко выразил сомнение относительно предположения М. Б. Мужухоева о связи древних склепов с циклопическими сооружениями.

Подводя итоги проделанной работе, председатель оргкомитета Крупновских чтений В. А. Кузнецов отметил ценность большей части представленных докладов, а также выразил пожелание, чтобы и предь выносились на обсуждение малоразработанные и актуальные вопросы местной истории. В будущем предстоит устранить и определенные пробелы, такие, как слабое вовлечение в работу конференции специалистов по каменному веку, недостаточно полное освещение этнокультурных связей аборигенов Северного Кавказа с населением Предкавказской степи (особенно в эпоху средневековья) и т. д.

Следующие, IX Крупновские чтения по теме «Проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа и Предкавказья» решено провести в г. Элисте.

В. М. Батчаев, Б. М. Керефов

ПАМЯТИ ОТТО НИКОЛАЕВИЧА БАДЕРА

Советская археологическая наука понесла тяжелую утрату: скончался Отто Николаевич Бадер — один из крупнейших исследователей памятников древнейшей истории СССР, широко известный не только в нашей стране, но и за рубежом.

О. Н. Бадер родился в 1903 г. в Полтавской губернии. Его отец был лесничим. Юношеские годы Отто Николаевича прошли в Смоленской губернии около г. Белого. В 1922—1926 гг. он учился в Московском университете. Еще до окончания университета, с 1924 г. Отто Николаевич заведует археологическим отделом Музея Центрально-Промышленной области в Москве, затем работает научным сотрудником, а с 1931 г. ученым секретарем Института антропологии МГУ. Параллельно в 1927—1930 гг. он работает в Музейном отделе Главнауки Наркомата просвещения в качестве специалиста по археологии. С 1933 г. О. Н. Бадер становится старшим научным сотрудником Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры, где с 1939 г. назначается ученым секретарем. В 1937 г. ему присвоена ученая степень кандидата исторических наук по совокупности работ.

Великая Отечественная война прервала научную работу Отто Николаевича. В дни опасности, нависшей над Москвой, он вступает в ряды народного ополчения. В дальнейшем он работает в краеведческом музее Нижнего Тагила, а с 1946 г. становится доцентом Пермского университета. В 1955 г. О. Н. Бадер возвращается в Москву и продолжает работу в Институте археологии АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. В 1964 г. он защищает докторскую диссертацию «Древнейшая история Прикамья».

Интересы Отто Николаевича в археологии, как и его научная продукция, чрезвычайно велики. Он занимался проблематикой многих периодов первобытной истории — от палеолита до эпохи раннего железа в ряде районов СССР: в Крыму, на Урале, в Верхнем и Среднем Поволжье, на Оке.

В области изучения палеолита одним из крупнейших достижений О. Н. Бадера было обследование и раскопки ряда стоянок Крыма, в том числе мустьерской стоянки Волчий грот. На основании этих работ исследователь приступает к созданию первой периодизации мустьерских поселений Крыма. Несколько статей Отто Николаевича посвящено проблемам антропогенеза на материале палеоантропологических местонахождений близ Хвалынска и на р. Сходне. Он исследовал стоянку им. Талицкого на р. Чусовой и открыл большую группу палеолитических пещер Урала. Мировую известность принесли Отто Николаевичу открытия на палеолитической стоянке Сунгирь, которые опубликованы в ряде работ, в том числе в двух монографиях. О. Н. Бадер — один из основных авторов книги «Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь», им написана монография «Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка» (1978). Не менее известны работы в Каповой пещере, где Отто Николаевич детально исследовал древнейшие на территории СССР великолепные наскальные рисунки. Несколько работ О. Н. Бадера посвящено проблемам расселения человека в палеолите.

Отто Николаевич был одним из пионеров исследования мезолита в нашей стране. Он изучал мезолитические памятники Крыма, одним из первых начал раскопки мезолитических поселений Верхнего Поволжья. Им впервые были выделены и исследованы мезолитические памятники Прикамья. Неолитические памятники изучались Отто Николаевичем в Крыму, на Оке, на Верхней Волге, на Урале. Им посвящен ряд фундаментальных исследований ученого.

Огромен вклад О. Н. Бадера в изучение бронзового века нашей страны. Им раскопаны многие поселения и могильники фатьяновской культуры и культур, впервые выделенных им самим: поздняковской и турбинской. Результатом его работ по изучению бронзового века явились монографии: «Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье» (1961), «Балановский могильник» (1963), «Древнейшие металлурги Приуралья» (1964), «Бассейн Оки в эпоху бронзы» (1970).

В области раннего железного века О. Н. Бадером изучались памятники дьяковской, ананьинской и других культур. Ряд статей он посвятил и более поздним археологическим памятникам.

Отто Николаевич был неутомимым полевым исследователем, крупным знатоком полевой методики. Собранные им материалы к археологической карте Московской области не потеряли значения до сих пор. В течение многих лет он возглавлял несколько крупных экспедиций, в том числе и те, что проводились на новостройках: на канале им. Москвы, на строительстве Камской, Воткинской и Нижнекамской ГЭС.

О. Н. Бадеру принадлежат крупные заслуги в области организации археологической науки. Еще в 20-х годах он организовал археологические отделы в нескольких периферийных музеях; им создан археологический музей Пермского университета. Он был инициатором созыва Уральских археологических совещаний, одним из создателей Уральской четвертичной комиссии. Благодаря его энергии и настойчивости сооружается музей на палеолитической стоянке Сунгирь. Отто Николаевич был заместителем председателя Научно-методического совета по охране памятников истории и культуры при Министерстве культуры СССР, членом Четвертичной комиссии Отделения наук о земле АН СССР, Уральской археологической комиссии, советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода и т. д. Он был

избран членом ряда иностранных археологических институтов и обществ. Много сил О. Н. Бадер отдавал работе в редколлегии журнала «Советская археология», членом которой он был в течение многих лет.

Отто Николаевич вел непрерывную педагогическую деятельность, преподавал в Московском и Пермском университетах. Его ученики плодотворно работают в научных учреждениях и вузах Москвы, Ленинграда, Киева, Перми, Петрозаводска, Свердловска, Горького, Ижевска, Бийска и других городов.

О. Н. Бадер был неутомимым популяризатором археологии. Им прочитано множество лекций, написаны многочисленные научно-популярные статьи. Он один из авторов книги «На заре истории Прикамья» (1958).

Каждый из работавших рядом с Отто Николаевичем знал его и как обаятельного человека, и как принципиального ученого, отстаивавшего свои позиции при уверенности в своей правоте и не стеснявшегося отказываться от устаревших воззрений, и как отзывчивого педагога, всегда находившего время помочь советом. Память об Отто Николаевиче будет долго жить в сердцах советских археологов.

Л. В. Кольцов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки Московского археологического общества
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АП — Археологічні пам'ятки. Київ
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АС — Археологический съезд
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I. М., 1952. Т. II, 1958. Т. III, 1964
АФЗиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. II. М., 1954
БАН — Библиотека АН СССР. Ленинград
ВВ — Византийский временник
Вестн. МГУ — Вестник Московского государственного университета
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ДГС — Древности Геродотовой Скифии. СПб., вып. I, 1866; вып. II, 1872
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.— Л., 1950
ДП — Ханенко Б. И. и В. Н. Древности Приднепровья. Киев
ЗИКМ — Запорожский историко-краеведческий музей
ЗМАИ — Записки Московского археологического института
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИЗ АН УССР — Институт зоологии АН УССР
ИМФАН — Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев
ИРОМК — Известия Ростовского областного музея краеведения
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛО ИВ АН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАР — Материалы по археологии России
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття и Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОКМ — Московский областной краеведческий музей
МЮТАКЭ — Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ПВЛ — Повесть Временных лет
ПКМГ — Писцовые книги Московского государства, ч. I. СПб., 1872
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПЭБ — Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР
САИ — Свод археологических источников
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
Смела — Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ м. Смелы. СПб.
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
Тр. КРКМ — Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея. Элиста
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ХГЗЗК — Хортицкий Государственный заповедник Запорожского казачества
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М.
ЭВ — Эпиграфика Востока
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AP — Archeologia Polski. Wrocław — Warsawa — Kraków
AR — Arheologické rozhledy
Ath. Mitt.— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
BCH — Bulletin de Correspondance Hellenique. Paris
DisArch — Dissertationes Archaeologicae. Budapest
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
IOSPE — Latyschev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
JAOS — Journal of the American Oriental Society
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti
STA — Studia Archaeologica. Budapest